Свт. Димитрий Ростовский

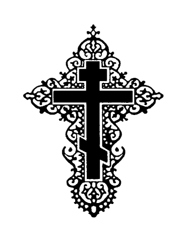
Жития святых

XII

август

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

АВГУСТ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга двенадцатая. Август. — М.: «Ковчег», 2010. — 688 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-161-5

Подписано в печать 01.04.10. Формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 43 п. л. Усл. печ. л. 55,47.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз.
Заказ № 1656.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

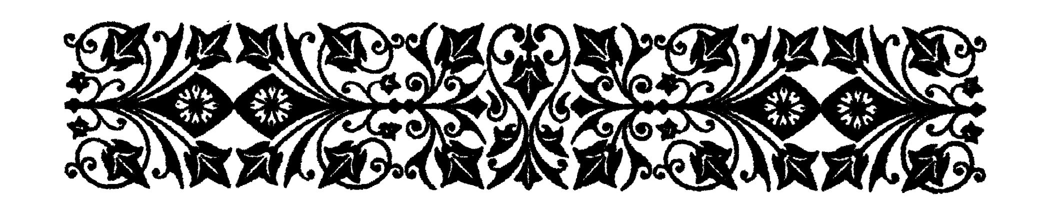
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо честѝ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.



День первый

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Праздник изнесения честного Креста установлен в Греции в день первого августа Константинопольским патриархом Лукою[1] при царе Мануиле[2], а в России — митрополитом Киевским Константином[3] и Нестором, епископом Ростовским[4], при великом князе Андрее Юрьевиче[5]. Причина его установления была следующая. Царю

[1] *Лука Хрисоверг* — патриарх Константинопольский с 1156-го по 1169 год.

[2] *Мануил Комнен* — греческий император с 1143-го по 1180 год.

[3] *Константин II, митрополит Киевский*, прибыл в Киев из Греции в 1167 году; упоминается в летописи еще под 1169 годом.

[4] *Нестор* — шестой епископ Ростовской епархии, упоминается летописью под 1149 годом; в 1156 году Нестор, оклеветанный пред митрополитом своими домашними, подпал запрещению; в 1157 году он оправдался пред митрополитом, но в том же году из-за споров о посте в среду и пяток изгнан был с кафедры Андреем Боголюбским.

[5] *Андрей Боголюбский* — сын великого князя Юрия Владимировича и внук славного Владимира Мономаха — родился, вероятно, в 1111 году. По достижении совершеннолетия Андрей Боголюбский получил «для кормления» город Владимир на Клязьме, и с этого времени начинается его деятельность по устроению обширного и почти незаселенного края северо-восточной Руси, в который начался прилив поселенцев с юга. Он принимал участие и в ратных предприятиях своего отца на юге России, оказывая мужество и храбрость, хотя, по выражению летописца, и «не величав был на ратный чин», но вообще он не любил южной Руси и поэтому в 1165 году тайно ушел от отца, взяв с собою из Вышгорода (близ Киева), где жил, чудотворную икону Божьей Матери, ставшую впоследствии славною святынею северной Руси. Летописец так объясняет этот уход Андрея Боголюбского:

Мануилу и князю Андрею, находившимся между собою в мире и братской любви, случилось в один и тот же день выйти на войну: первому — из Константинополя на сарацинов[1], и второму — из Ростова на болгар. (Великий князь жил в то время в Ростове: болгарами же назывались язычники, обитавшие на низовьях Волги, от-

---

«Князь... смущашеся о нестроении братии своей и братанников и сродников и всего племени своего, яко всегда в мятении и волнении все яко и мнози крови лияше, — скорбяше о сем... и восхоте ити на великокняжение в Суздаль и Ростов, яко там, рече, спокойне есть». Когда Андрей Боголюбский, покинувший юг, «был уже на берегах Клязьмы, — говорит описатель его жития, — кони, везшие чудотворную икону Богоматери, вдруг остановились и не могли сдвинуть с места колесницы. Благоверный князь Андрей счел это за тайное извещение Божие, совершил здесь молебствие пред чудотворной иконой и дал обет соорудить тут церковь. Настала ночь, и князь решил переночевать. Он долго молился — и вот во время сна явилась ему Пресвятая Дева с хартиею в руке и сказала: „Не хочу, чтобы ты нес образ Мой в Ростов. Поставь его во Владимире, а на этом месте воздвигни церковь каменную во имя рождества Моего и устрой обитель инокам“. Восстав от сна, князь повелел написать икону Божией Матери в том виде, как Она явилась ему с хартиею в руке. Впоследствии он построил церковь и основал монастырь на месте явления, который доселе существует и называется Боголюбским... Андрей вскоре же построил тут и город и прозвал его, как место, избранное Самим Богом, Боголюбовым». Отсюда и наименование князя Андрея Боголюбским. В 1157 году умер отец Андрея Боголюбского, и он, как «старейший» сын, был избран ростовцами и суздальцами и посажен на отеческом великокняжеском «столе» в Ростове; но Андрей не остался здесь и избрал себе столицею любимый Владимир. Наступил расцвет его деятельности. Он принимал и устроял переселенцев, оберегая их от монголов, болгар и от раннейших поселенцев, заботился об объединении разноплеменного населения северо-восточной Руси и о просвещении ее светом христианства; строил города и храмы; с особенным великолепием отстраивал он свою новую столицу Владимир на Клязьме. Во Владимире он воздвиг такой храм, «каких, по словам летописца, никогда не бывало на Руси и никогда не будет». Эта созидательная деятельность дала Андрею Боголюбскому право заявить на собрании князей и бояр во Владимире (в 1162 г.): «Я Белую Русь городами и селами застроил и многолюдную учинил». И современники дивились его деятельности: «Мужество и ум в нем жили, — говорит современник-летописец, — правда и истина в нем ходили; вторым мудрым Соломоном был он». Святой Андрей Боголюбский был убит 30 июня 1175 года. — *Местное* почитание его во Владимире началось тотчас по его кончине, но потом прекратилось и снова возобновилось в 1702 году, когда были открыты его мощи.

[1] *Сарацины* — мусульмане.

сюда они получили и свое наименование.) Господь Бог даровал им полную победу над врагами: царь греческий одолел сарацин[1], а князь Андрей Боголюбский победил болгар и покорил их себе, обратив в своих данников. — Когда Андрей шел на войну, то имел обычай брать с собою икону Пресвятой Богородицы, держащей на руках Предвечного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, и изображение честного Креста Христова, который носили среди войска два иерея. Перед самым выступлением он возносил ко Христу и Богоматери усердные слезные молитвы и приобщался Божественных Таин Христовых. Этим непобедимым оружием он вооружался более, нежели мечами и копьями, и на помощь Вышнего надеялся более, нежели на храбрость и численность своего войска, хорошо зная изречение Давида: *Не на силу коня смотрит Он, не к [быстроте] ног человеческих благоволит, — благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его* (Пс. 146, 10–11). Своих воинов князь также побуждал к молитвам и примером собственных благоговейных молитв, и прямым повелением, и все, пав на колени, со слезами молились пред иконою Пречистой Богородицы и честны́м Крестом Христовым. Великий же князь, взирая на икону, так говорил в своей молитве:

— О Владычице, родившая Христа Бога нашего! Всякий, надеющийся на Тебя, не погибнет, и я, раб Твой, по милости Божией,

---

[1] Ясных указаний на праздник Всемилостивому Спасу и Пречистой Богоматери по случаю победы над сарацинами императора Мануила нет ни у греческих историков, ни в богослужебных греческих книгах. Но в истории императора Мануила, ведшего немало войн с разными народами, находятся случаи, которые должны были возбуждать царя к особенному благодарению Бога за успешное окончание войны и избавление от опасностей. Здесь обращает на себя внимание жестокая война у царя Мануила с турецким султаном или сарацинами. Сам царь начальствовал над войском, неоднократно подвергаясь чрезвычайным опасностям. Правда, победа досталась врагу, но самое спасение царя поистине было чудом милости Божией. Это было в сентябре, поход же, конечно, начался ранее, в августе. После этой войны у греков было два удачных сражения с сарацинами, и одна из них — под предводительством самого царя. Эти события в соединении с известием из России о помощи Божией в войне против болгар и могли расположить царя Мануила к установлению Спасу общего христианского праздника, начало которому уже было положено в Царьграде освящением воды 1 августа. Но службы Спасу в греческих памятниках агиологии не найдено доселе.

имею в Тебе стену и покров и — Крест Сына Твоего — как оружие обоюдоострое на врагов. Умоли Спасителя мира, Которого держишь на руках Своих, чтобы сила крестная была, как огонь, попаляющий врагов, хотящих вступить в брань с нами, и Твое всесильное предстательство да поможет нам одолеть их.

После усердной молитвы все лобызали святую икону и честны́й Крест и безбоязненно шли на врагов: Господь содействовал им силою крестною, и Пречистая Богородица оказывала им помощь, ходатайствуя за них пред Богом. Постоянно держась такого обычая пред каждым сражением, великий князь не изменил ему и пред битвою против болгар: он вышел, имея, подобно царю Константину[1] в древние времена, впереди войска Крест Господень. Выступив на поле, после сражения с болгарами, русская рать обратила последних в бегство и, преследуя их, захватила пять городов; в числе их был и город Бряхимов на реке Каме. Когда же возвратились после битвы с неверными в свой стан, то увидели, что от иконы Богоматери с Младенцем-Христом исходят светлые, подобные огненным, лучи, осиявающие все войско; это было в первый день августа месяца. Дивное зрелище еще более возбудило в великом князе дух мужества и надежды, и он снова обратил свои полки в погоню за болгарами; он сжег большинство городов их, положив на уцелевшие дань, и опустошил всю землю; после этой победы великий князь возвратился с торжеством домой. — Греческий царь Мануил, вышедший со своим войском против сарацин, в тот же именно день видел также подобное чудо, — исхождение от находившейся вместе с честны́м Крестом среди войска иконы Пречистой Богородицы со Спасителем лучей, осеняющих весь полк, и в этот день он победил сарацин.

Царь и князь сообщили, воздавая славу Богу, особыми посланиями друг другу об одержанных с помощью Божиею победах и о чудесном сиянии, исходившем от иконы Спасителя. По совещании со старейшими епископами, в знак благодарения Христу Спасителю и Его Пречистой Матери, они установили праздник в первый день августа. В воспоминание же силы крестной, вооружившись которой они победили врагов, повелели износить священнику из алтаря

[1] *Святой Константин равноапостольный*, память его — 21 мая.

честны́й Крест и полагать его среди церкви для поклонения и лобызания его христианами и для прославления распятого на кресте Господа Иисуса Христа. Кроме того, епископы повелели совершать в этот день освящение воды, отчего и праздник получил свое название — изнесения честного Креста, потому что честны́й Крест торжественно вместе с другими святыми иконами выносится на реки, колодези и источники. — Празднуем, братие, воздавая хвалу и благодарение всесильному Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, Владычице Богородице, благоговейно почитая и честны́й Крест Христов; но празднуем с благоговением, благоугождая Богу, пребывая между собою в мире и любви, оказывая дела благотворения и удаляясь, памятуя страх Божий, от грехов, чтобы, угодив Создателю нашему и Владыке, удостоились вечного празднования со всеми святыми после того дня, когда явится знамение Сына Человеческого на небеси (см.: Мф. 21, 30), — честны́й Крест Христов, предыдущий пришествию Судии живых и мертвых, грядущему с силою и славою многою, и осияет всех праведных светлыми и радостными лучами. По совершении же суда, предыдет всем святым, предводя их в Царство небесное, и будут блаженствовать все святые, радуясь бесконечные веки; к ним, по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы, да причтет и нас грешных всемилостивый Спас наш Христос[1]. Аминь.

---

[1] Становясь на строго определенную историческую почву, до́лжно заметить, что 1 августа Православною Церковью совершаются два торжества, различных по своему происхождению: 1) *происхождение честного и животворящего Креста Господня* и 2) *празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице*. В греческом часослове, изд. 1897 года, так объясняется происхождение первого праздника: «По причине болезней, весьма часто бывавших в августе, издревле утвердился в Константинополе обычай износить честное древо Креста на дороги и улицы для освящения мест и в отвращение болезней. Накануне (31 июля), износя его из царской сокровищницы, полагали на святой трапезе великой церкви (то есть святой Софии). С настоящего дня и далее до Успения Богородицы, творя литии по всему городу, предлагали его потом народу для поклонения. Это и есть предысхождение (πρόοδος) честного Креста». 14 августа Крест снова возвращался в царские палаты. «Этот обычай в соединении с другим обычаем Константинополя — освящать в придворной Константинопольской церкви воду первого числа каждого месяца (исключая январь, когда освящение совершается 6-го числа, и сентябрь, когда оно совершалось 14-го) и послужил основанием праздника в честь святого и животворящего Креста и торжественного освящения воды на источниках, которое со-

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕЛЕАЗАРА священника, семи братьев МАККАВЕЕВ, матери их СОЛОМОНИИ
И ИНЫХ С НИМИ

Прежде чем начать повествование о страданиях святых мучеников, имена которых здесь, на земле, записаны в «Книгах Маккавейских», а на небе — в книгах жизни вечной, уместно, в виде краткого предисловия, предварительно сообщить о бывших в те годы смутах в Иерусалиме[1] и о гонениях на благочестивых иудеев, соблюдавших закон Божий; те и другие сначала возбудили сами лживые законоучители и властолюбивые первосвященники иерусалимские. Когда же, по попущению разгневанного Господа, иудеи подпали под власть языческих народов, то эти смуты и гонения

вершается 1 августа». Уже в IX веке существовал этот обычай изношения честного древа из царских палат в церковь святой Софии пред 1 августа; канон же на предпразднство Креста 31 июля, написанный для настоящего случая (канон начинается словами: Крест *предгрядый* Божественный), приписывается Георгию, епископу Амастридскому, жившему в VIII веке и дважды бывшему в Царьграде. В Обряднике императора Константина Порфирородного (912–959 гг.) находятся подробные правила, когда выносить Крест из палаты пред 1 августа, смотря по тому, на какой день недели падает это число. В России до конца XIV и начала XV века, когда господствовал Студийский устав, ни 31 июля, ни 1 августа не было никакой службы Кресту, которая появляется в XIV—XV веках с введением Иерусалимского устава. *Празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице* установлено в Греции и России около 1168 года в память знамений от честны́х икон Спасителя и Богоматери во время сражений греческого царя Мануила (1143–1180 гг. с сарацинами) и князя русского Андрея Боголюбского с болгарами в 1164 году.

[1] *Иерусалим* — главный город древней Палестины, ныне областной город Дамасского вилайета (генерал-губернаторства) в Сирии (в Турецкой империи) у ручья Кедрона на склонах трех отрогов иудейских гор — Акра, Сион и Мориа. Иерусалим дорог каждому христианину как центр исторических событий ветхозаветной и новозаветной истории, как матерь церквей христианских, откуда слово благовестия пронеслось по всей вселенной.

усилились до такой степени, что святой город исполнился крови и святыня Божия — мерзости.

Первое великое и страшное разрушение Иерусалима, произведенное Вавилонским царем Навуходоносором, было во дни царя иудейского Седекии, о чем сообщается в житии святого пророка Иеремии[1] и в житии святого пророка Иезекииля[2]. Спустя семьдесят лет после этого разорения иудеи, по милосердию Божию, избавились от плена и возвратились в Иерусалим; во святом городе снова возникли прекрасные здания, и вновь построенный храм Божий, подобно первому, был благолепно украшен; эта история возвращения из плена, обновления Иерусалима и храма подробно излагается в книгах Ездры и Неемии. Число людей Божиих быстро увеличивалось: они скоро расселились по Палестине в том же порядке и почти в том же количестве, как и прежде; святой город, верный закону Божию, долгое время процветал в благочестии, наслаждаясь спокойствием под управлением своих первосвященников-князей. Он пользовался славою и уважением ото всех, хотя и находился под властью языческих царей. Многие языческие цари и князья, будучи идолопоклонниками, чтили, однако, Бога Израилева и посылали в Иерусалим храму Господню дары (см.: 2 Макк. 3, 2); они с особенным уважением относились и к первосвященникам; например, Александр, царь Македонский, увидев вышедшего ему навстречу первосвященника Адду, поклонился ему до земли; войдя же в Иерусалим и храм Божий, он принес дары и жертвы Господу Саваофу. Подобным образом поступали и другие языческие цари. Царь египетский Птоломей Филадельф послал множество даров в Иерусалим храму Господню и написал первосвященнику Елеазару, прося его прислать книги святого

[1] См. житие 1 мая.

[2] См. житие 21 июля.

Писания и сведущих мужей, которые бы могли их перевести с еврейского языка на греческий; преемник Птоломея Филадельфа Птоломей Филопатор, победив Сирийского царя Антиоха Великого, пришел в Иудею и в Иерусалиме, в храме Господнем, принес благодарственную жертву единому истинному Богу. Также и Антиох Великий, победив в свою очередь египтян, пришел в Иерусалим, чтобы поклониться истинному Богу; во святом храме он принес множество жертв с благодарственными молитвами и цедро одарил первосвященника и других начальников иудейских. В таком уважении находился Иерусалим и храм Божий у язычников; об этом упоминает и святое Писание, когда говорит, что сами цари почитали место и прославляли церковь великими дарами (ср.: 2 Макк. 3, 2). Подобное отношение со стороны язычников к Иерусалиму продолжалось до тех пор, пока начальники его, пребывая в страхе Божием, соблюдали закон Господень, ведя богоугодную жизнь; когда же они забыли закон Божий, то на них, как и прежде, обрушились многочисленные бедствия. Началом их послужило следующее обстоятельство.

Во дни праведного первосвященника Симона, восхваляемого в книге Иисуса, сына Сирахова (50, 1), когда в Азии и Сирии царствовал Селевк, сын Антиоха Великого, был в Иерусалиме некоторый муж по имени Симон, происходивший из колена Вениаминова; ему поручено было заведование сокровищами храма, управление слугами церковными и начальство над воинами, составлявшими церковную стражу. Из гордости и ненависти он всегда оказывал сопротивление первосвященнику и производил смуты в народе; не вынося угроз и увещаний, которые первосвященник часто бывал вынужден ему делать, Симон задумал учинить зло не только последнему, но и всей церкви. С этой целью он пошел к военачальнику Сирии и Финикии Аполлонию и сообщил ему о сокровищах церковных: Симон сказал, что в хранилищах при храме находятся бесчисленные богатства, где вместе с сокровищами церковными хранятся безмерные сокровища, принадлежащие всему народу, при этом он добавил, что все эти богатства могут перейти в руки царя (см.: 2 Макк. 3, 5–6). Аполлоний передал сообщение Симона царю, отличавшемуся своим корыстолюбием. Последний тотчас же послал в Иерусалим с войском хранителя царских сокровищ Илиодора, чтобы вывезти упомя-

нутые сокровища в царское хранилище. Когда Илиодор, по прибытии в Иерусалим, начал отбирать церковные богатства и грабить деньги, собранные и хранимые для пропитания нищих и странников, вдов и сирот, то его, как подробно сообщает это третья глава второй книги Маккавейской, постигло наказание Божие: он подвергся такому жестокому бичеванию со стороны Ангелов, что чуть не умер, и, поэтому, принужден был возвратиться к царю, не исполнив его приказания. Вскоре после этого царь Селевк был убит своими приближенными; ему наследовал его родной брат Антиох, прозванный Епифаном, то есть светлым; он отличался еще большею испорченностью, чем его предшественник. Некоторые чаще называли Антиоха Епимином, то есть безумным: он безумно восстал на истинного Бога и на храм Его, являя собою образ будущего антихриста[1]. В Иерусалиме возникли большие смуты. Брат первосвящен-

---

[1] *Антиох IV Епифан*, царь Сирийский с 176 по 164 год до Рождества Христова, захвативший престол после смерти своего брата, отличался непомерной гордостью (2 Макк. 5, 21; 9, 8); он называл себя Богом и принял прозвание Олимпийского Зевса; он повелел, чтобы все его подданные поклонялись одному только богу — Олимпийскому Зевсу, с которым он отождествлял себя; то есть Антиох в действительности приказал поклоняться себе как Богу (2 Макк. 6, 7). Среди иудеев находились люди, склонные к язычеству в греческой форме; они представляли собой особую партию в Иерусалиме, которая находила поддержку у Антиоха (1 Макк. 1, 11–15). В 175 году благочестивого первосвященника Онию низвергнул брат его Иисус, переменивший свое имя на греческое Иасон, купивший у Антиоха сан первосвященника и получивший позволение ввести греческие игры, что еще более увеличило число изменников истинной религии и веры. Спустя три года Иасона низвергнул Менелай, предложивший большую цену за должность первосвященника, которую он удерживал самыми низкими способами: так, Менелай убил Онию (2 Макк. 4, 23–50). Антиох предпринял поход на Египет и уже рассчитывал всецело покорить его, но был остановлен слухами о нападении римлян (в 168 г.). Между первым и вторым походами на Египет Антиох ограбил храм Иерусалимский (1 Макк. 1, 21), а при окончательном возвращении из Египта он приказал отменить поклонение Иегове, обрезание, почитание субботы и различие между чистым и нечистым; священные книги он велел сжечь; велел воздвигнуть алтари, на которых, под угрозой смерти, всякий должен был приносить жертвы Олимпийскому Зевсу (1 Макк. 1, 41; 2 Макк. 5, 24); 15 Киселева в 168 году в храме был поставлен жертвенник Олимпийскому Зевсу (2 Макк. 6, 2; 1 Макк. 1, 54) и 25 Киселева совершено было первое жертвоприношение, на горе Гаризим установлено было поклонение Зевсу Ксению (2 Макк. 6, 2). Но многие оставались преданными своей вере, невзирая на ужасные пытки (1 Макк. 1, 52, 64;

ника Онии, Иасон, желая получить священноначалие, пошел к царю и купил у него сан первосвященника за большое количество денег. Желая угодить царю, этот недостойный властолюбец выразил пред ним свою любовь к эллинским[1] гражданским законам, нравам и обычаям и обещался вводить их среди евреев: получив за свои деньги и обещания власть первосвященника, Иасон лишил ее своего брата, святого Онию, и начал на место существовавших у евреев добрых гражданских законов вводить языческие беззакония. При подошве горы Сиона он устроил места для зрелищ, училища, в которых проходились греческие философские учения, устроил и палестры для игр юношей; Иасон завел даже, вопреки прямому запрещению закона, во святом городе блудилищные дома, где безнаказанно совершалось прелюбодеяние; эти непотребные дома посещались главным образом юношами, обучавшимися эллинским искусствам. Введя нечестие эллинское в Иерусалиме, Иасон многих отвратил от истинного богопочтения, так что даже священники оставляли храм Божий для зрелищ, бегов, борьбы и других игрищ и бесчиний языческих (см.: Макк. 4, 7–14); еще более ими увлекались люди юные и нетвердые в законе: они восхваляли эллинские законы и обычаи и, забывая закон Божий, легко склонялись к нечестию. Люди же твердые в законе и истинно-благочестивые, видя совершающиеся в Иеруса-

---

2 Макк. 6, 7). Во главе верных стал священник Маттафия. В Модине, близ Иоппии, он убил сирийского начальника пред языческим жертвенником, и началось вооруженное восстание иудеев. Антиох решил подавить его военною силою; нужда в деньгах заставила его разделить свое войско на две части; с одной половиной он отправился сам в восточные провинции для сбора подати (2 Макк. 8, 10; 1 Макк. 3, 34), а другую часть отдал под начальство Лисания, который был наголову разбит Иудой Маккавеем, а иудеи овладели храмом. 25 Киселева 165 года, через три года после совершения первого языческого жертвоприношения, храм с большою торжественностью был очищен и освящен, причем было постановлено ежегодно совершать празднество в воспоминание славного дня (1 Макк. 4, 59), получившего название «Праздник Обновления» (Ин. 10, 22). Между тем Антиох имел мало успеха на Востоке; он пытался, было, ограбить богатый храм Нанеи в Елимаиде, но был прогнан жителями и умер в 164 году в Табе вслед за получением неприятных известий из Иудеи (1 Макк. 6, 4), в Ветхом Завете Антиох изображается противником Господа, Его народа и Завета (1 Макк. 1, 10), в Новом — как прообраз антихриста (Откр. 13, 5).

[1] *Эллинский* — греческий.

лиме беззакония, не могли не воздыхать о разорении завета Господня и об осквернении святого города; они оплакивали и своих единоплеменников, идущих по следам слепого вождя — Иасона, который из любоначалия оставил Бога и Его закон, продал отеческое благоверие и ввел в среду народа Божия столько поводов к соблазну и падению.

Иасон пользовался своею, незаконно приобретенною, властью три года, после чего был изгнан другим, подобным ему властолюбцем и приверженцем эллинского нечестия — Менелаем; таким образом Иасон сам должен был претерпеть то, что ранее причинил брату своему праведному Онии. Менелай дал царю большее количество денег и за это получил власть первосвященника; изгнав Иасона, он добился у нечестивого вельможи царского насильственной смерти и прежде бывшему первосвященнику, праведному Онии. Однако и Менелай не долго пробыл первосвященником: власть первосвященника у него отнял брат его Лисимах, давший царю еще более денег; Менелай, подобно Иасону, также подвергся изгнанию. Лисимах был убит народом за воровство церковных сосудов и денег. Менелай, желая отомстить за смерть своего брата, купил у царя право наказать иерусалимлян смертью и многих из них, совершенно невинных, лишил жизни; вместе с тем он снова получил у царя власть первосвященника (см.: 2 Макк. 4, 23–50). Подобные нестроения и смуты в Иерусалиме, возрастание с каждым днем языческого нечестия и открытое совершение беззаконий прогневали Господа, и приблизился Его праведный, воздающий по делам суд. Явилось дивное знамение, предвозвещавшее грядущий на город гнев Божий: в воздухе видели полки воинов; облеченные в золотые одежды и со шлемами на головах, воины, сидя на конях, вступали между собою в битву, держа в руках обнаженные мечи и копья; одни из них посекали друг друга мечами, другие поднимали вверх копья и щиты, третьи пускали друг в друга стрелы, — словом, делали все, обычно совершающееся во время сражений; от броней и оружия воинов исходил огненный блеск (см.: 2 Макк. 5, 2–3). Это страшное, наводящее ужас, видение продолжалось до сорока дней. Жители Иерусалима пребывали в великом страхе и недоумении; каждый из них невольно спрашивал сам себя: что же это будет? В это время в Иерусалим пришло ложное

известие, что будто бы царь умер в битве с египтянами: он, действительно, ушел тогда на войну в Египет. Наиболее благочестивые из иерусалимлян радовались, торжествовали и веселились, полагая, что злой и нечестивый царь на самом деле погиб. Когда же стало известно, что последний не умер, но жив и возвращается из Египта в Сирию, то они решили более не подчиняться ему и не платить дани; поэтому они приготовились для борьбы с ним. Узнав об этом, царь пришел в сильнейшую ярость и пошел с войском к Иерусалиму; иерусалимляне закрыли перед ним ворота, но не могли оказать ему достаточно сильного сопротивления, потому что среди самих осажденных возникли разногласия: уклонившиеся в эллинское нечестие, среди них особенно лжепервосвященник Менелай, питали к царю расположение. Взяв с помощью своего войска город, царь велел без пощады избивать не только всех встречающихся на улицах, но и входить в дома для убийства мужей, жен, старцев, юношей и младенцев; в три дня число убитых достигло восьмидесяти тысяч; связанных и брошенных в темницы было сорок тысяч; почти столько же роздано воинам в качестве пленных. В гордости своей царь, под предводительством предателя отечества и закона — Менелая, осмелился войти в храм Божий; здесь он взял золотой алтарь, золотой светильник, золотые кадильницы и все драгоценные сосуды, пожертвованные царями для украшения храма; он захватил также завесу, венцы и другие золотые украшения и, найденное им, скрытое золото и серебро. Опустошив и осквернив храм Божий, разорив город и наполнив его кровью и рыданиями, царь возвратился в Антиохию, а в Иерусалиме и по всей Иудее Антиох оставил для пыток над израильтянами еще более, чем сам он, жестоких мучителей (см.: 2 Макк. 5, 5–22).

По истечении некоторого времени, Антиох разослал по всему царству указ, чтобы все его подданные без различия племени исповедовали вместе с ним одних и тех же греческих богов и держались одних и тех же греческих законов. Не только все язычники согласились исполнить этот указ, но даже и из иудеев многие ему повиновались: они принесли жертвы идолам и осквернили субботу. Спустя немного дней после издания указа царь послал из Антиохии в Иерусалим одного из своих советников — старца, родом афи-

нянина, с поручением принудить всех евреев отречься от отеческих законов, поклониться идолам и вкусить от идоложертвенного мяса; он дал особое повеление заставлять евреев есть свиное мясо, запрещенное законом. Вместе с тем Антиох приказал храм Господень превратить в идольское капище: поставить в нем идола Юпитера и назвать его храмом Юпитера Олимпийского. Посланный царем старец в сопровождении войска пришел в Иерусалим и приступил к исполнению повеления царева: он осквернил храм Господень, поставив в нем идолов, которым приносил мерзкие жертвы, понуждая к тому же и людей Божиих. Многие из евреев, не имевшие твердости душевной, поспешили принести жертвы идолам; те же из них, которые отличались твердостью в вере, бежали в горы и пустыни и здесь, спасаясь от мук и охраняя себя от скверн языческого служения, скрывались в пещерах и пропастях. Оставшиеся же в городе были схвачены и с горестью в душе принуждены были, повинуясь насилию, идти в день рождения царя и другие языческие праздники для принесения жертв идолам; не хотевшие делать этого подвергались мучениям (см.: 2 Макк. 6, 1–9). Все жители Иерусалима были объяты великим страхом, так что никто не осмеливался открыто назваться иудеем, праздновать день субботний, обрезывать своих детей, вообще исполнять предписания закона Моисеева: у всех пред глазами стояли будущие муки и смерть. В это время присланному царем мучителю было донесено, что две женщины иудеянки обрезали по своему закону рожденных ими младенцев. Тогда мучитель велел схватить этих женщин и водить их для поругания по городу, привесив за шею младенцев к сосцам; потом их сбросили с городской стены вниз головою; таким образом матери с младенцами приняли мученическую кончину. Узнав также о некоторых иудеях, что они собираются в ближайшие к городу пещеры для празднования субботы, мучитель приказал всех их сжечь огнем (см.: 2 Макк. 6, 10–11).

После этого был схвачен один из первых книжников, священник по имени Елеазар, человек уже престарелый, украшенный сединами, весьма благообразный видом, славный своею мудростью и благочестием; его все знали, как одного из самых первых законоучителей в Иерусалиме: он был одним из семидесяти двух толковников, пере-

ведших святое Писание с еврейского языка на греческий царю Египетскому Птоломею Филадельфу. О страданиях этого честного отца в святом Писании повествуется следующее. Когда Елеазара привели к мучителю и, заставляя есть, начали насильно влагать ему в уста свиное мясо, то он согласился лучше умереть славною мученическою смертью за закон Божий, нежели сохранить чрез его нарушение бесчестную и прогневляющую Бога жизнь. Таким образом Елеазар по собственной воле пошел на муки; дорогой он отплевывался, потому что принужден был устами коснуться нечистого мяса; он подавал пример другим богобоязненным иудеям, которым также угрожала смерть за соблюдение закона Божия, самым делом научая их, что не дóлжно совершать греха ради сохранения земной жизни, не дóлжно из привязанности к ней нарушением закона прогневлять Бога. Некоторые из язычников, давно знавшие Елеазара, жалея его, принесли ему тайно вместо свиного другое, не запрещенное законом мясо, и говорили на ухо:

— Возьми это и ешь пред всеми вместо свиного; все, видя, что ты ешь мясо, сочтут его за свиное, которое приказывает есть царь, и ты, таким образом, избегнешь мук и смерти.

Но благоразумный и благочестивый старец, не задумываясь, отвечал им:

— Я скорее соглашусь пойти в ад, нежели прогневать Господа моего нарушением Его святого закона, и не дóлжно мне, достигшему столь преклонных лет, лицемерить на соблазн многих юных: когда они увидят, что я делаю то, что вы мне советуете, то скажут: «Вот, Елеазар уже в глубокой старости оставил древний закон наших отцов для закона язычников», и из-за моего лицемерного поступка они отступят от истинного Бога и погибнут, глядя на мой пример; из любви к временной жизни, они начнут презирать закон Божий и уклонятся в эллинское нечестие, а я посрамлю свою старость, явившись виновником погибели стольких душ. Если я избегну мук от людей, то карающей десницы Божией я не избегну ни во время жизни на земле, ни после смерти за гробом. Лучше мне умереть теперь; и умирая твердо, не падая духом при мучениях за святой закон, я украшу мужеством свои седины и оставлю юным добрый пример для подражания.

При этих словах святого Елеазара повлекли на мучения, и те люди, которые сначала выражали ему свое сожаление, теперь, после его речи, воспылали на него гневом и яростью. Во время великих мучений, когда от лютых ран священник Божий уже приближался к смерти, он сквозь стоны обратился к Господу:

— Всеведущий и о всех милосердствующий Господи, Ты ведаешь и то, что я, хотя и мог бы избежать смерти, однако с радостью и любовью охотно принимаю жестокие раны, подвергая тяжким мучениям свое тело: ибо страдаю для прославления Твоего святого имени.

Сказав это, он скончался, оставив не только юношам, но и всем иудеям в своей смерти пример мужества (см.: 2 Макк. 6, 18–31). Повествование священных книг о страданиях святого Елеазара дополняется еще следующим преданием: после жестокого биения ему влили в ноздри крепкий уксус, издававший отвратительный запах, и затем бросили в огонь. — Он же, помолившись Богу, чтобы Господь принял его мучения и смерть, как жертву за весь народ еврейский, предал дух свой.

После мученической кончины святого Елеазара были схвачены вместе с матерью семь братьев; так как они принадлежали к знатному роду, то их для испытания отправили к самому царю в Антиохию. Здесь, вопреки прямому запрещению закона, царь заставлял их есть свиное мясо, что почиталось явным знаком отступления от Господа Саваофа, в Которого верили евреи, и приражением к нечестию эллинов, в которое уклонялись боящиеся мук иудеи. Упомянутые семь братьев, ученики пострадавшего священника и учителя иерусалимского Елеазара, хорошо помнили его наставления и пребывали непоколебимы в своем благочестии: они не повиновались царю, ни за что не соглашаясь преступить закон. За это их подвергли долгим мучениям, биению бичами и воловьими жилами. Об их страданиях и безбоязненном дерзновении пред мучителем святое Писание во второй книге Маккавейской повествует так. Один из братьев, старший возрастом, приняв на себя обязанность ответа, сказал царю:

— О чем ты хочешь спрашивать или что́ узнать от нас? Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы.

Тогда царь, озлобившись, приказал разжечь сковороды и котлы. Когда это было исполнено, царь тотчас велел у юноши, принявшего на себя ответ, отрезать язык, содрать кожу, отсечь члены тела в виду прочих братьев и матери. Лишенного всех членов, но еще дышащего мученика царь велел отнести к костру и жечь на сковороде; когда же от сковороды распространилось сильное испарение, братья вместе с матерью увещевали друг друга мужественно претерпеть смерть, говоря:

— Господь Бог видит и поистине умилосердится над нами, как Моисей возвестил в своей песни пред лицом народа: «и над рабами умилосердится».

Когда умер первый, вывели на поругание второго и, содрав с головы кожу с волосами, спрашивали, будет ли он есть (свиное мясо), прежде нежели начнут мучить, отсекая по частям его тело? Он же, отвечая на родном языке, сказал: нет. Поэтому и он принял мучения таким же образом, как первый, и при последнем издыхании сказал:

— Ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной.

После того третий брат подвергнут был поруганию, и на требование дать язык, тотчас выставил его, неустрашимо протянув и руки, и мужественно сказал:

— От неба я получил их, и за законы его не жалею их, и от него надеюсь опять получить их.

Сам царь и бывшие с ним изумлены были таким мужеством отрока, как он ни во что вменял страдания. Когда скончался и этот, таким же образом терзали и мучили четвертого. Будучи близок к смерти, он так говорил:

— Умирающему от людей вожделенно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь.

Затем привели и начали мучить пятого. Он, смотря на царя, сказал:

— Имея власть над людьми, ты, сам подверженный тлению, делаешь, что хочешь; но не думай, чтобы род наш оставлен был Богом. Подожди, и ты увидишь великую силу Его, как Он накажет тебя и семя твое.

После этого привели шестого, который, готовясь на смерть, сказал:

— Не заблуждайся напрасно, ибо мы терпим это за себя, согрешив пред Богом нашим, от того и произошло достойное удивления[1]. Но не думай остаться безнаказанным ты, дерзнувший противоборствовать Богу.

Наиболее же достойна удивления и славной памяти мать, которая, видя, как семь ее сыновей умерщвлены в течение одного дня, благодушно переносила это в надежде на Господа. Исполненная доблестных чувств и укрепляя женское рассуждение мужеским духом, она поощряла каждого из сыновей на родном языке и говорила им:

— Я не знаю, как вы явились во чреве моем: не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого из вас. И Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы не щадите самих себя за Его законы.

Антиох же, думая, что его презирают, и принимая эту речь за поругание себе, убеждал самого младшего, который еще оставался, не только словами, но и клятвенными уверениями, что и обогатит, и осчастливит его, если он отступит от отеческих законов, что будет иметь его другом и вверит ему почетные должности. Но как юноша нисколько не внимал, то царь, призвав мать, убеждал ее посоветовать сыну сберечь себя. После многих его убеждений она согласилась уговаривать сына. Наклонившись же к нему и посмеиваясь жестокому мучителю, она так говорила на родном языке:

— Сын! Сжалься надо мною, которая девять месяцев носила тебя во чреве, три года питала тебя молоком, вскормила и вырастила и воспитала тебя. Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего, и что так произошел и род человеческий. Не страшись этого убийцы, но будь достойным братьев твоих и прими смерть, чтобы я, по милости Божией, опять приобрела тебя с братьями твоими.

Когда она еще продолжала говорить, юноша сказал:

— Чего вы ожидаете? Я не слушаю повеления царя, а повинуюсь повелению закона, данного отцам нашим чрез Моисея. Ты же, изо-

[1] То есть гонение и мучение иудеев.

бретатель всех зол для евреев, не избегнешь рук Божиих: мы страдаем за свои грехи. Если для вразумления и наказания нашего живой Господь и прогневался на нас на малое время, то Он опять умилостивится над рабами Своими; ты же, нечестивый и преступнейший из всех людей, не возносись напрасно, надмеваясь ложными надеждами, что ты воздвигнешь руку на рабов Его; ибо ты не ушел еще от суда Всемогущего и Всевидящего Бога. Братья наши, претерпев ныне краткое мучение, получили жизнь вечную, а ты, по суду Божию, понесешь праведное наказание за превозношение. Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы, призывая Бога, чтобы Он скоро умилосердился над народом и чтобы ты с муками и карами исповедал, что Он един есть Бог, и чтобы на мне и на братьях моих окончился гнев Всемогущего, праведно постигший весь род наш.

Тогда разгневанный царь поступил с ним еще жесточе, нежели с прочими, негодуя на посмеяние. Так и этот кончил жизнь чистым, всецело положившись на Господа (см.: 2 Макк. 7, 2–40). Видя это, блаженная матерь, — имя ей Соломония, — исполнилась неизреченной радости, что предпослала Господу детей своих непорочными; став над телами их, она простерла вверх руки свои и, помолившись с теплыми радостными слезами, предала дух свой в руки Божии. Так скончалась матерь с детьми своими, положив души за закон Господа Вседержителя[1].

Взирая на пролитие крови рабов Своих, Господь умилосердился над народом еврейским: Он воздвиг среди них Иуду, происходившего из священнического рода и прозванного Маккавеем. С воинскою силою Иуда оказал мужественное сопротивление нечестивому Антиоху и после победы заставил удалиться его военачальников. Затем он предал смерти всех, уклонившихся в эллинское нечестие, и очистил храм от идолов, о чем пространно повествуют книги Маккавейские.

Царя же Антиоха еще в здешней жизни постиг праведный суд Божий. Он подвергся ужасной болезни: внутренности его начали гнить и переполняться червями, причем от него исходил нестерпимый смрад. Тогда, по пророчеству юнейшего из мучеников

[1] Кончина святых мучеников относится к 166 году до Рождества Христова.

(см.: 2 Макк. 7, 34–35), нечестивый Антиох невольно должен был признать всемогущество хулимого им ранее истинного Бога и после своих гонений обратился к Нему с молитвой. Но Господь не даровал милости тому, кто сам не оказывал ее другим: Антиох, не принеся искреннего раскаяния, умер злою смертью, возбуждая у всех мысль о справедливом суде Божием. Все прославляли всесильного Бога, как и ныне прославляется Он ото всех родов и всегда будет прославляться в бесконечные веки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ЛЕОНТИНА, АТТА, АЛЕКСАНДРА, КИНДЕЯ, МИНСИФЕЯ, КИРИАКА, МИНЕЯ (МИНЕОНА), КАТУНА и ЕВКЛЕЯ

Эти святые мученики жили в царствование императора Диоклетиана[1] в памфилийском городе Пергии в то время, когда Памфилиею[2] управлял игемон Флавиан, и все они происходили от христианских предков. Минеон по ремеслу был плотник, а прочие занимались земледелием. Все они, имея одно и то же настроение, приняли одно благое решение и предназначили себя к мученическому подвигу. Поэтому, оставив свои житейские занятия, они ночью пришли в храм Артемиды[3] и разрушили в нем все предметы почитания. За это они были схвачены и подвергнуты допросу, после чего их беспощадно стали бить и при этом огнем опаляли им раны, а потом железными когтями содрали почти до костей тела их, обожгли им зажженными свечами плечи и выкололи гвоздями глаза.

[1] *Римский император Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

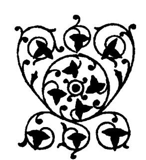
[2] *Памфилией* называлась римская провинция, расположенная на юге малоазийского полуострова по берегу Средиземного моря.

[3] *Артемида*, или *Диана*, — дочь Зевса и Латоны, почиталась греками, как девственная богиня, покровительница дев и жен, а также как богиня луны. Особенным почитанием эта богиня пользовалась в городе Ефесе, где ей устроен был великолепный храм и куда стекалось на поклонение ей множества народа со всех мест Римской империи. В почитании богини сосредоточивались разные языческие суеверия и совершалось в честь ее много безнравственных церемоний и обрядов.

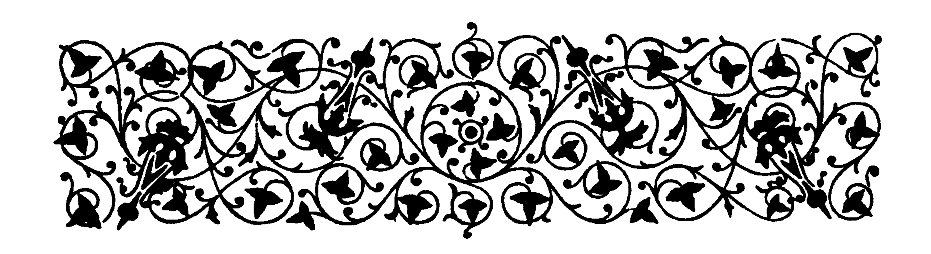
После всех мучений они были брошены в темницу, где, по повелению мучителя, им не давали ни пищи, ни воды. Затем их отдали на растерзание зверям, но святые мученики укротили зверей, так что все, бывшие при этом, пришли в ужас и громко воскликнули:

— Велик Бог христианский!

Тотчас же разразилась гроза с громом и молнией, причем на землю падал дождь вместе с огнем и градом. В то же время послышался некий голос, призывавший святых, и они, услышав этот сладостный голос, пришли в великую радость. Тогда по повелению игемона им отсекли мечом головы[1]. Так и окончилось мучение их.



[1] Год кончины святых мучеников неизвестен.



День второй

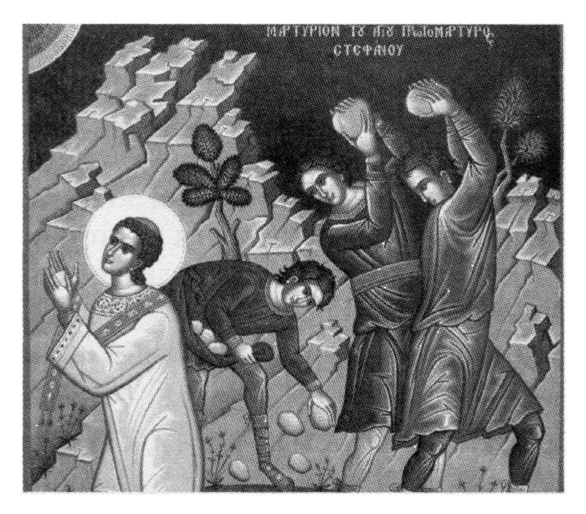
ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ
СВЯТОГО ПЕРВОМУЧЕНИКА И АРХИДИАКОНА
СТЕФАНА[1]

После побиения от иудеев святого архидиакона Стефана камнями (см.: Деян. 7, 55–60) честнóе тело его лежало без погребения сутки и день: оно было повержено на съедение псам, зверям и птицам; но ничто не коснулось тела, ибо Господь охранял его. На вторую ночь славный законоучитель Иерусалимский Гамалиил[2], упоминаемый в книге Деяний апостольских (5, 34; 22, 3), начавший склоняться к вере Христовой и сделавшийся тайным другом святых апостолов, послал благоговейных мужей взять незаметно тело первомученика. Он отнес его в свою весь, от имени владельца называвшуюся «Кафаргамала», то есть весь Гамалиила; она отстояла за двадцать поприщ[3] от Иерусалима. Здесь Гамалиил совершил честнóе погребение тела святого Стефана, положив его в пещере в новом своем гробе. Потом Никодим, начальник иудейский, приходивший ночью к Иисусу Христу (см.: Ин. 3; 1–2), преставился, плачась над гробом святого Стефана; и его похоронил тот же Гамалиил, близ гроба первомученика. Затем и Гамалиил, приняв святое крещение вместе с сыном своим Авивом и пожив богоугодно некоторое время в благо-

[1] Память его совершается также 27 декабря; под этим числом смотри и житие.

[2] *Гамалиил* — знаменитый законоучитель еврейский, занимавший высокое место в Иерусалимском синедрионе, уважаемый всем народом, так что его называли «славою закона». Предание говорит, что он, вместе с сыном Авивом, крещен апостолом Петром и апостолом Иоанном.

[3] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.



честии христианском, скончался; оба они погребены были в той же пещере, при Стефановом и Никодимовом гробе.

По прошествии многих лет, когда погибли мучители, в продолжение долгого времени гнавшие Церковь Божию, и настали с обращения Константина Великого[1] дни царей христианских, — дни церковной тишины и повсюду сияющего благочестия, — тогда обретены были, по Божию

[1] *Константин Великий*, римский император, сын Констанция Хлора, правителя западной части Римской империи, и Елены, родился в 274 году. По смерти отца войско провозгласило его императором, и он, благодаря этому, сделался обладателем Галлии и Испании. После продолжительной борьбы с начальниками других областей Римского государства, Лицинием и Максентием, Константин объявил себя в 324 году независимым правителем и объединил под своею властью всю империю. Константин Великий замечателен своею деятельностью на пользу Церкви Христовой; за эту именно деятельность история называет его Великим, а Церковь — равноапостольным. Поворот к христианству в законодательной деятельности Константина Великого начинается с Манифеста 313 года о веротерпимости, изданном в Медиолане за подписью его и Лициния: в этом Манифесте, между прочим, разрешался свободный переход в христианство всякому желающему. Вскоре появились указы об освобождении клириков от всех личных повинностей и Церкви — от податей; закон 321 года разрешал делать вклады в христианскую Церковь; в следующем году запрещено было насильственно привлекать христиан на языческие празднества. Сделавшись единодержавным, Константин Великий уничтожил указы и постановления прежних императоров, изданные против христиан; он возвратил права, имущество и свободу всем, лишившимся их в прежнее время за исповедание христианства. Особым указом им было предписано посвящать Богу воскресный и другие праздничные дни; во время праздников закрывались зрелища и суды. В Церкви Константин Великий старался поддерживать мир и согласие; для прекращения арианских смут им был созван Первый Вселенский собор в Никее (325 г.). Не желая пребывать в Риме, где язычество было особенно сильно, Константин Великий перенес столицу в Византию; здесь он уничтожил идолов и украсил город христианскими храмами. В 337 году он принял крещение, после которого вскоре умер на шестьдесят пятом году жизни. В V веке Церковь причислила Константина к лику святых; память его — 21 мая.

откровению, честные мощи святого первомученика Стефана и погребенных с ним богоугодных мужей: Никодима, Гамалиила и Авива.

Они были обретены пресвитером помянутой веси Лукианом после такого видения. В третий час одной ночи с четвертка на пяток Лукиану явился в сонном видении некий святолепный старец, высокого роста, украшенный сединою, с продолговатою бородою, облеченный в белую одежду, украшенную златовидными изображениями крестов; в руке старец имел золотой жезл. Толкнув им в бок пресвитера, он три раза позвал его по имени:

— Лукиан! Лукиан, Лукиан!

Затем стал говорить:

— Иди в Иерусалим и скажи святому архиепископу Иоанну: «Доколе мы будем затворены, — почему не открываешь нас? Ибо во дни твоего святительства нам подобает быть явленными; открой, не медли, наш гроб, где в пренебрежении лежат наши мощи, то мочимые дождем, то попираемые ногами неверных. Я забочусь не столько о себе, сколько о лежащих со мною святых, достойных великой чести; открой указываемые тебе мощи, — да отверзет Бог двери Своего милосердия миру, объятому многими бедами».

Пресвитер Лукиан, исполнившись ужаса, спросил явившегося ему мужа:

— Кто ты, господин? И кого ты разумеешь под находящимися с тобою?

— Я, — отвечал явившийся, — Гамалиил, воспитатель и учитель апостола Павла, а со мною почивает господин Стефан архидиакон, побитый камнями иудеями и первосвященниками иерусалимскими за веру Христову. Тело его, поверженное на съедение псам, зверям и птицам, я взял ночью, принес в эту весь и положил в моей пещере в приготовленном для себя гробе, желая разделить с ним одинаковую участь в воскресении и благодати Господней. В другом же гробе, в той же пещере, положен господин Никодим, наученный святой вере от Самого Христа Господа и (по вознесении Господнем) приявший от апостолов святое крещение; иудеи, узнав о его вере во Христа и крещении, исполнились гнева и хотели его убить, как и Стефана; однако они не сделали этого из уважения ко мне, так как Никодим был мне родственник; иудеи отняли у него начальство и

имения его присоединили к церковным; затем, прокляв его, они выгнали его из города с бесчестием и укоризнами многими. Тогда я взял его в свою весь и кормил до кончины; когда же он умер, я похоронил его близ мощей первомученика Стефана. Там же в третьем гробе, выкопанном в пещерной стене, я похоронил умершего на двадцатом году жизни моего любимого сына Авива, вместе со мною приявшего святое крещение от апостолов Христовых; с ними я, умирая, завещал положить и мое тело.

— Где же мы будем искать вас? — спросил пресвитер.

— Ищите нас, — отвечал Гамалиил, — пред весью на полуденной стороне, на ниве Делагаври (то есть ниве мужей Божиих).

Воспрянув от сна, пресвитер воздал хвалу Богу и так помолился:

— Господи Иисусе Христе! Если это явление от Тебя, а не обольщение, то повели повториться ему до трех раз.

И стал Лукиан поститься, вкушая лишь сухой хлеб, до следующего пятка, пребывая в молитве и никому не открывая видения.

В третий час ночи на другой пяток опять явился Гамалиил пресвитеру Лукиану, как и в первый раз.

— Зачем, — спросил он, — ты пренебрег моим повелением идти и передать архиепископу Иоанну все, сказанное тебе?

— Прости меня, господин мой, — отвечал пресвитер, — я боялся тотчас же по первом видении идти и возвестить, опасаясь как бы не оказаться лживым; поэтому я молил Господа, — да пошлет Он тебя ко мне и второй и третий раз, чтобы мне увериться в истине.

Гамалиил же, простирая руку, сказал:

— Мир тебе, пресвитер, почивай!

И казался он как бы удаляющимся с глаз священника.

Затем, снова обратившись к нему, сказал:

— Лукиан! Ты думаешь о том, как обрести и узнать мощи каждого из нас; так вот, смотри и разумей показываемое тебе.

Сказав это, он принес пресвитеру четыре корзины; три из них по виду были золотые, четвертая же — серебряная. Одна из золотых корзин наполнена была красными цветами, вторая и третья — белыми, и четвертая — серебряная — была полна желтого шафрана благовонного. Первую золотую корзину, с красными цветами, Гамалиил поставил по правую сторону пресвитера на востоке, другую, золотую, с белыми цветами поставил на северной стороне, а третью

и четвертую корзину поставил вместе на западной стороне, против первой, находящейся на восточной.

— Что это значит, господин? — спросил пресвитер показывавшего ему корзины Гамалиила.

Он отвечал:

— Это гробницы наши, в которых мы почиваем: так, первая золотая корзина с красными цветами, поставленная к востоку, — гроб святого Стефана, обагрившегося за Христа мученической кровью; другая золотая корзина с белыми цветами, стоящая на север, есть гроб господина Никодима; третья также с белым цветом, золотая корзина, стоящая к западу, — мой гроб; четвертая же корзина серебряная, полная благовонного шафрана и стоящая рядом с моею, — гроб моего сына Авива, который был чист от греха телом и душою от чрева матери и скончался в непорочном девстве.

После этих слов Гамалиил стал невидим, стали невидимы и корзины.

После этого видения пресвитер принес благодарение Богу и усилил пост и молитву до третьего пятка, ожидая сподобиться явления в третий раз. И снова в ночь третьего пятка тот же честны́й и святолепный Гамалиил, представ пресвитеру, сказал с угрозою:

— Почему до сих пор ты не озаботился сходить к архиепископу и открыть ему явленное и сказанное тебе? Неужели ты не видишь, какая засуха и скорбь в поднебесной? Ты же не радишь. Разве нет в пустынях святых мужей, лучших тебя по жизни, достойных этого откровения? Но мы, минуя их, хотим быть явленными чрез тебя. Итак, встань, иди и скажи архиепископу, да откроет место, где мы почиваем, и устроит здесь храм, дабы нашими молитвами Господь стал милостив к своим людям.

Пресвитер, встав и возблагодарив Бога, отправился с поспешностью в Иерусалим, где и сообщил архиепископу Иоанну о бывшем ему трикратном видении и повелении. Архиепископ прослезился от радости и сказал:

— Благословен Господь Бог человеколюбец, хотящий явить нам Свою милость откровением святых Своих: и когда мы сподобимся обрести мощи их, то должно мне мощи первомученика Стефана перенести сюда в город, где он подвизался против иудеев, где видел отверстые небеса и Христа Бога, стоящего во славе Своей (см.: Деян. 7).

Ты же, сын мой, — обратился он к пресвитеру, — иди на ту ниву и отыщи место, где лежат святые; прокопав до гроба их, возвести мне.

Пресвитер, возвратившись из города в свою весь, созвал благоговейных мужей и пошел с ними на ниву Делагаври. Среди этой нивы был холм; думая, что здесь почивают мощи святых, он хотел копать, но сначала посвятил всю ночь молитве на том холме. В эту же ночь святой Гамалиил явился одному обитавшему поблизости тех мест иноку Нугетию, говоря:

— Иди и скажи Лукиану пресвитеру, чтобы он не трудился раскапывать тот холм, ибо не там лежим мы; но пусть ищет нас при дебри (долине, низине — *Ред.*), на полуденной стороне, там мы погребены. На холме же том нас полагали, когда несли на погребение, и здесь над нами, по древнему обычаю, творили плач, во свидетельство этого плача бывшего над нами и насыпан холм.

Восставши, инок отправился по указанию и нашел на помянутом холме пресвитера Лукиана со многими мужами; они уже начали раскопку. Тогда инок поведал Лукиану о том, что он видел и слышал. Пресвитер прославил Бога, явившего и другого свидетеля откровению. И направились к дебри, при которой нашли камень с еврейской надписью Хелиил, то есть рабы Божии; окопав камень и сдвинув с места, они нашли тесный вход в пещеру. Влезши в пещеру со свечою, увидели выкопанные в стенах гробы и в них мощи святых. Вход в пещеру был с полуденной стороны; так что по правую сторону к востоку находился гроб святого Стефана, против входа, на север, гроб святого Никодима; на западной же стороне против святого Стефана почивал святой Гамалиил с сыном, как было это прежде указано пресвитеру видением корзин. Тотчас пресвитер сообщил об обретении святых мощей[1] Иерусалимскому архиепископу Иоанну.

Архиепископ, взяв двух прилучившихся епископов, Елевферия Севастийского и Елевферия Иерихонского, поспешил к месту обретения мощей, расширив вход пещерный, они вошли внутрь. Когда открыли гроб святого первомученика, тотчас потряслась земля и люди, достойные по жизни, услышали вверху голос Ангелов поющих: «Слава в вышних Богу и на земле мир!» Благоухание же от мощей святого исходило такое, какого никто из людей никогда прежде

---

[1] Это обретение мощей совершилось в 415 году.

не ощущал; это неизреченное благоухание разносилось по воздуху за десять поприщ, и все присутствовавшие думали, что они находятся как бы в раю. Много народа пришло с архиепископом из Иерусалима и окрестных селений; среди пришедших находилось много больных, страдавших различными недугами, — слепые, хромые, мучимые внутренними недугами и бесами, покрытые вередами и язвами; все они получили исцеление. Число исцелевших простиралось до семидесяти трех человек. Итак, взяв мощи четырех угодников Божиих, вынесли их на холм с пением псалмов и других священных гимнов; люди же прикасались к ним, лобызая их с благоговением. Вскоре архиепископ на том холме создал церковь во имя обретенных святых и положил в ней мощи Никодима, Гамалиила и Авива; мощи же святого архидиакона Стефана он торжественно перенес в Иерусалим и положил в церкви, находившейся во святом Сионе.

В эти же времена один благородный муж, сенатор Александр, с женою Иулианиею прибыл на поклонение святым местам из Царьграда в Иерусалим: видев чудеса, совершавшиеся при гробе святого первомученика Стефана, Александр устроил в городе каменную церковь во имя его и усердно просил архиерея перенести в нее мощи святого Стефана; архиерей, убежденный усердною мольбою, исполнил просьбу. Спустя некоторое время Александр заболел в Иерусалиме смертным недугом и завещал с клятвою жене своей: пусть он устроит ковчег, подобный ковчегу первомученика, и в том положит его при мощах святого Стефана. Завещав это, он умер. Жена исполнила предсмертную волю мужа: она устроила ковчег, подобный ковчегу святого Стефана, и предала мужа торжественному погребению рядом с ковчегом первомученика. И жила она в Иерусалиме при помянутой церкви, не желая разлучаться с умершим мужем: она верила, что он жив для Бога.

Так как жена Александра была еще молода, красива и к тому же богата, то многие из знатных лиц склоняли ее на второй брак. Но она, как целомудренная женщина, никак не хотела вступать во второй брак; она твердо решила сохранять верность первому мужу, надеясь разделить с ним в воскресение одинаковую участь, уготованную праведникам (см.: Мф. 25, 34). Когда же один из знатных начальников сильно докучал ей, желая вступить в брак с нею, то Иулиания, желая избавиться от него, умыслила следующее: взяв тело мужа, воз-

вратиться на родину в Царьград, несмотря на то, что уже прошло восемь лет со дня преставления мужа. Она просила архиепископа, чтобы он не запрещал ей взять тело мужа. Архиепископ не соглашался; тогда Иулиания сейчас же написала к отцу своему, жившему в Царьграде, прося его исходатайствовать у царя такое повеление, по которому бы она могла беспрепятственно взять тело мужа и прийти в Царьград. В скором времени от царя пришло желаемое разрешение, которое она и показала архиепископу. Увидев письмо царя, архиепископ уже не мог более противиться и благословил быть по прошению Иулиании. Она же, открыв с благословением в земле то место, где стояли оба ковчега — святого первомученика Стефана и ее мужа Александра, взяла ковчег с мощами святого, вместо ковчега мужа: так поступила Иулиания как бы обманувшись. На самом же деле — по изволению Божию и по желанию первомученика. Возложив ковчег на колесницу, запряженную мулами, Иулиания отправилась в путь. Был же вечер, когда она оставила Иерусалим; и в ту же ночь над перевозимыми мощами в воздухе послышался голос Ангелов, поющих славословие Богу, а от ковчега исходило великое благоухание, как от мира, излитого в большом количестве. Слышались и крики бесов, издали взывавших:

— Горе нам! Так как идет Стефан и бьет нас.

Слуги Иулиании, слыша все это, испугались и сказали госпоже своей:

— Что это значит, госпожа, что слышатся различные голоса, называющие имя Стефана? Не везем ли мы ковчег первомученика Стефана, вместо ковчега нашего господина Александра?

Она же отвечала со слезами радости:

— Молчите, дети, все делается так, как угодно Богу и Его святому рабу.

Достигши приморского город Аскалона, они нашли корабль, направлявшийся в Царьград; уплатив корабельщику следуемую плату, они сели в корабль с мощами святого и начали плавание. Когда корабль находился среди моря, поднялась страшная буря, так что корабль покривился; все испугались, видя вздымавшиеся громады волн. Но вот явился мореплавателям видимо святой первомученик Стефан и сказал:

— Я с вами — не бойтесь!

Сказав это, он стал невидим, и тотчас успокоилось море, и все дальнейшее плавание было благополучно; над мощами же святого ночью явился свет, от ковчега исходило сильное благоухание, в воздухе же слышалось пение Ангелов. Когда пристали к Халкидону, то решили пробыть здесь пять дней. Жителям города стало известно о мощах святого Стефана, они устремились к кораблю, принося с собою и недужных; и все больные, находившиеся в городе, получили исцеление, благодаря пришествию первомученика; отгонялись от людей и бесы, которые кричали при этом:

— Стефан, побиенный камнями от жидов, придя мучить нас жестоко и гонит нас повсюду — на земле и на море.

Отплыв от Халкидона, корабль благополучно достиг Царьграда. Благочестивая Иулиания пошла к отцу и подробно сообщила ему все о мощах святого архидиакона Стефана. Затем они отправились вместе с отцом к царю и патриарху и им сообщили то же; и все исполнились великой радости. Патриарх с клиром и всем народом пошел на пристань в сретение мощей первомученика. Вынесши ковчег из корабля, поставили его на царскую колесницу и повезли с псалмопениями, хотя внести во дворец царя; так приказал царь. Сколь много совершалось в это время чудес при святых мощах и сказать невозможно; словом, все, какими бы ни были одержимы недугами и болезнями, получили исцеление. Когда торжественное шествие достигло до Константиновых бань[1], то мулы, везшие царскую колесницу с мощами, остановились; и как ни били их слуги, заставляя идти дальше, они никак не могли сойти с места. Тогда один мул, приобретя, по Божию велению, дар слова, сказал:

— Зачем понапрасну бьете нас? На этом именно месте святой первомученик Стефан изволяет быть положенным.

Услышав это, все присутствующие исполнились сильного удивления и ужаса, и прославили Бога. Царь же тотчас повелел на этом месте приступить к постройке церкви каменной; и в скором времени создана была прекрасная церковь во имя святого первомученика и архидиакона Стефана; в ней и положили его честны́е мощи во славу и хвалу Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, со Отцом и

[1] Бани эти основаны Константином Великим, продолжены его сыном Констанцием и окончены в 427 году Феодосием Младшим. Ныне они называются Тсукур-Хамам и находятся на четвертом холме.

Святым Духом славимого вместе[1], да будет Ему и от нас грешных честь и слава, поклонение и благодарение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ СВЯТОГО И ПРАВЕДНОГО **ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО**, чудотворца Московского

Этот блаженный Василий жил в царствование благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича[2] и в правление святейшего Макария, митрополита Московского и всей России. Отца его звали Иаковом, а мать — Анною. Их молитвами он был испрошен у Бога и по их вере дан был им. С юных лет он воспылал любовью к Богу и стал жить по заповедям Его. Оставив затем отчий дом и родных своих, блаженный Василий в надежде на будущие блага переменил тленное достояние на духовное, так как вместо отца у него было отсечение бремени грехов, вместо матери — чистота, вместо братьев — желание стремиться к горнему Иерусалиму, а вместо детей — сердечные воздыхания. И чтобы иметь все это, он изнурил себя многоразличными суровыми подвигами. Блаженный настолько был беден, что не имел для себя даже малой пещеры и не носил на теле своем одежды, а пребывал всегда без жилища и ходил нагим и летом и зимою, зимою замерзая от холода, а летом страдая от зноя. Находясь постоянно среди шума и криков, но имея душу свою свободною от страстей, он всегда проводил Христа ради жизнь юродивого. Он ничего не говорил и представлялся как бы лишенным

---

[1] В 1200 году в этом храме был наш русский паломник Антоний; он видел в нем лоб первомученика, избитый камнями и сшитый.

[2] *Блаженный Василий* родился в первые годы княжения Московского великого князя Иоанна Васильевича III (1462–1505 гг.) в подмосковном тогда селе Елахове, где ныне находятся Елаховская и Басманная улицы. Шестнадцати лет от роду он принял на себя подвиг юродства и подвизался в нем семьдесят два года. Известность он приобрел в царствование Иоанна IV Васильевича Грозного, которому стал известен через митрополита Макария (1543–1564 гг.), весьма чтившего блаженного.

дара слова, желая этим скрыть от людей свои добродетели и быть ведомым только Богу. Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14). Вследствие чистоты жизни блаженного и его несокрушимого терпения, слава о нем дошла до слуха благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, которому о жизни его рассказал преосвященный митрополит Макарий. Оба они весьма дивились его терпению и прославили Бога за то, что Он даровал в их время такого святого мужа.

Таким образом, неизменно подвизаясь в трудах и терпении, перенося голод и жажду и ежедневно подвергая себя смертным опасностям, блаженный Василий прожил жизнь свою. Заболев, наконец, он слег в постель. Благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич, всей России самодержец, услышав о близком отшествии святого к Богу, пришел к нему вместе со своею благочестивой царицей и великою княгинею Анастасиею и со своими благородными царевичами, Иоанном и Феодором, чтобы посетить его и принять от него благословение. Блаженный, будучи близок к смерти и находясь уже при последнем издыхании, пророчески сказал царевичу Феодору:

— Все, что принадлежит твоим предкам, будет твоим, и ты будешь их наследником.

После этих слов блаженный предал душу свою в руки Божии. От тела его весь город наполнился благоуханием, и множество жителей города стеклось на его погребение. Открылось умилительное зрелище. Царь и князья до святого храма сами несли на плечах своих тело блаженного, епископы и священники со всем причтом, прославляя его, пели псалмы и церковные песнопения, а народ со слезами восклицал, говоря:

— Преблаженный Василие! Молись усердно Христу Богу нашему за город наш Москву и за все русские города и селения, за христо-

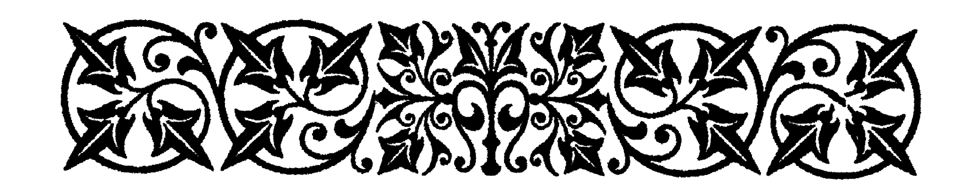
любивого царя нашего, его благочестивую царицу и за благородных детей их, а воинству его будь пособником в победе и одолении супостатов.

Участвуя в погребении блаженного, царь с царицею проливали из очей своих радостные и скорбные слезы, — радостные потому, что в такой кончине святого они видели доказательство его совершенства и причтения его к лику святых, а скорбные — потому, что лишились такого доблестного подвижника. И уже тогда многие от прикосновения к святым мощам блаженного получали исцеление. Преосвященный митрополит Макарий со Священным собором, воспев над телом святого псалмы и погребальные песнопения, с почестями похоронили его 2 августа 1552 года[1]. Всего жития его было восемьдесят восемь лет, из которых семьдесят два года он провел в юродстве. Господь прославил блаженного чудесами и после смерти его, в 1588 году. Богу нашему слава ныне, всегда и вечно.

В тот же день **память святого священномученика Стефана**, папы Римского, мученически скончавшегося в 257 году, 2 августа, в царствование Валериана.

В тот же день **память блаженного Василия**, подвизавшегося в Спасокаменном монастыре на Кубенском острове Вологодского уезда.

[1] Тело блаженного Василия было похоронено близ церкви Святой Троицы на Рву, где в 1554 году Иоанн Грозный приказал строить в память покорения Казани Покровский собор, известный более под именем храма святого Василия Блаженного. В 1588 году мощи блаженного Василия стали источать много исцелений, и в том же году, по повелению царя Феодора Иоанновича, над местом погребения блаженного был построен храм во имя его (нынешний Васильевский придел Покровского собора), сооружена серебряная, вызолоченная, украшенная жемчугом и драгоценными камнями рака и установлено праздновать память его 2 августа. Мощи блаженного до настоящего времени почивают в этом храме под спудом.



День третий

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ НАШИХ
ИСААКИЯ, ДАЛМАТА и ФАВСТА

Преподобный Далмат жил в царствование Феодосия Великого[1], служил в войске[2] и пользовался уважением царя. Затем, презрев для Бога все мирское, он оставил жену и дочерей; взяв с собою одного только сына Фавста, он пошел к преподобному Исаакию, имевшему обитель близ Константинополя; здесь они были пострижены преподобным Исаакием в иноческий чин, и оба вели богоугодную жизнь, постоянно соблюдая строгий пост. Когда преподобный Исаакий[3], уже достигший глубокой старости, почувствовал приближение смерти, то созвал братию; преподав ей последнее наставление, он поставил игуменом вместо себя преподобного Далмата, от имени которого и самая обитель получила впоследствии название Далматской[4]. Патриархом Цареградским Аттиком преподобный Далмат был рукоположен во священника[5]. Он проводил жизнь полную воздержания и однажды в Великий пост в течение сорока

---

[1] *Феодосий Великий* — император с 379 по 395 год.

[2] Во втором гвардейском полку, которые тогда назывались схолариями.

[3] О богоугодной жизни и великой ревности по вере преподобного Исаакия, подвигшей его на безбоязненное обличение нечестивого царя Валента, которому он предсказал погибель, и о блаженной его кончине достаточно сообщается 30 мая; желающий может прочесть там.

[4] Преподобный Исаакий умер в 383 году.

[5] По другим, более достоверным сведениям, он был поставлен в настоятели обители патриархом Нектарием (381–397 гг.), а не Аттиком (408–425 гг.).

дней не вкушал пищи[1]; постом и молитвою преподобный Далмат побеждал бесовскую силу. Он подвизался и против видимых служителей беса — еретиков несториан, хуливших Пречистую Матерь Божию[2]: преподобный Далмат был деятельным помощником святых отцов III Вселенского собора, заседавшего при царе Феодосии Младшем в Ефесе[3], этим преподобный Далмат приобрел себе любовь царя и святых отцов, которые сделали его архимандритом Далматской обители. Отдав, таким образом, почти всю свою жизнь на служение Богу, преподобный Далмат отошел в глубокой старости в вечность[4]. — Пре-

---

[1] А затем, по принятии пищи, сорок три дня до праздника Вознесения Христова он пробыл в восторге (восхищении) и в это время удостоился божественных видений и рассказал, в каких местах стояли трое из братий их обители, находившиеся на празднике в церкви Маккавеев, чем приобрел всеобщую славу. — Святой патриарх Прокл (434–446 гг.), еще при жизни преподобного Далмата, чрезвычайно хвалит его в письме Иоанну Антиохийскому.

[2] Еретики несториане утверждали, что Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицею, потому что Она родила не Бога, а только человека, с которым, помимо Нее, соединилось Слово Божие, предвечно рожденное от Отца; человек Иисус, рожденный от Марии, был лишь обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек, через наитие Святого Духа, стал Христом, то есть помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом *нравственном*, или относительном соединении. Ересь несторианская осуждена на III Вселенском соборе в 431 году.

[3] Узнав, что Православию на Ефесском соборе угрожает насилие, святой Далмат, став во главе игуменов, монахов и верных Православию христиан, пошел к дворцу царя и с мужеством говорил пред императором за истину; между тем до этого он сорок восемь лет не выходил из монастыря, хотя царь и просил его об этом, желая, чтобы великий подвижник участвовал в общих молитвах об избавлении от землетрясения.

[4] Время кончины его с точностью неизвестно, можно только сказать, что он жил еще при святом Прокле, патриархе Константинопольском. Святой Димитрий Ростовский говорит, что по неизданному житию Исаакия, Далмата и Фавста свя-

подобный Фавст, подобно своему отцу, был великим подвижником, он строго соблюдал заветы иноческие и из них особенно пост[1]. Скончав течение здешней земной жизни, он переселился в вечные обители и в бессмертной жизни причтен к лику преподобных отцов.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
КОСМЫ,
скопца отшельника

В книге Лимонарь[2] передается следующий рассказ пресвитера Викантийского монастыря аввы Василия о преподобном Косме.

«Во время моего пребывания в Антиохии, — говорил пресвитер, — из Иерусалима пришел к святейшему патриарху Григорию авва Косма, скопец из лавры[3] Фаранской, это был строгий постник, ревнитель веры, твердый хранитель догматов церковных, отлично знающий святое Писание. Спустя немного дней после своего прибытия в Антиохию старец преставился; патриарх приказал положить

той Далмат скончался не менее девяноста лет от рождения 2 августа, погребен 3 августа при патриархе Прокле, следововательно, после 434 года и, вероятно, около 440 года.

[1] О жизни его не сохранилось подробностей.

[2] *Лимонарь* (от греч. слова λειμωνάρειον, от λειμών — луг, пажить) — очень распространенное агиографическое сочинение Иоанна Мосха, греческого инока († 622 г.). Путешествуя по монастырям Палестины, Сирии, Египта, Кипра, Константинополя и Рима, Мосх собрал массу повествований о жизни христианских подвижников, собрал также много их изречений и нравоучений; все эти сведения он и изложил в своем «Лимонаре». — Известны русские переводы «Лимонаря» 1) Филарета, архиепископа Черниговского, «Луг духовный» (Москва, изд. 1848, 1850, 1853 гг.) и 2) безымянного издателя: «Луг, сиречь цветник» (Москва, 1859 г.).

[3] *Лавра* — с греческого языка часть города, переулок — собственно ряд келий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков и обнесенных оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Палестине. В настоящее время у нас имя лавры употребляется исключительно в смысле почетного названия.

его честнóе тело в своем монастыре, где был погребен некоторый епископ. Однажды я пошел ко гробу святого старца, чтобы поклониться его праху, и здесь увидел нищего, просившего милостыню у входивших в церковь. Заметив меня, он трижды поклонился при гробе и, сотворив иерейскую молитву об упокоении преставившегося, сказал мне:

— Велик, господин авва[1], старец, которого вы погребли здесь два месяца назад.

— Почему ты знаешь? — спросил я.

Он отвечал:

— Я был двенадцать лет расслабленным, — истину говорю, не лгу, — и через этого старца Господь даровал мне исцеление. Когда я нахожусь в скорби, он приходит и утешает меня, доставляя мне облегчение. Я не скрою от тебя и другого чуда о нем же: с того самого времени, как вы похоронили его, я слышу каждую ночь, как он говорит епископу: „Не прикасайся ко мне и не приближайся, еретик, ты — враг святой Кафолической Церкви“.

Выслушав это, я пошел к патриарху и передал ему свой разговор с нищим; вместе с тем я просил патриарха взять тело старца и положить в другом месте. Но святейший патриарх сказал на это:

— Верь мне, сын мой, что ничего вредного не может причинить еретик святому Косме: все рассказанное тобою произошло затем, чтобы от нас не была скрыта ревность по вере и добродетель старца и — чтобы обнаружилось нечестие епископа, и он не почитался бы как православный».

Этот же пресвитер Василий передает о преподобном Косме и другой рассказ:

«Я пришел к нему в лавру, и старец рассказал мне о себе, что однажды ему пришла на ум мысль, что означают слова Господа, обращенные к ученикам: *Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч* (Лк. 22, 36), и ответ Его: *довольно*, когда они сказали: *вот, здесь два меча* (Лк. 22, 38). Долго размышлял старец над этими изречениями Господа и, не придя ни к какому решению, отправился в полдень в лавру Пирга к авве Феофилу, чтобы попросить у него объяснения. Во время дороги, пролегавшей по пустыне, приближаясь к Каламо-

[1] *Авва* — то есть отец.

ну, он увидел громадного змея, спускавшегося с Каламонской горы, змей был так велик, что своею тяжестью оставлял на земле глубокий след, а изгибы тела его образовывали большие дуги, он как раз пересекал путь старца. Уразумев козни диавола, хотевшего заставить преподобного отказаться от своего намерения, старец вооружился молитвою и безбоязненно продолжал свой путь: хранимый силою Божией, он без всякого вреда, точно сквозь ворота, прошел через изгибы тела змея. Придя к авве Феодору, он предложил ему свой вопрос и услышал от него такой ответ:

— Два ножа означают два вида богоугодной жизни — деятельность, или труд, и созерцание, или погружение ума в богомыслие и молитву. «Кто обладает двумя этими добродетелями, тот совершенный человек».

К своим повествованиям о преподобном Косме пресвитер Василий добавил еще следующее:

«Во время моего десятилетнего пребывания в лавре Фаранской у преподобного Космы, к которому я пришел в самом начале своей иноческой жизни, он постоянно наставлял меня своими боговдохновенными беседами; однажды, рассуждая со мною о спасении души, он привел одно выражение из слов святого Афанасия Великого[1] и при этом заметил:

— Когда или услышишь, или найдешь в книге какое-либо выражение святого Афанасия, то, если не имеешь хартии, запиши его на твоей одежде».

Такое уважение имел преподобный Косма к великим отцам и учителям Церкви: с ними и он, по окончании своей богоугодной жизни здесь на земле, получил часть в вечной жизни по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава и ныне, и присно.

В тот же день **преставление преподобного Антония Римлянина** в Новгороде в 1147 году.

---

[1] *Святой Афанасий*, архиепископ Александрийский, — ревностный деятель на защиту Православия против еретиков ариан, много потерпевший от них и скончавшийся в 373 году. От святого Афанасия остались сочинения догматические, по истолкованию святого Писания и нравоучительные. Память его — 18 января.

День четвертый

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ СЕМИ ОТРОКОВ ЕФЕССКИХ

Во дни нечестивого римского царя Декия[1] Церковь Христова была гонима, и много рабов Христовых — священнослужителей, церковнослужителей и других верных, боясь безжалостного мучителя, принуждено было скрываться, где кто мог. Когда, пылая ненавистью к христианам, Декий пришел из Карфагена[2] в Ефес[3], то

[1] *Декий* — император с 249 по 251 год.

[2] *Карфаген* — город на северном берегу Африки, давший свое имя основанному им великому западно-финикийскому государству, долго бывшему соперником Рима, пока оно в 146 году (до Р. Х.) не сделалось провинцией Рима. Начало евангельской проповеди соединяется здесь с именем Епенета (Рим. 16, 5), но как первый епископ упоминается Оплат (202 г.); преемники его были митрополитами Северо-Западной Африки; выдающимися епископами Карфагенской Церкви, оказавшими сильное влияние на христианскую литературу, являются Тертуллиан, Киприан и Августин. Карфаген насчитывает много поместных соборов, бывших в нем по церковным нуждам. Теперь на месте Карфагена, этого «Лондона древности», — три бедных арабских деревеньки.

[3] *Ефес* — главный город Иконии в Малой Азии близ устья Каистра, средоточие для всей торговли передней Азии в древности. Славился храмом Артемиды-Дианы. Святой апостол Павел в конце своего второго миссионерского путешествия пробыл здесь немного времени (Деян. 18, 19–26), а в третье путешествие пробыл здесь более двух лет (Деян. 19), насаждая христианство. К Ефесской Церкви апостол Павел писал из Рима послание, переданное Тихиком. В Ефесе долго жил святой апостол Иоанн до и после изгнания на остров Патмос; предание говорит, что любимый ученик Господа здесь окончил и свою жизнь. Первым епископом Ефеса был святой Тимофей, поставленный апостолом Павлом. Впоследствии епископы Ефеса получили патриаршие права. Теперь на месте знаменитого

Мученица Кириакия и Ефесские отроки

прежде всего приказал собраться жителям окрестностей для принесения жертв идолам. Ослепленный своей гордостью, царь поставил среди города идолов, устроив перед ними жертвенники, вместе с царем, по его повелению, на них должны были принести жертвы сначала городские власти. При этом всенародном праздничном жертвоприношении земля напоилась кровью и воздух наполнился смрада и дыма: так много заколалось и сжигалось животных. Спустя два дня от царя вышло повеление собрать всех христиан и заставить принести жертвы идолам. Христиан начали искать повсюду: их вытаскивали из домов и пещер, соединяли в одну толпу и с бесчестьем приводили на площадь, где собирался народ, приносивший жертвы. Некоторые из последователей Христовых, не обладавшие крепостью душевною, боясь предстоящих мук, отпадали от веры и на глазах у всех поклонялись идолам. Другие христиане, бывшие или очевидцами или слышавшие о таких поступках со стороны своих собратий по вере, скорбели душою своею, оплакивая их отпадение от Христа и ниспадение в идолопоклонство; твердые же в вере и крепкие духом безбоязненно шли на муки и, умирая от разнообразных истязаний, мужественно полагали души свои за Господа своего. Мучимых было такое великое множе-

---

города жалкая турецкая деревушка Айя-Селук (святой богослов). Ефес в истории Церкви замечателен как место III Вселенского собора (431 г.), не считая нескольких поместных.

ство, что кровь их, истекавшая при нанесении ран и раздроблении костей, лилась на землю, как вода, тела мучеников или бросались, как сор при дороге, или вешались кругом на городских стенах, а головы на особых колах ставились пред городскими воротами; вороны, ястребы и другие плотоядные птицы слетались к стенам и пожирали тела умерших за веру. Для потаенных и скрывающихся христиан доставляла великую печаль невозможность взять и погребсти тела братий, поедаемые птицами; воздевая руки к небу, они с рыданиями молились Господу, чтобы Он избавил Церковь Свою от такого мучительства.

В это время в Ефесе находилось семь отроков, они были сыновья уважаемых городских начальников и служили в войске, имена их следующие: Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан и Антонин. Не будучи связаны узами телесного родства, они были связаны узами родства духовного — верою и любовию Христовою; они вместе молились и постились, сораспинаясь Христу умерщвлением плоти и строгим соблюдением целомудрия. Видя постоянные притеснения и жестокие казни христиан, они сокрушались в душе своей и не могли удержаться от слез и воздыханий. Когда язычники вместе с царем отправились приносить жертву, святые отроки уклонились от них; придя в церковь христианскую, они поверглись на землю пред Господом и, посыпав прахом свои головы, воссылали к Нему слезные молитвы. Подобные поступки с их стороны не укрылись от взора некоторых людей (в то время каждый наблюдал за другом своим, какому богу он молится, и предавал на смерть брат брата, отец сына, сын отца; никто не скрывал ближнего своего, если замечал, что он молится Христу). Они тотчас же пошли к царю и сказали:

— Царь, живи вовек! Ты призываешь издалека христиан, убеждая приносить жертвы, а между тем находящиеся около тебя пренебрегают твоей царской властью и, не слушая твоих повелений, нарушают их, держась христианской веры.

Разгневанный царь спросил, кто именно противится его повелениям. Доносчики сказали:

— Максимилиан, сын городского правителя, и шесть других отроков, сыновей знатных ефесских граждан; все они уже имеют значительные военные чины.

Царь тотчас же велел схватить их, заковать в цепи и привести к себе. Святые отроки скоро были приведены к царю с глазами еще не обсохшими от слез и со следами праха на голове. Взглянув на них, мучитель сказал:

— Почему вы не явились вместе с нами на праздник в честь богов, которым поклоняется вся вселенная? Подите теперь и, подобно другим, принесите богам должную жертву.

Святой Максимилиан отвечал:

— Мы исповедуем Единого Бога и Царя небесного, Своею славою наполнившего небо и землю, и Ему каждый час приносим духовную жертву веры и молитвы, идолам же вашим, чтобы не осквернить душ наших, мы не принесем жертв, состоящих из сожжения животных, сопровождаемого смрадом и дымом.

После такого ответа царь велел отнять у юношей их воинские пояса — знак занимаемого ими высокого положения:

— Вы не достойны, — сказал он, — служить в войске царя, ибо не повинуетесь ни ему, ни богам.

Однако, видя красоту и молодость их, царь сжалился над ними и сказал:

— Было бы безжалостно сейчас же предать мукам столь молодых. Поэтому, прекрасные юноши, я даю вам время для размышления, чтобы вы, образумившись, принесли жертву богам и, таким образом, сохранили себе жизнь.

Затем он приказал снять с них цепи и освободить их до назначенного времени, а сам удалился в другой город, намереваясь опять возвратиться в Ефес.

Святые же отроки, следуя учению Христову, дарованное им царем свободное время употребляли на добрые дела: взяв в доме родителей своих золото и серебро, они раздавали его тайно и открыто нищим. Вместе с тем они совещались между собою, говоря:

— Удалимся на время из города, пока в него не возвратится царь, уйдем в ту большую пещеру, которая находится в горе на восток от города, и там, пребывая в безмолвии, усердно помолимся Господу о даровании нам крепости при предстоящем исповедании Его святого имени, чтобы мы могли, безбоязненно явившись к мучителю, мужественно перенести страдания и получить от Владыки нашего Христа уготованный верным рабам неувядаемый венец славы.

Так сговорившись между собою, они отправились к восточной горе, известной под именем Охлон, захватив с собою столько серебра, сколько нужно было для покупки пищи на несколько дней, Придя в находившуюся в горе пещеру, они пробыли в ней довольно продолжительное время, непрестанно славя Бога и молясь о спасении своих душ. Хождение в город для покупки нужного было поручено святому Иамвлиху, как самому младшему. Святой Иамвлих, весьма разумный отрок, отправляясь в город, переменял свои одежды на рубище, чтобы его не узнали; из захваченных с собою денег, он отделял часть для раздачи нищим, а на остальные покупал пищу. В одно из таких посещений города святой Иамвлих, скрывая свое имя, разузнавал когда именно, скоро ли возвратится царь. Спустя достаточное время святой Иамвлих, под видом нищего, снова пришел в город и сам увидел вшествие возвратившегося с пути царя и слышал оповещенное в городе его повеление, чтобы все градоначальники и военачальники на следующее утро приготовились для принесения жертв богам, — столь ревностный язычник был царь. Кроме того, Иамвлих услышал, что царь велел отыскать и их, отпущенных на время, чтобы они вместе с другими гражданами, в его присутствии, принесли жертвы идолам. Испуганный Иамвлих, захватив немного хлеба, поспешил к братьям в пещеру; здесь он рассказал им все, что видел и слышал, сообщил также и о том, что их уже ищут для принесения жертв. Эти известия привели их в страх: пав на землю с плачем и стенаниями, они молились Богу, поручая себя Его покровительству и милосердию. Восстав от молитвы, святой Иамвлих приготовил трапезу, состоявшую из небольшого количества принесенного хлеба; был уже вечер, и солнце заходило; севши, святые отроки подкрепили себя пищею, ожидая предстоящих мучений. Окончив скудную трапезу, они беседовали между собою, ободряя и поощряя друг друга к мужественному перенесению страданий за Христа. Во время этой душеспасительной беседы их стало клонить ко сну: от сердечной печали отяжелели очи их. Милостивый же и человеколюбивый Господь, всегда пекущийся о церкви Своей и верных рабах Своих, повелел семи святым отрокам уснуть дивным и необычайным сном, желая в будущем явить дивное чудо и уверить сомневающихся относительно воскресения мертвых. Святые уснули сном смертным, души же их хранились в

руке Божией, а тела лежали нетленными и неизмененными, как у спящих.

Утром царь приказал отыскать семь благородных отроков и после тщетных поисков сказал вельможам:

— Я жалею юношей, потому что они были из знатного рода и отличались красотою, думаю, что они, боясь гнева нашего, убежали куда-нибудь и скрываются, хотя, по милосердию своему, мы готовы щадить тех, которые, покаявшись, опять обращаются к богам.

Вельможи отвечали на это:

— Не печалься, царь, об этих юношах, противящихся тебе и богам; мы слышали, что они не только не покаялись, но сделались еще злейшими хулителями богов: раздав городским нищим множество золота и серебра, они бесследно исчезли. Если позволишь, то можно призвать родителей их и пытками заставить открыть место, где находятся сыновья.

Царь, не медля, приказал призвать родителей святых отроков и сказал им:

— Скажите, не утаивая, где ваши опозорившие мое царство, сыновья? Вместо них я велю погубить вас: ведь вы дали им золото и серебро и отослали куда-то, чтобы они не явились пред лицом нашим.

Родители отвечали:

— Прибегаем к твоему милосердию, царь! Выслушай нас без гнева: мы не замышляем козней против твоего царства, никогда не нарушаем твоих повелений и постоянно приносим жертвы богам, — за что же нам грозишь смертью? Если же сыновья наши развратились, то не мы учили их этому, мы не давали им золота и серебра; они сами тайно взяли его и, раздав неимущим, убежали и скрылись, по дошедшим до нас слухам, в великой пещере горы Охлон. Прошло уже много дней, а они все не возвращаются: не знаем, живы ли они там или нет.

Царь, выслушав, отпустил родителей, а потом велел завалить каменьями вход в пещеру, говоря:

— Так как они не покаялись, не обратились к богам и не явились ко мне, то пусть отныне не видят более лица человеческого и погибнут от голода и жажды в заваленной камнями пещере.

Царь и жители Ефеса думали, что отроки еще живы, не зная, что они отошли уже ко Господу. В то время, когда заделывали вход в пе-

щеру, два царских постельничих Феодор и Руфин, тайные христиане, описали на двух оловянных дощечках страдания семи святых отроков, сообщив и их имена, потом они вложили эти дощечки в медный ящичек и поставили последний среди камней, положенных в пещерном ходе: если, думали они, Господь посетит рабов Своих до Своего славного пришествия, и пещера когда-нибудь будет открыта, и найдены будут тела святых, тогда по нашему описанию узнают об именах и делах их и поймут, что эти тела — тела мучеников, умерших в загражденной пещере за исповедание Христа. Так был завален вход в пещеру, причем на него была навешена печать.

Вскоре после этого умер нечестивый Декий. После него было много и других нечестивых царей, также гнавших Церковь Божию, пока с Константина Великого[1] не наступило время христианских

[1] *Константин Великий* — Римский император, сын Констанция Хлора, правителя западной части Римской империи, и Елены, родился в 274 году. По смерти отца войско провозгласило его императором, и он, благодаря этому, сделался обладателем Галлии и Испании. После продолжительной борьбы с начальниками других областей Римского государства, Лицинием и Максентием, Константин объявил себя в 324 году независимым правителем и объединил под своею властью всю империю. Константин Великий замечателен своею деятельностью на пользу Церкви Христовой; за эту именно деятельность история называет его Великим, а церковь — равноапостольным. Поворот к христианству в законодательной деятельности Константина Великого начинается с манифеста 313 года о веротерпимости, изданного в Медиолане за подписью его и Лициния: в этом манифесте, между прочим, разрешался свободный переход в христианство всякому желающему. Вскоре появились указы об освобождении клириков от всех личных повинностей и Церкви от податей, закон 321 года разрешал делать вклады в христианскую Церковь; в следующем году запрещено было христиан насильственно привлекать на языческие празднества. Сделавшись единодержавным, Константин Великий уничтожил указы и постановления прежних императоров, изданные против христиан; он возвратил права, имущество и свободу всем, лишившимся их в прежнее время за исповедание христианства. Особым указом им было предписано посвящать Богу воскресный день и другие праздничные дни; во время праздников закрывались зрелища и суды. В Церкви Константин Великий старался поддерживать мир и согласие; для прекращения арианских смут им был созван I Вселенский собор в Никее (325 г.). Не желая пребывать в Риме, где язычество было особенно сильно, Константин Великий перенес столицу в Византию; здесь он уничтожил идолов и украсил город христианскими храмами. В 337 году он принял крещение, после которого вскоре умер на шестьдесят пятом году жизни. В V веке Церковь причислила Константина Великого к лику святых; память празднуется его 21 мая.

царей. Во дни благочестивого царя Феодосия Младшего[1], когда прошло уже довольно продолжительное время со смерти Константина Великого, появились еретики, отрицавшие воскресение мертвых, хотя Господь Иисус Христос и передал об этом Церкви Своей ясное, уничтожающее всякое сомнение, учение. И, однако, многие усомнились, и не только миряне, но даже некоторые епископы сделались последователями ереси. Со стороны уклонившихся в ересь вельмож и епископов, — из последних особенно выделялся епископ Егинский Феодор, — возникло сильное гонение на православных. Одни из еретиков говорили, что за гробом люди не могут рассчитывать на воздаяние, ибо по смерти уничтожается не только тело, но и душа, другие же утверждали, что души будут иметь свое воздаяние, — одни тела истлеют, погибнут.

— Как могут, — говорили они, — восстать эти тела, спустя целые тысячелетия, когда нет уж и самого праха их?

Так умствовали еретики, в своем нечестии забывая слова Христовы в Евангелии: *мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут* (Ин. 5, 25), забыли и написанное у пророка Даниила: *многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление* (Дан. 12, 2), — и пророка Иезекииля, говорящего от лица Божия: *вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших* (Иез. 37, 12). Не помня этого учения Священного Писания, еретики производили большие смуты в Церкви Божией. Они доставляли царю Феодосию сильную печаль: он усердно в посте и слезах молился Богу, чтобы Он, Творец всего, избавил от пагубной ереси церковь Свою. Милостивый Господь, не хотя, чтобы кто-нибудь, заблуждаясь в истинах веры, погиб, услышал молитву царя и слезные стенания многих верных и явно открыл тайну ожидаемого воскресения мертвых и вечной жизни. По действию Божественного промысла, произошло следующее. Некоторый муж, по имени Адолий, владетель горы Охлон, где в загражденной пещере пребывали спящие отроки, имея на горе свободное место, захотел там сделать ограду для овец. При ее постройке рабы брали каменья, которыми был завален вход в пещеру; совершенно не предполагая, что в горе находится пещера, они думали, что камни

---

[1] *Феодосий II* — император с 408 по 450 год.

составляют естественную часть горы. Отсекая камни и унося их на место работы, они образовали в устье пещеры отверстие, в которое мог свободно пролезть человек. В это время Господь наш Иисус Христос, Владыка жизни и смерти, воздвигший некогда четверодневного Лазаря (см.: Ин. 11, 39, 43–44), воздвиг и уже много лет (около двухсот) спавших семь святых отроков: по Его Божественному велению, святые мученики воскресли, как бы пробудившись от сна. Восстав, они прежде всего вознесли утреннее славословие Господу, после чего, по обычаю, приветствовали друг друга. Им казалось, что они пробудились от обыкновенного ночного сна, потому что ничто не указывало им на пробуждение от смерти: одежды на них были совершенно не повреждены, внешний вид нисколько не изменился, — по-прежнему они цвели здоровьем и красотою; все невольно приводило святых отроков к мысли, что они вчера уснули, а теперь, утром, пробудились. Вступив в беседу между собою, они с печалью вспоминали о гонении на христиан и о том, что им надлежит отправляться в город по приказанию царя, повелевшему приносить жертвы идолам; они были уверены, что Декий ищет их для мучений. Обратившись ко святому Иамвлиху, они просили его снова рассказать, что он слышал в городе. Святой Иамвлих отвечал:

— Что сказал вам вчера, то скажу и сегодня: царь велел в нынешний день всем гражданам быть готовым для жертвоприношения, велел вместе с тем искать и нас, чтобы мы вместе со всеми на его глазах поклонились идолам, а если не сделаем этого, то он предаст нас мукам.

Тогда святой Максимилиан сказал, обращаясь ко всем:

— Братья, выйдем и явимся безбоязненно пред Декием: долго ли будем сидеть здесь подобно малодушным? Изыдем и без страха пред царем земным исповедуем Царя небесного, истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, а за славу Его святого имени прольем свою кровь, положим души наши, не будем бояться мучителя и мук смертных: они не могут лишить нас жизни вечной, которой мы ожидаем по вере во Христа Иисуса. Ты же, брат Иамвлих, озаботься приготовлением для нас в обычное время пищи, возьми сребреник и иди в город, там купи хлеба в большем, чем вчера, количестве, — ты

вчера принес мало, и мы голодны теперь; узнай, что приказал относительно нас Декий, и возвращайся поскорее, чтобы, подкрепившись пищею, мы могли по собственной воле выйти отсюда и предать самих себя на мучения.

Святой Иамвлих взял сребреник и отправился в город; было очень рано, только что начало рассветать.

Выходя из пещеры, святой Иамвлих, к удивлению своему, увидел камни. «Что это значит, — подумал он, — когда они положены? Вчерашний день их здесь не было». Спустившись с горы, он шел со страхом, опасаясь войти в город, где его могли узнать и свести к царю. Приблизившись к городским воротам, святой Иамвлих с великим изумлением заметил на них честно́й Крест, прекрасной художественной работы. И всюду, куда он не обращал взоры свои, везде с тем же изумлением замечал другие здания, жилища и стены. Святой Иамвлих пошел к другим воротам города и там с недоумением увидел изображение честного Креста, поставленное на стене; он обошел все ворота города и везде видел святые Кресты. От недоумения святой Иамвлих близок был к безумию. Возвратившись опять к первым воротам, он думал: «Что же это значит? Вчера нигде не было изображений честного Креста, кроме тех, которые тайно хранились у верных, а теперь они открыто поставлены на воротах и стенах города, вижу ли я их на самом деле или мне только кажется? Не во сне ли я?» Ободрившись, он вошел в город. Пройдя немного, святой Иамвлих услышал, что многие клянутся именем Христовым. Он пришел в ужас, размышляя: «Вчера никто не смел открыто произнести имя Христово, теперь же я слышу его из многих уст; по-видимому, это не Ефес, а какой-то другой город, при этом и здания другие, и на людях совершенно иные одежды». Продолжая путь свой, он спросил одного человека:

— Как называется этот город?

— Ефес, — отвечал тот.

Святой Иамвлих не поверил и по-прежнему думал: без сомнения, я попал в какой-то другой город, нужно скорее купить хлеба и поторопиться выйти из города, чтобы окончательно не заблудиться. Приблизившись к продавцу хлебов, он вынул сребреник и отдал ему для уплаты за хлеб и остановился, ожидая покупку и сдачу. Сре-

бреник был очень велик и имел на себе надпись и изображение древнейших царей. Продавец взял сребреник и показал его другому, тот подал третьему, а этот четвертому, подошли и другие присутствовавшие при этом; глядя на сребреник, все удивлялись его древности и, осматривая святого Иамвлиха, говорили на ухо друг другу:

— Наверное, этот отрок нашел какое-нибудь, спрятанное во дни глубокой древности, сокровище.

Святой Иамвлих, заметив их шепот, испугался, думая, что его узнали и сговариваются о том, чтобы его схватить и представить царю Декию.

— Прошу вас, — сказал он, — возьмите себе сребреник: я не хочу с него сдачи.

Но окружавшие схватили святого Иамвлиха и, удерживая, говорили:

— Открой нам, откуда ты и каким образом нашел сокровище времен древних царей, удели нам часть, и мы не скажем о тебе, а если ты не согласишься разделить его вместе с нами, мы предадим тебя судье.

Слыша это, святой Иамвлих удивлялся и, недоумевая, молчал. Они же продолжали:

— Нельзя уже утаить это сокровище, — где оно, скажи, лучше по собственной воле, пока не заставят этого сделать пытки.

Святой Иамвлих не знал, что им сказать, и молчал подобно немому. Тогда мужи сняли с него пояс и, надев ему на шею, держали его среди торговой площади; среди народа разнесся слух, что схвачен какой-то отрок, нашедший сокровище. Святого Иамвлиха окружила большая толпа; все смотрели на лицо его, говоря: он не здешний, мы раньше никогда не видали его. Святой же Иамвлих, хотя и желал сказать, что он не нашел никакого сокровища, но от сильного изумления не мог сказать ни одного слова; он глядел на толпу, стараясь найти кого-нибудь из знакомых или кого-нибудь из домашних — отца, матерь или раба. Никого не находя и не узнавая, он пришел еще в большее удивление: вчера его все знали как сына знатного человека, а сегодня не только никто его не узнает, но и сам он не находит никого из знакомых. Распространившийся по городу слух о взятии святого Иамвлиха дошел до начальника города и епи-

скопа Стефана[1]: по Божию смотрению, оба они в это время находились вместе и вели между собою беседу; оба они велели привести к себе юношу, захваченного со сребреником.

Во время пути святой Иамвлих думал, что его ведут к царю Декию, и еще прилежнее глядел в народ, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых, но все ожидания его были напрасны. Когда его привели к начальнику города и епископу, то они взяли сребреник и, рассматривая его, дивились, так как он относился ко времени очень древних царей. Потом начальник города спросил святого Иамвлиха:

— Где найденное тобою сокровище? Конечно, ты оттуда взял этот сребреник.

— Я не знаю никакого сокровища, — отвечал святой Иамвлих, — мне одно лишь известно, что он взят мною у моих родителей и ничем не отличается от обычных, употребляемых в этом городе, сребреников. Я удивляюсь и недоумеваю, что такое со мною делается.

— Откуда ты? — спросил градоначальник.

Святой отвечал:

— Думаю, что из этого города.

Градоначальник сказал на это:

— Чей ты сын? Находится ли здесь кто-нибудь из знающих тебя? Тогда он пусть придет и засвидетельствует справедливость твоих слов, и мы отпустим тебя.

Святой Иамвлих назвал по имени отца, мать деда, братьев и других родственников; никто не знал их.

— Ты говоришь неправду, — возразил градоначальник, — называешь какие-то странные и необычайные имена, каких мы никогда и не слыхали.

Святой отрок в недоумении молчал, опустив голову, одни из присутствовавших говорили:

— Он юродивый.

— Нет, он лишь притворяется таким, чтобы избегнуть беды, — отвечали другие.

Градоначальник с гневом начал угрожать святому Иамвлиху:

---

[1] По другим, более достоверным известиям, описываемое событие было при предшественнике Стефана святого Мемноне, память которого — 16 декабря.

— Как мы можем верить тебе, когда ты говоришь, что это сребреник ты взял из числа других, употребляемых твоими родителями? Ведь на нем изображение и надпись древнего царя Декия, по смерти которого прошло уже много лет, и сребреник совсем не похож на те, какие ходят ныне. Неужели родители твои так стары, что помнят царя Декия и имеют его сребреники? Ты еще молод, не имеешь тридцати лет, и хочешь своим коварством обмануть старцев и мудрецов ефесских. Я тебя брошу в темницу, подвергну наказанию и не отпущу до тех пор, пока не скажешь правды, не откроешь, где найденное тобою сокровище.

Во время этой речи градоначальника святой Иамвлих, с одной стороны, убоялся его угроз, с другой — удивился при словах, что Декий был в древнее время; упав на колена, он сказал:

— Молю вас, господа мои, ответьте мне на то, о чем я вас спрошу, а я сам расскажу вам все без принуждения: царь Декий находится ли в городе, он жив или нет?

Епископ отвечал ему:

— В настоящее время, сын мой, в этой стране нет царя по имени Декия, в прежние годы, во времена древние, действительно, был такой царь; теперь царствует благочестивый Феодосий.

Тогда святой Иамвлих сказал:

— Молю вас, пойдемте со мною и я покажу вам в пещере горы Охлон своих друзей, от которых убедитесь в справедливости сказанного мною. Мы, действительно, убегая от Декия, несколько дней тому назад удалились отсюда и скрылись в той пещере; Декия я вчера видел, когда он входил в Ефес, теперь же я не знаю, Ефес это или какой другой город.

Епископ, размышляя, говорил в себе:

— Бог хочет открыть через этого юношу какую-то тайну.

— Идем с ним, — обратился он к градоначальнику, — и посмотрим: что-то чудесное имеет совершиться.

Поднявшись, епископ и градоначальник пошли с юношею, за ними последовали все городские власти и множество народа. Когда шествие достигло до горы, святой Иамвлих первый вошел в пещеру, а епископ, следуя за ним с остальными, нашел при входе в пещеру, между двумя камнями, медный ящичек с двумя серебряными печа-

тями; открыв перед всеми ящичек, епископ и градоначальник нашли в нем две оловянные дощечки, в которых было написано, что семь святых отроков — Максимилиан, сын городского начальника, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан и Антонин, бежали от царя Декия и скрылись в этой пещере; повелением же Декия вход в пещеру был завален каменьями, и святые отроки умерли в ней мученическою смертью за Христа. После этого чтения все пришли в изумление и громко прославляли Бога.

Войдя в пещеру, они нашли святых отроков, цветущих красотою; лица их выражали радость и сияли светом благодати Божией; епископ, градоначальник и народ припали к ногам святых отроков, воздавая хвалу Богу, сподобившему их увидеть столь славное чудо. Святые отроки рассказали им все о себе, о Декии, — каково было при нем гонение на христиан. Тотчас епископ и градоначальник послали письмо благоверному царю Феодосию, прося его прислать честны́х мужей, чтобы видеть чудо, явленное Господом в его царствование:

— Ибо, — писали они, — в наши дни показал Господь в воскресении тел святых отроков образ будущего всеобщего воскресения не только души, но и тела.

Царь Феодосий, получив известие, пришел в сильную радость и тотчас, в сопровождении вельмож и множества народа, поспешил из Константинополя в Ефес, где был встречен торжественно, как подобало его высокому положению. Епископ, градоначальник и другие городские власти повели царя к пещере. Когда Феодосий, проникнув внутрь пещеры, увидел, подобных Ангелам, святых отроков, то пал к ногам их, они же, простерши руки, подняли его с земли. Восстав, царь с любовью обнял святых отроков и, лобызая их, не мог воздержаться от слез, потом, сев против них на земле, он с умилением глядел на них и славил Бога:

— Господа мои, — говорил он, — в лице вашем я вижу Самого Царя и Владыку моего Христа, некогда воздвигшего Лазаря из гроба: ныне Он и вас воздвиг Своим всесильным словом, чтобы явно возвестить нам о грядущем воскресении мертвых, когда находящиеся в гробах, услышав глас Сына Божия, оживут и изыдут из них нетленны.

Святой Максимилиан сказал царю:

— Отныне царство твое за твердость веры твоей будет несокрушимо, и Иисус Христос, Сын Бога Живого (ср.: Мф. 16, 16), сохранит его во имя святое Свое от всякого зла; верь, что ради тебя Господь воскресил нас прежде дня всеобщего воскресения.

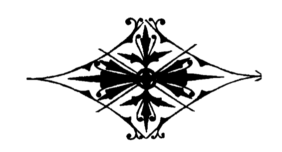
Во время довольно продолжительной беседы святые отроки говорили царю и много других душеспасительных истин, а царь с епископом, вельможами и народом внимал им с радостью духовною. (Греческий описатель церковных событий Никифор Каллист прибавляет, что царь в течение недели каждый день разделял с ними трапезу и служил им.) После этих собеседований святые отроки на глазах у всех, наслаждавшихся их лицезрением, опять склонили головы на землю и уснули по Божию повелению смертным сном. Сильно плакал царь над ними, и все присутствующие не могли удержаться от слез[1].

Царь велел приготовить из серебра и золота семь гробниц, чтобы положить в них тела святых отроков. В ту же ночь они явились во сне царю, повелевая ему не трогать их, но оставить почивать на земле, как они почивали прежде. На месте успения святых отроков собрался сонм святителей, которые, сотворив светлый праздник, достойно почтили святых мучеников. Царь же раздал щедрую милостыню нищим и убогим той страны, отпустил на свободу находившихся в темницах, после чего с радостью возвратился в Царьград, славя Христа Бога нашего, Ему же и от нас грешных да будет честь и слава со Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

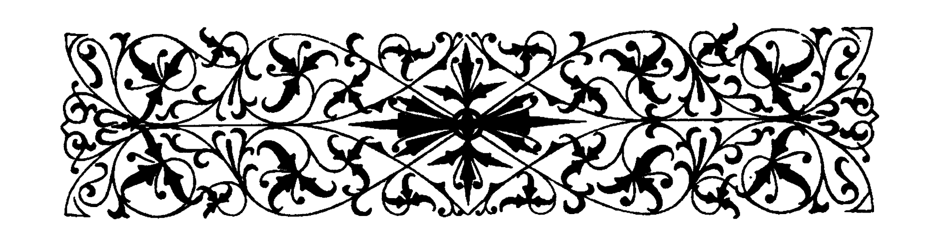
---

[1] Эта чудесная история имеет весьма сильные, неопровержимые доказательства своей достоверности: современник — описатель этого события, святой Иоанн Колов († ок. 422 года или в первой половине V века) говорит об этом событии в житии Паисия Великого 19 июня; сирский писатель, православный епископ Саругенский (в Месопотамии) Иаков оставил описание этого события; оно в переводе было известно Григорию Турскому († 594 г.). Сирийцы — марониты, в VII веке отделившиеся от Православной Церкви, в своей службе чтут святых отроков; они находятся в эфиопском календаре и древних римских мартирологах; история их была известна Магомету и многим арабским писателям. Пещера отроков до сих пор показывается близ Ефеса на склоне горы Приона. Последнее известие о мощах их относится к XII веку, когда их видел наш паломник по святым местам игумен Даниил. Дальнейшая судьба честны́х мощей неизвестна.

В тот же день **память преподобномученицы Евдокии**, пострадавшей в Персии при Сапоре, около 362–364 годов.



В тот же день **память святого мученика Елевферия**, служившего постельничим (кувикуларием) при дворе Максимиана и, по его повелению, за Христа мечом усеченного.



День пятый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПОНТИЯ РИМЛЯНИНА

Кто может уверовать, если Господь не привлечет к Себе? Кто может совершать подвиги, если Господь не поможет? Кто может удостоиться мученического венца, если Христос не дарует его? И я недостойный, — говорит описатель настоящего жития Валерий, воспитывавшийся и учившийся вместе со святым мучеником Понтием, — не получил такой благодати, чтобы вместе с ним и умереть за Христа, но ради его подвигов и мученичества надеюсь на милость от Господа. Все, что я говорю о нем, — призываю во свидетели Христа и Его Ангелов, — видел и своими глазами, слышал своими ушами и даже отчасти разделял с ним. Ради этого и вы верьте настоящему правдивому повествованию, и за веру вашу вы получите вместе со святым мучеником награду от Господа в день воскресения мертвых.

В Риме[1] жил почтенный сенатор Марк; он был бездетен, что доставляло большую печаль как ему, так и жене его Юлии. На двадцать втором году супружества Юлия, к великой радости, почувствовала, что она забеременела; на пятом месяце беременности она, обходя вместе со своим мужем идольские капища, — оба они были язычники, — пришла в храм Дия, называвшегося великим. Здесь Юлия взглянула на жреца, который с венцом на голове совершал жертвоприношение пред идолом; вдруг жрец пришел в сильнейшее возбуждение и, сняв с себя венец, начал раздроблять его на части, крича со слезами:

[1] См. стр. 74, прим. 2.

— Эта жена носит во чреве того, который разрушит до основания этой великий храм и уничтожит его богов!

Эти слова взволнованный жрец проговорил громким голосом несколько раз, чем привел всех присутствовавших в ужас и из них особенно Марка и Юлию; они в трепете убежали из храма в свой дом, находившийся близ храма. Взяв камень, Юлия наносила себе удары по чреву и бокам со словами.

— О, если бы мне не зачинать того, от кого разорится храм и боги сокрушатся; лучше мне самой умереть с ним, чем родить его!

Свв. Евсигний и Понтий

Когда приблизилось время, она родила совершенно здорового младенца, хотя все ожидали, что он будет мертв, вспоминая те сильные удары камнем, какие наносила себе мать. Юлия хотела убить новорожденного, но отец воспротивился этому, говоря:

— Если Дий захочет, он сам отомстит своему врагу; мы же не будем убийцами своего дитяти.

Так мальчик остался жить и был назван Понтием. Когда сын подрос, родители отдали его в училище, и никогда не брали его с собою в храм. Отрок же возрастал не только годами, но и умом: уже во время ранней юности он мог по справедливости быть назван философом; вместе с тем он был очень сведущ и в других науках, так как обладал отличной памятью и большою начитанностью; стремлением к истинному знанию Понтий превосходил всех своих сверстников.

Раз ранним утром он отправился к своему учителю, и ему случилось проходить мимо одного христианского дома и в то именно время, когда собравшиеся там вместе с папою Понтианом[1] верные пели утренние псалмы. Вслушавшись в пение, Понтий разобрал слова: *Бог наш на небесах; творит все, что хочет. А их идолы — се-*

[1] *Святой Понтиан* — папа Римский с 230 по 235 год.

ребро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют; есть у них руки, но не осязают; есть у них ноги, но не ходят; и они не издают голоса гортанью своею. Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них (Пс. 113, 11–16).

Остановившись, он вздохнул и невольно задумался над смыслом этого изречения, затем, умилившись под действием благодати Святого Духа, Понтий заплакал и, подняв руки к верху, воскликнул:

— Боже, Которому я слышу сейчас возносимую хвалу, дай мне познать Тебя!

Затем он подошел к дверям дома и стал прилежно стучать в них. Выглянувшие сверху из окна сказали папе:

— Какой-то отрок стучится в дверь.

Папа, уже знавший все по откровению Святого Духа, сказал:

— Идите отоприте ему, чтобы он пришел к нам, *ибо таковых есть Царствие Божие* (Лк. 18, 16).

Честны́й отрок вошел в дом только с одним своим сверстником и товарищем по учению Валерием, который и написал житие святого Понтия; рабов своих он оставил на улице. Войдя в комнату и увидя, что совершается богослужение, отрок удалился в угол, где и пробыл до конца богослужения, внимательно слушая и умиляясь сердцем. Затем он подошел к святому папе и, припав со слезами к ногам его, говорил:

— Молю тебя, отец мой, открой мне смысл слов, которые сейчас вы пели: идолы язычников слепы и глухи, не обоняют и не могут осязать руками; особенно меня поразило изречение: *подобны им да будут творящие их и все, надеющиеся на них.*

Папа с любовью привлек к себе Понтия и сказал ему:

— Вижу, сын мой, что Бог просветил твое сердце, заставив его стремиться к Нему. Подумай и посмотри, — не все ли идолы сделаны или из золота, или серебра, или меди или вообще из какого-нибудь вещества? Кто не знает, что каменные идолы высечены из гор и оттуда положенные на колья привезены для продажи на торговую площадь? Могут ли эти, созданные из земли идолы, которых в будущем ждет разрушение и обращение в землю, быть богами? Наш же Бог, в Которого мы веруем, на небесах, и Его можно видеть только сердечными, а не плотскими очами и — познавать только верою.

На это блаженный Понтий отвечал:

— Мой отец и господин, ты говоришь совершенно справедливо: кто действительно не видит, что идолы бездушны и недвижимы и что ими полна не только торговая площадь, капитолий и храмы, но и все улицы. Их такое множество, что и счесть нельзя; они имеют самый разнообразный вид и сделаны путем весьма высокого искусства, до какого только мог дойти ум человека. Кто не видит также, что они прикреплены железом или оловом к своим местам, чтобы их не свалил ветер, и они не разбились; известно и то, что воры и разбойники часто похищают золотых и серебряных идолов, и как они могут охранять людей от зла, когда сами нуждаются в охранении со стороны одних людей, чтобы их не украли другие?

Святой папа Понтиан удивлялся уму отрока и, взяв его за руку, хотел посадить с собою, но блаженный Понтий сказал:

— Если при наших учителях, обучающих маловажным вещам, мы не смеем сидеть, то как я сяду с отцом, который вместо пути заблуждения указывает мне путь правды и вместо тьмы — свет.

Папа отвечал:

— Господь и Учитель наш Иисус Христос дал нам такой завет, чтобы все были едино в Нем (ср.: Ин. 15, 4–5) и наставляли друг друга на полезное.

Потом папа спросил блаженного отрока:

— Имеешь ли ты родителей?

— Вот уже второй год, — отвечал Понтий, — как мать моя умерла; жив только мой отец, уже глубокий старец, для которого я служу единственным утешением.

— Он христианин или язычник? — осведомился папа.

— Мой отец, как и большинство, ревностный язычник, — сказал на это Понтий.

— Бог, просветивший тебя без всякого учения со стороны людей, — говорил папа, — может просветить и твоего отца, чтобы родивший тебя в эту смертную жизнь познал через тебя жизнь бессмертную. И ты, сын мой, послушайся меня: веруй во Христа и прими святое крещение, избавляющее от вечных мучений.

В подобных выражениях папа около трех часов наставлял Понтия, объясняя ему учение о Царствии Божием; огласив его и пришедшего с ним отрока Валерия и подготовив их, таким образом, к

принятию святого крещения, он отпустил обоих с миром. Они же вышли и, как агнцы, покинувшие обильное пастбище, радовались, что обрели спасение своих душ. С этого времени они каждый день приходили к святителю Божию, поучаясь у него.

Однажды сенатор Марк спросил Понтия:

— Что нового узнал ты, сын мой, за эти дни у твоих учителей?

— За все время учения, — отвечал Понтий, — я не слышал от них ничего лучше того, чему научился теперь.

Отец радовался, полагая, что отрок узнал новые сведения из наук, проходившихся в языческих школах. Блаженный же Понтий, выискивая удобный случай, чтобы склонить к вере во Христа и отца вместе с собою, в один день сказал:

— Я от многих, отец мой, слышу, что боги, которым мы поклоняемся, суетны и ничего не имеют в себе божественного, в чем отчасти убежден и сам: они обладают только подобием органов человеческих и совершенно бездеятельны; каждый, желающий иметь в доме богов, нанимает мастера и через него делает себе богов из таких материалов, какие позволяют средства: из золота, серебра или чего-нибудь другого. Умоляю тебя, отец мой, скажи мне, слышал ли ты или видел ли когда-нибудь, чтобы стоящие в нашем доме боги за все время, пока находятся здесь, проявили силу в каком-либо действии?

— Никогда не было ничего подобного, — отвечал Марк.

— Тогда для чего же чтить их, — приносить жертвы, воскурять фимиам и кланяться им? — спросил Понтий.

От этих слов Марк пришел в сильную ярость и хотел ударить сына мечом, говоря:

— Ты хулишь моих богов!

Потом, успокоившись, он сказал:

— Неужели, сын мой, мы одни только будем не признавать богов и не приносить им жертв?

Блаженный Понтий возразил на это:

— Здесь же в городе очень много людей, которые приносят истинную жертву истинному Богу.

— Где их найти? — спросил Марк.

— Если хочешь, я пойду и приведу к тебе мужа, который все тебе ясно расскажет, — предложил Понтий.

Отец согласился. Понтий обратился к Валерию и сказал:

— Вот перемена, произведенная десницею Вышнего, — и тотчас отправился к святому папе Понтиану и привел его к отцу.

Папа долго беседовал с Марком, научая его познанию истинного Бога и открывая ему тайны святой веры. Марк от всего сердца уверовал в Господа нашего Иисуса Христа и вместе с папою и сыном начал сокрушать стоявших в доме идолов; после этого он вместе с сыном и всем домом принял святое крещение. После крещения Марк прожил недолго и преставился ко Господу, будучи уже весьма почтенным старцем. Блаженному Понтию в это время было двадцать лет. Спустя шесть месяцев по смерти отца он был взят ко двору царя Александра и сделан сенатором на место отца своего. Это произошло по нарочитому действию промысла Божия, чтобы впоследствии, в установленное время, через Понтия познали Христа не только народ, но и цари. Исполненный истинного благочестия святой Понтий пользовался невольною любовью и уважением со стороны всех царедворцев. В это время доблестно скончал свою жизнь святой папа Понтиан, убитый за исповедание Христово по приказанию Максимина, преемника Александра, его место занял святой Анфир, но и он, едва пробыв месяц на престоле римского патриарха, мученически умер за Христа при том же Максимине. После святого Анфира попою был избран святой Фавий[1]; он любил святого Понтия — как родной отец родного сына. Святой Понтий отдал ему все свое имение для раздачи нищим, особенно единоверцам.

Но уже время перейти к рассказу о том, каким образом истинный раб Христов святой Понтий обратил ко Христу царей и как в борьбе с диаволом одержал победу, стяжав мученический венец.

После погибели мучителя Максимина царем был Гордиан, преемником которого явился Филипп, сделавший своим соправителем сына своего тоже Филиппа; оба они очень любили святого Понтия, как человека мудрого, благочестивого и полезного в делах правления своими советами. В третий год своего царствования, бывший в то же время тысячным от основания Рима, они, отправляясь в храм для принесения богам благодарственной жертвы, пригласили с собой и любимого своего сенатора Понтия:

[1] См. житие его под настоящим числом.

— Пойдем и воздадим благодарность великим богам за то, что они дали нам возможность праздновать тысячелетие Рима в самом городе.

Святой Понтий всячески старался уклониться от их приглашения, чтобы не идти в языческий храм, но цари настойчиво звали его, как друга, с собою. Тогда святой Понтий, поняв, что настало удобное время для открытия царям Единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, сказал:

— О добрые цари, Богом поставленные над людьми, зачем вы не поклоняетесь Тому, Кто даровал вам царскую честь и власть, почему Ему, Единому, не приносите жертвы хвалы?

Царь Филипп Старший сказал на это:

— Я и хочу принести жертву великому Дию потому именно, что он даровал мне власть царскую.

Святой Понтий возразил ему с улыбкой:

— Не обманывайся, царь, поклоняясь Дию: один Бог на небе, все создавший единым словом Своим и все оживотворивший благодатью Святого Духа.

— Зачем ты все это говоришь, не знаем, — ответили оба царя.

— От века ли существует Дий? — спросил святой Понтий.

— Нет, — сказали цари, — прежде Дия был Кронос, отец его; он царствовал в Италии и под его управлением народы Италии наслаждались благоденствием.

— А в то время, пока царствовал Кронос в Крите и пока он, будучи изгнан сыном своим Дием, не пришел в Италию, разве последняя не имела народов и правителей? — снова спросил святой Понтий.

— Нет, — продолжал он, — не прельщайтесь ложными баснями ваших стихотворцев. Один Бог над всеми на небе, — Бог Отец, Который вместе с Сыном Своим и Святым Духом управляет всем, что Он создал, и поддерживает силою Своею все существующее; создал же Он и небо, и землю, и море со всем, что находится в них; после всего Он сотворил по образу и подобию Своему бессмертного человека и подчинил его власти все, что на земле, в море и воздухе. Видя ту великую честь, какою Бог облек человека, сверженный с неба диавол исполнился зависти и внушил человеку льстивую мысль о нарушении заповеди Божией, чтобы через это он оказался неблагодар-

ным и непослушным пред своим Творцом и Благодетелем. Человек последовал коварному совету обольстителя и тем лишил себя бессмертия, своим преслушанием наведя смерть не только на себя, но и на весь род человеческий. Но диавол не удовлетворился этим обольщением человека и изобрел идолов, которых вы называете богами, чтобы еще более отторгнуть род человеческий от Создателя. Милосердный же Господь, не желая окончательной гибели созданного по Его образу человека, благоизволил послать на землю с небесного престола Единородное Слово Свое[1]: Слово Божие действием Святого Духа вселилось в утробу Пречистой Девы, непостижимо приняло от Нее плоть и родилось от Нее неизреченно, и Слово стало человеком, чтобы обновить падшего человека и уничтожить власть диавола. Богочеловек явил над людьми множество чудес: Он исцелял словом слепорожденных, расслабленных и привязанных к одру болезни много лет, очищал прокаженных, воскрешал мертвых, — воззвав из гроба четверодневного Лазаря, даровал ему жизнь; как Бог всемогущий, он содеял неисчислимое множество и других чудес. Но иудеи, не веруя в Него и завидуя Ему, предали Его Понтийскому Пилату игемону и пригвоздили ко кресту Пришедшего спасти их. Он же, как Бог, восстал в третий день из мертвых и по воскресении Своем в течение многих дней являлся ученикам Своим; Он уничтожил смерть, причиненную диаволом человеку, Своею смертью и Своим воскресением даровал нам жизнь вечную, и как Он, восстав от мертвых, уже не умирает, так и мы, по окончании этой кратковременной, но обильной скорбями жизни, восстав из гробов наших, будем вечно жить с Ним. Указав путь спасения, он вознесся на небо,

---

[1] Так называется Второе Лицо Пресвятой Троицы, Сын Божий, Христос Спаситель. Наименование это взято из Евангелия Иоанна (Ин. 1; 1–14). — Почему же Сын Божий именуется Словом? а) По сравнению Его рождения с происхождением нашего человеческого слова: как наше слово бесстрастно, невидимо, духовно рождается от нашего ума или мысли, так и Сын Божий бесстрастно и духовно рождается от Отца. б) Как в нашем слове открывается или выражается наша мысль, так и Сын Божий по существу и совершенством Своим есть точнейшее отображение Бога Отца и потому называется *сиянием славы Его и образом* (отпечатлением) *ипостаси Его* (Евр. 1, 3). в) Как мы чрез слово сообщаем другим свои мысли, так Бог, многократно глаголавший людям чрез пророков, наконец глаголал чрез Сына (Евр. 1, 2), Который для этого воплотился и так полно открыл волю Отца Своего, что видевший Сына видел Отца (Ин. 14, 9).

и если кто пренебрежет этим спасением, тот вместе с диаволом подвергнется вечному осуждению; верующий же и идущий путем спасения вечно будет со Христом в Царствии небесном.

Святой Понтий долго просвещал царей: он рассказал им все подробно о Христе, о тайнах веры и о будущей жизни, и его речь, проникнутая благодатью Святого Духа, отверзла царям ум: уразумев всю истинность его слов, они умилились сердцем и уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. Цари умоляли святого Понтия на следующий день еще более подробно изъяснить им тайну спасения, чтобы они могли избежать неугасимого огня и в будущей бессмертной жизни получить часть со святыми. В этот день, равно как и после, цари не ходили в капитолий для принесения жертв идолам; они приказали только день тысячелетия Рима отпраздновать народными зрелищами. Святой же Понтий не замедлил отправиться к святейшему папе Фавию, которому и рассказал все; папа, исполненный живейшей радости, преклонил колена, говоря:

— Господи Иисусе Христе, благодарю Тебя, что Ты благоизволил чрез раба Своего Понтия привести царей Римских к познанию Твоего пресвятого имени!

На другой день папа и Понтий вместе отправились к царям и долго беседовали с ними о Едином истинном Боге и о всем пути спасения; видя веру царей, папа огласил их ко святому крещению, а потом, спустя непродолжительное время, и крестил; вместе с ними крестились и другие, ибо по примеру царей весьма многие уверовали во Христа. И кто может передать радость христиан в это время? Тогда сбылось и произнесенное по велению Божию диаволом чрез бесновавшегося жреца о святом Понтии, когда он находился еще в утробе матери: заручившись разрешением царей, святой Понтий вместе со святым папою Фавием пошел в храм Дия, где было произнесено вышеупомянутое предсказание; здесь они сначала сокрушили идолов, а потом разорили до основания и самый храм; было уничтожено и несколько других языческих храмов, их место заняли святые Божии церкви; в эти дни очень многие обращались ко Христу и крестились. Но они не составляли собой всех жителей Рима: это была только часть его, и не все капища, наполненные идолами, были разрушены за описываемые благоприятные для Церкви Христовой, но немногие, по воле Божией, годы. Такою свободою она

наслаждалась только четыре года: Господь Иисус Христос, желая искусить Церковь Свою как золото в горниле, попустил начаться новому гонению, — нечестивый Декий[1], находясь во главе язычников, поднял восстание и убил благочестивых царей за их веру во Христа. И многие из новокрещеных, не обладавшие твердостью душевною, боясь гонений, снова возвратились к язычеству; другие же бежали, скрываясь, где кто мог, а мужественные смело шли на муки, полагая за Христа души свои. В это лютое, неожиданно, как буря, поднявшееся гонение святой Понтий укрылся в одном месте в самом Риме, но его особенно старательно отыскивали языческие жрецы; своим разрушением идолов капищ он возбудил в них к себе сильнейшую ненависть, — они жаждали предать его мучениям. Это обстоятельство побудило святого Понтия бежать в одну ночь из Рима, следуя словам Самого Господа, говорящего в Евангелии: *когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23); он пришел в город Кимелу[2], находившийся на границе Галлии, близ Альпийских гор, здесь он жил как странник и пришелец. Царь Декий вскоре погиб, и после кратковременного царствования Галла с Волузианом на престол Римского государства вступил Валериан[3] с сыном Галлиеном. Эти цари желали уничтожить самое имя христиан не только в Риме, но и во всех областях его; с этою целью они повсюду рассылали особых начальников для мучения христиан; два таких мучителя, Клавдий и Анавий, были, между прочим, посланы и в Галльскую область. Они прежде всего пришли в город Кимелу; принеся жертвы богам и устроив посреди города судилище, они издали повеления, которым предписывалось христиан брать и представлять к ним для пыток. Святой Понтий как муж знаменитый и знатный был схвачен и представлен прежде всех на беззаконное судилище. Увидев его, игемон Клавдий сказал с гневом:

— Ты тот Понтий, который, не знаю каким волшебством, произвел смятение в Риме и отвратил от богов царей?

— Я никого не совращал и не производил никаких смут, — отвечал святой Понтий, — но обратил, кого мог, от язычества к истинному Богу.

---

[1] *Декий* — император с 249 по 251 год.

[2] Близ нынешней Ниццы.

[3] *Валериан* — император с 253 по 259 год.

Игемон сказал:

— Цари наши, зная, что ты человек знатного рода, приказали тебе принести жертву богам: в противном случае ты будешь осужден на различные мучения вместе с людьми худородными и нищими.

Святой Понтий возразил на это:

— Мой царь и утешитель Христос, и если за Него я лишусь земного отечества, то буду наследником вечного, и если лишусь скоропреходящих благ, то буду участником вместе со святыми Ангелами в небесной славе.

— Зачем ты хочешь получить избавление, произнося совершенно непонятные речи? — спросил Клавдий. — Тебе предстоит одно, — принести жертву богам: если не сделаешь этого, то тело твое будет растерзано на пытке.

— Ведь я сказал тебе, что я христианин и никогда не принесу жертвы богам, — отвечал святой Понтий.

Игемон приказал святого Понтия бросить, заковав предварительно в цепи, в темницу, пока он сообщит о нем царям; затем Клавдий отправил к ним такое письмо:

— Владыкам вселенной, могучим победителям, царям римским Валериану и Галлиену рабы ваши Клавдий и Анавий: войдя в пределы Галлии, мы нашли Понтия, некогда смутившего Рим, сокрушившего богов и разорившего их храмы, а теперь укрывающегося от вашей власти и не повинующегося вашим велениям, и так как он один из знатнейших сенаторов, то мы не посмели подвергнуть его мучениям, но только, заключив в узы, посадили в темницу, доколе вы не рассмотрите это дело и не повелите, как мы должны с ним поступить.

Цари прислали такой ответ:

— «Владычество наше повелевает вам следующее: если Понтий не захочет принести жертвы богам, то вы получаете над ним полную власть и можете умертвить его каким только образом хотите».

Получив повеление царей, игемоны Клавдий и Анавий отправились в судилище и приказали привести Христова узника. Клавдий сказал святому Понтию:

— Выслушай справедливое приказание владык твоих, которым они повелевают тебе принести богам жертву; если не сделаешь этого, то предашься на мучения вместе с осужденными.

Святой Понтий ответил:

— Я не имею никакого другого Владыки, кроме единого Господа моего Иисуса Христа, Который всегда может избавить меня от тех мук, какими вы угрожаете мне.

— Я удивляюсь, — говорил Клавдий, — как ты человек знатный по собственной воле дошел до такой нищеты и бесчестия, — ты служишь такому Господу, о Котором вы сами рассказываете, что Он был человеком бедным и простым, и что Его убил, не знаю за какое преступление, Пилат, тоже подобно нам игемон. Не лучше ли тебе повиноваться господам, которые кротко управляют всем Римским царством?

— Удивляюсь и я, — возразил святой Понтий, — как ты, будучи человеком разумным, дошел до такого безумия, что не хочешь познать Творца неба и земли, обнищавшего ради твоего спасения и — дерзаешь называть бесславным Того, Кого на небе почитают Ангелы и Кто не по принуждению, а по своей воле благоволил ради нашего избавления претерпеть распятие от иудеев и Пилата. О, если бы ты захотел преклониться пред столь великим в своем смирении Богом: тотчас просветился бы ум твой и ты уразумел бы, что в своем заблуждении лежишь как в темной пропасти вместе со своими богами или лучше сказать — бесами; владыки же твои, которых ты называешь правителями римскими, поклоняясь дереву и камню, не только сами идут к погибели, но и увлекают за собою подчиненный им народ; знайте, что если вы останетесь в своем неверии, то погибнете лютою смертью и в день страшного суда вместе с вашими богами осудитесь на вечные муки.

Эти слова привели игемона в ярость; в гневе он закричал слугам:

— Приготовьте гребни, железные рожны, огонь и все, что имеется для мучений; пусть пред всеми обнаружится его безумие!

— Все уже готово, — отвечали слуги.

— Протяните его на дыбу, — приказал игемон, — чтобы он всем телом своим почувствовал мучения, и посмотрим, избавит ли его Бог от наших рук.

Святой Понтий, в то время как его протягивали, говорил игемону:

— Хотя по неверию своему ты и называешь Бога моего бессильным, но я твердо верю, что муки, которые ты намерен причинить

мне, по силе Владыки моего Иисуса Христа не коснутся тела моего, и оно избежит страдание.

Тотчас же орудие пытки с великим громом упало и превратилось в прах; слуги от страха, как мертвые, тоже попадали на землю, а святой Понтий, исполнившись радости, сказал игемону:

— Хоть теперь убедись, маловер, что Господь мой имеет власть *избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания* (2 Пет. 2, 9).

Клавдий игемон от гнева не знал, что делать; друг его Анавий сказал ему:

— Мудрый муж, когда мы пришли сюда, то в одно время с нами было приведено два громадных медведя, пойманных в Далматских горах; прикажи устроить зрелище и отдай Понтия на съедение этим зверям.

Быстро, по приказанию игемона, было устроено зрелище, и святой мученик поставлен посреди; два сторожа вывели медведей, чтобы они растерзали святого. Но медведи неожиданно бросились на сторожей и пожрали их, к святому же Понтию они боялись даже приблизиться. У присутствовавшего при этом народа исторгся невольный крик:

— Един есть Бог — Бог христианский, в Которого верует Понтий!

Уязвленный в своей гордости и еще более разгневанный игемон закричал слугам, чтобы они, как можно скорее, принесли дров и хвороста: он хотел сжечь святого мученика. Святой Понтий сказал ему:

— В чем обвиняешь ты меня, что считаешь возможным предать меня огню? Ты сам погибнешь в неугасимом огне; меня же Господь мой всегда, если захочет, сохранит невредимым среди огня, как соблюл Он в древности трех отроков в вавилонской печи (см.: Дан. 3).

Когда были собраны дрова и все другое, что может гореть, святого Понтия поставили связанного среди того места, где совершались зрелища; затем его обложили кругом дровами и хворостом и зажгли их; все думали, что от мученика останется один только пепел. Но когда все сгорело, то увидели, что святой Понтий жив и совершенно невредим: огонь не коснулся даже его одежды. И снова народ воскликнул:

— Велик Бог христианский!

Видя свое поражение, игемон почувствовал сильный стыд и сказал святому мученику:

— Чего ты гордишься, как будто бы уже победил все мучения, не думаешь ли избежать более сильных? Но вот близ честнóй храм Аполлона: ступай и принеси в нем жертву.

Святой Понтий отвечал:

— Я приношу Господу моему Иисусу Христу в жертву мое тело, которое до сих пор соблюл чистым от языческих мерзостей, а вас и царей ваших скоро постигнет справедливый суд Божий за то, что вы несправедливо гоните невинных рабов Христовых.

Игемон же начал лицемерно уговаривать его:

— На самом деле следовало бы, чтобы ты был нашим судьей, а не мы твоим: ведь ты один из первых сенаторов, и мы недоумеваем, из-за каких напрасных надежд ты лишаешь сам себя чести и богатства.

— Честь этого мира и богатства его, — отвечал святой Понтий, — похожи на утренний туман, скрывающий от глаз человека и землю, и горы, и море; когда же повеет ветер, он быстро исчезает, — точно его и не было; но честь, богатство и слава, к которым я стремлюсь, пребывают вечно.

Во время этой речи святого иудеи, в большом числе находившиеся среди народной толпы, начали кричать, обращаясь к игемону:

— Убей, убей скорее волхва этого!

А святой Понтий, подняв руки к небу, говорил:

— Благодарю Тебя, Боже мой, что и иудеи вопиют против меня, подражая отцам своим, кричавшим Пилату на Христа: распни, распни Его! (ср.: Ин. 19; 6, 15).

После этого игемон произнес смертный приговор святому Понтию:

— Ведите его за город и там на камне, близ ручья, отсеките ему голову, а тело бросьте в болото.

Все было исполнено, как приказал мучитель. И святой мученик Понтий, будучи обезглавлен, этим последним мучением завершил свои страдания за Христа. Честнóе же тело святого описатель стра-

даний его и сверстник его Валерий предал погребению на том самом месте, где оно было повержено по усечении главы[1].

Спустя немного времени по смерти святого Понтия сбылись его пророчества. Нечестивый царь Римский Валериан во время войны с Персидским царем Сапором был захвачен в плен, где постоянно подвергался всевозможным издевательствам: всякий раз когда Сапор садился на коня, он наступал ногою на шею Валериану, как будто на подножку; другой же царь римский — Галлиен был убит своими воинами на дороге в Медиолан. Игемон же Клавдий и друг его Анавий сделались бесноватыми в тот именно час, когда святой мученик был усечен: Клавдий собственными зубами изгрыз свой язык и выплюнул его изо рта, а у Анавия глаза вышли из орбит и повисли вдоль щек. И после недолгих, но лютых мучений от бесов, они оба окончили жизнь свою. Язычники и иудеи, видя исполнение слов святого Понтия, почувствовали страх, и многие начали почитать гробницу святого мученика. Валерий же, описав жизнь и страдания святого, и видя, что гонение не прекращается, сел на корабль и отплыл, боясь мучителей, в Ливию. А честна́я душа святого мученика Понтия вошла в радость Господа своего Владыки нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЕВСИГНИЯ

Святой Евсигний происходил из Антиохии; за все время царствования Диоклетиана, Максимиана, Констанция Хлора, Константина Великого и его сыновей он служил в войске; он известен, между прочим, как собеседник святого мученика Василиска и описатель его страданий, понесенных им при Максимиане. По усече-

---

[1] В V веке Валериан, епископ Кимельский (около 460 г.), в речах своих возбуждает слушателей к подражанию мученику Понтию и говорит о мощах его, украшенных усердием христиан. Впоследствии, без сомнения, когда Кимела была опустошена лонгобардами и жители ее переселились в Ниццу, сюда были перенесены мощи святого мученика Понтия.

нии главы святого Василиска святой Евсигний вместе с другими присутствовавшими при этом верными удостоился дивного видения: он увидел множество Ангелов, возносивших на небо душу мученика, где принял ее от них стоящий на небе Господь Иисус Христос. В царствование Константина Великого, находясь в его полках, святой Евсигний видел вместе с ним изображенный звездами на небе Крест, и, вооруженный силой крестной, он мужественно боролся с противниками. Прослужив в войске шестьдесят лет, он оставил его при сыне Константина Великого Констанции, так как был уже очень стар. По возвращении на родину в Антиохию, он посвятил жизнь свою Богу, проводя все время в молитве и посте, постоянно посещая храмы Божии; так он дожил до времени Юлиана Отступника, гонителя христиан[1]. Когда этот нечестивый царь прибыл в Антиохию, то святой Евсигний был взят на мучения, благодаря следующему обстоятельству. В один день он шел в церковь и на пути встретил двух язычников, поднявших между собою какой-то спор, перешедший в ссору. Когда святой Евсигний поравнялся с ними, они остановили его со словами:

— Нам известно, доблестный муж, что ты долгое время был воином и, поэтому, знаешь законы. Посим тебя — разбери наш спор и произнеси свой справедливый суд.

Святой Евсигний исполнил их просьбу и разобрал их дело, как требовала того справедливость; один оказался правым, а другой нет. Последний обиделся, пошел к царю и донес ему, что Евсигний христианин. Царь приказал взять святого и привести к себе на суд.

[1] *Юлиан Отступник*, племянник Константина Великого, сын его брата Юлия Констанция, родился в 331 году. В 345 году вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провел шесть лет. В 351 году он покинул место ссылки и провел несколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 году был назначен Констанцием начальником войск в Галлии; здесь он умел привлечь любовь войска, которое в 361 году и провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя-язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане ненависть и к религии своего притеснителя — христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 году в походе против персов; последними его словами было обращение ко Христу, в котором он сознал свое бессилие в борьбе с христианством: «Ты, — сказал умирающий Юлиан, — победил меня, Галилеянин!»

Представ пред мучителем, святой Евсигний безбоязненно обличил его за то, что он не следовал примеру Константина Великого, а отрекся от Христа и, перейдя в язычество, заменил поклонение истинному Богу почитанием идолов. Святой Евсигний восхвалял при этом веру и благочестие Константина Великого, рассказывая по порядку, как он видел Крест на небе и победил силой Его врагов, как, оставив язычество, всем сердцем прилепился к Господу Иисусу Христу, просветив верою и святым крещением не только себя самого, но и всю вселенную. Ублажая таким образом Константина Великого, святой Евсигний в то же время обличал богоотступника и укорял его за нечестие. Не желая выслушивать этих укоризн, Юлиан приказал отсечь голову воину Христову. Таким образом святой Евсигний мученически скончался за Христа на сто десятом году жизни и переселился в жизнь вечную, где нет времени[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ФАВИЯ**, папы Римского

Святой Фавий происходил из Рима[2] и был пресвитером во дни нечестивых римских царей, особенно приверженных к язычеству и гнавших поэтому Церковь Божию. Сначала святой Фавий жил в одном селении близ Рима, а потом переселился в самый город и здесь с усердием занялся погребением тел мучеников:[2]в это время

[1] Святой Евсигний усечен мечом в 362 году.

[2] *Рим*, главный город Римского государства, находится в Средней Италии, расположен по обоим берегам реки Тибра, при впадении ее в море. По древнему сказанию, он был основан Ромулом († 707 г. до Р. Х.) на холме Палатинском в 753 году потом распространился на шести соседних холмах, отчего и называется семихолмным; указание на эти семь холмов Рима находится и в Апокалипсисе (17, 9). В начале своей истории Рим представлял собою только группы хижин, сделанных из глины и покрытых камышом, но затем стал обогащаться вследствие удачных войн о соседними народами — сабинянами, вольсками, латинянами, галлами, этрусками, которые в 273 году до Рождества Христова все были объединены под властью Рима. Тогда римляне начали подчинять себе народы, жившие вне Италии, и скоро Карфаген, Македония, Греция, Иллирия и Азия, перешедшая к

много христиан было мучимо и убиваемо за веру, причем тела их бросались за городские ворота на съедение собакам, зверям и птицам; святой Фавий тайно ночью брал тела мучеников и с честью

римлянам мирным путем по завещанию Пергамского царя Аттила III в 132 году до Рождества Христова, сделались провинциями Рима. В 63 году римский полководец Помпей вступил после трехмесячной борьбы в Иудею и занял Иерусалим; с этих пор иудеи сделались данниками Рима и навсегда лишились своей свободы и независимости. При Августе, первом римском императоре, в 30-й год царствования которого родился Господь Иисус Христос, подчинялся Риму и Египет. Таким образом, пред пришествием Христа Спасителя Рим достиг могущества и славы, включая в свою империю почти все известные тогда народы; богатства со всех стран света стекались в него; дела всех народов решались в Римском Сенате. Но время могущества Рима было началом его падения. Беспрестанные войны разоряли и уменьшали зажиточные классы римских граждан, а богатые и знатные фамилии, скупая за бесценок земли разорившихся семейств, еще более богатели; поэтому население Рима разделилось на два класса — богатых и бедных. В то время как роскошь первых доходила почти до невероятных размеров, последние находились в нищете и угнетении; целые состояния тратились на один обед, а бедняки не имели куска хлеба. Со временя покорения Греции в Риме стали распространяться философские учения, подрывавшие народную религию, и неверие широкой волной разлилось сначала среди высших, а потом и низших классов: предметы религиозных верований открыто высмеивались на сценических представлениях. Вместе с неверием стала распространяться и безнравственность; распущенность, дошедшая до совершения противоестественных пороков (Рим. 1, 26–27), заменила собою прежнюю чистоту и строгость нравов. И только возрождающая сила христианства спасла Рим от окончательной погибели. Христианство проникло в Рим очень рано. Уже император Тиверий (14–37 гг.), по преданию, слышал проповедь о Христе; при преемнике его Клавдии (41–54 гг.), в Риме были сильные раздоры между христианами из евреев и иудеями. При Нероне (54–68 гг.), благодаря проповеди апостола Павла, продолжавшейся целых два года (Деян. 28, 30), христиане умножились; в царствование этого императора было первое гонения на христиан, несправедливо обвиненных в поджоге Рима: во время этого гонения приняли мученическую кончину святые апостолы Петр и Павел. Но гонение не уничтожило христианства: при Домициане (81–91 гг.) оно проникло даже в род императора, — брат Домициана Флавий Климент был казнен за то, что был христианин; в царствование этого императора святой Иоанн Богослов был сослан на остров Патмос, где удостоился Откровения о будущих судьбах мира и Церкви (Откр. 1, 9). Со времени Нерона и Домициана гонения на христиан воздвигались вплоть до 313 года. Особенно сильны были они при императоре Диоклетиане (285–305 гг.), положившем начало разделению Римской империи; он избрал себе в соправители Максимина и разделил государство между ним и собою, потом каждый соправитель избрал себе по помощнику, так что империя разделилась на четыре части. По отречении

предавал земле. По убиении в царствование Максимина[1] за исповедание Христово святейшего папы Анфира[2], верующие, скрывавшиеся от преследований и содержавшие в тайне свою веру, собрались для избрания нового папы вместе с епископами и пресвитерами в один храм, неизвестный гонителям: один малозаметный дом служил для них храмом в это тревожное для христиан время. Здесь в собрании присутствовал и святой Фавий. Когда начались изыскания, кого бы по достоинству избрать для занятия столь высокого положения, каким было положение Римского епископа, многие припоминали честных и выдающихся мужей, которые бы могли по закону Христову пасти стадо Его, но о святом Фавии никто даже и не думал: он, как недавно пришедший из села, был одним из незначительных по положению пресвитеров. При выборе начались несогласия, и вдруг вверху над головами явился белый, как снег, голубь; спустившись, он сел на голове пресвитера Фавия, затем снова поднялся вверх и сделался невидим. Тогда все поняли, что Сам Господь через Святого Духа Своего избрал Фавия в предстоятеля и пастыря Церкви Своей и с великою радостью посадили его на патриарший престол. Таким образом святой Фавий сделался папою Римским; в Церкви же Христовой настало спокойствие. Мучитель Максимин был убит своими воинами, после него на престол вступил Гордиан[3], при котором и прекратилось гонение: этот царь, хотя и был язычником, но

от дел правления Диоклетиана и Максимина, управление перешло к Констанцию Хлору и Галерию, первому наследовал сын его Константин (306 г.), который и издал указ 313 года, дозволявший переход каждому желающему в христианство. Сделавшись единодержавным (324 г.), он перенес, свое местопребывание на Восток в Византию, названную впоследствии Константинополем. Здесь он окружил себя христианами, которых назначал на высшие государственные должности; он установил законом празднование воскресного дня, строил много храмов; при его содействии был созван I Вселенский собор (325 г.). При императоре Феодосии Великом, воспретившем указом 392 года языческое богослужение, Римская империя окончательно разделилась на восточную и западную (395 г.). Первая пала под ударами турок в 1453 году при Магомете II, а вторая, в состав которой входили Италия, Африка, Британия и Испания, — в 475 году; в 476 году, после отречения от престола последнего Римского императора Ромула Августа, над Италией воцарился предводитель Герулов Одоакр.

[1] *Максимин I* — император с 235 по 238 год.

[2] В 236 году.

[3] *Гордиан* — император с 238 года.

отличался кротким, добрым характером, он запретил гнать христиан. Наслаждаясь в его царствование миром, они повсюду устраивали церкви. Святой Фавий в погребальных пещерах устроил над гробами мучеников много поместительных храмов, где верные собирались для молитвы, а над самыми пещерами, служившими убежищем во время гонений, он соорудил часовни. Церковь возрастала, благодаря ежедневному обращению язычников от нечестия к христианству; особенного процветания она достигла по смерти Гордиана, когда его место занял Филипп[1], разделявший управление вместе с сыном своим, тоже Филиппом, оба они приняли христианство, будучи просвещены одним благочестивым и знатным мужем Понтием[2]; святой папа Фавий крестил их. В это время особенно увеличилось число верных: следуя примеру царя с сыном, многие крестились, и веру Христову можно было свободно и безбоязненно исповедовать. Святой папа Фавий, при содействии истинного раба Христова сенатора Понтия, созидал храмы, разрушая в то же время капища вместе с идолами. Но Церковь не долго, — около четырех лет только, — наслаждалась таким покоем и свободой: Глава ее Христос, желая, чтобы невеста Его, за которую Он пролил Кровь Свою, здесь, на земле, была как золото, испытанное в горниле и как цветок среди терний, опять попустил ей подвергнуться бедам и страданиям. И началось гонение, поднятое адским драконом, который, как открыл Господь Иоанну Богослову в видении, преследовал блиставшую небесным величием Жену, испуская из пасти целую реку воды, чтобы потопить Ее (см.: Откр. 12). Этот древний ненавистник добра, не вынося возрастания славы Христовой, поднялся против принявших христианство благочестивых царей. Ненавидевшие Христа и христиан язычники, собравшись под предводительством нечестивого Декия[3], убили царя Филиппа и его сына именно за то, что они уверовали во Христа и дозволили свободное исповедание религии христианской. После убийства царей они обратились на христиан; в это время кровь христиан лилась рекою. Святой папа Фавий был схвачен прежде всех: его, как представителя и учителя христиан, языч-

[1] *Филипп Аравитянин* — император с 244 по 249 год.

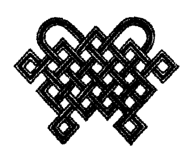
[2] Житие его помещается под настоящим числом.

[3] *Декий* — император с 249 по 251 год.

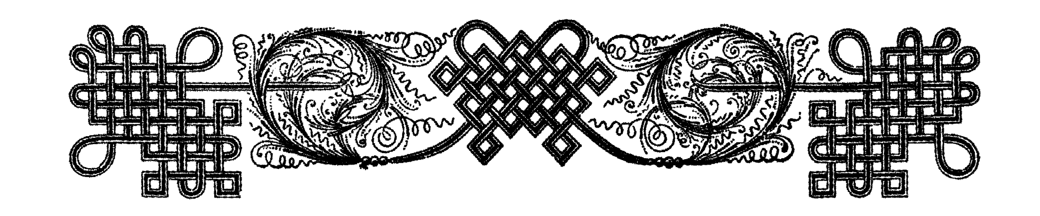
ники особенно сильно ненавидели. Искали и благочестивого сенатора Понтия, но не нашли: он, подобно многим верным, скрылся, а потом бежал из Рима. Святой же папа Фавий был обезглавлен[1] и перешел вместе со многими, в одно время с ним убиенными, овцами своей паствы из церкви воинствующей в церковь торжествующую. А святой Понтий был взят впоследствии и тоже приял мученическую кончину за Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников: Кантидия и Кантидиана**, побитых камнями в Египте, и Сивела, в Египте же умерщвленного стрелами.

В тот же день **память святой праведной Нонны**, матери святого **Григория Богослова**.



[1] В 250 году.



День шестой

СИНАКСАРЬ[1] на ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Приближаясь к вольным ради нашего спасения страданиям, Господь наш Иисус Христос начал говорить ученикам, что *Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту* (Мф. 16, 21); Он сказал это в Кесарии Филипповой[2] после исповедания Его апостолом Петром Христом, Сыном Бога живого, — *Ты — Христос, Сын Бога Живого* (Мф. 16, 16). Шел уже последний год трехлетней проповеди Иисуса Христа и тридцать третий от рождения Его Пречистою Девою. Слова Христовы сильно опечалили учеников и особенно — апостола Петра, который и начал прекословить Господу, говоря: *будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою*! (Мф. 16, 22). Заметив скорбь учеников и желая облегчить ее, Иисус Христос обещает некоторым из них показать Свою славу, в какую облечется по Своем отшествии: *есть некоторые из стоящих здесь*, — сказал Он, — *которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем* (Мф. 16, 28). Спустя шесть дней после изложенных событий,

---

[1] *Синаксарь*, слово греческое (Συναξάριον), происходит от σύναξις — собрание (верующих в церковь для празднования) и значит: книга праздников, в дальнейшем — собрание исторических сведений о празднике или святом.

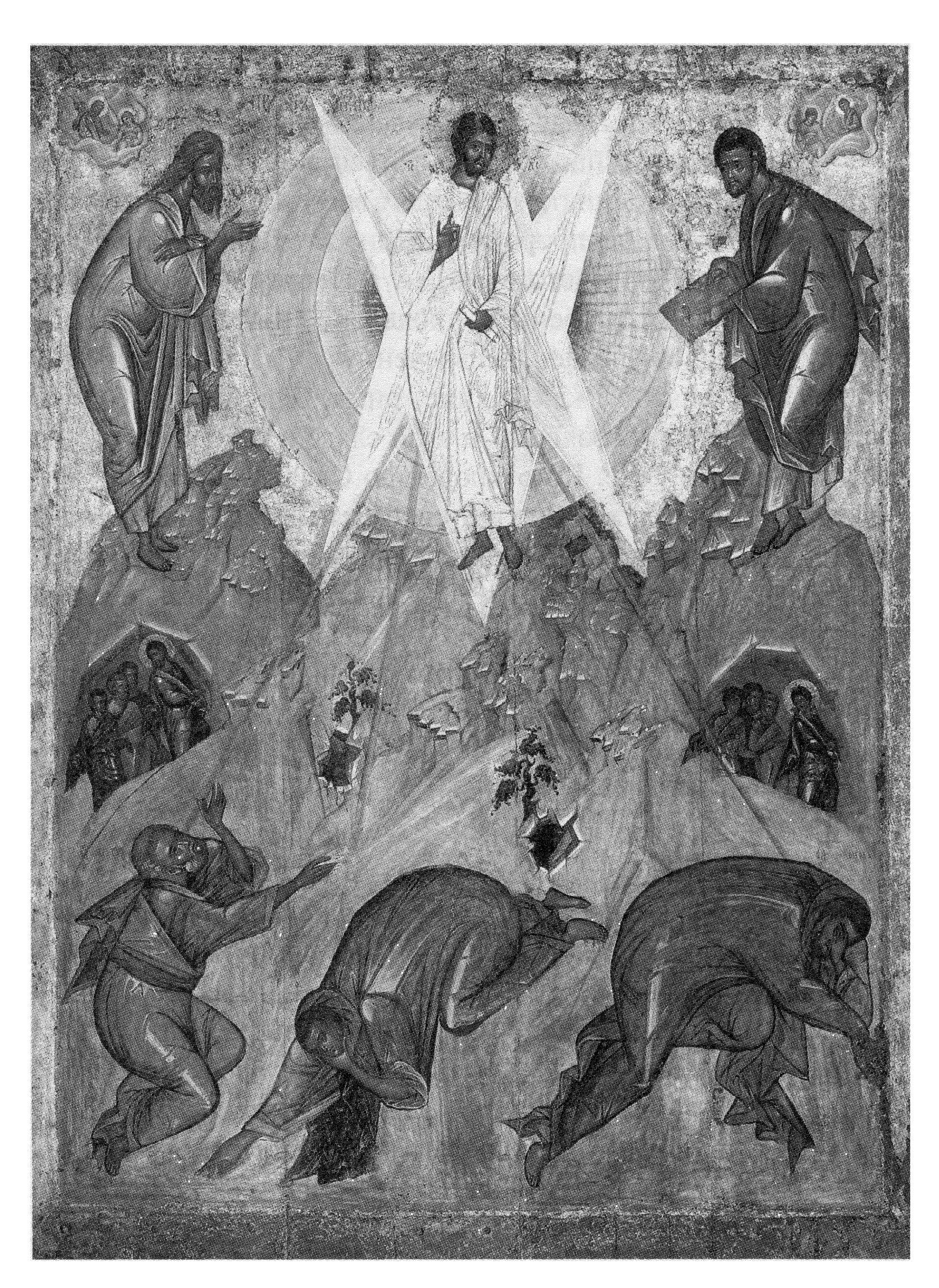
[2] Город северной Палестины, лежавший у подошвы горы Ермона. Обстроен сыном Ирода Великого тетрархом Филиппом; он украсил город и назвал его Кесариею в честь римского кесаря Тиверия; в отличие от Кесарии Палестинской, или Стратоновой, — город именуется Кесариею Филипповою.

Господь в сопровождении учеников и множества народа отправился из области Кесарии Филипповой в пределы Галилеи[1]; день уже склонился к вечеру, когда Он достиг галилейской горы Фавор[2]. Имея обыкновение удаляться ночью от учеников для уединенной молитвы Богу Отцу, Иисус Христос и на этот раз, оставив под горою народ и взяв из учеников с собою только Петра, Иакова и Иоанна, взошел с ними на вершину горы, чтобы помолиться, и здесь, отойдя от них на небольшое расстояние на возвышенный холм, предался молитве.

---

[1] *Галилейская область* на севере Палестины, или Галилея (от еврейского слова «галил» — область, округ), составляла во дни Христа Спасителя третью область Палестины и делилась на северную, верхнюю — языческую, и на южную — нижнюю. Галилея занимает видное место в мировой истории как родина и место проповеди Господа Иисуса. Галилея имела около ста двадцати верст от востока к западу и сорок верст от севера к югу. На севере она соприкасалась с Сириею и горами Ливанскими, на западе — с Финишем, на юге — с Самариею, а на востоке границею ее была река Иордан. Городов и больших селений в Галилее насчитывалось более двухсот и населения до четырех миллионов, состоявшего не только из иудеев, но и из смешения израильтян с сирийцами, финикийцами, арабами и прочими инородцами, из которых многие приняли иудейскую веру. По чудному климату, плодородию и богатству Галилея была самою лучшею областью Палестины. Мягкий, живительный климат, самая разнообразная дивная красота природы, неистощимое обилие плодородия почвы — все было в Галилее. И географическое положение, и масса путей сообщения также благоприятствовали Галилее: ее пересекали несколько торговых римских дорог с востока на запад — в Дамаск, к финикийским берегам, Средиземному морю, в Египет и Ассирию; другие пути перерезывали ее с юга на север. Промышленность и жизнь кипели в Галилее... Весьма много страниц Евангелия отражают природу и жизнь Галилеи. По родине Христа Спасителя городу Назарету, детству, юности и преимущественно там проповеди Его, Галилея была колыбелью христианской веры. А притчи Иисуса Христа — все это образы, воспроизводящие богатство и красоты природы и нравы жизни галилейской. Небо, земля, море, хлебные поля, сады, цветы, виноградники, травы лугов, рыбы и птицы — все служило там Спасителю основой и образом дивных поучений Его Божественной проповеди... А в наше время Галилея представляет только развалины городов и сел и совершенное запустение.

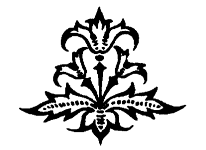
[2] *Фавор* — уединенная гора в семи верстах от Назарета, имеющая около пятисот сажен высоты. Здесь Варак собрал свое войско против Сисары (Суд. 4, 6) и у подошвы ее разбил врагов (Суд. 6, 33). Здесь преобразился Господь наш Иисус Христос (Мф. 17, 1; Мк. 9, 2; Лк. 9, 28). Это славное предназначение Фавора провидел Давид (Пс. 88, 13): «Фавор и Ермон о Имени Твоем возрадуются». Этим псалмопевец означил всю землю обетования, потому что это горы земли Обетованной.

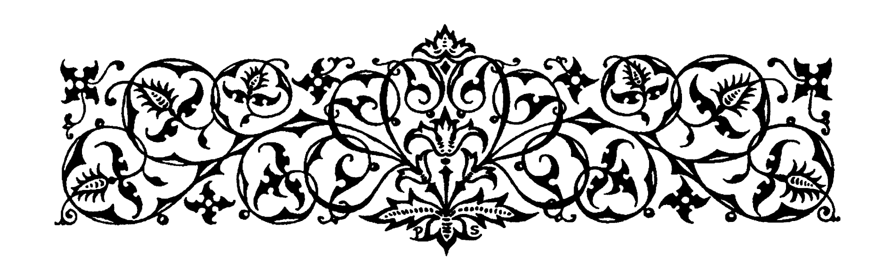


Преображение Господне

Три же апостола, утомившись частью от восхождения на гору, частью от продолжительной молитвы, уснули, как передает об этом святой евангелист Лука: *Петр же и бывшие с ним отягчены были сном* (Лк. 9, 32). Во время их сна, когда близился рассвет, Господь Иисус Христос преобразился, блистая Славою Своего Божества; по Его велению Ему предстали два пророка — Моисей от мертвых и Илия из рая; они беседовали о предстоящих Ему в Иерусалиме страданиях и смерти. Эта беседа и особенное проявление Божественной силы пробудили апостолов; увидев неизреченную Славу Господа Иисуса, — лицо Его, сиявшее как солнце, ризы, блиставшие белизною как снег, и двух мужей, стоявших в этой славе и говоривших с Ним, апостолы пришли в ужас. По откровению Святого Духа, они тотчас в мужах узнали Моисея и Илию и поняли, что беседа идет о вольных Христовых страданиях; внимая ей, апостолы стояли с трепетом, наслаждаясь в то же время зрением Божественной Славы, насколько возможно было это для их телесных очей. И Сам Господь явил им Славу Свою в той степени, в какой может видеть земной человек и не лишиться зрения; для смертного человека недоступно лицезрение невидимого, бессмертного Божества. Моисей некогда молил Господа, чтобы Он явил ему Свою Божественную Славу лицом к лицу; Господь на это ответил: *человек не может увидеть Меня и остаться в живых* (Исх. 33, 20). Когда беседа Христа с Моисеем и Илией приходила к концу и апостолы, по внушению Святого Духа, узнали о скором отшествии их, апостол Петр проникся скорбью, что пророки хотят скрыться из глаз их: он желал бы непрестанно наслаждаться дивным зрелищем Христовой Славы и честных пророков; проникшись дерзновением, он сказал: *Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии* (Лк. 9, 33). Во время этих слов апостола Петра светлый облак, представивший Христу обоих пророков, осенил апостолов, окружив верх горы, чтобы опять по Божественному велению взять пророков и отнести каждого в его место; еще более убоялись апостолы, когда, приближаясь ко Христу, вошли в самый облак и услышали говорящий из него голос: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте* (Лк. 9, 35). При этих словах свыше апостолы от великого ужаса окончательно утратили присутствие духа и в сильном страхе пали ниц на

землю. В то время когда они пали, распростершись, Слава Господня, и вместе с нею и пророки, скрылась от них. Господь подошел к лежавшим на земле ученикам, говоря: *встаньте, не бойтесь!* Подняв глаза, апостолы никого не увидели, кроме Господа Иисуса. Начался рассвет, и они стали спускаться с горы; дорогою Господь заповедал им никому не говорить о видении до тех пор, пока Он, по страдании и смерти, не воскреснет в третий день из гроба, и они умолчали и никому не сказали за это время ни о чем из того, что удостоились видеть.





СЛОВО на ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Не у одних только евангелистов находим повествование о Преображении Господнем: его дают нам и учители Церкви в многочисленных словах, посвященных этому празднику; здесь они выясняют и значение его, предлагая, таким образом, обильную духовную трапезу для христиан, любящих предаваться благочестивым размышлениям. И нам, имеющим под руками эти поучения и слова отцов Церкви, вполне уяснившие смысл Преображения Христова, ничего не остается иного, как только внимать готовому учению, наслаждаться полною возвышенных мыслей духовною трапезою, и не будет бесполезно, если, пользуясь словами учителей Церкви, мы соединим вместе находящиеся в них толкования, собирая их, как куски по трапезе, и приложим их к изъяснению того же празднества для желающих.

По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними (Мф. 17, 1–2).

Почему Христос Спаситель, желая пред вольными страданиями и смертью Своей явить ученикам Своим, насколько было возможно для них, Свою славу, взял на гору Фавор не всех учеников? Потому, что среди них находился Иуда, недостойный этого Божественного видения. Святой Феофилакт, архиепископ Болгарский, так думает об этом: «Владыка Христос не взял двенадцати учеников на гору, ибо Иуда был недостоин своими предательскими очами видеть славу преображения Христова». Прекрасно воспел и святой Дамаскин: «Нечестивые не узрят славы Твоей, Христе Боже».

Но нельзя ли было Иуду, как недостойного, оставить под горою одного, а прочих апостолов взять на гору? Конечно, для Господа это было вполне возможно, но долготерпеливый Владыка наш, покрывая грехи всех людей, не захотел обличить недостоинства Иуды, ни подать ему повода к большему падению, как говорит Писание: *Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя* (Притч. 9, 8). Ведь если бы Господь, взяв всех апостолов, оставил бы только одного Иуду, то последний исполнился бы гнева и ненависти не только по отношению к Иисусу Христу, но и ко всем апостолам; он имел бы нечто вроде извинения для своей предательской злобы ко Христу, мог бы говорить: я потому предал Иисуса, что был Им презираем. Так полагает блаженный Феофилакт: «Если бы Христос оставил под горою одного Иуду, а прочих взял бы с собою, то некоторые люди могли бы говорить, что это именно обстоятельство ранило сердце Иуды и заставило его обратиться к мысли о предании своего Владыки».

Но не позавидовал ли Иуда трем апостолам, взятым на гору? Не позавидовал: он знал, что они шли на молитву, которая должна была продолжаться всю ночь, как пишет святой евангелист Лука: *Взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться* (Лк. 9, 28); Иуда же был ленив и желал всю ночь проспать под горою; ленивый и сонливый нерадит о подвигах благочестия.

Почему же Господь взял на гору не более, как трех апостолов? Он сделал это с тою целью, чтобы исполнить Писание, которое говорит во Второзаконии: *При словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело* (Втор. 19, 15). Взяв с собою трех апостолов, Господь Иисус Христос восхотел взять еще и двух пророков, чтобы для живых и мертвых были свидетели того, что Он есть Сын Божий, посланный для спасения мира Богом Отцом и засвидетельствованный гласом свыше. Но для чего же присутствуют три апостола, если для свидетельства достаточно двух человек? Моисей призван от мертвых, чтобы свидетельствовать о пришествии Христа в мир мертвым, заключенным во аде, Илия, — чтобы сказать Еноху в раю; три же апостола призваны затем, чтобы впоследствии проповедовали о славе Христа, виденной в Преображении, говоря: *мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца*, исполненного *благодати и истины* (Ин. 1, 14). И еще: *Не хитросплетенным басням по-*

следуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе (2 Пет. 1, 16–18).

Для Господа, явившегося в Своем Преображении предметом благоговейного восторга для Ангелов и человеков, было довольно, чтобы из живущих на земле только трое видели славу Его и были ее свидетелями: три апостола пред Его очами были достойнее всех народов и племен. Что один праведник имеет пред Богом несравненно большее достоинство, чем множество грешников, — это Сам Господь ясно показал в Ветхом Завете: желая устрашить силою Своего могущества египетского фараона, Он повелел Моисею явиться к последнему и объявить, что пославший его Бог есть Бог трех человек: Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Но мог ли фараон, царь столь многих городов и столь великого народа, как народ египетский, убояться Бога, называвшего Себя Владыкою только трех человек? Не стыдно ли было пред царем такой великой земли заявлять, что пославший Моисея владеет только тремя человеками? Не более ли бы соответствовало делу, если бы для смягчения ожесточенного сердца фараона Моисей сказал, что Пославший его есть Бог, царствующий над всеми странами поднебесной, владеющий всеми царствами вселенной? Однако Господь не благоволил сделать так, но пожелал прославиться пред фараоном только как Владыка трех рабов Своих. Почему? Несомненно потому, что эти трое, угождая Богу и заботясь только о благах небесных, в очах Божиих были достойнее всех царств и племен. *Посему и,* — говорит апостол, — *Бог не стыдится их, называя Себя их Богом* (Евр. 11, 16), как бы говоря: зачем ты, фараон, гордишься величиною твоего царства и множеством подчиненных тебе городов и народов? Я имею таких трех рабов, из которых ни с одним не может сравниться твое царство, и Я — Бог Авраама, Исаака и Иакова и не стыжусь этого. То же говорит и святой Златоуст, рассуждая: «Бог вселенной не стыдится называться Богом трех (человек), и справедливо: ибо святые превосходят всех своих достоинством, — один творящий волю Божию лучше десятков тысяч беззаконников». Три апостола были взяты на Фавор для лицезрения Славы Божией, и более не было нужно: ибо их не был достоин мир (ср.: Евр. 11, 38).

Почему Господь взял с собою не других каких-либо апостолов, но именно Петра, Иакова и Иоанна? Святой Златоуст и другие отцы Церкви дают на этот вопрос достаточный ответ. Мы же, приведя себе на память три необходимые для спасения и с особенною определенностью отмечаемые святым Писанием добродетели, — веру, надежду и любовь, скажем: Господь потому взял с собою этих трех апостолов, что в них уже с самого начала обнаружились, проявившись с особенною ясностью впоследствии, упомянутые три добродетели. В Петре — вера: он прежде всех исповедал Христа Сыном Бога живого (см.: Мф. 16, 16), а потом Сам Господь сказал ему: *Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя* (Лк. 22, 32); в Иакове — надежда: он первый из двенадцати апостолов должен был ради надежды израилевой преклонить под меч свою голову; в Иоанне — любовь: он был любимейший ученик Господа, нареченный сын Пречистой Девы Марии (см.: Ин. 19, 26–27). За это впоследствии святые апостолы Петр, Иаков и Иоанн названы были апостолом Павлом столпами (см.: Гал. 2, 9). Святой Златоуст так изъясняет это наименование в похвалу апостолов: «Великие и дивные (столпы), которых все прославляют: они первые верою, надеждою и любовью, как столпами, утвердили первенствующую церковь».

В этих трех апостолах, кроме того, находим предуказание на три чина избранных угодников Божиих, наиболее других достойных того, чтобы видеть Христа в Его небесной славе: чин боголюбцев, чин мучеников и чин девственников. Во святом апостоле Петре образ боголюбцев: он, по свидетельству святого Златоуста, особенно сильно любил Господа Иисуса Христа, а по силе любви своей ко Христу здесь, в жизни временной, каждый будет возлюблен Им там, в жизни вечной, и будет наслаждаться лицезрением Его, как и Сам Он сказал: *Любящих меня я люблю* (Притч. 8, 17). И паки: *Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 21). Во святом апостоле Иакове видим образ мучеников не только тех, которые должны были проливать за Христа свою кровь, но и тех, которые, без пролития собственной крови, ежедневно ради Христа умирают греху, распиная плоть со страстьми и похотьми (см.: Гал. 5, 24). Иаков — значит запинатель, борец, победитель: этих качеств нельзя приобрести без страдания. Всякий борющийся с искушениями, исходящими от невидимого врага, одоле-

вающий и побеждающий свои страсти ежедневным умерщвлением, есть, подобно Иакову, мученик и сильный борец, хотя он и не проливает своей крови; по степени перенесенных во время борьбы страданий и усилий, с какими отражаются и побеждаются искушения, он прославится с победителем Христом. Во святом Иоанне-девственнике предуказывается на чин хранящих чистоту плоти и духа; для них дается особое обетование видеть Бога во славе: *блаженны*, — сказал Господь, — *чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Господь, беря с Собою на Фавор Петра, Иакова и Иоанна для явления им славы Преображения, тем самым поучает, что хотящий обитать с Ним в небесном Царстве и наслаждаться Его лицезрением должен в любви подражать Петру, в мученичестве Иакову, в чистоте Иоанну, вообще по мере сил своих такой христианин должен подражать угодникам Божиим, которые горели теплою любовью к Богу, явили себя, не проливая своей крови, ежедневными мучениками чрез непрестанное умерщвление своей плоти, и — соблюсти себя от всякой скверны плоти и духа, очистив себя истинным покаянием.

С какою целью Господь возводит учеников Своих для молитвы на высокую гору, и не удаляется с ними в какое-либо ровное место? С тою, чтобы приблизив их от земных низин к небесной высоте, преподать всем таинственным образом урок, что желающий сподобиться откровений от Бога и видеть славу Его должен оставлять дольние, земные пристрастия, должен желать и искать благ горних, небесных. «Он возводит их, — говорит блаженный Феофилакт, — на высокую гору, показывая, что если кто не возвысится над земными пристрастиями, тот не достоин видеть подобные откровения. Прекрасно поучает святой апостол Павел, когда говорит: *Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3, 1–3). Ходящий в низине не может видеть далеко, взошедший же на высокую гору без затруднения окидывает взором далекие пространства. И заботящийся лишь о настоящей жизни как может понять сладость будущих небесных благ? Входя же на гору богомыслия, он познает и видит умом, как глазами, даже то, что превыше небес. Пресмыкающиеся по земле гады и живущие на ней животные не могут глядеть на солнечный луч, так и ум человека, погруженного в земную

суету, никак не может видеть славу Христову и озаряться светом Его благодати. Итак, вознеси ум твой, христианин, от земли к небу, от настоящего к грядущему, от пристрастия к земному к желанию небесного, тогда познаешь, как благ Бог Израилев, как сладостен сладчайший Иисус, как радостна любовь Его, и насладишься Его Божественными откровениями.

Господь возводит учеников Своих не на низкую, а высокую гору. Зачем? Чтобы научить их богомыслию и вместе с тем трудолюбию: без труда нет возможности взойти на высоту. Высота горы — образ богомыслия, восшествие на гору — указание на труд. Хорошо ум возносить к Богу, но не следует и труда оставлять: добрые дела достигаются трудом. Ум видит Бога, а труд приводит к зрению Его; ум покоряется Христу, слушая заповеди Его, а труд носит иго Христово, ходя во след Его. Богомыслие наслаждается внутренним зрением Христа, трудолюбие же привлекает на себя взоры Его: *призри*, — сказал псалмопевец, — *на страдание мое и на изнеможение мое* (Пс. 24, 18). Быть же видимым Христом не меньшее благо, чем видеть Его. Обе эти добродетели — богомыслие и трудолюбие для желающего достигнуть небесных благ и радостей так же необходимы, как птице крылья: птица с одним крылом не можете летать по воздуху, и человек, обладая только одной из этих добродетелей, не может вознестись на высоту совершенного спасения; богомыслие без трудолюбивой жизни не действительно, и не приносит пользы трудолюбие без богомыслия. С двумя крылами всякая птица летает свободно; двумя добродетелями — богомыслием и трудолюбием, каждый восходит на мысленный Фавор, чтобы вечно зреть славу Божию, — восходит в начале трудолюбием, ибо оно предтеча богомыслию и боговедению. Святые апостолы подъяли труд, восходя на высокую гору, чтобы видеть славу Преображения Господня, и кто же может надеяться без труда достигнуть радости лицезрения Божия?

Зачем Господь возвел на гору только Петра, Иакова и Иоанна, не взяв идущего за ними народа или остальных апостолов? Чтобы через это научить искать уединения и безмолвия тех, которые желают упражняться в богомыслии и наслаждаться умным боговидением. Одна только троица апостолов была возведена на безмолвное место, — возвышенность горы была как пустыня, там не жили люди, — чтобы в уединении и безмолвии для нее яснее открылась слава

Господня. При рассеянии и сутолоке жизни Господь не открывается так, как в уединенном безмолвии: пророк Илия видит Бога умом своим, когда, стоя пред царем Израильским Ахавом, говорит, рассуждая с ним: *Жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою!* (3 Цар. 17, 1), то есть телом предстою тебе, а умом — моему Богу, телесными очами вижу тебя, а умными Бога, но несравненно яснее зрит пророк Илия Господа своего в уединении и безмолвии на пустынной горе Кармил (см.: 3 Цар. 19): здесь он удостаивается сладкой беседы с Богом и откровений Его не только внутренне, но и в видимых образах. Правда, можно и среди молвы житейской возводить иногда ум свой к Богу, однако не с таким удобством, как в безмолвном уединении: там так много препятствий, а здесь тишина и покой! Разве напрасно говорит Сам Господь: *Остановитесь* (то есть освободитесь от молвы житейской) *и познайте, что Я — Бог* (Пс. 45, 11); познайте Меня, говорит, предаваясь благочестивым размышлениям, как Я благоутробен и милосерд, как люблю любящих Меня и близок всем ищущим Меня; познайте Меня и скоро Меня найдете, если только бросите суету и удалитесь от излишних мирских забот. Познав это, многие бежали из многомятежного мира в безмолвные пустыни, скитались в горах и пропастях земных (см.: Евр. 11, 38), чтобы наедине всецело посвятить себя Богу, наслаждаясь благами общения с Ним: пустынным, воспевает святой Дамаскин, непрестанное божественное желание бывает, мира сущим суетного кроме.

Поищем таинство и здесь, — почему Господь возвел апостолов на гору не днем, а при наступлении ночи? Потому, что ночь более способствует сосредоточенной молитве, чем день: ночью молчит вся вселенная и ничего не видать, кроме неба, украшенного звездами и своим великолепием невольно влекущего к себе глаза и ум. Господь возводит учеников ночью на Фавор и с тою целью, чтобы научить и нас всех во время молитвы ни о чем земном не думать, но устремляет свое сердце к небу. Некогда царь Давид пророчески воспел, указывая, каким образом человеку откроется уразумение божественных тайн. Внимаем ему, отыскивая этого учителя: *ночь,* — говорит он, — *ночи открывает знание* (Пс. 18, 3); ночь действительно и есть такой учитель, который научает разуму Божию людей, сидящих в продолжение этой кратковременной жизни как во тьме ночной и сени смертной: «Если посмотришь на небо (ночью), — говорит свя-

той Кирилл, — как свечами сияющее множеством бесчисленных звезд, и подумаешь, что весь день суетившиеся люди теперь в ночное время (предаваясь сну) ничем не отличаются от мертвых, тогда возгнушаешься грехами человеческими». Итак, вот наставление, преподаваемое ночью: оно учит познавать суетность житейских забот и дел, прогневляющих Бога, и убеждает избегать тех и других. Все живущие на земле ночью подобны мертвым; все, видимое днем, ночью бывает покрыто тьмою, как бы погребено ею. Удивительные чертоги и прекрасные здания становятся похожими на гробы; чудные деревья, сады и леса напоминают пугала; золото, серебро и драгоценные камни ничем не отличаются в ночной тьме от меди, железа и простых камней; красота и ценность их не заметна; ничто, находящееся на земле, не может доставить человеку ночью наслаждения своею красотою, все покрыто темнотою и видимо одно только небо, украшенное, как жемчугом, звездами и доставляющее наслаждение смотрящим на него. Здесь видно божественное намерение: ночь таинственно поучает нас богоугождению. Уединился ли ты в безмолвии на молитву, соединенную с трудолюбивым подвигом, и начинаешь подниматься умом твоим на гору богомыслия, пусть для твоих очей все земные предметы будут таковы, какими они являются для них ночью; все житейские блага, приносящие лишь временное удовольствие, пусть презираются тобой, отвращайся от них как от недостойных христианина, как не заключающих в себе ничего истинного и покрытых смертною сенью. Пусть ум твой созерцает одни только небесные блага, тогда тебе откроется свет благодати Божией, и ты исполнишься духовной радости от сладости созерцания откровений Божиих.

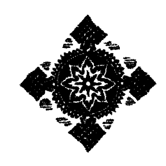
Почему Господь для явления апостолам Славы Своего Преображения возводит их на Фавор, а не какую-либо другую гору? *Фавор* в переводе с еврейского значит *чертог чистоты и света*; поэтому Господь и возводит их на Фавор, а не на другое место, чтобы апостолы от самого названия горы получили наставление о том, что желающий присутствовать при явлении Божественной Славы должен прежде всего иметь совесть свою подобной чертогу чистоты, достойному приятия в себя света благодати Божией. Вспомним здесь и древнее событие, совершившееся на Фаворе. Когда начальник войск ханаанских Сисара пришел для истребления израильтян, тогда Ва-

рак, предводитель последних, взошел на Фавор и собрал здесь израильское войско, отсюда он устремился на врага и окончательно поразил все ханаанское войско, так что погиб и сам Сисара (см.: Суд. 4). Это древнее событие Господь таинственно повторил в своем Преображении: намереваясь одержать окончательную победу над адским Сисарою, он прежде всего взошел на Фавор, чтобы здесь, как бронею, вооружившись явлением божественной силы, устремиться на диавола и победить его, об этом именно и велась беседа на Фаворе: *говорили об исходе Его* (Лк. 9, 31). Здесь указание и христианину, хотящему преодолеть невидимого врага и наводимую им греховную силу, — пусть он прежде всего взойдет на Фавор сердечной чистоты, пусть очистит истинным покаянием свою совесть и преобразится от злой жизни в добродетельную, — облечется в броню правды и примет *всеоружие Божие* (Еф. 6, 13), тогда без особенного труда он одержит победу над вражией силой.

Господь, взойдя на гору с учениками своими, *преобразился пред ними* (Мф. 17, 1–2). Это слово — *пред ними* написано евангелистами для уяснения того, что не для Себя преобразился Христос, просветив лицо Свое, как солнце: свет, *сияние славы* Отчей (Евр. 1, 3), не имеющий в себе никакой тьмы, не нуждается в просвещении. Он преобразился ради нас, чтобы просветить нашу тьму и преобразить нас из рабов греха в истинных рабов Своих и из сынов гнева — в возлюбленных сынов Бога; целию пришествия Христа, которую Он и осуществил, было обращение нас в детей Божиих. Ради этого Он воплотился от Пресвятой Девы и Духа Святого, ради этого *по виду* стал *как человек* (Флп. 2, 7), ради этого Он приял образ раба, и какой только труд не понес Он ради того, чтобы обновить в нас, как сынах, погибший образ Отчий! Некогда Моисей говорит Господу: «*святилище, [которое] создали руки Твои, Владыка* (ср.: Исх. 15, 17). Заметим это — *создали руки Твои*: не говорит руки человеческие по Твоему повелению сделали, но Ты Сам трудился руками Своими. Моисей сказал это, указывая на безмерное попечение Господа о человеке: чего ради человека Господь не сделал и не делает? Ради него Он создал небо и землю, моря, реки — все, что в них и на них; ради него Он днем и ночью освещает светилами небо; ради него посылает дождь, росу и снег; ради него Он, как земледелец и вертоградарь, насаждает и возвращает, чтобы человек ни в чем не терпел недо-

статка. Рассуждая об этом, святой Кирилл Иерусалимский говорит: «Для каждого Спаситель наш является соответственно его душевной настроенности: для требующего веселья — Он виноград, для желающего войти — дверь, желающим принести свои молитвы (Богу) — ходатай и архиерей. Или: для имеющих грехи он соделывается Агнцем, чтобы быть закланным за нас и всем все бывает, неизменен пребывая в тождестве естества своего». Так самым разнообразным образом служит нам Владыка наш, говорящий: *Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить* (Мф. 20, 28). И все Он делает, ища не Своего, а нашего блага, чтобы мы, познав Его непрестанные благодеяния, прониклись благодарностью и преобразились из грешных в праведных, из миролюбцев в боголюбцев. И на Фаворе Он преобразился ради нас же, чтобы мы знали об уготованной нам небесной славе; Он *уничиженное тело наше преобразит* (Флп. 3, 21), чтобы оно в общее воскресение соответствовало телу славы Его в бесконечном Его царствии, уготованном *от создания мира* (Мф. 25, 34) для любящих Его. С ними да сподобит и нас милосердием Своим благодати лицезрения Своего Бог и Владыка наш, Христос человеколюбец, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

В тот же день **память преподобного Иова Ущельского**, основавшего обитель в селе Ущелье Архангельской губернии и убитого разбойниками в 1628 году, 5 августа, и погребенного 6-го.

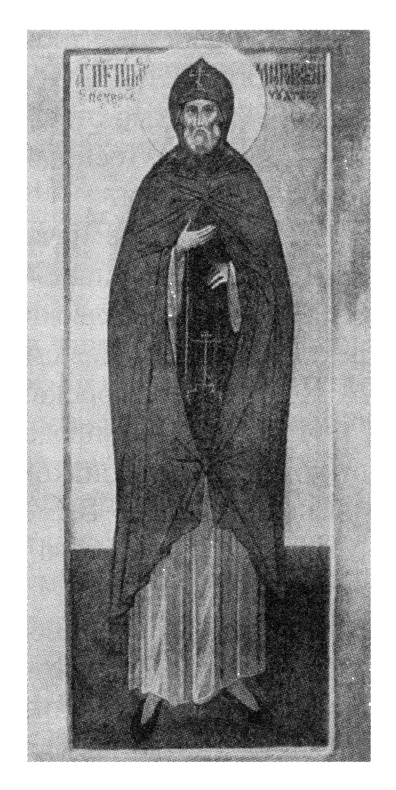


День седьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПИМЕНА МНОГОБОЛЕЗНЕННОГО

Приступая к повествованию о блаженном Пимене, остановим наше внимание на его великом мужестве в страданиях и отсюда научимся, что болезни должно переносить терпеливо и — что сила Божия в немощах совершается. Блаженный Пимен уже и родился больным; болезнь не оставляла его всю жизнь, но эта болезнь тела не дала в нем развиться болезни душевной: он был чист от пороков и соблюл девство от утробы матери. Неоднократно просил он своих родителей, чтобы они позволили ему удалиться в монастырь для пострижения в иноческий образ, но из сильной любви к нему они не соглашались на эти просьбы, желая иметь его наследником по своей смерти. Однажды, по действию Божественного промысла, устрояющего все к лучшему, блаженный Пимен особенно сильно заболел, так что даже не надеялся и на выздоровление; повинуясь необходимости, родители принесли его тогда в Печерский монастырь[1]

[1] *Киево-Печерский монастырь* основан преподобным Антонием при великом князе Изяславе (1054–1068 гг.), сыне Ярослава Мудрого и внуке Владимира святого. Преподобный Антоний, уроженец города Любеча, недалеко от Чернигова, был пострижен в иночество на Афоне; по совету постригавшего его игумена и с его благословения он, чрез некоторое время, снова отправился в Россию, где, по пророческим словам игумена, должно было от него произойти много черноризцев. Сперва он поселился в пещере, вскопанной священником села Берестова Иларионом, а затем выкопал и свою пещеру. К нему начали приходить искавшие подвижнической жизни и стали селиться возле него, вскапывая и себе пещеры.



и просили живших в нем преподобных отцов помолиться об избавлении их сына от болезни. Но усердные молитвы иноков не приносили исцеления болящему; молитва блаженного была сильнее молитвы их всех, — он просил себе у Господа еще большей болезни, так как опасался, что, по выздоровлении, родители опять возьмут его из монастыря и таким образом лишат его возможности получить пострижение. Поэтому, когда отец и мать сидели около него, не допуская пострижения[1], блаженный Пимен сильно печалился и молился Богу, чтобы Он исполнил его желание, какими ведает путями. И вот в одну ночь, когда родители его и слуги были погружены в глубокий сон, вошли к нему светлые Ангелы, одни в образе прекрасных юношей, другие — игумена и братии; они несли в руках святое Евангелие, свечи, власяницу, мантию, куколь и все остальное, нужное при пострижении.

Самые замечательные из этих пришельцев были преподобный Никон и преподобный Феодосий. Когда число братии увеличилось, то они вскопали близ келий и церковь, в которой отправляли Богослужение, а еще позднее была выстроена небольшая церковь над пещерой во имя Успения Пресвятой Богородицы. Когда же число иноков еще увеличилось, то преподобный Антоний попросил великого князя Изяслава отдать им гору, находящуюся над пещерой, на что великий князь с радостью согласился. Тогда была заложена великая церковь, огражден монастырь оградой, поставлено много келий, наконец, окончена церковь и украшена святыми иконами. С того времени начался в собственном смысле монастырь, названный *Печерским* — от пещер, в которых жили его иноки.

[1] Пострижение в иночество с древних времен совершается святой Православной Церковью по особому чину над избирающими путь подвижнической жизни и всецелого предания себя Богу в молитве и покаянии. Решившемуся вступить на этот путь предлагается вопрос о том, по свободному ли произволению он избирает его, затем он обязан произнести три обета: девства, целомудрия и нищеты, после чего происходит, во имя Святой Троицы, крестообразное пострижение его власов и возложение на него одежд монашеских. Новопостриженному дается в руки Распятие и возжженная свеча.

— Хочешь ли, чтобы мы постригли тебя? — спросили они преподобного.

Он с радостью отвечал:

— Да, хочу; Господь послал вас, господие мои; исполните желание моего сердца.

Они тотчас же начали творить вопросы, совершая сполна все, что положено в уставе иноческого пострижения; так они постригли его в великий ангельский образ, облекли его в мантию и куколь, нарекли Пименом. Дав ему, по обычаю, горящую свечу, они сказали:

— В течение сорока дней и ночей свеча не угаснет.

И вместе с тем предсказали ему постоянную болезнь, избавление от которой будет знаком для него скорого наступления смерти. Целовав блаженного Пимена, они удалились в церковь, где положили на гроб преподобного Феодосия[1] волосы его, завернув их в полотно.

Иноки, находившиеся в ближайших келиях, слыша пение, разбудили прочих, думая, что или игумен с некоторыми из братии постригает болящего, или он преставился; они все вместе отправились в келию, где лежал преподобный. Здесь они нашли всех спящими, — отца, матерь, слуг; иноки разбудили их и заметили, что келия полна благоухания, а болящий полон радости и веселия и облечен в иноческую одежду.

— Кем ты пострижен и что за пение мы слышали здесь, которого, однако, не слыхали твои родители? — спросили они, обращаясь к преподобному.

— Я думаю, — отвечал он, — что меня постриг, нарекши Пименом, игумен, пришедший сюда с братией; они-то и пели, как вы

---

[1] *Преподобный Феодосий*, ближайший сподвижник преподобного Антония, был впоследствии и игуменом Киево-Печерского монастыря. При нем особенно возрос и увеличился последний, и духовная подвижническая жизнь иноков просияла, как светильник, поставленный на возвышенном месте. При мудром руководстве братией преподобный Феодосий, одушевленный пламенной любовью к ближним, и на людей, живущих в миру, изливал благодеяния: утешал печальных, поддерживал изнемогающих, кормил голодных, одевал нищих, успокаивал больных и престарелых. Скончался он 3 мая 1074 года, шестидесяти пяти лет от роду. Мощи его были сначала погребены в пещере, где он подвизался; когда же была окончена великая каменная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, заложенная при нем, его мощи были перенесены туда и поставлены в притворе на правой стороне.

слышали; они же мне дали и эту свечу, которую вы видите, сказав, что она будет непрерывно гореть в течение сорока дней и ночей; затем, положив мои волосы в убрус, они удалились с ними в церковь.

Услышав это, иноки тотчас поспешили в церковь, но нашли ее запертой; разбудив пономарей, они спросили их, — входил ли кто в церковь после вечерней молитвы. Те отвечали, что никто не входил, так как и самые ключи находятся у экклесиарха[1]. Был разбужен экклесиарх (он никому не давал ключей и сам ни с кем не входил в церковь); взяв ключи, иноки вошли в храм и здесь на гробе преподобного Феодосия действительно нашли лежащие в убрусе волосы. После этого о всем известили игумена. Последний чрезвычайно удивился и старательно доискивался, кто бы мог постричь преподобного Пимена, но все розыски были напрасны. Тогда для всех стало очевидно, что пострижение, по повелению Божию, совершили святые Ангелы. Долго рассуждали игумен и братия, вменять ли чудесное пострижение как обычное, совершенное по уставу, и пришли к мысли не повторять над блаженным Пименом пострижения, так как имелись ясные доказательства действительности совершенного над ним: иноки действительно нашли, как и говорил блаженный Пимен, волосы его на гробе преподобного Феодосия, и свеча, для которой было довольно суток, чтобы сгореть, в течение сорока дней и ночей горела, не угасая[2], на что тоже указывал преподобный тотчас по своем пострижении. Ввиду этого они только сказали:

— Для тебя, брат Пимен, достаточно дарованного тебе Богом образа и имени.

---

[1] *Экклесиарх* — ключарь церковный, которому поручено хранение церковного имущества и на котором лежит обязанность наблюдения за исполнением устава церковного богослужения.

[2] Число *сорок* имеет важное символическое значение. Оно означает переход от одного состояния к другому, обновление, перемену. По истечении сорока дней после рождения младенец вносится в церковь для посвящения его Богу. В сороковой день после кончины, по верованию святой Православной Церкви, душа почившего христианина возносится на поклонение Богу. Так и при пострижении в монашество сорок дней новопостриженный должен особенно пребывать в подвиге молитвы, так как он как бы рожден для новой жизни, а для земного и преходящего как бы умер. Это же означала и зажженная свеча, данная Ангелами преподобному Пимену и горевшая сорок дней и ночей.

— Но все-таки открой нам, — говорил игумен, придя с книгою пострижения, — кто именно были постригавшие тебя и не опустили ли они чего, написанного в этой книге.

Блаженный Пимен сказал игумену:

— Что меня испытываешь, отче? Ты сам, придя сюда со всею братиею, совершил надо мною все, что положено в этой книге, при этом ты сказал, что мне всю жизнь должно испытывать страдания от болезни и лишь пред смертью я буду избавлен от нее, так что буду в состоянии нести свой смертный одр; молись о мне, святой отче, чтобы Господь даровал мне терпение.

Выслушав это, все оставили его.

Блаженный же Пимен, по предсказанию постригших его, много лет лежал в тяжкой и возбуждавшей отвращение болезни: им гнушались все прислуживавшие ему и часто дня по три не давали ему ни есть, ни пить, но он все переносил с радостью, благодаря Бога.

Случилось как-то, что один больной, страдавший таким же недугом, как и преподобный Пимен, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки, на которых лежала обязанность служить больным, внесли его к блаженному Пимену, чтобы служить обоим вместе. Но, небрежно относясь к своим обязанностям, они часто забывали о них, так что больные по временам изнемогали от жажды. Тогда блаженный Пимен сказал лежавшему с ним больному:

— Так как прислуживающие нам гнушаются нами по причине смрада, исходящего от нас, то захотел ли бы ты, брат мой, нести их обязанности, если бы тебя восставил Господь?

Больной обещался преподобному с усердием служить до самой смерти. Блаженный Пимен сказал на это:

— Вот, Господь отнимает болезнь твою от тебя, и ты, сделавшись здоров, исполни обещание твое, — служи мне и подобным мне, а на нерадиво исполнявших обязанности свои Господь наведет лютую болезнь, чтобы они, испытав наказание, получили спасение.

Больной тотчас встал и начал служить преподобному; нерадивых же служителей, по слову его, объял недуг.

Избавившийся от болезни брат не долго послужил преподобному Пимену: не выдержав смрада, он удалился и оставил его томиться голодом и жаждой; уйдя, он поселился в другой келии. И вот вне-

запно его, как огнем, охватил сильный жар; не имея сил подняться, он три дня мучился от жажды и наконец стал кричать:

— Ради Бога сжальтесь надо мною, ведь я умираю от жажды!

Услыхав его, иноки, находившиеся в ближайшей келии, пришли к нему; видя его болезнь, они сообщили о ней преподобному Пимену:

— Брат, служивший тебе, умирает.

— Что сеет человек, — отвечал преподобный, — то и пожнет (ср.: Гал. 6, 7): он бросил меня голодного и жаждущего, и сам потерпел то же, солгав Богу и презрев мое недостоинство. Но мы научены не воздавать за зло злом, поэтому идите и скажите ему: «Тебя зовет Пимен, — встань и иди к нему».

Когда заболевшему передали это, то он тотчас сделался здоров и, вставши, без всякой помощи пришел к преподобному. Блаженный Пимен долго увещевал его, говоря:

— Маловер, вот ты здоров; смотри, опять не согрешай! Разве ты не знаешь, что равную награду будут иметь как болящий, так и служащий ему. Терпение униженных не останется бесплодно: испытывающие здесь кратковременную скорбь и тяготу, будут испытывать радость и веселие там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыханий, но жизнь бесконечная. Ради этого я и терплю все; Бог, чрез меня избавивший тебя от твоего недуга, может и меня восставить от этого одра и исцелить мою немощь, но я не хочу: *претерпевший до конца спасется* (Мф. 10, 22), сказал Господь. Лучше мне в этой жизни превратиться в труп, чтобы в той тело мое было нетленно; лучше здесь переносить смрад, чтобы там наслаждаться неизреченным благоуханием. Величественно, брат мой, церковное служение в светлом, чистом и святом месте, где богоугодно и сладостно с невидимыми ангельскими силами возносить молитвы к Богу, почему церковь и называется земным небом, а стоящие в ней почитаются за стоящих на небе. Эта же темная и смрадная келия не прежде ли суда суд? Не прежде ли бесконечной муки мука? Но терпящий все это с благодарением может с правом сказать: *терпя, потерпе́х Господа, и вня́т ми и услы́ша молитву мою* (слав. Пс. 39, 2); утешая подобных страдальцев, апостол говорит: *Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами... Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12, 7–8),

и Сам Господь увещевает нас, брат мой, говоря: *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19).

Проникнувшись этим наставлением преподобного, брат не покидал его, служа ему; доблестный же страдалец и истинный подражатель праведного Иова, святой Пимен лежал двадцать лет на одре болезни, непрестанно благодаря Бога. Когда же настало время отшествия его, в Печерском монастыре явилось знамение: над трапезною показались ночью три огненных столпа, которые потом перешли на верх церкви. Один Господь знал истинное значение этого знамения, но не будет несправедливым предположить, что через него показывалось, что Бог-Троица, Который *творит Ангелами Своими духов, служителями Своими — огонь пылающий* (Пс. 103, 4), уже ниспослал Своих Ангелов за душою многоболезненного Пимена, как за душою Лазаря: в этот день он внезапно выздоровел и узнал о наступлении своей смерти, вспомнив предсказание постригших его. Встав, он обошел все келии, всем кланяясь и прося прощения. Болящим же инокам говорил:

— Братья и друзья мои, встаньте и проводите меня!

Тотчас по слову его оставила их болезнь, и они, сделавшись здоровы, последовали за ним. Преподобный же Пимен, войдя в церковь, приобщился Божественных Таин и после этого, взяв смертный одр свой, понес его, без всяких указаний, к пещере, в которой никогда не был, которую никогда не видал со дня своего рождения. Войдя в пещеру, он поклонился гробу преподобного Антония[1] и указал место, где желал быть погребен. Перед смертью он поведал чудную тайну, указывая на гробы некоторых из братий, лежавших вблизи:

— Здесь, — сказал, — вы положили в этом году двух братьев, одного без схимы, а другого в схиме[2]; первого, положенного без

---

[1] Мощи преподобного Антония († 1073 г.) почивают под спудом в той пещере, где он подвизался (в так называемых *Ближних пещерах*).

[2] *Схима* есть одеяние высшей степени монашеской, которая называется Великим Ангельским образом. При пострижении в схиму возлагаются на монаха и некоторые особенные одежды, а именно: *куколь* и *аналав*. Куколь есть одеяние, обнимающее голову и плечи со всех сторон: он имеет верх несколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета; кресты эти расположены: на челе, на груди, на обоих плечах и на спине.

Аналав есть четвероугольный плат со шнурками, пришитыми по углам. Он, опускаясь сверху от шеи на шнурках и разделяясь на стороны, обнимает мышцы

схимы, вы найдете в схиме; он неоднократно хотел принять ее, но все откладывал, но так как он явил дела, достойные этого образа, то Господь даровал ему схиму по смерти. Другого же брата, положенного в схиме, найдете без нее: он не хотел схимы во время жизни, не показал и дел, достойных ее, а говорил: когда увидите, что я покидаю этот мир, тогда постригите меня в схиму; не помнил он слов сказавшего: *ни мертвые восхвалят Господа, ни все нисходящие в могилу; но мы живые будем благословлять Господа* (Пс. 113, 25–26). Поэтому и отнято у него достоинство схимы и дано показавшему дела, достойные ее: *ибо всякому имеющему* (добрые дела) *дастся и приумножится, а у неимеющего* (добрых дел) *отнимется и то, что имеет* (Мф. 25, 29). Третий брат, — продолжал он, — много лет тому назад положен здесь и весь истлел, но схима его осталась нетленной: она блюдется для его осуждения и обличения, ибо он совершал дела недостойные этого образа, — всю жизнь провел в лености и грехах, не помня слов Господа: *кому дано много, много и потребуется* (Лк. 12, 48); пострижение в схиму не приносит никакой пользы тем, которые не совершают добрых дел, избавляющих от вечных мук.

Открыв тайну, преподобный Пимен сказал братии:

— Вот, пришли постригавшие меня для приятия моей души.

Тотчас после этих слов он возлег и преставился о Господе[1]. Иноки с великою честью положили его на указанном месте. — Откопав гробы, о которых рассказал преподобный, они нашли, соответственно его словам, трех черноризцев: из двоих, недавно умерших, один погребенный в схиме, был лишен ее, — она была возложена на другого, не имевшего ее; третьего же брата, уже давно умершего, нашли всего истлевшего; одна только схима его была цела. И долго дивились все неизреченному суду Божию, воздающему каждому по делам его. Богу слава, честь и держава подобает и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

под руками и, располагаясь крестообразно на груди и раменах, теми же шнурками обвивает и стягивает одежду. И куколь, и аналав имеют духовное значение.

[1] 11 февраля 1110 года.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ОРА ЧЕРНОРИЗЦА

В Фиваиде Египетской[1], стране смежной с Эфиопией[2], среди монашествующих находился чудный муж, по имени Ор, основавший множество монастырей, иноки которых, числом до тысячи, были под его властью; это был девяностолетний, украшенный сединою старец-схимонах, обладавший чрезвычайно благолепною наружностью: лицо его выражало такую одухотворенность, что он производил впечатление бесплотного существа. Свою подвижническую жизнь преподобный Ор начал в дальней пустыне, где прожил много лет в свершенном одиночестве, соблюдая строжайший пост. Затем, по повелению Божию, он переселился отсюда и устроил близ одного города монастырь; чтобы братия не имели нужды ходить далеко за дровами, он своими руками насадил около него рощу; до его прихода здесь не было ни одного дерева. Так заботился преподобный не только о душевном спасении братии, но и о необходимом для телесной жизни, стараясь, чтобы иноки ни в чем не имели недостатка. Когда же сам он жил в дальней пустыне, то питался там лишь зеленью и кореньями, казавшимися ему очень вкусной пищей; воду он пил лишь в том случае, когда находил ее; бóльшую часть дня и ночи преподобный Ор посвящал усердной молитве. Такой образ жизни он вел до глубокой старости, и вот однажды ему явился во сне Ангел Господень, говоря:

— Ты будешь отцом многих, ибо тебе вверится много людей, и многие тысячи ты наставишь на путь спасения; в будущей жизни ты получишь награду соответственно чину приобретенных тобою для спасения; не приходи в сомнение, помышляя, сколько нужно будет иметь необходимого для удовлетворения телесных нужд такого множества людей: у тебя не будет недостатка ни в чем, — будешь иметь все, что попросишь у Бога.

---

[1] *Фиваида* — область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь Верхний (Южный) Египет. Область изобиловала иноческими пустынями.

[2] *Эфиопия* — страна к югу от Египта, — Нубия и Абиссиния.

После этого видения старец приблизился к селениям; сначала он выстроил себе маленькую келийку и насадил овощей; и здесь, как ранее в дальней пустыне, преподобный Ор питался только овощами, да и их вкушая в небольшом лишь количестве: часто в течение недели он только один раз принимал пищу. Ранее он не умел читать, но, по переселении из дальней пустыни, Господь сообщил ему дар уразумения писаний: когда одним из братии была принесена ему книга, он открыл ее и начал читать, как давно научившийся книжному искусству. Вместе с тем преподобный Ор получил от Бога власть над бесами: к нему силою приводили бесноватых, которые во всеуслышание говорили о совершаемых им тайно богоугодных делах; много и других исцелений творил преподобный дарованною ему свыше благодатью Христовою. К преподобному Ору стало стекаться множество желающих подвизаться под его руководством, и скоро образовалось значительное собрание монашествующих, наставником и руководителем которого был преподобный. Он имел обыкновение сначала вкушать пищи духовной, а потом уже приступать к пище телесной: только приобщившись Божественных Таин, он шел за трапезу, уча братию боговдохновенными наставлениями или сообщая душеполезные рассказы. Однажды в назидание братии он рассказал следующее:

— Я видел в пустыне одного мужа, который в течение трех лет не вкушал земной пищи: Ангел Господень через каждые два дня приносил небесную пищу, заменявшую ему в то же время и воду.

— Знаю, — поведал преподобный Ор в другой раз, — такого инока, к которому явились бесы, приняв вид небесных воинств и Ангельских чинов; они указывали ему на огненную колесницу, где находился как бы царь, окруженный славой. Этот царь сказал иноку: «Ты обладаешь всеми добродетелями, теперь тебе остается только поклониться мне, и я возьму тебя, как Илию (см.: 4 Цар. 2), на огненную колесницу и вознесу отсюда».

При этих словах инок впал в раздумье:

— «Что это значит? — размышлял он. — Я постоянно поклоняюсь моему Спасителю, Который и есть мой Царь, и если бы этот видимый мною был Им, то не требовал мы от меня поклонения, зная, что я всегда поклоняюсь Ему».

После такого размышления инок сказал:

— Я имею своего Царя, Которому непрестанно поклоняюсь; ты же не мой царь.

Тотчас бесы исчезли и с своим царем, и с колесницею.

Все это преподобный Ор рассказывал братии как о ком-то другом, но многие из нее хорошо знали, что все рассказанное происходило с ним. Преподобный Ор был очень приветлив и милостив ко всем: когда к нему приходил какой-либо брат и выражал желание жить с ним, он в один день выстраивал ему келию: принимаясь за дело, преподобный Ор созывал всю братию, и все помогали ему с усердием: одни носили камни, другие песок, третьи воду, четвертые деревья, и к вечеру, таким образом, была готова келия; отдавая ее пришедшему брату, преподобный Ор в достаточной степени снабжал его и всем необходимым для жизни. Бог в обилии посылал Своему угоднику все, что он просил у Него. О преподобном отце существует и следующий рассказ, относящийся к тому времени его жизни, когда он имел еще только одного ученика: однажды при наступлении светлого праздника Воскресения Христова этот ученик сказал своему учителю:

— Знаешь ли, отче, что теперь Пасха, и нам до́лжно праздновать ее, как и все празднуют.

— Ей, сын мой, — отвечал старец, — я забыл, что теперь Пасха.

И, выйдя из келии, преподобный Ор стал под открытым небом, простерши вверх руки: так, не меняя положения, он простоял три дня, предаваясь размышлениям о Боге. Спустя три дня, он возвратился в келию, говоря:

— Вот, чадо, по мере сил моих, я и отпраздновал Пасху.

— Что это ты делал, отче? — спросил ученик.

— Для монаха, — отвечал старец, — праздник и Пасха заключаются в том, чтобы ум его проходил мимо, как Израиль сухими ногами по морю (см.: Исх. 14), молвы житейской и приближался к Богу. Инок, — продолжал он, — удаляясь от видимого мира, становится ближе к невидимому Богу: привязываясь же к земным предметам, он через это удаляет себя от невещественного Бога.

Будучи отцом многих братий, преподобный знал жизнь и дела каждого, даже творимые им тайно.

Так, однажды, некоторый странствующий инок, страдавший пороком лжи, идя к преподобному, спрятал свои одежды. Явившись к

нему полунагим, он просил у него одежды: преподобный Ор тотчас же пред всеми обличил его во лжи, вынеся спрятанную одежду. Вся братия прониклась страхом, видя, что прозорливый отец знает тайны и скрытое от других, и никто не осмеливался утаивать что-нибудь от него или где-нибудь вдали от его глаз совершать что-либо противозаконное, ибо Бог открывал ему все. Наставив множество на путь спасения не только из среды иноков, но и мирских людей, преподобный Ор преставился ко Господу[1] в небесные обители и причтен к лику великих преподобных отцов, предстоящих пред престолом Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Ему же слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА **ДОМЕТИЯ**

Святой Дометий жил в царствование Константина Великого[2]. Родиной его была Персия, где он и был обращен из язычества в

[1] Девяноста лет от рождения, около 390 года.

[2] *Константин Великий*, Римский император, сын Констанция Хлора, правителя западной части Римской империи, и Елены, родился в 274 году. По смерти отца войско провозгласило его императором, и он, благодаря этому, сделался обладателем Галлии и Испании. После продолжительной борьбы с начальниками других областей Римского государства, Лицинием и Максентием, Константин объявил себя в 324 году независимым правителем и объединил под своею властью всю империю. Константин Великий замечателен своею деятельностью на пользу Церкви Христовой; за эту именно деятельность история называет его Великим, а Церковь — равноапостольным. Поворот к христианству в законодательной деятельности Константина Великого начинается с Манифеста 313 года о веротерпимости, изданном в Медиолане за подписью его и Лициния: в этом манифесте, между прочим, разрешался свободный переход в христианство всякому желающему. Вскоре появились указы об освобождении клириков от всех личных повинностей и Церкви от податей; закон 321 года разрешал делать вклады в христианскую Церковь; в следующем году запрещено было насильственно привлекать христиан на языческие празднества. Сделавшись единодержавным, Константин Великий уничтожил указы и постановления прежних императоров, изданные против христиан; он возвратил права, имущество и свободу всем, лишившимся их в прежнее время за исповедание христианства. Особым указом им было предписано посвящать

христианство неким Уаром. Оставив родственников и отечество, полное языческого нечестия, святой Дометий удалился к пределам Греческого государства, к городу Низибии[1]. Войдя здесь в один монастырь, он принял святое крещение, а затем облекся во иноческий образ, беспорочно проходя подвиг постнической жизни. Но по наветам завистливого и лукавого беса его возненавидели обитавшие в том монастыре иноки, так что святой Дометий принужден был бежать оттуда в монастырь святых мучеников Сергия и Вакха, в городе Феодосиополе[2]. Тут он подражал житию архимандрита Нурвела, о котором повествуется, что в течение шестидесяти лет он не вкушал ничего вареного, спал чрезвычайно мало, да и то не лежа или сидя, а стоя — наклонясь на жезл. Архимандрит Нурвел поставил преподобного Дометия в диаконы, но когда святой узнал, что архимандрит хочет принудить его сделаться священником, он удалился и оттуда[3]. Уединившись на одной пустынной горе[4], святой Дометий проводил здесь жизнь по Богу, терпя зной, мороз и все изменения погоды. Потом, войдя в один вертеп, он жил уже там, совершая множество чудес именем Христо-

---

Богу воскресный и другие праздничные дни; во время праздников закрывались зрелища и суды. В Церкви Константин Великий старался поддерживать мир и согласие; для прекращения арианских смут им был созван Первый Вселенский собор в Никее (325 г.). Не желая пребывать в Риме, где язычество было особенно сильно, Константин Великий перенес столицу в Византию; здесь он уничтожил идолов и украсил город христианскими храмами. В 337 году он принял крещение, после которого вскоре умер на шестьдесят пятом году жизни. В V веке Церковь причислила Константина к лику святых; память его — 21 мая.

[1] В Месопотамии.

[2] На восточном берегу Евфрата.

[3] С двумя учениками.

[4] В пределах Кирра в Сирии.

вым: многих, приходящих к нему, он исцелял от болезней, приводя от идолопоклонства к вере Христовой. Когда же в эту местность пришел Юлиан Отступник[1], то, узнав все о святом Дометии, он велел его побить камнями. Посланные для совершения злодейства отправились и нашли в третий час дня святого отца с двумя учениками, совершающего подобающее пение. Бросившись на них, они побили их камнями, и так закончил течение своей богоугодной жизни преподобный Дометий с двумя своими учениками[2].

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **МАРИНА и АСТЕРИЯ**

Во дни языческих царей Валериана и сына его Галлиена[3] в Риме жил честный и добродетельный вельможа, по имени Астерий, исповедовавший веру Христову; он был знатный и богатый человек, пользовавшийся расположением царей. При гонениях, постигавших в то время Церковь Христову, Астерий строго соблюдал благочестие, нисколько не скрывая при этом своей веры в Господа Иисуса.

Однажды, находясь в пределах Палестины, святой Астерий пришел в город Кесарию Филиппову[4], известный у финикиян под име-

---

[1] *Юлиан Отступник*, племянник Константина Великого, сын его брата Юлия Констанция, родился в 331 году. В 345 году вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провел шесть лет. В 351 году он покинул место ссылки и провел несколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 году был назначен Констанцием начальником войск в Галлии, где он сумел привлечь любовь войска, которое в 361 году и провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане и ненависть к религии своего притеснителя — христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 году в походе против персов; последние его слова были обращены ко Христу: «Ты победил меня, Галилеянин!»

[2] В 363 году, 23 марта.

[3] *Валериан* — император с 253 по 259 год; *Галлиен* — с 260 по 268 год.

[4] Город северной Палестины, лежавший у подошвы горы Ермона. Обстроен сыном Ирода Великого тетрархом Филиппом; он украсил город и назвал его Ке-

нем Панеады; в этом городе, населенном множеством идолопоклонников, был обычай совершать одно языческое празднество близ источника, вытекающего из горы Панеас; отсюда, полагают, берет начало и река Иордан. В этот праздник приносимая бесу жертва делалась невидима: обитавший там бес похищал жертву, скрывая ее от глаз, и ослепленные заблуждением язычники прославляли это бесовское обольщение как великое чудо. Раб Христов Астерий, присутствуя при самом бесовском празднике, не мог не поболеть сердцем о заблуждении и душевной слепоте обольщенного народа; подняв очи к небу и воздвигнув руки, с верою помолился Христу Богу, чтобы Он изгнал оттуда беса, прельщающего народ. И тотчас бес был прогнан силою Божиею, и чудо бесовское прекратилось, — все своими глазами видели жертву; она уже не скрывалась как ранее и не делалась невидимой. Когда же прекратилось чудо, прекратилось и празднество, так как язычники перестали собираться к источнику. Так молитва святого Астерия, соединенная с верою, очистила место от бесовской скверны.

Страдание же его за Христа произошло, по смотрению Божию, таким образом. В другой Кесарии, Палестинской[1], жил знатный и богатый воин по имени Марин, но он был еще более честен верою во Христа и — богат добрыми делами. Товарищи по полку призывали его на место сотника, открывшееся по смерти занимавшего его воина. Когда Марин готовился занять помянутое место, другой воин, завидуя и сам желая сделаться сотником, пошел к судье Ахеосу: он открыл ему, что Марин, как христианин, не хочет приносить жертвы богам и изображениям царей, а потому, — добавил донос-

---

сариею в честь Римского кесаря Тиверия; в отличие от Кесарии Палестинской, или Стратоновой, — город именуется Кесариею Филипповою.

[1] *Кесария Палестинская* — называлась в глубокой древности городом или башней Стратона. Этот город был восстановлен Иродом Великим, который назвал его Кесариею в честь императора Августа. Он находился на берегу Средиземного моря. Святой апостол Павел во время своих миссионерских путешествий не раз бывал в нем (Деян. 9, 29–30; 18, 28; 21, 8) и два года пробыл в нем узником (Деян. 23, 23; 24, 27; 25, 4–6). В этом городе жил сотник Корнилий, которого святой апостол Петр обратил ко Христу и крестил (Деян. 10); здесь жил святой апостол Филипп (Деян. 21, 8); здесь же умер Агриппа, пораженный Ангелом и изъеденный червями (Деян. 12, 20–23). В Евангелии Кесария Палестинская не упоминается.

чик, — такого человека в силу римских законов нельзя ставить сотником. Судья тотчас призвал Марина и спросил его о исповедуемой им вере; услыхав от самого Марина, что он христианин, судья дал ему три часа для размышления, — избрать ли жизнь или смерть. Святому Марину предстояло только два исхода: или принести языческую жертву и остаться в живых, или умереть за исповедание веры Христовой.

В это время епископ Кесарии Палестинской Фетеик пришел к исповеднику Христову, взял его за руку и ввел в церковь, преподавая душеполезные наставления. Затем, придя с ним во святой алтарь, епископ, указывая рукою на святое Евангелие и на воинский меч, которым Марин был препоясан, сказал:

— Из двух этих вещей избери, достойный муж, какую-либо одну: или носить этот меч, чтобы временно служить земному царю, а по смерти получить вечную погибель, или — сделаться воином небесного Царя, положить душу за Его пресвятое имя, написанное в этой книге, и царствовать с ним бесконечные веки.

Святой Марин, простерши правую руку ко святому Евангелию, с горячею любовию облобызал его, показывая, что он готов за Христа идти на смерть. Тогда епископ сказал ему:

— Всей душой твоей прилепись к Богу и, укрепляемый Его силою, приими то, что сам избрал.

После этого епископ отпустил святого Марина со словами:

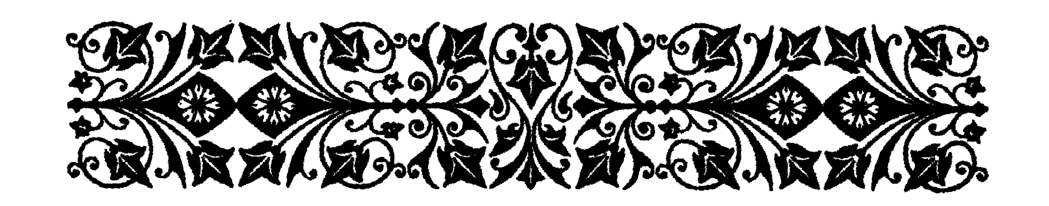
— Иди с миром.

Когда святой Марин шел из церкви, то глашатай стоял уже у дверей суда, громко призывая Марина по имени, так как три часа уже прошли. Войдя в судилище, святой Марин безбоязненнее прежнего исповедал себя христианином, во всеуслышание прославляя имя Христово и порицая языческое нечестие. Судья произнес ему смертный приговор, и святой мученик Марин был выведен за город и там обезглавлен. При его мученической кончине присутствовал святой Астерий, по устроению Божию на это время пришедший в город. По страдальческой смерти святого Марина он снял с себя верхнюю драгоценную одежду, простер ее по земле, потом обвил ею честнóе тело мученика вместе с главою и, донеся до могилы на собственных плечах, предал погребению с честью. За это он и сам удостоился мученического венца: нечестивые язычники схватили его и отсекли ему

главу[1]. И таким образом святой Астерий, вместе со святым Марином, в лике святых мучеников предстал небесному Царю — Христу.

Это было в царствование Галлиена, наследовавшего престол после погибели своего отца Валериана. За пролитие крови множества христиан он был наказан гневом Божиим: во время сражения персы одержали победу над римлянами, и Валериан живым попал в плен к Саворию — персидскому царю; его отвели в Персию, и там он заменял Саворию подножку, когда последний садился на коня. При этом Валериана нельзя было выкупить из позорного плена: Саворий не желал брать за него никаких сокровищ, дорожа той славой, что он имеет возможность наступать на выю римского царя. После продолжительного издевательства над Валерианом, царь Персидский велел, наконец, содрать с него кожу пред всем народом и посыпать солью; так зло погиб злой, еще в этой жизни начав вечные муки. Такая погибель отца устрашила Галлиена: он познал в ней Божие наказание за безжалостное пролитие христианской крови. Поэтому Галлиен издал указ для всех областей Римского государства, где предписывалось прекратить гонение на христиан и разрешить епископам свободно управлять своими церквами. Но прежде, чем указ пришел в Кесарию Палестинскую, святые Марин и Астерий прияли мученическую кончину за Христа и вошли в радость Господа своего и нашего владыки Иисуса Христа, царствующего с Отцом и Святым Духом.

[1] В 260 году.



День восьмой

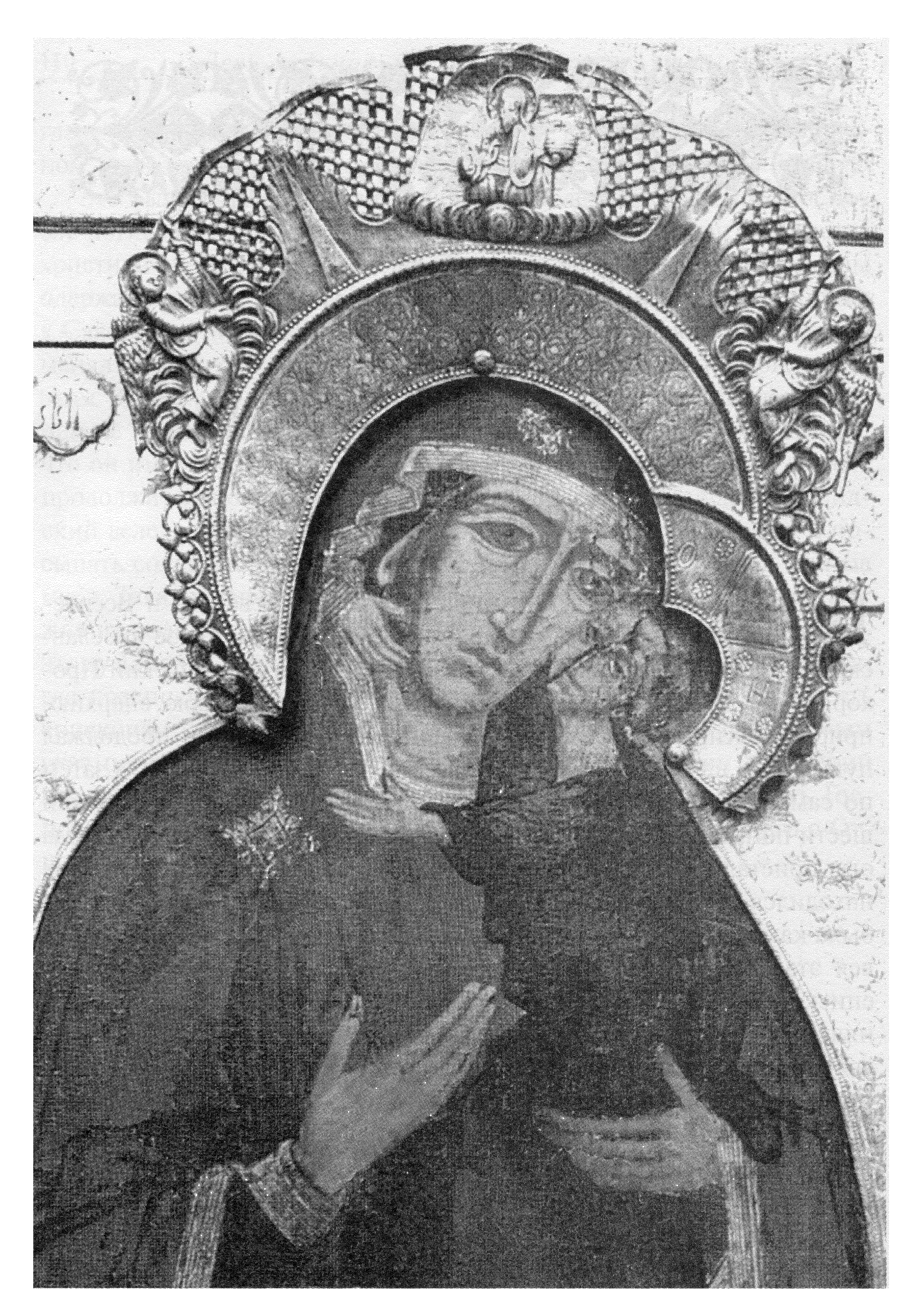
ПРАЗДНОВАНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ в честь явления Ее иконы ТОЛГСКОЙ

В 6822 году от сотворения мира[1] во время Киевского и Всероссийского митрополита Петра[2] при благоверном князе ярославском Давиде Феодоровиче епископ Ростовский и Ярославский Прохор, — по другим известиям Трифон, — объезжая свою епархию, прибыл в Кирилло-Белозерский монастырь; отсюда он продолжал путь водою на лодках, — сначала по притоку Волги Шексне, а затем по самой Волге до Ярославля. Когда путники были на расстоянии шести поприщ[3] от Ярославля, день начал склоняться к вечеру. Тогда они пристали на ночлег к горе, стоявшей на той стороне Волги, где находился город; поднявшись на гору, они разбили шатер. Стоянка была как раз против того места, где в Волгу впадает приток ее Толга; вся эта сторона была покрыта большим лесом. Во время ночлега епископ проснулся в полночь и заметил какой-то свет; быстро поднявшись и выглянув из шатра, он нашел всех своих спутников — священников, клириков, слуг и даже сторожей — спящими; между тем великий свет озарял всю местность. Оборотившись к реке, епископ заметил на противоположном берегу чрезвычайно светлый, необыкновенно сияющий столб, при этом он увидел и мост, ведущий к нему через Волгу; это таинственное явление возбудило в епископе

[1] От Рождества Христова 1314 год.

[2] *Святой Петр* жил с 1308-го по 1325 год во Владимире, с 1325-го по 1326 год в Москве. Память его — 21 декабря.

[3] Приблизительно на расстоянии шести верст.



Толгская икона Божией Матери

удивление, смешанное с ужасом. Однако, помолившись Богу, он, взяв свой епископский посох, вышел из шатра и, не будя никого, направился к реке и взошел на видимый им мост: в действительности же епископ шел по воде как по дереву, — на этом месте никогда не было моста, но, по повелению Божию, вода, отвердев, образовала как бы мост под его ногами. Достигнув противоположного берега, епископ увидел образ Пресвятой Богородицы, держащей на руках Младенца, Господа нашего Иисуса Христа; образ не стоял на дереве, а чудесно держался на воздухе на высоте пяти локтей, так что с земли его нельзя было достать руками. Епископ, поклоняясь иконе Богородицы, воссылал Владычице мира теплые молитвы, соединенные со слезами; после довольно продолжительной молитвы он возвратился обратно, забыв на этом месте свой посох. Перейдя по тому же самому мосту реку, епископ возвратился в свой шатер, и так как все спали, то его путешествие никому не могло быть известно; до утра епископ спокойно проспал. Когда рассвело, все встали, и, по обыкновению, была пета утреня. Настало время идти к лодкам, и слуги начали искать посох святителя, но все поиски были тщетны. Тогда они сказали епископу, что неизвестно куда девался посох, хотя вечером он был поставлен в шатре. Епископ вспомнил, что забыл свой посох на той стороне реки, и понял, что Господь желает сделать известным помянутое чудесное явление; не будучи в состоянии от слез вымолвить слова, он начал показывать перстом за Волгу; потом, едва говоря от волнения, святитель рассказал по порядку, как он достиг противоположного берега Волги и что там видел; затем он приказал ехать в указываемом им направлении за Волгу и взять там посох. Слуги поехали и во время поисков посоха обрели в лесу икону Пречистой Богородицы, но уже не на воздухе, а стоящей между деревьев на земле; близ нее лежал и посох. Поклонившись святой иконе и взяв посох, они возвратились к святителю и сообщили ему, что видели икону Пресвятой Богородицы. Тогда епископ, отложив на время путь к Ярославлю, переехал со всеми своими людьми Волгу; увидев икону Пресвятой Богородицы, он тотчас узнал тот самый образ, который ночью держался на воздухе, окруженный светлым сиянием в виде столпа. В радости и веселии духовном святитель преклонил колена, воссылая теплые молитвы Пресвятой Богородице и благоговейно лобызая Ее святую икону. И все присутствовавшие также не могли удержаться от радостных

слез и, поклоняясь честному образу, также усердно молились Матери Божией.

Это чудесное явление иконы Пресвятой Богородицы совершилось 8 августа, когда почитается память святого Емилиана, епископа Кизического.

Святитель Прохор, нимало не медля, тотчас начал собственными руками очищать место, где явилась святая икона, рубить лес и приготовлять деревья для постройки церкви. Его примеру ревностно следовали и находившиеся с ним; в тот же день заложили маленькую церковь и к полудню окончили ее постройку. Слух о чудесном явлении и связанных с ним событиях дошел до Ярославля, и множество народа поспешило к месту, где находился епископ; среди пришедших были и духовные и миряне, старые и молодые, богатые и бедные, здоровые и больные. При виде иконы Пресвятой Богородицы они исполнились неизреченной радости и усердно молились; каждый старался помочь сооружавшим церковь, — кто рубил деревья, а кто трудился вместе с начавшими постройку храма. Когда он был окончен, епископ в тот же день к вечеру освятил его и внес чудотворный образ; затем, совершив во вновь сооруженном храме богослужение, святитель нарек его во имя честнóго Введения Пресвятой Богородицы и установил празднование явления Ее образа 8 августа. Все присутствовавшие при этом недужные получили, по благодати Пресвятой Богородицы, исцеление. Тогда же епископ повелел быть при церкви монастырю и в тот же день поставил ему игумена. С этого времени на месте явления чудотворного образа была устроена обитель, сначала довольно незначительная, но потом, с расширением своей славы, она увеличилась и в своих размерах. Эта обитель, хранимая Богом, существует и доныне и известна под именем Толгской, от впадающего на этом месте в Волгу притока — Толги.

Со дня явления чудотворного образа Пресвятой Богородицы начало́ совершаться множество чудес, из которых упомянем здесь только о некоторых, наиболее выдающихся. В 6900 году 16 сентября[1], при игумене Германе, когда священник возгласил на утрени после девятой песни: «Богородицу и Матерь света песньми возвеличим!» — внезапно от правой руки Пресвятой Богородицы истекло миро, и церковь наполнилась дивным благоуханием; все присут-

[1] От Рождества Христова 1392 года.

ствовавшие в храме при виде этого чуда не могли удержаться от удивления и ужаса, прославляя в то же время Бога и Его Пречистую Матерь. После утрени стали совершать молебен Пресвятой Богородице, и при окончании его во время пения «Владычице, приими молитву рабов Своих» от левой ноги Пречистого Младенца, держимого Богородицею на руках, истекло миро; таким образом глазам верующих, находившихся в то время в храме, представились два источника, — от правой руки Пресвятой Богородицы и левой стопы Христа, — чудесно источающие миро от одной иконы. Дивное чудо это не могло не возбудить духовной радости в игумене и братии: они со слезами преклоняли колена пред Пречистой Богородицей и помазывали чело свое миром, которое обладало великой целебной силой: кто из недужных, — какою бы болезнью он ни страдал, — ни помазывался чудесным миром, тотчас делался здоров. Спустя некоторое время после этого чудесного события один боярин, по имени Никита, был послан великим князем из Москвы в Белозерский край: когда он вместе с женою и слугами прибыл в Ярославль, то сел в лодки, чтобы дальнейший путь продолжать водою вверх по реке. У этого боярина был единственный сын, еще маленький мальчик, — ему было не более четырех лет, — и вот, дорогою он разболелся и умер, и его мертвого довезли до Толгского монастыря Пресвятой Богородицы, чтобы здесь похоронить. Отец и мать умершего мальчика горько плакали пред иконою Пресвятой Богородицы, так как не имели более детей. Опрятав тело, занялись приготовлением гроба и остального, нужного для погребения; в этих печальных хлопотах прошло время с часу дня до десяти вечера. И вот, когда, после обычного молебствия, началось надгробное пение, мальчик неожиданно ожил и воскликнул; все ужаснулись и вместе с тем радовались; особенно же радовались родители. Они не знали, как благодарить Господа и Его Пречистую Матерь, снова увидев своего сына живым и здоровым. — Однажды по попущению Божию в монастыре случился большой пожар; при этом и церковь загорелась так быстро, что братия не успели отворить церковных дверей и хотя что-нибудь вынести из храма; вся церковь со всем находившимся в ней сгорела. Все со скорбью думали, что этой же участи подверглась и чудотворная икона. Но после пожара неожиданно нашли в роще близ монастыря святую икону, совершенно не поврежденную и окруженную сияни-

ем: конечно, не человеческими, а только ангельскими руками могла быть взята святая икона из великого пламени. Братия с радостью приняли святую икону и, не медля, принялись за постройку нового храма, более обширного по размерам и великолепного по своим украшениям. И доселе можно видеть прекрасные церковные здания и монастырские постройки. Благодать же Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии и доныне не перестает совершать чудотворения, как от источника, от Своей святой иконы, источая исцеления болезней и отгоняя от людей злых духов.

Чудеса эти подробно описаны в самой обители; мы же, изложив только немногое, да и то кратко, — для более подробного повествования недостало бы и времени, — прославим Бога и Его Пречистую Матерь Деву Марию; воздадим подобающее поклонение и Ее честной иконе, которую все роды христианские должны почитать всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников Елевферия** и **Леонида**, брошенных в огонь за исповедание Иисуса Христа.

В тот же день **память преподобного Григория Синаита**, жившего в царствование Михаила IX Палеолога и Андроника, царей греческих, написавшего много душеполезных книг и скончавшегося в первой половине XIV века.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
МИ́РОНА ЧУДОТВОРЦА,
епископа Критского

Святой Мирон родился на острове Крите[1], здесь же был и воспитан; он женился в довольно ранней молодости; главным заня-

[1] *Крит* — наибольший из греческих островов, в восточной части Средиземного моря.

тием его было земледелие, причем «от пота лица своего» святой Мирон ел хлеб не только сам, но и кормил других, подавая от своих урожаев убогим. Господь благословлял за это труды святого Мирона: размерам подаяний соответствовала величина урожаев. Святой Мирон был милостив более всех людей, обитавших в той земле: однажды он застал на своем гумне воров, когда они уже до того наполнили мешки житом, что не могли поднять их; святой Мирон вместо того, чтобы подвергнуть их телесному или какому-нибудь иному наказанию, подошел к ним и своими руками пособил поднять мешки на плечи; при этом он строго запретил ворам рассказывать о его поступке. За свою добродетельную жизнь святой Мирон был сделан пресвитером; в этом сане он ревностно поучал своих пасомых святой жизни христианской, а во время гонения со стороны нечестивого царя Декия[1] горячо убеждал их твердо переносить страдания. Когда с погибелью Декия[2] окончилось гонение, святой Мирон был возведен на престол епископа: будучи епископом, он установил памятование святых мучеников, пострадавших во время гонения за Христа, а также силою Божиею сотворил много чудес и других дивных дел. Так, между прочим, святой Мирон остановил течение реки: во время наводнения одному знатному мужу, по имени Тритон, нужно было перейти реку[3]; святой епископ остановил ее течение, пока помянутый муж, перейдя реку, снова не возвратился обратно; тогда святой Мирон послал свой посох с приказанием опять продолжать реке свое обычное течение. Когда посланцы святого Мирона достигли реки и, возмутив жезлом святителя в ней воду, повторили его повеление, река с чрезвычайной быстротою и стремительностью протекла по руслу в прежнем направлении. Много чудес, по своему величию подобных сейчас описанному, сотворил святой угодник Божий. Святой Мирон отошел ко Господу уже столетним старцем, всю жизнь посвятив Богу путем исполнения Его святых заповедей[4].

---

[1] *Декий* — император с 249 по 251 год.

[2] В 251 году.

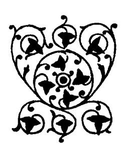
[3] Иное передается в житии и Синаксарии Никодима: там сообщается, что река по имени Тритон остановлена святым Мироном во время наводнения, и он, перейдя посуху по ней, после послал жезл с повелением, чтобы она опять текла. В Крите еще Диодору Сицилийскому была известна река Тритон.

[4] Скончался святой Мирон около 350 года.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО **ЕМИЛИАНА ИСПОВЕДНИКА**, епископа Кизического

Емилиан, епископ Кизический[1], претерпел страдания за исповедание Христово в царствование Льва Армянина иконоборца[2]. Святого Емилиана неоднократно принуждали оставить поклонение честным и святым иконам, но он, неуклонно следуя учению святых отцов, не повиновался. За эту верность вере православной ему пришлось перенести от еретиков много неприятностей, даже тюремные заключения[3], но святой Емилиан все переносил с радостью в надежде за временные страдания получить вечное блаженство. С таким чисто христианским настроением проходя среди скорбей и страданий свой жизненный путь, святой Емилиан умер в заточении, уповая на Господа и украшенный венцом исповедника.

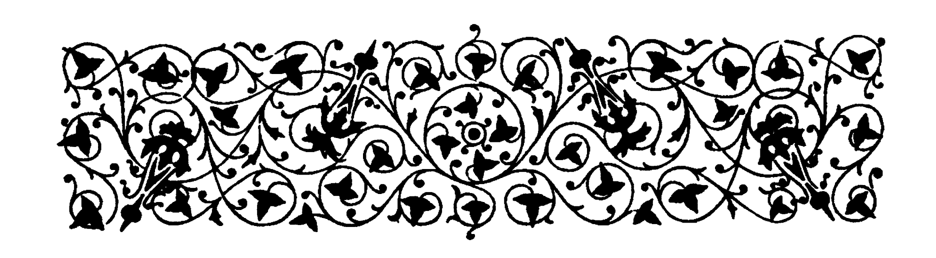
В тот же день **память преподобного Григория**, иконописца Печерского в XII веке, почивающего в Антониевой пещере.



[1] *Кизик* находится на полуострове Пропонтиды (Мраморного моря) Арктониссе; город этот основан милетцами за пять веков до Рождества Христова.

[2] *Лев V Армянин* — император с 813 по 820 год.

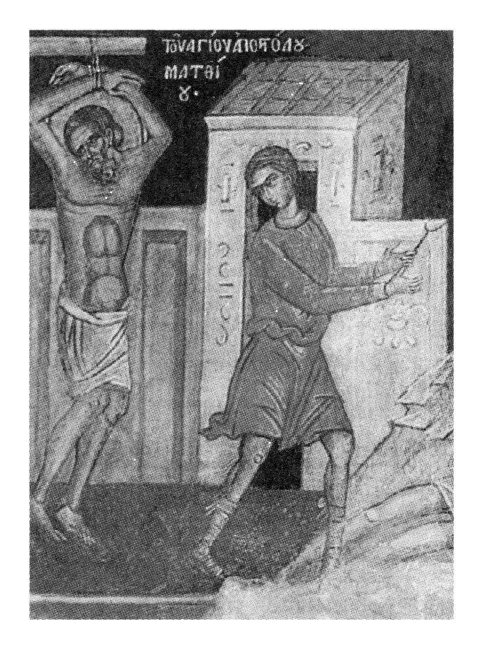
[3] Так, в 815 году он был заточен вместе с другими епископами. На собрании епископов во главе с патриархом у царя иконоборца святой Емилиан первый из епископов начал говорить смело с Львом Армянином, твердо отстаивая права Церкви. На убеждения императора, склонявшего к иконоборчеству, он сказал: «Если этот вопрос, император, есть церковный, как ты сам сказал, то пусть исследуется в церкви по обычаю. Из древности, из самого начала, церковные вопросы исследуются в церквах, а не в царских палатах». См. житие преподобного Никиты 3 апреля.



Д е н ь   д е в я т ы й

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
МАТФИЯ

Святой апостол Матфий, происходивший из колена Иудина, родился в Вифлееме; с раннего детства он начал изучать священные книги и закон Божий в Иерусалиме под руководством святого Симеона Богоприимца. От него святой Матфий был наставлен в добродетельной жизни: он проводил богоугодную жизнь, строго следуя по пути, начертанному в заповедях Божиих. Настало время, когда Господь, по прошествии тридцати лет со дня Своего рождения от Пречистой Девы Марии и по принятии крещения от Иоанна, явил Себя миру; собрав учеников, Он проповедовал наступление Царствия Божия, совершая в то же время неисчислимые чудеса и знамения. Святой Матфий, внимая учению Христа и видя Его чудотворения, исполнился к Нему любовью: оставив мирские заботы, он вместе с другими учениками и народом последовал за Господом, наслаждаясь лицезрением воплотившегося Бога и неизреченною радостию Его учения. Господь, Которому открыты самые сокровенные движения человеческого сердца, видя рвение и чистоту душевную святого Матфия, избрал его не только в число Своих учеников, — но и для апостольского служения. Сначала святой Матфий принадлежал к числу семидесяти меньших апостолов, о которых в Евангелии говорится: *Избрал Господь и других семьдесят (учеников), и послал их по два пред лицем Своим* (Лк. 10, 1); после же вольных страданий, воскресения и вознесения Господа нашего Иисуса Христа на небо святой Матфий был причтен к сонму двенадцати апостолов. По от-



падении Иуды от лика двенадцати апостолов, последний, — так как вместо Иуды никто не был избран, — утратил свою полноту, а с ним и право на именование двенадцати; поэтому верховный из апостолов, святой Петр, став посреди собрания первых христиан, обратился к верующим со словом о том, что на место отпавшего и погибшего Иуды должны избрать кого-либо из тех, которые находились с апостолами во все время, когда пребывал с ними Господь Иисус, чтобы избранный Им сонм двенадцати ближайших апостолов был цел и неизменен. *И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою... и Матфия; и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из этих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий этого служения и апостольства, от которого отпал Иуда... И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати апостолам* (Деян. 1, 23–26), как двенадцатый. Это избрание вскоре было утверждено Господом при ниспослании Духа Святого в виде огненных языков: ибо Дух Святой опочил как на прочих святых апостолах, так и на святом Матфие, даруя ему равную благодать с учениками Господа. По сошествии Святого Духа апостолы метали жребий, кому из них и в какую страну идти для проповеди евангельской; святому Матфию досталась по жребию Иудея, где он и трудился, обходя города и веси и благовествуя о явлении во Христе Иисусе спасения миру. Впрочем, не только среди иудеев, но и среди язычников проповедовал он имя Христово. Предание говорит, что святой Матфий обращался с благовестием Христовым и к жителям Эфиопии[1] и претерпел здесь множество различных мучений: его влачили по земле, подвергали побоям, привешивали к столбу, строгая бока железом и поджигая огнем; но укрепляемый Христом, святой Матфий

[1] Под *Эфиопией* разумеют Эфиопию Понтийскую, или Колхиду, нынешнюю Мингрелию и Имеретию.

мужественно и с радостью переносил эти мучения. По некоторым же известиям святой Матфий проповедовал Евангелие и в Македонии[1], где нечестивые греки, желая испытать силу возвещаемого святым апостолом учения, схватили его и заставили выпить отраву, лишавшую человека зрения: кто выпивал ее, тот делался слепым. Но святой Матфий, выпив во имя Христово отраву, не потерпел от нее никакого вреда и даже ослепленных этою отравой, — их было более двухсот пятидесяти человек, — исцелил, возлагая руки и призывая имя Христово. Диавол, не терпя такого поругания, явился язычникам в виде отрока, повелевая убить Матфия, так как он уничтожает почитание бесов. Когда же они хотели схватить святого апостола, то принуждены были в течение трех дней безуспешно искать его: святой Матфий, хотя и ходил среди них, был им невидим. Потом святой апостол явился к искавшим его язычникам и добровольно предал себя в руки их; они, связав его, заключили в темницу, где явились ему бесы, с яростью скрежетавшие на него зубами, но в следующую ночь ему в великом свете явился Господь; ободрив святого Матфия и освободив от оков, Он открыл двери темницы и выпустил его на волю. Настал день, и апостол снова встал среди народа, еще с большею безбоязненностью проповедуя имя Христово; когда же некоторые, ожесточившиеся сердцем, не веруя его проповеди и придя в ярость, хотели убить его своими руками, внезапно разверзлась земля и поглотила их; оставшиеся же пришли в ужас, обратились ко Христу и крестились.

Затем апостол Христов снова возвратился в жребий свой, — в Иудею, и многих от сынов Израилевых он обратил к Господу Иисусу Христу, возвещая им Слово Божие и подтверждая его знамениями и чудесами: именем Христовым святой Матфий возвращал слепым зрение, глухим слух, умирающим жизнь, восстанавливал хромых, очищал прокаженных и изгонял бесов. Называя Моисея святым и побуждая соблюдать закон, данный ему Богом на скрижалях, святой Матфий в то же время учил веровать во Христа, в знамениях и прообразах предвозвещенного самим Моисеем, предсказанного пророками, посланного Богом Отцом на спасение миру и воплотившегося от Пречистой и Пренепорочной Девы. При этом все пророче-

[1] *Македония* — страна на Балканском полуострове, примыкающая к северо-западному углу Эгейского моря (Салоникский залив).

ства о Христе святой Матфий истолковывал, как уже сбывшиеся на пришедшем Мессии.

В это время первосвященником иудейским был Анан, ненавидевший Христа и хуливший Его имя, — гонитель христиан, повелевший сбросить с кровли церковной святого апостола и брата Божия Иакова и тем убивший его. И вот когда святой Матфий, обходя Галилею, проповедовал Христа, Сына Божия, в здешних синагогах, ослепленные неверием и злобою иудеи, исполнившись сильной ярости, схватили святого апостола и привели в Иерусалим к помянутому первосвященнику Анану. Первосвященник, собрав синедрион и призвав на суд святого апостола, обратился к утратившему совесть сборищу с такими словами:

— Вся вселенная и настоящее собрание знают, какую укоризну навлек на себя наш народ, и это — не по нашей вине, но по развращению некоторых, от нас же вышедших и по ненасытному корыстолюбию, — скорее мучительству, — римских правителей; не следовало бы и упоминать об этих вводителях новых ересей, прельстивших столько тысяч народа. Вы сами знаете, сколько из них побито римскими воинами; так погибли обольстители и обольщенные, покрывая позором наше племя; таковы родоначальники ересей: Иуда Галилеянин и Февда Волхв; с их погибелью уничтожилась и самая память о них. Но среди всех подобных еретиков восстал ересиарх Иисус Назарянин: Он называл Себя Сыном Божиим и Богом и многих удивлял Своими волшебными знамениями и чудесами, привлекая к Себе сердца и проповедуя отменение закона; за что и принял суд по закону, который хулил. И что сказать? Разве мы не знаем, что закон дан был Моисею Самим Богом, что его соблюдали патриархи и пророки, которым Бог даровал силу совершать такие чудотворения, каких не мог Иисус: кто не знает Моисея, с Богом, как с человеком, беседовавшего? Кто не знает Илию, взятого в рай на огненной колеснице? Кто не слышал, что умерший, выброшенный на мертвые кости Елисея, ожил? И иные угодники Божии сколько совершили чудес, однако не один из них не дерзнул на такое дело, как Иисус, — присваивать себе честь Божию и устанавливать новый закон; пророки, вдохновляемые Святым Духом, говорили исполненные смирения, а Он с гордостью говорил Свои собственные измышления и дошел до такого безумия, что первосвященников и князей

подвергал укоризненным порицаниям, а книжников и фарисеев называл лицемерами; сделал ли что подобное кто-либо из пророков? И по гордости Своей Он обрел соответственный конец, приняв мзду по делам Своим. О, если бы память Его с Ним погибла, и учения Его, с Ним умершего, никто не воскрешал! Особенно же печально, что храм Божий, святой город и законы отцов находятся в рабстве у римлян, и нет ни сострадающего, ни соболезнующего, ни избавляющего; нас без вины влачат по судилищам, а мы терпим; нас обольщают, а мы даем молчаливое согласие; нас грабят, а мы не издаем и звука. И — что всего печальнее, — галилеяне предают нас в руки римлян, без стыда обвиняя нас и народ наш в убиении Иисуса, как неповинного. Лучше пусть погибнут эти немногочисленные галилеяне, чем это святое место и весь народ наш подвергнется истреблению от римлян; из двух зол, — если нет возможности избежать обоих, — следует избирать меньшее, более терпимое. И этот, сейчас стоящий пред нами ученик Иисусов, достоин смерти; но пусть сначала сам в себе размыслит, — мы не отнимаем времени для размышления, потому что не погибели, а исправления его желаем, — и из двух пусть изберет одно — или следовать закону, данному Богом через Моисея, и тем сохранить жизнь, или именоваться христианином и умереть.

В ответ на это святой Матфий, подняв руки, сказал:

— Мужи и братья! Я не хочу говорить много о том обвинении, которое вы возлагаете на меня, — для меня имя христианина не преступление, а слава. Ибо Сам Господь говорит чрез пророка, что в последние дни *назовет рабов Своих новым именем* (Ис. 65, 15).

Первосвященник Анан возразил:

— Разве не преступление считать за ничто святой закон, не почитать Бога и слушать пустые рассказы о волшебствах?

— Если послушаете меня, — ответил святой Матфий, — я объясню вам, что проповедуемое нами учение — не басни и волшебство, но сама истина, уже давно засвидетельствованная законом.

Когда первосвященник дал свое согласие, святой Матфий открыл свои уста и начал истолковывать ветхозаветные прообразы и пророчества об Иисусе Христе, как Бог дал обетование праотцам Аврааму, Исааку и Иакову из семени их воздвигнуть такого Мужа, чрез Которого благословятся все земные племена, о чем и Давид говорит в словах псалма: *и благословятся в нем [племена], все народы*

ублажат его (Пс. 71, 17), — как несгораемая купина прообразовала воплощение Христа от Пречистой Девы (см.: Исх. 3, 2), о Которой предсказал Исаия: *се Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7, 14), то есть «с нами Бог». Моисей тоже ясно предвозвестил о Христе, говоря: *Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня воздвигнет тебе Господь Бог твой, — Его слушайте* (Втор. 18, 15). Он же предуказал вольные страдания Спасителя, вознеся на дерево змея, о чем говорил и Исаия: *как овца, веден был на заклание* (Ис. 53, 7): *и к злодеям причтен был* (Ис. 53, 12); пророк Иона, вышедший невредимым из чрева китова, был прообразом тридневного воскресения Господня.

Эти пространные изъяснения ветхозаветных книг, говорящих о Христе Иисусе, привели Анана в гнев, так что он не выдержал и сказал святому Матфию:

— Так ли ты осмеливаешься посягать на закон? Разве тебе не известны слова Писания: *Если восстанет среди тебя пророк или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет при том: пойдем в след богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им... И пророка того или сновидца того должно предать смерти* (Втор. 13, 1, 2, 5)?

Святой Матфий отвечал:

— Тот, о Котором я говорю, не только пророк, но и Господь пророков, Он — Бог, Сын Божий, о чем свидетельствуют истинные чудеса Его; поэтому-то я и верую в Него и надеюсь быть непоколебимым в исповедании Его пресвятого имени.

— Если тебе дадут время для размышления, покаешься ли ты? — спросил первосвященник.

— Да не будет, чтобы я отступил от истины, которую уже обрел, — отвечал святой апостол. — Я всем сердцем моим верую и открыто исповедую, что отверженный вами и преданный на смерть Иисус Назарянин есть Сын Божий, единосущный и совечный Отцу, а я — раб Его.

Тогда первосвященник, затыкая уши и скрежеща зубами, закричал:

— Хулит! Хулит! Пусть выслушает закон!

Тотчас была открыта книга закона и было прочтено то место, где написано: «Кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой,

и хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество, пусть не щадит его око ваше и тем изымете зло из дел Израиля» (ср.: Лев. 24, 15–16).

По прочтении этого места, первосвященник сказал апостолу Христову:

— Твои слова свидетельствуют против тебя; кровь твоя падет на голову твою.

После этого первосвященник осудил святого Матфия на побиение камнями; и апостола повели на казнь. Когда пришли на место, называемое Вефласкила, то есть дом побитых камнями, святой Матфий сказал к ведшим его иудеям:

— Лицемеры, справедливо говорил о подобных вам пророк Давид: *толпою устремляются на душу праведника и осуждают кровь неповинную* (Пс. 93, 21); то же говорит и пророк Иезекииль о такого рода людях, что они умерщвляют души, которые не должны умирать (см.: Иез. 13, 19).

После этих слов апостола Христова два свидетеля, — как требовал того закон, — положили свои руки на его голову и засвидетельствовали, что он хулил Бога, закон и Моисея; они же первые бросили камни в святого Матфия, причем последний просил, чтобы эти первые два камня были погребены с ним, как свидетели его страданий за Христа. Потом и остальные начали бросать каменья, побивая святого апостола, и он, подняв руки свои, предал дух свой Господу. Беззаконные же иудеи к мучению присоединили еще издевательство: уже по смерти мученика, они, из угоды римлянам, отсекли ему мечом, по обычаю римскому, голову, — точно апостол Христов был противник кесаря. Так, подвизаясь добрым подвигом, святой апостол Матфий окончил свое течение. Верующие же, взяв тело апостола, с честью предали его погребению, воссылая славословия Господу нашему Иисусу Христу, Ему же с Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[1].

---

[1] По греческим Минеям в стихословии святому Матфию приписывается смерть на кресте. Глава святого Матфия была в Царьграде в храме святых апостолов в 1200 году, как свидетельствует наш русский паломник Антоний. Теперь глава и часть мощей показываются в Риме, другая часть — в Трире и Павии.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА АНТОНИЯ

Святой мученик Антоний был родом из города Александрии[1], веровал во Христа и проводил богобоязненную жизнь. Его схватили и привели к начальнику города. На допросе он объявил себя христианином и смело стал проповедовать о Христе, как об истинном Боге. За это он был повешен на дереве, и его стали строгать по телу железными орудиями, но он не отрекся от Христа и сопротивлялся мучителям, терпеливо перенося мучения, вследствие чего и осужден был на сожжение огнем. Стоя на костре, он так поучал предстоящих:

— Возлюбленные братья мои! Не служите только телу, но больше душе. Помните, что она дана вам Богом и сродна разумным Божественным силам[2], и заботьтесь о том, чтобы принести ее Владыке чистою.

После кончины святого мученика[3] тело его было найдено нисколько не поврежденным.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ ИУЛИАНА, МАРКИАНА и прочих, пострадавших с ними за иконы

Когда на престол Греческого царства вступил соименный зверю Лев Исаврянин[4], по прозванию Конон, то он воздвиг гонение на Церковь Божию, подняв среди нее новую иконоборческую ересь, по которой святые иконы почитались за идолов, а благочестно поклоняющиеся им — за идолопоклонников. Лев Исаврянин приказал выбрасывать из храмов, домов и вообще жилищ святые иконы и

---

[1] *Город Александрия* находился в Египте на берегу Средиземного моря.

[2] Под *Божественными силами* здесь надо разуметь Ангелов.

[3] Время кончины святого мученика Антония неизвестно.

[4] *Лев III Исаврянин* — император с 716 по 741 год.

уничтожать их, ввергая или в огонь, или в воду; не разделявших же его еретических заблуждений он или ссылал в крайние пределы государства, или подвергал различным мучениям и даже убивал. В начале своего гонения он сверг с бесчестием и побоями святейшего патриарха Константинопольского Германа[1] за то, что последний противился его распоряжениям; на место свергнутого патриарха был возведен единомысленный с царем еретик Анастасий[2]. В это время многие благочестивые христиане восстали против ереси, за что и прияли мученический венец, как и те, о которых нам сейчас предстоит слово. Их страдание началось по следующему поводу. В Константинополе со времен Константина Великого существовали ворота, известные под названием Медных; издавна над этими вратами находился образ Спасителя, тоже медный. Этот образ нечестивый царь и патриарх приказали снять; приставили лестницу, по которой и начал подниматься один из воинов, саном спафарий; это возмутило благочестивое чувство собравшейся у ворот громадной толпы народа; некоторые из нее схватили лестницу и бросили ее вместе с находившимся на ней воином на землю, предав последнего смерти. Узнав о таком поступке народа, царь послал против православных вооруженных обнаженными мечами воинов, которые умертвили множество мужчин и женщин, старых и молодых; число их известно одному только Господу. Наиболее же знатные почитатели икон, находившиеся среди народной толпы, были взяты живыми; имена их следующие: Иулиан, Маркиан, Иоанн, Иаков, Алексий, Димитрий, Фока, Петр, Леонтий. После жестокого наказания палками, они были ввергнуты в темницу, где находились в узах до восьмидесяти дней, терпя нещадные побои: каждому из них ежедневно полагалось по пятисот ударов. Но укрепляемы силою Христовою, святые мученики мужественно переносили все, не утрачивая сил телесных; видя это, мучитель велел сначала обжечь раскаленным железом лица их, а потом вывести на площадь и убить мечом. Так окончили свои страдания святые. Вместе с ними за благоговейное почитание икон была усечена одна знатная женщина, по имени Мария Патрикия. Тела святых мучеников были брошены в морскую пучину. Когда были схвачены святые мученики, вместе с

[1] *Святой Герман* — патриарх Константинопольский с 715 по 730 год.

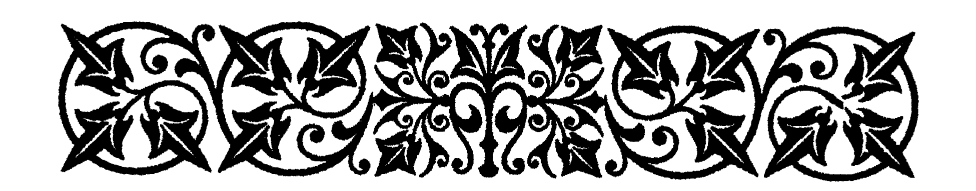
[2] Патриарх с 730 по 754 год.

ними взята была и преподобная Феодосия черноризица, как обвиненная в том же преступлении, — она вместе с другими участвовала в опрокидывании лестницы. Преподобная Феодосия приняла мученический венец ранее помянутых святых; память ее почитается 29 мая; под этим числом помещено и житие ее.

Все святые мученики, пострадавшие за честну́ю икону Спасителя, вместе предстали Владыке Христу, Богу нашему, Ему же слава во веки. Аминь[1].

В тот же день **память преподобного Псоя**, ученика **Пахомия Великого**, в IV веке подвизавшегося в Египте.

[1] Из актов этих мучеников, помещенных в Деяниях святых, видно: 1) что главное участие в убиении воина, пытавшегося, по воле царя, низвергнуть икону Спасителя с Медных врат, принимала Мария Патрикия из знатного рода; 2) первым помощником Марии в низвержении воина был протоспафарий святой Григорий, и он пострадал мученически за свой подвиг; 3) это событие случилось 19 января; 4) мученика Фоку большая часть памятников называет Фотием. — По кончине своей, 9 августа 730 года, мученики были зарыты в местности Константинополя «Пелагиевы», близ храма святого мученика Феодора. Святые мощи их найдены нетленными, пролежав в земле 139 лет. Обретение их мощей было при патриархе Игнатии, вследствие троекратного откровения, бывшего ему во время сна.



День десятый

СТРАДАНИЕ святых мучеников ЛАВРЕНТИЯ архидиакона, СИКСТА папы и прочих с ними

Святой папа Римский Сикст[1] был схвачен вместе со своим клиром и заключен в народную тюрьму правителем римским Валерианом в то время, когда царь Декий[2] с торжеством возвращался в Рим[3] после победы над персами. Святой Сикст родился в греческом городе Афинах; сначала он был философом, а потом стал учеником Христовым. Когда он пришел в Рим, то оказался, как человек мудрый и благочестивый, весьма полезным членом Церкви Христовой; здесь в течение более или менее продолжительного времени он проходил различные иерархические степени. По убиении за исповедание Христово святого папы Стефана[4], на его место был возведен святой Сикст как на верную смерть: в то время не было папы, которого бы миновала чаша страданий. Когда святой папа Сикст вместе с клириками и другими христианами находился в темнице, в Риме за Христа мучили двух персидских князей — Авдона и Сенисса: их, как пленников, Декий привел с собою в оковах. После их мучениче-

---

[1] Имя *Сикста*, по другим *Ксиста*, производят от ξυστός — выглаженный, выполированный, или ξυστόν — копье; другие производят от латинского sisto — твердо стоящий, твердо поставленный.

[2] *Декий* — император с 249 по 251 год.

[3] *Рим* — столица Римской империи.

[4] Память его — 2 августа.

Святой мученик Лаврентий

ской кончины[1] царь Декий и Валериан приказали привести к ним ночью святого папу Сикста в храм, известный под именем Теллюды. Когда посланные пришли за папой в темницу, он сказал христианам, разделявшим с ним узы:

— Братья и присные мои, не бойтесь временных мук, помня те великие мучения, какие для получения венца вечной жизни претерпели до нас святые; Сам Христос пострадал ради нашего спасения, оставляя нам пример для подражания (ср.: 1 Пет. 2, 21), — не бойтесь пострадать за Христа, чтобы вместе с Ним воцариться.

Вместе с папою были взяты два диакона, Фелициссим и Агапит; они были поставлены пред Декием и Валерианом.

— Знаешь ли ты, — обратился Декий к папе, — по какой причине ты взят и представлен пред нами?

— Мне это очень хорошо известно, — отвечал папа.

— Если знаешь, — сказал царь, — то поступай так, как поступают другие на твоем месте: этим ты сохранишь жизнь себе и увеличишь число твоих клириков.

— Действительно, — подтвердил папа, — я постоянно забочусь об увеличении клира.

— Тогда принеси жертву богам и получишь начальство над всеми жрецами, — предложил царь.

Святой Сикст возразил на это:

---

[1] Память их — 30 июля.

— Я всегда приношу чистую и непорочную жертву всесильному Богу Отцу, Сыну Его, Господу нашему Иисусу Христу, и Духу Святому.

— Мы щадим твою старость, — продолжал увещевать папу царь, — пожалей и ты себя самого и клир твой, чтобы избавить его от смерти.

— До сих пор, — отвечал святой Сикст, — я заботился и сейчас забочусь как о себе, так и о клире моем, чтобы вместе с собою всех исхитить и избавить от вечной смерти.

— Ведите его, — приказал Декий воинам, — в храм Марса, пусть принесет там жертву; если он не сделает этого, то заключите его в особую темницу, Мамертинову.

Святого папу вместе с диаконами привели в храм Марса и стали убеждать принести жертву. Он же сказал на это воинам:

— О ослепленные диаволом и всякого сожаления достойные люди: зачем поклоняетесь немым и глухим идолам, которые не могут оказать помощи ни себе, ни другим? Послушайте меня, дети мои, покайтесь, чем избавите души свои от вечных мук.

Но они, исполняя приказание царя, отвели папу и диаконов в Мамертинову темницу.

Святой архидиакон[1] Лаврентий, увидев, что папу ведут в тюрьму, воскликнул, обращаясь к нему:

— Куда идешь, отец мой, без сына своего? Куда, святой архиерей, спешишь без своего архидиакона? Ты никогда не совершал без моего сослужения бескровной жертвы. Чем же я теперь прогневал твое милосердие? Разве я уже недостоин того, чтобы находиться с тобою вместе? Разве ты не знаешь меня, как всегда покорного тебе служителя? И если я участвовал с тобою в принесении Божественных Таин, то почему не участвую вместе с тобою и в пролитии своей крови за Христа? Возьми же, отец мой, сына своего с собою, не оставляй, учитель, ученика твоего, принеси меня в жертву Богу, как Авраам сына своего Исаака (см.: Быт. 22) и как верховный апостол Петр первого архидиакона Стефана (см.: Деян, 6–7), и после того уже, как увидишь меня приявшим мученический венец, сам приступай к нему.

---

[1] Обязанности архидиакона в описываемое время состояли не только в служении церковном, но и в заведовании имуществом церковным, в пособии бедным, в устроении бесприютных.

Святой Сикст отвечал ему:

— Я не покидаю тебя, сын мой, но сохраняю для бóльших мучений: тебе предстоят за веру Христову бóльшие подвиги. Я уже стар и поэтому выхожу на более легкую борьбу; тебе же дóлжно обнаружить над мучителем более славную победу и торжество. Не плачь: знай, что, спустя три дня после моей смерти, ты, левит, пойдешь за своим священником; тебе не нужно моего присутствия для твоей поддержки. Илия оставил Елисея, но не лишил его чудодейственной силы (см.: 4 Цар. 2). Иди, воспользуйся этим временем: раздай по собственному усмотрению церковные сокровища нищим и нуждающимся.

Святой Лаврентий повиновался: взяв все церковные сокровища, не исключая и утвари, он ходил по городу, разыскивая скрывающихся клириков и убогих христиан, и помогал им по мере их нужды. Так он пришел на гору Хелион, где нашел жилище одной вдовы, со дня смерти мужа которой прошло уже тридцать два года; эта вдова, по имени Кириакия, укрывала у себя многих христиан вместе с их пресвитерами и клириками. Святой Лаврентий принес сюда ночью серебра, одежд и других необходимых предметов и стал умывать ноги как священнослужителям, так и остальным христианам. Вдова же Кириакия, поклонившись ему в ноги, сказала:

— Умоляю тебя, раб Христов, возложи руки твои на мою голову, которая у меня страшно болит.

Святой Лаврентий отдал ей полотенце, которым вытирал ноги, и возложил на голову ее руки, сотворив крестное знамение, и сказал:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа будь здрава!

И тотчас вдова избавилась от своей болезни. В ту же ночь святой Лаврентий пошел в местность города, известную под именем Канарийской, и тут в доме одного христианина, по имени Наркиса, встретил много христиан; он умыл ноги и им, уделив от церковных сокровищ на их нужды. Здесь находился один слепой христианин: он с плачем обратился ко святому:

— Положи твою руку на мои глаза, чтобы мне видеть твое лицо.

Святой Лаврентий сказал:

— Господь наш Иисус Христос, отверзший очи слепому, да просветит тебя!

С этими словами он сотворил крестное знамение на очах слепого; последний тотчас прозрел и возрадовался, видя лицо святого Лаврентия. По выходе отсюда святой узнал, что в Непотиановых пещерах скрывается множество христиан; он направился туда, захватив с собою серебра на их нужды. Здесь он нашел до семидесяти трех христиан, считая женщин и мужчин; тут присутствовал и святой пресвитер Иустин. Умыв ноги христианам и раздав последние деньги, святой Лаврентий удалился. Услышав, что святого папу Сикста вместе с двумя диаконами повели на суд в храм Теллюды, святой Лаврентий поспешил туда, желая увидеть, что там будет.

Когда папа появился на судилище перед Декием и Валерианом, то царь сказал ему:

— Жалея старость твою, мы желаем тебе добра, — послушай нас и принеси богам жертву.

— Пожалейте лучше себя, — отвечал святой Сикст, — и не хулите Бога небесного, раскайтесь в пролитии крови святых, чтобы окончательно не погибнуть.

От этих слов Декий пришел в сильнейший гнев и сказал Валериану:

— Если его не уничтожить из числа живущих, то никто не будет повиноваться властям и слушаться их.

— Предать его смерти! — отвечал Валериан.

Тогда диаконы воскликнули, обращаясь к мучителям:

— О, если бы вы, недостойные, послушали увещаний нашего отца, — этим вы избегли бы ожидающих вас вечных мук!

— Долго ли будут, — сказал Валериан, — они жить и угрожать нам муками?! Ведите их в храм Марса, — пусть принесут жертву; если же они не исполнят этого, то отсеките им головы.

Храм Марса находился за городской стеной, пред Аппиевыми воротами. Когда святых привели сюда, святой Сикст произнес, глядя на храм:

— Да сокрушит тебя Христос, Сын Бога Живого!

Не успели присутствовавшие при этом христиане сказать «аминь!», как началось землетрясение, часть храма обрушилась и находившийся в нем идол разбился. Святой же Лаврентий воскликнул святому папе:

— Не оставляй меня, отец мой, я уже раздал порученное мне тобою сокровище!

Воины, услыхав о сокровище, схватили святого Лаврентия и не отпускали его, а святого папу вместе с диаконами предал смерти на пригорке перед храмом, оставив тела их не погребенными. Когда наступила ночь, пришли пресвитеры с диаконами и остальными христианами и взяли честны́е тела: папу положили в гробнице, находившейся в усыпальнице Калликста, а диаконов — в усыпальнице Претекстата. Мученическую кончину за Христа святой папа Сикст и диаконы его Фелициссим и Агапит потерпели 6 августа[1].

По убиении святого Сикста воины повели святого Лаврентия к царю и сказали ему:

— Мы схватили архидиакона Сикста: он получил от епископа сокровище и где-то спрятал его.

Услышав о сокровище, царь очень обрадовался и, призвав к себе святого Лаврентия, сказал ему:

— Где сокровища церковные, которые ты спрятал?

Святой Лаврентий ничего не ответил на это.

Тогда Декий передал его епарху Валериану со словами:

— Разведай у него о церковных сокровищах и заставь его поклониться богам: если же он не откроет сокровищ и не поклонится богам, то пусть погибнет в мучениях!

Валериан, взяв святого Лаврентия, отдал его для заключения в темницу военачальнику Ипполиту, бывшему в то же время и смотрителем тюрьмы. Ипполит затворил святого Лаврентия в темнице, где уже находились и другие узники; среди них был один грек, по имени Луциллий: он содержался в тюрьме очень долгое время и от постоянного плача сделался слепым.

— Веруй, — сказал ему святой Лаврентий, — в Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа и крестись: Он возвратит тебе зрение.

---

[1] В 258 году. Самое древнейшее свидетельство о мученической кончине святого Сикста и о почитании его, как мученика, находится у святого Киприана в письме к Сукцессу (80-е или 82-е); святой Киприан пострадал через пять с половиной недель после Сикста (14 сентября). Святой Сикст был епископом Римским одиннадцать месяцев с лишком или неполный год. Мощи святого папы Сикста II находятся в церкви его имени в Риме; мощи мучеников Фелициссима и Агапита — в Риме же, в церкви Богоматери Милостивой.

— Я уже давно имею желание креститься во имя Христово, — отвечал слепой.

— Веруешь ли от всего сердца? — спросил святой Лаврентий.

Слепой с плачем отвечал:

— Я верую в Господа Иисуса Христа, отрицаюсь от суетных идолов и презираю их.

Ипполит терпеливо выслушивал разговор святого Лаврентия со слепцом, желая убедиться, — отверзутся ли действительно очи слепому и как совершится это чудесное событие. Святой же Лаврентий, огласив Луциллия и благословив воду, крестил его; и тотчас отверзлись очи слепого, и он воскликнул громким голосом:

— Благословен Господь Иисус Христос, вечный Бог, даровавший мне зрение!

Услышали об этом чуде и другие слепцы и стали приходить к темнице ко святому Лаврентию. А он, возлагая на их глаза руку с крестным знамением и призывая имя Христово, возвращал им зрение. Все это возбуждало в Ипполите невольное удивление. Спустя некоторое время он сказал святому:

— Покажи мне церковные сокровища.

— Если ты уверуешь, — отвечал святой Лаврентий, — во всесильного Бога Отца и в Сына Его Господа Иисуса Христа, то тебе откроется сокровище и дастся жизнь вечная.

— Если на самом деле исполнится то, что ты говоришь, то я исполню все, что ты велишь, — сказал Ипполит.

— Послушай меня, — продолжал святой Лаврентий, — и поскорее исполни то, что тебе посоветую: отрекись от глухих и немых идолов и крестись.

Ипполит согласился и увел святого Лаврентия из тюрьмы к себе домой. Дав Ипполиту наставления относительно святой веры и огласив его, святой Лаврентий совершил над ним святое крещение.

— Я видел, — сказал Ипполит по крещении, — безгрешные души в великой радости. (Это и были те именно сокровища, о которых предсказывал ему святой Лаврентий, что они будут открыты для него: во время крещения Господь в дивном видении показал ему небесные блаженства.)

— Заклинаю тебя, — обратился потом Ипполит с просьбой ко святому Лаврентию, — Господом Иисусом Христом, — крести весь мой дом.

И святой Лаврентий крестил в доме Ипполита девятнадцать человек, мужского и женского пола. В это время Ипполиту передали приказание, чтобы он вел святого Лаврентия к Валериану. Ипполит передал об этом святому Лаврентию, и тот сказал:

— Пойдем, — как мне, так и тебе готовится мученический венец.

Когда они оба появились пред Валерианом, последний сказал святому Лаврентию:

— Оставь свое упорство и покажи нам сокровища, которыми, как говорят, ты владеешь.

— Дай мне время на два или на три дня, и я открою тебе сокровища, — предложил ему святой Лаврентий.

— Я вверяю тебе его на три дня, — обратился Валериан к Ипполиту и отпустил святого Лаврентия. Святой же Лаврентий в эти три дня собрал в дом Ипполита множество нищих, вдовиц и сирот, слепых, хромых и больных. Когда же прошли три дня, он привел всех их к Декию и Валериану, которые находились в Салюстиевой палате:

— Вот в них, — обратился святой Лаврентий к Декию и Валериану, — которых вы сейчас видите, как в сосудах, заключены вечные сокровища, и кто влагает свое имение в эти сосуды, тот с избытком снова получает его в Царствии небесном.

Пристыженные этим поступком святого Лаврентия, Декий и Валериан весьма разгневались, но уже более не расспрашивали его о сокровищах, а стали принуждать к идолопоклонству.

— Зачем ты хитришь? — сказал Валериан. — Принеси богам жертву и брось свои волхвования, на которые надеешься.

— Зачем вы позволяете диаволу научать вас принуждать христиан к поклонению бесам? — спросил святой Лаврентий. — Посудите сами, справедливо ли поклоняться сделанному человеком идолу с живущим в нем бесом, забывая Бога небесного, Создателя всего видимого и невидимого.

Придя в ярость, царь приказал, обнажив святого, простереть его на земле и бить скорпионами (скорпионом называлось орудие для

пыток, — это тонкая железная палка с острыми зубцами). Святого мученика били так жестоко, что его кровью обагрилась земля; сам же Декий в это время говорил:

— Не хули богов, не хули!

Святой же Лаврентий, перенося удары, отвечал:

— Я благодарю Бога моего, что Он удостоил меня сделаться участником в тех страданиях, какие претерпели рабы Его — святые мученики; ты же, несчастный, ослеплен безумием и яростью своей.

Тогда Декий приказал прекратить мучения и поднять с земли святого Лаврентия; затем он велел принести и поставить перед ним железный одр, доски, оловянные прутья и другие орудия для мучений; указывая на все это, он говорил:

— Все послужит для твоих мучений, если ты не принесешь богам жертвы.

— Я давно желал, как пиршества, подобных мучений, — отвечал святой Лаврентий, — они для вас мучения, а для нас слава.

— Если эти мучения, — издевался Декий, — для тебя составляют пиршество и славу, то скажи нам, где скрываются и другие, подобные тебе христиане: их бы привести сюда, — пусть пиршествуют вместе с тобою.

— Вы, нечестивцы, — отвечал святой Лаврентий, — недостойны того, чтобы видеть тех, имена которых написаны на небесах.

После этого царь приказал вести связанного мученика в Тивериев дворец, куда направлялся и сам. Придя сюда, он сел в храме Дия и приказал привести к себе святого Лаврентия:

— Скажи нам, — сказал он, — где скрываются нечестивые христиане, чтобы мы имели возможность очистить от них город; сам же ты поклонись богам и не надейся на сокровища, которые утаиваешь.

— Я не открою тебе рабов Христовых, — отвечал святой, — на сокровища же я не напрасно уповаю: они мне хорошо известны.

— Не думаешь ли избавиться от мук золотом или серебром? — спросил царь.

— Я — раб Христов, — отвечал мученик, — и на Него возлагаю всю мою надежду; мне известны и те небесные сокровища, которые уготовал мне и всем рабам Своим Христос, Бог мой.

Разгневанный царь велел бить святого палицами, обжигая ему бока раскаленными железными досками; во время этих мук святой Лаврентий молился Богу:

— Господи Иисусе Христе, Боже от Бога, помилуй меня раба Твоего: на меня клеветали, но я не отрекся от Тебя; меня спрашивали, и я исповедал Твое пресвятое имя.

Потом Декий приказал бить мученика оловянными прутьями, и святой Лаврентий воскликнул при этом.

— Господи Иисусе Христе, приими дух мой!

Тогда с неба ему раздался голос:

— Еще многие страдания тебе предстоит претерпеть!

Этот голос слышали все. Декий же, придя в неистовство, громко закричал:

— Мужи римские и народное собрание! Вы слышите голос бесов, утешающих этого волхва и святотатца, который не почитает богов наших, не слушает меня, царя, и не боится мук!

И затем он приказал опять протянуть святого Лаврентия и снова бить его скорпионами. Но святой мученик смеялся над муками, посрамляя Декия, и молился, говоря:

— Благословен Ты, Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Благодарю Тебя за то, что Ты оказываешь нам недостойным Свою милость, но даруй мне и благодать Твою, чтобы присутствующие здесь и смотрящие на меня познали, что Ты утешитель рабов Своих.

Во время этой молитвы один из воинов, присутствовавших при мучениях, по имени Роман, уверовал во Христа и воскликнул громким голосом:

— Святой Лаврентий, я вижу пресветлого юношу, который стоит около тебя и отирает язвы и все тело твое; заклинаю тебя Господом Христом, пославшим тебе своего Ангела, не покидай меня!

Декий сказал Валериану:

— Мы побеждены этим волхвом!

И, приказав отвязать мученика от дыбы, он отдал его Ипполиту в тюрьму. А воин Роман принес полный водонос с водою ко святому Лаврентию, упал к его ногам, со слезами умоляя, чтобы он крестил его. Когда он был крещен, неожиданно пришли другие воины, взяли

его и отвели к царю; он же, прежде чем даже начали спрашивать, восклицал:

— Я — христианин!

Царь тотчас же приказал обезглавить его; тогда Романа отвели за город через Саларийские ворота и отсекли ему голову. Это было 9 августа. Тело его вышеупомянутый пресвитер Иустин взял ночью и с честью предал погребению

В ту же ночь Декий и Валериан, находясь в Олимпиадских банях, недалеко от дворца Салюстия, приказали приготовить судилище для представления святого Лаврентия на последнее испытание; вместе с этим они велели приготовить и все орудия для мучений. Узнав об этом, Ипполит начал плакать. Святой же Лаврентий, утешая, говорил ему:

— Не плачь обо мне, лучше радуйся, так как я иду получить славный мученический венец.

— Почему я не могу закричать при тебе «я христианин!», чтобы умереть вместе с тобою? — спросил Ипполит.

— Затаи ныне, — сказал святой Лаврентий, — свое исповедание в сердце: спустя немного времени я позову тебя, — ты услышишь и придешь ко мне.

Когда царь вместе с Валерианом сел на судилище, к нему привели святого мученика Лаврентия.

— Оставь свое волшебство, — сказал ему Декий, — и открой нам, какого ты рода.

— Я родился, — отвечал святой, — в Испании, воспитание получил в Риме и с самых пеленок христианин; с детских лет я уже был научен закону Божию.

— Это ли ты, — спросил царь, — называешь законом Божиим, чтобы не почитать богов и не бояться мук?

— Закон, которому я научен, — отвечал святой, — открыл мне и заставляет почитать Бога моего, Господа Иисуса Христа; укрепляемый Его именем, я действительно не боюсь мук, которыми ты мне угрожаешь.

— Принеси жертву богам, — сказал царь, — если же не сделаешь этого, то тебя будут мучить всю ночь.

Святой Лаврентий сказал на это:

— Моя ночь не темна, но вся сияет светом.

Мучитель приказал бить камнем святого Лаврентия в уста; святой же мученик еще более укреплялся духом, посрамляя царя, и благодарил Бога.

— Принесите железный одр, — сказал Декий, — пусть возляжет на нем в эту ночь гордый Лаврентий.

И принесли одр, представлявший собою железную решетку; его поставили пред Декием и Валерианом, а потом положили на него обнаженного святого мученика, подложив под одр горячие уголья; при этом слуги прижимали сверху святого Лаврентия железными рогатинами, поджигая его, точно это было съедобное мясо.

— Принеси жертву богам, — сказал царь.

— Я себя самого, — отвечал мученик, — принес с сокрушенным духом в жертву моему Богу как благовонное курение.

В это время слуги еще более разводили огонь, все сильнее накаливая одр.

— Знай, несчастный, — обратился мученик к царю, — что эти горячие уголья готовят мне прохладу, а тебе — вечные муки: знает Господь мой, что я, обвиненный за исповедание Его святого имени, не отвергся от Него, но спрошенный сказал, что я христианин, и теперь, находясь на огне, воссылаю Ему свою благодарность.

— Где тот огонь, которым ты нам угрожал? — спросил Валериан.

— О безумные и ослепленные! — отвечал святой. — Знайте, что эти уголья, на которых вы меня жжете, душе моей служат прохладою, а вашим душам уготовляют неугасимый огонь.

Все присутствовавшие удивлялись жестокости царя, который приказал испечь живого человека. Святой же Лаврентий говорил с просветленным лицом:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты укрепил меня! — и, подняв глаза на Декия и Валериана, сказал:

— Вот, окаянные, вы уже испекли одну сторону тела моего, поворотите его на другую и ешьте испеченное.

Потом сказал славя Бога:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты сподобил меня войти во врата Твои!

С этими словами он испустил дух. Декий и Валериан, увидав, что мученик скончался, со стыдом ушли, оставив тело на одре. Ипполит же похитил до восхождения солнечного честно́е и многострадальное тело святого мученика; обвив его плащаницею с ароматами, он дал знать святому пресвитеру Иустину. Последний тотчас пришел к Ипполиту, и оба отнесли тело к вышеупомянутой вдове Кириакии; здесь оно оставалось до вечера, и весь этот день они постились, проливая слезы. Поздним вечером, при многочисленном стечении христиан, со слезами отнесли тело в пещеру, находившуюся на земле, принадлежавшей вдове; совершив здесь всенощное моление, с честью похоронили мученика. Святой пресвитер Иустин совершил Божественную литургию, и все приобщились Пречистых Таин Тела и Крови Христовых. Святой мученик Лаврентий окончил свою страдальческую жизнь 10 августа. Святой же Ипполит потерпел страдания вместе с другими на третий день после святого Лаврентия, о чем на своем месте будет сказано пространнее. Да будет за все это слава Богу нашему, во Святой Троице славимому ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь[1].

В тот же день **преставление блаженного Лаврентия**, Христа ради юродивого **Калужского** в 1515 году.

[1] Святой Лаврентий скончался мученически в 258 году. Место его погребения было на восточной стороне Рима, в версте от города, на Тибуртинской дороге. На этом месте, по свидетельству Анастасия Библиотекаря, святому был построен императором Константином Великим великолепный храм. Мощи, или вернее часть мощей, святого Лаврентия были положены в церкви его имени в Царьграде при Феодосии Младшем 27 сентября. В настоящее время мощи святого Лаврентия находятся в Риме, в загородной церкви во имя его по Тибуртинской дороге, а глава — в домовой церкви его имени ризничего Квиринальского дворца.

День одиннадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ НАШИХ
ФЕОДОРА и ВАСИЛИЯ,
иноков Киево-Печерских

Корень всех зол есть сребролюбие (1 Тим. 6, 10), — говорит святой апостол Павел. Исполнение этого изречения мы видим в настоящем житии преподобных Феодора и Василия: враг и виновник зла возбудил в душе святого Феодора греховные мысли и намерения не чем иным, как сребролюбием; чрез сребролюбие диавол причинил телесные страдания и смерть не только преподобному, но и советнику его, блаженному Василию. Об этих святых отцах повествуется следующее.

Преподобный Феодор во время жизни в миру обладал очень большим состоянием. Услышав однажды слова Господа в Евангелии, — *всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33), он последовал им: оставив мир и раздав свое богатство нищим, преподобный Феодор сделался черноризцем Печерского монастыря, ведя жизнь, полную подвигов. По приказанию игумена он поселился в пещере, известной под именем Варяжской, где и прожил много лет, соблюдая строгое воздержание. Во время пребывания преподобного Феодора в этой пещере диавол поселил в нем скорбь и сожаление о розданном нищим имении, приводя ему на ум преклонность лет, слабость здоровья и скудость монастырской пищи. Блаженный Феодор не понял, что подобные мысли есть диавольское искушение. Забывая слова Господа: *не за-*

ботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их (Мф. 6, 25–26), и видя нищету свою, он начал приходить от скорби к отчаянию, с каждым днем все более пленяясь искушением. Однажды он открыл, ничего не утаивая, свою печаль своим друзьям.

Среди черноризцев Киево-Печерского монастыря был некто Василий, один из наиболее добродетельных по жизни. Желая извлечь преподобного Феодора из рва отчаяния и утешить его, он сказал ему:

— Молю тебя, брат Феодор, не губи награды своей, но если ты сожалеешь об имении, розданном нищим, то я постараюсь возвратить его тебе в том же количестве: ты только скажи пред Господом, чтобы твоя милостыня вменилась мне, и тотчас избавишься от скорби и снова приобретешь через меня свое имение. Впрочем, смотри, попустит ли это Господь: в Константинополе также некто сожалел о золоте, розданном нищим, и вменил пред Богом милостыню другому, взяв с него деньги, равные розданным; когда он сказал: «Не я, Господи, сотворил милостыню, но она есть дело сего», — то тотчас упал среди церкви и умер, потеряв таким образом и золото и жизнь.

Выслушав это, блаженный Феодор образумился и начал оплакивать свое падение, ублажая брата, исцелившего его от столь опасной душевной болезни. О таких людях сказал Господь: *аще изведе́ши честно́е от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (слав. Иер. 15, 19). С этого времени между Феодором и Василием еще более усилилась любовь друг к другу. С тех пор преподобный Феодор неустанно преуспевал в заповедях Божиих, стараясь совершать все необходимое для праведной, богоугодной, святой и непорочной жизни. Диавол же подвергся великому посрамлению, не будучи в состоянии окончательно прельстить преподобного Феодора сребролюбием. Он опять вооружился на преподобного, строя новые козни, чтобы возбудить в нем страсть любостяжания. Однажды игумен послал преподобного Василия из монастыря на некоторое послушание, исполнение которого заняло у него три месяца: считая это время удобным для своих козней, диавол, приняв образ Василия, пришел в пещеру к преподобному Феодору как будто для душеспасительной беседы.

— Как ты, — говорил он, — преуспеваешь в добродетельной жизни? Прекратилась ли у тебя борьба с искушениями бесовскими или все еще продолжается, возбуждая в тебе любостяжание чрез воспоминание о имении, розданном нищим?

Преподобный Феодор, не узнав беса и полагая, что с ним говорит брат Василий, отвечал:

— По твоим, отче, молитвам я преуспеваю в добре и не слушаю возбуждаемых диаволом мыслей, и теперь, что ты мне прикажешь, я охотно исполню, повинуясь тебе: в твоих наставлениях я нашел великую пользу для моей души.

Мнимый же брат, не слыша из уст преподобного Феодора имени Божия, приобрел еще большую смелость:

— Я даю тебе, — сказал он, — новый совет: исполнив его, ты найдешь покой и скоро получишь от Бога вознаграждение в размере розданного тобою имения: проси у Господа Бога, чтобы Он послал тебе множество золота и серебра, и не позволяй никому входить к тебе в пещеру, и сам не выходи из нее.

Преподобный Феодор обещал все это исполнить. Тогда оставил его полный злых ухищрений диавол; незаметно внушая преподобному мысль о приобретении сокровищ, он побуждал его молиться об этом. Блаженный Феодор молил Господа послать ему сокровище, которое он обещался все раздать нищим. После молитвы он уснул и увидел во сне беса, который, приняв вид светлого Ангела, указывал ему на сокровище в пещере. Это видение было не один, а много раз. Спустя некоторое время преподобный Феодор пришел на указанное ему в сновидении место; начав копать, он действительно нашел здесь сокровище, состоящее из золота, серебра и ценных сосудов. После этого бес под видом Василия опять пришел к нему и сказал:

— Где данное тебе сокровище? Явившийся тебе Ангел открыл и мне, что по своим молитвам ты получил множество золота и серебра.

Блаженный Феодор не захотел показать ему сокровища. И тотчас коварный бес начал явно советовать ему, влагая и тайные помыслы, взять сокровище и удалиться с ним в другую страну. Сначала он сказал преподобному:

— Не говорил ли я, брат Феодор, что ты вскоре получишь от Бога вознаграждение за розданное тобою имение, ибо Он Сам сказал: *всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф. 19, 29), и вот теперь в руках твоих богатство; делай с ним, что хочешь!

— Я затем просил его у Бога, — отвечал преподобный, — чтобы все дарованное мне раздать нищим, и думаю, что для этого именно оно и ниспослано мне.

— Смотри, брат Феодор, — возразил враг, — не причинил бы диавол опять тебе скорби через это раздаяние, как прежде; сокровище дано тебе как замена розданного тобою, и я даю тебе совет: возьми его и иди в другое место, а там приобрети себе землю; и в том месте можешь спастись и избежать бесовских козней. Когда же придет время смерти, то никто не запретит тебе раздать имущество, кому захочешь, и по тебе через это сохранится благодарная память.

Преподобный Феодор отвечал:

— Мне стыдно, что я, оставя мир с его благами и обещавшись окончить жизнь в этой пещере, сделаюсь беглецом и мирским человеком.

— Ты не можешь, — убеждал его диавол, — скрыть здесь сокровища: о нем узнают и тогда возьмут его от тебя. Лучше послушайся меня и исполни скорее, что я посоветую тебе: если бы Богу не было угодно, чтобы ты обладал имуществом, то Он не послал бы тебе сокровища и не известил бы меня, чтобы я тебя наставил.

Тогда блаженный Феодор, поверив бесу, как брату, начал тайно приготовлять повозки и сосуды, в которые бы мог поместить сокровища, чтобы с ними выйти из пещеры и отправиться, куда бы повел его диавол, хотевший хитростью своею удалить святого от места преподобных Антония и Феодосия, от Пресвятой Богородицы и, главным образом, от Бога. Но человеколюбивый Господь, *Который хочет, чтобы все люди спаслись* (1 Тим. 2, 4), спас по молитвам своих преподобных и раба своего Феодора.

В это время возвратился из путешествия преподобный Василий, ранее избавивший блаженного Феодора от злых помышлений. Желая повидаться с ним, он пришел к нему в пещеру, говоря:

— Как ты проводишь теперь, брат Феодор, жизнь свою по Боге? Давно я тебя не видал.

Преподобный Феодор удивился такому приветствию и сказал:

— Что это ты говоришь, что долгое время не видел меня? Вчера, третьего дня и раньше ты постоянно приходил ко мне, поучая меня, и вот я теперь отправляюсь, как ты мне велел.

В свою очередь преподобный Василий еще более удивился такому ответу:

— Скажи мне, — спросил он, — что значат твои слова, будто я вчера, третьего дня и раньше постоянно приходил к тебе, наставляя тебя? И куда ты идешь? Я только сегодня возвратился с дороги и ничего не знаю: быть может, тебя искушал диавол? Молю тебя, ради Бога, не скрывайся от меня.

Преподобный Феодор с гневом сказал ему:

— Что ты искушаешь меня? Зачем смущаешь душу мою, говоря в одно время так, а в другое иначе? Чему я должен верить?

Выразив так ему свою досаду, он прогнал его от себя.

Выслушав это, преподобный Василий удалился в монастырь. А бес снова пришел в образе Василия к преподобному Феодору:

— Потерял я окаянный ум, — сказал он, — говоря тебе то, что не следует; поэтому я не помню поношения, нанесенного мне тобою, и повторяю тебе опять: в эту же ночь иди скорее отсюда, захватив свое сокровище.

С этими словами он удалился.

Преподобный же Василий, взяв с собою некоторых старцев, опять пришел к Феодору:

— Бог свидетель, — обратился он к нему, — что прошло три месяца, как я не видел тебя: я был отослан игуменом по монастырским делам; сегодня третий день, как я возвратился, а ты, едва только я вошел к тебе, сказал мне, что за все время моего отсутствия я постоянно приходил к тебе. Думаю, что к тебе приходил в моем образе бес; если хочешь убедиться, сделай так: не позволяй никому из пришедших к тебе начинать беседы с тобою, прежде чем он не сотворит молитвы Иисусовой: если вошедший не захочет, тогда узнаешь, что он есть бес.

После этого преподобный Василий сотворил молитву запрещения, призывая на помощь святых, и, наставив Феодора, ушел в монастырь в свою келию. Бес не дерзнул снова явиться преподобному Феодору, и для него стало явно коварство обольстителя. С той поры он заставлял каждого приходящего к нему прежде всего сотворить молитву Иисусову и потом уже беседовал с ним. Так преподобный Феодор победил врага и избавился при помощи Божией от уст льва, ищущего добычи (ср.: 1 Пет. 5, 8).

Подобное избавление Господь оказывал и оказывает многим избранникам Своим, скитающимся в пустынях и пропастях, безмолвствующим наедине в затворах: им нужна великая нравственная сила и Божия помощь, чтобы их во время борьбы не победил и не поглотил зверь-душегубитель.

Будучи избавлен от рва погибели, преподобный Феодор стал заботиться о том, чтобы впал в яму сам враг рода человеческого: прежде всего он закопал глубоко в землю найденное им сокровище, едва не приведшее его к отпадению от Бога; в то же время преподобный Феодор непрестанно молил Господа, чтобы Он даровал ему забвение места, где зарыто сокровище, и отнял от него страсть любостяжания. Господь услышал молитву раба Своего: преподобный Феодор совершенно забыл, где было скрыто им сокровище, и никогда не думал о приобретении богатств; золото и серебро для него стали не дороже грязи.

Затем, чтобы не пребывать в праздности, которая порождает леность, а с нею и беспечность, чем диавол снова мог воспользоваться для своих искушений, преподобный Феодор возложил на себя великий труд: он поставил в своей пещере жернова и начал работать на братию, причем не только сам молол жито, но сам и приносил его из монастыря; ночь он проводил почти без сна, посвящая бóльшую часть ее молитве и работе на ручных жерновах, а днем относил муку и снова приносил жито. Своими трудами преподобный в течение многих лет немало облегчал монастырских рабов, не стыдясь разделять их труд.

Однажды монастырский келарь, увидев, какой тяжелый и мучительный подвиг возложил на себя преподобный Феодор, пришел в умиление: когда было привезено из монастырских сел жито, он отправил пять возов его к преподобному, чтобы он избавил себя от

лишнего труда — не ходил за ним в монастырь. Преподобный Феодор, высыпав жито, принялся за работу, поя псалмы. Утомившись, он хотел немного отдохнуть, вдруг раздался как бы удар грома, и жернова начали сами молоть. Уразумев козни диавола, преподобный Феодор поднялся и начал усердно молиться, после чего сказал громким голосом:

— Господь запрещает тебе, лукавый бес!

Но бес не переставал молоть на жерновах. Тогда преподобный снова сказал:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, свергшего тебя с небес и давшего во власть угодников Своих, я грешный повелеваю тебе не оставлять работы, пока не перемелешь все жито: потрудись и ты на святую братию.

Сказав это, он продолжал молитву: бес же не посмел ослушаться и в одну ночь измолол все жито. Утром преподобный Феодор дал знать келарю, чтобы тот прислал за мукою. Келарь удивился столь необычайному делу, как можно было смолоть в одну ночь пять возов, и сам отправился в пещеру, чтобы вывезти из нее муку, причем совершилось другое чудо: от этого же жита получилось еще пять возов муки. Так сбылось здесь, в сейчас рассказанном событии из жизни преподобного Феодора, слово апостолов, некогда говоривших Иисусу Христу: *Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем* (Лк. 10, 17), а также и обетование Самого Слова Божия: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19). Лукавые бесы хотели устрашить преподобного Феодора и заставить его повиноваться себе как прежде, во время его прельщения, но вместо этого сами наложили на себя узы рабства, так что принуждены были возопить:

— Мы не будем более появляться здесь.

Преподобные Феодор и Василий установили между собою благочестивый обычай никогда не утаивать своих мыслей, но обоим обсуждать их вместе, чтобы видеть, насколько они богоугодны. По обоюдном совещании, Василий удалился безмолвствовать в пещеру, а преподобный Феодор, как достигший уже старости, вышел из нее с тем, чтобы поселиться в старом монастыре.

В это время старый монастырь был сожжен, а бревна на восстановление церкви и келий, пригнанные плотами по Днепру, лежали

на берегу, и наняты были работники, чтобы ввезти их на гору, но преподобный Феодор, желая сам поставить себе келью, начал на себе носить бревна с берега на гору, не дозволяя никому работать за него. Лживые бесы, забыв свое, вынужденное подневольной работой обещание никогда не приближаться к преподобному, снова начали свои козни: все бревна, какие с великим трудом блаженный Феодор вносил за день на гору, бесы ночью сбрасывали вниз, желая через это добиться его удаления. Поняв козни бесов, преподобный сказал им:

— Именем Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего вам войти в свиней (см.: Мф. 8, 32), я, грешный раб Его, повелеваю вам все бревна с берега перенести на гору, чтобы братия, работающая Богу, не отрывалась от своего труда и могла без ваших козней выстроить храм Пресвятой Богородице и келии себе; тогда узнаете, что Господь присутствует на этом месте.

В ту же ночь бесы перенесли с берега на гору все бревна, предназначенные для постройки монастыря. Когда утром на берег приехали нанятые для перевозки, то не нашли ни одного бревна; поглядев по сторонам, они увидели, что бревна уже находятся на горе и не свалены в кучу, а разложены в порядке: особо — предназначенные для крыши, особо — для пола и особо — длинные, чрезвычайно тяжелые балки. Все это, как дело превышающее человеческие силы, возбуждало удивление. Так прославился Господь чрез угодников Своих Феодора и советника его Василия; ради их подвигов Господь явил это чудо. Но эти сродные по духу рабы Божии не гордились, видя повиновение себе бесов, следуя наставлению Христа: *не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20). Бесы же, столь явно обличенные в своих кознях святыми Феодором и Василием, не могли стерпеть своего поношения, — они, когда-то пользовавшиеся, как боги, почитанием и поклонением от язычников, теперь должны были переносить от верных угодников Божиих презрение, унижение и бесчестие, должны были, как рабы купленные, трудиться для них то меля жито, то таская бревна, и к тому же, повинуясь запрещению тех же святых, они должны были удаляться от людей. Поэтому-то во время переноски бревен они и вопили, как слышали некоторые:

— О злые и лютые враги наши, Феодор и Василий! Мы не перестанем бороться с вами, пока не предадим вас смерти!

С этого времени лукавые бесы, — не зная, что послужат к еще большему прославлению преподобных, — начали всеми способами возбуждать злых людей на святых Феодора и Василия. Тотчас же, по чудесном перенесении бревен, нанятые для перевозки рабочие подняли возмущение:

— Давай нам, — говорили они блаженному Феодору, — нашу плату: мы не хотим знать, какими хитростями ты вместе с Василием перенес бревна, когда мы готовы были их перенести.

К тому же присудил и недобросовестный судья, будучи подкуплен золотом: не помня угрозы Господа, что судящий неправедно сам будет осужден, он не побоялся сказать преподобному Феодору:

— Пусть помогут тебе платить те бесы, которые помогли перевозить.

Великую скорбь доставило это новое искушение диавола нестяжателю Феодору и советнику его Василию. Не имея возможности убить преподобных, диавол вспоминая свою первую победу над блаженным Феодором, воздвиг опять смертоносную бурю. Приняв образ преподобного Василия, безмолвствовавшего в то время в Варяжской пещере, он пришел к одному из ближайших к князю бояр; это был человек жестокий и нечестивый, лично знавший преподобного Василия.

— Феодор, живший до меня в пещере, — сказал ему искуситель, — нашел большое сокровище, состоящее из золота, серебра и ценных сосудов, и хотел, было, бежать с ним, да я удержал его; теперь он притворяется юродивым и имеет сношения с бесами, которым приказывает то молоть жито, то носить бревна на гору с берега; при всем этом он тщательно скрывает найденные им богатства, чтобы удалиться с ним куда-нибудь тайно от меня, когда настанет для этого более благоприятное время. В последнем случае князю, конечно, ничего не достанется.

Услышав это, боярин повел мнимого Василия к князю Мстиславу Святополковичу. Бес рассказал и ему то же самое, присоединив еще следующий совет:

— Схватите его как можно скорее, пока не сбежал, и тогда получите сокровище; если он не захочет расстаться с ним добровольно, прибегните к побоям; но если и после них не согласится отдать, то

подвергните его, не жалея, пытке и позовите меня: я пред всеми уличу его и укажу самое место, где спрятано сокровище.

Обольстив, таким образом, князя, бес скрылся.

На другое утро князь, точно собравшись на охоту или против неприятеля, в сопровождении множества воинов поехал в монастырь; взяв преподобного Феодора, он привел его к себе в дом и стал сначала с ласкою спрашивать его:

— Скажи мне, отче, правда ли ты, как я слышал, нашел сокровище?

— Да, — отвечал преподобный, — я действительно нашел его, и оно спрятано теперь в пещере.

— Не известно ли, — снова спросил князь, — кто именно спрятал его и как много в нем золота, серебра и сосудов?

— Еще при жизни отца нашего Антония, — сказал блаженный Феодор, — говорили о сокровище, спрятанном варягами в этой пещере, отчего она и до сих пор называется Варяжской. Я видел его; оно состоит из множества золота, серебра и сосудов, только латинских.

— Почему же ты, отче, не отдашь его мне? — спросил князь. — Я разделю его с тобою, ты возьми сколько тебе будет нужно, и за это ты станешь вместо отца как мне, так и моему отцу (последний в это время находился в Турове).

Преподобный Феодор сказал на это:

— Я бы ничего не потребовал бы себе из того, что мне не принесет никакой пользы, все бы отдал вам: на вас лежат такие заботы, от которых я совершенно свободен, но Господь отнял у меня всякую память о том месте, где мною зарыто сокровище.

Тогда князь в гневе приказал слугам:

— Скуйте этого монаха по рукам и ногам и не давайте ему даже через три дня хлеба и воды: он не дорожит моими милостями.

После того, как преподобный Феодор был закован, его снова спросили, куда он спрятал сокровище.

Преподобный Феодор отвечал на это то же, что и ранее:

— Я сказал уже, что не знаю, где оно находится.

После этого ответа князь велел его бить, так что власяница, бывшая на преподобном, омочилась кровью; потом, по приказанию

того же князя, его повесили в сильном дыму и, привязав сзади, развели под ним огонь. Многие дивились терпению преподобного Феодора: он пребывал среди пламени точно среди росы; огонь не коснулся даже власяницы. Один из видевших это рассказал князю; последний, придя в ужас, опять стал увещевать старца:

— Зачем ты губишь себя, не открывая сокровища, которое должно быть наше?

— Я тебе истину говорю, что, по молитвам брата моего Василия, был избавлен от сребролюбия, когда нашел сокровище, и теперь снова повторяю, — Господь отнял у меня память, где оно зарыто, — отвечал преподобный Феодор.

Выслушав этот ответ, князь тотчас послал за блаженным Василием, которого привели силою, так как он не хотел выходить из пещеры.

— Все, что ты советовал мне сделать с этим злым старцем, — обратился князь к преподобному Василию, — я сделал, но ничего не достиг и призываю во свидетели тебя, которого желаю иметь вместо отца.

— Что же я тебе советовал? — спросил в недоумении преподобный Василий.

— Он, несмотря на мучения, не хочет открыть, где спрятано им сокровище, которое, как ты сообщил мне, было им найдено, — отвечал ему князь.

— Узнаю козни лукавого беса, — сказал преподобный Василий, — прельстившего тебя, оболгавшего меня и этого честного мужа: вот уже пятнадцать лет, как я не выхожу из пещеры.

— Ты при всех нас говорил князю, — возразили присутствовавшие при разговоре беса с князем.

— Вас всех прельстил бес, — отвечал преподобный, — я не видел ни вас, ни князя.

Разгневанный князь приказал и его, как преподобного Феодора, подвергнуть жестокой пытке. Не вынося обличения и придя в сильнейшую ярость, от опьянения перешедшую в буйство, он взял стрелу и ранил блаженного Василия. Извлекши стрелу из своего тела, преподобный бросил ее князю со словами:

— Этою стрелой скоро сам будешь ранен, — что и сбылось по пророчеству святого.

После этого князь велел заключить преподобных, еле живых уже от мучений, в отдельную темницу, чтобы утром подвергнуть их новым, более жестоким пыткам. В ту же ночь оба преподобных отошли ко Господу (в 1098 году). Господь вывел их души из темницы для прославления Его всесвятого имени в присносущем свете. Узнав об их смерти, пришли братия и, взяв тела святых страдальцев, с честью погребли их в Варяжской пещере, где они проводили свою, полную богоугодных подвигов, жизнь. Впоследствии они были перенесены в пещеру преподобного Антония, где и доныне лежат нетленны в окровавленных одеждах и власяницах, тоже не подвергшихся тлению.

Спустя немного времени после их блаженной кончины сбылось пророчество преподобного Василия: князь Мстислав Святополкович был ранен стрелою во время битвы с князем Давидом Игоревичем в городе Владимире; узнав стрелу свою, которою ранил преподобного Василия, он сказал:

— Вот, я умираю, наказываемый за преподобных Феодора и Василия.

Так злой убийца был наказан за свое преступление; преподобные же страдальцы, как победители диавола, побеждающего сребролюбием, увенчаны не тленным серебром и золотом, но вечною славою и честию: они получили венец от драгоценного Камня — Христа, Ему же честь и слава с Богом Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
СОСАННЫ ДЕВЫ
и иных с нею мучеников

В царствование Диоклетиана[1] и Максимиана[2], по прозванию Геркула, в Риме жил пресвитер Гавиний, родной брат папы Римского Гаия[3]; обладая хорошим знанием языческих философов и от-

[1] *Диоклетиан* — император с 284 по 305 год.

[2] *Максимиан* — император, соправитель Диоклетиана с 285 по 305 год.

[3] *Гаий* был папой с 283 по 22 апреля 296 года.

лично изучив святое Писание, Гавиний, по совету и настоянию своего брата, написал много книг в опровержение языческих заблуждений. Оба они происходили из знатного рода, так что доводились роднею царю Диоклетиану; последний, впрочем, не желал признавать своего родства с ними: он презирал их за то, что они исповедовали христианскую веру: Диоклетиан ненавидел ее и поэтому отрицался от своих родственников христиан.

Пресвитер Гавиний имел дочь по имени Сосанну; он воспитал ее в истинно христианском духе, с малых лет внушив ей страх Божий, вместе с тем он дал ей и хорошее светское образование. Сосанна отличалась умом и телесною красотою, которую превосходила красота душевная: она всем сердцем любила Господа Иисуса Христа и была Его верной, целомудренной рабой. Услыхав об уме и красоте Сосанны, Диоклетиан захотел сделать ее женою сыну своему Максимиану. (Другие называют его Максимином; в действительности он не был сыном Диоклетиана, а был усыновлен им как происходивший от его ближайших родственников. Сначала Диоклетиан выдал за него свою дочь Валерию; после же ее смерти он захотел сочетать Максимиана браком с родственницей своей Сосанной. Этот Максимиан имел другое имя Галерий, и его нужно отличать от вышеупомянутого Максимиана, прозванного Геркулом.) Диоклетиан послал к Гавинию знатного мужа, своего двоюродного брата Клавдия, переговорить с ним о том, чтобы он отдал дочь свою Сосанну за его сына Максимиана. Придя с этим поручением к Гавинию, Клавдий сказал:

— Пресветлый царь наш Диоклетиан послал меня к тебе с великой милостью и радостью: он хочет возобновить родство с тобою через устройство брака твоей дочери, и какое благодеяние может быть для тебя бо́льшим, чем это новое прославление твоего рода чрез кровный союз с царским домом!

— Мы убоги и смиренны, — сказал Гавиний, — и при своем недостоинстве как можем называться родственниками царю?

Клавдий отвечал:

— Разве ты и твой брат, епископ Гаий, не сыновья сенатора Максимина, бывшего родственником дяди нашему, брату господина нашего царя Диоклетиана?

— Это верно, — согласился Гавиний, — однако обстоятельства последнего времени вынуждают сказать, что мы недостойны названия родственников царя.

— Не отрицайся твоего родства, — возразил Клавдий, — вот наш господин и царь повелевает отдать тебе за сына его Максимиана свою дочь, об уме которой идет слух, что она обладает обширными знаниями в науках; и справедливо не разделяться ветвям, происходящим от одного корня; этого желаем и мы, твои родственники; думаю, что это доставит и тебе радость.

Гавиний сказал:

— Прошу дать мне время, чтобы узнать мнение самой дочери о твоем предложении.

На этом они расстались.

По уходе Клавдия Гавиний попросил прийти к нему в дом брата своего папу Гаия, который жил недалеко. Когда пришел Гаий, Гавиний рассказал ему, с каким поручением от царя приходил к нему Клавдий. Затем они позвали к себе Сосанну и сказали ей со слезами на глазах:

— Царь Диоклетиан прислал к нам родственника нашего Клавдия, передавая через него свое желание видеть тебя супругою сына своего Максимиана.

Блаженная Сосанна так отвечала на это отцу и дяде:

— Куда исчезла теперь ваша мудрость? Поистине я не замечаю ее в вас; если бы я не была такой христианкой, какой стала, благодаря вашим наставлениям, тогда со мной действительно можно бы было говорить о том, о чем вы сейчас ведете речь; теперь зачем вы оскверняете ваши уши и уста, слушая нечестивые слова и передавая их мне с тою целью, чтобы я вышла замуж за нечестивого мучителя? Ведь вы сами безбоязненно отреклись от всякого родства с ним за его нечестие, с которым не может мириться исповедуемая вами святая христианская вера. Но слава всесильному Богу, даровавшему мне дух, сродный святым Его: отвергая через веру в Господа нашего Иисуса Христа это скверное супружество с нечестивцем, я сподоблюсь мученического венца!

— Смотри, дочь моя, — сказал на это Гавиний, — будь тверда в вере, которою сейчас обладаешь, чтобы соблюсти себя непостыдной

пред Господом, и мы возрадуемся, видя плод твоей веры, приносимый Владыке Христу.

— Господие мои, — отвечала Сосанна отцу своему и дяде, — вы часто поучали меня соблюдать девство ради Господа Иисуса Христа, и теперь в любви к Нему и страхе Его я так утвердилась, что не могу даже помыслить о плотском супружестве; отец мой, я только Того буду любить, для Того жить и на Того надеяться, Кому ты сам навсегда поручил меня; Он, Владыка, знает искренность моего сердца!

— Так как ты вручена небесному Жениху Христу Богу, то пребывай всегда в любви Его, соблюдая Его заповеди, — сказал святой папа Гаий.

Так оба святые служители Господни, узнав о добром намерении Сосанны, долго утверждали ее в ее благочестивом желании, исполняясь в то же время великой радости, исторгшей из глаз их невольные слезы умиления.

Спустя три дня Клавдий в сопровождении множества слуг опять пришел к Гавинию; оставив последних около дома, он сам вошел внутрь, где нашел и папу Гаия. После обычных приветствий Клавдий сказал:

— Для вас, честны́е отцы, не безызвестна та радостная причина, которая привела меня к вам.

— Хотя бы, — отвечал епископ Гаий, — и не было такой причины, мы и так рады тебе, будучи родственниками друг другу; мы рады утешиться этим родственным свиданием и беседой друг с другом.

— Вы знаете, любезнейшие братья, — продолжал Клавдий, — что господин наш, царь Диоклетиан, выражает сильное желание вступить с вами в более тесное родство, и я советую и прошу вас: исполните волю владеющего вселенной и тем утешите его.

— Предай об этом желании царя моему господину и брату, епископу Гаию, — отвечал Гавиний.

— Наш благосердный царь, — обратился Клавдий к Гаию, — хочет взять в супруги своему сыну вашу дочь, а мою внучку; ему известно о ее красоте, разуме и талантах; мы, родственники, полагаем, что ничего не может быть почетнее того, чтобы род наш не только не отлучался от царской крови, но еще теснее соединился с нею: через это он еще более возвысится и прославится.

Так как епископ молчал, то на речь Клавдия отвечал Гавиний:

— Позовем девицу и спросим саму ее.

Тогда была позвана к ним святая Сосанна. В комнате не было никого из посторонних; сидели только они трое. Увидав Сосанну, Клавдий прослезился от любви и радости и хотел, обнявши, приветствовать ее поцелуем. Она же воспротивилась этому и сказала, отвернувшись от него:

— Моему Господу Иисусу Христу известно, что уст рабыни Его никогда не касались мужские уста: не оскверняй их.

— Я хотел поцеловать тебя как родственник: ведь ты мне внучка, — отвечал Клавдий.

Святая Сосанна сказала на это:

— Меня побуждает гнушаться твоего поцелуя не какая-либо другая причина, а то обстоятельство, что твои уста осквернены идольскими жертвами.

От этих слов святой Сосанны Клавдий, точно почувствовав прикосновение к своему сердцу перста Божия, умилился и сказал:

— Что я должен сделать, чтобы очистить от скверны мои уста?

— Покайся и крестись во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — отвечала святая Сосанна.

Тогда Клавдий обратился к епископу со словами:

— Очистите меня, ибо человек чистый через веру во Христа лучше служащего богам: я принес им множество жертв, но не получил от них ничего, хотя и цари преклоняются пред ними.

Увидав чудесное, быстрое изменение, произведенное в Клавдии действием благодати Божией чрез слова непорочной девы, епископ Гаий сказал с радостью:

— Послушай меня, брат мой! Я намерен дать тебе добрый совет: ты пришел к нам, чтобы найти невесту сыну твоего господина, а Бог ищет тебя и хочет по молитвам этой девы спасти тебя, чтобы и из нашего рода нашлись достойные Царствия Божия. Итак, веруй в Бога, кайся в пролитии крови святых мучеников и не медли принятием святого крещения.

— Если я, — спросил Клавдий, — приму святое крещение, то очистятся ли все греховные скверны моего сердца?

— Без сомнения; только веруй от всего сердца, — отвечал святой папа.

Слыша это, святая Сосанна припала к ногам своего дяди — святого Гаия со словами:

— Умоляю тебя, господин мой, не отлагай ради Христа крещения Клавдия, спаси его душу.

— Сначала убедимся, истинно ли он верует во Христа Бога, — сказал святой епископ.

— Я искренно верую, — воскликнул Клавдий, — только бы были прощены грехи мои, как обещаете вы мне.

— Во имя всемогущего Господа Иисуса Христа прощаются тебе все грехи твои, — отвечал Гаий.

Клавдий пал на землю пред ногами святителя и взывал, посыпая прахом свою голову:

— Господи Боже, свет превечный, прости грехи мои, содеянные в неведении и неверии, исполни меня Твоей благодати, чтобы жена и дети мои познали, что ты один спасаешь уповающих на Тебя!

Тогда святой Гаий, огласив и наставив Клавдия, отпустил его домой. Потом Клавдий пришел ночью ко святому Гаию вместе с женой и двумя сыновьями, прося у него святого крещения. Не отлагая более, епископ крестил их; пресвитер Гавиний был их восприемником. Когда Клавдий вышел из святой купели, то сказал:

— Я видел свет, превосходивший солнечный и осиявший меня во время крещения.

По святом крещении и миропомазании епископ совершил святую Литургию и приобщил крещенных Божественных Таин Тела и Крови Христовых, и все радовались о Боге Спасе своем. Супруге Клавдия имя было Препедигна, а сыновей звали одного Александром, а другого — Куфием. После крещения Клавдий начал продавать имение свое и раздавать его нищим; для этого он разыскивал скрывавшихся по различным потаенным местам христиан, ходил также тайно по ночам в темницы; всем, кого находил, Клавдий умывал ноги, целовал их и восполнял нужду их щедрыми дарами, снабжая их на каждый день одеждою и пищей, при этом он непрестанно каялся во грехах, содеянных в предыдущую жизнь.

Спустя некоторое время Диоклетиан начал спрашивать о Клавдии, почему он не принес никакого известия, хотя был нарочно послан к Гавинию, чтобы узнать о согласии Сосанны на брак с его сыном. Царю доложили, что Клавдий болен. Тогда он послал к нему,

чтобы посетить больного и расспросить о Сосанне его младшего брата Максима, занимавшего почетную должность при дворе. Максим нашел брата своего одетым во власяницу и возносящим молитвы к Богу. Он пришел в ужас и сказал:

— Брат мой возлюбленный, воспитавший меня с самого детства, что заставило тебя так измениться, — ты стал так бледен и худ?!

— Если хочешь выслушать меня, я расскажу тебе о причинах моей перемены, — отвечал Клавдий.

— Скажи мне, господин мой, о твоей болезни! — воскликнул Максим.

— Я каюсь, — начал рассказывать Клавдий, — что, повинуясь царям и исполняя их приказания, убивал христиан, проливая, таким образом, неповинную кровь; хотя я и делал это по неведению, следуя приказаниям царя, однако теперь сильно скорблю и раскаиваюсь в этом.

— Что это ты говоришь, брат мой? — возразил Максим. — Владыка наш, царь Диоклетиан посылал тебя к брату нашему Гавинию, чтобы ты сосватал дочь его сыну; чтобы узнать об этом, я и послан к тебе, а ты говоришь что-то совершенно другое.

— Я за этим и ходил, — сказал Клавдий, — к возлюбленной внучке нашей и видел ее: она прекрасна как телом, так и душою; она свята и премудра и уже невеста небесного царя Христа; благодаря ей, и я избавился от грехов моих. Но чтобы и тебе было известно о милосердии Божием, которое хочет всех спасти, ночью пойдем к брату нашему пресвитеру Гавинию, и ты увидишь свет вечный.

— Все, что ты велишь, я сделаю, — отвечал Максим.

В ту же ночь они пошли к воротам города, известным под именем Саларийских и находившихся у Салюстиевых палат. Когда Гавинию сказали, что его братья, Клавдий и Максим, стоят около дома и желают войти к нему, то он тотчас поспешил им навстречу и с радостью ввел их к себе. Прежде чем начать с ними беседу, Гавиний встал на молитву: он преклонил колена и склонил голову; Клавдий и Максим последовали его примеру.

— Господи Боже, — говорил, молясь, Гавиний, — собирающий рассеянных и призирающий на собранных, призри на дела рук Твоих, просвети всех верующих в Тебя: Ты — свет истинный во веки веков.

Все отвечали:

— Аминь!

Восставши, они обнимали и целовали друг друга, а Клавдий припал к ногам пресвитера, лобызая их. Видя это, Максим удивлялся и просил разрешения повидаться с Сосанной. Гавиний велел ее позвать. Войдя к ним, она сначала поклонилась Богу, а потом, подойдя к отцу, сказала:

— Благослови меня, отче.

Пресвитер же снова помолился ради пришествия Сосанны:

— Да подастся нам мир от Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует со всесильным Богом Отцом во веки веков, — сказал он.

— Аминь! — воскликнули все.

Увидав святую Сосанну, исполненную смирения и целомудрия, Максим хотел поцеловать ей руку; она же не дозволила этого. И в то время как все они долго не могли удержать слез, вызванных родственною любовью, святому Гаию, жившему недалеко от устроенной им церкви, сказали, что братья его собрались вместе. Он подумал, что их берут на мучения, и, желая первым из них испытать участь мученика, поспешил в дом Гавиния. Все, увидав его, от неожиданности пришли в страх и поклонились ему до земли.

— Мир вам! — сказал им святой Гаий, — мужайтесь во имя Господа, помолимся!

И начал молиться, говоря:

— Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, пославший Его на спасение всех, желая изъять нас из тьмы мира этого и ввести в жизнь вечную, утверди нас, рабов Твоих, в вере Твоей, ибо Ты царствуешь во веки веков.

— Аминь, — сказали присутствовавшие.

Севши, епископ начал боговдохновенную беседу; все со вниманием слушали говоримые им слова Божии; святая же Сосанна слушала стоя, не желая сидеть при них; в то же время она тайно молилась. По окончании беседы епископ сказал Максиму:

— Благодарим тебя, брат, что ты посетил нас.

— Я, недостойный, пришел к вам, чтобы целовать ваши святые ноги, а что первоначально побудило меня идти к вам, о том сами хорошо знаете, — отвечал Максим.

— Лучше скажи ты сам, — предложил ему святой Гаий.

— Царь Диоклетиан, — сказал Максим, — просит отдать Сосанну за сына его Максимиана.

— Дева имеет уже Христа, небесного Жениха, данного ей Богом Отцом, и пусть будет тебе хорошо известно, что она уже не может выходить замуж, — ответил на это предложение епископ.

— Все, что дает Бог, вечно, — сказал Максим.

— Приими и ты жизнь вечную, — предложил ему папа.

— Что есть жизнь вечная? — спросил он.

— Та есть жизнь вечная, которую познал я, — вступил в беседу Клавдий.

— Кого ты познал, Того и я познать желаю, — обратился к нему Максим, — но все-таки нам не следует удаляться от родства с царем.

— Мы убеждаем тебя, — возразил святой Гаий, — веровать в Господа нашего Иисуса Христа, вечного Сына Божия, а видимая слава и честь земного царя временны, и родство с ним не приносит ничего; все это вместе с кратковременною жизнью минует и погибнет. Что же обещает нам небесный Царь, Христос Бог наш, то вечно и необходимо, и достойно того, чтобы к тому стремиться.

Выслушав это, Максим умилился и с радостью дал согласие принять святую веру.

— Тебе известно, брат, — сказал епископ, — что мы оставили все свое имение и теперь ничего не ищем, кроме Господа нашего Иисуса Христа, Которым мы живем и Которым хвалимся.

— Не медлите, господие мои, — воскликнул Максим, — но поторопитесь сделать все, что считаете необходимым для моего спасения.

Заповедав ему пост, епископ отпустил его домой. Удалившись, Максим сначала скрывал свою веру во Христа, хотя и горел любовью к Гавинию, Гаию и особенно к Самому Господу Иисусу; потом, при усилении в нем любви к Богу, он начал явно исповедовать имя Христово, презирая смерть. Но епископ и пресвитер советовали ему скрывать свою веру в продолжении пяти дней, пока не распродаст своего имения и не раздаст нищим. Максим повиновался им. Спустя пять дней он пришел к святому Гаию и, припав к его ногам, сказал:

— Заклинаю тебя, господин мой, именем Христовым, просвети меня святым крещением, как просветил ты брата моего Клавдия; с

того самого времени, как ты наставил меня в учении Господа нашего Иисуса Христа, сердце мое до того умилилось, что я не могу успокоиться, пока не приму святого крещения.

Епископ крестил его и, совершив святую Литургию, приобщил Божественных Таин. Максим пребывал у родственников своих христиан, воспевая с ними Богу и славя Его; в это время он окончательно распродал имение, которое он не мог продать и раздать в пять дней, и раздал нищим через верного друга своего Фарсона, который был тайный христианин и впоследствии описал страдания этих святых мучеников, так как все совершалось на его глазах.

По прошествии пятнадцати дней со времени посещения Максимом Клавдия Диоклетиан узнал, что оба они, — а последний и со всем своим семейством, сделались христианами: это очень его огорчило. Однако он скрывал свою печаль и своей супруге, царице Ирине, сказал только, что посылал к Гавинию, желая сосватать дочь его Сосанну сыну своему Максимиану. Услышав об этом, Ирина прославила Бога: она была тайная христианка, а царю сказала:

— Делай, что внушает тебе Бог.

Не доверив царице своей скорби, Диоклетиан призвал к себе военачальника Юлия, язычника и человека жестокого, и рассказал ему с печалью, что возлюбленные родственники его, посланные для обручения невесты сыну Максимиану, приняли христианство, несмотря на его запрещение.

— Все, пренебрегающие царские повеления, — сказал Юлий, — хотя бы последние были несправедливы, должны подвергнуться смертной казни; твое же приказание было справедливо, и если они его нарушили, то тем более достойны смерти.

Царь тотчас приказал Юлию послать воинов, чтобы взять всех, кроме епископа Гаия, что и было исполнено. Пресвитера Гавиния с дочерью он велел стеречь в кустодии; Максима же и Клавдия с женой и детьми послал в изгнание; потом он велел сжечь их в городе Остиа[1], бросив пепел в море; так скончались святые, удостоившись славного мученического венца.

Спустя пятьдесят пять дней Диоклетиан велел супруге своей взять к себе Сосанну, чтобы склонить ее к браку с его сыном. Когда же святая Сосанна, находившаяся под стражей, увидала идущих за ней,

[1] Так называлась пристань близ Рима.

то с глубоким сердечным вздохом и слезами сказала, обращаясь к Богу:

— Господи, не оставь рабы Твоей!

Когда Сосанну ввели к царице, то последняя поклонилась ей прежде, чем она: царица чтила в ней благодать Христову и целомудрие. Святая Сосанна упала пред царицею на землю, но она ласково подняла ее со словами:

— Радуется о тебе Спаситель наш Христос.

Услышав из уст царицы имя Христово, святая Сосанна возрадовалась и сказала:

— Благодарю Христа Бога моего, царствующего на всяком месте!

И обе они, царица Ирина и святая Сосанна, радовались о Господе Боге, с любовью беседуя о Нем. Они возносили к Нему горячие молитвы, особенно же святая Сосанна: следуя наставлениям отца, она непрестанно днем и ночью воспевала, благословляя Бога. Диоклетиан же в это время ждал, надеясь, что Сосанна даст согласие на брак. После долгих ожиданий он послал за царицей и спросил ее:

— Склонила ли она Сосанну на брак с его сыном? Склоняется ли она на любовь Максимиана?

— Напрасен труд там, — отвечала царица, — где преследуется невозможная цель, и не следует надеяться там, где не будет согласия: я не замечаю в Сосанне и следа таких мыслей и намерений, которые бы позволяли думать, чтобы кто-либо мог ее каким-нибудь образом принудить к этому.

Услышав это, Диоклетиан пришел в сильнейший гнев и дал позволение сыну своему Максимиану опозорить Сосанну, совершив над нею гнусное насилие, но не во дворце, — пусть отведет ее в дом отца ее и там обесчестит ее, повинуясь своей постыдной похоти. Святая Сосанна принуждена была оставить дворец, чтобы отправиться в дом свой. Отпуская святую Сосанну, царица с плачем говорила ей:

— Избавивший в древности рабу Свою Сосанну (см.: Дан. 13) избавит и тебя, поможет тебе и дарует славное упокоение.

Простившись, они расстались, рыдая. Когда святая Сосанна была приведена в свой дом двумя женщинами, она упала на землю в своей комнате и здесь с рыданием и плачем молилась Избавителю своему Христу, чтобы Он поспешил к ней на помощь. В ту же ночь пришел распаляемый скверною похотью сын царя Максимиан; войдя ти-

хонько в комнату, где молилась святая Сосанна, он увидел над нею Ангела Божия, от которого исходило великое сияние. На Максимиана напал сильный страх: не осмелившись подойти к святой Сосанне, он поспешил как можно скорее домой, во дворец, где и рассказал о всем своему отцу.

— Это не больше, как волшебство христиан, — сказал Диоклетиан.

И послал одного из приближенных своих, Куртия, разузнать, что делается в доме Сосанны. Но и Куртий, как только вошел в дом, тотчас почувствовал сильный страх и в ужасе побежал к царю. В это время Диоклетиан вел споры с царицею относительно пришествия Христа и почитания богов. Будучи побежден царицею, он вспомнил о Сосанне и сказал:

— Почему ты не увещевала ее, видя ее красоту и ум, согласиться на брак с моим сыном?

— Она избрала себе лучшее, — отвечала царица, — ведь и сын твой сам говорил, что видел над нею неприступный свет.

Царь чрезвычайно разгневался и приказал некоему Македонию, ревностному язычнику, отличавшемуся жестокостью, идти к Сосанне и принудить ее не только посредством угроз, но и мучений к идолопоклонству; вместе с тем Диоклетиан приказал делать это тайно, чтобы не осуждали царя за мучительство, говоря, что он не щадит даже родственников своих. Македоний пришел к святой Сосанне, захватив с собою маленького золотого идола, изображавшего бога Дия; показывая его святой, он приказывал ей поклониться ему. Свята Сосанна дунула на идола со словами:

— Господи мой, Христе Иисусе, пусть не видят очи мои диавольского орудия.

И тотчас идол, находившийся в руках Македония, сделался невидим, точно кто вырвал его. Македоний удивился и думал, что как-нибудь сама святая Сосанна похитила идола и спрятала его:

— Вижу, — сказал он, — что ты любишь золото, так как украла идола из моих рук, и не могу не похвалить тебя за это: думаю, что ты не взяла бы идола, если бы не любила его.

— Господь Бог мой, — отвечала святая Сосанна, — послал Ангела Своего, который и удалил идола из глаз моих, выбросив его вон из дома.

Во время этих слов ее вошел слуга Македония, докладывая, что идол выброшен из дома на дорогу. Придя в сильную ярость, Македоний своими руками разорвал одежды на святой Сосанне и начал без жалости бить ее палками. Святая же Сосанна взывала в это время:

— Слава Тебе, Господи!

— Принеси жертву богам, — сказал Македоний.

— Я сама себя приношу в жертву Господу моему, — отвечала святая.

Македоний доложил царю о неизменном и твердом пребывании Сосанны в вере и о поругании ею идола. Царь приказал там же, в доме, убить ее мечом. И была усечена глава невесте Христовой, святой мученице Сосанне; она отошла, веселясь и радуясь, в светлый чертог небесного Жениха своего. Узнав об убиении святой Сосанны, царица взяла ночью честно́е тело святой мученицы и собрала кровь ее пролитую на земле покровом со своей головы: обвив полотном, умащенным ароматами, царица положила тело ее в усыпальнице святого Александра, где было погребено много мучеников, а кровь ее, собранную на головное покрывало, вложила в серебряный ковчег, который спрятала в своей комнате, где она обычно тайно молилась и днем и ночью. Святой же папа Гаий храмину, где была пролита кровь святой мученицы Сосанны, освятил в церковь и совершал в ней Божественные службы[1]. — Спустя немного времени пострадал и святой пресвитер Гавиний, а после него приял мученическую кончину и святой Гаий; все они, как мученики, предстали престолу Божию, славя Отца, Сына и Святого Духа — единого Бога в Троице. Ему же и от нас да будет честь и слава, и ныне, и присно, и вовеки веков[2]. Аминь.

[1] В жизнеописании папы Сергия говорится о церкви в самом доме Сосанны, бывшей в 682 году.

[2] Святые мученики, поминаемые с Сосанною, скончались в 295–296 году. Мощи мученицы Сосанны с мощами отца ее Гавиния находятся в Риме, в церкви ее имени; мощи папы Гаия также в Риме, в церкви его имени.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЕВПЛА ДИАКОНА

В царствование Диоклетиана и Максимиана гонение на христиан распространилось по всей вселенной. В это время упомянутыми нечестивыми царями в Сицилию[1] был послан для розыска и мучений христиан один, известный своею жестокостью, князь, по имени Пентагур. Придя в город Катану, мучитель приказал городскому начальнику Калвисиану собрать на площадь весь народ, не только живущий в городе, но в окрестностях. На Ахиллиевой площади было приготовлено место для зрелища, и на звуки труб и бубнов собралось множество народа обоего пола и разного возраста. Сюда пришел и князь Пентагур с Калвисианом; увидев народ, он спросил последнего:

— Все ли воздают честь и поклонение и приносят жертвы нашим богам?

Калвисиан отвечал:

— Поистине, светлый князь, все, которых ты видишь, усердно служат великим богам, принося множество жертв; среди них нет ни одного нечестивца.

Этот ответ привел Пентагура в сильную радость, и он выразил свое одобрение как народу, так и начальнику города; затем, обнародовав повеление царей, он пред всеми дал власть Калвисиану, — если найдется кто-либо называющий себя христианином, то он может предать его мучениям и умертвить. После этого Пентагур удалился в другие города; Калвисиан же призвал к себе преторских слуг и приказал им тщательно разыскивать, не найдется ли где-либо в городе или его окрестностях кто-либо, хотя бы даже тайно исповедующий христианскую веру, — такого человека они должны взять для мучений. Тогда подошел один из слуг и сказал:

— Здесь в городе есть человек по имени Евпл: он носит с собою какую-то книгу и, обходя дома и улицы, учит народ, называя великим христианского Бога. (Святой Евпл был диакон и носил с собою Евангелие: читая из него народу о чудесах Христовых, он учил его веровать во Спасителя.)

[1] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря.

Услышав это, Калвисиан тотчас послал взять его и привести к себе связанного. Воины отправились, разыскивая святого Евпла по всему городу; наконец они нашли его в одной бедной хижине, где он читал святое Евангелие, поучая слушающих; воины взяли его, связали ему назади руки и повели на суд к городскому начальнику, захватив и Евангелие. Увидев святого Евпла, Калвисиан сказал:

— Ты ли хулитель богов и преступник приказаний царских?

Святой Евпл отвечал:

— Кто такие ваши боги, чтобы я почитал их?

— Наши боги — Юпитер, Асклипий и Диана, — сказал Калвисиан.

— Ты, — возразил ему святой, — слеп, не зная Единого истинного Бога, сотворившего небо и землю, создавшего человека из земли и нас христиан облекшего бесценною и пресветлою одеждою бессмертия, которая есть святое крещение.

— Ты потому говоришь так горделиво, что не испытал еще мучений, — сказал Калвисиан.

— Для меня эти муки венец светлый, а для тебя — тьма и погибель, — возразил святой Евпл.

Тогда Калвисиан, сильно разгневавшись, приказал повесить святого Евпла и строгать его железными гребнями. Во время этих мучений святой Евпл поднял к небу глаза свои и, молясь, говорил:

— Господи Иисусе Христе, облеки меня, с которого как одежду совлекают теперь плоть, бессмертием в будущей жизни; даруй мне на час этот крепость, чтобы не победили меня муки.

И с неба был голос:

— Мужайся и крепись, Евпл! Тебе уже уготована истинная одежда.

Долго строгали святого мученика, а Калвисиан говорил ему:

— Неужели ты не оставишь своего заблуждения? Почему ты не хочешь войти в храм богов и принести им жертву, чтобы от них получить прощение своих грехов, от царей — честь и богатство, от нас — предложение дружбы; вообще через это ты приобрел бы много золота и серебра.

— О сын погибели, слуга и сообщник диавола! — отвечал святой Евпл, — не знаешь ли, как грозно в день страшного суда Божия ты будешь наказан за всех тех, которых теперь склоняешь к идолопоклонству золотом и серебром?

Еще более разгневавшись, мучитель приказал бить святого по челюстям железными молотками и сокрушать ему бедра и голени. Во время этих побоев святой Евпл укорял мучителя, говоря:

— Безумный, ослепленный злобою человек! К чему ты причиняешь мне эти муки, которые я, укрепляемый моим Богом, считаю за паутинные сети? Если можешь, изобрети еще более лютые, а эти для меня не более как игра.

После этого Калвисиан приказал отвязать святого Евпла и, повесив ему на шею Евангелие, отвести в темницу, при этом он велел особенно тщательно запереть тюремные двери и запечатать их его перстнем, и поставить стражу, чтобы никто не мог пройти к святому Евплу и принести с собою хлеба и воды: Калвисиан хотел, чтобы он, мучимый жаждою и голодом, умер. Святой Евпл пробыл в темнице семь дней и ночей и почувствовал сильнейшую жажду; тогда он помолился Господу:

— Господи Иисусе Христе, истинный Бог наш, дарующий пищу всему живущему, Ты, напоивший в древности людей Твоих, водимых по пустыне Моисеем, источив им из камня живую воду (см.: Исх. 17, 6), Ты, изведший для Сампсона воду из сухой челюсти ослиной (см.: Суд. 15, 19) и омывший нас водою святого крещения, дай и мне, молю Тебя, прохладу, ибо я изнемогаю от жажды: повели, да истечет в темнице этой источник воды и утолит жажду мою, и все узнают, что Ты один Бог и нет другого, подобного Тебе.

Когда святой Евпл окончил эту молитву, внезапно в темнице появился источник воды; он выпил этой воды и удовлетворил ею не

только свою жажду, но и свой голод, как будто бы пищей; святой Евпл воспел, славя и благодаря Бога. По прошествии семи дней Калвисиан приказал вывести из темницы мученика, если он еще жив: он полагал, что святой Евпл отчасти от ран, отчасти от голода и жажды уже умер. Когда воины пришли и открыли двери темницы, то пришли в ужас, увидев, что вся темница полна воды. Святой же Евпл простер руки над водою, как бы повелевая, и вода тотчас стала невидима. Воины сказали друг другу:

— Поистине велик Бог, Которому служит этот человек!

И, взяв святого мученика, они повели его в дом городского начальника. Последний, увидев, что святой Евпл нисколько не изменился телом и весел, точно идет с пиршества, очень удивился и сказал:

— Хоть теперь поклонись богам, прежде чем тебе не отсекут головы.

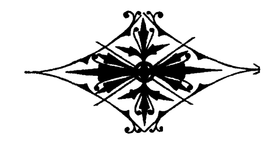
Святой Евпл отвечал:

— Коварный и ослепленный друг диавола! Кто захочет оставить свет для того, чтобы ходить во тьме?

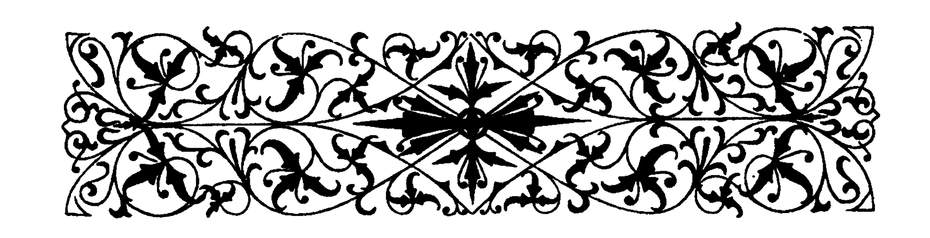
Разгневанный градоначальник приказал оторвать ему уши железными крючками и отвести связанного в претор для суда; сюда пришел и сам мучитель и, сев на своем месте, долго принуждал святого к принесению нечестивых жертв, но, видя, что святой Евпл остается непреклонным, Калвисиан осудил его на усекновение мечом. Выслушав свой смертный приговор, святой Евпл просил градоначальника, чтобы пред усекновением ему дано было время для молитвы, Калвисиан изъявил свое согласие на просьбу. Когда воины повели святого мученика на казнь, то им сопутствовала большая толпа народа, среди которой немало было и христиан, тайно державшихся своей веры. Достигнув места, святой Евпл остановился; потом, обратившись к народу, он взял Евангелие, которое всегда носил с собою, и, открыв, начал читать о чудесах Христовых, поучая познанию истинного Бога, и многие из язычников просветились светом истины Христовой. Затем святой Евпл начал молиться Богу и к нему пришел глас свыше:

— Блажен ты, Евпл, добрый и верный раб Мой, гряди и войди в радость Господа твоего, наслаждаясь покоем со всеми от века благоугодившими Мне!

После того как раздался этот глас, святой Евпл преклонил главу свою и, по усечении ее, отошел ко Господу своему: его страдания закончились 11 августа[1]. Благоговейные мужи из христиан взяли честное тело и главу и погребли в особо уготованном месте, и по молитвам святого мученика при гробнице его совершалось много исцелений, в которых действовала благодать Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.



[1] По другим, более достоверным, известиям святой Евпл усечен 12 августа в 304 году. Мощи его находятся в пределах неаполитанских в Тривико (теперь vico della Baronia); когда перенесены сюда из Катаны, неизвестно; в 1656 году перенесена отсюда часть мощей обратно в Катану.



День двенадцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФОТИЯ и АНИКИТЫ

В Никомидии, городе Вифинской области[1], нечестивый царь Диоклетиан (284–305 гг.) поднял открытое гонение на христиан; среди города, по его приказанию, были выставлены орудия для мучений: мечи, сечки, рожны, железные ногти, сковороды, колеса, котлы и другие бесчеловечные изобретения подобного рода; были приготовлены и звери; всем этим Диоклетиан хотел устрашить призывающих имя Христово. Во все концы Римского царства он разослал грозные указы, которыми повсюду повелевалось гнать христиан, — мучить и убивать их, при этом на Единородного Сына Божия изрекались многие хулы.

В это время в Никомидии жил один благородный и знатный комит, по имени Аникита. Исполнившись ревностию по Боге, он явился к царю и безбоязненно исповедовал Господа Иисуса Христа, истинного Сына Божия, — святой Аникита красноречиво поведал царю о безначальном рождестве Сына Божия и Его воплощении, по исполнении лет, для нашего спасения; в то же время он порицал заблуждение идолопоклонников, называя богов языческих глухими и бесчувственными; и, наконец, обратился к царю с такими словами:

— Твои мучения, царь, приготовленные христианам и объявленные им, нисколько нас не устрашают: для нас муки — ничто, и мы никогда не поклонимся бездушным идолам.

---

[1] В Малой Азии.

Св. мч. Аникита

Царь, полный гнева и ярости, не в силах был выслушивать боговдохновенную проповедь святого Аникиты и приказал ему тотчас же обрезать язык, но он и после этого говорил ясно, славя Христа Бога; затем его били воловьими жилами так жестоко и так долго, что обнажились кости. Но святой Аникита, — точно не он, а кто другой подвергался мучениям, — мужественно переносил страдания и громко проповедовал смотревшему на него народу, что Христос есть Единый истинный Бог. После этого царь велел отдать святого Аникиту на съедение зверям: был выпущен громадный лев, который, с грозным ревом приблизившись к мученику, неожиданно сделался смирнее ягненка: он ласкался ко святому и пот, выступивший от мучений на его челе и щеках, отер, как губкою, лапою. А святой Аникита громко взывал:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты избавил меня от зубов этого зверя! Молю Тебя, Владыко, и в предлежащем мне подвиге простри Свою десницу в помощь рабу Твоему, чтобы я мог победить ярость мучителя и удостоиться от Тебя мученического венца.

После этой молитвы святого началось землетрясение, причем капище Геркулеса вместе с его идолом и часть городской стены обвалились, и многие из язычников погибли под их развалинами. Тогда Диоклетиан приказал отсечь мечом главу святого мученика, но когда воин поднял меч, чтобы исполнить повеление царя, тотчас руки его ослабели, а сам он упал на землю и был недвижим точно бесчувственный. Видя это, Диоклетиан приказал привязать святого Аникиту к колесу, находящемуся среди острых железных прутьев, подложить огонь и вращать колесо: он желал, чтобы святой мученик умер разрезаемый на части железом и обжигаемый огнем. Но святой Аникита, привязанный к колесу, так молился:

— Господи Иисусе Христе, ради предстоящих освободи меня от мучений, чтобы смотрящие на меня, видя Твою скорую помощь,

могли мужественно стать против мучителя и принять от Тебя мученический венец.

И тотчас узы святого Аникиты развязались; колесо остановилось, и огонь погас. Тогда мучитель велел наполнить котел оловом, расплавить его и бросить туда святого мученика. Все видели Ангела Господня, который вместе со святым Аникитою входил в котел, и едва только мученик прикоснулся к котлу, олово остыло и сделалось как лед.

Св. мч. Фотий

Сродник святого Аникиты, по имени Фотий, видя его подвиги и силу Христа, сохраняющего раба Своего, отложил всякую боязнь; выйдя из среды народа на самое место казни, он подошел к святому мученику и с любовью обнял его и поцеловал, называя отцом и ходатаем своего спасения; этим поступком Фотий ясно показал, что он готов претерпеть за Христа какие угодно мучения. Обратившись затем к царю, Фотий сказал:

— Постыдись, идолопоклонник! Боги твои — ничто.

Тогда Диоклетиан с гневом вскричал воинам:

— Убейте его мечом!

Но когда один из воинов поднял обнаженный меч, чтобы им ударить мученика, силою Божиею руки его обратились на себя самого, так что, ударив себя по коленам, он упал на землю и умер. После этого святого Аникиту и Фотия заковали в железные цепи и обоих вместе бросили в тюрьму. Спустя три дня Диоклетиан призвал их к себе и сказал:

— Если послушаетесь меня и принесете жертву богам, то я возвеличу вас и обогащу.

— Честь твоя и богатство твое, — отвечали святые, — пусть останутся с тобою на твою погибель.

В ярости мучитель приказал сначала повесить их на дыбе и строгать тело железными ногтями, опаляя огнем раны, а потом — бить камнями. Но все эти муки святые переносили с радостью и благодарили Бога, так как не чувствовали никакой боли: Господь ради

славы Своего святого имени соблюдал их невредимыми. Затем они были привязаны за ноги к диким коням, которые и влачили их. Но и таким мучением Диоклетиан ничего не достиг: Господь опять сохранил их без вреда, — святые мученики, будучи влачимы, точно находясь в колеснице, славили непобедимую силу Господню и укрепляли друг друга; дикие же кони внезапно остановились; ноги святых освободились от привязи, и они встали совершенно здоровыми. Мучитель опять приказал подвергнуть их жестокому биению, поливая раны уксусом, смешанным с солью; потом они опять были ввергнуты в темницу, где провели три года. Затем святые были выведены для новых мучений. По приказанию Диоклетиана три дня разжигали народную каменную баню, в которую потом затворили святых мучеников. Но святые Аникита и Фотий помолились Богу, баня расселась; забил ключ воды, доставлявший им прохладу. Когда сторожа на третий день открыли баню, то увидели, что святые ходят в ней невредимы, воспевая хвалу Богу; об этом было доложено царю. Последний, как бы не веря известию, пошел сам убедиться в его справедливости. Святые, увидев царя, сказали ему:

— Вот, мы, мучитель, во всех муках явились победителями, а ты побежден и посрамлен.

Царь возвратился домой со стыдом; он приказал взять мучеников и держать в оковах до тех пор, пока придумает, как их погубить. По его приказанию была устроена громадная печь, укрепленная на четырех железных столбах; в ней могло поместиться множество людей. Как некогда Навуходоносор (см.: Дан. 3), он приказал раскалить эту печь, намереваясь сжечь в ней не только двух святых мучеников, но и всех христиан, каких только найдет. Христиане же, не ожидая, когда их язычники станут ввергать их в печь, сами вместе с женами и детьми устремились к ней, восклицая:

— Мы — христиане и почитаем единого Бога!

Сначала в печь вошли святые мученики Аникита и Фотий, а за ними и все множество собравшихся христиан с молитвою и воздетыми к небу руками направилось в огонь. Из пламени христиане взывали:

— Благодарим Тебя, Отче и Боже всесильный, что Ты верою в Единородного Твоего Сына и Господа нашего Иисуса Христа собрал нас для мученического венца; молимся Тебе, Милосердый, простри

с высоты руки Твои и приими души наши в вечный покой, который Ты уготовал Твоим исповедникам.

Во время этой молитвы они почили о Господе. Святые же Аникита и Фотий пробыли живыми в печи той в течение трех часов, а затем, помолившись, предали души свои в руки Божии. Когда слуги извлекли железом тела святых Аникиты и Фотия, то увидели, что они настолько не пострадали от огня, что даже волосы были целы. И многие из язычников уверовали во Христа Бога нашего, Ему же слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **АЛЕКСАНДРА,** епископа Команского

В городе Комане[2], близ Неокесарии, епископом которой в описываемое время был святой Григорий Чудотворец[3], жил в под видом нищего один муж, по имени Александр; его богоугодная жизнь была сокрыта от людских взоров и — известна одному только Богу. Святой Александр, будучи прекрасно образованным человеком, мог бы приобресть значительные богатства и пользоваться всеобщим уважением, но он избрал ради Бога добровольную нищету. Презирая мир, он ни во что не ставил свои знания и выдавал себя за человека некнижного, невежественного, исполняя слово апостола: *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3, 18). Желая кормиться трудами своих рук, блаженный Александр в крайнем смирении избрал для этого едва ли не последнее ремесло: он начал делать уголья и продавать их, снискивая этим дневное пропитание. Через это святой Александр стал предметом шуток и забавы для детей: от работы лицо и одежда его пропитывались угольной пылью, и когда он в таком виде являлся на рынок, то походил на эфиопа; во всем городе святой

---

[1] Поминаемые здесь мученики пострадали в 305 или 306 году.

[2] Находившемся в Понте Полемониакском при р. Ирисе.

[3] Память его — 17 ноября.

Александр был известен как угольщик. Но Господь, живущий на высоких, призирающий на смиренных и возносящий их, благоволил еще во время здешней, земной жизни прославить смиренного раба Своего Александра и даровать в нем Церкви Своей столп и украшение; для это Он удостоил его епископской степени. Умер епископ Команский, и жители города отправили в Неокесарию к святому Григорию Чудотворцу посольство с просьбой, чтобы он пришел к ним и поставил епископа. Святой Григорий вскоре прибыл. Когда на соборе стали избирать мужа, достойного занять святительский престол, начались разногласия: одни избирали лиц благородного происхождения, другие — богатых, третьи — красноречивых, четвертые — почтенных видом и возрастом. И всех этих избранников приводили к святому Григорию Чудотворцу, как людей достойных похвалы и епископства. Святой Григорий Чудотворец не спешил, однако, с избранием и посвящением епископа, ожидая, когда Сам Господь явит достойного. Он обратился к собору и напомнил ему, как избрал Бог Давида, чтобы последний царствовал над Израилем: когда Иессей привел старшего сына своего Елиава к святому Самуилу, то пророк спросил Господа — не этот ли предназначается в помазанника Его? *Но Господь сказал Самуилу: не смотри на вид его и на высоту роста его* (1 Цар. 16, 7).

— И нам должно, — говорил святой Григорий, — избирать пастыря для этого города, не судя по внешности, но следует искать уготованного Богом: ибо человек смотрит на лицо, а Бог — на сердце, и мерою достоинства служит не внешний вид, а внутренняя настроенность сердечная, известная только Господу.

Эти слова святого Григория некоторым были неприятны, и они с усмешкой говорили между собою: если смотреть не на внешний вид и благородство происхождения, то и Александр-угольщик может быть избран и поставлен епископом. Напоминание об угольщике возбудило смех и в других, присутствовавших на соборе; святой же Григорий по некотором размышлении сказал:

— Не без действия Божия промысла упоминается этот человек, сделавшийся сейчас предметом посмеяния.

И начал спрашивать:

— Кто этот Александр, о котором вы вспоминаете? Я хочу видеть его.

Святой Александр стоял в это время у здания, где был собор, и держал мулов, принадлежавших прибывшим на избрание; некоторые вышли и привели святого Александра на собор. Когда он встал среди собрания, все начали смотреть на него и смеяться, потому что от угля как он сам, так и бедное рубище его были черны. Во время всеобщего смеха он стоял с почтением пред святителем, углубившись в себя и не обращая внимания на смеявшихся. Святой же Григорий Чудотворец, обладавший даром прозрения, познал обитавшую в блаженном Александре благодать Божию, делавшую его достойным избрания на святительский престол. Встав со своего места, он уединился с святым Александром и стал спрашивать его, заклиная именем Божиим говорить правду, кто он? Святой Александр, хотя и желал скрыть себя, но не будучи в состоянии сказать неправду пред столь уважаемым святителем и к тому же боясь клятвы, рассказал все о своей жизни: как он, человек многосведущий, для Бога так смирил себя и облек себя добровольною нищетою. Из беседы с ним святой Григорий убедился, что он отлично знает не только науки, но и Священное Писание. После этого святитель приказал своим приближенным отвести к нему святого Александра, и там его вымыть, одеть прилично и привести снова на собор. А сам, снова сев на свое место, вел в это время боговдохновенную беседу. Спустя немного времени на собор был введен святой Александр, омытый, в светлой одежде и чрезвычайно благолепный лицом; все, видевшие раньше святого мужа, узнав его, не могли удержаться от изумления. А святой Григорий начал с ним беседовать, предлагая ему вопросы из Священного Писания. Святой Александр отвечал так благоразумно, что присутствовавшие не могли не признать его за человека ученого и разумного, причем еще более удивлялись: зачем муж таких познаний скрывал свою мудрость, живя среди них, как последний невежда? В то же время они укоряли себя, что столь мудрого человека, смирившего себя ради Бога, осмеивали, почитая за безумного. Тогда все, бывшие на соборе, с радостью и единогласно избрали святого Александра в епископа, в исполнение слов Господних, говорящих в Писании: *человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце* (1 Цар. 16, 7). Святой Григорий, возводя святого Александра по степеням иерархическим, сначала посвятил его в иерея, а потом в епископа. После посвящения в епископа он велел святому Александру

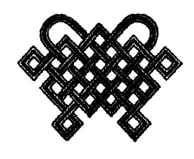
сказать народу назидательное слово. Когда святой говорил поучение, то из уст его благодать Духа Святого истекала точно река, приводя сердца в умиление; и весь город радовался и славил Бога, имея такого учительного пастыря. Святой Григорий удалился в Неокесарию, а святой Александр пас в Команах стадо Христово, для верующих являя пример словом и жизнию. При этом святителе случилось одному молодому философу из Аттики быть в Команах; слушая поучения святителя народу, он смеялся над простотою его речи, лишенной ораторских украшений; но святой Александр в своих поучениях заботился не о красоте слова, а о его назидательности, и ради простоты слушающих слово его отличалось простотою, будучи в то же время очень душеспасительно. Но вот однажды помянутому аттическому философу было такое видение: пред ним появилась стая очень красивых белых голубей, испускавших сияющий блеск, как говорит псалмопевец: *крылья покрыты серебром, а перья — чистым золотом* (Пс. 67, 14), и при этом был голос:

— Это — слова Александра епископа, над которыми ты смеялся.

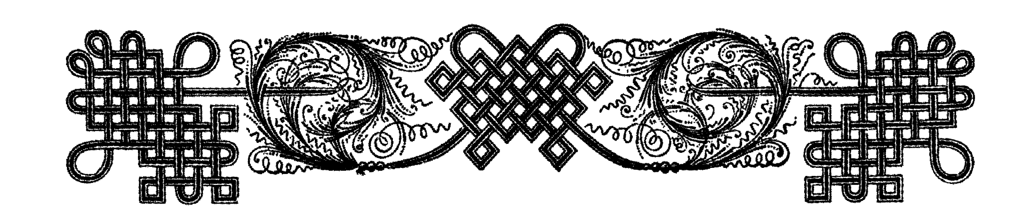
Очнувшись от видения, философ устыдился своего согрешения и, отправившись к епископу, просил у него прощения.

Вскоре в царствование Диоклетиана[1] поднялось на христиан гонение, и святой Александр, епископ Команский, был схвачен нечестивыми язычниками; принуждаемый к идолопоклонству, он не отвергся Христа, за что, после мучений, и был ввергнут в огонь, где святой епископ и принял кончину за Христа Бога нашего.

В тот же день **память святых мучеников Памфила и Капитона**.



[1] Император с 284 по 305 год.



День тринадцатый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ИППОЛИТА

По мученической кончине святого архидиакона Лаврентия[1], блаженный Ипполит, военачальник и блюститель тюремный, с честью предал погребению многострадальные останки мученика, который был сначала для него узником, а потом сделался учителем; домой блаженный Ипполит возвратился лишь на третий день после погребения. Все домашние его, — числом девятнадцать человек обоего пола, — были христиане, — они были наставлены в истинах христианской веры и затем крещены святым Лаврентием. Вместе со всеми домочадцами блаженный Ипполит после общей домашней молитвы приобщился Божественных Таин Тела и Крови Христовых, а потом, по принятии духовной пищи, была предложена трапеза для подкрепления тела; но прежде чем приступили к ней, пришли воины и, взяв блаженного Ипполита, повели его к царю Декию[2]. Увидев его, царь засмеялся и сказал:

— Неужели и ты стал волхвом, потому что украл тело Лаврентия?

— Я не волхв, но христианин, — отвечал блаженный Ипполит.

Тогда разгневанный царь приказал бить его по устам камнями, а затем — снять с него одежду, составлявшую обычное одеяние христиан.

---

[1] См. житие его 10 августа.

[2] Император с 249 по 251 год.

— Ты не обнажил меня, но облекаешь в более ценную одежду, — сказал на это блаженный Ипполит.

— Разве ты более уже не чтишь богов, если так безумствуешь и не стыдишься своей наготы? — спросил царь.

— Я мудр и не наг, — возразил блаженный Ипполит, — ибо облекся во Христа; я тогда был безумен, когда подобно тебе служил бесам, и тогда был наг, когда не имел благодати Христовой, а теперь я — христианин.

— Принеси жертву богам, — предложил царь, — чтобы тебе, подобно Лаврентию, не погибнуть от мук.

— О, если бы я удостоился участи святого Лаврентия, имя которого ты, окаянный, своими скверными устами и произносить-то не должен! — воскликнул блаженный Ипполит.

Царь велел протянуть его на земле и бить без жалости палками; святой же мученик в это время громко взывал:

— Я — христианин!

Тогда мучитель приказал прекратить побои, поднять блаженного Ипполита с земли и одеть в обычную воинскую одежду, при этом он сказал, обращаясь к святому мученику:

— Вспомни о своем воинском сане и будь по-прежнему нам другом, по-прежнему вместе с нами принося жертвы.

— Я — воин Христа, моего Спасителя и за Него желаю умереть, — отвечал блаженный.

Декий после этого сказал епарху Валериану:

— Возьми все имение его, а его самого замучь до смерти.

В тот же день посланные Валериана разграбили имение блаженного Ипполита; узнав, что в доме Ипполита найдены верующие во Христа, Валериан велел их привести к себе: среди приведенных находилась и кормилица Ипполита, по имени Конкордия. Взглянув на них, Валериан сказал:

— Пожалейте свою жизнь, чтобы не погибнуть вместе со своим господином Ипполитом.

— Мы желаем лучше, — отвечала Конкордия, — с честью умереть за веру Христову вместе с нашим господином, чем, утратив ее, жить среди вас, нечестивцев.

— Род рабский не иначе, как только ранами, может быть исправлен, — сказал Валериан и приказал бить Конкордию оловянными

прутьями; во время побоев святая мученица предала дух свой Господу. Здесь находился под караулом воинов и блаженный Ипполит: увидав мученическую кончину своей кормилицы, он с радостью воскликнул:

— Благодарю Тебя, Господи, что питавшую меня предпослал в Твое Царствие к святым Твоим!

Епарх сказал:

— Ты все еще надеешься на волшебную хитрость, — не почитаешь богов и не повинуешься повелению царя?

И разгневавшись, Валериан приказал всех вместе с Ипполитом вывести через Тивуртинские ворота за город и там предать смерти. Святой Ипполит ободрял их во время пути:

— Не бойтесь, — и я, и вы имеем над собою одного Владыку.

Когда пришли на место казни, то все были усечены воинами на глазах блаженного Ипполита. Всех приявших эту мученическую кончину, — разного пола и возраста, — было восемнадцать человек, не считая святую Конкордию, убитую в городе. Самого же святого Ипполита, по приказанию епарха, привязали к диким коням и влачили по каменистым местам до тех пор, пока он не отошел ко Господу. Святой мученик Ипполит вместе с домочадцами своими пострадал за Христа 13 августа и в третий день по мученической кончине святого Лаврентия.

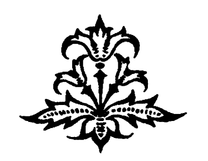
При наступлении ночи к месту казни пришел с верующими святой Иустин пресвитер и, собрав тела святых мучеников, предал их там же погребению. Тела же святой Конкордии, несмотря на самые тщательные поиски в городе, никак не могли найти; это так сильно опечалило святого Иустина, что он заплакал. Честно́е же тело святой Конкордии было, по приказанию мучителя, брошено в нечистое место. Один христианин, по имени Ириней, узнал об этом от одного воина, уже спустя три недели со дня смерти блаженного Ипполита. Взяв с собою другого христианина — Авундия, он извлек ночью тело святой мученицы, нисколько не пострадавшее от нечистот, и принес его к пресвитеру Иустину. Пресвитер был очень рад и похоронил честны́е останки рядом с телом святого Ипполита и прочими мучениками. Наутро это стало известно Валериану; он приказал схватить Иринея и Авундия и, бросив туда, откуда они извлекли тело святой Конкордии, потопить их живыми в нечистотах.

И оба святые умерли там 26 августа. Святой Иулиан извлек тела их ночью и предал погребению при мощах святого Лаврентия, славя Христа Бога, славимого со Отцом и Святым Духом во веки[1]. Аминь.

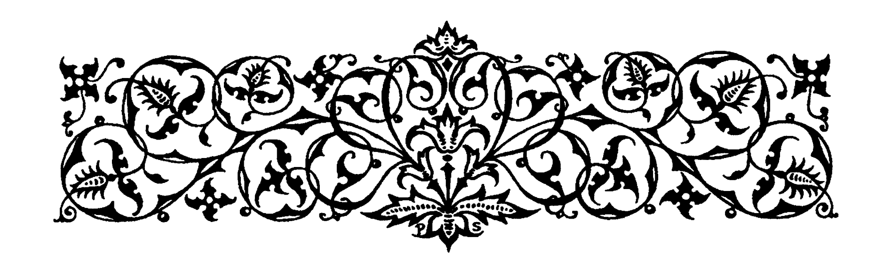
В тот же день **перенесение честных мощей преподобного отца нашего Максима Исповедника**, воспоминаемого в 21 день января.

В тот же день **обретение мощей блаженного Максима Московского**, Христа ради юродивого.

В тот же день **преставление** (в 1783 г.) **и открытие** (в 1861 г.) **мощей святого отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского** чудотворца.



[1] Святой мученик Ипполит и святая мученица Конкордия пострадали в 258 году, 13 августа.



День четырнадцатый

О СОЗДАНИИ ЦЕРКВИ ЧЕСТНОГО УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ в Киево-Печерской обители

Никто не должен сомневаться, что в великой и первой в России лавре[1] преподобных Антония и Феодосия Печерских прекрасная, по великолепию подобная небу, каменная церковь Пресвятой Богородицы создана, украшена и освящена по воле и промышлению Господа и молитвенному ходатайству Его Пречистой Матери. Вместе с блаженным епископом Симоном[2] скажем прежде всего о самом начале ее созидания, сопровождавшемся чудесами.[2]

---

[1] *Лавра* — с греческого — часть города, переулок — собственно ряд келий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе и обнесенных оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название Лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Палестине. В настоящее время имя Лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[2] *Симон* — постриженник Киево-Печерского монастыря. Отсюда он взят был великим князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря; затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 году. Симон скончался в 1226 году после двенадцатилетнего правления. Из посланий епископа Владимирского Симона к Поликарпу, тоже постриженнику и впоследствии игумену Киево-Печерского монастыря, и из послания Поликарпа к Акиндину, Печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказаний о Киево-Печерских чу-

В земле варяжской был князь Африкан, брат Якуна слепого, — того самого, который, сражаясь со своим полком за Ярослава с лютым братом его Мстиславом, отказался надеть тканую золотом одежду. У Африкана было два сына, Фрианд и Шимон; по смерти Африкана Якун обоих сыновей его выгнал из их собственных областей. Шимон пришел в Россию к благоверному князю Ярославу, который принял его и окружил почетом; он сделал его старейшим боярином у сына своего Всеволода, и действительно у Всеволода Шимон пользовался очень большою властью.

Благодаря следующему обстоятельству, Шимон имел очень сильную любовь к святой Киево-Печерской обители. В княжение в Киеве Изяслава Ярославича на русскую землю произвели нападения кочевники половцы[1]; против них выступили три князя — Ярославичи: Изяслав, Святослав и Всеволод, при котором находился и Шимон. Все они пришли к преподобному Антонию, прося его молитв и благословения на брань. Старец, открыв свои правдивые уста, ясно предсказал им погибель. Шимон упал в ноги старцу и просил, чтобы Господь сохранил его от такой беды. Преподобный отвечал ему:

— Сын мой, многие из вас падут от меча, другие во время бегства от врагов будут потоптаны, ранены и в воде утонут; ты же, спасшись, будешь положен здесь, в церкви, которая имеет создаться.

Когда полки обоих станов встретились на реке Альте[2], то христиане, лишенные помощи Божией, были побеждены, — князья убежали, многие же воеводы со своими воинами были убиты; посреди них лежал и раненый Шимон. Взглянув вверх на небо, он увидел великую церковь, как и прежде видел на море, и вспомнил слова Спасителя, некогда сказанные ему; тогда Шимон воскликнул:

— По молитвам Пречистой Твоей Матери и преподобных Антония и Феодосия избавь меня, Господи, от этой горькой смерти.

дотворцах и о чудесах, бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составился знаменитый Печерский Патерик (πατερικόν, подразумевается βιβλίον — отечник, отеческая книга, то есть книга отцов или об отцах).

[1] *Половцы*, или *куманы*, — тюркское кочевое племя, жившее в X—XIII веках на юге Киевской Руси и отсюда делавшее набеги на пограничные города и селения Русской земли.

[2] Это было в 1066 году. *Альта* — приток Трубежа, впадающего ниже Киева в Днепр с левой, московской стороны.

И вдруг какая-то сила исхитила его из среды мертвецов, и он мгновенно исцелился от ран, снова сделавшись совершенно здоров. Возвратившись после этого опять к преподобному Антонию, Шимон все рассказал ему, поведав, кроме того, еще следующее:

— Отец мой Африкан сделал большой, около десяти локтей, крест с изображением на нем подобия Христова; почитая изображение Господа, он возложил на чресла его золотой пояс весом около пятидесяти гривен[1], а на главу — венец. Когда же дядя мой Якун выгнал меня из моей области, я взял пояс и венец и услышал голос от обратившегося ко мне образа Спасова:

— Никогда, человече, не возлагай венца этого на свою голову, но неси его на приготовленное для него место, где преподобный создаст церковь Моей Матери; ему и отдай в руки, чтобы повесил над Моим жертвенником.

— Я, — рассказывал Шимон, — упал от страха и, оцепенев, лежал как мертвый, потом поднялся, вошел на корабль; во время плавания приключилась сильная буря, — так что мы отчаялись остаться в живых. Тогда я вспомнил о поясе, о котором совершенно забыл, и начал громко молиться:

— Господи, прости меня, ибо я умираю сейчас за этот пояс, который взял у Твоего честнóго образа.

И вдруг я увидел церковь вверху и думал: какая это церковь? И свыше был голос:

— (Это та самая церковь), которая будет создана преподобным во имя Божией Матери; она будет также величественна и высока, как ты сейчас видишь; размер ее преподобный произведет тем золотым поясом, — двадцать поясов в ширину, тридцать в длину и пятьдесят в вышину; в этой церкви ты будешь положен.

После этого на море настала тишина. Мы же все прославили Бога и очень обрадовались, сознавая, что избавились от горькой смерти.

Рассказав все это, Шимон обратился к преподобному Антонию:

— Вот, отче, я не знал, где создастся показанная мне церковь, пока не услышал от тебя, что я буду положен здесь в имеющейся создаться церкви.

---

[1] *Гривна* — старинная монета определенного веса (семьдесят два – девяносто шесть золотников), часто в виде слитка золота или серебра.

И, взяв золотой пояс, он отдал его преподобному Антонию со словами:

— Вот мера основания для той церкви, — а отдавая венец, сказал:

— Этот венец должен быть повешен над святым жертвенником.

Старец, воздав хвалу Богу, отвечал:

— Сын мой, отселе имя твое будет не Шимон, а Симон.

Святой Антоний, призвав блаженного Феодосия, сказал:

— Вот кто, Симон, воздвигнет церковь, — и после этого вручил преподобному пояс и венец.

С этого времени Симон проникся сильною любовью ко святому строителю Феодосию: он много давал ему из своего имения на устроение показанной Богом церкви и часто приходил к нему. Однажды Симон, придя к блаженному Феодосию, сказал ему после обычной беседы:

— Отче, я попрошу у тебя одного только.

— Что можешь, — отвечал преподобный Феодосий, — просить ты, сын мой, человек знатный, у нашего смирения?

— Очень великого и превышающего мои силы дара я прошу у тебя, — возразил Симон.

— Ты знаешь, сын мой, — снова отвечал преподобный Феодосий, — нашу нищету, — у нас очень часто не находится и хлеба для дневного пропитания; что же такое я имею, — не знаю.

Симон сказал:

— Если хочешь, — можешь даровать мне по данной тебе благодати от Господа, Который назвал тебя преподобным: ибо когда я снимал венец с главы Христовой, то Господь мне сказал: «Неси венец на уготованное ему место и отдай в руки преподобному, который созиждет церковь Моей Матери». Вот я и прошу у тебя, — дай мне слово, что ты благословишь меня как при жизни, так и по смерти моей и твоей.

Святой Феодосий отвечал:

— О Симон, просьба твоя превышает мои силы! Но если ты увидишь мое отшествие и, по моем преставлении, устроенную здесь церковь, в которой нерушимо блюдутся преданные ей уставы, то знай, что я имею дерзновение к Богу; теперь же не знаю, — угодна ли молитва моя.

— Твоя праведность, — отвечал Симон, — засвидетельствована Самим Господом: я слышал о тебе от пречистых уст святого Его образа, поэтому и прошу тебя: как о своих черноризцах, так помолись о мне грешном, о моем сыне Георгии и всех моих родственниках.

Святой Феодосий, как бы давая обещание, сказал:

— Я молюсь не о них только, но и о всех любящих святое место сие.

Тогда Симон, пав на землю, просил:

— Отче, я не уйду отсюда, пока не подтвердишь своих слов письмом.

Понуждаемый любовью Симона, преподобный Феодосий написал следующее:

— «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и святых сил бесплотных» и — прочие слова разрешительной молитвы, кончая: «Да будеши прощен в сем веце и в будущем, егда приидет праведный Судия судити живым и мертвым».

С того времени эту молитву стали влагать в руки умершим, как это завещал первый Симон относительно себя. При той же молитве преподобный Феодосий написал Симону и следующее:

— Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии си, хотяй воздать каждому по делам его; тогда, Владыко, сподоби рабов Твоих, Симона и Георгия, стать одесную Тебя во славе Твоей и услышать Твой радостный глас: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34).

Затем Симон снова попросил:

— Помолись, отче, чтобы отпустились грехи родителей моих и сродников.

Преподобный Феодосий, подняв руки, сказал:

— Да благословит вас Господь от Сиона и узрите благая Иерусалима во все дни жизни вашей, до последних вашего рода (ср.: Пс. 127, 6).

Симон принял молитву и благословение святого, как драгоценнейший жемчуг, с которым не желал расстаться и во гроб отходя, что впоследствии и случилось. До этого времени он был варяг — латинянин, а с этого, наученный преподобным Феодосием, оставил, по благодати Божией, латинские заблуждения и чистосердечно обратился к православной вере; с ним обратился и весь дом его, в кото-

ром насчитывалось до трех тысяч человек, — в числе их были и иереи. Все это произошло, благодаря чудесам преподобных Антония и Феодосия Печерских. — По прошествии довольно продолжительного времени, когда была уже сооружена Киево-Печерская церковь, в ней был, по откровению свыше и согласно пророчеству преподобного Антония, положен первым Симон.

Повествование о достохвальном Симоне и бывших ему откровениях Божиих ясно показывает, что образ святой Киево-Печерской церкви прежде построения ее на земле был предызображен на небе, так что здесь исполнились слова псалмопевца: Сам Вышний основал ее (ср.: Пс. 86, 5). Впоследствии, по ходатайству Царицы небесной, это обнаружилось еще яснее, как можно видеть из последующего.

Прошло уже несколько лет, как Симон вручил преподобному Антонию пояс и венец, и вот однажды к преподобному Антонию и Феодосию приходят из Царьграда четыре церковных мастера — строители каменных церквей, люди весьма богатые:

— Где вы желаете начать постройку церкви? — спросили они их.

— Где Господь укажет, — отвечали преподобные.

— Удивительная вещь, — говорили строители, — вы знаете время своей смерти и в то же время не можете указать места для церкви, хотя при найме и вручили нам столь большое количество золота.

Призвав всю братию, преподобные начали расспрашивать греков:

— Расскажите нам без утайки, о чем вы стали говорить.

Строители сказали:

— Однажды, когда мы спали в наших домах, рано утром, — только что взошло солнце, — к каждому из нас приходят благообразные юноши и говорят:

— Вас зовет во Влахерну[1] Царица.

Мы, взяв с собою друзей и родственников, все пришли во Влахерну в одно и то же время и, разговорившись, узнали, что призваны к Царице одними и теми же посланцами и словами. Там мы увидели Царицу, окруженную множеством воинов; мы поклонились Ей, а Она сказала нам:

— Я хочу на Руси, в Киеве, соорудить Себе церковь; поэтому повелеваю вам, — возьмите на три года золота и отправляйтесь на сооружение церкви.

[1] *Влахерны* — местность в Царьграде.

Поклонившись, мы отвечали:

— О Владычица — Царица, Ты отсылаешь нас в чужую сторону, — к кому мы там пойдем?

— Вот этих, — сказала Она, — предстоящих здесь, Антония и Феодосия, Я посылаю тоже.

— К чему же, Владычица, — вопрошали мы, — даешь нам на три года золота? Скажи им только, чтобы мы могли получать пищу и все необходимое, а Ты Сама знаешь, чем нас наградить.

— Антоний, — отвечала Царица, — лишь благословит вас на дело, — он отходит на вечный покой[1], туда за ним во второе лето пойдет и Феодосий[2]; берите же, как можно больше золота, и идите, а наградить вас никто так не может, как Я: дам вам чего *не видел... глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). И Сама Я приду видеть церковь, в которой хочу жить.

После этого Она дала нам мощи святых мучеников: Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова, Феодора, сказав: положите их в основании церковном. Мы, взяв святые мощи и золота, даже больше необходимого, спросили Царицу о размерах церкви:

— Для измерения, — отвечала Она, — Я послала пояс Сына Моего, по Его повелению; все-таки выйдите на простор и посмотрите размеры ее.

Мы вышли и на воздухе увидели церковь. Возвратившись, мы снова поклонились Царице, спрашивая: какое будет, Владычица, имя церкви?

— Я хочу ей дать Мое имя, — отвечала Она.

Мы не посмели спросить Ее о имени Ее, но Царица Сама сказала:

— Церковь будет во имя Богородицы, — и дала нам из Своих рук эту святую икону.

Слыша это, все прославили Бога и Его Пречистую Матерь; святой же Антоний сказал мастерам:

— Мы никогда, чада, не выходили к вам из этого места.

Но греки с клятвою утверждали:

---

[1] *Преподобный Антоний* скончался в 1073 году.

[2] *Преподобный Феодосий* скончался 3 мая 1074 года. В 1073 году преподобный Феодосий заложил великую каменную церковь, но из-за своей смерти не успел докончить ее постройку.

— При многих свидетелях мы взяли золото Царицыно из ваших именно рук, с ними вместе проводили вас до корабля, и через месяц, по вашем отплытии, сами отправились в путь; теперь уже десятый день, как мы покинули Царьград.

Святой Антоний отвечал им на это:

— Великой благодати удостоил вас Христос, ибо вы являетесь исполнителями Его воли; призывавшие вас те благообразные юноши — пресветлые Ангелы, а влахернская Царица есть Сама Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодева Мария; стоявшие же вокруг Нее воины были бесплотные ангельские силы; принятие же вами из наших именно рук золота есть чудо Божие, которое Господь благоволил совершить над рабами Своими, Ему одному доведомыми путями. Благословен ваш приход, и вы себе имеете добрую Сопутницу — эту святую икону Владычицы Богородицы, Которая да да́рует вам, как обещала, чего *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку*; этого никто не может даровать, кроме Богородицы и Сына Ее, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Пояс Его и венец принесены сюда из земли варяжской; широта, длина и высота пречестной той церкви указаны идущим от велелепной славы с небес гласом, обращенным к Симону варягу, который и принес нам пояс и венец.

Греки со страхом поклонились святым, спрашивая, как и прежде:

— Где место для построения церкви? — покажите.

Преподобный Антоний отвечал:

— Будем три дня молиться, и Господь покажет его нам.

И вот по внушению Божию для изыскания места, где построить церковь, собралось множество народа, хотя его никто и не звал; одни указывали одно место, другие другое, но места не находили. Поблизости лежало поле князя, и по строению Божию, как раз в это время прилучилось проезжать мимо самому князю Святославу; увидев народ, он спросил, что это делается? И когда узнал, то повернул коня и приблизился к народу; и точно движимый Богом князь указал место на своем поле, где и велел строить церковь.

Преподобные молились до трех дней. И в первую ночь молитвы преподобному Антонию явился Господь, говоря:

— Антоний! Ты обрел благодать предо Мною.

Преподобный Антоний отвечал:

— Если я, Господи, обрел благодать пред Тобою, то пусть будет по всей земле роса, а на месте, которое Ты благоволишь освятить, — суша.

И утром, когда по всей земле была роса, на том месте, где теперь церковь, нашли сушу. Помолившись в другую ночь, преподобный Антоний сказал:

— Господи, пусть по всей земле будет суша, а на святом месте — роса.

И утром на святом месте увидели росу в то время, как вся земля была суха (ср.: Суд. 6, 37–40). В третий день помолились на этом месте; преподобный Антоний благословил его; ширину и длину места размерили золотым Христовым поясом, принесенным Симоном из варяжской земли, причем руководились той мерой, какая была указана Шимону голосом с неба, когда он находился на море. Затем преподобный Антоний, подняв вверх руки, молился громким голосом, подобно пророку Илии в древности:

— Послушай мене, Господи, послушай мене (днесь) огнем, и да разумеют вси людие сии, яко Ты еси хотяй этого (ср.: 3 Цар. 18, 37).

И тотчас с неба спал огонь: он пожег хворост и терн, уничтожил росу и по размеренному месту образовал ложбину, подобную рву. Окружавшие в это время преподобных от страха упали как мертвые. — Так, по благодати Божией и усердным молитвам верующих во главе с преподобным Антонием, стало известным то место, которое избрал Бог: и еще ранее благодать Божия, по молитвам преподобного Феодосия, как повествует житие его, предуказывала на это место, — то видением пламени, склоняющимся сюда дугою от прежней церкви, то видением Ангелов, носящих святую икону.

После чудесного указания места преподобными Антонием и Феодосием заложена была каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы; это было в 6581 году от сотворения мира и в 1073 году от Рождества Христова при боголюбивом епископе Михаиле, — митрополит Георгий тогда находился в Греции, — во дни благоверного князя Святослава Ярославича[1]. Последний своими руками начал копать ров для церковного фундамента и дал сто гривен золота преподобному Феодосию для более успешного ведения постройки.

---

[1] *Святослав Ярославич* — великий князь Киевский с 1073-го по 1075 год.

В основание стен положили и мощи святых мучеников, данные во Влахерне Пресвятой Богородицей мастерам. По Ее предсказанию преподобный Антоний не долго прожил по закладке церкви, — в тот же год он отошел на вечный покой. Преподобного Феодосия сильно заботило построение церкви, но и он вскоре, во второй год по смерти преподобного Антония, когда фундамент был уже окончен, преставился в вечные обители. Стройка церкви была приведена к концу в третий год при блаженном Стефане, преемнике преподобного Феодосия. Блаженный Стефан был свидетелем только что описанных преславных чудес: он видел, как пришли из Царьграда с иконою Богородицы мастера, слышал и их рассказ о найме их Царицей во Влахерне. В память этих чудес он устроил, уже по выходе из Киево-Печерского монастыря, церковь на Клове[1] в честь Влахернской Божией Матери. А благоверный князь Владимир Всеволодович Мономах, — тогда еще отрок, — видел, как с неба спал огонь и выжег яму, где было золотым поясом размерено основание для церкви.

Молва о дивных чудесах разнеслась по всей земле Русской: она побудила и князя Всеволода с сыном Владимиром приехать из Переяславля в Киев. Владимир тогда был болен; его опоясали помянутым золотым поясом, и он, по молитвам святых отцов наших Антония и Феодосия, тотчас выздоровел. Поэтому христолюбивый князь Владимир взял размер, показанный Самим Богом Киево-Печерской церкви, и в своем княжении, в городе Ростове, выстроил точно такую же церковь по вышине, длине и ширине; при этом на особой хартии он описал все праздники, установленные в церкви Киево-Печерской, для руководства своей церкви. Сын же Владимира, князь Георгий, услышав от своего отца о чудесных событиях при построении Киево-Печерской церкви, тоже создал в своем княжении, в городе Суздале, церковь такого же размера. Но время перейти к рассказу об украшении Киево-Печерской церкви святыми иконами.

Спустя десять лет по пришествии из Царьграда мастеров-строителей, оттуда же пришли к тогдашнему Киево-Печерскому игумену блаженному Никону и мастера — иконописцы:

— Покажи нам, — говорили они ему, — нанимавших нас для иконного писания, — мы хотим переговорить с ними: в присутствии многих свидетелей мы сговорились с ними украсить иконным пись-

[1] *Клов* — урочище близ Киева.

мом небольшую церковь; этот же храм очень велик; в противном случае возьмите ваше золото, а мы возвратимся в Константинополь.

Эти слова привели игумена в недоумение, и он сказал иконописцам:

— Каковы были уговаривавшиеся с вами?

Иконописцы описали ему их внешний вид и сообщили имена, — одного звали Антонием, другого — Феодосием. Тогда игумен воскликнул:

— О дети мои! Нам невозможно представить вам их; уже десять лет, как они отошли ко Господу, где непрестанно молятся за нас, охраняя эту церковь, промышляя о своем монастыре и живущих в нем.

Слыша ответ, иконописцы пришли в ужас. Они привели к игумену многих купцов, тоже из Царьграда, говоря:

— Вот, перед ними мы уговаривались с теми и взяли из рук их золото; ты же не хочешь нам показать их; если они преставились, то покажи нам их изображение, чтобы и эти видели, — они ли это.

Тогда игумен пред всеми вынес икону преподобных Антония и Феодосия. Увидев образ, греки поклонились со словами:

— Поистине это те самые, и веруем, что они живы и по смерти и могут оказывать милости и спасать прибегающих к ним.

А купцы подарили мозаику, которую привезли, было, для продажи: впоследствии ею был украшен святой алтарь. Затем иконописцы начали каяться в своем согрешении и рассказали следующее:

— Когда мы на лодке приплыли в Киев, то на горе увидели эту великую церковь и спросили: какая это церковь? «Печерская, которую вы призваны украсить», — отвечали нам.

Видя величину церкви, мы разгневались и хотели плыть обратно. Но ночью случилась ужасная буря, и, встав утром, мы заметили, что находимся близ Триполья, а лодка сама идет вверх против течения, — точно ее влекла какая-то сила. Мы силою удержали ее и целый день стояли, размышляя, что же будет далее? Как мы в одну ночь без помощи весел прошли такой путь, который другие с трудом совершают и в три дня? В следующую ночь нам было видение: мы видели эту церковь и наместную чудотворную икону Божией Матери, Которая говорила нам:

— Что вы напрасно мятетесь, не покоряясь воле Сына Моего и Моей? Если не будете повиноваться Мне и побежите обратно, Я всех вас и вашу лодку поставлю близ Моей церкви: и знайте, что вы не выйдете оттуда, но, постригшись в Моем монастыре, там окончите и жизнь вашу. Я же исходатайствую вам в будущем веке милость ради молитв строителей — Антония и Феодосия.

Встав утром, мы снова хотели бежать обратно: но хотя из всех сил помогали течению веслами, лодка все-таки шла вверх; поэтому мы отказались от своего намерения, отдавшись воле Божией, и лодка скоро сама пристала близ монастыря.

После этого рассказа все — черноризцы и греки, строители и иконописцы — прославили Бога, Его Пречистую Матерь, Ее чудотворную икону и преподобных Антония и Феодосия.

Затем иконописцы приступили к украшению церкви, в чем Господь содействовал им Своими знамениями. Когда иконописцы украшали алтарь мозаикой, тогда в алтаре сам собою изобразился образ Пресвятой Богородицы; в это время здесь присутствовали все иконописцы, среди нас — и преподобный Алипий[1], учившийся у них и помогавший им; Богу угодно было сделать их свидетелями столь дивного и ужасного чуда. Когда они глядели на образ, он внезапно засиял сильнее солнца, так что иконописцы не в состоянии были взирать на него и в ужасе упали ниц. Немного поднявшись, они хотели снова взглянуть на чудесный образ: и вдруг из уст Богоматери излетел белый голубь, который поднялся вверх к образу Спасителя и там скрылся. Находившиеся в церкви смотрели, — не вылетел ли он из церкви. И вот на глазах у всех голубь снова вылетел из уст Спасителя и носился по всей церкви: он подлетал к образам святых, садясь одному на руки, а другому на главу; потом слетев вниз, он сел за местною чудотворною иконою Пресвятой Богородицы; присутствовавшие в церкви хотели взять голубя: приставили лестницу, но голубя не находили ни за иконою, ни за завесою; осмотрели всюду и не видели, куда скрылся голубь. И стояли все, взирая на явившуюся в алтаре икону: и вот опять на глазах у них из уст Богоматери вылетел голубь и поднялся ввысь к Спасителеву образу. Стоявшие внизу закричали работавшим вверху:

[1] Память его совершается 17 августа.

— Ловите его!

Они протянули за ним руки, но голубь опять влетел в уста Спасителя. Опять свет, превышающий солнечный, осиял всех, заставляя закрыть глаза: они же, пав ниц, поклонились Господу, благодаря Его за то, что Он сподобил их видеть действие Пресвятого Духа, пребывающего в Киево-Печерской церкви. Укрепляемые чудотворениями, иконописцы, украшая подобную небу Киево-Печерскую церковь, украшали и себя различными добродетелями. Пожив богоугодно в иноческом образе, они в том же Киево-Печерском монастыре окончили и дни свои; точно так же и мастера-строители; все они положены в притворе в пещере преподобного Антония, где и доныне лежат тела их нетленно. Так исполнилось предсказание, которое слышали блаженные иконописцы от пречестной иконы Богородицы, когда явилась им Киево-Печерская церковь в то время, как они пытались возвратиться в Царьград; Она сказала им: вы не выйдете оттуда, но, постригшись, там и умрете.

Прилично вспомнить здесь и о другом удивительном чуде, явленном Богом в то же время от пречестной чудотворной иконы Богородицы, находящейся в Киево-Печерской каменной церкви Успения Божией Матери.

В Киеве жили два знатных мужа, — друзья между собою, — Иоанн и Сергий: однажды они, придя в Киево-Печерскую церковь, увидели, что от чудотворной иконы Богородицы исходит свет, превышающий солнечный, и пред нею они подтвердили свое духовное братство клятвою. По прошествии многих лет Иоанн смертельно захворал, оставляя после себя пятилетнего сына Захарию: призвав Киево-Печерского игумена, блаженного Никона, он, в его присутствии, раздавал свое имение нищим, а сыновнюю часть — тысячу гривен серебра и сто гривен золота вручил Сергию; ему же он поручил и сына своего, как своему другу и верному брату, завещая, чтобы Сергий отдал его сыну серебро и золото, когда тот подрастет. Сделав это распоряжение, он вскоре преставился.

Когда Захарии исполнилось пятнадцать лет, он захотел взять у Сергия свое серебро и золото; но Сергий, искушаемый диаволом, захотел для приобретения богатства погубить свою жизнь. Он отвечал юноше:

— Отец твой все имение отдал Богу, — у Него и проси золота и серебра; Он — твой должник и, быть может, сжалится над тобою;

я же ни отцу твоему, ни тебе не должен ничего; отец твой, по безумию своему, раздал все имение свое нищим и оставил тебя без всяких средств.

Услышав это, юноша стал оплакивать свою бедность. Затем он отправил к Сергию просьбу, говоря:

— Отдай хоть половину из моего наследства, оставя себе другую, равную, часть.

Но Сергий жестокими словами поносил как отца Захарии, так и его самого. Захария потом просил третью часть или хотя даже десятую; видя же, что ничего нельзя получить, сказал Сергию:

— Если ты не брал ничего, то приди и поклянись мне пред чудотворною иконою Пресвятой Богородицы церкви Киево-Печерской, пред которою ты заключил с моим отцом братский союз.

Сергий, не смущаясь, пошел в церковь и, став пред иконою Пресвятой Богородицы, клялся, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота. Когда же он захотел облобызать икону, то не мог приблизиться к ней. И вот, выходя из церкви, он начал кричать:

— Преподобные Антоний и Феодосий, окажите мне защиту пред этим немилостивым Ангелом, который хочет меня погубить; молитесь Пресвятой Богородице, чтобы Она отогнала от меня многих бесов, которым я предан, — пусть возьмут серебро и золото, запечатанное и скрытое у меня в клети.

На всех напал великий ужас, и с этого времени никому не позволяли клясться пред святой иконой Богоматери. Послали и нашли действительно запечатанный сосуд, и в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота. Так умножал наследие Господь — отдатель милостивым. Захария все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы он употребил их, куда хочет; сам же постригся в Киево-Печерском монастыре и здесь окончил свои дни. На это серебро и золото была устроена вверху Киево-Печерской церкви церковь в честь святого Иоанна Предтечи для поминовения болярина Иоанна и сына его Захарии, которым принадлежало серебро и золото.

Сказав о чудесах, сопровождавших украшение Киево-Печерской церкви иконным письмом, скажем, как Вышний освятил селение Своей Матери.

В первый год игуменства тезоименного благодати блаженного Иоанна, при митрополите того же имени, чудотворно выстроенная

и украшенная Печерская церковь была освящена; освящение ее, по благодати Божией, сопровождалось такими чудесами. — Когда стали готовиться к освящению церкви, то увидели, что нет каменной доски для святого престола. Несмотря на все усилия, не могли найти мастера, который бы мог ее сделать; поэтому принуждены были заменить каменную доску деревянной. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви на святом престоле лежала не каменная, а деревянная доска; это привело игумена и братию в сильную печаль, так как освящение церкви нужно было отложить на некоторое время. 13 августа иноки, по обычаю, пошли в церковь для совершения вечерни и вдруг увидели, что у алтарной преграды находится каменная доска и столпцы для устроения Святого престола; об этом сейчас дали знать митрополиту; последний воздал хвалу Богу и приказал совершать вечерню на освящение. Долго и старательно искали, откуда и кем, по воде или посуху, привезена была доска, — и как она внесена в церковь, которая не отпиралась; но все усилия были напрасны. Тогда послали туда, где делаются этого рода вещи, три гривны серебра для уплаты мастеру за сделанную им каменную доску; но такой мастер, хотя его искали всюду, не находился; ибо каменную доску на трапезу в дом Матери Своей даровал Сам Творец и Промыслитель всякого блага; на ней именно Он желал во все дни за весь мир бысть закалаем. Но это не конец чудесам. На другой день утром, по чудотворном обретении помянутой доски, митрополит Иоанн был сильно опечален, что настало время освящению Киево-Печерской церкви, и при нем нет ни одного епископа, ибо кафедры их были на далеком расстоянии от Киева, и вдруг неожиданно явились боголюбивые епископы: Черниговский Иоанн, Ростовский Исаия, Юрьевский Антоний, Белогородский Лука, хотя их никто и не звал; таким образом желание митрополита совершить освящение церкви вместе с епископами исполнилось. Митрополит чрезвычайно удивился, так как никого не посылал за епископами, и спросил их:

— Зачем вы пришли сюда, когда вас не звали?

Епископы отвечали:

— Тобой, Владыко, были присланы к нам юноши, которые передали нам, что 14 августа будет освящаться Киево-Печерская церковь

и чтобы мы были готовы к совершению вместе с тобою литургии; и вот мы, по слову твоему, здесь. Антоний же Юрьевский добавил:

— Я был болен, и в эту ночь ко мне вошел черноризец, говоря: завтра освящается Киево-Печерская церковь, — ты должен быть там; как только я услышал, сделался здоров и вот, по твоему повелению, здесь.

Митрополит намеревался разыскать людей, звавших их, но вдруг раздался голос:

— *Исчезоша испытающии испытания* (слав. Пс. 63, 7).

Тогда он простер к небу руки, говоря

— О, Пресвятая, Госпоже Богородице! Как при Своем преставлении собрала Ты от концов вселенной апостолов для большей славы Твоего погребения, так и теперь на освящение Своей церкви собрала наших сослужителей и наместников, благослови нас на это дело и ради славы Сына Твоего и Своей помоги нам.

Все были в ужасе от таких чудес, которые, впрочем, еще не кончились.

Когда при освящении, обойдя три раза церковь, приблизились к дверям ее и начали петь: «Возьмите врата князи ваша», то никто из церкви в ответ на это не запел: «Кто есть этот царь славы?» — так как в церкви никого не оставили. Но после продолжительного молчания вдруг извнутри церкви раздалось пение, подобное ангельскому: «Кто есть этот царь славы?» Стали доискиваться, что это за певцы, откуда они и как могли войти в церковь, когда двери ее были закрыты; но в церкви не нашли ни одного человека. И для всех стало очевидно, что все это творится промыслом Божиим; и все, вспоминая чудеса при создании Киево-Печерской церкви, восклицали с апостолом:

— *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?* (Рим. 11, 33–34).

Так совершилось освящение Киево-Печерской церкви в 6597 году от сотворения мира, а от Рождества Христова в 1089 году, во дни благоверного князя Киевского Всеволода Ярославича, при чудотворном содействии, по молитвам Пречистой Своей Матери и преподобных отцов наших Антония и Феодосия, Самого Господа.

Действительно, полно чудес, братие, повествование о Киево-Печерской церкви, которую Господь показал в явлении прежде ее

создания и которой из земли варяжской прислал от Своего честнóго образа венец и пояс, а в земле греческой подобие церкви показала Сама Пресвятая Богородица, приславшая Свою икону и мощи святых мучеников. В истории ее создания, которая распадается на три части, — историю построения здания церковного, его украшения и освящения проявилось действие Святой Троицы. Сам Бог Отец, Ветхий деньми, назнаменал место, где должна быть выстроена церковь, сушею, которая есть знак ветхости или старости; Сын, *иже сниде яко роса на руно*, ниспослал росу, а Дух Святой, сошедший в огненных языках, ниспослал с неба огонь. Также и при украшении церкви Отец, создавший по своему образу человека, изобразил без руки человека-иконописца в алтаре мозаикою образ Пресвятой Богородицы, Сын — солнце правды наполнил тогда церковь сиянием, Дух Святой, явившийся в виде голубя, явил видение голубя, излетевшего из уст образа. Наконец, во время освящения Отец, некогда даровавший закон на каменных скрижалях, даровал камень для святого престола, Сын, архиерей седший превыше небес, собрал чудесным образом архиереев, Дух Святой — язык, вещавший во всю землю, — из середины церкви, когда там никого из людей не было, издал ответ. Если же Бог, поклоняемый в Троице, с такими чудесными знамениями благоволил соорудить Себе пречестную Киево-Печерскую церковь во имя любимой Им небесной Царицы, то, конечно, Он и пребывает с любовью здесь; с Ним пребывает и стоящая одесную Его Царица, Заступница и прибежище всех христиан, Пресвятая Богородица, как и Сама Она обещалась во Влахерне, говоря мастерам:

— Я и Сама приду видеть церковь и хочу жить в ней.

Так же и святые Божии, мощи которых лежат под церковными стенами, как недвижимое основание, неотступно пребывают в Киево-Печерской церкви. Что скажем о ней? Поистине она свята, и дивна, и подобна небу. Поэтому нам дóлжно воздать благодарение и похвалу отшедшим благоверным князьям, христолюбивым боярам, честны́м инокам и всем православным, имевшим усердие к святой Киево-Печерской церкви. По молитвам преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, да подаст благость и милость свою Глава Церкви — Христос как им, так и нам, — чадам Церкви Православной; Христу-Богу честь и слава со безначальным Его Отцом

и пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне и присно и вовеки веков. Аминь.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ФЕОДОСИЯ**, игумена Печерского

В восемнадцатый год с того времени, как преподобный отец наш Феодосий перенесен был душою от земли на небо[1], Господь благоволил, чтобы и тело его перенесено было из пещеры во святую и подобную небу Киево-Печерскую церковь. Последнее совершалось таким образом.

Вся братия святой, великой и чудотворной Киево-Печерской лавры, собравшись вместе с руководителем своим игуменом Иоанном, единодушно пришли, после совещания, к решению перенести из пещеры в великую каменную церковь честные мощи блаженного и богоносного Феодосия, мужа преподобного и высокого по жизни, чудного добродетелями и славного чудесами. Братия говорили между собой:

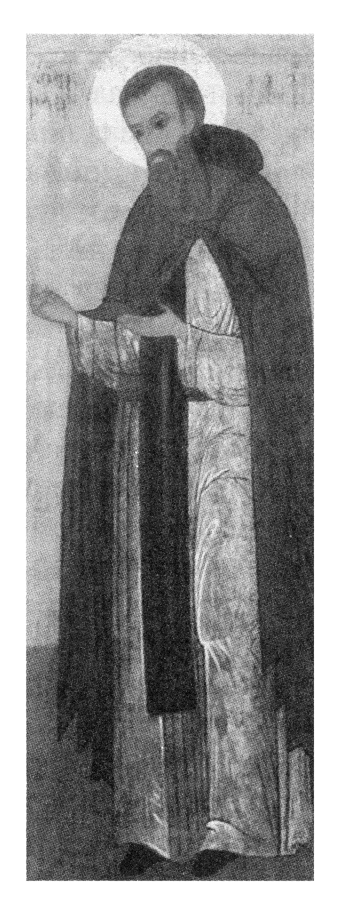
— Что́ мы напрасно лишаем себя отца и учителя своего? Не прилично нам быть лишенным пастыря, не подобает и пастырю оставлять порученные ему Богом овцы, чтобы дикий зверь не расхитил словесное стадо Христово. Нам, братие, следует постоянно иметь пред очами честну́ю раку отца нашего, принося ему всегда достойное поклонение. Неудобно ему пребывать вне монастыря и церкви своей, ибо он положил ей основание и соединил монашествующих.

Затем все, как одними устами, сказали:

— Возьмем честны́е мощи любимого отца нашего и перенесем их из пещеры сюда: *зажегши свечу,* — говорит Господь, — *не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 15).

После этого решения братия тотчас устроили место для положения честны́х мощей и поставили каменную раку. Приблизился праздник Успения Пресвятой Богородицы. За три дня до праздника

[1] *Преподобный Феодосий Печерский* преставился в 1074 году.



игумен приказал идти в пещеру и раскопать место, где были положены честны́е мощи преподобного отца нашего Феодосия. Первый исполнитель этого дела и первый самовидец честны́х мощей был блаженный Нестор, написавший настоящее повествование. Он сам о себе так свидетельствует:

— Я поведаю вам по истине и правде, — ибо я слышал не от других[1], но сам был первым участником. Игумен, придя ко мне, сказал: «Пойдем, чадо, к преподобному отцу нашему Феодосию» И пришли мы в пещеру совершенно ни для кого незаметно. Осмотревшись, мы обозначили место, которое нужно раскопать, и удалились. Потом игумен сказал мне: «Возьми на помощь себе кого хочешь из братии, и кроме этих избранных, не говори никому, — пусть не знает никто из братии, пока честны́е мощи не вынесем на место пред пещерою».

Я в тот же день приготовил орудия для копания. Был вторник; глубоким вечером я взял с собою двух братьев, мужей чудной жизни, — более же никто не знал. Когда пришли в пещеру, то, сотворив молитву с поклонением, приступили, не медля, с пением псаломских песен, к делу. Копать начал я; после продолжительного труда, я вручил заступ другому брату. Так копали до полуночи и не могли обрести мощей святого. Тогда мы начали скорбеть и плакать: сначала думали, что святой не благоволит нам явить себя; эту мысль сменила другая, — не копаем ли мы в другой стороне? И вот я снова, взяв орудие, начал копать еще прилежнее. Один из братьев, бывших со мною и находившийся пред пещерою, услышав удар в било[2] церковное, призывающий на утреню, сказал мне, что уже ударили в цер-

[1] Об открытии мощей преподобного Феодосия.

[2] *Било* — деревянная или металлическая доска, посредством удара в которую палкою или молотком призывались, до введения колоколов, верующие к богослужению в церковь.

ковное било. Я же в это время раскопал землю над честны́ми мощами и отвечал брату: я уже, брат, прокопал землю. Когда же я сделал это, то меня объял великий страх и начал я восклицать:

— Ради преподобного Феодосия помилуй меня, Господи!

Затем я послал сказать игумену:

— Прииди, отче, — изнесем честны́е мощи преподобного.

Игумен пришел с двумя братьями; я же прокопал еще более. И наклонившись мы увидели мощи, лежащие святолепно: все составы были целы, и их не коснулось тление; лицо светло, очи сомкнуты, уста соединены, власы же присохли к главе. Возложив на одр честны́е мощи, мы вынесли их пред пещеру.

Так говорит святой Нестор об участии своем (в обретении честны́х мощей); он же свидетельствует и о дивных делах Божиих, происшедших при этом.

В эту ночь в монастыре Киево-Печерском бодрствовали два брата, сторожа, когда игумен тайно с неизвестным им братом перенесет честные мощи преподобного; и смотрели они прилежно по направлению к пещере; когда ударили к утрене в церковное било, они заметили, что три столпа, в виде как бы светозарных дуг, постояв над пещерою преподобного Феодосия, переместились на верх великой церкви, куда преподобный имел быть перенесен. Это видели и другие из иноков, идущих к утрене в церковь; видели и в самом городе многие из благочестивых граждан.

Досточудный Стефан, бывший, после преподобного Феодосия печерским игуменом, и затем устроивший монастырь на Клове и после этого, по изволению Божию, ставший епископом города Владимира, был тогда на Клове в своем монастыре; и в ту ночь он увидел через поле великую зарю над пещерою. Подумав, что это переносят честны́е мощи преподобного Феодосия (ему возвещено было за день о событии), он очень сожалел, что без него совершается перенесение. Он тотчас сел на коня и в сопровождении Климента, поставленного им вместо себя игуменом на Клове, быстро направился к пещере. На пути издалека они видели великую зарю, а когда начали приближаться, то заметили над пещерою многие свечи. Но придя к пещере, они не увидали ничего. Тогда поняли, что виденная ими божественная светлость исходила от честны́х мощей преподобного Феодосия. Подойдя к дверям пещеры, Стефан

и Климент увидели святого Нестора с братией, окружавших честны́е мощи.

На другой день по обретении честны́х мощей преподобного по изволению Божию собрались боголюбивые епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Порозский, — собрались и игумены всех монастырей (киевских) со множеством черноризцев; стеклось из города и множество благоверных людей, пришедших из города со свечами и фимиамом. И взяв честные мощи святого Феодосия перенесли их в Богомзданную пречестную церковь. И возрадовалась пречестная церковь, прияв своего светильника, так что свет дневной покрывался светом свешным. Затем святители прикасаясь, иереи припадая, иноки с народом притекая с любовью лобызали мощи святого, воссылая Богу песнопения духовные, а преподобному принося благодарственное хваление. И так положили честны́е мощи в основанной преподобным Феодосием церкви Успения Пресвятой Богородицы, на правой стороне, — положили 14 августа месяца, в четверток, в первый час дня: и праздновали торжественно этот день. Не до́лжно здесь обойти молчанием того обстоятельства, что в третий день по перенесении мощей преподобного отца нашего Феодосия сбылось следующее его пророчество.

Во дни игуменства единственною заботою преподобного Феодосия было, как бы возможно наилучшим образом управить врученное ему стадо; при этом он заботился не только о черноризцах, но и о спасении мирских людей, особенно о детях своих духовных; он утешал и наставлял приходящих к нему; иногда посещал домы их и подавал благословение. Среди вельмож находился духовный сын святого Феодосия, по имени Иоанн; жена его Мария и сам он были люди благочестивые, проводившие целомудренную жизнь. Блаженный отец, придя однажды в дом к ним (он любил их, так как они жили по заповедям Господним и в любви между собой), начал поучать супругов о милостыне убогим, о Царствии небесном, уготованном праведным, и о муках грешным, и многое другое говорил им от Божественного Писания, пока слово не дошло до положения во гроб тела. Воспользовавшись этим словом преподобного, благочестивая жена Иоанна сказала ему:

— Отче честны́й! Кто знает, где будет положено мое тело?

Богодохновенный же Феодосий, исполнившись пророческого дара, отвечал ей:

— Истину говорю тебе: где мое тело будет положено, там и ты, по прошествии нескольких лет, почиешь.

Что́ и сбылось в восемнадцатый год по преставлении святого, когда перенесли честны́е мощи его; в это время преставилась жена Иоанна Мария. Мощи преподобного Феодосия были перенесены в 14-й день августа месяца, а она в шестнадцатый день того же месяца и года была положена в той же Киево-Печерской церкви против гроба преподобного Феодосия, на левой стороне. Затем, в пятнадцатый год по перенесении мощей преподобного Феодосия, преставился и муж Марии, великий боярин Иоанн, уже маститый девяностолетний старец, сын храброго воеводы Вышаты, внук воеводы Остромира и сам довольно продолжительное время бывший воеводою; Иоанн был праведник и не худший своих предков, как человек благий, кроткий, смиренный, удалявшийся от зла. Он был положен у головы своей жены против гроба того же преподобного Феодосия, так что и на нем исполнилось пророчество блаженного отца о положении там же, где лежит и его тело.

Уместно здесь вспомнить и о следующем. Господь, прославляющий прославляющих Его и благоволивший к перенесению мощей преподобного Феодосия из темной пещеры в святую Киево-Печерскую церковь в восемнадцатый год от преставления Его, желая еще более прославить угодника Своего, благоволил к перенесению его именем и почитанием из темного неведения во все Православные Церкви, также в восемнадцатый год от перенесения из пещеры, — да светит этот светильник всему миру.

Сердцеведец возложил на сердце блаженному Феоктисту, Печерскому игумену, озаботиться о том, чтобы имя преподобного Феодосия было вписано в синодик или соборник церковный и чтобы он причтен был к лику древних преподобных отцов и всех святых, которым Православная Церковь совершает празднество повсюду. Блаженный Феоктист начал напоминать об этом благоверному великому князю Михаилу-Святополку Изяславичу[1]: он просил его повелеть Преосвященному митрополиту Никифору[2] собрать освященный

[1] Великий князь Киевский с 1093-го по 1114 год.

[2] *Никифор* — первый митрополит этого имени с 1103-го по 1121 год.

собор епископов, игуменов и весь церковный клир и сообщить им причину собрания, и тогда пусть совершится все, как будет угодно Богу. Митрополит с удовольствием внял речи князя, собрал епископов, игуменов и весь клир церковный и сообщил им о предполагаемом чествовании преподобного Феодосия. Князь же великий поведал всем отцам собора о житии преподобного. Тогда все единодушно и единогласно решили издать определение, чтобы преподобный Феодосий почитался в Православной (Русской) Церкви, как равный всем, уже почитаемым повсеместно святым. Преосвященный митрополит повелел епископам, чтобы каждый из них во всех церквах своей епархии вписал имя преподобного Феодосия в соборник святых. Епископы с радостью исполнили это: вписали имя преподобного Феодосия и начали воспоминать его во всех храмах, молясь ему и ежегодно совершая с похвалами день торжества его во славу все дарующему Богу и угоднику Его, дароименитому Феодосию.

Блаженному же Феоктисту, с усердием потщавшемуся послужить отцу своему, преподобному Феодосию, — вписать в соборник имя его, Господь воздал по трудам: спустя немного времени он был избран во епископа богоспасаемого града Чернигова и хиротонисан тем же преосвященным митрополитом Никифором. Когда он вступил на свой престол, тогда христолюбивый князь Давид, княгиня, бояре и все люди приняли его с неисповедимою радостью, как сотворившего неисповедимую радость церкви вписанием в соборник имени преподобного Феодосия. Ради его молитв и мы, с блаженным Феоктистом, ожидаем услышать радостный призыв: *радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20).

Поместим здесь же и сказание блаженного епископа Симона[1] о чудотворном украшении золотом и серебром честной раки препо-

---

[1] *Симон* — постриженник Печерского монастыря. Отсюда он взят был великим князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря; затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 году. Симон скончался в 1226 году после двенадцатилетнего правления. Из посланий епископа Владимирского Симона к Поликарпу, тоже постриженнику и впоследствии игумену Киево-Печерского монастыря, и из послания Поликарпа к Акиндину, Печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказаний о Печерских чудотворцах и о чудесах, бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составился знаменитый Печерский Патерик.

добного отца нашего Феодосия, который своими честны́ми перенесенными мощами как бы золотом и серебром нетленным украсил святую Киево-Печерскую церковь, а прочие церкви православные украсил почитанием своего честного имени. Было это так. Спустя довольно продолжительное время по пренесении мощей преподобного Феодосия сын Симона и внук Африкана, варяжских князей, тысяченачальник Георгий, управлявший областью в земле Суздальской от князя Георгия Владимировича Мономаховича, захотел украсить честную раку преподобного Феодосия в знак своей великой любви к нему. Он послал из Суздаля в Киев, в Киево-Печерский монастырь, одного из своих бояр, именем Василия, и вручил ему, для окования раки преподобного, пятьсот гривен[1] серебра и пятьдесят гривен золота. Взяв серебро и золото, Василий с неохотой отправился в путь, проклиная свою жизнь и день своего рождения:

— Что это, — говорил он, — задумал господин наш погубить такое богатство? И какая награда будет ему за то, что он обложит гроб мертвого? Как видно, собрал он без труда — понапрасну и расточает. Но горе именно мне, не осмелившемуся ослушаться своего господина, — зачем я оставил дом свой и ради кого шествую этим горьким путем? Получу ли от кого честь? — Ведь я послан не к князю, ни к какому-либо вельможе. Что скажу той горсти каменной? И кто мне ответит? Кто не посмеется над моим безумным приходом?

Так и многое другое говорил Василий к сопровождавшим его. Святой же Феодосий явился ему во сне, говоря с кротостью:

— О чадо! Я хотел вознаградить тебя за труд твой; но если ты не покаешься, много потерпишь неприятностей.

Однако, Василий не оставлял ропота, и Господь навел на него великую беду за его грехи: все кони подохли, а имущество, кроме посланного сокровища, украли воры. Тогда Василий взял пятую часть от сокровища, состоящего из золота и серебра, посланного для окования раки святого; он издержал это на надобности себе и коням, не догадываясь, при этом, о наказании, постигшем его за хулу. Когда же он был в Чернигове, то упал с коня и так сильно разбился, что не мог даже и рукою двинуть. Сопровождавшие Василия положили его

[1] *Гривна* — старинная монета определенного веса (семьдесят два – девяносто шесть золотников), часто в виде слитка золота или серебра.

на колесницу и привезли под Киев уже вечером. И в ту ночь явился Василию святой Феодосий, говоря:

— Василий! Разве ты не слышал слов Господа: *приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители* (Лк. 16, 9); и: *кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10, 41). Доброе дело замыслил сын мой Георгий; с ним и тебе, за твой труд, предстояло увенчаться, и такую славу не всякий получит, какой ты имел быть сообщник с Георгием. Теперь же ты всего лишился; но все-таки не отчаивайся в своей жизни, хотя ты не можешь исцелиться другим образом, кроме как покаявшись в своих согрешениях. Прикажи внести себя в Киево-Печерский монастырь, в церковь Пресвятой Богородицы, и пусть положат тебя на мою раку и будешь здоров; золото же и серебро, издержанное тобою, найдешь в целости.

Это сказал преподобный Феодосий Василию, явившись явно, а не во сне. Наутро же пришел к Василию со всеми боярами князь Георгий Владимирович; увидев его в сильном недуге, он с печалью удалился. Василий же, уверовав в видение святого, приказал вести себя в Киево-Печерский монастырь. Когда они были у берега, вошел кто-то незнакомый к игумену Печерскому и сказал:

— Иди скорее на берег, приведи Василия и положи его на гробе преподобного Феодосия; когда он вручит тебе сокровище, обличи его пред всеми, что он взял пятую часть из него; и если покается, прости его.

С этими словами сказавший стал невидим. Игумен Тимофей стал доискиваться относительно человека, пришедшего к нему; но никто не видел его входящим и выходящим. Игумен пошел к Днепру, привел Василия и положил его на раке святого Феодосия; и Василий восстал цел и здрав. Он стал давать игумену порученное ему сокровище, говоря:

— Вот, ты найдешь здесь четыреста гривен серебра и сорок золота.

Игумен же сказал ему:

— Чадо! А где еще сто гривен серебра и десять золота?

Василий начал каяться и сознался:

— Это я взял и издержал; потерпи, отче, и все возвращу тебе; думал я утаить это от всевидящего Бога.

Тогда высыпали золото и серебро из сосуда, где оно находилось под печатью, сочли пред всеми и нашли в целости, — пятьсот гривен серебра и пятьдесят золота; и все прославили Бога и святого Феодосия. Тогда Василий начал по порядку рассказывать о явлениях ему святого и о его деяниях о нем. Утром князь, взяв с собою врачей, пришел к месту, где видел больного Василия, желая лечить его, и не нашел. Узнав, что Василий отвезен в Киево-Печерский монастырь, и подумав, что он уже умер, князь с поспешностью отправился в обитель и здесь нашел Василия, — точно он и не болел. Услышав от него о дивных чудесах, князь и ужаснулся и исполнился духовной радости; он пошел поклонился чудотворному гробу преподобного отца нашего Феодосия и удалился. Услышав об этом, Георгий Симонович, тысяченачальник, еще более возгорелся любовью к Пресвятой Богородице и к святому Феодосию; к своему великому дару он присоединил еще гривну[1], которую сам носил и в которой было сто гривен золота; при этом он написал следующее:

— Вот, я, Георгий, сын Симона, раб Пресвятой Богородицы и святого Феодосия, благословенный его святою рукой, болел некогда три года глазами и не видел луча солнечного, но по слову преподобного исцелел, — ибо я слышал из уст его: «прозри!» и прозрел. Ради этого я пишу эту эпистолию (то есть письмо) последнему роду своему, да никто не отлучает себя от обители Пресвятой Владычицы Богородицы и преподобных отцов, Антония и Феодосия Печерских; их молитва приносит заступление и в селах обители: когда мы с половцами[2] пришли на Изяслава Мстиславича, то издали увидали высокий город и тотчас отошли от него. Но никто не знал, что это за город; из половцев же, бывших около него, было много раненых, и бежали мы от того города. После же мы узнали, что то было село Киево-Печерской обители; города же там никогда и не бывало; да и сами, жившие в селе том, не знали о происшедшем; выйдя утром, они увидели, что было кровопролитие, и сильно удивлялись. Потому я и пишу вам, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия: он обещал отцу моему Симону молиться о нас, как молится о своих

[1] То есть цепь, которую, в виде украшения, носили на шее.

[2] *Половцы*, или *куманы*, — тюркское кочевое племя, жившее в X–XIII веках на юге России и отсюда делавшее набеги на пограничные города и селения Русской земли.

черноризцах; и написал он молитву, которую отец мой повелел, когда его будут класть во гроб, вложить в свою руку, в ожидании исполнения того обетования[1], о чем, явившись одному из богоносных отцов, сказал так:

— Скажи сыну моему Георгию, что я восприял благая по молитвам святого, — и ты, сын мой, следуй за мною добрыми делами.

— Кто не пожелает благословения и молитвы святого Феодосия и уклонится от него, тот возлюбит клятву, — и да приидет она на него.

Здесь конец эпистолии вышепомянутого Георгия христолюбца; и нам, оканчивающим настоящее сказание, должно научиться от него, — да не уклонимся благословения и многопоспешествующей молитвы преподобного отца нашего Феодосия, но приблизимся к нему добрыми делами, и он приблизится к нам. И, таким образом, не убоясь клятвы, получим благословение — как наследники Царства, уготованного от сложения мира Господом нашим Иисусом Христом, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
МИХЕЯ

Известно два святых пророка с именем Михей. Первый пророк этого имени, происходил из колена Ефремова и был сын Иемвлая. Он жил во дни святого пророка Илии, когда над израильтянами в Самарии царствовали Ахав с Иезавелью, а над иудеями в Иерусалиме — Иосафат. В это время потомки двенадцати сынов Иакова разделились на два царства: одно называлось царством Иудейским, — в состав его входили колена Иудово и Вениаминово, а столицей был Иерусалим; другое же называлось Израилевым и включало в себя остальные десять колен еврейского народа; столицей этого царства служила Самария. В Израильском царстве находилось и колено Ефремово, к которому принадлежал по происхождению и

[1] См. стр. 186–187.

святой пророк Михей. Он часто обличал Израильского царя Ахава в тех же грехах, в каких и святой пророк Илия, то есть или за отпадение его от Бога в идолопоклонство, или за содеваемые им неправды. Царь ненавидел пророка-обличителя, но не смел его убить: царя удерживали боязнь наказания Божия, стыд пред невинностью праведного мужа и страх, что сбудутся его пророческие предсказания. Впрочем, пророк, уступая несправедливому гневу царя, удалялся из столицы и почасту жил в горах: он опасался, как бы, многократно являясь к царю и обличая его, не возбудить в последнем ни пред чем не останавливающегося гнева.

В эти дни между домом царя Израильского Ахава и домом царя Иудейского Иосафата завязались родственные отношения: Иосафат взял у Ахава дочь его Афалию за своего первого сына Иорама. Побуждаемый родственною любовию Иосафат из Иерусалима прибыл в Самарию к Ахаву. Во время торжества в честь гостя Ахав просил Иосафата помочь ему на войне против Ассирийского царя, чтобы отнять у него Рамоф Галаадский; этот город издавна был израильским, но царь Ассирийский отнял его силою. Иосафат, обещая сам идти на войну вместе с Ахавом, сказал:

— Как ты, так и я, как твой народ, так и мой народ: иду с тобою на войну. Но сначала вопросим Господа Бога: будет ли для нас благополучна эта война?

И тотчас Ахав собрал своих нечестивых и ложных пророков, числом четыреста; главой этих лжепророков был Седекия, сын Ханаана. Все они ободряли Ахава надеждой на успех, говоря:

— Иди, — Бог предаст в твои руки не только город Рамоф, но и самого Ассирийского царя.

Но царь Иудейский Иосафат, как человек благочестивый и верный Богу, понял, что среди этих пророков нет ни одного истинного, но что все они льстецы и потаковники, поэтому Иосафат сказал Ахаву:

— Нет ли здесь хотя одного такого пророка Господня, которого бы мы вопросили и он ответил нам правду?

Ахав отвечал:

— Есть один муж, который может вопросить Господа и открыть нам истину, — это Михей, сын Иемблая, но я ненавижу его, так как он всегда предсказывает мне одно только зло.

— Не говори так, — возразил Иосафат Ахаву, — но призови, послушай его и не гневайся на его обличения.

И тотчас Ахав послал за пророком Михеем, который в то время пришел из пустынных гор в Израиль. Оба же царя сидели во всем своем величии на престолах у ворот Самарии, а лживые пророки прорицали пред ними. Причем глава их Седекия сделал железные рога и, протрубив, сказал Ахаву:

— Так говорит Господь: этими рогами ты уничтожишь и истребишь Сирию.

Точно так же и остальные лжепророки говорили:

— Иди в Рамоф Галаадский и победишь Ассирийского царя: Господь предаст его тебе в твои руки.

Между тем посол, отправленный к пророку Михею, сказал ему:

— Вот все пророки предсказывают царю доброе; прошу, говори и ты то же с ними, чтобы твои слова не расходились с их словами.

— Жив Господь! — отвечал пророк Михей, — и что скажет мне Сам Господь — Бог мой, то именно я и скажу царю.

И вот, придя, святой Михей стал пред Израильским царем Ахавом, который спросил его:

— Послушай, Михей, — идти ли мне в Рамоф Галаадский на войну или должно удержаться?

Пророк, не тотчас отвечая на вопрос царя и желая его привлечь к более усердным вопросам, сказал:

— Идите, — будет вам успех, и они преданы будут в руки ваши.

Ахав, видя, что пророк говорит не с дерзновением, обратился к нему:

— Усиленно заклинаю тебя: скажи мне истину — как пред Господом.

Тогда святой Михей сказал с дерзновением:

— Я видел всех сынов Израиля, рассеянных по горам как овец, у которых нет пастыря.

Этими словами пророк предсказывал, что войско израильское на войне лишится своего пастыря, то есть царя: он будет убит и все, как овцы волками, будут разогнаны ассирийскими войсками по горам и пустыням. И сказал Ахав царю Иосафату:

— Не говорил ли я тебе, что он не пророчествует о мне доброго, а только худое?

Святой Михей продолжал:

— Так выслушайте слово Господне: я видел Господа, сидящего на престоле Своем, и все воинство небесное стояло по правую и по левую руку Его. И сказал Господь: кто увлек бы Ахава, царя Израильского, чтобы он пошел и пал в Рамофе Галаадском? И один (из предстоящих) говорил так, другой говорил иначе. И выступил один дух и стал пред лицом Господа, и сказал: я увлеку его. И сказал ему Господь: чем? Тот сказал: я выйду и буду духом лжи в устах всех пророков его. И сказал Он (Господь): ты увлечешь его и успеешь; пойди и сделай так. Знай, царь, — говорил пророк, — что дух лжи в устах пророков твоих, и Господь изрек о тебе недоброе.

Во время этих слов пророка подошел лжепророк Седекия и ударил по щеке святого Михея, проговоривши:

— Какой Дух Господень сказал тебе все это?

— Вот, ты увидишь это, — отвечал святой Михей, — в тот день, когда из страха пред ассириянами будешь бегать из комнаты в комнату, чтобы скрыться хотя в доме своем.

Переполненный гневом, Ахав велел взять пророка Михея и посадить в темницу и там кормить «хлебом печальным» и поить «водою печальною», то есть давать ему хлеба и воды в таком малом количестве, чтобы пророк только не умер от голода и жажды, а остался жив до возвращения царя, который хотел предать его мучениям. Царь так и сказал:

— Держите его, пока я не возвращусь в мире.

Святой Михей отвечал царю:

— Если ты возвратишься в мире, то не Господь говорил через меня.

Затем святой Михей обратился к народу и громко сказал:

— Слушайте это все люди!

Святой пророк был посажен в темницу, находившуюся в столице царства Израильского — Самарии. Царь же Ахав отправился на войну, где и был убит согласно пророчеству святого Михея; об этом подробно сообщается в двадцать второй главе Третьей книги Царств и в восемнадцатой главе Второй книги Паралипоменон. По смерти Ахава воцарился сын его Охозия.

О кончине святого пророка Михея ничего не говорится в святом Писании; лишь в Прологе сообщается, что он будто бы был

убит Иорамом, *сыном* Ахавовым; но уже раньше замечено, что Иорам был *зять*, а *не сын* Ахава. Однако весьма вероятно, что святой пророк Михей умер мученическою смертью от кого-либо из мучителей: ибо жена Ахава Иезавель, оставшаяся после мужа вдовою, и сын его Охозия, принявший после отца царство, и зять, царь Иерусалимский Иорам, — все они не могли чувствовать расположения к предсказавшему погибель Ахава. Память этого пророка Михея в Великой Минеи-Четии и в Киевских месяцесловных святцах полагается 5 января. И в Минеи-Четии о нем говорится, что за обличение беззакония он был убит и брошен в пропасть: ближние святого Михея извлекли его честнóе тело оттуда и предали погребению в своей земле, близ гроба одного странствовавшего пророка.

По прошествии ста пятидесяти лет, быть может и более, по первом пророке Михее, явился (в VIII веке до Рождества Христова) другой святой пророк того же имени, память которого и совершается ныне.

Он происходил из колена Иудова; родиной его было местечко Морасфи близ города Елевферополя; отсюда святой пророк получил и свое прозвание Морасфитянин. Он пророчествовал в Иерусалиме во дни царей иудейских Иоафама, Ахаза и Езекии; в это же время жил и святой пророк Исаия. Святой Михей обличал своих единоплеменников, что они, уклонившись в идолопоклонство, забыли истинного бога и усвоили нечестивые обычаи язычников. С сердечным сокрушением говорил им пророк, обращаясь от лица Божия:

— Люди Мои, что Я сделал вам? Чем оскорбил вас? Чем досадил вам? — Отвечайте мне. Или за то, что Я вывел вас из земли Египетской и избавил от рабства, вы оставили Меня и признали своими богами языческих идолов?

Обличая также притеснения, неправды, грабительства и обиды, причиняемые князьями, судьями и старейшинами убогим и нищим, святой Михей говорил:

— Слушайте главы дома Иаковлева, ненавидящие добро и ищущие зло, не вам ли до́лжно прилагать все усилия, чтобы творить праведный суд? Вы же до того несправедливо притесняете совершенно неповинных нищих и убогих, что содрали с них кожу, истолкли их кости и раздробили тело, — точно хотите вложить их в котел для приготовления снеди. Слушайте же это, главы дома Иаковлева, гнушающиеся правосудием и искривляющие все прямое, созидающие Сион кровью и Иерусалим — неправдою!

Так пророк обличал грешных и, видя их неисправление, оплакивал погибель их, взывая со стенаниями:

— Горе мне! Ибо со мною теперь — как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды (так нет угождающих Богу!). Увы, душа моя! Не стало милосердых на земле, нет праведных между людьми; все строят ковы, чтобы проливать кровь; каждый ставит брату своему сеть. Руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло; начальник требует подарков, и судья судит за взятки.

Оплакивая при обличении нечестивых их нераскаянность, пророк предсказывал грядущий на них гнев Божий: он постигнет сначала столицу Израильского царства Самарию, так как здесь началось идолопоклонство, и нарушение закона Божия, и языческое нечестие; затем подобному же наказанию подвергнется Иерусалим, — правосудие Божие судило прийти в разорение Самарии от ассириян, а Иерусалиму — от халдеев. И снова рыдал пророк, говоря:

— Увы, увы мне! Посещение Божие наступает!

Но между подобными печальными предсказаниями пророк Божий возвестил и радостное, что Пастырь и Спаситель душ наших, Господь Иисус Христос, родится в Вифлееме:

— *И ты, Вифлеем Евфрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле* (Мих. 5, 2).

Остальные предсказания этого святого пророка Божия изложены в пророческой книге его имени.

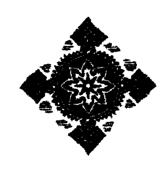
Как, по совершении своего пророческого служения, окончил свою жизнь святой Михей, — мы не имеем определенных сведений, но не думается, что он умер мученическою смертью. В книге святого пророка Иеремии сообщается, что когда священники вместе с ложными пророками и множеством народа хотел убить святого Иеремию, то некоторые из старейшин защищали его, говоря собранию:

— Михей Морасфитянин пророчествовал во дни Езекии, царя Иудейского, и сказал всему народу иудейскому: так говорит Господь Саваоф: Сион будет вспахан, как поле, и Иерусалим сделается грудою развалин, и гора дома этого — лесистым холмом. Умертвили ли его за это Езекия, царь Иудейский, и весь Иуда? Не убоялся ли он Господа и не умолял ли Господа? И Господь отменил бедствие, которое изрек на них, а мы хотим сделать большое зло душам нашим.

Из этих слов можем видеть, что святой пророк Михей не был убит, но, по окончании своей богоугодной жизни, в мире почил. Он умер и был погребен на своей родине — Морасфе. По прошествии очень многих лет его честны́е мощи вместе с мощами пророка Аввакума были обретены в царствование Феодосия Великого по откровению Божию Зевину, епископу Елевферопольскому. За все это да будет Богу нашему слава всегда, ныне и присно, и вовеки. Аминь.

В тот же день **память преподобного Аркадия**, ученика **Ефрема Новоторжского**.

В тот же день **память святого мученика Маркелла**, епископа Апамийского, сожженного около 389 года идолопоклонниками за разрушение языческого храма.



ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

УСПЕНИЕ
ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ
БОГОРОДИЦЫ и ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ

По совершении Господом спасения рода человеческого и вознесении Его на небо, пречистая и преблагословенная Дева Мария, Матерь Божия и Ходатаица нашего спасения, среди первых христиан жила довольно продолжительное время; Она исполнялась великой духовной радости, взирая на расширение по всей Вселенной церкви Христовой и на распространение до пределов земли славы Сына и Бога Своего. В эти начальные дни жизни Церкви христианской Пресвятая Богородица воочию увидела исполнение Своих слов, что Ее будут ублажать все роды (см.: Лк. 1, 18), — христиане, повсюду славившие Христа Бога, ублажали и Его Пречистую Матерь, тогда еще обитавшую на земле.

Пресвятая Богородица приблизилась к пречестно́му и славному успению Своему уже исполненная дней[1]; Она Сама желала скорее

[1] Апологет II века, *Мелитон*, епископ Сардийский, относит успение Пресвятой Богородицы к шестьдесят девятому году Ее жизни, пятьдесят пятому от Рождества Христова и к двадцать второму от вознесения Господня; *Ипполит*, епископ Римский (III век), годом успения Божией Матери называет сорок третий от Рождества Христова и пятьдесят седьмой от Ее рождения; «отец церковной истории» *Евсевий Памфил*, епископ Кесарии Палестинской († 340 г.), пишет, что годом успения Приснодевы был шестьдесят третий Ее жизни, сорок восьмой от Рождества Христова и пятнадцатый от вознесения Спасителя; *Епифаний*, епископ *Кипрский* († 403 г.), всех лет святого жития Богородицы насчитывает семьдесят два, причем, по его мнению, этот год был пятьдесят седьмой от Рождества Христова. То же самое говорит и *Георгий Кедрин*, византийский писатель конца XI или начала

отойти от тела и войти к Богу. Душа Ее всегда была объята одним непрестанным желанием увидеть сладостное лицо Сына Своего, сидящего одесную Отца на небесах (см.: Евр. 1, 3); горя к Нему несравненно большею любовию, нежели Серафимы[1], Матерь Божия, изливая из святых Своих очей потоки слез, тепло молилась Господу,

---

XII века. Церковный историк (XIV века) *Никифор Каллист* приводит слова святого Евода, одного из семидесяти апостолов, который годом успения Богородицы считает пятьдесят девятый Ее жизни и сорок четвертый от Рождества Христова. Святой *Андрей Критский* († 712 г.) и святой *Симеон Метафраст* (X век) не определяют точно числа лет жизни Матери Божией и говорят лишь, что Она преставилась «в довольной старости». — Святой *Димитрий Ростовский*, объясняя эту разницу показаний и делая общий приблизительный вывод о времени успения Пресвятой Богородицы, говорит следующее: «Сицевому многих писателей о летех жития Пречистыя Богородицы несогласию да не удиваемся; в та бо времена непрестанному лютейшему гонению на Церковь належавшу, не бе времене к писанию книг и исследованию лет и деяний церковных подробну: не тако бо писаниями тогда, якоже устною проповедью и страдальческими подвигами вера Христова расширяшеся. Аще же и бываху когда писатели книг, то не в долее и сами мученически скончевахуся, и книги их сожжению предавахуся от нечестивых гонителей. Да держится убо, его же кто изволяет, писателя и числителя лет Пресвятой Богородицы. Мощно же рассудити, яко достовернейшее есть повествование писателей тех, иже позднейшая лета Пресвятые Богородицы житию написаша и в старости довольной в нестираемую жизнь прейти Ю рекоша. Рассуждается же тое отвсюду: во успении Пресвятые Богородицы, при погребении пречистого тела Ее, со святыми апостолы бяше святой Дионисий Ареопагит, а Дионисий от святого апостола Павла во Афинех ко Христу обращен, в лето (по известному достоверных истографов и летописцев исследованию) от воплощения Слова пятьдесят второе. Аще же преставися Пречистая Дева по Ипполиту в лето от воплощения Христова 43, или, по Еводу, в лето 44, или, по Евсевию, и месяцесловам в лето 48, то како можаше быти святой Дионисий на успении Ее, последже в лето 52 ко Христу обращенный? Убо преставися Пречистая Дева позде, по обращении уже Дионисиевом, и бяше той святой на успении Ее с прочими святыми апостолы и апостольскими мужи».

[1] *Серафимы* — с еврейского *пламенные, огненные существа*. Святой пророк Исаия в видении Господа Саваофа так описывал Серафимов: «Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его» (6, 1–3). Это видение пророка показывает, что серафимы — ближайшие к Богу, высшие духовные существа. В «небесной иерархии» святого Дионисия Ареопагита они занимают первое место среди чинов ангельских.

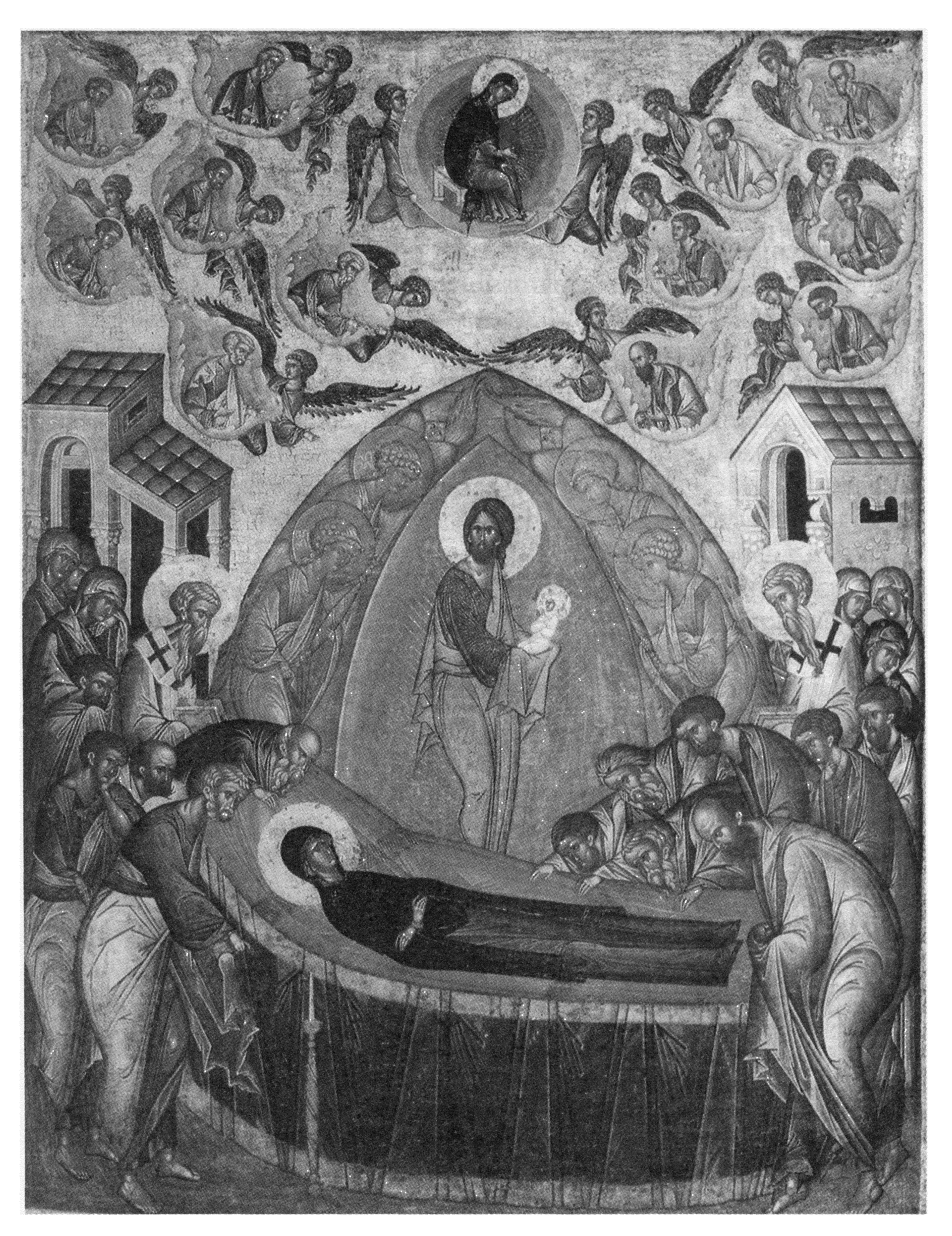
чтобы Он взял Ее из этой юдоли плача в горние[1] блаженные обители. Живя в доме святого Иоанна Богослова[2] на Сионе[3], Она часто удалялась отсюда на гору Елеонскую[4], — место вознесения на небо

[1] *Горний* — вышний, небесный (Иез. 41, 7; Кол. 3, 3).

[2] Матерь Божия поселилась в доме святого Иоанна Богослова со дня крестных страданий Господа Иисуса, как передает об этом сам возлюбленный ученик Христа (Ин. 19, 25–27).

[3] *Сион* в переводе с еврейского по одним значит *открытое, палимое солнцем место*, а по другим: *высокое знаменитое место* или *крепость*. Сион — юго-западная гора в Иерусалиме, на которой возвышается Иерусалимская крепость. Она со всех сторон окружена долинами: на западе — долиной Гион, на юге — Гинном, на севере и востоке — Тиропеон. До времен Давида Сион находился во власти иевусеев, и они имели здесь свою крепость. Давид взял ее, распространил, обстроил и украсил и с этого времени Сион сделался городом Давидовым и столицею Иудеи (2 Цар. 5, 7–9; 6, 12, 16; 3 Цар. 8, 1; 1 Пар. 14, 4–8). Давид воздвиг здесь новое укрепление (2 Цар. 5, 9; 1 Пар. 11, 8), которое довершали и поддерживали следующие цари (3 Цар. 9, 19, 24; 11, 27). В скалах Сиона были гробницы Давида и других царей. В Священном Писании Сион называется просто Сионом, городом Давидовым, горою святою, жилищем и домом Божиим, царственным городом Божиим, принимается за самый Иерусалим, за колено Иудино и царство Иудейское, за всю Иудею и за весь народ Иудейский. У пророков Сион часто означает царство Божие во всей его полноте, на земле и на небе, до окончательного завершения его в вечности. Наконец, в преобразовательном смысле Сион представляется как место жительства Божия на небесах, как место высочайшего откровения славы Его (Евр. 12, 22); там Бог поставил Сына Своего царем (Пс. 2, 6); оттуда приходит спасение Израилю (Пс. 8, 7; 52, 7); оттуда является Бог во славе Своей (Пс. 49, 2–4); туда придут искупленные Господом и радость Божия на главе их (Ис. 35, 10).

[4] *Елеонская*, или *Масличная, гора* получила свое название от растущих на ней в большом количестве маслин; она лежит к востоку от Иерусалима и часто упоминается в Священном Писании, особенно Нового Завета. Отделяясь от Иерусалима потоком Кедрон, она высится над городом, поднимаясь в конечном пункте, на так называемой «горе Вознесения», до двух тысяч шестьсот шестидесяти пяти футов над уровнем моря. Она представляет собою хребет, имеющий четыре главных возвышения и переходящий далее к востоку в долины и равнины. С горою Елеонскою связаны многие библейские события. Через эту гору Давид бежал от возмутившегося сына Авессалома (2 Цар. 15, 20), пророк Иезекииль видел здесь славу Господню (11, 23). Но особенно тесно эта гора связана с событиями из земной жизни Христа Спасителя, Который любил удаляться сюда для ночной молитвы. В Вифании, лежавшей на этой горе, находился дом Лазаря, который часто посещал Господь; с Елеонской горы Спаситель оплакивал Иерусалим; с нее же Он совершил торжественный вход в него (Лк. 19, 37); на ней Он провел ночь пред предательством Его Иудою Искариотским и с нее же вознесся на небо (Деян. 1, 2). В настоящее время гора Елеонская изобилует памятниками о событиях из жизни



Успение Пресвятой Богородицы

Сына Своего и Господа; здесь в одиночестве Она возносила Ему Свои усердные молитвы. И вот однажды во время такой уединенной молитвы Богоматери на горе Елеонской о том, чтобы Господь скорее послал Ей кончину и взял к Себе на небо, пред Нею предстал Архангел Гавриил[1], служивший Пресвятой Богородице с первых дней Ее детства: он питал Ее во Святом Святых, принес Ей благую весть о рождении от Нее Сына Божия (см.: Лк. 1, 27–38), неотступно охранял Ее во все время жизни Ее на земле. Со светлым лицом передал небесный посланник Пресвятой Богородице радостные для Нее слова Господа, что вскоре, — по прошествии трех дней, — Она отойдет ко Христу Богу. Возвещая Пречистой Деве час смертный, Архангел говорил Ей, чтобы Она не смущалась, а с радостью приняла его слова, ибо они призывают Ее в бессмертную жизнь к вечному Царю славы:

— Сын Твой и Бог наш, — говорил Архангел, — с Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами, со всеми небесными духами и душами праведных приимет Тебя, Матерь Свою, в небесное Царство, чтобы Ты жила и царствовала с Ним бесконечное время.

В знамение торжества Богородицы над смертью, то есть что над Нею не будет иметь власти смерть телесная, как не обладала Ею смерть душевная, и что Она, точно сном уснув смертью на малое время, скоро, как пробудившись, восстанет и, отгнав от Себя смерть, как от глаз дремоту, узрит при свете лица Господня бессмертную славу и жизнь, куда и отойдет при радостных кликах с веселием духовным, — в знамение всего этого Архангел вручил Пресвятой Деве райскую ветвь: это была сияющая светом небесной благодати ветвь

Христа Спасителя, и лучшим из них является храм Вознесения Господня, высящийся на самой вершине горы, откуда открывается чудный вид на всю окрестность святого города.

[1] *Архангел* — ἀρχάγγελος, начальник ангелов (1 Фес. 4, 16; Иуд. 1, 9). Священное Писание различает в ангелах равные чины или степени, которых указывает девять: Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы и Ангелы (Быт. 3, 24; Ис. 6, 2; Кол. 1, 16; Еф. 1, 20–21; Рим. 8, 38; 1 Фес. 4, 16; Иуд. 14). Из Священного Писания известны имена некоторых Архангелов: *Михаил* — означающий «кто как Бог» (Дан. 10, 13; Иуд. 9; Откр. 12, 7); *Гавриил* — муж Божий, сила Божия (Дан. 8, 16; Лк. 1, 26); *Рафаил* — помощь, исцеление Божие (Тов. 3, 16; 11, 1); *Уриил* — огонь и свет Божий (3 Езд. 4, 1; 5, 20) и *Салафиил* — молитва к Богу (3 Езд. 5, 16); *Иеремиил* — высокий или высота Божия (3 Езд. 4, 36). К Архангелам причисляются еще: *Иегудиил* — хвала Божия и *Варахиил* — благословение Божие, имена которых не встречаются в Священном Писании.

от финиковой пальмы; ее должны были, как сказал Архангел, нести пред одром Богоматери, когда пречестное и пречистое тело Ее будет несено для погребения. Преблагословенная Матерь Божия исполнилась несказанной радости и духовного восторга, ибо что могло быть для Нее радостнее и приятнее жительства на небе с Сыном Своим и Богом и — блаженства при созерцании Его сладостного лика? Пав на колена, Она начала усердно благодарить Творца Своего:

— Я не была достойна, — молилась Пресвятая Богородица, — приять Тебя, Владыко, в утробу Мою, если бы Ты Сам не помиловал Меня, рабу Твою; Я соблюла вверенное Мне сокровище и поэтому имею дерзновение просить Тебя, Царь славы, чтобы Ты охранил Меня от области гееннской[1]: если небо и Ангелы трепещут пред Тобою, то тем более созданный из персти человек, не имеющий за собою никаких заслуг, кроме дарованных Твоею же благостию; Ты, Господь и Бог, благословенный вовеки.

Пречистая Владычица при исходе Своем из этой жизни желала видеть святых апостолов, уже разошедшихся с евангельскою проповедью по вселенной; Она молила Господа и о том, чтобы в час кончины Своей Ей не видеть князя тьмы и ужасных слуг его, но чтобы Сам Сын Ее и Бог, исполняя Свое обещание, пришел и принял Ее душу в Свои святые руки. Когда Владычица наша, преклоняя колена, возносила на горе Елеонской Творцу Своему молитвенные просьбы и благодарения, то молитва Ее сопровождалась таким чудесным явлением: масличные деревья, стоявшие на горе Елеонской, точно одушевленные кланялись, вместе с Богородицей: когда Матерь Божия преклоняла колена, тогда и деревья пригибались книзу; когда Она восставала, тогда и они снова выпрямлялись; деревья, как рабы, служили Богородице, почитая Богоматерь.

---

[1] *Геенна* (γέεννα) — есть воспроизведение еврейского слова, означающего *долина Еннома* или «сынов Еннома»; под этой долиной разумеется глубокая, узкая горловина, где иудеи некогда, в период царей, приносили своих детей в жертву Молоху (4 Цар. 23, 10; Иер. 7, 31). В позднейшие времена она служила местом для свалки всякого рода нечистот, причем для уничтожения последних здесь постоянно поддерживался огонь; поэтому долина Еннома сделалась символом места вечных мучений. В этом именно смысле, в смысле ада, и употребляется слово *геенна* в Новом Завете (Мф. 5, 29–30; 10, 28; 18, 9; 23, 15; Мк. 9, 43, 45; Лк. 12, 5; Иак. 3, 6).

По окончании молитвы Пресвятая Богородица возвратилась домой, и тотчас все сотряслось от присутствия невидимой силы Божией, окружавшей Богоматерь, и — от славы Господней, которою Она была осияваема. Лицо Ее и всегда сияющее благодатию Божиею более чем лицо Моисея, говорившего некогда с Богом на Синае (см.: Исх. 34, 30), просветилось еще более несказанною славою. — Преблагословенная Владычица начала готовиться к Своей кончине. Прежде всего Она сообщила о ней усыновленному Ей возлюбленному ученику Христову Иоанну[1] и показала ему светящуюся рай-

[1] *Святой апостол и евангелист Иоанн*, сын Зеведея, зажиточного рыбака из Вифсаиды, сначала ученик святого Иоанна Крестителя, впоследствии был призван Господом на проповедь евангельскую от сетей рыболова и сделался учеником, которого любил Иисус Христос (Ин. 19, 26). Он был одним из трех ближайших к Иисусу Христу учеников, которые одни могли присутствовать при величайших событиях Его жизни — при воскрешении дочери Иаира (Лк. 8, 41–46), Преображении (Мк. 9, 2) и душевном томлении в Гефсимании (Мф. 26, 37). Он стоял пред крестом Спасителя с Материею Господа и сподобился от Него наименования Ее сыном (Ин. 19, 26–27). Поэтому святой апостол Иоанн не оставлял Иерусалима, где пребывала Пресвятая Дева Мария, до успения Богоматери; в это время он вместе с апостолом Петром проповедовал о Христе, терпя гонение от синедриона, доходившее до бичеваний (Деян. 5, 40). По выходе из Иерусалима возлюбленный ученик Христов проповедовал Евангелие в Малой Азии, особенно в Ефесе. В гонение Домициана (император 81–96 гг.) он был сослан на остров Патмос *за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа* (Откр. 1, 9) и здесь удостоился неизреченных откровений, описанных в откровении. При императоре Нерве (96–98 гг.) святой апостол Иоанн был возвращен из заточения и поселился в Ефесе, следя за жизнью окружающих церквей и предпринимая путешествия для личного их обзора. Последние годы своей жизни апостол Иоанн проводил суровую жизнь: питался лишь хлебом и водой, не стриг своих волос и одевался в простые полотняные одежды. От старости он не имел уже сил проповедовать слово Божие даже и в окрестностях Ефеса. Теперь он только поучал епископов Церкви и воодушевлял их неустанно учить народ слову Евангельскому, а особенно помнить и проповедовать первую и главную Евангельскую заповедь — заповедь любви. Когда, рассказывает блаженный Иероним, святой апостол дошел до такой немощи, что ученики его с трудом лишь приносили его в церковь и он не мог уж произносить продолжительных поучений, то он ограничивал свои беседы непрестанным повторением такого наставления: «Дети, любите друг друга!» А когда однажды ученики спросили его, зачем он непрестанно повторяет им это, Иоанн ответил: «Сия есть заповедь Господня, и если ее соблюдете, то и довольно». На закате дней своих святой апостол пользовался особенною любовью всего христианского мира. Он был в это время единственным апостолом — самовидцем Господа, так как все другие апостолы уже скончались. Весь мир христианский знал о том, что святой Иоанн был любимейшим учеником Господа; поэтому многие ис-

скую ветвь, завещая ему именно нести ее пред Своим одром; затем Пресвятая Дева сообщила о том же и прочим, служившим Ей домочадцам. Потом Она повелела наполнить Свою горницу благоуханием, приготовить и зажечь в ней возможно более светильников, украсить как самую горницу, так и стоящий в ней одр, — словом, устроить все нужное для погребения. Святой Иоанн Богослов тотчас послал к святому Иакову, брату Господню и первому епископу Иерусалимскому[1], а также — ко всем родственникам и ближним, сооб-

кали случая видеть апостола и считали за честь и счастье коснуться его риз. В начале II века при Траяне (император 98–117 гг.) святой апостол Иоанн скончался в Ефесе через 72 года по вознесении Господнем. Святой апостол Иоанн написал святое Евангелие, три послания и откровение или книгу Откровений. *Евангелие* написано Иоанном уже в глубокой старости, в самом конце I века по Рождестве Христове. Епископы Ефеса и всей вообще Малой Азии, опасаясь умножившихся в то время лжеучений о Лице Господа Иисуса и предвидя скорую кончину святого апостола, просили его дать им свое Евангелие (новое, сравнительно с тремя уже имевшимися). Действительно, в своем Евангелии, написанном по внушению Святого Духа, святой Иоанн говорит о том, главном образом, о чем нет речи у евангелистов Матфея, Марка и Луки. В своем Евангелии святой Иоанн излагает главным образом не события земной жизни Господа, а возвышенные речи о Боге, Боге-Слове, то есть Сыне Божием, и беседы Спасителя о духовном возрождении в Духе Святом (гл. 3), о живительной влаге *(вода живая)*, удовлетворяющей духовную жажду людей (гл. 4), о жизненном хлебе *(хлеб животный)*, питающем душу человека (гл. 6), о таинственной дороге, ведущей к истине, о двери на пажить спасения, о свете и теплоте. Под всеми этими именами святой Иоанн разумеет Самого Господа Иисуса Христа, Который есть вода живая, хлеб духовный, свет, дверь нашего спасения, истина, правда, Бог, — Он наш Спаситель, от века сущий с Богом, в Боге и Сам будучи Бог. А Бог — это есть высочайшая Любовь, так возлюбившая мир, что Она и Сына Своего не пощадила, но послала в мир на страдания для искупления людей и спасения их от греха, проклятия и смерти. Такие же истины раскрывает святой Иоанн и в своих *посланиях*, написанных в городе Ефесе. В них он опровергает лжеучения еретиков, не признававших пришествия Христа во плоти; указывая на действительность воплощения и истинность учения Спасителя мира, призывает христиан быть христианами не по имени только, но и по жизни, которая должна быть осуществлением главной заповеди о любви к Богу и к ближним. *Откровение* изображает будущую судьбу Церкви Христовой. По высоте учения святого апостола и евангелиста Иоанна о Боге-Слове, изложенном в его писаниях, ему усвоено наименование Богослова; святой Иоанн Богослов изображается на иконах с орлом, потому что подобно тому как орел высоко парит в небесах, так Иоанн в своих Писаниях поднимается до самых высоких религиозных истин.

[1] *Святой Иаков Алфеев* — один из двенадцати апостолов, так называемый еще Иаков Меньший (Мк. 15, 40) или брат Господень (Гал. 1, 19) — был сын Алфея или Клеопы, он называется братом Господним потому, что принадлежал к числу

щая о скором, — с точным обозначением дня, — отшествии Матери Божией. Святой Иаков не замедлил известить всех христиан, живших не только в Иерусалиме, но и в окрестных городах и селениях, так что с епископом Иерусалимским собрались ко Пресвятой Богородице все родственники и великое множество верующих обоего пола. Пречистая Владычица во всеуслышание поведала собравшимся слова, сказанные Ей Архангелом о переселении Ее на небо, и в подтверждение показала полученную от Своего благовестника райскую ветвь, которая, как солнечный луч, сияла светом небесной славы. Слыша из уст Самой Богородицы весть о скорой Ее кончине, окружавшие Ее верующие не могли удержаться от слез: весь дом наполнился плачем и рыданиями; все умоляли милосердую Владычицу, как общую всех Матерь, не оставлять их сиротами. Но Матерь Божия просила не плакать, а радоваться Ее кончине, так как, став ближе к Божию престолу, лицом к лицу взирая на Сына Своего и Бога и беседуя с Ним уста к устам, Она может по смерти с бóльшим дерзновением умолять Его о милосердии и благости; при этом преблагословенная Богородица обещала не оставлять сиротами по Своем отшествии не только их, но и весь мир: Она весь мир будет посещать, внимая его нуждам и помогая бедствующим. Утешительные слова Богородицы отерли слезы плакавших и утишили их печаль. Пречистая Владычица сделала затем завещание относительно двух Своих одежд, чтобы они отданы были двум бедным вдовицам, которые с усердием, получая от Нее пропитание, служили Ей. О Своем пречистом теле Матерь Божия завещала, чтобы оно было погребено в лежащем при горе Елеонской, недалеко от Иерусалима, Гефсиманском саду[1], где находилась гробница праведных родителей

двоюродных братьев Иисуса Христа по матери, Марии Клеоповой. Апостол занимал почетное место в первоначальной общине христианской и был первым епископом иерусалимской церкви; святой Иаков отличался необычайной строгостью жизни, которая доставила ему титул Праведного. По свидетельству иудейского историка Иосифа Флавия, иудеи побили святого Иакова камнями. — После святого Иакова осталось «Соборное послание», состоящее из пяти глав и написанное прекрасным греческим языком; в этом послании святой Иаков с особенною силою указывает на необходимость для христианина добрых дел, без которых вера мертва. Святому Иакову приписывается составление литургии, носящей его имя.

[1] *Гефсимания* с еврейского «масличное точило» — место подножия Елеонской горы, знаменитое тем, что тут совершилось искупительное томление Спасителя и

Ее, Иоакима и Анны, и Обручника Ее святого Иосифа; эти гробницы примыкали к простиравшейся между Иерусалимом и горой Елеонской долине Иосафатовой, бывшей местом общего погребения для бедных жителей Иерусалима.

Во время этих предсмертных распоряжений Пресвятой Богородицы внезапно послышался шум, по силе напоминавший раскаты грома, и облака окружили дом святого Иоанна Богослова, — то, по повелению Божию, Ангелы восхитили разошедшихся с проповедью Евангелия по концам вселенной апостолов и на облаках принесли их в Иерусалим, поставив на Сионе пред дверями дома, где обитала Матерь Божия. Святые апостолы, видя друг друга, радовались и вместе с тем удивлялись, говоря:

— Чтó за причина, ради которой Господь собрал нас вместе?

К ним вышел святой Иоанн Богослов и с радостными слезами приветствовал их, сообщая, при этом, о скором преставлении Пресвятой Богородицы. Тогда святые апостолы поняли, что Господь собрал их с различных концов вселенной для присутствия при блаженной кончине Пречистой Его Матери, чтобы они с честью предали погребению Ее пречистое тело. Весть о скорой кончине Матери Божией переполнила сердца святых апостолов сильною скорбью. Войдя внутрь дома, они увидели Богородицу с радостным лицом сидящую на одре; святые апостолы приветствовали Ее словами:

— Благословенна Ты от Господа, сотворившего небо и землю!

— Мир вам, братья, избранные Самим Господом! — отвечала Пречистая Владычица.

И потом спросила:

— Как вы прибыли сюда?

Святые апостолы открыли Ей, что каждый из них был восхищен силою Духа Божия с места своей проповеди и принесен на Сион на облаке. Матерь Божия прославила Бога, услышавшего Ее молитву и исполнившего Ее сердечное желание, — видеть при Своей кончине святых апостолов.

— Господь, — говорила Она, обращаясь к ним, — привел вас сюда для утешения Моей души, которой предстоит, как требует того

была принесена Им первосвященническая молитва (Мк. 14, 26; Лк. 22, 39; Ин. 18, 1); по преданию, восходящему к IV веку, Гефсимания лежала в пятидесяти саженях к востоку от моста через Кедрон.

смертная природа, скорое разлучение с телом: уже приблизилось предопределенное Мне Моим Создателем время.

Они же в ответ на это с печалью говорили Ей:

— Во время Твоего пребывания на земле мы, Владычица, утешались, взирая на Тебя, как на Самого Владыку и Учителя нашего, а теперь, лишаясь Твоего присутствия, как вынесем тяжелую скорбь, объявшую наши души? Но Ты отходишь в премирные обители по изволению рожденного Тобою Христа Бога, и мы не можем не радоваться решению Божию о Тебе, хотя вместе с тем не можем не оплакивать и своего сиротства, ибо более не увидим Тебя, Матерь и Утешительницу нашу.

При этих словах святые апостолы обливались слезами.

— Не плачьте, — утешала их Пресвятая Богородица, — и Моей радости, друзья и ученики Христовы, не омрачайте своей скорбью, — лучше радуйтесь вместе со Мною, так как Я отхожу к Сыну Моему и Богу. Тело Мое, которое Я Сама уготовала для погребения, предайте земле в Гефсимании, а затем опять возвращайтесь к возложенной на вас проповеди Евангелия; Меня же, если изволит Господь, и по Моем отшествии увидите.

Во время этой беседы Богоматери со святыми апостолами прибыл и избранный Богом сосуд — святой апостол Павел[1]: припав к

---

[1] *Святой апостол Павел* — величайший проповедник христианства среди язычества, получивший за это название «апостола языков», — родился в Тарсе, главном городе малоазийской области Киликии, который славился греческой академией и образованностью своих жителей; родители святого Павла были фарисеи — строгие ревнители Моисеева закона (Деян. 23, 6) и происходили из колена Вениаминова: до обращения в христианство святой апостол носил имя Савла в честь царя Саула. Главное образование он получил в Иерусалиме под руководством знаменитого иудейского учителя Гамалиила, отличавшегося, по сравнению с другими законниками, большею широтою воззрений. По приверженности к закону Моисееву Савл сделался гонителем христиан и был одним из ближайших участников побиения камнями первомученика Стефана (Деян. 7; 8, 1), но на пути в Дамаск, куда был послан Синедрионом для преследования христиан, будучи поражен внезапным явлением небесного света и воззванием гонимого им Христа, обратился в христианство и в Дамаске принял святое крещение; из яростного гонителя христиан Савла он превратился в великого проповедника христианства святого апостола Павла (Деян. 9, 20, 26). По возвращении в Иерусалим он был принят в святое общество апостолов. Во время многочисленных путешествий для распространения христианства святой апостол Павел пронес Евангелие от глуби-

ногам Пресвятой Богородицы, он отверз свои уста, восхваляя и ублажая Ее:

— Радуйся, — говорил святой апостол, — Матерь Жизни и мое проповедание; если я до вознесения Господа Иисуса Христа не мог насладиться лицезрением Его здесь, на земле, то, взирая теперь на Тебя, думаю, что вижу как бы Его.

С апостолом Павлом были и близкие его ученики Дионисий Ареопагит[1], Иерофей[2] и Тимофей[3]; присутствовали и остальные, из числа семидесяти, апостолы, — все были собраны Святым Духом, чтобы сподобиться благословения Пречистой Девы Марии и своим присутствием содействовать большей торжественности Ее погребения. Пречистая Владычица каждого из святых апостолов призывала к Себе по имени, восхваляя веру и подвиги при благовестии о Хри-

---

ны Азии до Рима и даже, по преданию, до Испании и Британии. В царствование Нерона он вместе со святым апостолом Петром принял в Риме (в 64 г.) мученическую кончину чрез усечение мечом. За свои великие проповеднические труды святой апостол Павел назван Церковью «первоверховным». — Ни один из апостолов не оставил столько писаний, как апостол Павел: ему принадлежат четырнадцать Посланий, которые были написаны в разное время и по различным обстоятельствам, но которые все составляют яркое выражение его религиозно-нравственного миросозерцания, как и отражение религиозно-нравственного состояния мира в то переходное время. В этих Посланиях боговдохновенного Апостола видим первую чисто богословскую систематизацию христианского учения.

[1] Святой *Дионисий Ареопагит*, член афинского ареопага, был, по свидетельству Деяний апостольских (17, 34), обращен святым апостолом Павлом. По словам церковного историка Евсевия, он был первым афинским епископом и запечатлел свое служение, как говорит апология Аристида, мученическою смертью при Домициане в 96 году.

[2] Святой *Иерофей* тоже был членом афинского ареопага и также обращен в христианство святым апостолом Павлом; им же он был поставлен во епископа Афинского; святой Иерофей скончался в I веке.

[3] *Святой Тимофей*, уроженец Малой Азии, Дервии или Листры (Деян. 16, 1; 20, 4; 2 Тим. 3, 4); своим обращением ко Христу обязан проповеди святого апостола Павла, который, поэтому, называет его своим сыном (1 Кор. 4, 17; 1 Тим. 1, 2); он был постоянным спутником святого апостола Павла в его путешествиях с проповедью Евангелия (Рим. 16, 21; 1 Кор. 16, 10; 1 Фес. 3, 2). Рукоположенный впоследствии, по преданию самим апостолом, во епископа Ефесской церкви, Тимофей свое пятнадцатилетнее епископское служение окончил мученическою смертью по одним в царствование Домициана (81–96 гг.), по другим — Нервы (96–98 гг.): святого Тимофея побила камнями в один языческий праздник толпа язычников, раздраженная его обличительной проповедью.

сте Иисусе; каждому Она желала вечного блаженства и молилась о мире всего мира.

Настал пятнадцатый день августа месяца, и приблизился ожидаемый всеми благословенный час, — это был третий час дня, — отшествия Пресвятой Богородицы. В горнице возжжено было множество светильников; святые апостолы возносили славословие Богу; пренепорочная же Дева возлежала на украшенном одре, приготовляясь к блаженной кончине и ожидая пришествия к Себе возлюбленного Сына Своего и Господа. Внезапно в горнице заблистал несказанный свет Божественной славы, помрачивший светильники. Те, которым открыто было это видение, пришли в ужас. Они видели, что кровля горницы открыта и слава Господня нисходит с небес, — Сам Царь славы Христос со тьмами Ангелов и Архангелов, со всеми небесными Силами, со святыми праотцами и пророками, некогда предвозвещавшими о Пресвятой Деве, и со всеми праведными душами приближался к Пречистой Своей Матери. Увидев приближение Сына, Матерь Божия в великой радости воскликнула слова Своей песни:

— *Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей* (Лк. 1, 46–47).

И приподнявшись с одра, как бы пытаясь идти в сретение Сыну Своему, Она поклонилась Господу. Он же, приблизившись и с любовию взирая на Нее, говорил:

— Прииди Ближняя Моя, прииди Голубица Моя, приди драгоценное Мое сокровище и войди в обители вечной жизни.

Матерь Божия, поклонившись, отвечала:

— Благословенно имя Твое, Господи славы и Боже Мой, благоволивший избрать смиренную рабу Свою для служения таинству Твоему; помяни Меня, Царь славы, в вечном Твоем Царствии; Тебе известно, что Я всем сердцем Моим возлюбила Тебя и соблюла вверенное Мне сокровище, и теперь приими в мире дух Мой и защити Меня от всяких козней темной сатанинской силы.

Господь утешил Ее исполненными любви словами, убеждая не бояться сатанинской силы, которая уже побеждена Ею; Он с любовью призывал Ее безбоязненно прейти от земли к небу.

— *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое* (Пс. 107, 2), — отвечала на это Пресвятая Дева.

И, затем, произнесши сказанные Ею некогда слова, — *да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1, 38), снова возлегла на одре. Чувствуя неизреченную радость при виде пресветлого лица Сына Своего и Господа, Матерь Божия, от любви к Нему преисполненная духовного восторга, предала пречистую душу Свою в руки Господа; при этом Она не ощутила никакой боли, но как бы уснула сладким сном: Тот, Кого Она зачала без нарушения девства и родила без болезни, приял и душу Ее от пречистого тела. И тотчас началось исполненное радости дивное ангельское пение, в котором слышались, часто повторяемые Ангелами, слова приветствия Гавриилова Пресвятой Деве:

— *Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами* (Лк. 1, 28).

С такими торжественными песнопениями провожали небесные чины пресвятую душу Богоматери, на руках Господа грядущую в горние обители. Святые апостолы, удостоившиеся видения, умиленными очами провожали Матерь Божию как некогда Господа, возносившегося с Елеонской горы (см.: Деян. 1, 9–12); они долго стояли, испытывая ужас и как бы находясь в забытьи. Придя в себя, ученики Христовы поклонились Господу, со славою вознесшему на небо душу Своей Матери, и с плачем окружили одр Богородицы. Лицо преблагословенной Девы Марии сияло как солнце, и от пречистого тела Ее исходило дивное благоухание, подобного которому здесь, на земле, невозможно и найти. Все верующие, благоговейно почитая пречистое тело, лобызали его со страхом; от честны́х мощей Богородицы исходила освящающая сила, наполнявшая радостью сердца всех прикасавшихся к нему. Болящие же получали исцеления: слепые прозревали, у глухих отверзался слух, хромы выпрямлялись, бесы изгонялись, — всякая болезнь совершенно исчезала от одного только прикосновения к одру Божией Матери.

Среди этих событий, сопровождавших смерть Божией Матери, началось торжественное шествие с Ее пречестны́м телом для его погребения: святой апостол Петр[1] вместе со святыми апостолами Пав-

---

[1] *Святой апостол Петр*, сын Ионин, брат Андрея, один из трех ближайших учеников Христа Спасителя, родом из Галилейского города Вифсаиды, из рыбарей призван к апостольству Самим Иисусом Христом (Мф. 4, 18–20); он первый назвал Спасителя *Христом, Сыном Бога Живого*, за что был удостоен от Господа названия *камня*, на котором созиждется Церковь (Мф. 16, 17–19). Три раза он отрекся от

лом и Иаковом, братом Божиим, став во главе, подняли вместе с другими святыми апостолами из числа двенадцати одр Пресвятой Богоматери; святой же Иоанн Богослов нес впереди райскую ветвь, испускавшую сияние. Остальные же верующие со свечами и кадилами шли вблизи, окружая одр. Все воспевали исходные молитвословия: святой апостол Петр начинал, а прочие стройно пели за ним псалом Давида: *во исходе Израилеве от Египта* (Пс. 113), присоединяя к каждому стиху аллилуиа; по внушению Святого Духа воспевали и другие торжественные и благодарственные молитвы и псалмы. Торжественное шествие с пречистым телом Богоматери направлялось от Сиона чрез Иерусалим в Гефсиманию. Над одром и провожающими появился облачный круг, напоминавший венец и озаренный необыкновенно светлым сиянием. А в облаках, во всеуслышание, наполняя воздух, раздавалось дивное ангельское пение. Этот облачный венец плыл по воздуху над одром Божией Матери до самого места погребения; за все это время не прекращалось и ангельское пение. Но радостное шествие, — вполне описать его не может слабый человеческий язык, — было неожиданно прервано. Многие из неверовавших во Христа иудеев, услышав необычное пение и увидев торжественное шествие, покинули свои жилища и присоединились к нему: они также пошли за город, удивляясь той славе и чести, какие воздавались пречестному телу Матери Иисуса Христа. Узнав об этом, архиереи и книжники пришли в сильную ярость и послали слуг и воинов, — подговорив также многих и из народа, — чтобы они догнали шествие и разогнали его участников; вместе с тем они приказывали учеников Христовых убить, а тело Богоматери сжечь. Но когда послушная подстрекателям толпа, вооружившись точно на сражение, в ярости побежала вслед за сопро-

---

Христа, но горьким раскаянием возвратил любовь Господа. По воскресению Господа апостол Петр первый, в день сошествия Святого Духа, выступил с проповедью о Христе воскресшем (Деян. 2, 14); он с апостолом Иоанном низвел Святого Духа на самарян, крещенных Филиппом, обратил Корнилия-сотника, открыв доступ в Церковь и язычникам; утвердил Антиохийскую Церковь; затем он проповедовал о Спасителе в Сирии, Понте, Галатии, Каппадокии, Пергаме, Вифинии, Иллирике и Италии — словом, от Вавилона до Рима; здесь, в Риме, по приказанию Нерона, апостол был распят (в 64 г.) вниз головою, о чем святой Петр просил сам, не считая себя достойным умереть на кресте как Господь. Апостол Петр оставил два послания, писанные к христианам из иудеев, рассеянных между язычниками.

вождавшими тело Пресвятой Богородицы и уже стала настигать их, внезапно облачный круг, плывший по воздуху, спустился на землю и точно стеною окружил как святых апостолов, так и остальных христиан; преследовавшие слышали лишь пение, никого не видя за облаком. Святые Ангелы, невидимо парившие над телом Богоматери и христианами, поразили злобных преследователей слепотою: одни из них разбили головы о городские стены; другие ощупывали их и, не зная, куда идти, искали проводников. В это время одному иудейскому священнику, по имени Афонию, случилось выйти в путь: видя святых апостолов, — облако по Божию повелению для большей славы Богоматери снова поднялось, — и множество христиан со свечами и пением, окружавших тело Приснодевы Марии, Афоний переполнился завистью; в нем вспыхнула прежняя злоба к Господу нашему, и он сказал:

— Смотри, какой почет окружает тело Той, Которая родила льстеца, разорившего закон наших отцов!

Будучи очень силен, он с неистовою яростью подбежал через толпу христиан к одру, чтобы сбросить на землю тело Пречистой Владычицы нашей: когда дерзкие руки священника коснулись одра, тотчас невидимый Ангел рассек их посредине невещественным мечом Божия отмщения и они повисли, не отрываясь от одра, сам же Афоний упал на землю, восклицая:

— Горе мне!

Уразумев свой грех, он стал каяться и говорить святым апостолам:

— Помилуйте меня, рабы Христовы!

Святой апостол Петр приказал остановиться несшим тело Богоматери и сказал Афонию:

— Вот, ты получил, чего желал; знай, что Бог отмщений — Господь явил Себя (см.: Пс. 93, 1), и мы не можем исцелить тебя от твоих ран; это может сделать только Сам Господь наш, на Которого вы неправедно восстали и, схватив, убили; но и Он не захочет даровать тебе исцеления, пока ты не уверуешь в Него всем сердцем и не исповедаешь устами, что Иисус есть истинный Мессия, Сын Божий.

Афоний воскликнул:

— Верую, что Он есть предвозвещенный пророками Спаситель мира — Христос; мы с самого начала увидели, что он есть Сын Бо-

жий, но, омраченные злобною завистью, не хотели открыто признать величия Божия и предали Его безвинно смерти; но Он силою Своего Божества в третий день воскрес, посрамив всех нас, — его ненавистников: мы пытались путем подкупа стражи утаить Его воскресение, но ничего не могли сделать, так как слава об этом повсюду распространилась.

Когда Афоний говорил это, раскаиваясь в своем грехе, святые апостолы и все верующие радовались радостью Ангелов о кающемся грешнике: святой апостол Петр повелел Афонию с верою приложить раны усеченных рук к висящим на одре, призывая имя Пресвятой Богородицы. Афоний исполнил это, и тотчас отсеченные руки присоединились к своему месту; они сделались совершенно здоровы; остался только знак отсечения, — точно красная ниточка, окружавший локоть. Афоний пал пред одром ниц, кланяясь рожденному от Пресвятой Богородицы Христу-Богу и ублажая многими похвалами Пречистую Матерь Его: он приводил из святого Писания пророчества, свидетельствующие как о Ней, так и о Христе, и все удивлялись вдвойне, видя чудесное исцеление усеченных рук Афония и слыша от него мудрые слова, которыми он прославлял Господа Иисуса и восхвалял Богородицу. Затем Афоний присоединился к святым апостолам, следуя с прочими христианами в Гефсиманию за одром. Точно так же получили исцеление и те из пораженных слепотой, которые, сознавая свой грех, с раскаянием подходили с проводниками к честному одру и касались его с верою, — они получали прозрение не только телесных, но и душевных очей. Милосердая Матерь всех, Пресвятая Владычица наша, как рождением Своим доставила радость всей вселенной, так и в успении Своем не восхотела никого опечалить: как благая Матерь благого Царя, Она и бывших врагов Своих милостиво утешила благодатными дарами Своими.

Но вот святые апостолы со всем множеством христиан достигли Гефсиманского сада; когда поставили одр с пречестны́м телом, то снова поднялся плач среди христиан: все, лишаясь такого сокровища, рыдали о своем сиротстве; отдавая последнее целование, христиане припадали к телу Пресвятой Богородицы и целовали его, обливаясь слезами, так что только к вечеру могли положить пречестно́е тело во гроб; но даже и тогда, когда ко гробу был уже привален громадный камень, христиане не отходили от него, удерживаемые

любовью к Богоматери. — Святые апостолы пробыли при гробе Пресвятой Богородицы, не покидая Гефсиманского сада, трое суток, днем и ночью воспевая псалмы. И во все это время в воздухе слышалось дивное пение небесных воинств, восхваляющих Бога и ублажающих Его Пречистую Матерь.

По особенному устроению Божию один из апостолов, святой Фома[1], не присутствовал на преславном погребении тела Пречистой Богородицы; он только на третий день явился в Гефсиманию. Святой апостол Фома сильно скорбел и сокрушался, что не удостоился, как прочие святые апостолы, последнего приветствия и благословения Пречистой Богородицы; он сильно плакал также и о том, что один только не видел Божественной славы, дивных таин и дел Божиих, явленных во время успения и торжественного погребения Богоматери. Святые апостолы, сжалившись над ним, решили открыть гроб, чтобы святой Фома мог увидеть хотя бы мертвое тело Преблагословенной Богородицы, поклониться ему и облобызать его и чрез это получить некоторую ослабу своей печали и утешение в огорчении. Но когда святые апостолы, отвалив камень, открыли гроб, то пришли в ужас: во гробе тела Богоматери не было, — остались одни только погребальные пелены, распространявшие дивное благоухание; святые апостолы стояли в изумлении, недоумевая, что это значит? Лобызая со слезами и благоговением оставшуюся во гробе погребальную пелену, они молились Господу, чтобы Он открыл им, куда исчезло тело Пресвятой Богородицы. К вечеру они сели, чтобы немного подкрепиться пищею. У святых апостолов во время трапезы был такой обычай: они оставляли среди себя незанятым одно место, полагая на нем в честь Христа, — как Его часть, — часть хлеба. По окончании трапезы, вознося благодарение, они брали помянутую частицу хлеба, называемую частью Господа, и поднимали вверх, славя великое имя Пресвятой Троицы, затем, после слов «Господи Иисусе Христе, помогай нам!», съедали этот кусок, как Божие благословение. Так поступали святые апостолы не только тогда, когда все были вместе, но и когда каждый находился вдали друг от друга.

---

[1] *Святой апостол Фома* был родом галилеянин. По вознесении Господнем проповедовал Евангелие в Палестине, Месопотамии, Парфии и других странах восточных. В Индии проповедь свою запечатлел мученическою смертью в городе Мелипуре, или Малипуре.

Теперь же в Гефсимании, во время трапезы, они ни о чем другом не думали и не говорили, как и том, почему не нашлось во гробе Пречистого тела Богоматери. И вот, когда, окончив трапезу, святые апостолы начали воздвизать отложенную в честь Господа частицу хлеба, славя Пресвятую Троицу, вдруг услышали ангельское пение: подняв глаза, они увидели на воздухе стоящую Пречистую Матерь Божию, окруженную множеством Ангелов. Она была осияваема неизреченным светом и сказала им:

— Радуйтесь! — ибо Я с вами во все дни.

Святые апостолы, исполнившись радости, вместо обычного «Господи Иисусе Христе, помогай нам», воскликнули:

— Пресвятая Богородица, помогай нам!

С этого времени они как сами уверовали, так и святую Церковь научили верить, что Пречистая Матерь Божия в третий день после погребения была воскрешена Своим Сыном и взята с телом на небо. Снова войдя во гроб, святые апостолы взяли оставленную плащаницу для утешения скорбящих и как неложное свидетельство восстания Богоматери из гроба.

Не подобало скинии жизни быть во власти смерти и Породившей Создателя твари разделить участь тления с земною тварью. Законодатель явился исполнителем данного от Него закона, — сыновья да чтут родителей: Он почтил Пренепорочную Матерь Свою, как Себя, — как Сам Он со славою воскрес в третий день и потом вознесся с пречистою плотью на небо, так и Матерь Свою воскресил со славою в третий день и взял к Себе в небесные селения. Об этом предсказывал и святой Давид, говоря: *воскресни́, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоея́* (слав. Пс. 131, 8); Его пророческие слова сбылись при воскресении Господа и воскрешения Им Своей Матери. — Высеченный в камне пустой гроб Богоматери, как и Сына Ее, доселе сохранился и служит предметом благоговейного почитания верных.

Господь по особому смотрению Своему замедлил прибытие святого Фомы ко дню преставления Пречистой Богородицы, чтобы для него был открыт гроб, и церковь, таким образом, уверилась в воскрешении Богоматери, подобно тому как ранее, чрез неверие того же апостола, уверилась в воскресении Христовом (см.: Ин. 20, 24–31). — Так совершилось успение Пречистой и Преблагословенной нашей

Богородицы и — погребение Ее непорочного тела, Ее преславное воскрешение и торжественное уверение о взятии Ее на небо с плотью.

По окончании всех этих дивных чудес и таин Божиих, святые апостолы, снова носимые облаком, возвратились каждый в ту страну, откуда взят был во время своей проповеди Евангелия.

Святой Амвросий, говоря о жизни Владычицы нашей на земле, так описывает дивные душевные качества Пресвятой Богородицы:

«Она — Дева не только по плоти, но и по духу: смиренна сердцем и нетороплива в речи; слова Ее полны Божественной мудрости; Она почти постоянно в чтении святого Писания и неутомима в трудах; целомудренна в беседах, говоря с людьми, как пред Богом; никого никогда Она не обидела, желая всем добра; никем, хотя бы и убогим, не гнушаясь, ни над кем не смеясь, но все, что ни видела, покрывала Своею любовью; из уст Ее никогда не исходило слова, не приносившего благодати; во всех делах Своих Она являла образ высочайшего девства. Внешний вид Ее был отображением внутреннего совершенства, — благости и незлобия».

Так говорит святой Амвросий. Описание святости душевной и внешнего вида Богоматери встречаем также у Епифания и Никифора:

«Во всяком случае Она сохраняла досточтимость и постоянство; говорила очень мало, только о необходимом и добром, — слова Ее были сладостны для уха; к каждому Она относилась с до́лжным уважением; с каждым человеком вела соответствующую беседу, не смеясь, не возмущаясь, тем более не гневаясь. Рост Ее был средний; цвет лица, как цвет зерна пшеничного; волосы светло-русые и несколько златовидные; взгляд быстрый, проницательный; глаза, цветом напоминавшие масличный плод; брови немного наклоненные, темные; нос средний; уста, подобные цвету розы и сладкословесные; лицо не круглое, немного продолговатое; руки и пальцы продолговатые; в Ней не было никакой гордости, во всем простота, без малейшего притворства; Она была чужда всякого потворства, являя, в то же время, пример высочайшего смирения. Одежды Ее были просты, без всяких искусственных украшений, как о том говорит сохранившийся доселе покров Ее главы, — словом, во всем у Нее проявлялась проникавшая Ее Божественная благодать».

Так повествуют Никифор и Епифаний о душевном и телесном образе Пресвятой Богородицы во время жизни Ее на земле.

Теперь же о Матери Божией, водворившейся в небесных обителях и стоящей одесную престола Божия, могут поведать только небесные духи, да души праведных, предстоящие Богородице и наслаждающиеся лицезрением как Бога, так и Пречистой Девы; они лишь могут сказать нам о Ней, как того требует Ее святость. Мы же, славя Отца, Сына и Святого Духа, Бога Единого в Троице, славим после Бога и Его Пречистую Матерь, и Ей, от всех родов славимой и блажимой вовеки, поклоняемся усердно.

Об отдельных событиях из жизни Пресвятой Богородицы со дня Ее рождения писано в нарочитые праздники Ее: на Зачатие, Рождение, Введение во храм, Благовещение, также и на Рождество Христово и Сретение. А здесь, после повествования о Ее бессмертном успении, в пополнение истории Ее жизни, расскажем, где и как жила Владычица наша по Вознесении Христовом.

Святой евангелист Лука в Деяниях апостольских пишет, что, по отшествии на небо Господа, ученики Его возвратились с горы Елеонской в Иерусалим; войдя в горницу (где была Тайная вечеря Христа), *все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Материю Иисуса, и с братьями его* (Деян. 1, 13–14). По вознесении Иисуса Христа Богородица была для учеников Его единственным утешением, радостью в печали и твердой учительницей веры. Ибо все слова и чудесные события, которые Матерь Божия слагала в Своем сердце (см.: Лк. 2, 19), начиная от радостного благовещения Гавриила о бессеменном зачатии и нетленного рождения Христова из девической утробы и кончая годами младенчества Господня и временем жизни до крещения от Иоанна, — все это Она открыла ученикам Своего Сына; как имевшая обильные откровения от Святого Духа и Сама бывшая свидетельницею всех чудесных действий, совершившихся в жизни Христовой до дня явления Господа миру, Матерь Божия укрепляла веру святых апостолов подробным повествованием о жизни Спасителя до Его Крещения. Все верующие, пребывая в помянутой горнице, неустанно молились, приготовляясь к принятию даров обещанного Господом от Отца Святого Духа. И во время сошествия, — в 11-й день по вознесении Господнем, — Святого Духа на апостолов в виде огненных языков (см.: Деян. 2, 1–4),

ниспосланный от Отца Утешитель (см.: Ин. 14, 16) прежде почил на Пречистой Деве, и до этого бывшей достойным Его храмом, в котором Он пребывал неотступно. Дары Святого Духа излились на Преблагословенную Деву в большем изобилии, нежели на святых апостолов, подобно тому как больший сосуд может больше вместить в себе воды, и Пречистая Дева, сосуд самый богатый дарами Святого Духа, потому что Она выше апостолов, пророков и всех святых, как и взывает к Ней Церковь: «Воистину Ты, Дева чистая, выше всех»; поэтому Она и даров Святого Духа вместила в Себе более всех.

Матерь Божия жила в доме святого Иоанна Богослова, находившемся на самом высоком месте Иерусалима — на горе Сион: с того самого времени, когда Господь сказал со креста Своей Матери, указывая на возлюбленного ученика: *Жено! се, сын Твой,* и ученику: *се, Матерь твоя* (Ин. 19, 26–27), Иоанн взял Пресвятую Деву к себе и действительно служил Ей как своей матери. — По сошествии Святого Духа, святые апостолы не тотчас разошлись по вселенной с проповедью Евангелия, но еще долгое время пробыли в Иерусалиме, как это видно из Деяний апостольских. Здесь повествуется, что, по убиении святого первомученика Стефана (7, 59–60), настало *великое гонение на церковь в Иерусалиме; и все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии* (Деян. 8, 1); ученики Христовы, защищаемые силою Божиею пробыли в Иерусалиме около десяти лет, считая со времени вознесения Господня до дня, когда *царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло* (Деян. 12, 1). Правда, за описываемый промежуток времени святые апостолы уходили на время в другие страны, как Петр и Иоанн вместе в Самарию (см.: Деян. 8, 14–15), или один Петр — в Лидду, где исцелил страдавшего восемь лет расслабленного Энея (см.: Деян. 9, 32–34), и — Иоппию, где воскресил умершую Тавифу (см.: Деян. 9, 36–43), Кесарию, где крестил Корнилия сотника (гл. 10), и Антиохию, где основал первый престол своего епископства; или, как Иаков, брат Иоанна, ходил в Испанию, но затем они опять возвращались в Иерусалим. В начале своей проповеди святые апостолы желали служить, главным образом, спасению израильского народа, утверждая в то же время первую Церковь в Иерусалиме, которая всех Церквей мать, как воспевает святой Иоанн Дамаскин: «Радуйся, Сионе святый, мати Церквей, Божие жилище: ты бо

приял еси первый оставление грехов»; вместе с тем они желали, как можно чаще, видеть Матерь Божию и поучаться у Нее. Почитая Ее, как бы наместницу Христову, святые апостолы взирали на пречестное и славное лицо Богоматери, как лицо Самого Христа, и, слушая исполненные благости слова Приснодевы, они проникались несказанной духовной радостью, за сладостью Ее слов забывая горечь бед и несчастий. Поэтому многие из уверовавших во Христа из далеких стран приходили в Иерусалим, чтобы видеть Матерь Божию и слышать Ее, исполненную святой мудрости, беседу; что слава о Христе и Его Пречистой Матери, распространившись по всем концам вселенной, многих привлекала в Иерусалим к Пресвятой Деве, это ясно видно из послания святого Игнатия Богоносца[1] святому Иоанну Богослову из Антиохии:

— У нас, — пишет он, — находятся многие жены, желающие видеть Матерь Иисуса; они постоянно стремятся найти возможность прийти к вам и посетить Ее, припасть к груди, питавшей Господа Иисуса, и узнать от Нее некоторые тайны. У нас Она прославляется как Матерь Божия и Дева, исполненная благодати и добродетели; о Ней сообщают, что Она радостна в бедах и гонениях, не скорбит в нищете и недостатках, не только не гневается на причиняющих Ей обиды, но еще благодетельствует им; при радостных событиях Она кротка, милосерда к бедным, оказывая им помощь, насколько может; враждующим же на нашу веру Она противостоит с твердостью: Она — Учительница нашего нового благочестия и всем верным — Наставница на всякое доброе дело; особенно любит смиренных, и Сама ко всем смиренна; все видевшие Ее превозносят. И сколь Она смиренна, когда законники иудейские и фарисеи смеются над Ней! Нам говорили люди, достойные полного доверия, что в Марии, Матери Иисусовой, естество человеческое кажется, по причине Ее свя-

[1] *Святой Игнатий* был ученик апостолов Петра и Иоанна Богослова; от ношения Христа в своем сердце именуется Богоносцем. После святого Евода он был сорок лет епископом Антиохийской церкви (68–107 гг.), видел лики Ангелов, попеременно поющих славу Божию, и, по указанию этого видения, установил в церкви пение на два лика. В царствование Траяна был в оковах сослан в Рим и повержен на растерзание львам на амфитеатре римском 20 декабря 107 года. Кости его были собраны верующими и, как священное сокровище, принесены в Антиохию. От него осталось семь посланий, проникнутых духом апостольским. Память его — 20 декабря (день преставления) и 29 января (перенесение мощей).

тости, соединенным с естеством ангельским. Все это возбуждает в нас, слышащих, безмерное желание видеть небесное, — скажу так, — дивное и пресвятое чудо.

В другом послании тот же святой Игнатий Богоносец пишет снова святому Иоанну Богослову:

— Если откроется возможность, я думаю прийти к тебе, чтобы видеть собранных в Иерусалиме верных, и особенно Матерь Иисуса: о Ней говорят, что Она честна, приветлива и во всех возбуждает удивление, и все желают Ее видеть; да и кто не желает видеть Деву и беседовать с Родившею Истинного Бога?

Из этих посланий святого Игнатия к Иоанну Богослову можно легко понять, с каким сильным желанием стремились святые увидеть одушевленную святыню Божию, Марию Пречистую Деву, и сподобившиеся видеть почитали себя счастливейшими. Воистину блаженны очи видевших Ее по Христе Спасителе, и блаженны уши сподобившихся услышать из пречестны́х уст Ее слова, возрождающие к жизни духовной!

Какую радость и благодать они получили!

Для того Господь и оставил на земле Свою Пречистую Матерь, чтобы Ее присутствием, руководством, поучениями и теплыми молитвами к Сыну и Богу воюющая церковь умножалась и утверждалась, и возрастала до дерзновения полагать жизнь свою за Господа. Матерь Божия всех укрепляла, всех утешала радостью о Святом Духе и за всех молилась. Когда святые апостолы заключены были в темницу, Матерь Божия с умиленным сердцем молилась за них, — и к ним был послан Господом Ангел, который ночью отворил двери темницы и вывел их вон (см.: Деян. 5, 18–19). Когда святой первомученик Стефан был веден на смерть, Матерь Божия издали шла за ним, и когда святого Стефана стали побивать камнями (см.: Деян. 7, 57–60) в долине Иосафатовой, при потоке Кедрон, Она вместе с Иоанном Богословом стояла вдали на одном холме, оттуда смотрела на его кончину и усердно молилась Богу, чтобы Господь укрепил страдальца и принял душу в Свои руки. Когда *Савл терзал церковь* (Деян. 8, 3), гоня верующих, Матерь Божия молилась о нем Господу с такими теплыми слезами, что превратила его из хищного волка в кроткого агнца, из врага — в апостола, из гонителя — в ученика и учителя вселенной. И каких благодеяний не получила первенствующая Цер-

ковь от Пречистой Богородицы, как грудное дитя от своей матери? Какой благодати не почерпали из этого неоскудеваемого источника? Не без Ее забот и благодатного воздействия церковь была воспитана и доведена до мужественного возраста, — окрепла настолько, что и врата адовы ее не могут одолеть (см.: Мф. 16, 18); чему и Сама Богоматерь радовалась, по слову Давида, как матерь веселящаяся о детях (см.: Пс. 112, 9). Она видела, что церковные чада постоянно умножаются: так уже в начале чрез проповедь святого апостола Петра обратилось три тысячи (см.: Деян. 2, 41), потом пять тысяч (см.: Деян. 4, 4), а потом все более и более. Святые апостолы, возвращаясь с проповеди Евангелия в Иерусалим, также рассказывали Пресвятой Богородице о распространении Церкви Христовой по всей вселенной. Успех проповеди христианской исполнял Ее духовной радости и побуждал воссылать хвалу Сыну Своему и Богу.

Но вот Церковь постигло гонение Ирода: он убил мечом возвратившегося из Испании Иакова, брата Иоаннова, а затем задержал Петра и посадил его в темницу с намерением предать подобной же смерти (см.: Деян. 12, 1–4), тогда, по чудесном освобождении святого Петра из уз темницы чрез Ангела, настала нужда и самим апостолам покинуть Иерусалим, чтобы избежать лютого гонения иудеев; они разошлись по вселенной, бросив жребий, кому и какая из них выпадает для проповеди страна. Но прежде чем разойтись, святые апостолы составили Символ веры, чтобы повсюду согласно проповедовать и насаждать святую веру во Христа. Каждый удалился в свой жребий; в Иерусалиме остался один только брат Божий, святой Иаков, Самим Господом поставленный епископом Иерусалимским. Избегая гонения, удалился и святой Иоанн Богослов вместе с Матерью Божиею, Которой он был усыновлен: они покинули Иерусалим, уступая лютому гонению и мучительству, пока не ослабеет гнев иудеев. Но, чтобы не терять времени напрасно, Матерь Божия и святой евангелист Иоанн пошли в Ефес, куда Богослову выпал жребий. Это пребывание Пречистой Богоматери со святым Иоанном в Ефесе ясно подтверждается следующим: существует послание к константинопольскому клиру от отцов III Вселенского собора, заседавшего в Ефесе против Нестория; в этом послании находится такое место: «Родоначальник злочестивой ереси Несторий, званный (на суд) святыми отцами и епископами собора в Ефесе, где некогда пре-

бывали святой Иоанн Богослов и Святая Дева, Богородица Мария, не дерзнул прийти к ним, будучи обличаем своею злою совестью и сам себя отлучая; поэтому, после трикратного призыва, он осужден праведным судом святого собора и низложен от священного сана»[1]. Из этих слов о пребывании Богоматери с евангелистом Иоанном в Ефесе видно, что Пресвятая Дева вместе с возлюбленным учеником Христовым действительно, покинув Иерусалим, некоторое время провела в Ефесе. И не только Ефес, но и другие города и страны, просвещенные светом Христова учения, посещала Матерь Божия: предание говорит, что Она была в Антиохии у святого Игнатия Богоносца, которому послала пред Своим посещением извещение о Своем путешествии: «Приду с Иоанном, чтобы видеть тебя и твою паству». Говорят также, что Пресвятая Богородица была на острове Кипре[2] у четверодневного Лазаря, проходившего там епископское служение, и — на горе Афонской. Об этом пишет Стефан, инок святогорский.

По вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа, святые апостолы вместе с Матерью Божиею неразлучно пребывали на Сионе; здесь они ожидали Утешителя, как повелел им Господь, заповедавший не отлучаться от Иерусалима до получения обетованного Святого Духа (см.: Лк. 24, 49). Ученики Христовы бросили жребий, кому именно из них и какая именно страна дана будет для проповеди Евангелия Божия; Пресвятая Богородица сказала:

— И я хочу принять участие в проповеди евангельской и желаю вместе с вами бросить свой жребий, чтобы получить страну, какую укажет Бог.

По слову Божией Матери святые апостолы с благоговением и страхом метнули жребий, и Ей выпала жребием Иверская земля[3]. Пречистая Богородица с радостью приняла Свой жребий и тотчас, — по сошествии Святого Духа в виде огненных языков, — хотела идти в Иверскую страну, но Ангел Божий сказал Ей:

— Теперь не отлучайся от Иерусалима, но до времени пребывай здесь, — страна, выпавшая Тебе, просветится в последние дни и Твое владычество утвердится там; по прошествии некоторого вре-

[1] См. *Приложения* — «Воспоминание Третьего Вселенского собора».

[2] Остров на северо-восточном конце Средиземного моря.

[3] Нынешняя Грузия.

мени Тебе предстоит труд благовестия в земле, в какую направит Тебя Бог.

И пребывала Пречистая Богородица в Иерусалиме довольно продолжительное время.

Четверодневный Лазарь жил на острове Кипре; здесь он был рукоположен во епископа святым апостолом Варнавою. Он сильно желал видеть Пречистую Матерь Господа нашего, Которую давно уже не видел, но не смел прийти в Иерусалим из боязни иудеев. Узнав это, Матерь Божия написала Лазарю послание: здесь Она утешала его и приказывала прислать за Нею корабль, чтобы Ей посетить его в Кипре; самому же Пресвятая Дева не велела ради Нее приходить в Иерусалим. Прочтя послание, Лазарь чрезвычайно обрадовался, удивляясь в то же время смирению Божией Матери; нимало не медля, он отправил за Нею корабль вместе с ответным посланием. Преблагословенная Богородица вошла в корабль вместе с возлюбленным учеником Христовым Иоанном и с прочими, с благоговением сопровождавшими их, и все поплыли к Кипру. Но внезапно поднявшийся противный ветер загнал корабль в гавань, находившуюся близ Афонской горы; это и был тот кратковременный труд благовестия, о котором говорил Матери Божией Ангел. Вся Афонская гора[1] была переполнена идолами: здесь было большое капище и святилище Аполлона, причем на этом месте совершались гадания, волхвования и другие бесовские действа. Все язычники очень почитали это место, как избранное богами; сюда стекались на поклонение со всей вселенной, и здесь получали ответ от гадалок на свои вопросы. И вот когда в пристань вошел корабль, на котором находилась Пресвятая Богородица, все идолы тотчас возопили:

— Все, прельщенные Аполлоном, сойдите с горы к Климентовой пристани для встречи Марии, Матери великого Бога Иисуса (так бесы, находившиеся в идолах против своей воли, понуждаемые силою Божиею, возвестили истину, подобно возопившим некогда ко Господу в стране Гергесинской: *Что тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас* (Мф. 8, 29)).

---

[1] *Афонская гора* (Афон), по-гречески Ἅγιος ὄρος — Святая гора, — узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иноческая жизнь здесь появилась в древнее время, хотя несколько позже, чем в Сирии и Палестине.

Слыша все это, народ дивился и поспешил на морской берег к помянутой пристани; увидев корабль и Матерь Божию, они с честью встретили Ее и спрашивали в своем собрании:

— Какого (Ты) родила Бога? И как Ему имя?

Пресвятая Богородица, открыв Свои божественные уста, возвестила народу все подробно о Христе Иисусе. Все, пав на землю, поклонились родившемуся от Нее Богу и оказали великое почтение Родившей Его; уверовав, они крестились, ибо много чудес совершила здесь Матерь Божия. По крещении Она поставила новопросвещенным начальником и учителем одного из сопровождавших Ее на корабле и, возрадовавшись духом, сказала:

— Это место да будет Моим уделом, данным Мне от Сына и Бога Моего.

После этих слов Пресвятая Богородица благословила людей, сказав опять:

— Благодать Божия да пребудет на этом месте и на живущих здесь, с верою и благоговением сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего, — все необходимое для жизни они будут иметь в изобилии без тяжелого труда; им будет дарована жизнь небесная, и до скончания века не отступит от места этого милость Сына Моего; Я буду Заступницей месту этому и теплой Ходатаицей за него пред Богом.

Сказав это, Матерь Божия опять благословила народ и, войдя вместе с Иоанном и сопровождавшими Ее в корабль, отплыла в Кипр. Она застала Лазаря в сильной скорби, так как путешествие Пресвятой Богородицы было слишком продолжительно, и он боялся, не произошло ли замедление от бури: ему не были известны события, по смотрению Божию совершившиеся на Афонской горе. Своим прибытием Матерь Божия преложила его скорбь в радость; в дар ему Она привезла омофор и поручи, которые Сама сделала для него; Она рассказала ему все, что произошло в Иерусалиме и на Афонской горе. И воссылали благодарность Богу за все. Пробыв в Кипре немного времени, утешив тем христиан Кипрской Церкви и благословив их, Матерь Божия села на корабль и отплыла в Иерусалим. (До этого места Стефан, инок святогорский).

Посетив помянутые страны, Пречистая Дева Мария снова поселилась в Иерусалиме в доме святого евангелиста Иоанна; всесильная десница Божия сохраняла Ее от завистливых козней богоубий-

ственной синагоги, не перестававшей враждовать против Сына Божия и верующих в Него. Конечно, озлобленные иудеи не оставили бы в живых Матери Иисусовой и каким бы то ни было образом погубили Ее: но особенное смотрение Божие осеняло одушевленный Кивот Божий, чтобы его не коснулась рука неверных. Некогда Сын Ее, Христос Бог наш, после проповеди в Назаретской синагоге, когда исполненные ярости иудеи повели Его на верх горы, чтобы оттуда сбросить вниз, невредимо прошел среди них: иудеи хотя и видели Его, но не могли возложить своих рук и даже коснуться Его, потому что сила Божия отбросила их назад и удерживала в таком положении, так как не пришло еще время страданий Сына Божия (см.: Лк. 4, 29–30); то же самое явил Господь и над Пречистою Своею Матерью, удерживая замышляемые иудеями козни и разоряя их совет против Нее: очень часто пытались иудеи схватить Божию Матерь и, предав мучениям, убить, но не могли ничего сделать. Среди столь сильной ненависти и вражды Пречистая Дева жила в Иерусалиме как овца среди волков и как крин среди тернов, часто повторяя, действительно сбывшиеся над Нею, слова праотца Своего Давида: *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться* (Пс. 26, 1–3), ибо Ты, Сыне и Боже Мой, со Мною. — Пресвятую Богородицу посетил, чтобы поклониться Ей, святой Дионисий Ареопагит, обращенный ко Христу святым апостолом Павлом в Афинах и неотступно сопутствовавший ему в течение трех лет. Он сильно желал видеть Божию Матерь и, поэтому, спустя три года после своего обращения, с благословения учителя своего, святого апостола Павла, пришел в Иерусалим: увидев Пречистую Богородицу, он исполнился великой духовной радости. В послании своем к святому апостолу Павлу, святой Дионисий Ареопагит так описывает свое посещение Божией Матери.

— Для меня, наш великий руководитель, было несомненно, — говорю как пред Богом, — что, кроме Всевышнего Бога не может существовать ничего, столь исполненного Божественной силы и дивной благодати, и однако человеческому уму невозможно постичь,

что я видел благообразную и превосходящую святостью всех небесных Ангелов Всесвятейшую Матерь Господа нашего Иисуса Христа; это даровали мне благодать Божия и почесть лика апостольского, а также — неисповедимая благость и милосердие Самой Милостивой Девы. Я снова исповедую пред всемогуществом Божиим, пред благодатию Спасителя и пред великою славою Девы, Матери Его, что когда я с Иоанном, первым среди евангелистов и пророков, который, живя по плоти, сияет как солнце на небе, введен был к благообразной и Пречистой Деве, то меня снаружи облистало великое божественное сияние, просветившее мою душу; при этом я ощутил столь дивное благоухание, что дух мой и тело едва были в состоянии вынести это проявление славы и предначатие вечного блаженства; от славы и Ее божественной благодати изнемогло сердце мое и дух мой. Свидетельствую Богом, пожившим в пречестнейшей девической утробе, что я признал бы Ее за истинного Бога и почтил бы Ее поклонением, подобающим только одному Богу, если бы новопросвещенная душа моя не сохраняла в себе твои божественные наставления и законы: никакая честь и слава людей, прославленных Богом, не может сравниться с тем блаженством, какое испытал я недостойный, в то время удостоившийся; это время было для меня временем величайшего блаженства. Благодарю превышнего и преблагого Бога моего, божественную Деву, великого среди апостолов Иоанна, также и тебя, украшение Церкви и начальника непобедимого, милостиво явивших мне столь великое благодеяние.

Из этого послания святого Дионисия Ареопагита ясно видим, какой божественной благодатью было осияваемо лицо Пречистой Владычицы нашей, во время жизни Ее на земле и — как просвещались души и какой духовной радости наполнялись сердца видевших Ее во плоти. К ней во множестве и отовсюду стекались новопросвещенные обоего пола; как истинная Матерь, Она всех принимала одинаково без лицеприятия, всем разливая щедроты Своей благодати, — болящим подавая исцеление, слабым здоровье, печальным утешение, и всем без исключения утверждение в вере, непоколебимость в надежде и Божественную радость в любви, грешникам же исправление.

Во время жизни в доме святого Иоанна Пресвятая Дева часто посещала те места, которые возлюбленный Сын Ее и Бог освятил сто-

пами Своих ног и пролитием Своей крови. Так Она посещала Вифлеем, где, несказанно соблюдя Ее девство, от Нее родился Христос Бог, но особенно часто Матерь Божия приходила на места, где пострадал волею наш Господь. Материя любовь побуждала Ее проливать здесь обильные слезы, причем Она говорила:

— Здесь возлюбленный Сын Мой был бичуем, здесь увенчан терновым венцом, здесь шел, неся крест, здесь был распят.

При гробе же Богородица исполнялась неизреченного веселия и восклицала с радостными слезами:

— А здесь Он был погребен и в третий день воскрес со славою.

В дополнение к этому сообщают следующее. Некоторые ненавистники из иудеев донесли архиереям и книжникам, что Мария, Матерь Иисуса, каждый день ходит к Голгофе и при гробе, где был положен Сын Ее Иисус, преклоняет колена, плачет и воскуряет фимиам; тогда они поставили стражу, которая бы не допускала проходить этим местом никому из христиан. Отсюда видим, что уже в то время начался благочестный обычай посещать верными христианами святые места и здесь поклоняться Христу Богу, за нас пострадавшему волею: первый пример в этом отношении дала Сама Богородительница, Которой последовали и прочие святые жены и мужи. Итак, от архиереев и книжников, исполненных злобы и убийства, была поставлена стража, которой было приказано никого не допускать ко Гробу Иисуса, а Матерь Его убить. Но Бог ослепил стражей, так что они не могли видеть пришествия на Гроб Христа Иисуса Его Матери. И когда преблагословенная Дева, верная обычаю Своему, приходила ко Гробу, стражи не могли увидеть как Ее, так и находившихся с Нею. Спустя долгое время, они покинули гроб и с клятвою уверяли архиереев и книжников, что они не видели никого, кто бы приходил ко гробу Иисуса. Пресвятая Богородица часто ходила также на гору Елеонскую, откуда вознесся на небо наш Господь: преклоняя колена, Она лобызала отпечатлевшиеся на камне стопы от ног Христовых. С сильными слезами молилась Матерь Божия при этом, чтобы Господь и Ее взял к Себе: конечно, Она несравненно более, чем святой апостол Павел, имела *желание разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23), и часто повторяла слова Давида: «*Когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день*

и ночь (Пс. 41, 3–4), когда увижу возлюбленного Сына Моего? Когда приду к Нему, сидящему одесную Бога Отца? (см.: Мк. 16, 19). Когда предстану пред престолом Его славы? Когда насыщусь Его лицезрения? О пресладкий Сын и Бог Мой! Время ущедрити Сион (ср.: Пс. 50, 20), — время помиловать Меня, Твою Матерь, до сих пор скорбящую, не видя Твоего лица, в печальной юдоли этого мира; изведи из тела, как из темницы, Мою душу; как олень стремится к водному источнику, так душа Моя стремится к Тебе, Боже, чтобы насладиться, когда Мне явится Твоя слава (см.: Пс. 41, 1)». Пречистая Дева иногда оставалась на Елеонской горе довольно долгое время: при подошве горы находился Гефсиманский сад и небольшое владение Зеведея, доставшееся по наследству святому Иоанну Богослову. В Гефсиманском саду Господь наш пред вольною Своею страстью до кровавого пота молился, падая на колена и лицо Свое пред Отцом небесным (см.: Мф. 26, 36–44). Здесь, на этом самом месте, возносила Свои теплые молитвы и Его Пречистая Матерь, также падая на колена и лицо и обливая землю слезами; здесь Она и была утешена Господом чрез Своего Ангела, известившего Ее о скором Ее преставлении на небо. По свидетельству Георгия Кедрина, историка греческого, Пресвятой Богородице пред кончиною Ее Ангел являлся два раза: первый раз — за пятнадцать дней до успения, а второй — за три дня; от Ангела Матерь Божия получила райскую финиковую ветвь, которую пред одром Ее нес святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. Некоторые, как, например, епископ Сардийский Мелитон, сообщают, что возлюбленный ученик Христов до успения Богородицы удалился в Ефес и оттуда, подобно прочим апостолам, но только раньше их, был восхищен облаком и принесен к погребению Божией Матери. Однако другие, например Метафраст и Софроний, без всякого колебания утверждают, что святой Иоанн Богослов никогда не отлучался от богоблагодатной Матери, Которой был усыновлен, но, как истинный сын, служил Ей, давая приют в своем доме до самой Ее кончины. Только изредка, на очень короткое время, он посещал окрестные местности (как видели выше из Деяний апостольских: так святой Иоанн Богослов вместе с апостолом Петром был в Самарии), но он делал это с согласия и по благословению Самой Божией Матери и немедленно снова возвращался

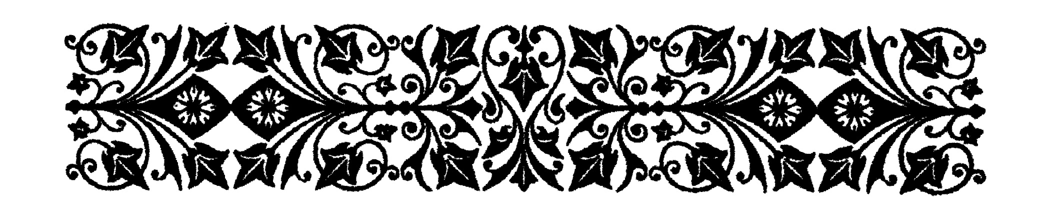
к Ней в Иерусалим; а до его возвращения Пречистой Богородице служил святой Иаков, брат Божий, никогда не покидавший свою епископию — Иерусалим. Если же и согласиться с говорящими, что Иоанн Богослов, как и прочие святые апостолы, был восхищен облаком, то, без сомнения, из ближайшей к Иерусалиму местности.

Торжественное празднование Успения Пресвятой Богородицы 15 августа установлено в царствование благочестивого царя Греческого Маврикия[1]. — Радостно празднуя всеславное преставление

[1] Существует, достойное веры, сказание о том, что Ювеналий, патриарх Иерусалимский, утверждал, на основании предания, пред императором Маркианом (450–457 гг.) достоверность распространившихся в то время сказаний о чудесном восшествии Богоматери с плотью на небо. Он даже прислал в Царьград погребальные пелены Богородицы, которые царица Пульхерия положила в построенном ею храме Богоматери во Влахернах в начале царствования Маркиана. Это предание о Ювеналии записано 2 июля в Месяцеслове императора Василия X века, автор коего, если не сам император, то житель Царьграда, без сомнения знал, на основании достоверных источников, о погребальных пеленах во Влахернском храме. Подробно же об этом говорит историк Никифор Каллист (XIV в.). Понятно отсюда, что в Царьграде при Маркиане и Пульхерии совершалось празднество Успения Божией Матери, о котором наглядно говорили погребальные пелены Ее. По стишным прологам видно, что праздник Успения совершался во Влахернском храме. Трудно представить, чтобы в Царьграде, который Константином Великим поручен Покрову Богоматери, в котором Ей построен был не один храм самим Константином и три храма Пульхериею, не было празднования Успения Пресвятой Девы в IV или, по крайней мере, в V веке, когда праздновались дни многих святых. Поэтому несправедливо мнение, утверждающееся на свидетельстве историка Никифора, что праздник Успения введен впервые императором Маврикием (592–602 гг.). Никифор говорит: «Император (Юстиниан) установил, чтобы во всем мире чтился как праздничный день Сретение, Юстин сделал то же в отношении к святому Рождеству Христову, а недолго спустя Маврикий повелел, чтобы Успение Пресвятой Богородицы праздновалось 15 августа». Слова Никифора надо понимать так, что Маврикий сделал этот праздник более торжественным и, главное, установил определенный день празднования — 15 августа. До этого времени некоторые праздновали Успение в январе: в древнем римском Иеронимовом мартирологе Успение Богородицы показано 18 января, а 15 августа — взятие на небо. Григорий Турский († 594 г.) говорит, что преславное восшествие Богоматери на небо во Франции праздновалось в 11-м месяце, то есть в январе (считая от марта). В коптских и абиссинских памятниках 16 января показано Успение и 16 августа — Вознесение Богоматери на небо. Затем праздник Успения находится в сакраментарии папы Геласия I (492–496 гг.), целым веком ранее — императора Маврикия. Он находится в IV и не позднее V веке в одном римском календаре 16 августа, а известно, что другие великие праздники,

Божией Матери с земли на небо, воздадим славу Родившемуся от Нее и на небеса со славою приемшему Ее, — Христу Богу нашему, со Отцом и Святым Духом славимому вовеки. Аминь.

за исключением Рождества Христова, явились на Западе с Востока, как видно из названий их в древних календарях; то же должно думать и о празднике Успения. На Востоке в начале VII века говорил на этот праздник слово Модест, патриарх Иерусалимский († 634 г.); в этом же веке или в начале VIII века святой Андрей Критский († 712 г.) говорит в трех словах на Успение о торжественном праздновании этого дня. Праздник Успения находится в самом древнем дошедшем до нас праздничном Евангелии 715 года и во всех других календарных памятниках VIII и последующих веков. «Без сомнения, — рассуждает вслед за вышеприведенными соображениями известный агиолог, Сергий епископ Владимирский, — вера христиан в восшествие Богоматери на небо в прославленной плоти — истинна. Если Енох из мира допотопного и пророк Илия из мира подзаконного восхищены на небо с плотью, ужели пречистая плоть Честнейшей Херувимов и Славнейшей Серафимов предана тлению? Сонмы мучеников и подвижников прославлены нетлением благоухающих мощей, изливающих токи исцелений; телеса многих из них, бывших безызвестными, после немаловременного пребывания в земле, открыты верным видениями и чудесами, а пречистое тело Богоматери, хотя бы и нетленное, где-либо сокрывается в земле в безызвестности? Нет ни в одном углу христианского мира части мощей Богоматери; это потому, что вера в восшествие (Ее) на небеса с пречистою плотью весьма древня, современна апостолам и мученикам. Пояс Богоматери, святые одежды Ее открыты для чествования миру христианскому; хранимые с благоговением, разделяемые по лицу земли на части, они творили и творят чудеса. Многочисленные иконы Ее всюду изливают столько исцелений и знамений; а святое тело Ее неизвестно где в земле. Нет, это невозможно! Святые мощи прославленных мучеников с течением времени иногда подвергаются, по грехам живущих на земле, общей участи земного: действию огня, наводнений, землетрясений, поруганию от варваров. Этого не допущено в отношении к пречистому телу Богоматери; оно не оставлено случайным переменам преходящего мира, но и не унижено пред телами святых безвестным сокрытием в земле; оно несравненно более возвышено над ними преславным вознесением на небеса» (Полный Месяцеслов Востока, т. II. Святой Восток, Д. Б. Архиепископа Сергия. Владимир, 1901 г., 15 августа, с. 323–326).



День шестнадцатый

ПЕРЕНЕСЕНИЕ из Эдессы в Константинополь НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

Во дни явления Господа нашего Иисуса Христа на земле, когда, живя с человеками, Он с проповедью о Царствии Божием проходил грады и веси Иудеи и окрестных стран, *исцеляя всяк недуг и всяку язю в людех*, в Эдессе, городе сирийском по ту сторону реки Евфрата, жил князь Авгарь. Он страдал неисцельной болезнью — проказою: снаружи его покрывали синеватые язвы; внутри он чувствовал ломоту костей и расслабление всего тела. До Авгаря достиг слух[1] о Господе Иисусе Христе и о великих чудесах, совершаемых Им, — как словом Своим Он врачует проказу, расслабление и вся-

---

[1] Первое сказание о сношениях Христа с Авгарем встречаем у отца церковной истории Евсевия Памфила († 340 г.); по его собственным словам он занес это сказание в свою историю, основываясь не на предании только, но и на письменных документах, найденных им в Эдесских архивах. За Евсевием следуют из IV века Ефрем Сирин, из V века — армянский историк Моисей Хоренский и из VI века — Прокопий. Армянский историк V века Моисей Хоренский описывает случай, благодаря которому Авгарь услышал об Иисусе Христе, именно: Авгарь узнал о Христе от своих послов, которых он отправлял к римскому трибуну, управляющему Финикией, Палестиной, Сирией и Месопотамией, — послы на обратном пути были в Иерусалиме и здесь видели чудеса Спасителя. Писатель X века Константин Порфирородный († 959 г.), у которого встречаем наиболее обстоятельный рассказ о происхождении Нерукотворного образа, передает, что Авгарю сообщает о Христе *слуга его* Анания, возвратившийся из путешествия в Египет.

кую болезнь; и сильно желал Авгарь увидеть своими глазами Творца таких чудес, надеясь и сам получить от Него исцеление. А так как князь не имел возможности сам идти в Иудею, то послал просьбу Господу Иисусу, умоляя Его прийти к Нему в Эдесс. Не имея же уверенности, что просьба будет исполнена, Авгарь отправил в Палестину искусного живописца Ананию, поручив ему изобразить на иконе лицо Господа; князь желал иметь хотя ту отраду в своей болезни, что будет видеть изображение лица Христа Иисуса; столь велика была у него любовь ко Христу, внушенная верою по слуху. Послание Авгаря Господу Иисусу состояло в следующем:

«Князь Эдесский Авгарь Иисусу, благому Спасителю в странах иерусалимских явившемуся, во плоти радоваться.

До меня достиг слух о Тебе и Твоих преславных чудотворениях, как без врачевства и лекарств Ты исцеляешь болезни, — слепым даешь прозрение, хромым хождение, отгоняешь от людей нечистых духов, очищаешь прокаженных, расслабленных, в течение многих лет лежащих на одре, врачуешь словом и воскрешаешь мертвых: слыша о Тебе, что Ты совершаешь столь дивные чудеса, я относительно Тебя пришел к такого рода двум заключениям: Ты или Бог, сошедший с неба, или Сын Божий. Поэтому я и обращаюсь к Тебе с таким смиренным молением, да потрудишься прийти ко мне и исцелить неизлечимую болезнь мою, от которой я страдаю уже много лет; дошло до меня также, что иудеи ненавидят Тебя и хотят причинить Тебе зло. Я же имею город, хотя и небольшой, но красивый и изобилующий всем; итак, приходи ко мне и живи со мною в моем городе, в котором для нас обоих найдется все потребное».

С этим посланием Авгаря живописец Анания достиг Иерусалима. Он увидел Господа Иисуса учащего на равнине среди множества людей, но не мог приблизиться к Нему по причине тесноты, производимой скученностью народа. Ожидая времени, когда разойдется народ, Анания вступил на один камень, немного возвышавшийся над землею; отсюда он внимательно всматривался в лицо Спасителя, намереваясь изобразить его; и не мог Анания сделать этого, ибо Всевидец, не благоволивший к намерению живописца, изменял лицо Свое божественною, непостижимою, недоступною для изображения руки человеческой, славою и благодатию. Долго трудился Анания, но ничего не достиг. Господь же повелел апостолу Фоме идти и при-

вести мужа, который, стоя на камне, изображает его лицо. Когда его подвели и он еще ничего не начал говорить, Господь подозвал его к себе по имени и, указывая на его занятие, назвал его по имени живописцем Ананиею и открыл причину его пришествия, говоря:

— Где письмо князя твоего Авгаря, которое ты принес ко мне из Эдессы?

Анания, в удивлении и ужасе от Господней прозорливости, тотчас вынул послание князя и с трепетом отдал его в руки Спасителя. Господь, прочтя послание, написал Авгарю следующее:

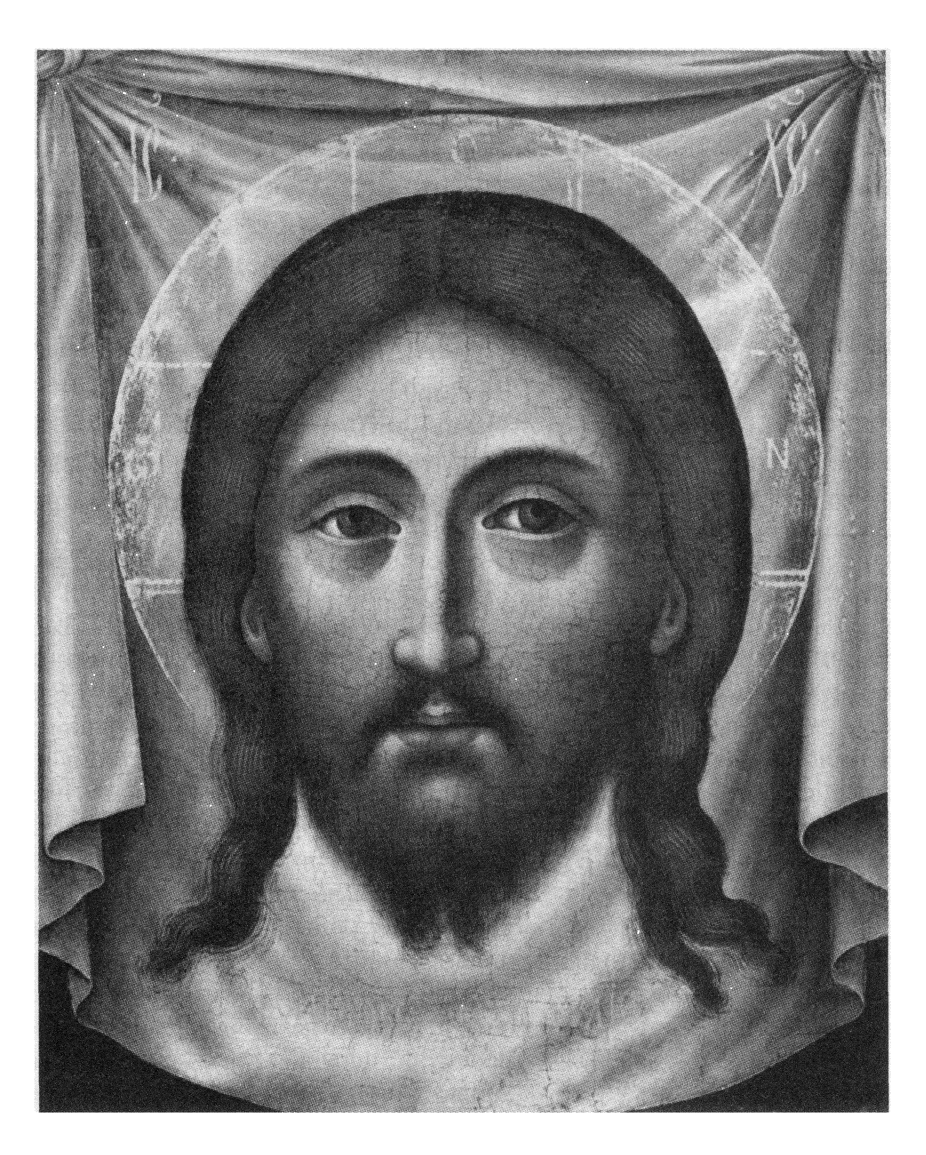
«Блажен ты, Авгарь, не видевший Меня и уверовавший в Меня, ибо о Мне написано, что видящие Меня не имут веры, не видящие же Меня уверуют в Меня и наследуют жизнь вечную. Ты пишешь ко Мне, чтобы Я пришел к тебе, но Мне подобает совершить то, ради чего Я послан, и, по совершении, возвратиться к Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесен к Нему, тогда пошлю к тебе одного из учеников Моих, который, совершенно исцелив тебя от твоей болезни, подаст тебе и находящимся с тобою жизнь вечную (через крещение)».

Написав такое послание Авгарю, Господь Иисус Христос запечатал его печатью, на которой находилось еврейским письмом такое начертание: Божие видение, Божественное чудо. Затем Господь, исполняя желание Авгаря и художника, приказал принести воду и, умыв пресвятое лицо Свое, отер его поданным Ему четвероконечным убрусом. И, о чудо! Простая вода обратилась в краску, и на убрусе отпечаталось пресвятое подобие Божественного лица. Отдавая это изображение Анании вместе с письмом, Господь сказал:

— Неси, отдай пославшему тебя. (Это были последние дни жития Господа на земле пред Его страданиями[1].)

---

[1] Возражают против подлинности посланий Авгаря к Иисусу Христу и Иисуса Христа к Авгарю. Говорят: 1) Евангелие молчит об этом событии. Но в Евангелии сказано: *Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей* (Ин. 20, 30). По Евангелию, слух об Иисусе Христе прошел до Сирии и оттуда приносили больных (Мф. 4, 24). 2) Писатели первых трех веков до Евсевия молчат. Но и это доказательство отрицательное, как и первое. Цицероново сочинение о Республике открыто только в 1822 году; что удивительного, что не знали об этом послании восточные греческие писатели, которых самых сочинения многие не дошли. Впрочем, у Георгия синкелла под 215 годом от Рождества Христова говорится, что Юлий африканский говорил об Авгаре — свя-



Изображение нерукотворного образа Господа Иисуса Христа

И возвратился[1] Анания в Эдессу к князю своему и отдал ему нерукотворенное изображение на убрусе лица Христова и письмо. Взяв их, Авгарь исполнился радости и облобызал с любовью; поклонившись образу Христову, он тотчас получил облегчение в болезни, так что только малая часть проказы оставалась на лице его до того времени, когда должен был прийти к нему посланный Господом ученик.

По вольном же страдании, воскресении и вознесении на небо Господа, в Эдессу пришел, по Божественной благодати, святой Фаддей, один из семидесяти апостолов: достаточно наставив Авгаря святой вере в Христа, святой Фаддей крестил князя; и когда Авгарь, войдя во святую купель, крестился, тотчас уничтожилась оставша-

---

том муже, царе в Эдессе, тоже у Моисея Хоренского (5 в. кн. 2, гл. 9). 3) Блаженный Иероним молчит. Но Евсевий стоит Иеронима. Он сам видел эти акты и обнародовал их на греческом языке в своей церковной истории. 4) Блаженный Августин говорит, что Иисус Христос ничего не писал. Это он говорит в споре с манихеями, которые опирались на сочинения, яко бы Самим Христом о Себе написанные, и вообще разумеет, что Иисус Христос не излагал и не имел намерения излагать письменно учения о Себе, а это не может относиться к краткому письму Иисуса Христа к Авгарю. Иисус Христос преклонившись писал на земле пред фарисеями, приведшими к Нему жену-блудницу. 5) В письме Иисуса Христа есть указание на Иоанна (XX, 29). Не на Иоанна, а на пророчество Исаии (6, 9. 50. 15, 65, 2). 6) У Евсевия год кончины Иисуса Христа, по эре Селевкидов 340, падает на тридцатый год жизни Его (на 15 Тиверия). Евсевий приводит не свое летосчисление, а эдессян; было мнение в древности у многих, что Иисус Христос пострадал в первый год Своего служения, то есть тридцать Своей жизни. Впрочем, известно, что ошибки в числах в древних рукописях дело обыкновенное. 7) Папа Геласий декретом своим признал это сочинение апокрифическим; но это значило, что оно не было внесено в число канонических писаний; однако не все признанные апокрифическими писания не заслуживают веры. — В славянской Минее сказано, что апостол Фаддей почил в Вирите, граде финикийском. В Ипполитовом или Ипполиту приписываемом сочинении об апостолах мученическая кончина в Вирите приписывается Фаддею из двенадцати апостолов или Иуде (19 июня).

[1] Предание, записанное Константином Порфирородным, сообщает, что когда Анания, возвращаясь на родину, достиг города Иераполя, то он, остановившись вне города, скрыл изображение Лика Христова в куче только что сделанных кирпичей. Около полночи жители города увидели огонь, окружавший это место, и нашли здесь скрытую святыню; вместе с тем оказалось, что на одном из кирпичей отобразилось изображение Спасителя. Жители Иераполя удержали у себя этот кирпич, а Ананию отпустили. Константин замечает, что этот кирпич еще в его время сохранялся в Иераполе.

яся часть проказы, и он вышел из купели совершенно чистым, здравым телом и душою. Вместе с Авгарем крестился весь дом его и весь город, и славилось в Эдессе Имя Господа нашего Иисуса Христа, Единого истинного Бога. Был же на воротах Эдессы стоявший здесь исстари идол какого-то языческого божества, которому всякий, входивший в город, обязан был воздать поклонение. Этого идола Авгарь свергнул с его места и уничтожил; потом он устроил над воротами в каменной стене круглое углубление, в которое не мог попадать дождь; наложив убрус нерукотворенного образа Христова на доску не гниющего дерева, Авгарь обложил и украсил его золотом с драгоценными камнями и поставил в стене над вратами; кроме того, он сделал еще такую надпись золотыми буквами:

— Христе Боже! Всякий уповающий на Тебя не постыдится.

И повелел Авгарь всем входящим в город и исходящим из него поклоняться божественному образу Христову; он издал закон, повелевавший непременно воздавать таковую честь Господню изображению; это благочестное повеление Авгаря, огражденное законом, соблюдалось в течение многих лет: как во дни жизни его и его сына, по нем княжествовавшего в Эдессе, так и при его внуке. Затем, при одном из правнуков Авгаря, приявших княжение в Эдессе, возобновилось в городе древнее языческое нечестие: этот князь, развратившись, отступил от Христа и уклонился в идолопоклонство. Увидев на городских вратах образ Спасителя, почитаемый всеми входящими и исходящими, князь, как враг Христа, вознегодовал; он захотел сбросить со стены божественное изображение, поставив на его место идола. Узнав об этом, по особому извещению от Господа, епископ Эдессы пришел ночью с клириками к вратам города и, поднявшись по лестнице, поставил пред святым образом Христовым зажженную лампаду с деревянным маслом; потом епископ заложил святой образ глиняною доскою, а затем кирпичами и покрыл заделанное таким образом место мелом и сравнял со стеною, — так ему было повелено божественным явлением. Когда нерукотворенный образ Христов стал невидим, нечестивый князь оставил свое намерение. И, по многом времени, в памяти людей уничтожилось воспоминание о святом образе, забыто было и место его заграждения; никто не знал о нем до дня его чудесного явления после очень многих лет, совершившегося следующим образом.

Во дни благочестивого царя Иустиниана царь Персидский Хозрой с большим войском подошел к Эдессу, окружил его и начал упорную и продолжительную осаду. Когда же граждане, находясь в изнеможении от недоумения и великого страха, со слезами молились Богу, в одну ночь епископу Эдессы Евлавию явилась некая пресветлая, блистающая великою славою, невеста; показывая перстом на городские ворота и место в стене, она сказала:

— Вверху этих врат сокрыт божественный нерукотворенный образ Спаса Христа; хорошо сделаешь, когда вынешь его из заграждения.

Епископ с поспешностью пошел ко вратам и, поднявшись к месту, указанному в стене, нашел все так, как было сказано ему в откровении; узнав заграждение, он раскопал его и отнял доску; и нашел пречистый и пресвятой образ Христов цел и невредим, лампаду, несмотря на то, что прошло уже столько лет, не угасшей и полной елея; а на самой доске, которою заложен был образ, отобразилось нерукотворенно другое такое же подобие Лица Христова. Епископ взял убрус с изображением Спаса и показал гражданам; и была для всех великая радость, и все исполнились мужества, уповая на Господа. Епископ, совершая усердное моление, понес образ по стенам города, являя Лицо Спасителя персидским воинам, осаждавшим город, и тотчас все персидское войско, гонимое божественною силою, обратилось в бегство. Так Эдесс милосердием Христа Бога нашего и явлением Его нерукотворного пресвятого образа был избавлен от своих врагов.

Затем, также по прошествии многих лет, когда в Греции был царем Роман Багрянородный, прозывавшийся еще Ликапенис, разделявший власть с Константином, сыном Льва Премудрого и своим зятем, святой убрус с нерукотворенным изображением божественного Лица Христова перенесен был из Эдессы, захваченного сарацинами, в Константинополь: в те времена уже вся Сирия, в которой и находится Эдесс, была под властью сарацин. Перенесение это совершилось таким образом: царь Греческий Роман, желая иметь в Царьграде бесценное сокровище (Нерукотворенный образ Спаса), много раз посылал к эмиру Сарацинскому просьбу отдать ему Нерукотворный образ Христов. Эмир же, упрашиваемый эдесскими христианами, не хотел отдать образа, и возникла война: царь Роман

послал в Эдессу свое войско и стеснил город, опустошая окрестности. Тогда эдессяне послали к царю Греческому просьбу о прекращении войны; царь же просил у них образ Христов. Эмир же Сарацинский, под властью коего была Эдесса, не хотел отдать даром; царь же христианский, движимый великим желанием иметь у себя нерукотворный образ Христов, дал эмиру двенадцать тысяч сребреников и возвратил из плена греческого двести знатных сарацин, к этому он присоединил еще свое царское за золотой печатью писание, обещая никогда не поднимать войны ни на Эдесс, ни на его окрестные города. Получив через это желаемое, царь принял нерукотворенный образ Христов и с ним вместе и то послание, которое, как написано выше, Господь наш Иисус Христос написал Авгарю, князю эдесскому; руками архиереев и прочих честны́х мужей духовного чина святой образ был перенесен в Царьград. По пути и в самом Царьграде от честно́го образа совершались многие чудеса: исцелялись всякие недуги, — слепые прозревали, глухие слышали, хромые ходили и бесы изгонялись. Один же бесноватый восклицал:

— Восприими, Константинополь, твою славу и веселие, а ты, Порфирородный, честь твоего царства.

Так взывая, человек этот исцелился от беснования.

Празднование перенесения нерукотворного образа Христова установлено 16 августа, когда именно Его приял с великою честью и торжеством царствующий город и поставил в церкви Пресвятой Богородицы Фаросской[1] на защищение граду и во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого ныне и присно, и вовеки веков. Аминь[2].

---

[1] Храм этот создан императором Михаилом (856–867 гг.).

[2] Константин Порфирородный описывает перенесение Нерукотворного образа из Эдессы и письма Христова к Авгарю в Константинополь в 944 году. Нерукотворный образ хранился в Константинополе до 1204 года. Что касается кирпича с Нерукотворенным образом, то, по свидетельству Зонары († 1118 г.), он перенесен императором Никифором Фокою (963–969 гг.) в 968 году. Зонара называет его *иерон кэ фион ектипора* (священное и божественное изображение). — По одному сказанию Нерукотворный образ около 1362 года был отдан Иоанном Палеологом генуэзскому генералу Леонардо-де-Монтальто за избавление Греческой империи от нападения сарацин, а Монтальто отдал его в монастырь святого Варфоломея в Генуе, где он и доныне. По другому, более вероятному сказанию, он во время владычества крестоносцев в Царьграде с 1204-го по 1261 год похищен

СЛОВО ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА ДАМАСКИНА[1] о поклонении святым иконам

Так как некоторые порицают нас за то, что мы поклоняемся и почитаем образ Спасителя нашего и образ Матери Божией, а также и образа (иконы) прочих святых рабов Христовых[2], то пусть знают таковые, что первоначально Бог сотворил человека по образу Своему. Ради чего мы поклоняемся друг другу (приветствуем друг друга), как не по той причине, что все мы созданы по образу Божию? Богоносный и святой великий отец Церкви Василий Великий[3] говорит, что честь, воздаваемая образу, восходит к первообразному. Первообразное же есть то, коего подобие начертывается и от коего дается изображение на иконе. И по какой причине люди Мо-

---

венецианским дожем Дандоло, но корабль, на котором он находился с другими священными предметами, потонул в Пропонтиде.

[1] *Святой Иоанн Дамаскин* — знаменитый богослов и песнописец, инок обители святого Саввы, ревнитель православия в борьбе с иконоборцами, живший в VIII веке. За свои высокохудожественные умилительные песнопения он получил наименование «златоструйный». Святой Иоанн Дамаскин прославился составлением канонов (всего им составлено до шестидесяти канонов), из которых особенно замечателен пасхальный канон. Но главная заслуга святого Иоанна Дамаскина — разработка теории церковного пения. Церковное пение им было разграничено на восемь гласов или музыкальных тональностей (ладов). Как практическое применение теории церковного осмогласия, известен труд Дамаскина «Октоих». Святой Иоанн Дамаскин скончался в 776 году. Память его празднуется святой Церковью 4 декабря.

[2] Говоря о людях, порицающих христиан, святой Иоанн Дамаскин имеет в виду иконоборцев. Иконоборческая ересь появилась в VIII веке, следовательно, святой Иоанн Дамаскин был ее современником. Иконоборцы неразумно смешивали иконопочитание с идолопоклонством. Святой Иоанн Дамаскин в настоящем слове о поклонении святым иконам обличает безбожное заблуждение иконоборцев. Основателем иконоборческой ереси считается Константин, епископ Наколийский (во Фригии — малоазийской области). Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры Лев III Исаврянин (717–741 гг.) и Константин V Копроним (741–775 гг.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, происходившем в 787 году в городе Никее.

[3] *Святой Василий Великий* — знаменитейший отец Церкви IV века. — Память его празднуется святой Церковью 1 и 30 января.

исеевы[1] поклонялись скинии вещей небесных, стоя вокруг нее, между тем как скиния являла собою подобия многих изображений, ибо Бог сказал Моисею: Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе (см.: Исх. 25, 40). Также и Херувимы, осенявшие алтарь, не были ли делом рук человеческих; точно так же и преславная иерусалимская церковь была построена разве не искусством руки человеческой? Святое Писание осуждает лишь тех, кто поклоняется идолам и кто приносит жертвы демонам. И еллины, и иудеи приносили жертвы: но первые приносили жертвы бесам, вторые же — Богу. Жертвы еллинов были отвержены и прокляты, жертвы же иудеев были благоприятны Господу. Вот принес жертву Ной[2], и обонял Господь приятное благоухание (см.: Быт. 8, 21), ибо эта жертва была принесена от чистого и благожелательного сердца; но еллинские идолы, как мерзкие и богоненавистные, были запрещены и прокляты, так как были изваяниями демонов.

Кроме этого кто может изобразить лицо Бога невидимого, бесплотного, неописуемого, не поддающегося изображению? Безумным безбожием было бы желание изобразить Божество так, как оно существует Само в Себе. По этой причине в Ветхом Завете иконы не были в употреблении. Но потом, когда благосердый Бог, по Своей милости, устрояя наше спасение, явился в образе истинного человека, а не в подобии только лица человеческого, как некогда являлся Аврааму и пророкам, но явил Себя истинным человеком, ходя по земли, живя с людьми, творя чудеса, пострадав, распявшись на кресте, быв погребен, потом воскрес и вознесся на небеса — тогда все то, что было в действительности, все то, что видели люди, но то,

---

[1] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, первый священный писатель, живший за пятнадцать веков до Рождества Христова. Он родился в Египте и происходил из колена Левиина. Он чудесно вывел евреев из Египта, избавив их от тяжкого египетского рабства. На горе Синай он получил от Бога десять заповедей и сподобился видеть славу Божию. Все, полученные им от Бога заповеди и установления, равно как и первоначальную историю народа еврейского, он изложил в первых пяти книгах Библии (Пятикнижие Моисеево). Скончался Моисей на границе земли Обетованной, будучи ста двадцати лет от роду. Память его празднуется святой Церковью 4 сентября.

[2] *Ной* — сын Ламеха, последний патриарх до потопа. Жертва Богу принесена Ноем по выходе из ковчега (Быт. 8, 15–20) и была прообразом жертвы Христовой.

чего не видели мы, не жившие в то время, — все это тогда и записано было в наше назидание и напоминание, дабы мы, не видя то, как бы слышали то, и уверовав, получили блаженство (вечное). А так как не всем дано знать писания, не всем дан дар чтения книг, то святые отцы единогласно рассудили изобразить все это на иконах для быстрейшего воспоминания, как славные победоносные знамения. Ибо часто по нерадению нашему мы забываем о страдании Господнем; посмотрев же на изображение Христова распятия, мы тотчас воспоминаем Его спасительные страдания и, припав, поклоняемся — не вещи, но Тому, Коего изображение мы видим перед собой; ибо мы поклоняемся не тому материалу, из которого составлено Евангелие, но написанному в нем слову Божию; точно так же мы покланяемся не тому материалу, из которого сделан крест, но изображаемому крестом Распятию Христову. Крест ничем не отличался бы от материала, из коего он составлен, если бы не изображал собою Распятия Христова. То же самое следует сказать и о иконе Пресвятой Богородицы, ибо та честь, которую мы воздаем Богоматери, восходит к Воплотившемуся от Нее. Точно так же и мужественные подвиги святых угодников Божиих, изображаемые на иконах, возбуждают нас к мужеству, ревности и подражанию их добродетелям и к прославлению Богу и, как мы сказали, та честь, которую мы воздаем благохвальным подвижникам, изображенным на иконах, есть свидетельство нашего усердия пред общим всех нас Господом и, кроме того, та честь восходит к истинному первообразу.

То, что мы сказали, не записано в Священном Писании, как не записано там и о поклонении на восток, почитании креста и многом другом, тому подобном. В Истории же записано, как Авгарь, царь эдесский, послал живописца своего, дабы он написал образ Господа, но тот (живописец), не мог исполнить приказанное ему, по причине дивного света, исходившего от лица Христова. Тогда Сам Господь приложил полотенце к божественному и животворному лицу Своему и изобразил на полотенце Свое подобие, которое и послал к Авгарю, дабы исполнить его желание[1]. А что святые апостолы многое передали нам без писаний, об этом свидетельствует апостол язычников святой Павел[2], говоря так: *итак, братия, стойте*

---

[1] Более подробное повествование об этом можно читать выше.

[2] Память святого Павла празднуется святой Церковью 29 июня.

и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим (2 Фес. 2, 15). И в другом месте: *хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания* (1 Кор. 11, 2).

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ДИОМИДА

Святой Диомид был родом из города Тарса Киликийского[1], по занятию он был врачом, верою же был христианин и врачевал не только тела, но и души людские; ибо он увещевал еллинов уверовать в Бога и просвещал их, подготовляя ко святому крещению.

В царствование императора Диоклетиана[2] святой Диомид оставил Тарс и пришел в город Никею, находившийся в Вифинии[3]; и здесь, по обыкновению своему, святой Диомид творил врачевания, причем врачевал не только лекарственными средствами, но главным образом призыванием всесильного и цельбоносного имени Господа нашего Иисуса Христа и знамением честного Креста; многих идолопоклонников он обратил к вере во Христа, благодаря своему искусству врачевания, а также и учением своим.

Когда император Диоклетиан, бывший в то время в странах восточных, узнал об этом, то послал воинов взять Диомида уже умершим о Господе; однако отсекли мертвому главу, дабы отнести ее к

[1] *Киликия* — малоазийская область.

[2] Царствовал с 284 по 305 год.

[3] *Вифиния* — малоазийская область.

императору. Но тотчас по отсечении главы воины те лишились зрения и стали слепыми, так что их повели другие к царю, причем они несли отсеченную главу святого мученика Диомида.

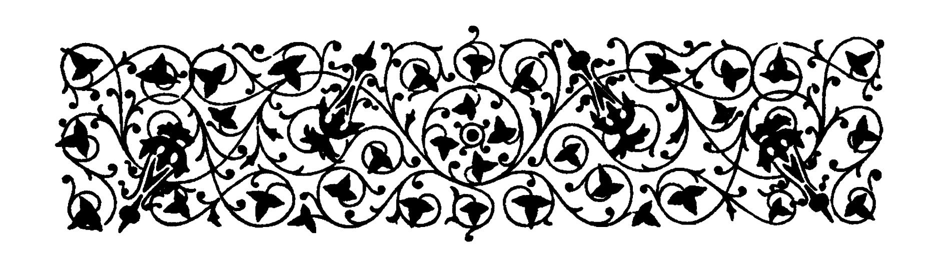
Когда император увидел главу, а также увидел и слепых воинов, то приказал им тотчас же отнести главу и приложить ее к телу на свое место; лишь только воины сделали так, как тотчас же прозрели и уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, Кому воссылается слава вечно. Аминь[1].

В тот же день **память преподобного Херимона**, упоминаемого в книге Палладия «Лавсаик» и в Патерике алфавитном. Пещера его отстояла от воды на двенадцать поприщ; по преставлении он был обретен сидящим на своем месте и держащим в руках свое рукоделие, ибо он скончался за работой. Этот святой Херимон упоминается также святым Феодором Студитом[2] в Триоди постной, в субботу Сырную в каноне на утрени, в песни шестой[3].

[1] Кончина святого Диомида последовала в конце III века или в начале IV века.

[2] Память его — 11 ноября и 26 января.

[3] Кончина святого Херимона последовала в конце IV века или в первых годах V века.



День семнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПАТРОКЛА

В царствование Авврелиана[1] на христиан было поднято жестокое гонение в Галлии, а также и в других местностях. В это время в городе Трикассине проживал честный муж, по имени Патрокл; обитал он на окраине города в доставшемся ему после смерти родителей доме; он был богат и имел много имущества. Этот муж служил Богу днем и ночью, ибо возлюбил святой закон Его и проводил строго христианскую благочестивую жизнь; будучи хорошо обучен наукам, он со усердием читал всегда Священное Писание и ежечасно преклонял колена свои на молитву. Пищу принимал он только один раз в день, в двенадцатый час, совершив предварительно вкушения пищи славословия и молитвы ко Господу; и богатства, которые имел он, раздавал нуждающимся, вдовам и сиротам, и в особенности нуждающимся христианам, служившим Господу от всего сердца своего. Милосердие его было столь велико, что нищие принимали его за раздаятеля сокровищ небесных, ибо он не собирал себе сокровищ на земле, но на небесах и удалялся от всех удовольствий мирских, помышляя лишь о снискании Царства небесного. Этот святой муж, проводивший жизнь свою в страхе Божием, в посте и молитве и во всяком богоугождении, получил от Господа власть повелевать бесами; ему дарована была также благодать исцеления, так что он изгонял нечистых духов силою Христовою и исцелял различные бо-

[1] *Император Аврелиан* царствовал с 270 по 275 год.

лезни, случавшиеся с людьми. В это время нечестивый царь Аврелиан, жестокий гонитель христиан, прибыл из города Сенонийска в город Трикассин; услышав о святом Патрокле, Аврелиан приказал взять его и привести к себе. Увидав Патрокла, он сказал ему:

— Я слышал о твоем безумии; ты принял суетную веру и поклоняешься Тому, Кто был поруган людьми.

Но святой ничего не отвечал на эти безумные слова.

Тогда Аврелиан спросил его:

— Какое имя ты носишь?

Святой отвечал:

— Мое имя — Патрокл.

Аврелиан снова спросил:

— Какую веру содержишь ты и какому богу поклоняешься?

Святой Патрокл отвечал:

— Я поклоняюсь Богу живому и истинному, обитающему на небесах и призирающему на смиренных; я поклоняюсь Тому Богу, Который знает все, прежде нежели что-либо совершилось.

Аврелиан сказал:

— Оставь безумие свое и поклонись нашим богам; ты будешь награжден за это нами честью и богатством и имя твое будет прославлено.

Святой отвечал:

— Я не знаю иного Бога, кроме Того истинного, Который сотворил небо, землю, море и все, видимое и невидимое.

Аврелиан сказал на это:

— Докажи нам, истинно ли то, что ты говоришь?

Патрокл отвечал:

— Поистине справедливо все то, что я говорю; но так как вы все погибаете во лжи, то не хотите уверовать истине, ибо ложь всегда ненавидит истину.

Аврелиан сказал:

— Я тебя предам огню, если ты не принесешь жертвы богам.

Святой же отвечал:

— Вот, я приношу жертву хвалы, да и самого себя приношу в жертву Богу моему, Который благоволил призвать меня к мученическому подвигу за святое имя Свое.

Тогда царь Аврелиан преисполнился гнева и приказал возложить на ноги мученика железные оковы, разожженные на огне; приказал также связать святому руки назади железными веригами, разожженными на огне; потом велел бросить святого в темницу и держать там до тех пор, пока он не измыслит способа погубить святого.

Находясь в оковах, святой молился Богу, говоря так:

— *Да будет же милость Твоя утешением моим, по слову Твоему к рабу Твоему* (Пс. 118, 76).

И еще:

— *Буду радоваться и веселиться о милости Твоей, потому что Ты призрел на бедствие мое* (Пс. 30, 8).

Спустя три дня царь Аврелиан воссел на публичном судилище своем и приказал вывести мученика из темницы и представить ему на суд. Когда святой был приведен, царь сказал ему:

— Хулитель, иди, искупи себя от смерти и принеси жертву богам.

Мученик отвечал:

— Господь наш спас от смерти вечно души рабов Своих; Он не оставит всех, уповающих на Него; если же ты желаешь получить что-либо из моих богатств, то я охотно их дам тебе, ибо вижу, что ты нищ.

Аврелиан сказал на это:

— Как осмеливаешься ты называть меня, императора, нищим, когда я имею бесчисленные сокровища?

Святой отвечал:

— Ты имеешь богатства земные, скоропреходящие; но ты нищ, ибо ты не имеешь самого себя, так как ты не стяжал в сердце своем святой веры в Господа нашего Иисуса Христа; поэтому ты будешь осужден Судиею праведным — Богом, на мучения вместе с отцом твоим — диаволом.

Аврелиан сказал:

— Ты жестоко оскорбляешь меня, и потому я не могу быть милостивым к тебе.

Мученик сказал:

— Для меня милостив Бог мой, Которому я служу с юных лет. Но горе тебе, когда ты будешь отведен на то место, где пребывает в

мучениях диавол, коему ты ныне служишь; там увидишь ты вечные муки, уготованные тебе.

Император сказал на это:

— Я не знаю того, что ты говоришь; знаю только то, что ты в моих руках и нет никого, кто бы мог спасти тебя от рук моих.

Святой сказал:

— В твоей власти — находится лишь тело мое; души же моей ты коснуться не можешь, ибо никто не имеет власти над ней, кроме Единого Бога, создавшего ее, Который и сказал нам, рабам Своим: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28).

Царь Аврелиан сказал на это:

— А разве наши боги не имеют такой же точно власти, ведь они для нас истинны, ибо они всегда дают ответы о всем, о чем их спрашивают, и доселе попускают жить тебе — своему врагу и хулителю?

Святой сказал:

— Какие боги у вас?

Аврелиан отвечал:

— К числу богов наших принадлежат и великий Аполлон[1], и могущественный Зевс[2], и мать богов Диана[3], ибо они без обмана предсказывают людям будущее[4].

Святой же Патрокл сказал:

---

[1] *Аполлон* у древних греков считался богом света; вместе с тем ему усвоялся дар предсказания будущего.

[2] *Зевс* — верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[3] *Диана* — считалась у древних греков богинею света и жизни; почиталась также как раздаятельница свежей, цветущей жизни природы.

[4] Император Аврелиан, как язычник, был уверен, что боги, в которых он веровал, могли предсказывать будущее; он не без намерения упомянул имя Аполлона, который считался у древних греков предсказателем будущего. Многие храмы, построенные древними греками в честь Аполлона, считались в то же время знаменитыми оракулами; более всего был известен оракул Дельфийский, оракул в Оробии, на острове Эвбее и в других местах; древние греки обращались к помощи оракула во всех серьезных и важных случаях как личной, так и общественной жизни; само собою понятно, что прорицатели, к которым обращались греки за советом, не могли предсказывать будущего, так как всегда давали сбивчивые и неясные ответы.

— Что касается до Аполлона, коего ты называешь богом, то мы слышали от отцов наших, что он был пастухом царя Фессалийского Адмета[1]; относительно Зевса, коему ты поклоняешься как богу, нам известно, что он был человеком мерзким и нечестивым, блудодеем, прелюбодеем, грабителем и сеятелем всякого зла; известно, что он посевал вражду и бесчинства среди людей, совершал убийства и грабежи, да и умер позорнейшею смертью, так что земля не приняла трупа его. Диану же, именуемую матерью богов ваших, кто не знал, что она беснование полуденное[2]. О окаянное безумие людей, ослепленных неверием, поклоняющихся суетному и пустому!

Царь сказал:

— Мое терпение велико, ибо я до сих пор слушаю твои хулы. Но теперь я говорю тебе в последний раз: если ты не поклонишься и не принесешь жертв Аполлону, Зевсу и Диане, то я сейчас же предам тебя смерти.

Мученик отвечал:

— Нечестивый мучитель! Ты похож на разбойника, который убивает неповинного человека, тела же его пожрать не может. Так и ты, хотя и хвалишься, что предашь смерти мое тело, но не съешь его; а если бы ты даже и пожрал тело мое, то не посмел бы повредить моей душе.

После того как святой сказал эти слова, Аврелиан весьма разгневался и приказал усечь святого мечом. При этом Аврелиан приказал своим воинам усечь святого не на сухой земле, но где-либо в болотистом месте, дабы он не мог быть предан обычному для людей погребению, но был бы съеден гадами, птицами и зверями.

Воины взяли святого мученика и повели его к берегу реки, по имени Секвана, дабы усечь святого здесь, в болоте, на берегу реки. Святой шел на смерть с веселием, молитвенно взывая:

— Господи Иисусе Христе, не попусти телу моему погибнуть в том месте болотистом, но возвеличь пресвятое имя Твое, дабы оно было славно пред очами врагов Твоих, и дабы язычники не сказали:

---

[1] В данном случае святой Патрокл имел в виду нелепые сказания древнегреческой мифологии.

[2] *Бесом полуденным* (ср.: Пс. 90, 6) одни называют демона лености, другие — демона гнусных плотских помыслов, так как эти демоны нападают в полуденное время, когда насытится чрево.

где же Бог их? — Услышь, Владыко святой, молитву мою, как Ты услышал Моисея[1] и Аарона[2], молившихся о людях Твоих, и, разделив им море, Ты провел (израильтян) посуху (см.: Исх. 14, 21–32); так и мне повели перейти реку эту на ту сторону, на место неболотистое, дабы на сухой земле была пролита кровь моя и дабы тело мое нашло бы себе покой не в болоте: *извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне* (Пс. 68, 15): избавь меня от мучителей моих!

Едва только святой помолился в таких словах, как помрачились глаза воинов, приведших его, так что они (воины) не видели мученика.

Святой же Патрокл, войдя в реку, пошел по воде, ступая ниже колен; а между тем та река была весьма большой и глубокой и, кроме того, имела много воды от дождя; но святой мученик шел по ней, не опускаясь даже до колен; потом, перейдя на другой берег, мученик взошел на гору, находившуюся там, и сказал:

— Господь хранит души преподобных святых Своих и спасает их от рук грешников.

Воины же, не видя мученика, коего они вели, пришли в великий страх и ужас, ибо боялись, что царь подумает, что они отпустили осужденного по своей воле, и предаст их казни. — Воины говорили сами в себе:

— Как велик Бог человека того, ибо Он спас его от рук наших невидимо!

Другие из воинов говорили:

— То был не человек, но некое привидение, ибо он бесследно исчез из наших глаз.

В то время, когда воины долгое время спорили об этом между собою, не решаясь возвратиться к царю, некая женщина-язычница, переплывавшая в лодке реку, услыхав спор воинов и увидя их печаль, сказала им:

---

[1] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, первый священный писатель, живший за пятнадцать веков до Рождества Христова. Он родился в Египте и происходил из колена Левиина. Он чудесно вывел евреев из Египта, избавив их от тяжкого египетского рабства. На горе Синай он получил от Бога десять заповедей и сподобился видеть славу Божию. Память его празднуется святой Церковью 4 сентября.

[2] *Аарон* — брат Моисея, первый первосвященник народа еврейского.

— Я видела на той стороне реки, на горе, человека-христианина, коего вы ищете; он лежал ниц и молился Богу своему.

Они же, имея ноги, скорые к пролитию крови неповинной, тотчас переплыли реку на лодке и, взойдя на гору, нашли святого в том положении, как сказала им та женщина. Тогда старший воин сказал с досадою святому:

— Поистине ты достоин смерти, ибо ты убежал от нас; но вот ты опять в наших руках; и теперь уже не убежишь от нас: ты будешь предан смерти; а если желаешь остаться в живых, принеси жертву богам нашим.

Святой отвечал им:

— Я не поклонюсь нечестивым бесам; я поклоняюсь только Богу единому.

Воины сказали ему:

— Какой бог у тебя — рожденный или сотворенный?

Святой сказал:

— О заблуждение суетное! О неверие безумное! О речи неразумные! Кто из людей может что-либо сказать о Боге безначальном? Кто может поведать о Его происхождении? Он сказал, и все произошло; Он повелел, и создано было все, — видимое и невидимое. Он послал Избавителя роду человеческому, Сына Своего Единородного, Господа нашего Иисуса Христа, пролившего за нас святую Кровь Свою, дабы избавить нас от погибели и вечной смерти; но Господь воскрес в третий день из мертвых, вознесся на небо в присутствии учеников и послал им, как обещал, Святого Духа. И веровать должно так, как учил Дух Святой устами апостолов; ибо учение это есть правое и истинное; тот же, кто не верует учению этому, не увидит жизни вечной, но гнев Божий будет пребывать на том (человеке) вечно. Мы, христиане, твердо веруем и надеемся получить жизнь вечную от Христа, Бога нашего; поэтому мы и страдаем за Него с любовию и умираем с готовностью, зная, что живем ли мы, умираем ли мы, принадлежим Господу. Все же, поклоняющиеся бесам, подобно вам, вместе с бесами будут ввержены в огонь гееннский.

В то время как святой произносил эти слова, воины пришли в гнев и, назвав святого хулителем своих богов, обнажили мечи, дабы усечь святого. Мученик же сказал, обратившись к Богу:

— В руки Твои, Господи, предаю дух мой; ибо Ты знаешь, что я умираю за имя Твое пресвятое.

После этого святой мученик Патрокл был обезглавлен[1].

Воины взяли главу мученика и бросили ее на далекое расстояние от тела; потом ушли.

В это время на горе, поблизости от того места, находились двое нищих, в преклонных летах, пользовавшиеся ранее милостынею от рук святого и исповедовавшие веру христианскую. Они видели кончину мученика и слышали последние слова его. Когда воины ушли, они взяли тело мученика и главу его с великим страхом, боясь быть замеченными нечестивыми; честное тело и главу мученика они скрыли до вечера, а потом тайно поведали обо всем протопресвитеру того города, по имени Евсевию.

Когда наступила ночь, протопресвитер пришел к тому месту (где было скрыто тело мученика) вместе с диаконом Ливерием; обвив чистою плащаницею то святое тело, они предали его погребению в ту же ночь, тихо и с немногими свечами пропев подобающее псалмопение, боясь язычников.

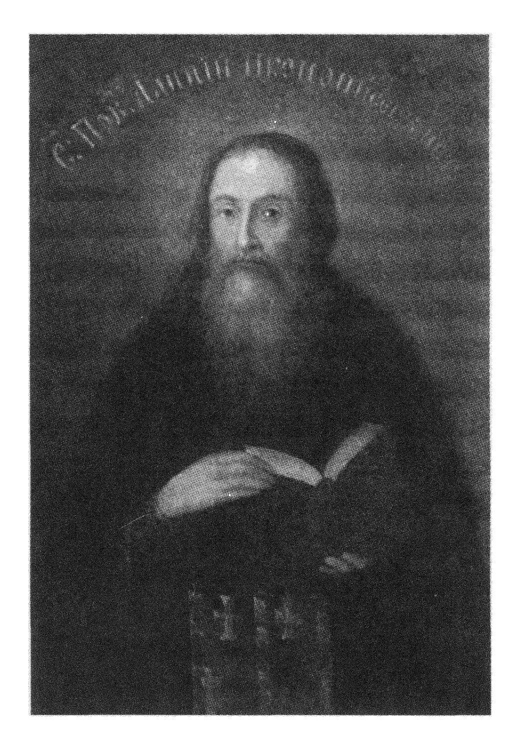
Скончался святой мученик Патрокл в царствование в Риме Аврелиана, среди христиан же при владычестве Господа нашего Иисуса Христа, Коему воссылается честь и слава вместе со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АЛИПИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Преподобный отец наш Алипий Печерский явил себя подражателем святому евангелисту Луке[2], ибо служил Господу, сотво-

[1] Кончина святого мученика Патрокла последовала около 275 года.

[2] *Святой Лука* — апостол из семидесяти, написатель третьего Евангелия и книги Деяний апостольских, спутник и сотрудник святого апостола Павла. Святой Лука был родом из Антиохии Сирийской; он был врачом, как говорит об этом апостол Павел в послании к Колоссянам (4, 14), и живописцем, по свидетельству Филосторгия и Никифора Каллиста. По преданию, он написал икону Божией Матери. Он скончался восьмидесяти лет в Фивах Беотийских. Мощи его в 360 году были перенесены в Константинополь. — Память его совершается святой Церковью 18 октября.



рившему нас по образу и подобию Своему (см.: Быт. 1, 26), подобно оному Луке, а именно: он не только изображал чудодейственно лики святых на иконах, но и воплощал в душе своей их добродетели; кроме того, был дивным врачом; благочестное житие его представляется нам в таком виде.

В княжение благоверного князя Киевского Всеволода Ярославича[1], при игумене преподобном Никоне, по устроению Божию и по совету преподобных отцов Антония и Феодосия[2], чудесно явившихся в Константинополе в десятый год по своем преставлении, — прибыли для украшения святой Киево-Печерской церкви греческие иконописцы; этим-то иконописцам и был отдан блаженный Алипий своими родителями в обучение живописному искусству. Святой Алипий был очевидцем того дивного чуда, о котором повествуется в сказании о церкви Киево-Печерской, именно: когда иконописцы украшали живописью алтарь, то в нем сама собою изобразилась икона Пресвятой Богородицы: при этом икона эта просветилась и блистала ярче солнца: потом из уст Пресвятой Богородицы вылетел голубь, который, полетав долгое время (по церкви), влетел в уста Спасителя, изображенного на иконе, находившейся в верхней части церкви. — Тогда-то обучался этот блаженный Алипий, помогая своим учителям; и он верно написал в уме своем, что благодать Пресвятого Духа пребывает в той церкви Киево-Печерской.

---

[1] *Всеволод Ярославич* княжил в первый раз с 1075-го по 1076 год (шесть месяцев) и во второй — с 1078-го по 1093 год.

[2] *Преподобные Антоний и Феодосий* — основатели Киево-Печерской лавры. Память святого Антония празднуется святой Церковью 10 июля, а преподобного Феодосия — 3 мая.

Когда упомянутые иконописцы окончили свое дело и украсили иконами святую церковь, украшен был и Алипий преподобным игуменом Никоном чудным образом святого ангельского иноческого чина. И начал святой Алипий обучаться искусству изображать в душе своей добродетели святых, будучи уже обучен искусству изображать вещественно (на иконах) их лики.

Святой Алипий был настолько искусен в своем деле, что, по благодати Божией, видимым изображением на иконе воспроизводил как бы самый духовный образ добродетелей; ибо обучался искусству иконописному не ради стяжания богатства, но ради стяжания добродетелей; он постоянно трудился, живописуя иконы для игумена, для братии и для всех нуждавшихся, ничего не взимая за труд свой.

Блаженный Алипий просил всех, видевших обветшавшие иконы в какой-либо церкви, сообщать ему об этом; тогда он, не требуя никакого вознаграждения, своим искусством украшал те церкви. Если же святой был свободен от такой работы, тогда упражнялся в иконописном искусстве для себя и живописал иконы, которые отдавал тем, у кого он брал взаймы золото и серебро, нужное для украшения икон. Так поступал святой для того, чтобы не проводить времени в праздности; он уподоблялся древним святым отцам, постоянно занимавшимся рукоделием, и самому верховному апостолу Павлу[1], который говорит о себе: *нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34).

Если же когда случалось святому Алипию зарабатывать какую-либо сумму денег своим рукоделием, то он делил ее на три части: первую часть тратил на поновление икон, вторую — на милостыню нищим и третью — отдавал на монастырские нужды. Так поступал святой ежегодно, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; ибо ночью он упражнялся в молитвенном бодрствовании и поклонах, днем же с великим смирением, нестяжательностью, чистотою, терпением, постом, любовью, богомыслием занимался рукоделием; никто никогда не видал его праздным; но при всем том он никогда не пропускал молитвенных собраний хотя бы для своих занятий.

Когда игумен заметил столь великие добродетели и иконописное искусство у преподобного, так что он был достоин, нося ангель-

---

[1] Житие его см. 29 июня.

ский образ иноческого чина, являть собою подражателя Сына Божия Иисуса Христа, — Иерея по чину Мелхиседекову[1], возвел его на степень иерейства. Тогда преподобный был поставлен как светильник на свещнике (см.: Мф. 5, 15), или, лучше сказать, как образец для подражания на высоком месте, сияя сугубою красотою добродетелей иноческих и иерейских; и был святой образцом не простым, ибо творил чудеса; из многих чудотворений его мы напомним здесь о некоторых.

Некто из числа богатых граждан города Киева страдал проказой; он искал помощи у многих врачей, волшебников и язычников, но не только не получил облегчения от своей болезни, а впал еще в худшее состояние. Тогда один из друзей больного посоветовал ему идти в Киево-Печерский монастырь, дабы просить молитвы у святых отцов; он согласился, но с неудовольствием.

Когда этот больной был приведен в монастырь Киево-Печерский, игумен приказал напоить его водой из колодца преподобного, а также велел умыть ему той же водой и лицо. И тотчас на теле больного появилось так много гноя, в наказание за неверие его, что все сторонились от него, не будучи в состоянии выносить смрадного запаха, исходившего от тела больного. Тогда с плачем и негодованием

---

[1] *Мелхиседек*, царь Салимский, священник Бога Вышнего, упоминается в книге Бытия (14, 18). Когда Авраам возвращался с победы над царем Еламским и его союзниками, разграбившими Лота, Мелхиседек встретил Авраама с хлебом и вином и благословил именем Бога всевышнего. Авраам так высоко и так благоговейно принял это благословение, что дал Мелхиседеку десятую часть всей своей добычи. Кто был этот Мелхиседек, остается загадкой. Вероятнее всего, он принадлежал к племени аморреев, живших тогда в Палестине, ибо у них был царем. Салим, полагают, то же, что потом Иевус, а затем Иерусалим (Пс. 75, 3). Можно догадываться, что Мелхиседек был особенный, славный во всей Палестине, служитель Бога истинного. Священное Писание скрыло подробности о нем, давая видеть в нем прообраз Христа. Книга Бытия, повествующая о Мелхиседеке (14, 18–24), ничего не говорит ни о происхождении Мелхиседека, ни о конце его жизни, что, наравне с благословением Авраама, сделало Мелхиседека, по изъяснению святого апостола Павла (Евр. 6, 20), прообразом Иисуса Христа — вечного Первосвященника и Царя. На прообразовательное значение священства Мелхиседекова указывал еще царь и пророк Давид, когда говорил о Сыне Божием: «Ты иерей во век по чину Мелхиседекову» (Пс. 109, 4). Но особенно ясно и подробно раскрыто прообразовательное значение Мелхиседека у святого апостола Павла в послании к Евреям (7).

этот прокаженный возвратился к себе в дом и не выходил из дома многие дни, по причине исходившего от него смрада, говоря друзьям своим: *бесчестием покрывают лице мое. Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей* (Пс. 68, 8–9), потому что я не явил веры преподобным отцам Антонию и Феодосию; и каждый день ожидал своей смерти.

Однако, придя в себя, этот муж решил исповедать все грехи свои; поэтому пошел опять в монастырь Киево-Печерский к преподобному Алипию и исповедал ему свои согрешения. Преподобный же сказал ему:

— Ты хорошо сделал, чадо, что пришел исповедать Богу грехи свои пред моим недостоинством; так свидетельствует о себе и пророк, взывая ко Господу: *я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего* (Пс. 31, 5).

Потом преподобный Алипий долгое время поучал его душеспасительными речами, затем, взяв иконописные краски, украсил лицо его, помазав гнойные места; после этого святой Алипий повел больного в церковь, причастил его Божественным Тайнам и повелел ему умыться тою водою, которою обычно умывались священники после принятия святых Таин; вскоре же после этого гнойные струпья сошли с больного и он стал здрав, как и раньше.

В этом чудотворении преподобный отец наш Алипий явил себя подражателем Самому Господу нашему Иисусу Христу; ибо подобно тому как Христос, исцеляя прокаженного, повелел ему показаться иерею и принести дар за очищение свое (см.: Мф. 8, 4), так и этот преподобный приказал больному проказою показаться ему как иерею, во время священнослужения, и принести в дар то, о чем говорит пророк: *что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения приму* (см.: Пс. 115, 3–4). Упомянем здесь и о даре, ибо правнук прокаженного, в благодарность за очищение его, оковал золотом кивот, находившийся над святым престолом в церкви Киево-Печерской.

Кроме этого, преподобный Алипий явил себя подражателем Христа, исцелившего слепорожденного; ибо, подобно тому как Христос, исцеляя слепорожденного, сначала помазал ему очи брением, потом повелел ему умыться в купели Силоамской (что значит «посланный») (см.: Ин. 9, 6–7), так и этот преподобный — сначала помазал струпы прокаженного иконописными красками, потом приказал

ему умыться той водой, которою умываются обычно иереи, — посланники Божии; таким образом святой исцелил больного как от проказы телесной, так и от слепоты греховной, так что все, пришедшие вместе с больным из города, весьма изумились такому скорому исцелению. Но преподобный Алипий сказал им:

— Братия! Обратите внимание на то, что сказано: *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24); ибо этот человек первоначально был порабощен демону по причине грехов своих; поэтому, когда он пришел к Богу, но, по совету вражию, отчаялся в спасении своем и не веровал в Господа, Который только Один и мог спасти его, — то проказа еще с большею силою охватила тело его, в наказание за его неверие; ибо Господь сказал: *просите*, и не просто *просите,* но с верою, *дано будет вам* (Мф. 7, 7). Когда же ныне он вторично обратился с раскаянием к Богу, в моем присутствии, то *Бог, богатый милостью* (Еф. 2, 4), исцелил его.

Выслушав это, люди поклонились святому и отправились в обратный путь вместе с исцеленным, прославляя Бога и преподобных отцов Антония и Феодосия, а также и их ученика, преподобного отца нашего Алипия; и говорили об этом святом Алипии, что он явлен был им как новый Елисей[1], ибо он исцелил от проказы того больного подобно тому, как Елисей исцелил от проказы Неемана сириянина (см.: 4 Цар. 5, 14).

Был еще некто из того же города Киева, муж благочестивый. Он построил церковь и пожелал иметь семь больших икон для украшения церкви; этот муж отдал серебро вместе с досками, предназначенными для начертания икон, двум монахам монастыря Киево-Печерского, знакомым ему, попросив их посоветоваться со святым Алипием относительно написания икон. Но монахи ничего не сказали Алипию, а серебро присвоили себе. Спустя некоторое время тот муж послал спросить монахов, написаны его иконы или нет? Они отвечали, что Алипий требует еще серебра. Потом снова, взяв серебро, присланное от мужа того, присвоили его себе. Затем, дойдя до крайнего бесстыдства, эти монахи снова послали сказать тому

[1] *Елисей* — пророк израильский, ученик и преемник в даре пророческом святого славного пророка Илии. В продолжение шестидесяти пяти лет он мужественно возвещал истину и пророчествовал при царях: Ахаве, Охозии, Иораме, Ииуе, Иоахазе и Иоасе. Его пророческая деятельность относится к IX веку до Рождества Христова. Память его празднуется святой Церковью 14 июня.

мужу (клевеща на святого), что Алипий требует еще столько же серебра, сколько получил. Христолюбивый муж тот дал серебро и в третий раз, сказав:

— Я весьма желаю получить молитву и благословение от дела рук его.

Святой же Алипий ничего не знал о том, что делали монахи.

Наконец, муж тот послал еще раз узнать точно, не написаны ли уже иконы? Монахи же те, не зная, что ответить, сказали, что Алипий взял все серебро, трижды посланное, но икон писать не хочет.

Тогда христолюбивый муж тот прибыл в монастырь Киево-Печерский вместе со своею дружиною, отправился к игумену Никону и рассказал ему о причине печали, нанесенной ему (якобы) Алипием. Игумен, позвав Алипия, сказал ему:

— Для чего ты, брат, наносишь такую обиду этому сыну нашему, который весьма упрашивал тебя написать иконы и дал тебе серебра, сколько ты просил? Но ты, взяв так много серебра и дав обещание написать иконы, не написал их, хотя в иных случаях писал иконы и без всякой платы.

Блаженный же Алипий отвечал на это:

— Честны́й отец! Ты хорошо знаешь, что я никогда не выказывал лености в деле этом; но сейчас я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь.

Тогда игумен снова сказал ему:

— Ты взял тройную цену за написание семи икон; но до сих пор ты не написал их.

И тотчас, желая обличить святого, приказал принести доски, предназначенные для написания икон (доски те за день пред этим видели стоявшими в одном из монастырских строений, и на них не было ничего изображено): игумен приказал также позвать и тех монахов, чрез посредство которых оный муж передавал серебро святому, дабы эти монахи обличили Алипия.

Посланные за досками, нашли их весьма искусно расписанными и принесли их к игумену; увидав это, все, бывшие там, весьма удивились и впали в великий страх; потом с трепетом пали ниц на землю и поклонились тем образам, созданным не рукою человека, — именно образу Господню, образу Пресвятой Богородицы и прочим образам святых Божиих.

Потом пришли те два монаха, которые оклеветали Алипия; не ведая ничего об этом чуде, они вступили в пререкание со святым, говоря:

— Вот ты взял тройную цену, а икон писать не хочешь!

Услыхав эти слова, все, бывшие там, показали тем монахам иконы, сказав:

— Вот эти иконы, написанные Самим Богом, удостоверяют невинность Алипия!

Монахи же те, увидя иконы, пришли в ужас от столь великого чуда. Они тотчас же были обличены игуменом в воровстве и лжи, были изгнаны из монастыря и лишены всего имущества своего.

Но монахи не прекратили злобы своей: они стали распространять в городе хулу на преподобного Алипия, утверждая, будто бы они сами написали те иконы; — начальник же наш, — говорили они, — не желая вознаградить нас за труд, — дабы отстранить нас от работы, солгал относительно икон, что будто бы они написаны Самим Богом, восхотевшим оправдать Алипия.

Услыхав такие речи, многие граждане пошли из города в монастырь, дабы видеть те иконы и поклониться им. Однако, несмотря на то, что многие из граждан и поверили тем монахам, оклеветавшим преподобного Алипия, — Бог, прославляющий святых Своих, как Он Сам говорит во святом Евангелии: *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14); и еще: *зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 15), — Бог не утаил добродетельных подвигов этого праведного мужа; ибо до самого князя Владимира Мономаха[1] дошла весть об этом чуде, сотворенном Господом ради святого Алипия; это чудо было удостоверено еще следующим образом:

По попущению Божию, случился в Киеве пожар, от которого сгорел почти весь Подол[2] в Киеве; в этой части города находилась и церковь с упомянутыми иконами, также сгоревшая; однако после пожара нашли все те семь икон совершенно неповрежденными.

Когда князь услышал об этом, то пришел лично сам на место пожара, желая видеть бывшее там чудо. Увидав иконы, оставшиеся невредимыми от огня, князь прежде всего узнал, что они были напи-

[1] *Владимир Мономах* княжил с 1114-го по 1125 год.

[2] Часть города.

саны в течение одной ночи по устроению Бога, восхотевшего оправдать Алипия от возводимой от него клеветы. Тогда князь Владимир Мономах со усердием прославил Творца всего Бога, явившего столь великие чудеса ради добродетелей преподобного Алипия. Потом, взяв одну из тех икон, — именно икону Пресвятой Богородицы, приказал отправить ее в город Ростов, в каменную церковь, находившуюся там, построенную им самим. Некогда разрушилась и эта церковь в Ростове, однако икона та осталась совершенно неповрежденной. Потом икона была поставлена в деревянную церковь; но и эта церковь, спустя некоторое время, сгорела от пожара; икона же опять осталась неповрежденной, так что на ней не оказалось и небольшой царапины после пожара.

Все это с несомненностью подтверждало добродетельную жизнь преподобного отца нашего Алипия, ради которого написалась сама собою та икона.

Перейдем теперь к чуду, совершившемуся при кончине святого, дабы видеть, как дивно этот человек, искусный творец икон, перешел из жизни этой временной в жизнь вечную.

Некий благочестивый человек попросил преподобного отца нашего Алипия написать икону Пресвятой Богородицы; при этом он просил святого написать эту икону ко дню праздника Успения. Но преподобный заболел в скором времени и уже приближался к смерти своей; а икона, между тем, не была написана; человек тот весьма скорбел по этому случаю и очень беспокоил святого. Блаженный же Алипий сказал ему:

— Чадо! Не беспокой меня, но возложи всю печаль свою на Господа, и Он сделает, как пожелает: икона будет на своем месте в праздник свой.

Муж тот, поверив словам святого, пошел в дом свой с веселием.

Потом он снова пришел к Алипию накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. Увидав, что икона не была написана, увидя также и то, что преподобный Алипий разболелся еще больше, муж тот стал укорять блаженного, говоря так:

— Почему ты не сказал мне ничего о своей тяжкой болезни? Тогда я отдал бы икону другому иконописцу, который бы и написал ее мне, дабы праздник был честен и торжественен; но вот теперь ты ввергаешь меня в великий стыд.

Преподобный с кротостью отвечал ему:

— О чадо! Разве это сделал я по своей лености? Однако Бог может единым словом Своим написать икону Матери Своей; вот я сам ухожу из мира этого, как открыл мне это Господь, но не хочу оставить тебя в печали.

Муж тот отошел с глубокою скорбью. Тотчас после его ухода к преподобному Алипию вошел некий светлый юноша, который и начал писать икону мужу тому. Алипий подумал, что человек тот, обидевшись на него, прислал нового иконописца, и принял сначала юношу того за человека; однако быстрота и изящество его работы показывали, что то был Ангел; ибо он в продолжение трех часов написал весьма красивую икону, то полагая на икону золото, то растирая различные краски на камне и живописуя ими; потом сказал преподобному:

— Отче! Быть может, здесь еще чего недостает или в чем-либо я погрешил?

Преподобный же отвечал:

— Ты сделал все прекрасно; Сам Бог помог тебе написать икону с таким благолепием; это Он Сам сделал через тебя.

Когда же наступил вечер, тот иконописец вместе с иконою сделался невидимым.

Между тем хозяин иконы не мог уснуть всю ночь от печали, так как думал, что икона не будет готова к празднику; поэтому он считал себя недостойным такой милости Божией и называл себя великим грешником. По этой причине, встав утром, на другой день, он пошел в церковь, дабы исповедать там Господу свои согрешения. Но едва лишь он открыл двери храма, как увидел икону, стоявшую на своем месте. Тотчас же он пал на землю от страха, думая, что это было привидение; затем, немного поднявшись от земли и со вниманием посмотрев на икону, он понял, что это была его икона. Вследствие этого он пришел в великий страх и ужас и вспомнил слова преподобного Алипия, который сказал ему, что икона будет готова к своему празднику; потом пошел и разбудил всех домашних своих. Домашние его с радостью поспешили в храм со свечами и лампадами; увидав здесь икону, сиявшую как солнце, все пали на землю, поклонились иконе и облобызали ее с веселием души.

После этого тот благочестивый муж отправился к игумену и рассказал ему о чуде, случившемся с иконою; потом они вместе отпра-

вились к преподобному Алипию и нашли его уже отходящим из мира сего. Несмотря на это, игумен спросил его:

— Отче! Кем и как была написана икона мужу этому?

Алипий передал им все, что видел, и сказал:

— Икону ту написал Ангел и он же предстоит здесь, намереваясь взять душу мою.

Сказав это, блаженный предал дух свой в руки Господа 17 августа[1]. Братия, убрав, как подобает, тело его, отнесли его в церковь; потом сотворив обычное погребальное пение, положили тело святого в пещере преподобного Антония.

Так украсил этот святой чудодейственный иконописец небо и землю; здесь пребывая телом, туда он восшел добродетельною душою, в прославление Начальника иконописцев, Бога Отца, Который сказал: *сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему* (Быт 1, 26), а также и *образа ипостаси Его* (Евр. 1, 3), Бога Сына, Который *образом обрётеся яко человек* (слав. Флп. 2, 7); вместе со Святым Духом, сходившим с неба во образе голубя (Мф. 3, 16) и языков огненных (см.: Деян. 2, 3). Всех этих, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, пребывающих в едином существе, восхвалим вместе с преподобным отцом нашим Алипием и будем прославлять в бесконечные веки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
СТРАТОНА, ФИЛИППА, ЕВТИХИАНА и КИПРИАНА

Эти святые мученики, будучи людьми знатными, обходили Никомидию[2] и, посещая народные зрелища, учили собиравшийся там народ, убеждая его оставить служение идолам и обратиться к вере во Христа. Однажды начальник города увидел, что место зре-

[1] Кончина преподобного Алипия последовала в 1114 году.

[2] *Никомидия* — столица восточной части древней Римской империи, местопребывание императора Диоклетиана, знаменитый город в малоазийской римской провинции Вифинии, расположенной в северо-западной части Малой Азии.

лищ пусто, почти без зрителей и, узнав причину этого, а именно, что народ оставил собрание людей, сходившихся на зрелища, будучи научен святыми мучениками, и потому пренебрегает отеческими обычаями, проводя новую какую-то жизнь, немедленно повелел привести святых к себе. Когда они предстали пред начальником города, то объявили ему, что содержат веру во Христа и учили ей других. Тогда их привели на место зрелищ и отдали на растерзание зверям, но звери не причинили им никакого вреда. После этого они были подвергнуты многим разнообразным мучениям и, наконец, брошены в огонь. Таким образом святые мученики прошли поприще[1] страданий за Христа и, одержав победу, восприняли венцы[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МИ́РОНА

Святой Мирон был пресвитером в Ахаии[3] в царствование нечестивого царя Декия[4]; игемоном же той страны был Антипатр. Святой происходил из знатного и богатого рода; он был весьма кроток нравом; в своем сердце он всегда питал теплую любовь к Богу и людям и проводил жизнь богоугодную.

Однажды, в день праздника Рождества Христова, игемон Антипатр вошел в христианский храм, чтобы взять христиан, собравшихся на молитву, и предать их мучениям; увидя это, святой Мирон преисполнился ревности и с силою обличил игемона и укорил его. За это он был взят, по приказанию игемона, и предан жестоким мучениям: он был повешен на древе и подвергнут строганию железным гребнем; затем был опаляем огнем; наконец был брошен в сильно разожженную и испускавшую страшное пламя пещь; но в это время из

---

[1] *Поприщем* у греков называлось место определенной длины и ширины с оградой для бегания. Пробежавший поприще и добежавший до конца раньше других считался победителем и в награду получал венок.

[2] Время кончины святых мучеников неизвестно.

[3] *Ахаия* — древнегреческая область, находившаяся на полуострове Пелопоннесе.

[4] *Император Декий* царствовал с 249 по 251 год.

печи исшел огонь и попалил сто пятьдесят нечестивых слуг игемоновых, стоявших вблизи; святой же остался живым, по благодати Христовой, не потерпел никакого вреда и, стоя посреди печи, благословлял Бога. В то же время в печи видны были святые Ангелы, стоявшие посреди огня кругом святого и охлаждавшие печь.

Когда печь угасла и святой вышел из нее, не потерпев никакого вреда, игемон начал принуждать его поклониться идолам; когда же святой не исполнил этого нечестивого приказания, то игемон повелел снять кожу со святого и резать ее на ремни, от плеч до ног. Святой же мученик, взяв с себя один ремень, бросил его в лицо игемону; тогда он снова был подвергнут строганию железными ногтями по обнаженному телу и потом отдан был на съедение зверям; однако не потерпел от них никакого вреда.

Тогда игемон Антипатр, увидя себя постыженным во всем страстотерпцем Христовым Мироном, преисполнился гнева и бешенства и своими же собственными руками умертвил себя; так погиб нечестивый с шумом, отдав мерзкую душу свою бесам в ад на вечные мучения. Святой же мученик был отведен в город Кизик[1] и здесь скончался, будучи обезглавлен, предав душу свою святую в руки Божии[2]. Таким образом, приняв венец мученический, он вошел в радость Господа своего.

В тот же день **память святых мучеников: Павла и Иулиании**, сестры его; память их празднуется в четвертый день месяца марта (под этим числом подробно описано и страдание их).

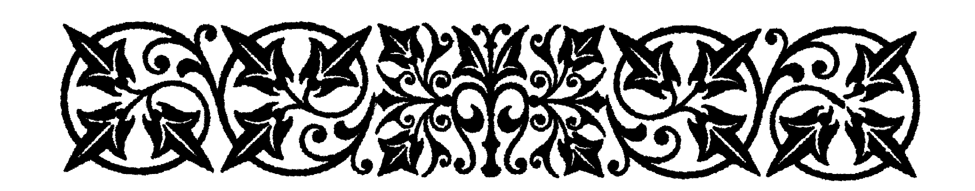
В тот же день **память святых мучеников: Фирса, Левкия и дружины их**, пострадавших при императоре Декии[3] (249–251 гг.) в Кесарии Вифинской; память их празднуется еще 14 декабря (под этим числом можно читать и повествование о страдании их).

---

[1] Город *Кизик* находился на полуострове Арктониссе.

[2] Кончина святого мученика Мирона последовала около 250 года.

[3] *Император Декий* царствовал с 249 по 251 год.



День восемнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ЕМИЛИАНА и прочих с ним

Святой Емилиан родился в азиатской области Армении. Родители его — христиане — были люди знатные и богатые. Они отдали его для книжного обучения одному добродетельному мужу, некоему священноиноку Илариону. Основательно научившись разумению книг и придя в совершенный возраст, Емилиан проводил целомудренную, богоугодную и благочестивую жизнь, с усердием предаваясь посту, молитве и чтению книг и соблюдая в непорочности свою девственную чистоту. Когда до Армении дошел слух, что нечестивые римские императоры Диоклетиан и Максимиан воздвигли в Европе жестокое гонение на христиан, то Емилиан воспламенился святою ревностью о правой вере и, горя любовию ко Христу до готовности принять смерть за Него, вознамерился идти в те страны, чтобы там проповедовать язычникам имя Христово и отдать за Господа своего жизнь свою. У Емилиана было два брата, Дионисий и Ермипп. Боговдохновенными увещаниями он и им внушил те же намерения. И вот братья после кончины своих родителей по взаимному согласию оставили из любви ко Христу дом, родину, наследство и все блага мира этого и отправились из Азии в Европу. Они взяли с собою и учителя своего, священноинока Илариона, и пришли в Италию в город Сполитон[1]. В этом городе между язычниками они

[1] Ныне *Сполетто*, расположен на одном из притоков реки Тибра в Умбрии. Приток этот назывался в древности Клитумной.

нашли много христиан, проводивших чистую и праведную жизнь, и по их просьбе стали у них проживать. Блаженный Емилиан был для всех примером святости, ибо и днем, и ночью он упражнялся в молитве и проповедании Слова Божия.

По прошествии некоторого времени в соседнем городе, называемом Требией[1], скончался епископ. Тогда жители этого города, бывшие христианами и жившие среди идолопоклонников, как пшеница среди сорной травы и как лилия среди терновника, узнав о жизни и мудрости святого Емилиана, избрали его себе епископом, как человека, хотя и молодого по летам, но превосходящего разумом и добродетелями стариков. Для посвящения они отправили его в Рим к святейшему папе Маркеллину. Приняв от папы архиерейское посвящение, святой Емилиан вместе с учителем и братьями своими переселился из Сполитона в Требию, кафедральный город своей епархии. Вступив в управление своею паствою, он правил ею доблестно, наставляя стадо Христово и делом, и словом, причем, чудесно исцеляя болезни и врачуя благодатью Христовою тела и души человеческие, он и многих из неверных обратил к христианской вере.

В то время правителем тех стран был человек жестокого характера, по имени Максимиан, которому нечестивые императоры вручили власть над Этруриею и Умбриею. Прослышав о христианском епископе Емилиане, что он многих обращает от служения идолам ко Христу и упраздняет языческие храмы, Максимиан поспешно прибыл в Требию и, приказав схватить святителя Божия и привести к себе на суд, сказал ему:

— Емилиан, что я слышу о тебе? К чему безумием своим ты добровольно хочешь предать себя смерти? Если не поклонишься нашим богам, то я подвергну тебя жестоким мучениям и велю предать тебя ужасной смерти.

— Я не поклонюсь бесам, — с полною твердостью ответил святой епископ, — потому что все языческие боги — бесы, как говорится и в святых книгах, и кто им кланяется, тот унаследует в аде вечные муки.

---

[1] *Требия* — довольно значительный в древности город, находившийся, как и Сполитон, на большой дороге, соединявшей столицу вселенной, Рим, с одним из портов Адриатического моря; ныне не существует. Он был в Умбрии, несколько севернее Сполитона и близком от него расстоянии.

От этих слов правитель пришел в ярость и велел без пощады бить святого, а потом после избиения стал на словах издеваться над ним. Он поносил Христа Бога и говорил, что христианский Бог не имеет никакой силы, а те боги, которых он чтит, всемогущи. Тогда святитель Божий сказал ему:

— Испытай, если желаешь, и узнай, чья сила больше, Христова или твоих богов? Прикажи принести сюда какого-нибудь расслабленного или человека, одержимого какою-либо иною болезнью, и повели жрецам вашим, пусть помолятся богам об исцелении больного; помолюсь и я моему Богу, и чей Бог Своею силою исцелит больного, Тот Бог пусть и будет признан всеми Богом Истинным и пусть все поклонятся Ему.

Это предложение святого Емилиана понравилось Максимиану, и он немедленно же послал разыскать больного. Вскоре принесен был один человек расслабленный, с очень давнего времени лежавший в постели и совершенно не владевший своими членами. На это зрелище собралось множество народа, желавшего видеть имевшее совершиться чудо. И вот по повелению правителя жрецы стали молиться богам своим, призывая Аполлона, Зевса, Меркурия и других суетных и ложных богов своих, чтобы они исцелили расслабленного. Очень долго молились они, но не имели никакого успеха, а святой, стоя в стороне, смотрел и посмеивался над ними и над их богами. Наконец, Максимиан повелел жрецам своим прекратить молитву и, обратившись к епископу христиан, Емилиану, сказал ему:

— Теперь ты помолись Богу своему, если ожидаешь что-либо получить от Него.

Тогда епископ преклонил для молитвы колена и подняв руки, возвел глаза свои к небу и стал молиться, говоря:

— *Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня... в день, [когда] воззову [к Тебе], скоро услышь меня* (Пс. 101, 2–3). Яви, Господи, всем присутствующим здесь, что Ты — Один истинный Бог, и спаси верующих в Тебя.

Так помолившись, святитель подошел к расслабленному и, взяв его за руку, сказал:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа встань и будь здоров.

Расслабленный тотчас же встал, здоровый во всем теле, и на глазах всех стал ходить, радуясь и прославляя Бога. Он всем показывал

себя в удостоверение, что совершенно исцелился, и с радостью ушел домой.

Это чудо привело в изумление всех, наблюдавших его, и многие уверовали во Христа. Сам Максимиан начал было в душе склоняться к вере, но нечестивые жрецы стали убеждать его не веровать, говоря, что не силою Божиею совершилось это чудо, а волшебным искусством Емилиана, и взывали к правителю:

— Предай смерти этого чародея, дабы не погибло совсем почитание богов.

Слушая нечестивых жрецов и давая лживым словам их больше веры, чем видимой силе Божией, Максимиан снова стал убеждать святого Емилиана поклониться идолам и говорил:

— Принеси жертву богам, зная то, что многие, не послушавшие моего совета, погибали до сих пор в страшных мучениях.

— Те, которые не принесли жертвы твоим нечестивым богам, — отвечал святой, — но решились умереть за Христа, теперь наслаждаются вместе с Ним вечным блаженством.

— Не говори мне больше об имени Христа, — сказал на это Максимиан, — но пощади свою молодость, ибо ужасные мучения ожидают тебя.

— Я — раб Христа, — отвечал святой Емилиан, — и не перестану открыто произносить и прославлять имя Иисуса Христа; за Него я готов потерпеть всевозможные муки и самую смерть.

Тогда Максимиан приказал раздеть святого, повесить на месте пыток и опалять тело его зажженными свечами.

Безропотно перенося эту пытку, святой мученик молился Господу, чтобы Он укрепил его в страданиях. И вот явился ему Христос и сказал:

— Не страшись, Емилиан, Я Сам — с тобою!

И в ту же минуту свечи погасли и руки палачей скорчились. Видя это, правитель велел снять мученика с места пыток и сказал ему:

— Каким искусством ты действуешь, что и свечи погасил и искалечил руки слуг моих? Но в моем распоряжении есть для тебя еще более сильные мучения, преодолеть которые ты уже будешь не в состоянии.

— Искусство мое, — ответил на это мученик, — Христос мой, и если ты подвергнешь меня бóльшим мучениям, то Он даст мне и больше терпения и покажет на мне еще бóльшую силу Свою.

Тогда Максимиан приказал расплавить котел олова и бросить в него мученика. Но Христос опять явился Своему рабу и, взяв его за руку, вместе с ним вошел в котел, и огонь немедленно же погас, котел распался и олово вылилось, а святой остался невредимым. Это чудо привело в изумление правителя и всех, бывших при нем, однако они не признали в нем силы Божией.

После этого Максимиан дал повеление привязать к шее святого мученика большой камень и бросить его в протекавшую близ города реку, носившую название Клитумна. Но и здесь явился святому Емилиану Христос и, как некогда апостола Петра, взял его за руку и из водной глубины вывел на берег. Воины привели святого обратно к правителю и рассказали ему о совершившемся чуде.

Максимиан приказал тогда бросить Емилиана на съедение зверям, но и звери не причинили святителю Божию никакого вреда, потому что Сам Господь, снова явившийся угоднику Своему, был тут. Христос сказал ему:

— Мужайся, Емилиан, добрый и верный раб Мой!

И звери успокоились: львы и леопарды сделались кроткими, как ягнята, и одни лизали ноги святого, а другие — руки его. При виде таких чудес народ закричал:

— Велик Бог христианский! Пусть раб Его будет отпущен на свободу.

И в этот день уверовало во Христа тысяча человек. В страшном гневе на народ Максимиан выслал на него вооруженных воинов и приказал им убивать тех, кто прославлял Христа. Таким образом, было убито обоего пола и всякого возраста тысяча человек уверовавших. Кроме того, по приказанию разгневавшегося правителя, были перебиты и звери, не причинившие вреда мученику. Видя избиение зверей, Емилиан воскликнул, сказав:

— Слава Тебе, Христе Боже, ибо за Тебя умирают не только люди, но и звери.

Находясь в затруднении относительно того, какому бы еще мучению подвергнуть святого Емилиана, Максимиан велел посадить его в темницу. В это время по совету своих палачей он приказал соорудить особое колесо для пытки и приделать к нему множество острых железных зубьев. Но когда, по его приказанию, приведенного из темницы святого мученика привязали к этому колесу и покатили с горы, то в то же мгновение явившийся святому Господь отвязал и

снял его с колеса, а колесо покатилось и изранило и убило многих, находившихся под горой язычников. После этого святой мученик снова был посажен в темницу. Между тем Максимиан, узнав о двух братьях святого Емилиана, Дионисии и Ермиппе, и об учителе их Иларионе, послал воинов разыскать их, так как из страха они скрывались. Когда они были найдены и приведены к правителю, он велел посадить их в ту же темницу, где находился и святой Емилиан. Увидав учителя своего и братьев, святитель Божий очень обрадовался; и все вместе они радовались, что удостоились страдать за имя Христово. В ту же ночь блаженному Илариону было от Бога откровение, что все они скоро примут мученические венцы. Вскоре после этого Дионисий и Ермипп вместе со старцем Иларионом были приведены на суд к правителю. Но когда последний, принуждая их поклониться идолам, стал угрожать им мучениями, то для укрепления их явился им Христос Господь, и в то же время произошло землетрясение, идолы попадали с своих мест и разбились в прах. Поэтому святые, по повелению правителя, были жестоко избиты и, наконец, обезглавлены. Таким образом, они и приняли обещанные им Господом мученические венцы.

На другой день утром Максимиан повелел привести на судилище святителя Божия Емилиана и сказал ему:

— Братья твои и твой учитель отреклись от Христа, и я послал их в другой город для принятия почестей.

Но святой Емилиан, зная по откровению Божию о мученической кончине святых, ответил правителю:

— Мучитель, ты говоришь неправду: не отреклись они от Христа, но положили жизнь свою за Него. Впрочем, ты выразился правильно, сказав, что послал их в другой город, потому что, убив их, ты действительно послал их в город небесный для принятия почестей от Царя славы, Христа, за Которого они пострадали.

От этих слов Максимиан пришел в ярость и приговорил святого Емилиана к усечению мечом. После такого приговора святой, сопровождаемый большою толпою народа, для совершения казни выведен был из города на расстояние одного поприща[1] на место, называемое Карпианово. Шествуя к месту казни, мученик пел, прославляя Бога и молясь за народ. Когда палач нанес святому удар

---

[1] *Поприще* — мера расстояния около версты (шестьсот девяносто саженей).

мечом в шею, то меч согнулся, как воск, и не причинил никакой раны. Тогда воины, бывшие при казни, упав к ногам святого, просили у него прощения, признали, что Христос есть Единый истинный Бог, и умоляли святого мученика помолиться о них Христу Богу. И когда мученик, преклонив колена, начал молиться не только о них, но и о всех людях, то ему послышался с неба голос, извещавший его, что молитва его принята, а его самого призывавший в горние обители. Услышав этот голос, святой мученик исполнился невыразимой радости. Он хотел поскорее отрешиться от тела и жить со Христом; однако у него было желание достигнуть этого не обычною, а мученическою смертию, а потому он помолился Господу, чтобы Он дал ему умереть от меча. И вот пришел другой палач и отсек ему честну́ю главу. Таким образом и увенчан был святой епископ Емилиан венцом мученика. Из раны его вместо крови потекло молоко, и многие из язычников, будучи очевидцами таких чудес, уверовали во Христа. Они же завернули честное тело святого мученика в чистые умащенные душистым маслом пелены и тут же похоронили.

Впоследствии, когда гонение на христиан прекратилось, верующие торжественно перенесли мощи святого в город и положили их в священном месте, прославляя Христа Бога, Которому и от нас да будет слава со Отцом и Святым Духом ныне, всегда и вовеки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФЛОРА и ЛАВРА

Святые мученики Флор и Лавр были братьями не только по плоти, но и по духу, так как оба единодушно веровали во Христа и угождали Ему добрыми делами. По занятию они были каменщиками. Учителями их были благочестивые мужи Прокл и Максим, от которых вместе с ремеслом они научились и богоугодной жизни по правилам христианской веры. За веру во Христа сперва преданы были смерти их учителя, а потом, спустя некоторое время, вслед за учителями своими и они унаследовали мученические венцы, при-

няв страдальческую смерть от правителя Иллирии[1] Ликиона. Поводом к страданию их был следующий случай.

Некий правитель соседней страны обратился к правителю Иллирии с просьбою прислать ему искусных каменщиков для построения великолепного каменного храма языческим богам. Так как самыми искусными в стране знатоками этого дела были святые Флор и Лавр, то Ликион и отправил их к этому правителю. Сооружая согласно воле последнего храм, святые братья раздавали бедным плату, получаемую ими за свой труд, и при этом учили бедных святой вере во Христа. Сами они всегда проводили время в посте, молитве и трудах: ночью молились, а днем производили свои работы; пищу принимали в малом количестве, зато обильно кормили голодных и бедных. Действуя таким образом, они обратили к христианской вере не только призреваемых ими бедняков, но и одного языческого жреца с его сыном. Случилось это так.

В один день, когда святые братья тесали камень, к ним подошел сын жреца, молодой юноша, и, став близко, смотрел на их работу. Вдруг от камня отскочил осколок, ударил юношу в глаз и выбил его. От боли юноша закричал; на его крик прибежал отец его, языческий жрец. Видя, что лицо сына окровавлено и глаз выпал, он разорвал от горя на себе одежды, стал бранить святых работников и бросился было на них, чтобы их побить, но его удержали бывшие тут же другие рабочие. Удостоверяя невинность святых братьев, они говорили, что виноват в своем несчастии сам юноша, потому что он близко подошел к ним в то время, когда они тесали камень и смот-

[1] *Иллирия* — обширная область в северо-западной части Балканского полуострова, расположена была по берегу Адриатического моря. В настоящее время на месте древней Иллирии находятся Босния и Герцеговина, Сербия и др.

рел на их работу, не принимая мер предосторожности. Святые угодники Божии Флор и Лавр, стараясь успокоить жреца, обещали скоро исцелить глаз его сыну и сделать его настолько же зрячим, как и прежде.

После этого они взяли юношу на ночь к себе в дом и стали учить его познанию Единого истинного Бога, Иисуса Христа, причем говорили ему:

— Если будешь всем сердцем веровать в Того Бога, о Котором мы возвещаем тебе, то глаз твой скоро будет здоров.

— Если глаз мой станет таким же, как был прежде, — ответил юноша, — то я уверую в вашего Бога и буду чтить Его. Без сомнения больше надлежит веровать в Того Бога, Который исцеляет больных и возвращает зрение слепым, нежели в тех богов, которые не только больных не исцеляют, но и здоровых делают больными.

При этом юноша рассказал святым о таком происшествии.

— Есть, — сказал он, — среди наших жрецов один жрец, по имени Ерм. Когда за несколько лет пред этим хотели поставить его в жреческое звание, то привели к идолу Зевса, чтобы возложить руку идола на его голову. Такой существует у нас обряд при поставлении в жречество. Он состоит в том, что руку идола, приделанную к плечам и движущуюся в суставе, жрецы при помощи серебряной цепи поднимают кверху, а потом спускают на голову поставляемого. Когда эту руку спускали на голову Ерма, то серебряная цепь случайно выскользнула из рук держащих ее, и рука идола, упав на лицо Ерма, ободрала его ногтями вплоть до костей, так что до этого дня издалека видны зубы его. И ни один бог не оказал ему помощи, напротив, ему делается все хуже.

Когда юноша рассказал об этом происшествии, святые Флор и Лавр со слезами начали молиться Богу о том, чтобы Он исцелил юношу и просветил не только его телесный глаз, но и душевные его очи. После усердной молитвы они осенили больной глаз юноши крестным знамением и глаз немедленно зажил, сделался совершенно здоровым и так же хорошо видел, как и прежде. Вследствие такого чуда уверовал во Христа не только исцеленный юноша, но и отец его, языческий жрец. Имя этому жрецу было Мемертин, и он с этого времени из служителя демонов стал рабом Господа нашего Иисуса Христа вместе с сыном своим.

После этого святые работники Флор и Лавр, получая в своей работе помощь от Ангела Божия, в короткое время окончили постройкой сооружаемый храм, но не оставили его для жилища идолов, а освятили его для прославления пресвятого имени Иисуса Христа. Они поставили в нем к востоку честнóй Крест и, собрав до трехсот человек бедняков, братьев своих по вере, совершили всенощную молитву, прославляя Христа Бога. Во время молитвы сошел свыше свет неизреченной небесной славы и наполнил храм дивным сиянием. По окончании всенощной молитвы все, бывшие в храме, отправились к стоявшему неподалеку зданию, в котором находились приготовленные для нового храма идолы, и, обвязав шеи этих идолов своими поясами, стали влачить их по земле, бить и ломать и, таким образом, раздробили их на мелкие части.

Узнав обо всем этом, областеначальник велел схватить Флора и Лавра и всех тех, кто были с ними, и в числе последних Мамертина и сына его. Всех, бывших со святыми, он приговорил к сожжению, а их самих, предав жестокому избиению, велел связать и отослал к правителю Иллирии Ликиону. Ликион обстоятельно расспросил их обо всем и, узнав, что они — христиане и остаются непоколебимыми в своей вере, велел бросить их в глубокий колодец и засыпать землей.

Спустя много лет были обретены их святые и многоцелебные мощи и с честью перенесены в Константинополь во славу Христа, Бога нашего.

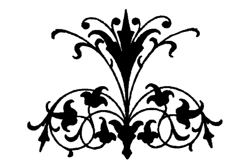
ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕРМА, СЕРАПИОНА и ПОЛИЕНА

На этих святых мучеников язычники сделали донос, что они почитают Христа, а от идолов отвращаются и презирают их. Вследствие этого они были схвачены и, представ пред римским епархом[1], дерзновенно исповедали веру во Христа. За это их сперва заключили в смрадную темницу, а потом вывели из нее, но они не

[1] *Епархами* в Греко-Римской империи назывались областные начальники.

пожелали принести жертву идолам. Поэтому их стали влачить по тесным и непроходимым местам, и они, ударяясь о камни, предали Богу честны́е души свои, восприняв вечное блаженство там, где находится жилище всех радующихся[1].

В тот же день **память святых патриархов Константинопольских Иоанна и Георгия**. Иоанн патриаршествовал с 669 по 674 год, Георгий — с 678 по 683 год, — оба при императоре Константине Погонате (668–685 гг.).



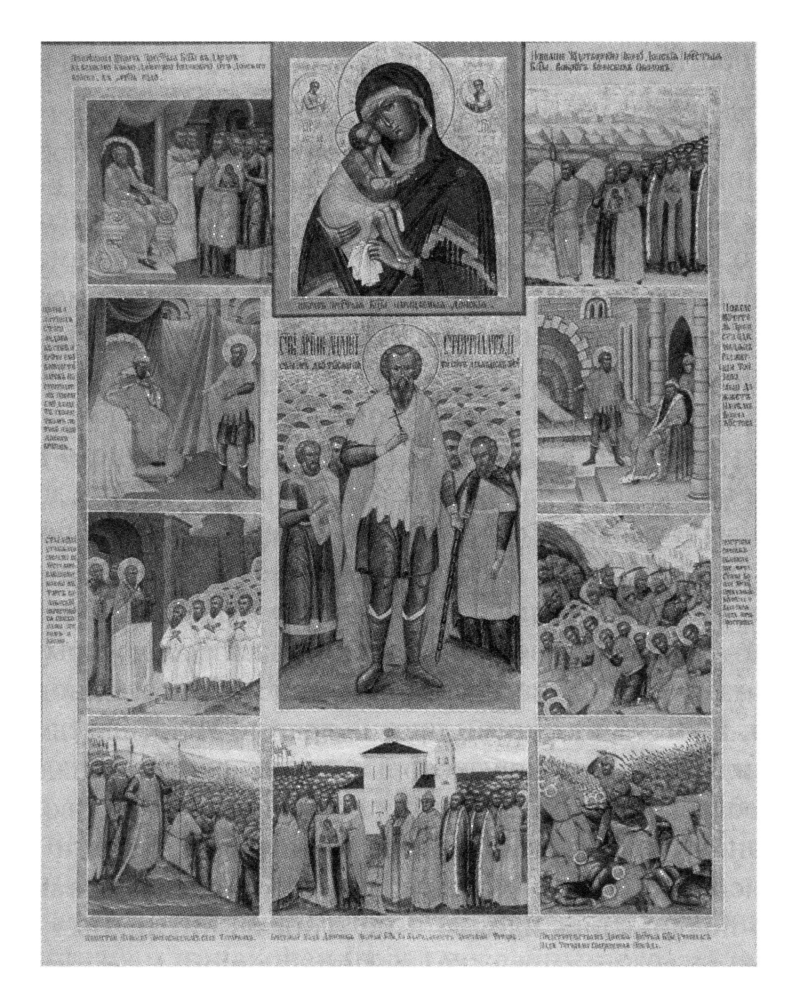
[1] Год кончины святых мучеников неизвестен.

День девятнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АНДРЕЯ СТРАТИЛАТА

Нечестивый Максимиан[1], управляя восточною частью Римской империи, воздвиг повсеместное гонение на христиан. В это время в Сирии находился один военачальник, по имени Антиох, человек жестокого характера и ревностнейший служитель идолов, дышавший угрозами и казнями на верующих во Христа. Ему поручена была императором власть над всею Сириею и дано было повеление подвергать пыткам и казни христиан, для чего предоставлено было в его распоряжение значительное число тысяченачальников с подчиненными им римскими войсками. В числе других тысяченачальников, как благоухающий цветок лилии среди терновника, под властью Антиоха был последователь Христа Андрей, который содержал первоначально святую веру во Христа втайне, а потом, когда наступило время, явил и ее всему миру, открыто пред всеми исповедав имя Христово. Хотя он и не был еще крещен, но с твердою верою питал в сердце своем и горячую любовь ко Христу, уклоняясь от всякого дела, неугодного Богу, и ревностно совершая дела, согласные с волею Божиею. За такое благочестие Бог даровал ему необыкновенное мужество и храбрость в битвах, так что по храбрости и мужеству не было равного ему во всем римском войске. Не раз он одерживал

[1] Здесь имеется в виду не соправитель Диоклетиана Максимиан Геркул, а *Максимиан Галерий*, зять Диоклетиана и соправитель его на востоке Римской империи. Он внушил Диоклетиану мысль издать общий закон против христиан, вследствие которого и началось повсеместное преследование их.



Икона св. мч. Андрея Стратилата с деяниями

блестящие победы над врагами и пользовался среди воинов большею славою и почетом, чем прочие полководцы.

Однажды значительные силы персидского войска, возбуждая против Антиоха войну, сделали внезапное нападение на Сирию. Вследствие неожиданности нападения персов Антиох был в большой тревоге. Но вспомнив о доблестном тысяченачальнике Андрее, он поспешно призвал его к себе, поручил ему вместо себя главное начальство над войском и, наименовав его Стратилатом, то есть старшим начальником над военачальниками, повелел выступить с

войсками против напавших на страну врагов и остановить их движение, причем сказал ему:

— Твое мужество и храбрость твоя на войне известны не только мне, но о них хорошо знает и сам император; вот почему я и почтил тебя таким высоким званием. Итак, я поручаю тебе эту неожиданно возникшую войну. Возьми войско, начальствуй над ним вместо меня и постарайся еще больше увеличить ту славу, которую имеешь.

Приняв такое поручение, воин Христов святой Андрей не ради своей личной славы, но ради славы имени Иисуса Христа желал выступить против врагов с подобающею доблестью, но, уподобляясь древнему Гедеону (см.: Суд. 7, 1) из многочисленного римского войска, он выбрал себе для войны только небольшое число воинов, хорошо зная изречение святого царя Давида, что Господь *не на силу коня смотрит, не к быстроте ног человеческих благоволит, — благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его* (Пс. 146, 10–11). Выбор святого Андрея пал на тех, которых указала ему благодать Божия таинственным действием вдохновения на сердце его, и выступил с ними против врагов. Увидев весьма значительные силы противников, которые, как саранча, напали на сирийскую область, святой Андрей стал укреплять своих воинов для мужественной борьбы, чтобы они при малочисленности своей не устрашились многочисленного персидского войска. И так как все воины его поклонялись идолам и ни один из них не был еще христианином, то он предложил им познать единого, всемогущего и в войнах страшного Бога, оказывающего всесильную помощь верующим в Него. Он сказал им:

— Братья и друзья мои! Теперь вы на деле можете убедиться, что языческие боги — бесы. Будучи сами бессильными, они никому и помочь не в состоянии, но есть Единый истинный Бог, Которому я служу, Который сотворил небо и землю. Он — всемогущ, и всем, кто призывает Его, Он посылает скорую помощь: делает таких сильными на войне и врагов обращает пред ними в бегство. Вот, как вы и видите, против нас идут многочисленные полки врагов, которые по своей многочисленности гораздо сильнее нас, но если вы отвергнете ваших суетных богов и вместе со мною призовете Единого истинного Бога, то вы тотчас же увидите, что враги исчезнут пред вами подобно тому, как исчезает какой-нибудь дым или пыль.

Когда святой сказал это, все бывшие с ним воины поверили словам его и, призвав на помощь Христа Бога, смело бросились на врагов. Произошла жаркая битва, и воины святого Андрея одержали блестящую победу, так как по вере и молитвам святого в помощь им явилась свыше невидимая сила, которая навела страх на войска персов и привела их в расстройство, и они, отступив, обратились в бегство, а войско римское, предводительствуемое святым Андреем, преследуя их, мечами своими посекало головы персов, как посекают серпом колосья. Таким образом, и произошла при помощи силы Христовой славная победа римлян над персами. Когда враги были прогнаны, то все воины, бывшие с святым Андреем, при виде такой неожиданной победы, одержанной при помощи Христа, уверовали в Него, а святой Андрей стал, насколько мог, утверждать их в вере, разъясняя им правые пути, приводящие ко спасению. Торжественно возвратясь с войны, святой Андрей и его воины, увенчанные славою, вступили в город Антиохию.

Между тем некоторые из завистливых военачальников, завидуя доблести и славе святого Андрея, донесли на него Антиоху, сообщив ему, что стратилат Андрей чтит распятого Бога. Услышав это, Антиох пришел в сильный гнев и послал к нему некоторых начальствующих мужей из военного звания узнать от него, справедливо ли то, что о нем говорят. Узнавши, что все это действительно справедливо, Антиох отправил снова послов к Андрею отчасти с увещаниями, а отчасти с угрозами и напоминанием ему о своей нетерпимости к христианам и, наконец, велел посланным сказать ему:

— Ты хорошо знаешь, какой мучительной казни я предал сына Полиевктова, Евфимия, и вместе с ним многих других последователей христианской веры. Никого из них я не пощадил. На что же после этого рассчитываешь ты и на что надеешься, воздавая божеское почитание Человеку, Который был распят на кресте?

Когда посланные от Антиоха пришли с таким поручением к святому и передали ему эти слова, то он сказал им в ответ:

— Слова Антиоха более ободряют меня, нежели устрашают: ибо если те, о которых он напоминает мне, будучи преданы жестоким мучениям, стали его победителями и в венцах мучеников предстали Христу Богу, то почему же и мне не быть верным рабом моего Иисуса Христа, чтобы вместе с ними, пострадавшими за Него прежде меня, удостоиться наследия в Царстве Его?

После того как посланные сообщили Антиоху этот ответ святого Андрея, он исполнился ярости и послал к святому воинов с приказанием связать и привести его к себе. Сев на судейское место, он велел святому Андрею открыто пред всеми объявить, желает ли он подчиниться царскому повелению или намерен служить своему Богу. Тогда святой, стоя на этом нечестивом судилище, пред лицом Ангелов и людей громким голосом смело исповедал Христа истинным Богом, а себя рабом Его. После этого мучитель немедленно приказал принести медное ложе и сильно раскалить его, дабы жечь на нем Христова воина. Когда ложе было раскалено до того, что от него отскакивали искры, то Антиох сказал мученику:

— Андрей, ты много потрудился на воинской службе, поэтому следует тебе после стольких трудов отдохнуть на этом ложе.

Святой мученик, не ожидая, пока палачи возьмут его, немедленно же сам снял с себя одежды, поспешно взошел на ложе и, легши, протянулся на нем, как бы на мягкой постели, мужественно перенося жжение своего тела. Ощущая сначала боль, он стал молиться Христу Богу, чтобы Он ниспослал ему скорую помощь, и действительно огонь, по повелению Божию, немедленно потерял свою силу и не мог вредить телу мученика. В то же время Антиох повелел схватить и некоторых других мужей из числа воинов Андрея и, приказав прибить гвоздями руки их крестообразно к деревам, состоящим из четырех частей, с насмешкой спрашивал их, приятно ли им это? Считая такое страдание за Христа весьма приятным для себя, они сказали:

— О, если бы мы удостоились быть подражателями Христа, нашего Господа, распятого на древе крестном!

После этого мучитель снова обратился к святому Андрею и спросил его, достаточно ли он наказан огненным жжением и не желает ли отречься от Христа и обратиться к почитанию богов. На это мученик ответил, что желает терпеть до конца, потому что конец венчает всякое начатое дело; ибо от Христа Бога получает награду не тот, кто хорошо начал свой подвиг, но тот, кто хорошо окончил его. Поэтому мучитель Антиох повелел снять святого Андрея с медного ложа, а его товарищей освободить от дерев и бросить в темницу, как бы для того, чтобы дать им время на размышление, пока не согласятся обратиться к богам, а на самом деле для того, чтобы сообщить о них императору, так как он не решался без ведома и согласия по-

следнего предать казни такого доблестного и сановного мужа, как Андрей, и его товарищей. Император Максимиан, получив и прочитав донесение Антиоха, нашел небезопасным открыто казнить смертью такого знаменитого воина и вместе с ним других воинов, оказавших такое необыкновенное мужество: не произошло бы от этого волнения и мятежа в войске и не возникла бы из-за них новая война. В ответ он написал Антиоху письмо, в котором повелел отпустить Андрея и его дружину, освободив их от заключения и казни, но в то же время дал Антиоху тайное повеление, чтобы он после освобождения Андрея и его товарищей, подождав немного времени, искусно нашел за ними какое-нибудь другое преступление и казнил их смертью, если они упорно останутся христианами, как бы не за веру, и притом, чтобы брал их для казни по одному. Получив от императора такое повеление, Антиох немедленно же освободил святого Андрея и его товарищей от оков и темниц и отпустил их на свободу, причем повелел им оставаться в том же звании, в каком они были и прежде.

Между тем воин Христов, святой Андрей, узнав по откровению Божию о таком коварном замысле нечестивцев, тайно от Антиоха вместе со всеми воинами, уверовавшими во Христа (а их было две тысячи пятьсот девяносто три человека), ушел в киликийский город Тарс[1] к епископу этого города Петру для принятия от него святого крещения, так как никто из воинов его и сам он не был еще крещен. Спустя несколько времени Антиох, узнав об уходе святого Андрея и его дружины в Киликийскую область, исполнился страшной ярости и гнева и, посоветовавшись с близкими к себе лицами, послал правителю Киликии Селевку письмо, в котором писал:

«Я знаю, что ты слышал об Андрее, который был тысяченачальником в императорских войсках. Ныне он не только сам впал в безумие, не повинуясь повелениям императора, но и многих из воинов обратил к тому же безумию и, как мы слышали, бежал с своими единомышленниками в Киликийскую область. Почему, во исполнение повеления императора, прикажи схватить Андрея и всех, кто нахо-

---

[1] *Киликия* — римская провинция; находилась в юго-восточной части малоазийского полуострова, на берегу Средиземного моря, на северо-восток от Сирии и граничила с последней с востока. Город *Тарс* был родиной святого апостола Павла.

дится с ним, и, связав, пришли их к нам. Если же они вздумают оказать сопротивление или бежать, то прикажи вооруженным воинам убить их».

Селевк, получив от Антиоха такое письмо, немедленно разослал во все местности Киликии послов разведать об Андрее и находящихся с ним воинах и, узнав, что он находится в Тарсе, сам с войском отправился туда. В это время святой Андрей, провидя духом, что волки идут уже на стадо Христово, просил Тарсийского епископа, блаженного Петра, и другого епископа из города Вереи, по имени Нона, случайно находившегося тогда в Тарсе, немедленно же совершить над ним и его воинами святое крещение, и епископы тотчас же крестили святого Андрея и всю дружину его.

Приняв святое крещение, святой Андрей с своими сподвижниками ушел из Тарса в местность, называемую Таксаниты, не потому, что боялся смерти, которой, напротив, очень желал ради Христа, но исполняя повеление Господа своего, выраженное в словах: *когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23). Вскоре после этого Селевк с вооруженными как на войну воинами прибыл в Тарс. Не найдя там Андрея с его дружиною, он встревожился и даже изменился от гнева в лице, а потом, исполнившись страшной ярости, отправился в погоню за стадом Христовым. Между тем святые из вышесказанного места пошли в пределы Армении в горы, называемые Таврос[1], а Селевк повсюду гнался за ними вслед, стараясь настигнуть их, чтобы предать избиению. Проходя на этих горах различные местности, святые пришли в одно тесное место, со всех сторон окруженное отвесными подобно стенам скалами, на которое можно было войти чрез единственный проход, как чрез ворота в город. Здесь святой Андрей остановился с своею дружиною и стал ожидать своих убийц, так как именно это место было предуказано ему Богом для мученической кончины его и его сподвижников. Святой Андрей обратился тут к своей дружине с такими словами:

— Друзья, братья и дети мои, *ныне время благоприятное, ныне день спасения* (2 Кор. 6, 2; Ис. 49, 8); будем же единодушно и твердо стоять

---

[1] Ныне *Тавр* — горная цепь, тянущаяся по южному берегу Сканадийского полуострова и потом поднимающаяся к северу и идущая на восток. На восточной части своей она называется Антитавр. Из ледников Антитавра берет свое начало известная река Тигр.

в любви Божией, как повелел наш Господь, и не станем поднимать рук наших на преследующих нас, но поднимем их к Богу с молитвою благодарения за то, что Он дал нам дожить до этого времени, когда мы получим наследие со всеми святыми, пострадавшими за Него. Итак, будем молиться Ему, как молился святой первомученик Стефан, когда иудеи побивали его камнями, говоря: *Господи Иисусе* Христе, *приими* (Деян. 7, 59) души рабов Твоих, которые мы предаем в руки Твои.

Сказав такие слова дружине своей, святой Андрей, став посреди нее и подняв руки и обратив взор свой к небу, начал молиться, говоря:

— Господи, Господи, великий и всесильный! Услышь молитву грешного и недостойного раба Твоего и всех, находящихся со мною, непорочно сохранивших святую веру в Тебя, приими с миром наши души, покрой их Твоим милосердием и удостой райских обителей. Владыко! Молимся Тебе еще и о тех, которые будут почитать нашу память. Исполняй все приводящие ко спасению прошения их и ради молитвы нашей будь им помощником во всех их нуждах. А на месте этом, где будет пролита за Тебя наша смиренная кровь, пусть будет источник, подающий исцеления и прогоняющий нечистых духов. Всех же тех, кто будет приходить сюда, сохраняй от всяких бедствий и подавай им душевное и телесное здравие, чтобы на месте сем прославлялось пресвятое Твое имя, Отца, и Сына, и Святого Духа.

В то время как святой Андрей и бывшие с ним молились так Богу, их настиг Селевк со своими воинами. Обнажив мечи и заскрежетав зубами, они как звери бросились на стадо Христово. Святые же воины Христовы, хотя как храбрые и опытные в бою и могли бы защитить себя, в этом тесном месте с одним только проходом, от рук убийц, но, подражая Господу своему, как незлобивые агнцы, отдались убийцам своим на заклание. Преклонив колена, они протянули выи свои под мечи, и воины Селевка, без милосердия посекая их, в короткое время всех перебили. И пролилась кровь святых, как вода, ручьем текущая из этого места, души же их с торжеством вошли в радость Господа своего.

Святые пострадали 19 августа, в воскресный день во втором часу дня, и на том месте, где пролилась их мученическая кровь, немедленно забил источник ключевой и целебной воды.

Избиение святых видели скрывавшиеся на одной скале вышеупомянутые епископы Петр из Тарса Киликийского и Нон из города Вереи, ибо они со своими клириками издали следовали за ними, желая видеть их кончину. Когда Селевк после избиения святых мучеников пошел со своими воинами обратно домой, эти епископы с клириками своими подошли к телам мучеников и плакали над ними, а потом, приготовив их к погребению, с честью похоронили на том же месте. Видели они и источник, истекший по молитве святых мучеников, и, попив из него воды, узнали о целебности ее, ибо один из клириков, бывший с епископами, долгое время страдал от нечистого духа, но когда напился из этого источника, то нечистый дух немедленно оставил его. После погребения святых епископ Петр не возвратился в Тарс, так как Селевк стал искать его, чтобы предать смерти, но со всеми бывшими с ним пошел в Исаврию.

Между тем окрестные жители, узнав о целебном источнике, стали приходить к нему и приносили своих больных. Они пили воду, омывались ею и получали исцеление от всяких болезней по молитвам святого страстотерпца Андрея и пострадавших с ним святых мучеников и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом да будет честь и слава ныне, всегда и вовеки веков. Аминь.

ПРАЗДНЕСТВО В ЧЕСТЬ
ДОНСКОЙ иконы БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В настоящий день в обители, называемой Донскою и находящейся близ царствующего города Москвы, совершается праздник Пречистой Деве Богородице в честь почитаемой чудотворной иконы Ее.

Об этой иконе повествуется следующее.

Когда благоверный великий князь Димитрий Иоаннович между реками Доном и Непрядвою сражался с нечестивым татарским ханом Мамаем, то там в русских войсках была и эта пречестная и чудотворная икона. Она была принесена донским войском великому

Икона Божией Матери Донская

князю в дар и в помощь против врагов. По молитвам Пречистой Богоматери благодатною Ее силою, исходящею от чудотворной иконы, татары были побеждены. Торжественно празднуя вместе с войском своим победу, великий князь возвратился в престольный город свой Москву и принес с собою честну́ю икону, названною Донскою по случаю бывшей за Доном победы над татарами.

Об обители, называемой от Донской иконы Пресвятой Богородицы Донскою, существует такой рассказ.

В царствование благоверного царя и великого князя Феодора Иоанновича Крымская орда сделала внезапный набег на владения Московского государства, и татарский хан Мурат Гирей подступил к самому престольному городу Москве. Тогда благоверный царь вышел со своим войском против татар и расположился станом на том самом месте, где находится теперь обитель. Сюда же в свой воинский стан он взял и икону Пресвятой Богородицы, принесенную с Дона. При помощи Пречистой Богоматери он одержал победу над татарскими войсками и прогнал их. Воздавая Богоматери благодарение за победу, он повелел на этом месте построить каменный храм и поставить в нем упомянутую икону. С того времени обитель и стала называться Донскою.

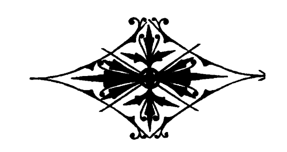
В этот день из великого соборного храма города Москвы в обитель приходит все священное сословие с честны́ми крестами и иконами и совершает торжественное празднество в честь Божией Матери.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **ТИМОФЕЯ, АГАПИЯ и ФЕКЛЫ**

Славный мученик Тимофей был родом из палестинского города Газы[1]. Так как он вызывал удивление своею жизнию и даром

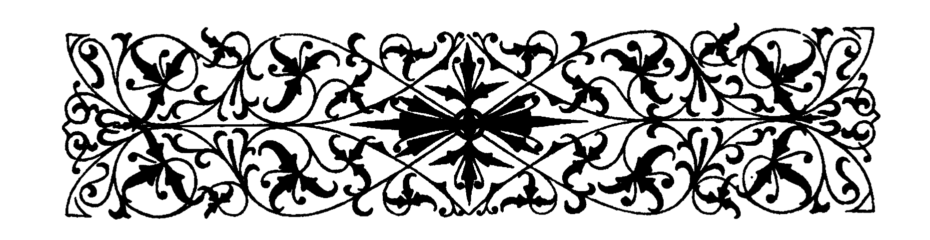
[1] *Газа* расположена на берегу Средиземного моря. В древности она была одним из пяти известнейших филистимских городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. В Новом Завете о Газе упоминается только в истории обращения Ефиопской царицы Кандакии (Деян. 8, 26). С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII веке покорена магометанами.

слова, то и поставлен был учителем Христовой веры. Он схвачен был в Газе и, представ пред правителем города Урбаном, на допросе объявил себя христианином, причем проповедал о любви Христовой к людям, о Его пришествии на землю и воплощении. За это его подвергли разнообразным мучениям, но он остался непреклонным в вере. Брошенный после этого в огонь, он скончался. В то же самое время в том же городе святые Агапий и Фекла были подвергнуты жестоким мучениям, и так как и после этого еще держались веры во Христа, то были брошены на растерзание зверям, от чего и скончались, восприняв небесные венцы[1].



---

[1] По месяцеслову Вершинского, святые Тимофей и Фекла скончались в 304 году в городе Газе, а святой Агапий — в 306 году в городе Кесарии Палестинской. Первый сожжен, святая Фекла растерзана зверями, а святой Агапий брошен в море.



День двадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
САМУИЛА

До начала царей у израильтян, в то время, когда народом Божиим управляли еще судьи, жил человек по имени Елкана. Он происходил из племени Левиина и проживал в уделе Ефремовом, в городе, называемом Рамаф (Рама) и расположенном на горе, именуемой Спера. Впоследствии этот город назван был Армафемом и Аримафеей, откуда потом был родом Иосиф, предавший погребению пречистое Тело Господа нашего Иисуса Христа. Елкана имел двух жен. Имя одной было Анна, а другой — Феннана. У Феннаны рождались дети, а Анна была неплодна. Елкана, однако, любил Анну больше Феннаны, вследствие чего Феннана ненавидела Анну и часто оскорбляла ее. Смущаемая своею ненавистницею, Анна скорбела о своем бесчадии и от скорби плакала. Елкана ежегодно в великие праздники ходил с обеими своими женами в Силом (так называлась гора и город) для принесения жертвы и молитвы Господу Богу Саваофу, ибо до построения храма в Иерусалиме там находился храм и Ковчег Божий и туда приходили все племена Израилевы на поклонение Богу. В то время священником и вместе судией израильским был некто, именем Илий, у которого было два сына, Офни и Финеес.

Однажды Елкана, придя с женами своими в Силом и принесши жертву Богу, дал из принесенного в жертву часть Феннане и особую часть каждому из детей ее, Анне же — только одну часть, так как у нее детей не было. Тут Феннана стала насмехаться над нею и упре-

кать ее. Анна была очень огорчена и упреками Феннаны, и неплодством своим. Она плакала, не вкушала пищи и от сильной скорби, что Господь заключил ее утробу, не дал ей детей и чрез то сделал ее для Феннаны предметом поношения, пришла в изнеможение. Тогда муж ее Елкана сказал ей:

— Анна, что с тобою? Что ты плачешь, почему не вкушаешь пищи и зачем столь сильной скорбью иссушаешь сердце свое? Не лучше ли я для тебя десяти детей?

Но Анна не имела сил утешиться. По окончании трапезы она встала и пошла в Силом, в храм Господень. Священник Илий сидел в это время на своем священническом месте у порога дверей храма Господня. Став перед храмом, Анна поклонилась Господу и стала плакать от скорби сердца своего. Она начала молиться, говоря в тайне:

— Адонаи Господи Саваоф! Если Ты милостиво призришь на смирение рабы Твоей и, вспомнив обо мне, дашь рабе Твоей дитя мужского пола, то я принесу его Тебе в дар, чтобы оно служило Тебе во все дни жизни своей. Оно не будет пить вина и никакого опьяняющего напитка, и бритва (как это в обычае у назореев) не коснется головы его.

В то время, как Анна полилась так пред Господом и надолго продолжила свою молитву, священник Илий смотрел на уста ее. Так как она говорила в сердце своем и уста ее только двигались, а голоса ее не было слышно, то Илий счел ее пьяною и сказал ей:

— До каких пор в пьяном виде ты будешь оставаться здесь? Удались от места Господня и протрезвись.

— Нет, господин, — отвечала ему Анна, — я не пьяна, но я — женщина, удрученная тяжкою скорбью. Я не пила вина и никакого другого опьяняющего напитка; я излила душу мою пред Господом. Не дай же рабы твоей дочерям Израилевым в насмешку, ибо от великой горести и скорби моей я говорила доселе.

Тогда Илий сказал ей на ее слова:

— Иди с миром. Бог Израилев да исполнит всякое прошение твое, какое ты просила у Него.

— Я, раба твоя, — сказала Анна, — нашла милость в очах твоих.

После этого Анна возвратилась к мужу своему, ела с ним и пила, и лицо ее на было уже печально, как прежде. На другой день, встав

рано и поклонившись Господу, они возвратились в дом свой. И призрел Господь на смирение Анны, услышал молитву ее и разрешил ее неплодие. Анна зачала и, когда исполнилось время, родила сына и дала ему имя Самуил, что значит: испрошенный у Бога.

Вскоре приблизился праздник, в который муж Анны по обычаю своему ходил со всем своим семейством к Господу в Силом принести жертвы и молитвы свои Богу и отдать десятину от плода земли своей. Анна сказала мужу:

— Теперь я не пойду с тобою в Силом, но останусь дома, пока не вскормлю младенца, а когда он будет отнят от груди, тогда пойду явиться лицу Господню и исполню обет, который дала Господу: пусть останется сын мой навсегда для служения Ему.

Муж ответил ей:

— Делай, что угодно тебе, и пусть исполнит Господь слово твое, вышедшее из уст твоих.

Анна оставалась дома и не ходила в Силом к Господу три года, пока не отняла от груди младенца Самуила, потому что у еврейских матерей было в обычае кормить младенца грудью три года.

После того, как Самуил был отнят от груди, Анна вместе с ним и с мужем своим пошла в Силом. Они повели для жертвы трех тельцов и понесли три меры пшеничной муки и мех вина и вошли в дом Господень в Силоме и дитя с ними. Анна принесла дитя в дар Господу, как обещала, и, отдавая его священнику Илии, говорила:

— Я — та самая женщина, которую три года тому назад ты видел здесь молившеюся Господу о разрешении неплодства. Господь исполнил прошение мое и дал мне это дитя, которого я просила у Него. Теперь я отдаю его Господу, чтобы оно служило Ему во все дни жизни своей.

С такими словами Анна отдала в руки священника дитя свое и поклонилась Господу, а ее муж Елкана вручил ему для жертвы принесенные дары (см.: 1 Цар. 1). Тут Анна исполнилась пророческого духа и воспела, говоря:

— Утвердилось сердце мое в Господу и вознеслась сила моя в богу моем, — и прочие слова, которые теперь часто поются в церкви (см.: 1 Цар. 2, 1–10, эта песнь является основанием 2-й песни всех канонов).

Совершив свои благодарственные жертвы и молитвы, Елкана и Анна возвратились домой, а трехлетнего отрока Самуила оставили Господу у священника Илии, так как не пожелали уже взять к себе того, кого однажды вручили Богу. И с того времени отрок воспитывался при храме Божием, учился грамоте и служению при святыне Божией под наблюдением Илии. Мать, часто приходя в Силом с дарами для Бога, приносила одежды своему сыну и радовалась о нем, видя его возрастающим и в священнической льняной одежде совершающим служение в храме Господнем. Священник Илий любил его, замечая его усердие в служении и провидя в нем данное Богом дарование. И благословил Илий родителей Самуила, и сказал Елкане:

— Да даст тебе Господь детей от меня вместо Самуила, которого вы принесли в дар Господу.

После этого Господь снова ниспослал милость Анне, и она стала рождать сыновей и дочерей, а Самуил в это время возрастал не только телом, но и разумом и был в благоволении у Господа и у людей.

Священник Илий был стар, а сыновья его, Офни и Финеес, были люди порочные. Как и сыновья беззаконников, они не знали Бога и не соблюдали священнического долга. Они причиняли обиды приносящим жертвы, отбирая себе лучшие части и допуская поругания над женщинами, приходившими для молитвы в храм Господень. И был от них соблазн и обида всему Израилю, потому что они совершали и многие другие несправедливости. Об этом слышал отец их Илий и не наказывал их побоями и отлучением; он только словами уговаривал их прекратить дурные поступки, но они его не слушали. И разгневался Господь не только на порочных сыновей, но и на отца их за то, что он не наказывал их надлежащим образом за их преступления, хотя сам и был непорочен. И захотел Господь погубить Илия и сыновей его со всем домом их и послал сперва к Илию одного неизвестного пророка сказать ему:

— Я избрал дом отца твоего из всех домов израильских для служения Мне в храме Моем, но ты пренебрег честью, которую Я дал тебе, и оказал предпочтение сыновьям твоим предо Мною, ибо попускал им совершать предо Мною беззакония. Поэтому Я отниму эту честь от дома твоего, ибо только прославляющих Меня Я прославлю, а бесславящие Меня будут посрамлены. Вот наступают дни, в которые Я истреблю потомство твое и потомство дома отца твоего. Знамением же наступающего на дом твой наказания будет для тебя то, что оба сына твои в один день вместе умрут от меча. И вместо них Я поставлю священника, верного Мне, который все будет совершать по сердцу Моему (см.: 1 Цар. 2, 10–36).

Такое пророчество было Илию в то время, когда Самуил был еще малолетним отроком, но и после этого пророчества Илий не постарался обуздать сыновей своих действительным наказанием, но продолжал вразумлять их только словами, и развращенные сыновья не боялись своего отца. А Бог, все больше и больше прогневляемый, приближал наказание и вторично предсказал его Илию чрез Самуила следующим образом.

Когда Самуилу было уже двенадцать лет и он служил Господу при священнике Илии, случилось, что Илий в одну ночь почивал на особом своем месте в притворе, бывшем при храме Господнем, и глаза его начали смежаться сном, а Самуил спал в храме Господнем, где находился Ковчег Божий, и светильник еще горел. И воззвал Господь со стороны внутренней завесы, говоря:

— Самуил, Самуил!

Самуил, тотчас же проснувшись, отвечал:

— Вот я!

И побежал к Илию и сказал:

— Вот я! Ты звал меня.

Но Илий сказал:

— Я не звал тебя, чадо! Пойди назад и ложись.

Самуил пошел и лег. Но Господь вторично воззвал к нему:

— Самуил, Самуил!

Самуил встал, побежал к Илию и во второй раз сказал:

— Вот я! Ты звал меня.

Но священник сказал:

— Я не звал тебя, чадо! Пойди назад, ложись.

Самуил не знал еще в то время голоса Господа, потому что не было ему откровения Божия.

И воззвал Господь к Самуилу еще в третий раз. Он, быстро встав, пошел в третий раз к Илию и сказал:

— Вот я! Ты звал меня.

Тогда понял Илий, что Господь зовет отрока, и сказал:

— Пойди назад, сын мой, и ложись, и когда зовущий еще позовет тебя, ты скажи: «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой».

Самуил пошел и лег на месте своем. И пришел Господь, став вблизи, и воззвал, как в первый, во второй и в третий раз, говоря:

— Самуил, Самуил!

Самуил, проснувшись и быстро встав, сказал:

— Говори, Господи, ибо слышит раб Твой.

Господь сказал Самуилу:

— Вот Я сделаю дело во Израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах. В тот день Я исполню над Илием все то, что Я говорил о доме его. Я начну и окончу. Я объявил ему, что накажу дом его навеки за то преступление, что он знал, как нечестиво поступают сыновья его, и не обуздывал их.

Эти слова Господни Самуил слушал с трепетом, и, когда окончилось явление Господа, он опять уснул и спал до утра. Встав утром, он отворил двери храма Господня и боялся открыть это видение господину своему, священнику Илию. Но Илий позвал Самуила и сказал:

— Сын мой, Самуил! Что говорил тебе Господь? Прошу тебя, не скрой от меня.

И с клятвою потребовал Илий от отрока Самуила не скрывать от него ни одного из слов Божиих. Тогда Самуил рассказал ему все, что слышал. Священник Илий со смирением сказал:

— Как угодно Господу моему, пусть так и сотворит.

Но Илий не имел уже сил обуздать и исправить сыновей своих, потому что был уже очень стар, и сыновья совершенно не боялись его. А Самуил день ото дня все возрастал и укреплялся духом и благодать Божия умножалась в нем. С ним был Господь, и он говорил слова пророческие, и ни одно из его слов не оставалось не исполнившимся. И понял весь народ израильский, что Самуил — пророк Господень (см.: 1 Цар. 3).

По прошествии некоторого времени пришло наказание Божие на дом Илия, а вместе с тем и на весь израильский народ, потому

что прогневили Бога не только сыновья Илия, но и израильтяне. Хотя и не все они, но многие из них, приобретши от язычников навык к идолопоклонству, не оставляли его и, служа истинному Богу, в то же время приносили и жертвы идолам и тем разгневали Бога своего. Но долготерпеливый Бог терпел грехи народа, пока не оскорбили Его сыновья Илия, которые были священниками и правителями народа израильского. А когда они своими беззакониями возбудили Бога к гневу и наказанию, тогда праведный Судия и Мздовоздаятель, вспомнив и грехи народа, наказал всех вместе, потому что вместе с начальствующими Бог подвергает наказанию и подчиненных. И не так скоро грехи народа возбуждают разгневанного Бога к наказанию, как грехи тех, кого поставил Он начальниками и правителями народа.

Филистимляне пошли войною на израильтян и израильтяне были побеждены филистимлянами, и из войска израильского пало убитыми четыре тысячи человек. И сказали друг другу старейшины израильские:

— За что поразил нас сегодня Господь пред иноплеменниками? Возьмем из Силома Ковчег Господа Бога нашего и принесем в наш стан. Пусть он пребывает среди нас во время войны нашей с филистимлянами и спасет нас от руки врагов наших.

Решив так, они послали в Силом и взяли оттуда Ковчег Бога, сидящего на Херувимах, а при Ковчеге Божием были оба сына Илия, Офни и Финеес. Когда Ковчег Господень прибыл в стан, весь Израиль от радости поднял такой сильный крик, что стонала земля. Филистимляне услышали этот крик и сказали:

— От чего такие громкие восклицания в стане еврейском?

И узнали филистимляне, что Ковчег Господень прибыл в стан израильский. Они устрашились и сказали:

— Бог пришел к ним в стан воевать с нами. Горе нам! Кто избавит нас от руки Его? Ибо Он поразил египтян всякими казнями. Но укрепимся, мужи филистимские, и будем мужественно сражаться с евреями, чтобы нам не быть в порабощении у них, как они у нас.

Ободряя друг друга такими словами, филистимляне мужественно стали против евреев. Произошла война и великая битва с обеих сторон, и филистимляне вместо того, чтобы быть побежденными, по-

бедили евреев. Так как Бог был разгневан, то не оказала помощи святыня, ибо куда приходит наказание Божие, там оно не щадит и самой святыни. Филистимляне одолели израильтян, убили тридцать тысяч воинов их, взяли в плен Ковчег Божий и убили бывших при нем обоих сыновей Илия. Таким образом, по слову Божию, оба вместе пали они от меча.

Так Бог наказывает подчиненных за грехи начальников и за порочные поступки служащих алтарю попускает нечестивым расхищать святые алтари и приводить в запустение храмы Свои. Сыновья Илия, бывшие вместо престарелого отца своего священниками, судиями и правителями всего Израиля, главным образом прогневали Бога своими беззакониями, а между тем весь Израиль подвергся за них наказанию от Бога и Ковчег Господень предан был в нечестивые руки иноплеменников.

Когда войско израильское было таким образом побеждено, один человек из племени Вениаминова, по имени Иеминей, убежав с места сражения, в разорванных одеждах и с прахом на голове пришел в Силом и объявил в городе о поражении израильского войска, и весь город восстенал громким плачем. Илий сидел в это время на седалище своем у дверей храма Господня, и сердце его трепетало за ковчег Божий. Услышав звуки народного вопля, он спросил бывших при нем:

— Отчего такой шум?

Тогда тот человек, который прибежал из стана, пришел к Илию и сказал:

— Я прибежал с поля сражения.

Илий спросил его:

— Что произошло там, чадо?

— Израильтяне, — ответил он, — побеждены филистимлянами и бежали от них; произошло великое поражение народа, оба сына твои убиты, и Ковчег взят.

Илий, когда услышал о взятии Ковчега Божия, тотчас же упал с своего места навзничь, сломал себе хребет и умер, так как был стар и тяжел, будучи девяноста восьми лет (см.: 1 Цар. 4).

Между тем филистимляне после поражения израильского войска взяли Ковчег Божий и, торжествуя и тщеславясь, что взяли в плен

святыню Израиля, принесли его в главный город свой Азот, внесли в храм нечистого бога своего Дагона и поставили его вместе со своим идолом. Но, войдя на другой день утром в храм Дагона, они нашли бога своего на земле, лежащим ниц пред Ковчегом Божиим. Они подняли его с земли и поставили на свое место. Но когда, на следующий день, утром, они снова вошли в храм, то нашли Дагона не только лежащим пред ковчегом Божиим, а и разбитым: голова его и обе ступни ног лежали отсеченные, каждая особо, на пороге, а обе ладони рук его — при дверях; осталось только туловище Дагона. Сила Божия, бывшая с ковчегом, наказала так не одного только филистимского бога, но и всех филистимлян и землю их. От малого до большого она поразила их необыкновенною болезнью с гнойными наростами в тайных местах тела, и многие умирали, а кто оставался в живых, те страдали от страшных ран и так сильно кричали от невыносимой боли, что их крик доходил до неба (см.: 1 Цар. 5). Кроме того, страна наполнилась мышами, которые все поедали, и земля стала смрадною от множества мышей. Филистимляне поняли тогда, что Бог израильский наказывает их за Свой Ковчег, взятый ими в плен и против своего желания отправили его обратно к израильтянам с золотыми дарами, как о том подробно написано в первой книге Царств (6 гл.). Мы же возвратимся к повествованию о святом пророке Самуиле.

По окончании вышеописанной войны и после смерти священника и судии израильского Илия, израильтяне двадцать лет были под игом филистимского рабства, находясь во власти своих врагов и платя им дань. Но спустя двадцать лет Бог призрел на бедствие народа Своего, угнетаемого филистимлянами, и когда, сжалившись над ним, пожелал избавить Израиль от власти его врагов, то сперва воздвиг среди него проповедника покаяния, верного раба и священника Своего, пророка Самуила. Ибо не хотел Бог иначе помиловать народ Свой, как после того, когда он раскается. И святой Самуил стал проповедовать всем племенам израильским, говоря:

— Если вы всем сердцем вашим обращаетесь к Господу, то удалите из среды вашей иноземных богов и дубравы Астарты[1] и устре-

[1] *Астарта* — почитаемая у финикиян и других древних народов Востока богиня. Почитатели ее для служения ей устраивали не храмы, а дубравы или рощи.

мите сердца ваши к Господу и служите Ему Одному, и Он избавит вас от руки филистимлян.

Народ послушал слов Самуила и поверил ему, так как знал его с детства его, а также — и то, что его слова пророческие всегда исполнялись. И удалили сыны Израилевы иноземных богов, Ваала[1] и дубравы Астарты и стали служить одному Господу, а святой Самуил, как пророк и священник Божий, был у них судьею и правителем. И повелел святой Самуил всему Израилю собраться к нему в город Массифу на высокую гору, чтобы совершить там всенародную покаянную молитву Богу. Когда же народ израильский собрался к пророку Божию Самуилу и молился, постясь и исповедуя грехи свои и говоря: «Согрешили мы пред Господом», а святой Самуил, как священник Божий, приносил Богу жертву о прощении грехов народа, тогда филистимляне, услышав о собрании народа израильского и подумав, что они готовятся идти против них войною, вооружившись в большом числе, неожиданно напали на израильтян, намереваясь совершенно истребить их. Израильтяне, услышав, что враги их приближаются с целью напасть на них, сильно испугались и сказали пророку Божию Самуилу:

— Не переставай взывать о нас Господу Богу нашему, чтобы Он спас нас от руки филистимлян.

Но святой ободрял их, чтобы они не страшились, а только молились Богу и надеялись на Него, и сам, принося жертву, усердно молился о них. И услышал Господь молитву Самуила. Не окончил он еще жертвоприношения, как подошли филистимляне, чтобы воевать с израильтянами, но Господь возгремел в тот день сильным громом над филистимлянами и навел на них страшные громовые удары и молнию: они пришли в ужас и были поражены пред Израилем. Тогда наступили израильтяне из города Массифы и погнались вслед за врагами своими и, преследуя, поражали их до места под Вефхором[2] и, по молитвам святого угодника Божия Самуила и вследствие раскаяния своего, при помощи Божией, совершенно разбили своих рабов.

---

[1] *Ваал* — был главное божество ханадинских народов, от которых служение ему переняли и евреи; особенно был почитаем древними финикиянами.

[2] *Вефхор* — горная возвышенность с городом того же имени. Она находилась в колене Вениаминовом близ северо-восточной границы филистимских владений.

Так усмирил Господь филистимлян пред народом Своим, и не стали они более ходить в пределы Израилевы во все дни Самуила и, кроме того, те города, которые они отняли у израильтян, опять отдали им назад. И был мир среди народа Божия во все то время, когда судьей и правителем над ним был святой Самуил, который достойно правил всем Израилем. Он ходил по городам, исправлял все, что требовало исправления, и совершал суд справедливо и бескорыстно, так как ни от кого не принимал подарков, и судил, не обращая внимания на лица судившихся. Потом он возвращался в Армафем (Раму), так как там был дом его, там он судил народ и там построил жертвенник Господу (см.: 1 Цар. 7).

Пребыв много лет судьею Израиля, свято Самуил состарился и поставил вместо себя судьями народа двух сыновей своих, Иоиля и Авию. Но сыновья его не захотели ходить путями его: они уклонились в корысть и стали брать подарки от приходивших судиться к ним, судили по дарам и совершали суд несправедливый. Поэтому старейшины израильские, собравшись, пришли к святому Самуилу и сказали ему:

— Вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими. Итак, поставь над нами царя, чтобы он судил и управлял нами, как у других народов.

Эти слова старейшин не понравились Самуилу, так как не просили они, чтобы он наказал сыновей своих или отнял у них власть судей, что с готовностью он сделал бы, но чтобы поставил им царя, а народ настаивал, говоря:

— Дай нам царя, чтобы он судил нас.

Тогда Самуил помолился Господу, и Господь сказал ему:

— Послушай голоса людей этих и сделай им так, как они просят, ибо не тебя они отвергли, но Меня, чтобы я не царствовал над ними. Однако объяви им о правах царя, который будет царствовать у них.

И сказал Самуил народу:

— Израильтяне! Знайте, как будет властвовать над вами царь, которого вы просите. Он возьмет сыновей ваших и сделает их своими слугами: возложит на них оружие, посадит на коней, повелит им бегать пред колесницами своими и поставит их у себя тысяченачальниками и сотниками. Кроме того, он обратит их на рабов своих: сделает их пахарями полей своих, жнецами нив своих, собирателями

винограда в виноградниках своих и исполнителями всяких потребных для него работ. И дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанья и пекли хлебы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады, и все, что есть лучшего у вас, он возьмет и отдаст слугам своим, а какие останутся у вас посевы, виноградники и нивы, на те наложит он десятину, так что из того, что останется у вас, вы будете давать ему десятую часть. Равным образом рабов и рабынь ваших и лучший скот ваш он отберет у вас для себя, и вы будете рабами его. И в те дни восстенаете вы, обремененные царем вашим, но не будет Господь отвечать вам, потому что вы сами пожелали себе царя.

Когда святой Самуил говорил это, народ не хотел слушать слов его, но кричал ему, говоря:

— Хотим мы царя, чтобы быть и нам, как прочие народы. Пусть судит нас царь наш и выходит впереди нас на войну против врагов наших.

После этого святой Самуил повелел народу разойтись по домам, доколе Бог не укажет для него человека, достойного быть царем (см.: 1 Цар, 8).

В племени Вениаминовом, в городе, называемом Гаваа (Гиве), был человек, по имени Кис. У него был сын, по имени Саул, высокий ростом и красивый, и не было среди израильтян виднее его. Пропали у Киса ослицы, и послал Кис сына своего Саула со слугою искать их. Разыскивая ослиц, они прошли по всем местам и не нашли. И вот подошли они к горе, называемой Сифа, где находился город Армафем (Рама), родина и место жительства святого Самуила. И сказал Саул слуге своему:

— Возвратимся домой к отцу, ибо отец, я думаю, не столько беспокоится об ослицах, сколько о нас.

Но слуга сказал ему:

— Вот, в этом городе есть человек Божий, прозорливый. Тем, кто приходит к нему, он предсказывает будущее. Пойдем и мы к нему; может быть, и нам скажет он, где найти ослиц.

И пошли они к человеку Божию, а Господь еще до этого открыл святому Самуилу все о Сауле и повелел, чтобы он помазал его на царство. Святой Самуил, увидев сына Кисова, Саула, ласково встретил его и велел ему не беспокоиться об ослицах, потому что они уже

нашлись, и дал ему приют у себя на тот день и ночь. На другой день утром, отпуская от себя Саула, Самуил, взяв сосуд с елеем, возлил елей на его голову, поцеловал его и сказал:

— Вот, Господь помазал тебя в цари над народом Своим. Теперь ты будешь царствовать над народом Господним и спасешь его от руки окружающих его врагов.

Это помазание совершено было тайно, как пророчество о будущем царствовании Саула. И сказал святой Самуил помазанному Саулу все, что должно было произойти на пути его, сказав:

— Вот тебе знамение, что Господь помазал тебя в цари. Когда ты пойдешь теперь от меня, то встретишь двух человек близ гроба Рахили в пределах Вениаминовых в Целуахе, быстро идущих; они скажут тебе: «Нашлись ослицы, которых ты ходил искать, и вот отец твой забыл об ослицах и очень беспокоится об вас». Уйдя от этих двух человек, когда придешь к дубраве Фаворской, то встретишь там трех человек, идущих к Богу в Вефиль с приношениями для жертв: одного, ведущего трех козлят, другого, несущего три мешка хлебов и третьего, несущего мех вина. Они будут приветствовать тебя и дадут тебе два хлеба. Потом ты взойдешь на холм Божий и встретишь сонм пророков. И найдет на тебя Дух Господень и будешь с ними пророчествовать. Когда эти знамения увидишь сбывшимися согласно с словами моими, то знай, что с тобою — Бог.

Когда Саул ушел от святого Самуила, то все произошло на пути так, как сказал ему пророк.

После этого святой Самуил повелел всему народу собраться к Господу в город Массифу, сам пришел туда и сказал израильтянам:

— Так говорит Господь Бог Израилев: Я вывел отцов ваших из земли египетской и избавил вас от руки фараона и от всех царей, угнетавших вас, а вы теперь отвергли Бога вашего, Который спасает вас от всяких бедствий, и потребовали царя, чтобы он был поставлен над вами. Итак, пусть будет по желанию вашему.

Сказав это, Самуил поставил пред Господом все племена израильские по коленам их и стал бросать жребий, из какого племени избирать царя; жребий пал на племя Вениаминово. Потом опять стали бросать жребий на известных в этом племени мужей, и жребий пал на Саула, сына Кисова. Начали искать среди себя Саула и не находили, потому что он скрылся в одном доме, считая себя не-

достойным такой высокой чести и избегая ее, но Господь открыл его. Тогда некоторые из народа вместе с Самуилом пошли и взяли его оттуда и поставили среди народного собрания. Он ростом был выше всего народа. И сказал Самуил всему народу:

— Видите ли, кого избрал Господь. Подобного ему нет ни одного среди вас.

Весь народ обрадовался и воскликнул:

— Да живет царь!

И изложил Самуил народу законы касательно царя, написал эти законы в книгу и положил пред Господом. Однако тогда не вполне утвердилась еще царская власть Саула, так как были недовольные и несогласные. Самуил отпустил народ, и каждый пошел к себе домой. Пошел также в свой дом в город Гаваа (Гиву) и Саул, и с ним пошли храбрые, сердца которых Господь расположил к Саулу, а противники его сказали:

— Разве может этот избавить нас от руки врагов наших?

И презрели они его и не поднесли ему даров, но Саул показал вид, что не слышит пренебрежительных слов их (см.: 1 Цар. 9–10).

Прошло около одного месяца после этого, и Аммонитский царь Наас с громадным войском пришел к городу в уделе Манассиином, называемому Иавис Галаадский, и осадил его со всех сторон. Осажденные жители города, видя большое войско Нааса, сказали ему:

— Заключи с нами союз, и мы будем служить тебе.

Но Наас им ответил:

— Я заключу с вами союз, но с тем, чтобы выколоть у каждого из вас правый глаз и тем положить бесчестие на всего Израиля.

Тогда жители города послали к Саулу, прося его помочь им и освободить их от осады. Саул немедленно же отправил послов во все области израильские, быстро собрал значительное войско и, взяв с собою святого пророка Самуила, внезапно подошел к Наасу. Утром, очень рано он напал на него, разбил и рассеял его войско и убил его самого. Тогда израильтяне сказали пророку Самуилу:

— Кто говорил, что Саул не царствовал над нами? Дайте нам этих людей, и мы умертвим их.

Но Саул сказал:

— Пусть в этот день ни один человек не умрет из-за меня, потому что сегодня Господь совершил спасение во Израиле.

А святой Самуил сказал:

— Пойдем в Галгал и обновим там царство.

И пошел весь народ, и Самуил при всем народе помазал там Саула на царство пред Господом в Галгале. И принесли там мирные жертвы пред Господом и весьма веселились там Саул и все израильтяне (см.: 1 Цар. 11).

В это время, когда израильтяне радовались о новопоставленном царе своем, с которым одержали столь славную победу над аммонитянами, святой Самуил сказал им:

— Вот, я послушался голоса вашего во всем, что вы говорили мне, и поставил над вами царя, и вот царь ходит теперь пред вами от юности моей и до этого дня. Итак, скажите теперь пред Богом и пред помазанником Его, царем вашим, взял ли я у кого-нибудь из вас вола или осла или что-либо другое? Причинил ли я кому обиду и притеснение или взял из чьих-нибудь рук плату и какой-либо подарок? Свидетельствуйте на меня, и я возвращу вам.

Народ отвечал ему:

— Ничем ты не обидел нас и не притеснял нас, не брал силою и не взимал от нас ни платы, ни каких-либо подарков.

После этого Самуил сказал:

— В этот день свидетель — Господь и помазанник Его, царь ваш, что вы не имеете за мною никакого проступка, из-за которого могли бы требовать царя, так как Сам Господь был Царем вашим и правил вами чрез различных судей, спасая вас от руки врагов ваших. Знайте же, что великий грех совершили вы пред Господом, потому что просили себе царя. Вот сейчас вы увидите знамение (см.: 1 Цар. 12).

Сказав эти слова, Самуил стал молиться Господу. Стояло время жатвы и был ясный и сухой день. Вдруг загремел сильный гром, засверкала страшная молния, появились тучи и потек проливной дождь. Весь народ пришел в большой страх от Господа и Самуила и сказал пророку:

— Помолись Господу Богу твоему о рабах твоих, чтобы не умереть нам, ибо видим мы, что ко всем нашим грехам мы прибавили еще грех, прося себе царя.

И ответил святой Самуил народу:

— Не бойтесь, Господь не оставит народа Своего. Оставайтесь при вашем царе, но служите Господу всем сердцем вашим и испол-

няйте волю Его вы и царь ваш, а я не перестану молиться о вас Господу; только бойтесь Его и истинно служите Ему, помня все чудеса и благодеяния, которые Он совершил для вас. Если же станете делать зло, то погибнете вместе с царем вашим.

Сказав все это народу, святой Самуил оставил власть судии и занимался одним только священническим служением.

Царствуя над Израилем, Саул с течением времени стал развращаться, прогневляя Бога, и осмеливался присваивать себе права священнического звания, — приносить Богу жертву без священника Божия Самуила. К тому же он оказался и непослушным повелению Божию. Ибо устами пророка Своего Самуила повелел ему Господь пойти и истребить амаликитян за давнее их злое дело, — за то, что когда народ израильский шел по пустыне из Египта в землю Обетованную, они сделали ему большое препятствие на пути. Повелел же Господь, сказав так:

— Не давай пощады никому из них, но предай смерти все — от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овец и от верблюда до осла.

Царь Саул, собрав из израильтян большое войско, пошел в страну амаликитян, разбил их войска и, овладев их страною, захватил живым царя их. Весь народ амаликитский: старых и малых, мужчин и женщин он истребил мечом, а царя их пощадил. Кроме того, все лучшее из стад амаликитских он и воины его взяли себе, истребив только худшее и малозначущее. Они разграбили также для себя и все лучшее имущество амаликитян, не исполняя повеления Господня, чтобы ничему не давать пощады и ничего не брать себе, но все предавать уничтожению.

И было такое слово Господа к Самуилу пророку:

— Жалею, что поставил Я Саула царем, ибо он отвратился от Меня и слова Моего не исполнил.

И опечалился Самуил о Сауле и взывал к Господу всю ночь, молясь о нем. Встав рано утром, Самуил пошел навстречу израильтянам, возвращавшимся с войны, и встретил Саула в Галгале. Увидев святого Самуила, Саул сказал ему:

— Благословен ты у Господа, ибо я исполнил все, что сказал мне чрез тебя Господь.

Но Самуил сказал:

— А что это за блеяние овец в ушах моих и мычание волов, которое я слышу?

Саул ответил:

— Я привел их от амаликитян. Какие оказались лучшими, тех народ пощадил и собрал их, а какие были хуже, тех истребил.

И сказал ему святой Самуил:

— Зачем ты не послушал голоса Господня во всем, что Он говорил тебе, бросился на добычу и сделал зло пред очами Господа?

Тогда Саул ответил Самуилу:

— Я послушался голоса Господня и сделал так, как Он повелел мне. Я истребил амаликитян, взял царя их и привел живого, а народ взял добычу из стад — лучших овец и буйволов, — для всесожжения и принесения жертвы Господу Богу.

Святой Самуил отвечал Саулу:

— Неужели угодны Господу всесожжения и жертвы ваши? Не лучше ли было исполнить повеление Господне? Ибо послушание гораздо угоднее Богу всех жертв и тука овнов. Непокорность повелению Божию есть такой же грех, как и волшебство, и нарушение заповеди Господней есть то же, что и идолопоклонство. И так как ты отверг слово Господа, то отвергнет поэтому и тебя Господь, и не будет царствовать дом твой во Израиле.

Саул сказал:

— Согрешил я, ибо преступил повеление Господа и слова твои, но я убоялся народа и послушал голоса его. Но, прошу тебя, снизойди ко греху моему и возвратись со мною к жертвам, чтобы мне поклониться Господу Богу на глазах твоих.

Но святой Самуил обратился, чтобы уйти от него, а Саул схватился за край одежды его и разодрал ее, увлекая к себе человека Божия. Тогда святой сказал ему:

— Ныне отторг Господь царство израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, лучшему тебя.

Саул сказал Самуилу:

— Я согрешил пред Господом, но не унижай меня теперь пред старейшинами израильскими и пред народом моим и воротись со мною, чтобы я поклонился Господу Богу твоему.

Самуил возвратился с Саулом, и они поклонились Господу. И сказал святой Самуил:

— Приведите ко мне сюда Агага, царя Амаликитского.

Агаг, дрожащий, пришел к нему и сказал:

— О, как горька смерть!

Святой Самуил сказал ему:

— Как меч твой лишал жен детей их, так мать твоя между женами пусть лишена будет сына.

И разрубил Самуил Агага пред Господом в Галгале, не потому, чтобы поступал мучительски, но чтобы исполнить повеление Господне. После этого Самуил ушел в Армафем (Раму), а Саул отправился в дом свой в Гаваю (Гиву). И не видался более святой Самуил с царем Саулом до дня смерти своей, но скорбел о нем, сожалея о его погибели (см.: 1 Цар. 15).

По прошествии некоторого времени сказал Господь Самуилу:

— Доколе ты будешь скорбеть о Сауле, которого Я отверг, чтобы он не был царем над Израилем? Наполни рог твой елеем и иди в Вифлеем к Иессею, ибо между сыновьями его Я нашел достойного быть царем.

Самуил ответил Господу:

— Как я пойду? Саул услышит и убьет меня.

Тогда Господь сказал:

— Возьми из стада телицу и, приведя ее в Вифлеем, скажи, что пришел принести жертву Господу. И пригласи к жертве Иессея и сыновей его. Я укажу тебе, что делать, и ты помажешь Мне того, о котором Я скажу тебе.

И сделал Самуил так, как сказал ему Господь, и пришел в Вифлеем. Его пришествием старейшины города приведены были в страх, вышли к нему навстречу и сказали:

— О прозорливец! Мирен ли приход твой?

Самуил ответил:

— Мирен. Я пришел принести жертву Господу. Освятитесь воздержанием и молитвою и приходите ко мне, и я совершу жертвоприношение.

Совершив жертвоприношение, святой Самуил пришел в дом Иессея и повелел ему подвести к нему по одному сыновей своих. Иессей подвел к пророку старшего сына своего, Елиава. И спросил пророк Господа, молясь Ему про себя, не этот ли предназначен Им в цари? Господь сказал Самуилу:

— Не смотри на вид его и на высоту роста его, потому что Я отринул его. Ибо, не на лицо смотря, Я сужу. Человек смотрит на лицо, а Бог смотрит на сердце.

Тогда призвал Иессей Аминадава и подвел его к Самуилу. Пророк сказал:

— И этого не избрал Господь.

Потом привел Иессей Самму, и сказал Самуил: «И этого не избрал Господь».

Так подводил Иессей к Самуилу семерых сыновей своих. И сказал Самуил Иессею:

— Это все уже сыновья твои?

Иессей ответил:

— Есть еще один, младший. Он пасет овец в поле.

Самуил сказал:

— Пошли и пусть приведут его, ибо мы не сядем обедать, пока он не придет сюда.

Иессей послал, и привели Давида. Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом. И сказал Господь Самуилу:

— Встань и помажь его, ибо это — он.

Самуил взял тогда рог с елеем и помазал Давида среди братьев его. И почил Дух Господень на Давиде с того дня и после. После этого Самуил встал и пошел в Армафем (Раму) в дом свой (см.: 1 Цар. 16, 1–13).

Окончив дни жизни своей, Самуил, уже в старости, опочил сном смерти. И собрались все израильтяне и плакали по нем и похоронили его в доме его в Армафеме (Раме) (см.: 1 Цар. 25, 1).

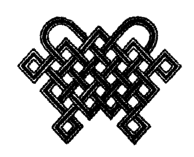
Этого святого пророка Самуила Иисус, сын Сирахов, превозносит хвалою, говоря:

— Возлюбленный Господом Своим пророк Господень Самуил учредил царство и помазал царей (Саула и Давида) над народом своим. Он судил народ по закону Господню и (по молитвам его) Господь призирал на Иакова. По вере своей он был дознан истинным пророком. Он воззвал к всемогущему Господу, когда отовсюду теснили его враги, и Господь возгремел с неба; в сильном шуме слышным Он сделал голос Свой и истребил вождей тирских и всех князей филистимских. Еще прежде времени кончины своей (Самуил) свидетельствовался пред Господом и помазанником Его, что из имуще-

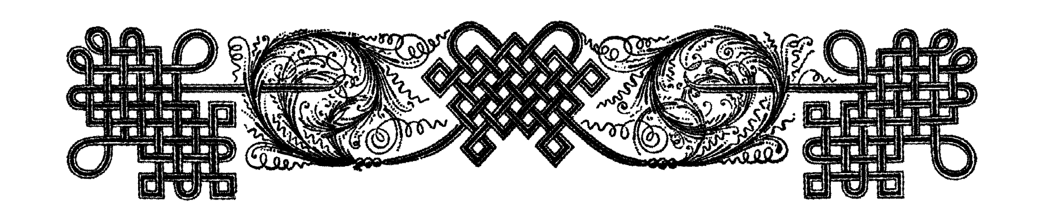
ства даже до обуви ни от кого ничего не взял, и ни один человек не укорил его. Он пророчествовал и после смерти своей и предсказал царю (Саулу) кончину его, и в пророчестве возвысил из земли голос свой, что беззаконный народ истребится (см.: Сир. 46, 16–23).

Вот что говорит о Самуиле Сирах. Мы же, грешные, надеясь по молитвам этого святого угодника Божия получить прощения грехов и спасение, будем прославлять Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, ныне всегда и вовеки веков. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников: Севира**, родом из Фракии, и **Мемнона** сотника, и с ними тридцати семи мучеников, пострадавших за Христа в Филиппополе, от игемона Апелиана. Севир был подвергнут строганию железом, затем на его персты были надеты раскаленные перстни, потом он был опоясан железным поясом, раскаленным на огне, и, наконец, был усечен во главу. Сотник Мемнон был растянут на двух столбах и предан мучению, причем мучители вырезали у него из кожи три ремня с головы до ног; затем мучители отсекли руки и ноги у Мемнона и прочих тридцати семи мучеников, разожгли великую пещь и бросили всех страдальцев Христовых в огонь. Так окончили страдания свои святые страстотерпцы[1].



[1] Эти святые мученики пострадали в 304 году, при императорах Диоклетиане и Максимиане.



День двадцать первый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА (ИЗ СЕМИДЕСЯТИ)
ФАДДЕЯ

Святой апостол Фаддей происходил из города Эдесса[1]; родом он был еврей и в совершенстве знал Священное Писание Ветхого Завета. Во дни святого Иоанна Крестителя[2] святой Фаддей пришел в Иерусалим; услышав здесь проповедь Предтечи Господня и увидав ангельскую жизнь его, Фаддей весьма изумился и принял крещение от Иоанна Предтечи. Вскоре после того святой Фаддей увидел Господа нашего Иисуса Христа, пребывавшего во плоти и обитавшего среди людей, услышал также учение Его и увидел дивные чудеса, совершенные Господом нашим Иисусом Христом, и последовал за Ним. Святой Фаддей был принят Господом и причтен к сонму семи-

---

[1] *Эдесса*, нынешняя *Урфа*, — город на севере Месопотамии, на реке Евфрате, с 137 года до Рождества Христова главный город вновь образованного Озроенского, или Эдесского, государства; в 217 году по Рождеству Христову. Здесь был превращен римлянами в восточную колонию. — В Эдессе в IV веке святым Ефремом Сириным была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель Эдесской школы пресвитер Ива. В 614 году Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 году ей овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 году она была покорена турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 году окончательно не подпала под власть Турции.

[2] *Иоанн* — Пророк, Предтеча и Креститель Господа нашего Иисуса Христа, величайший из ветхозаветных пророков, стоявший на рубеже Заветов Ветхого и Нового. Память его празднуется святой Церковью 24 июня (рождество), 29 августа (усекновение главы), 24 февраля (1-е и 2-е обретение главы), 25 мая (3-е обретение главы) и в другие дни.

десяти апостолов (меньших), о которых сказано в Евангелии: *избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти* (Лк. 10, 1).

В числе этих семидесяти апостолов был воспоминаемый ныне святой апостол Фаддей. Отправляя апостолов на проповедь Евангелия, Господь сказал им:

— *Жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите; Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему. И если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть: ибо трудящийся достоин награды за труды свои: не переходите из дома в дом. И если придете в какой город, и примут вас; ешьте, что вам предложат. И исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: приблизилось к вам Царствие Божие. Если же придете в какой город, и не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите: и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако ж знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие... Слушающий вас, — Меня слушает, и отвергающийся вас, — Меня отвергается; а отвергающийся Меня, отвергается Пославшего Меня* (Лк. 10, 2–16).

Семьдесят учеников отправились на проповедь Евангелия с великою радостью и проповедовали слово Господне. Потом возвратились ко Господу и возвестили Ему, что и бесы повиновались им ради имени Его.

После вольного страдания, смерти, тридневного воскресения и вознесения на небо Господа нашего Иисуса Христа святые апостолы

разошлись для проповеди Евангелия по всей вселенной; святой апостол Фаддей был послан Господом для проповеди Евангелия в город Эдессу; ибо Господь наш Иисус Христос еще до вольного страдания Своего обещал прислать сюда одного из числа Своих святых апостолов. Правителем города этого был князь Авгарь, и вот этому-то Авгарю Господь и обещал прислать Своего апостола.

Этот Авгарь был одержим неисцельною болезнью, — проказою. Услыхав о дивных чудесах, творимых Господом Иисусом Христом, Авгарь весьма пожелал видеть Его, слышать Его учение и исцелиться силою Его от своей тяжкой болезни. Но не дерзая надеяться на то, что Господь Иисус Христос придет к нему Сам, Авгарь послал к Господу некоего искусного иконописца и поручил ему изобразить красками лицо Господа. При этом Авгарь отправил к Господу послание, в котором писал о том, что он слышал о Господе и Его дивных чудесах, как Он без всяких врачебных снадобий и растений исцелял болезни, давал зрение слепым, хождение хромым, исцелял прокаженных, изгонял из людей духов нечистых, врачевал одним словом Своим расслабленных, лежащих долгое время на одре болезни, и воскрешал мертвых. «Слыша о Тебе все это, — писал Авгарь, — я думаю о Тебе одно из двух: или Ты Сам Бог, сошедший с неба, или Ты Сын Божий, так как Ты творишь весьма удивительные и преславные чудеса. Поэтому я пишу тебе это послание мое смиренное, дабы Ты потрудился прийти ко мне и исцелил бы меня от моей неизлечимой болезни, которой я страдаю уже много лет[1]...».

Господь наш Иисус Христос, видя веру и упование князя Авгаря, послал к нему нерукотворное изображение Пречистого Лица Своего, а также написал и послание, в котором говорил так:

— Блажен ты, Авгарь, не видевший Меня, но уверовавший в Меня, ибо о Мне написано, что видящие Меня не явят веры; не видящие же уверуют в Меня и наследуют жизнь вечную. Ты пишешь ко Мне, чтобы Я пришел к тебе, но Мне подобает совершить то, ради чего Я послан, и по совершении возвратиться к Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесен к Нему, тогда пошлю к Тебе одного из учеников Моих, который, совершенно исцелив тебя от твоей болезни, подаст тебе и находящимся с тобой, жизнь вечную.

[1] Более подробно об этом можно прочитать 16 августа.

Князь Авгарь, получив это послание и увидя нерукотворный образ Господа нашего Иисуса Христа, преисполнился великой радости. Облобызав с любовью послание и поклонившись образу Христову, Авгарь вскоре же получил значительное облегчение от своей болезни, потому что лишь только незначительная часть проказы осталась на лице его.

Для окончательного уврачевания Авгаря от болезни и был послан Господом, согласно Его обещанию, святой апостол Фаддей, которые исцелил Авгаря уже вполне, не только телом, но и душою, как об этом и будет сказано ниже.

Когда святой апостол Фаддей пришел в город Эдессу, то не открылся сразу князю Авгарю, а вошел сначала в дом одного знакомого ему еврея, по имени Товия. Пребывая у этого еврея, святой Фаддей чудесно творил многоразличные исцеления силою Христовою, исцеляя всевозможные болезни возложением рук и призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа.

Весть о святом Фаддее вскоре же распространилась по всему городу, и жители города того начали приносить к святому апостолу многих больных; видя быстрое исцеление их, все весьма дивились.

Спустя некоторое время было донесено князю Авгарю, что неизвестный муж, пришедший из Иерусалима, творит многие чудеса именем Христовым.

Тотчас же Авгарь вспомнил об обещании Христовом прислать к нему одного из учеников Своих и подумал про себя, — не тот ли пришел, кого обещал прислать Господь. Потом приказал позвать Товию и сказал ему:

— Я слышал, что в доме твоем обитает какой-то муж, пришедший из Иерусалима; говорят, что муж этот исцеляет болезни именем Иисуса Христа.

Товия отвечал:

— Да, действительно так; совершенно верно сказал ты, господин, что тот муж, который проживает у меня, творит много чудес именем Господа Иисуса Христа.

Тогда князь сказал:

— Приведи его ко мне.

Товия отправился к святому Фаддею и сказал ему:

— Меня призывал к себе князь города этого и приказал мне привести тебя к нему, чтобы ты исцелил его от болезни, которою он страдает.

Святой Фаддей отвечал:

— Воистину я послан к нему.

На другой день рано утром оба отправились к князю; между тем у князя уже собрались все вельможи и советники.

Когда святой апостол Фаддей входил во двери княжеских палат, князь посмотрел на него и заметил, что лицо апостола осиявалось каким-то необычным светом. Авгарь пришел в ужас, встал с своего места и поклонился до земли апостолу Христову.

Между тем все, бывшие там, весьма изумились этому поступку князя, недоумевая, ради чего князь поклонился простому человеку, так как не видали того дивного сияния, которое исходило от лица апостола Христова.

Потом князь спросил святого Фаддея:

— Ты ли ученик Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Который обещал послать мне одного из Своих учеников, дабы совершенно исцелить меня от недуга моего и даровать мне, равно как и всем близким моим, жизнь вечную?

Апостол Христов отвечал:

— Так как ты явил великое упование ко Господу моему Иисусу Христу, то я и послан Им к тебе; и если вера твоя увеличится еще более, то будет исполнено все, чего ты ни пожелаешь по вере твоей.

Авгарь отвечал:

— Я столь горячо веровал в Него (Господа Иисуса), что намеревался собрать войско и идти войной на иудеев, распявших Господа, дабы отомстить им за их жестокость и злобу и дабы окончательно истребить их; но мне воспрепятствовали в этом власти римские, коим подчинена страна наша.

Святой Фаддей сказал:

— Господь и Бог наш Иисус Христос совершенно не нуждался в помощи человеческой во время Своего страдания от завистливых и жестокосердых иудеев; ибо Он Сам мог, если бы пожелал, явить легионы Ангелов; но, исполняя волю Отца, Господь наш пострадал

ради спасения мира; исполнив же волю Отца Своего, Он взошел к Нему на небеса со славою и воссел одесную Его; Господь наш не нуждается в том, чтобы кто-либо отомстил за Него врагам Его, ибо Сам имеет власть над всеми; Он Сам будет некогда судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его.

Святой апостол Фаддей говорил князю Авгарю и всем тем, кто был вместе с ним, многое и другое о Господе нашем Иисусе Христе; потом, доведя его до полнейшей веры в Господа, крестил его.

Тотчас же после крещения Авгарь получил исцеление от проказы. Следует заметить, что после первого исцеления[1] у Авгаря еще оставалось лицо в проказе, а сначала он был поражен проказою по всему телу своему. Когда принесено было к нему письмо (послание) Христово и нерукотворный образ пресвятого Лица Христова, тогда впервые Авгарь был исцелен, — его тело очистилось от проказы, и только небольшая часть его тела, по Божию усмотрению, именно лицо, оставалось еще не исцеленным до прибытия апостола.

Вместе с тем произошло и другое исцеление не тела только, но и души, после прибытия апостола — по святом крещении; ибо из святой купели князь Авгарь вышел совершенно здравым.

И не только князь Авгарь крестился после проповеди апостола; крестились все, проживавшие в доме его, также крестились и все те, кто видел чудеса, совершенные апостолом, а также и те, кто был исцелен апостолом от болезней.

После того святой апостол Фаддей приказал князю собрать всех горожан, дабы и они могли слышать слово Божие.

Утром следующего дня собрался весь народ. Апостол Христов, став на высоком месте, начал благовествовать всему народу об едином Боге, сотворившем небо и землю, и все, видимое и невидимое всемогущею силою Своею; святой апостол Фаддей поведал народу и о том, как Господь наш Иисус Христос сошел с небес на землю, неизреченно воплотившись ради спасения людей, как Он пострадал волею, воскрес, вознесся на небеса и приготовил для добродетельных вечную награду на небесах, для злых же — нескончаемые муки

---

[1] См. повествование о перенесении Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа 16 августа.

в аде. Поведал святой апостол и о всех прочих тайнах Божия домостроительства в подробных речах.

Весь народ, слушавший апостола, явил веру словам его, так как видел и чудеса, совершенные апостолом: все видели исцеленным князя своего и многих других, одержимых ранее различными болезнями; все начали прославлять Господа и стали просить крещения у апостола.

Таким образом город Эдесса был просвещен святою верою во имя Господа нашего Иисуса Христа и святым крещением; после этого здесь начали строиться храмы, и были поставлены пресвитеры руковозложением апостольским.

Князь Авгарь весьма желал отблагодарить апостола Христова чем-либо за свое чудесное исцеление, поэтому он предлагал ему много золота, но святой не принял ничего, сказав:

— Если мы оставили свое собственное, то как пожелаем получить и приобрести что-либо от других?

После того как святой апостол Фаддей утвердил в Эдессе святую веру и благочестие и направил все ко благу, он отправился в Месопотамию[1]; здесь он просветил многих, обратив ко Христу, и создал храмы; святой апостол прошел по многим сирийским городам, подвизаясь во благовестии имени Христова. Потом пришел в финикийский город Бейрут[2]; проповедав здесь имя Христово и крестив многих, святой апостол Фаддей почил здесь с миром о Господе[3].

---

[1] *Месопотамия* — каменистая и песчаная страна, находившаяся между реками Тигром и Евфратом и простиравшаяся от Армении на севере до Персидского залива на юге.

[2] *Бейрут* — главный город Сирии. В древности Бейрут был финикийской гаванью и носил название Беритос. Египетский король Тутмозис II завоевал этот город, а Антиох III отнял его у Птоломеев. В 140 году до Рождества Христова Бейрут был разрушен сирийцем Диотосом Трифоном, но при императоре Августе был снова восстановлен Агриппой и обращен в колонию для римских ветеранов. При позднейших императорах Бейрут славился своей высшей школой риторики, поэтики и в особенности права.

[3] Кончина святого апостола Фаддея последовала около 44 года. — Есть известие о посольстве Нарсеса, царя Ассирийского, к Авгарю, князю Эдесскому, с просьбою или прислать к нему святого апостола Фаддея, или написать ему (Нарсесу) о чудесах, сотворенных апостолом. В ответ на эту просьбу Нарсеса Авгарь сообщил ему о чудесах апостола Фаддея.

Следует заметить, что воспоминаемый ныне святой апостол Фаддей есть иное лицо от святого апостола Иуды Фаддея[1], называемого Леввеем, апостола из двенадцати, память коего празднуется в 19 июня (под этим числом можно читать и житие его). В Прологе под нынешним числом над синаксарем воспоминаемому ныне святому апостолу Фаддею есть такая надпись: «Память святого апостола Фаддея, что и Леввей». Однако следует заметить, что прозвище «Леввей» должно усвоять не святому Фаддею, но иному, апостолу из двенадцати, как об этом упоминается и в Евангелии Матфея (10, 3).

Более подробно говорит об этом Никифор Каллист[2], древний греческий церковный историк, в сороковой главе второй книги своей Истории. Именно Никифор Каллист говорит следующее: «Святой Иуда, не Искариот, но иной, коему усвоялось два наименования: Фаддей и Леввей, сын Иосифа, брат Иакова, сверженного с крыши храма[3], первоначально благовествовал Евангелие в Иудее и

---

[1] *Апостол* (из двенадцати) *Иуда* (память которого празднуется 19 июня) называется Леввеем и Фаддеем. Имена эти усвоены святому апостолу Иуде не без причины, а именно: слово «Леввей» значит «сердечен». По отношению к апостолу Иуде это название будет означать, что он, Иуда, после соделанных им по неведению прегрешений против Господа — после маловерия своего (ср.: Ин. 7, 5) — вполне уверился в том, что Иисус, есть истинный Мессия — Христос Бог, и соединился с Ним всем сердцем своим. Апостол Иуда называется еще Фаддеем, что значит «хвалящий», ибо он прославлял и исповедал Христа Бога и возвестил Евангелие многим народам. О жизни и деятельности святого апостола Иуды нам известно очень немногое. Апостол Иуда понес многие благовестнические труды, распространяя Евангелие Христово. Вскоре же после вознесения Господня апостол Иуда, как и все вообще апостолы Христовы, отправился на проповедь Евангелия и был с благовестием в Иудее, Галилее, Самарии, Идумее и других странах.

[2] *Никифор Каллист* — известнейший церковный историк XIV века, монах Софийского монастыря в Константинополе. Его «Церковная История» (в восемнадцати книгах) доведена до кончины византийского императора Фоки (ок. 611 г.).

[3] *Святой апостол Иаков*, брат Господень, сын праведного Иосифа Обручника и брат Иуды, Симона (или Симеона) и Иосии (или Иосифа). По церковному преданию, он сопутствовал своему отцу и Пресвятой Деве во Египет и отличался строгим исполнением закона, почему и прозван был «праведным». Уверовав в Иисуса Христа как Сына Божия уже после Его крестной смерти, он удостоился узреть Его по воскресении (Гал. 1, 18–19). Святой апостол Иаков был Самим Господом поставлен во епископа Иерусалимского; он был, по выражению апостола Павла, столпом Церкви (Гал. 2, 9); апостол Иаков председательствовал на Иерусалимском апостольском соборе (Деян. 15, 13). Святой апостол Иаков пользовался

Галилее, в Самарии и Идумее, а также и в аравийских городах, в сирийских и месопотамских странах, потом прибыл во Эдесс, город Авгаря, где ранее благовествовал имя Христово иной Фаддей, апостол из семидесяти, и здесь восполнил все то, что не было окончено тем Фаддеем»[1].

Так говорит Никифор Каллист об этих двух Фаддеях: одного он именует (из числа двенадцати апостолов) Леввеем, а другого же (воспоминаемого ныне), — из числа семидесяти апостолов, — только Фаддеем, а не Леввеем.

Следует заметить также, что и святой апостол и евангелист Матфей называется у некоторых евангелистов Леввеем[2].

глубоким уважением не только у христиан, но и среди иудеев; скончался мученически (ок. 63 г.) во дни праздника Пятидесятницы, будучи низвергнут за всенародное исповедание имени Христова с крыши храма; перед кончиной он молился за своих убийц. Память св. апостола Иакова совершается 23 октября, 4 января (в соборе семидесяти апостолов) и в неделю по Рождестве Христовом. На месте кончины св. апостола Иакова в Иерусалиме построен монастырь его имени. Святой апостол Иаков написал соборное послание, поставленное первым среди других соборных посланий. Церковное предание приписывает ему составление первой литургии, сокращенной впоследствии святым Василием Великим и Иоанном Златоустом.

[1] Есть известие, что святой апостол Иуда проповедовал христианство и в Персии, оттуда и написал свое Соборное послание. Поводом к написанию этого послания послужило то обстоятельство, что в общество верующих вкрались нечестивые люди, которые обращали благодать Божию в случаи к беззаконию и под видом свободы христианской дозволяли себе всякие греховные дела. В этом послании содержится частью учение догматическое: о таинстве Святой Троицы, о воплощении Иисуса Христа, о различии Ангелов добрых и злых и о будущем страшном суде; содержится также и нравственное учение: увещание избегать нечистоты греховной, плотской, хулы, гордости, непослушания и прочих пороков; апостол увещает всех быть постоянными в обязанностях и должностях своих — в вере, молитве, в любви, увещает печься об обращении заблудших и сохранять себя от еретиков.

[2] Более подробно об этом можно читать в повествовании о житии святого апостола и евангелиста Матфея, 16 ноября.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ВАССЫ
и чад ее:
ФЕОГНИЯ, АГАПИЯ и ПИСТА

Святая мученица Васса жила в царствование императора Максимиана[1] в городе Едессе[2]; соединившись брачными узами с некоторым жрецом идольским, по имени Валерием, она родила трех сыновей: Феогния, Агапия и Писта и воспитала их в благочестии христианском, так как была христианкой (она получила познание о святой вере христианской от своих родителей). Будучи оклеветана мужем своим, она должна была предстать судии языческому, которому и исповедала себя христианкой; поэтому она была заключена в темницу вместе с чадами своими. Потом святая Васса была выведена на судилищное место; при этом на ее глазах сыновья были преданы различным мучениям: сначала был повешен и подвергнут строганию Феогний; потом был предан биению другой сын ее Агапий; этому Агапию мучители сняли кожу с головы до груди, но он молчал и не проронил ни одного слова; затем был предан различным мучениям и третий сын ее. Мать, взирая на страдания детей своих, укрепляла их и молитвенно увещевала мужественно перенести подвиг свой. И все три отрока, мужественно вытерпев все возлагавшиеся на них мучения, одновременно были усечены мечом.

Васса, мать их, возрадовалась, предпослав ко Христу возлюбленных детей своих; потом снова была подвергнута темничному заключению; при этом она была томима голодом, но получала пищу от Ангела, чем укреплялась к еще большим страданиям. Потом, согласно приказанию мучителя, она была отведена в Македонию и понуждаема здесь к мерзкому жертвоприношению; однако не послушалась мучителей, за что была брошена сначала в воду, потом в

---

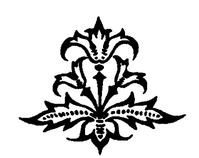
[1] Император *Максимиан* управлял восточной половиной Римской империи с 305 по 311 год.

[2] *Город Эдесса* находился в Македонии.

огонь; после этого была подвергнута биению камнями, но осталась невредимой посреди всех мучений. Когда она была отведена в идольское капище, то взяла кумир бога Зевса[1], бросила его на землю и разбила. Потом святая Васса была отдана на съедение зверям, но осталась невредимой посреди них. Тогда мучители бросили ее в море на тридцать поприщ от берега. И видели все, смотревшие издалека на святую, как три светлых мужа, сиявшие ярче солнца, повели святую в корабль и посадили ее на престоле. Спустя восемь дней после этого, святая Васса явилась воинам на некоем острове, называющемся Геллеспонтом; когда об этом узнал игемон македонский, по имени Филипп, то написал к управителю кизикской страны (геллеспонтской епархии), о том, чтобы взять мученицу; взяв святую, принуждал ее к идольскому жертвоприношению. Но, увидав, что святая оставалась непреклонной, приказал связать ей назади руки и бить ее без милосердия по всему телу; наконец, приказал усечь честную главу ее. Так предала святая мученица Васса святую душу свою в руки Христа Бога, Коему воссылается слава ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь[2].

В тот же день **память преподобного Авраамия** трудолюбивого печерского, подвизавшегося в Антониевой пещере около XII века.

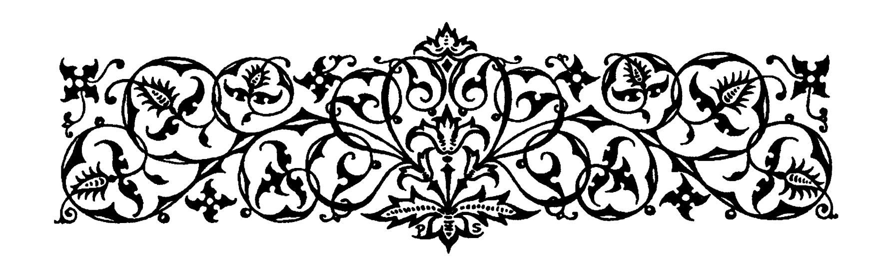
В тот же день **память преподобного Авраамия**, Смоленского чудотворца (скончался в первой половине XIII века).



---

[1] *Зевс* — верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[2] Кончина святой мученицы Вассы и чад ее последовала в начале IV века. В Халкидоне около 450 года существовал храм, построенный в честь святой мученицы Вассы.



День двадцать второй

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ЕВЛАЛИИ**

В царствование языческих императоров, когда вся вселенная была омрачена еллинским безбожием, в испанском городе Баркиноне[1] проживала некая девица, по имени Евлалия, — дочь христианских родителей. Она от младенческих лет своих возлюбила Господа нашего Иисуса Христа всем сердцем своим; обитала же она вместе с родителями своими в селении, находившемся в довольно значительном расстоянии от города. Родители весьма любили Евлалию за ее кротость, смирение и ум, превышавший года ее; Евлалия была научена книгам, и у нее было одно твердое намерение — служить Господу своим девством непорочным. И упражнялась святая в чтении книг, и в славословии Бога днем и ночью, обитая в особой келии вместе со своими сверстницами.

Когда Евлалии исполнилось четырнадцать лет, император Диоклетиан[2] поднял жестокое гонение на христиан. В город Баркинон прибыл игемон Дакиан; он принес здесь мерзкие жертвы нечестивым богам своим, потом начал отыскивать христиан, дабы принудить их воскурить фимиам идолам. Вследствие этого в городе было великое смятение, так как христиане были насильственно извлекаемы из домов своих и принуждаемы мучениями к идолопоклонству; обо всем этом вскоре же стало известно и по всем окрестным селениям.

---

[1] Ныне *Барселона*.

[2] *Император Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

Когда девица Евлалия услыхала обо всем этом, то преисполнилась великой духовной радости и с веселым лицом сказала:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе! Слава Пресвятому имени Твоему, ибо я получило то, чего добивалась. Я верую в Тебя, Владыко мой, что при Твоей помощи исполнится желание сердца моего.

Когда родители Евлалии, а также и девицы, бывшие при ней, услышали эти слова святой, то не понимали, о чем говорит она, спрашивали ее, — что за причина веселия ее, что она получила и чего она желает. Но она ничего не сказала им, тая в душе свои намерения. И удивлялись все, ибо святая имела обычай не утаивать ничего, что она уразумевала относительно святой веры, но насколько сама постигала в книгах, будучи просвещаема благодатиею Божиею, настолько все пересказывала всем на пользу, почему все и любили ее, как свою душу. Не сказала же тогда о мыслях своих Евлалия для того, чтобы не встретить препятствия своим намерениям со стороны отца и матери, чрезвычайно любивших ее.

Когда наступила ночь и все спали (и уже было первое пение петухов), святая девица вышла тайно из дома своего, причем никто не заметил ее ухода, — и направилась к городу, вся охваченная любовью к небесному Жениху своему Христу Господу, имея твердое намерение положить за Него душу свою. И это ночное путешествие не казалось ей страшным, как это обычно бывает для всех юных отроковиц, боящихся выйти ночью из дома своего; все упование возложив на Бога и твердо намереваясь умереть за Него, святая пренебрегала ночною темнотой, не смущалась привидениями ночными, ни зверями, переходившими ей путь; но подобно оленю, стремящемуся к источникам водным, устремлялась и эта по каменистой дороге ногами босыми, не привыкшими к такой суровой дороге.

Святая Евлалия пришла в город уже днем. Проходя чрез ворота городские, она услышала зов глашатаев, призывавших народ к позорищу. Она устремилась к месту позорища того, находившемуся в середине города: здесь увидела святая игемона Дакиана, сидевшего на высоком судилищном месте. Пробиваясь с усилием сквозь народ, святая предстала пред игемона и громким голосом сказала:

— Неправедный судия, восседающий на высоком престоле и не боящийся Бога, пребывающего выше всех! Для того ли восседаешь

ты здесь, чтобы губить неповинных людей, которых создал Бог по образу Своему и по подобию Своему, дабы они служили Ему? Ты увлекаешь их к служению сатане и предаешь смерти тех, кто не слушается тебя.

Игемон, удивившись столь великой дерзости юной девицы, сказал:

— Кто ты, осмелившаяся явиться пред судилище наше без зова, произносящая в лицо нам укоризненные слова и противящаяся царскому приказанию?

Святая же с великим дерзновением отвечала:

— Я — Евлалия, раба Господа Иисуса Христа, Который есть царь царствующих и Господь господствующих; уповая на Него, я не постыдилась самовольно прийти и обличить тебя. Для чего ты поступаешь столь неразумно, презирая Бога, Который сотворил все: небо, землю, море и все, что на них и в них? Зачем поклоняешься ты диаволу, да, кроме того, принуждаешь и людей, служащих Богу истинному, различными мучениями к поклонению идолам, которые — не боги, но бесы? С ними и вы все, поклоняющиеся им, будете преданы огню вечному.

Игемон, преисполнившись гнева, тотчас приказал бить по спине обнаженную девицу без милосердия палками дубовыми. И когда Евлалия была побиваема, то игемон сказал:

— Окаянная девица! Где же Бог твой? Поэтому Он не спасает тебя от этих побоев; и для чего ты настолько обезумела, что дерзаешь говорить о деле, не касающемся тебя? Признайся же, что ты сделала это по неопытности, не зная, сколь велика власть судии; тогда ты получишь прощение; ибо и мне жаль тебя, такую юную, красивую и благородную девицу, предавать столь жестоким побоям.

Святая же отвечала на это:

— Я посмеваюсь над тобой, ибо ты советуешь мне солгать, что будто бы я по неведению дерзнула пойти на мучения за Бога моего, и что, будто бы я не знала, как велика власть твоя. Кто не знает, что власть каждого деспота бывает временной; подобно тому как человек ныне живет, а на другой день умирает, так власть его изменчива. Власть же Господа моего Иисуса Христа бесконечна, ибо и Сам Он вечен. Я не желаю лгать, ибо страшусь Владыки моего, Который предаст геенне огненной, на сожжение, всех лжецов и беззаконников;

моя же девическая юность еще более украсится и мое благородство еще более увеличится, если я приму страдания ради Господа моего. Знай же, мучитель, что я не чувствую боли от причиняемых мне страданий, благодаря защищению Христа, Владыки моего, Который осудит тебя по делам твоим в день страшного суда на вечные муки.

От этих слов мученицы игемон разгневался еще более и приказал повесить святую на мучилищном, крестообразно составленном, древе и железными гребнями строгать ее чистое девическое тело, пока не будет снята с нее вся кожа. Святая же посреди тех страданий взывала к Богу, говоря так:

— Господи, Иисусе Христе! Услыши меня, недостойную рабу Твою, и прости согрешения мои! Укрепи меня посреди мучений, которые я принимаю за имя Твое святое, дабы был постыжен диавол вместе со слугами своими.

Игемон же сказал ей:

— Где Тот, к Коему ты вопиешь? Лучше послушай меня, безумная и окаянная отроковица, и принеси жертву богам: тогда ты будешь оставлена в живых; ибо вот уже приближается смерть твоя и нет никого, кто бы мог тебя избавить.

Святая же Евлалия отвечала ему:

— Да не будет тебе никакого блага, святотатец, бесноватый, преисполненный пагубы человек! А я тем более не отступлю от Бога моего, ибо Тот, к Коему я взываю, обретается здесь; но ты не видишь Его, по причине своей нечистоты, так как ты недостоин Его видеть; Он укрепляет меня, так что я вменяю ни во что муки, которые ты осмеливаешься наносить мне.

Тогда игемон приказал опалять святую зажженными свечами, приказав жечь ее до тех пор, пока она не умрет.

Будучи опаляема, мученица преисполнилась радости и громогласно изрекла слова псалма: *Вот, Бог помощник мой; Господь подкрепляет душу мою. Он воздаст за зло врагам моим; истиною Твоею истреби их. Я усердно принесу Тебе жертву, прославлю имя Твое, Господи, ибо оно благо, ибо Ты избавил меня от всех бед* (Пс. 53, 6–9).

В то время как святая молилась в таких словах, огонь от свечей обратился на слуг и сильно обжег лица их, так что они пали на землю. Когда святая увидела это, то возвела очи свои на небо и еще громче сказала:

— Господи Иисусе Христе! Услыши молитву мою, и яви на мне милосердие Твое; сопричти меня ко избранным Твоим для успокоения в жизни вечной: *покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся* (Пс. 85, 17); верующие же в Тебя пусть прославят силу Твою.

Помолившись в таких словах, святая предала дух свой Богу[1]; и видели все голубицу белую, как снег, вылетевшую из уст ее и устремившуюся на небеса; все, видевшие это, весьма изумились; христиане же (коих среди народа было много) радовались, что сподобились иметь и из своего города ходатаицу ко Господу на небесах.

Когда игемон увидел, что мученица уже умерла, то весьма устыдился, будучи побежден юной девицей, и, с гневом встав с судилищного места, отправился к себе в дом. Игемон приказал оставить тело мученицы висящим на том мучилищном дереве и поставил стражей, дабы никто не мог снять оттуда тела мученицы; игемон сказал, — пусть она висит на дереве до тех пор, пока ее не съедят птицы и не растащат костей ее.

Когда же игемон отошел, а тело святой все еще висело на древе, внезапно нисшел с облака снег и покрыл честное тело святой мученицы, как одеждою белою. На стражей же напал страх; отступив от того места, они наблюдали издалека, ужасаясь всему бывшему.

Между тем обо всем узнали родители святой: ибо они, встав утром и не видя у себя дома своей любимой дочери, были в великом смущении и начали всюду искать ее. Уже около полудня они узнали, что дочь их умерла за исповедание имени Христова и еще висит на мучилищном древе; тогда они поспешили в город с горькими слезами. Увидав святую мертвой, растянутою крестообразно на древе, покрытою снегом, родители ее весьма плакали, сокрушались и рыдали слезами горькими; но вместе с тем они и радовались, что любезная дочь их восприняла венец мученический и вошла в чертог Жениха небесного. Они намеревались взять тело мученицы Христовой к себе, но не были допущены к нему стражей; смотря на святую издалека, они плакали, а вместе и веселились духом.

На третий день некоторые благочестивые мужи ночью взяли честнóе тело святой мученицы (стражи не заметили этого) и обвили его чистой плащаницей с ароматами в присутствии родителей ее, кото-

[1] Кончина святой мученицы Евлалии последовала около 303 года.

Грузинская икона Божией Матери

рые слезами омывали тело дорогой дочери своей. Святой же Филикс (впоследствии пострадавший за исповедание имени Христова)[1], взирая на лицо умершей мученицы, со слезами радости сказал:

— Госпожа Евлалия! Ты раньше нас сподобилась получить венец мученический!

Когда Филикс говорил эти слова, лицо девицы, бывшее мертвым уже три дня, улыбнулось, как живое, посмотрев на него; после этого все, бывшие там, начали петь слова псалма: *Взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их* (Пс. 33, 18).

И похоронили тело святой мученицы Евлалии с честью, прославляя Бога Отца, и Единородного Сына Его, Господа Иисуса Христа, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Царство Которого бесконечно и пребывает во веки веков. Аминь.

ПРАЗДНЕСТВО В ЧЕСТЬ ГРУЗИНСКОЙ иконы БОЖИЕЙ МАТЕРИ

На севере России протекает река Пинега, впадающая в реку Двину; по берегам реки Пинеги расположено много селений; к этой реке примыкает большая и высокая гора, именуемая Черною; гора эта тянется до самого океана (Северного Ледовитого) и имеет в длину около пятисот поприщ; ранее она была пуста и не заселена людьми.

По некоему откровению Божию, на горе той был построен в 7111 году от сотворения мира (в 1603 году от Рождества Христова) монастырь во имя Пресвятой Богородицы; монастырь этот был построен неким иереем той страны, по имени Мироном, — бывшим впоследствии игуменом того монастыря.

Следует заметить, что в царствование благоверного царя и великого князя Михаила Феодоровича[2] персидский шах Аббас[3] покорил под свою власть Иверию[4]; найдя здесь многоцелебную ризу Господа

[1] Память святого Филикса празднуется святой Церковью 22 августа.

[2] *Михаил Феодорович* царствовал с 1613-го по 1645 год.

[3] В 1622 году.

[4] *Иверия* — нынешняя Грузия.

Бога и Спаса нашего Иису́са Христа, он взял ее. В это время персы взяли в Иервии много и других святынь и честны́х икон и отнесли все в Персию, не ради почитания (ибо были язычниками), но для продажи русским купцам; ибо русских купцов в это время было очень много в Персии, и персы знали, что они воздавали почести и поклонялись святым иконам. В числе этих купцов был некто, по имени Стефан, из русского города Ярославля; Стефан был управителем имения гражданина города Ярославля, по имени Георгия. К этому-то Стефану некий перс и принес икону Пресвятой Богородицы, украшенную серебром и золотом, и предлагал ему купить ее. Благочестивый муж тот с великой радостью купил у перса ту честну́ю икону.

В то самое время, когда он покупал эту икону в Персии, упомянутый выше господин его Георгий, живший в городе Ярославле, имел сонное видение, причем слышал такие слова:

— Управитель твоего имения, проживающий в Персии, приобрел тебе бисер драгоценный; и когда он принесет тебе его, то ты отправь его в пределы области Двинской, на Черную гору.

Действительно, спустя некоторое время из Персии прибыл упомянутый Стефан, управитель имения Георгиева, и принес Георгию честну́ю икону Пресвятой Богородицы, которую он купил в Персии. Георгий с радостью принял святыню и, вспомнив видение, сказал:

— Это и есть поистине бесценный бисер, о коем мне было сказано в сонном видении.

В скором же времени после этого, согласно повелению Божию, Георгий отправился в пределы Двинской области и пришел к упомянутому выше монастырю Черногорскому[1] с честно́й иконой (икона эта была названа Грузинской потому, что была взята из страны Иверской, или Грузинской). Георгий принес в дар монастырю много золота, серебра, церковной утвари и книг богослужебных[2].

В то время, когда в монастырь этот была принесена честна́я икона Богоматери, игумен и братия совершали в храме всенощное бдение; некий монах той обители, по имени Питирим, слепой и глухой уже много лет, находившийся во время служения в монастырской боль-

[1] Или Красногорскому.

[2] Грузинская икона Богоматери принесена была в Черногорский (или Красногорский) монастырь в 1629 году.

нице, вышел в сени пред келиею своею, дабы помолиться Богу. В то время как он молился, неожиданно великий свет осиял его, так что он весьма испугался, ибо уже много лет не видал света (по причине слепоты); Питирим принял это за бесовское обольщение; потом осенил себя знамением честно́го креста и поднял очи свои на ту великую гору, после чего увидел на ней свет, подобный лучам солнечным; затем, сотворив молитву, тотчас начал видеть очами и слышать ушами. После утреннего славословия Питирим пришел к игумену и поведал ему, а также и братии, о полученном им исцелении от слепоты и глухоты; и все, бывшие там, прославили Бога.

Когда благочестивый муж тот Георгий (бывший в то время там), услышал об этом преславном чуде, то построил красивый храм в монастыре том во славу Пресвятой Богородицы. И тогда начали совершаться многоразличные чудеса от той святой иконы; подавались исцеления многим больным; так, например, благодать Пресвятой Богородицы исцелила некую женщину, по имени Неонилу, бывшую в расслаблении; была исцелена также и другая женщина, по имени Феодосия, страдавшая очами. Пресвятая Богородица явила помощь Свою некоему человеку, по имени Кодрату, одержимому беснованием и гонимому бесами по пустыне в течение десяти недель, — ничего не евшему и не пившему; Богоматерь, явившись ему, укрепила его, указала ему путь к дому его родителей и повелела прийти в Свою обитель к чудотворной иконе, обещая даровать ему полное исцеление от болезни, кое и подала действительно. По заступлению Матери Божией был спасен от потопления некий человек, по имени Иоанн, занимавшийся ловлею рыбы и утопавший на озере; кроме того Богоматерь явилась еще иному человеку, по имени Павел, жившему в стране приморской и одержимому желудочною болезнью в течение целого года; явившись Павлу, Матерь Божия научила его Божественному Писанию и исцелила его от болезни. Точно так же Богоматерь исцеляла и от многих других неизлечимых болезней и недугов, как то: от болезней желудка, опухолей тела, различных глазных и зубных болезней; исцеляла также одержимых нечистыми духами и доныне являет чудодейственную силу Свою исцелением от различных болезней[1]. И не только там, но и в Москве совершаются

[1] В царствование Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) чудотворная Грузинская икона Богоматери была носима в Сибирь на реку Лену и во внутренние го-

многие чудеса от списка с той честно́й иконы, который находится в храме Святой Троицы.

Список же с иконы был сделан по следующему поводу.

В 1654 году чудотворная Грузинская икона Богоматери была принесена из Черногорского, или Красногорского, монастыря в Москву для поновления живописи и была поставлена, как полагают, или в Троицкой, в Никитниках, церкви, или в доме одного из прихожан этой церкви. На первой неделе Великого поста того же года иеромонах Макарий, по просьбе некоего ремесленника Гавриила Евдокимова, имевшего тяжко больного сына, принес эту икону к нему в дом для молебствия, и болящий получил исцеление. В благодарность за исцеление Гавриил Евдокимов и соорудил список с чудотворной иконы Грузинской, который поставил в Троицкой, близ Варварских ворот, церкви.

Чудеса от этой иконы совершаются и поныне, и она пользуется усердным молитвенным почитанием среди жителей города Москвы[1].

Эти чудеса подавались всем, приходившим с верой и совершались во славу Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого вместе со Отцом и Святым Духом ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

рода России: Устюг, Вологду, Переяславль-Залесский и Москву. — Чудесные знамения милости Царицы небесной не перестают совершаться от Грузинской иконы и до настоящего времени. Так, в 1897 году (17 июня) была исцелена при этой иконе от крайне тяжелой и опасной болезни жена священника села Шуйского, Тотемского уезда, Вологодской губернии.

[1] Более подробно о чудесных знамениях, явленных при этой иконе, можно читать в упомянутой книге: «Слава Богоматери» (стр. 590–591). Императрица Анна Иоанновна (1730–1740 гг.) украсила эту икону богатой жемчужной ризой с драгоценными камнями. В 1904 году эта риза, пришедшая в ветхость, была возобновлена. 12 апреля 1900 года этой иконе поклонялись Их Императорские Величества Государь Император Николай Александрович и Государыня Императрица Александра Феодоровна.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ:

АГАФОНИКА, ЗОТИКА, ФЕОПРЕПИЯ, АКИНДИНА, СЕВИРИАНА

и прочих с ними

Мученик Христов Агафоник жил в Никомидии[1] в царствование императора Максимиана[2]; он отвращал еллинов от поклонения идолам и приводил их ко Христу; на мучения он взят был комитом[3] Евтолмием. Когда этот комит, посланный императором в Понтийскую страну для мучения христиан, плывя на корабле, прибыл на место, называемое Карпин, то нашел там святого Зотика вместе с учениками, исповедовавших Христа; учеников его комит Евтолмий осудил на смерть крестную, святого же Зотика он взял с собою. Возвратившись в Никомидию, он взял некоего Принципса, наученного святой вере христианской святым Агафоником; связав его, вместе с Агафоником, Зотиком и прочими христианами, среди которых были Феопрепий, Акиндин и Севириан, повел всех во Фракию, куда прибыл и сам император, дабы здесь предать всех мучениям. Когда святые находились в стране, называемой Потама, комит предал смерти святого Зотика, Феопрепия и Акиндина, ибо они уже не могли идти по причине ранее полученных ран и язв; придя же в окрестности Халкидона[4], комит предал смерти святого Севириана, дерзновенно

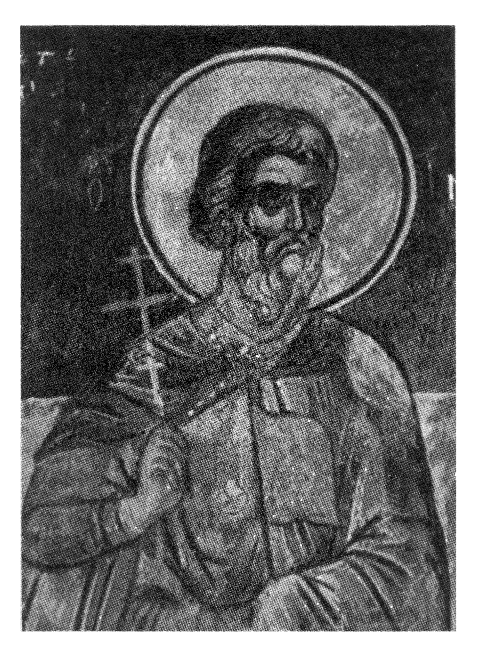
---

[1] *Никомидия* — город в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Он был построен в 264 году до Рождества Христова и свое имя получил от вифинского царя Никомеда I. На месте древней Никомидии находится теперь город Исмид.

[2] *Максимиан Геркул*, носивший титул Августа, был соправителем Диоклетиана и управлял западною половиною Римской империи с 285 по 305 год.

[3] *Комит* — царский телохранитель, сборщик податей в царскую казну, градоначальник; в данном случае под словом *комит* разумеются градоначальники.

[4] *Халкидон*, или правильнее, *Калхедон*, — первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской области Вифинии. В истории христианской Церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 году императором Маркианом (450–457 гг.) для осуждения монофизитской ереси. Начало монофизитской ереси было положено Евтихием, архимандритом Константинопольским,



Св. мч. Агафоник

исповедавшего Христа; прочих же мучеников, вместе со святым Агафоником, повел в Византию и здесь некоторое время мучил их; потом прибыл вместе с ними в Силимврию, на место, называвшееся Аммус, — ибо здесь пребывал Максимиан; здесь святой мученик Агафоник, а также и все христиане, приведенные с ним из Никомидии, были в последний раз истязаны и мучены, после чего были осуждены на смерть и усечены, пострадав за имя Христа, Бога нашего[1].

В тот же день **память преподобной Анфусы**, святого священномученика **Афанасия** епископа и двух слуг святой Анфусы: **Харисима** и **Неофита**.

Святая Анфуса, дочь богатых жителей города Селевкии, приняв крещение, подвизалась двадцать три года в пустыне. Афанасий, епископ Тарса Киликийского, крестивший святую Анфусу, был усечен мечом в царствование Аврелиана (270–275 гг.); той же смертью скончались Харисим с Неофитом, крестившиеся вместе со своею госпожою. Святая Анфуса преставилась в мире, спустя долгое время после их мученической кончины (более двадцати лет).

ошибочно утверждавшим, что человеческое естество в Иисусе Христе было совершенно поглощено Божественным естеством, и потому в Нем (то есть в Иисусе Христе) следует признавать лишь одну природу — Божественную.

[1] Кончина святых мучеников последовала в конце III века или начале IV века.

День двадцать третий

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИРИНЕЯ,
епископа Лионского

Святой Ириней, епископ Лионский, принадлежит к числу замечательнейших отцов и учителей Церкви. Он жил и подвизался во II веке, посвятив всю жизнь свою борьбе с гностицизмом[1]. Значение его для христианской Церкви II века можно сравнивать с значением святого Афанасия Великого[2] для христианской Церкви IV века. И тот и другой одинаково, и по преимуществу являются в своей жизни и деятельности защитниками чистого, неповрежденного церковного учения против ложных еретических учений своего време-

---

[1] *Гностицизм* — общее название многих еретических лжеучений, появлявшихся в течение первых двух веков христианской эры. Гностицизм был сильно распространен и имел многих приверженцев в разных странах. Различается гносис египетский, сиро-халдейский и малоазийский. Представителями египетского гносиса были: Керинф (современник святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова), Валентин и Василид; сиро-халдейский гносис поддерживали последователи Симона волхва и Менандра; малоазийский гносис поддерживали еретики Кедрон и Маркион. Гностики строго различали божественное, духовное, и мирское, плотское — бытие; при этом все гностические системы отвергали самую возможность общения между абсолютным (всесовершенным) бытием и относительным бытием (то есть бытием мира). Неизбежным последствием безусловного разделения между божественным и мирским, духовным и плотским, в области практической явилось разделение духа и плоти. Гностики отрицали божественное откровение и объясняли все истины христианского вероучения одними усилиями разума.

[2] Память его празднуется 2 мая и 18 января (там же и житие его).

ни: святой Ириней — против гностицизма; святой Афанасий — против арианства[1].

Святой Ириней происходил из Малой Азии; его родиною был город Смирна; с юных лет Ириней изучил основательно всю эллинскую мудрость; он был хорошо знаком с греческою поэзиею, философиею и прочими эллинскими науками.

Однако святой Ириней не увлекся лжеименным мирским знанием. Услыхав о духовной мудрости — премудрости христианской, Ириней пожелал восприять ее всем сердцем своим; теперь он уже пожелал поучаться только этой истинной душеспасительной мудрости, мирскую же мудрость — эллинскую вменял ни во что.

В истинах веры христианской святой Ириней первоначально был наставлен святым Поликарпом, епископом Смирнским. Этот святой Поликарп был учеником святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова[2] и им самим был поставлен на епископский престол города Смирны. Святой Поликарп[3] весьма много потрудился на пользу Церкви Христовой, ибо он заботился не только о своей пастве смирнской, но писал послания и соседним Церквам. По свидетель-

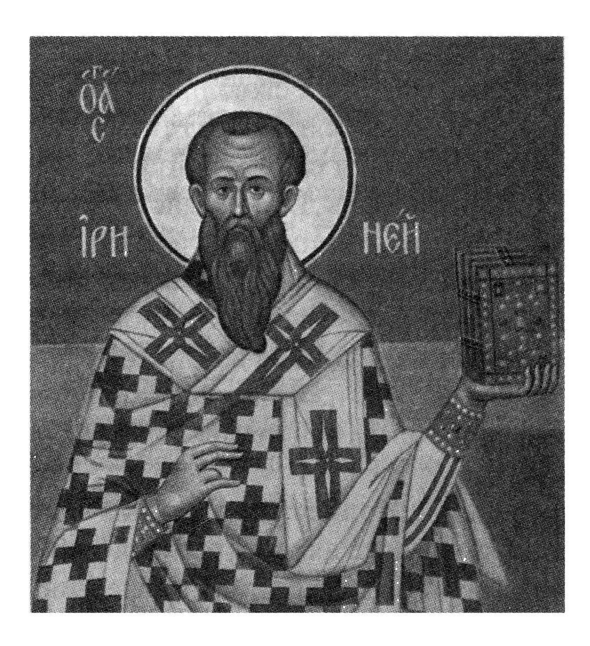
---

[1] Родоначальником арианской ереси был Александрийский пресвитер Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Богом Отцом, почитал Иисуса Христа творением и прочее. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на I (325 г.) и II (381 г.) Вселенских соборах, причем был составлен собравшимися отцами Символ. В V веке арианство почти не имело последователей в Римской империи, но возродилось в Германии среди готов, бургундов, вандалов и лангобардов, где существовало до VII века.

[2] Память его — 26 сентября.

[3] *Святой Поликарп* скончался мученически в 169 году. Описание его мученичества, помещенное в *«Окружном послании Смирнской Церкви к другим Церквам»*, представляет трогательную картину древнехристианского благочестия и мужественного исповедания имени Христова. Большая часть этого послания сохранилась в «Церковной Истории» Евсевия. — Из многих сочинений святого Поликарпа сохранилось (в латинском переводе) «Послание к Филиппийцам»; в этом сочинении Поликарп излагает основы христианского веро- и нравоучения, предостерегает от еретиков, излагает обязанности пресвитеров и диаконов, юношей и дев и тому подобное. Кроме того, известны (на латинском языке) несколько *«Ответов»* Поликарпа, содержащих в себе изъяснение некоторых изречений Господа нашего Иисуса Христа. По свидетельству блаженного Иеронима, святому Поликарпу принадлежит также сочинение против еретика Евиона; кроме того, Поликарпу приписывается также послание к Афинской Церкви и сочинение *«Учение»* (Διδαχή).

ству блаженного Иеронима[1], Поликарп был «вождем всей Азии в христианстве».



Учеником-то этого славного Поликарпа и был святой Ириней; услышав из уст святого Поликарпа душеспасительное учение христианское, Ириней возлюбил его более всякой светской науки; сделавшись учеником Поликарпа, святой Ириней стал как бы учеником Самого Христа, ибо со всем усердием воспринимал умом своим истины веры христианской и отдал всего себя на служение Богу. Так как Поликарп был учеником святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, то он передавал святому Иринею все то, что слышал сам от святых апостолов, бывших самовидцами и слугами Христовыми. Ириней запечатлевал все это в уме своем, записывая все на сердце своем, как на некоей хартии.

Святой Ириней был рукоположен святым Поликарпом в сан пресвитера и был послан им в Галлию для проповедования здесь Слова Божия.

---

[1] *Блаженный Иероним* — один из величайших учителей Западной Церкви (330–419 гг.); родом славянин (из города Стридона в Далмации), Иероним получил в Риме блестящее для своего времени образование; в 373 году он отправился на Восток, предварительно приняв крещение; за свою благочестивую жизнь Иероним был рукоположен в сан пресвитера. — Блаженный Иероним написал очень много сочинений по разным вопросам богословского знания. Сочинения блаженного Иеронима делятся на четыре главных группы: 2) истолковательные, 2) догматические, 3) нравоучительные и 4) исторические. Важнейший труд блаженного Иеронима — перевод Священного Писания, известный под именем Вульгаты. Кроме того, из сочинений Иеронима заслуживают особенного внимания: «Хроника», «Жизнеописание отцов», «О знаменитых мужах», «Мартиролог» и др. Число всех сочинений блаженного Иеронима, не считая мелких писем, доходит до ста восьмидесяти.

Епископом в Лионе в то время был святой Пофин, запечатлевший впоследствии свою проповедь мученичеством за имя Христово. Прибыв в галльский город Лион, святой Ириней начал усердно трудиться, помогая святому Пофину в его архипастырских трудах.

В это время в Лионе было поднято жестокое гонение на христиан со стороны язычников, и святой Ириней явил себя мужественным защитником христиан и твердым столпом Церкви. Отсюда святой Ириней был послан епископом Пофином в Рим, дабы отвезти послание исповедников к епископу Елевферию[1].

Возвратясь из Рима, святой Ириней после мученической кончины святого Пофина[2] воспринял в свое управление престол архиерейский.

Святой Ириней был добрым пастырем для лионских граждан в самые тяжелые для них времена, ибо тогда Церковь Христова обуревалась многими бедами: нечестивые идолопоклонники подняли тогда жестокое гонение на христиан и, кроме того, безбожные еретики начали сеять смуты и несогласия в Церкви Божией.

Святой Ириней терпеливо переносил ради имени Христова все притеснения и неприятности, наносившиеся ему идолопоклонниками, на еретиков же он грозно вооружился своим словом и писаниями. Архипастырская деятельность святого Иринея не ограничивалась Лионом, всех граждан которого Ириней обратил в христианство, но простиралась и на всю Галлию. Святой Ириней поддерживал самые живые сношения с Церковью римской, а также и с церквами малоазийскими, что свидетельствуется его посланиями к римским пресвитерам Флорину и Власту, а также посланиями к римскому и малоазийским епископам во время споров о праздновании Пасхи, возникших при папе Викторе I[3]. Святой Ириней всегда старался примирять враждующих и несогласных. Так, например, когда упомянутый папа Римский Виктор I своею неразумною настойчивостью грозил произвести разделение среди восточных и западных христиан из-за разногласия во взглядах на время празднования Пасхи, святой Ириней своим влиянием успел предотвратить разделение и примирил несогласных.

---

[1] В этом послании святой Ириней восхваляется как усерднейший ревнитель христианской веры.

[2] Мученическая кончина святого Пофина последовала около 177 года.

[3] *Виктор I* занимал папский престол с 187 по 200 год.

Великую ревность проявил святой Ириней и в обличении современных ему еретических лжеучений. Он написал много сочинений, в которых дерзновенно обличал заблуждения еретиков и раскрывал истины христианского вероучения. Из всех его сочинений наиболее замечательно сочинение, озаглавленное «Против ересей»[1]. Это сочинение святой Ириней начал писать по просьбе одного друга своего с целью опровержения ереси валентиниан[2], сильно распространявших тогда свое лжеучение не только в Риме, но и в Галлии. Затем, желая показать ложность и сущность валентиновой ереси, лишь повторявшей предшествующие заблуждения еретиков, святой Ириней описал древнейшие ереси, появлявшиеся ранее и вступавшие в борьбу с христианством; и истинно-христианскою мудростью Ириней опровергал все заблуждения еретиков и раскрывал единственно спасительное учение — христианское.

Главным основанием, на котором зиждется все христианское вероучение, «столпом и утверждением Церкви»[3], — по выражению святого Иринея, — служат четыре новозаветных Евангелия, написанные учениками и самовидцами Господа. Эти Евангелия, — рассуждает Ириней, — суть следующие: Евангелие от Матфея, написанное на еврейском языке, Евангелие от Марка — ученика апостола Петра, Евангелие от Луки — спутника святого апостола Павла, и Евангелие от возлюбленного ученика Господня Иоанна, написанное им во время пребывания его в Малой Азии, в Ефесе. Таким образом, подлинно-апостольских Евангелий, достоверных и непогрешимых, существует в Церкви только четыре; и «невозможно, — рассуждает святой Ириней, — чтобы Евангелий было больше или меньше, чем сколько их существует в Церкви». — Последователи же (еретика) Валентина, — продолжает он, — без всякого страха предлагают свои сочинения и хвалятся, что имеют больше Евангелий, чем сколько их есть. Они дошли до такой дерзости, что свое недавнее сочинение озаглавливают «Евангелием истины», хотя оно ни в

---

[1] Точное заглавие этого сочинения: «Обличение и опровержение лжеименного знания». Это сочинение написано было на греческом языке, но от первоначального текста сохранились лишь отрывки у восточных церковных писателей. Названное сочинение делится на пять книг и принадлежит к числу замечательнейших полемических сочинений.

[2] Эти еретики получили такое название от имени своего главного основателя, — Валента.

[3] «Против ересей», кн. III, гл. 11.

чем не согласно с Евангелиями апостолов. Ибо если предлагаемое ими Евангелие истинно, а между тем вовсе не сходно с теми, которые нам преданы апостолами, то желающие могут узнать, как самые писания показывают, — что оно не есть преданное апостолами Евангелие истины[1]. — А что те Евангелия суть истинные и достоверные, святой Ириней доказывает следующим образом. Евангелий должно быть четыре, уже по тому одному, что существует лишь четыре страны земли; затем четверичное число Евангелий должно было соответствовать, по рассуждению святого Иринея, четырем заветам, которые даны были Богом человечеству, — завету, данному при Адаме до потопа, завету, данному после потопа при Ное, — законодательству при Моисее и, наконец, четвертому и последнему завету — христианскому, содержащему в себе все остальные заветы[2]. Наконец, самое главное доказательство именно четверичного числа Евангелий, а не большего или меньшего, святой Ириней видит в соответствии Евангелий четырем апокалипсическим животным — Херувимам, на которых от вечности восседает «все устрояющее и все содержащее Слово»[3]. Сила этого доказательства состоит в том, что Евангелие должно служить выражением четырех видов или образов деятельности Сына Божия, на которые указывается в 4-й главе Апокалипсиса под символом четырех животных — Херувимов. Первое животное, как повествуется в Апокалипсисе, — подобно льву и указывает на предвечное господство и царскую власть Бога Слова; это же самое выражает собою и Евангелие от Иоанна, описывая вечное и славное рождение Сына от Отца, как Бога от Бога: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1, 1–2). Второе животное подобно тельцу и означает первосвященническое служение Господа нашего Иисуса Христа; на это же самое служение, по рассуждению святого Иринея, указывает и Евангелие от Луки; оно начинается рассказом о священнике Захарии, приносящем Богу жертву; это значит, что Агнец, предопределенный от вечности для заклания за грехи мира, явился в мир, дабы принести Богу искупительную жертву за грехи людские. Третье животное, на котором восседало Слово, имело лицо

---

[1] «Против ересей», кн. III, гл. 11.
[2] Там же.
[3] Там же.

человека и указывало на явление Сына Божия в образе и виде человеческом; и Евангелие от Матфея тоже главным образом возвещает о человечестве Иисуса Христа, представляя Его Сыном Иосифа и Марии. — Наконец, четвертое животное подобно орлу летящему и указывает на присутствие в Церкви Духа Святого, ниспосланного Богом Отцом ради искупительных заслуг Сына Божия; присутствие же Духа Святого выражает, по рассуждению святого Иринея, Евангелие от Марка, написанное в форме сжатого и как бы сокращенного рассказа, потому что таков именно пророческий дух. «Таким образом, — заключает святой Ириней, — какова деятельность Сына Божия, таков и вид животных, и каков вид животных, таков характер Евангелия. Четверовидны животные, четверовидно и Евангелие, четверовидна и деятельность Господа»[1]. Полное соответствие Евангелий четырем образам деятельности или служения Господа нашего Иисуса Христа составляет, таким образом, несомненное доказательство их подлинно апостольского происхождения, их истинности и достоверности; все другие Евангелия, выдаваемые истинные, — не подлинны и недостоверны, — потому что подлинных Евангелий может быть только четыре, ни больше, ни меньше.

Святой Ириней особенно порицал еретиков, отрицавших единство существа Божия. Еретик Маркион ошибочно утверждал два противоположные действия в Боге, выразившиеся в двух Заветах — Ветхом и Новом; он утверждал, что существуют два бога, один наказывающий и карающий, а другой — только милующий.

Обличая это лжеучение, святой Ириней говорил, что такое представление несогласно с самим понятием о Боге. Истинный Бог, — рассуждает святой Ириней, — не может быть ни исключительно наказывающим и карающим, без любви и благости, ни исключительно благим и милосердым, без правосудия и суда, потому что как любовь, так и правосудие принадлежат Богу существенно и необходимо. Одно из существеннейших свойств Божиих, — рассуждает святой Ириней, — есть премудрость. Если Бог премудр, значит он обладает способностью определять и решать, следовательно и судить; а если судить, значит каждому воздает по делам его, то есть или наказывает или награждает[2].

---

[1] «Против ересей», кн. III, гл. 11.

[2] Там же, гл. 25.

Одно из главных доказательств, на котором Маркион основывал свою теорию противоположности между ветхозаветным и новозаветным домостроительством, — между Ветхим и Новым Заветом, состояло в том, что действия Божии в Ветхом Завете были будто бы противоположны действиям Бога в Завете Новом; Бог в Ветхом Завете является как бы только Богом суда и правды, — рассуждал Маркион, — Бог в Новом Завете является как бы исключительно Богом любви и благости.

В своих сочинениях святой Ириней опровергал это нечестивое заблуждение Маркиона и раскрывал ту мысль, что как Ветхий, так и Новый Завет составляют одно неразрывное целое. Приписывать Богу в Ветхом Завете одно только правосудие, а в Новом Завете только одну всеобъемлющую любовь, значит, по рассуждению святого Иринея, не знать и не понимать духа и смысла ни того, ни другого Завета. Бог строго наказывает в Ветхом Завете, но Он еще строже будет наказывать и наказывает в Завете Новом. Христианство — совершеннее иудейства, Новый Завет шире и полнее Ветхого Завета; на этом основании и требования христианства должны быть гораздо строже; чем требования иудейства. В иудействе дано было меньше средств для исполнения Божественного закона, в христианстве дано их гораздо больше, — в христианстве сообщены все благодатные дары и силы для исполнения Божественного закона; вследствие этого и всякое нарушение и неисполнение этого закона в христианстве должно наказываться гораздо сильнее, чем в иудействе. — «В Новом Завете, — рассуждает святой Ириней, — насколько увеличилась наша вера в Бога (то есть раскрылась шире), настолько же увеличились и требования относительно образа жизни, — нам заповедано воздерживаться не только от худых дел, но даже и от худых помышлений, от праздных разговоров, от легкомысленных слов и пустых речей; в этой же мере увеличилось и наказание тем, которые не веруют в Слово и презирают Его пришествие»[1]. В иудействе, по тому самому, что оно не совершеннее христианства, наказания Божии, по рассуждению святого Иринея, были «умеренными», и как бы временными наказаниями; а в христианстве, так как оно выше и совершеннее иудейства, эти наказания гораздо строже и уже не временные только, а вечные[2].

---

[1] Там же, кн. I, гл. 27; ср.: кн. III, гл. 25; кн. IV, гл. 28 и 40.

[2] «Против ересей», кн. IV, гл. 28.

Таким образом, как в Ветхом Завете, так и в Новом, Бог одинаково являет Себя Существом и наказывающим и любвеобильным; и там и здесь, Он и награждает и наказывает, и милует и карает. И это — один и тот же Бог Истинный, Всемогущий и Всесовершенный.

Обличая Маркиона и прочих ему подобных еретиков, святой Ириней подробно раскрывает в своих сочинениях смысл и значение Ветхого Завета.

Ветхозаветный закон, по рассуждению святого Иринея, заключает в себе две стороны: внешнюю, обрядовую, и внутреннюю, нравственно-духовную. Внешняя сторона закона имела только относительное и временное значение: те обрядовые предписания и установления, которыми была окружена вся жизнь ветхозаветного человека и которые держали его под игом рабства, по взгляду святого Иринея, имели смысл только по отношению к иудеям и были в руках промысла Божия только необходимым средством для нравственно-религиозного воспитания еврейского народа; евреев нужно было держать под игом рабства, — «по грубости и непокорности их сердца», — рассуждает святой Ириней, — и «по всегдашней склонности их возвращаться к идолам и лить себе золотых тельцов»[1]. С наступлением же Нового Завета обрядовые предписания Моисеева закона оказались совершенно ненужными и излишними, потому что человек стал теперь в другие отношения к Богу — в отношения близкие, сыновние, и сделался способным исполнять повеления Божии свободно и непринужденно, без особых подробных внешних предписаний. Дух рабства в отношениях человека к Богу в Ветхом Завете и дух сыновства в Новом Завете, по рассуждению святого Иринея, нисколько не противоречат друг другу. Изменение духа рабства на дух свободы и сыновства указывает только на строгую постепенность и последовательность, и на премудрую целесообразность в истории божественного домостроительства и в нравственно-религиозном воспитании людей. Один и тот же Бог воспитывал известным образом древнее человечество, и воспитывает совсем другим образом новое человечество. — «Бог все делает мерою и в порядке, — рассуждает святой Ириней, — и нет у Него ничего неизмеренного, потому что нет ничего беспорядочного»[2].

---

[1] «Против ересей», кн. IV, гл. 14 и 15.

[2] Там же, гл. 4.

Как необходимое воспитательное средство в руках Божественного промысла, которое потом, с наступлением Нового Завета, оказалось ненужным и излишним и поэтому отменено, — внешняя сторона Моисеева закона была в то же время, по рассуждению святого Иринея, пророчеством о будущих временах Мессии, и имела прообразовательное значение. И с этой стороны, отменение обрядового закона Моисеева опять естественно и необходимо, и нисколько не доказывает противоположности между Ветхим и Новым Заветом. Но что особенно говорит против теории Маркиона, — так это отношение Спасителя в внутренней, нравственной стороне ветхозаветного закона; Спаситель, — рассуждает святой Ириней, — не отменил этой стороны, а только «восполнил и распространил ее»[1]. Главнейшею нравственною заповедью Моисеева закона была любовь к Богу и ближнему; Спаситель не отменяет этой заповеди, а, напротив, утверждает и уясняет ее, как основную заповедь новозаветного закона. Нравственное учение Евангелия и вообще Нового Завета выше и совершеннее нравственного ветхозаветного учения, — но главная основа того и другого одна и та же; отсюда и Виновник того и другого нравственного учения — один и тот же.

Итак, — по рассуждению святого Иринея, — между Ветхим и Новым Заветом нет ни малейшей противоположности, и оба они суть творения одного и того же истинного и высочайшего Бога, устроявшего дело спасения людей в строгой постепенности и последовательности, по премудрому плану, начертанному от вечности; отсюда понятно само собою, что и ветхозаветные писания, в которых выражается воля и домостроительство Божие о спасении людей, так же богодухновенны и спасительны, как и новозаветные писания, в которых изображается самое совершение и усвоение спасения. «Один и тот же Дух Божий, — рассуждает святой Ириней, — Который чрез пророков возвещал, каково имело быть пришествие Господа, а посредством старцев[2] хорошо истолковал то, что было сказано пророками, — Он же и чрез апостолов проповедовал, что пришла полнота времен усыновления и приблизилось Царство небесное»[3].

---

[1] «Против ересей», кн. IV, гл. 12 и 13.

[2] Имеются в виду семьдесят толковников.

[3] «Против ересей», кн. III, гл. 21.

По учению святого Иринея, Бог есть Господь всего в самом широком смысле этого слова. Только Он один есть Владыка и Господь всего, и другого равного или подобного Ему Владыки и Господа нет и быть не может, «потому что, — рассуждает святой Ириней, — тот, кто имеет кого-либо выше себя или равного себе, уже не может называться ни Богом, ни Царем великим»[1]. Только один Бог, как Господь всего, — безраздельно обладает верховною властью и могуществом над всем; все остальное, что существует, сотворено Им и содержится Его властью.

Обличая еретиков, святой Ириней рассуждал и об источниках святой веры христианской. В кратких словах его рассуждения состояли в следующем.

Священное Писание как Ветхого, так и Нового Завета, — несомненно имеет Божественное происхождение, ибо оно написано под особым духовным озарением Духа Божия на писателей священных книг. Этот Святой Дух действовал как через пророков, так и через апостолов. Священное Писание есть первый и самый главный источник веры и религиозного знания, — истинный и непогрешимый и для всех обязательный. Правильное и безошибочное разумение Писания возможно только при руководстве святой Вселенской Церкви, и в ней только одной можно найти истину. Такое же Божественное происхождение, как и Писание, имеет и Священное Предание, — которое, поэтому, составляет другой источник веры и религиозного знания, точно так же истинный и непогрешимый и для всех обязательный, как и Священное Писание. Единственною хранительницею подлинно апостольского предания может быть только Вселенская Церковь, в лице ее предстоятелей. — «Всякий, кто желает знать истину, — рассуждает святой Ириней, — должен обратиться к Церкви, потому что апостолы только ей одной сообщили Божественную истину, и, как богач в сокровищницу, положили в нее все, что относится к истине. Только Церковь есть дверь жизни»[2]. И, в частности, по учению святого Иринея, только пастыри Церкви, законно рукоположенные, суть истинные учители и хранители истины, заключенной в Церкви.

---

[1] «Против ересей», кн. II, гл. 30.

[2] Там же, кн. III, гл. 4.

Такое значение Церкви, как единственно непогрешимой хранительницы и носительницы подлинно апостольского предания, святойИриней основывает на постоянном присутствии в ней Духа Святого, и на постоянном действии в ней Божественных даров и сил. Дух Божий, по учению святого Иринея, существует в Церкви с самого ее основания. Он есть как бы жизнь и душа Церкви; Он движет и управляет ею точно так же, как душа движет и управляет членами нашего тела. В Церкви положены Богом все необходимые служения, — апостольство, пророчество, учительство, — при помощи которых содевается спасение наше.

В силу постоянного и непосредственного присутствия в Церкви Духа Божия, Церковь никогда не может погрешать или заблуждаться. Отсюда Божественная истина, заключенная в ней апостолами, устно или письменно, всегда останется в ней одною и тою же, такою же чистою и Божественною истиною, какою была она и при апостолах, — потому что один и тот же Дух Святой действовал и в апостолах, действует и теперь в Церкви, в лице их преемников. Преемство апостольского звания, рассуждает святой Ириней, сохраняется в Церкви повсюду и непрерывно, а вместе с ним и апостольское предание сохраняется в его чистом и неповрежденном виде. — «Вообще, — замечает святой Ириней, — Церковь, хотя и рассеяна по всему миру, но, в силу присутствия в ней одного и того же Духа Божия и в силу непрерывности в ней одного и того же апостольского звания, она сохраняет повсюду одно и то же учение. Она одинаково верует, имея как бы одну душу и одно сердце, одинаково проповедует, учит и передает, имея как бы одни уста. Одинаково веруют и имеют одно и то же предание церкви и в Германии, и Испании, и Галлии, и на Востоке, в Египте и Ливии. Как солнце одно и то же во всем мире, так и проповедь истины сияет и всех просвещает одна и та же во всей Церкви»[1].

Так поучая и наставляя всех, святой Ириней спас многих от языческого идолопоклонения и от еретического заблуждения; многих христиан наставил он на путь спасения, а иных укрепил к мученическому подвигу. Наконец, и сам пострадал за имя Христово в царствование императора Севира[2]. За исповедание Евангелия святой

---

[1] «Против ересей», кн. I, гл. 10.

[2] *Император Севир* царствовал с 193 по 211 год.

Ириней[1] был обезглавлен и восприял, таким образом, славный венец мученичества во Царствии Господа нашего Иисуса Христа[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **КАЛЛИНИ́КА**, патриарха Константинопольского

Святой Каллиник первоначально был священником и сосудохранителем Влахернского[3] храма во имя Пресвятой Богородицы. Когда же патриарх Павел отошел ко Господу, святой Каллиник был возведен на патриаршеский престол. Это было в царствование Юстиниана II[4] — царя злонравного и не богобоязненного, который притеснял весьма многих (христиан), не уважал духовного чина и не чтил храмов Божиих.

Этот царь строил для себя большой и прекрасный дворец, который хотел назвать своим именем. По близости от того дворца находился храм, воздвигнутый во имя Пресвятой Богородицы; храм этот назывался митрополичьим. Так как одну из стен дворца, строивше-

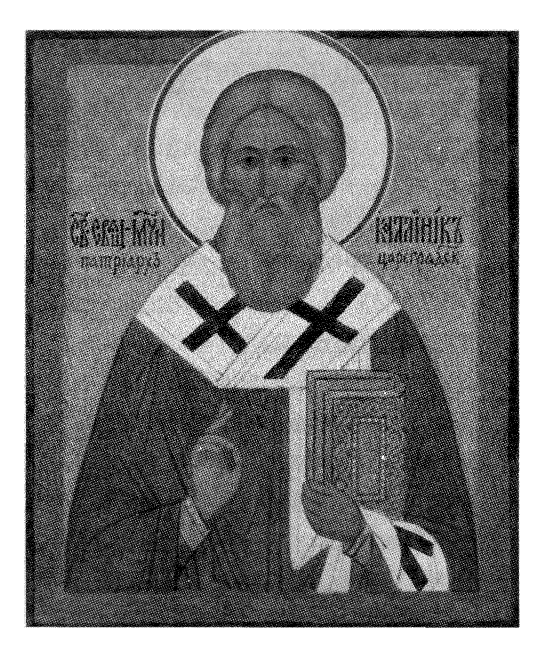
---

[1] Кончина святого священномученика Иринея последовала в 202 году.

[2] Кроме сочинения *«Против ересей»* («Обличение и опровержение лжеименного знания»), святому Иринею принадлежит еще много сочинений, дошедших до нас, впрочем, в небольших отрывках. Так, ему принадлежат: «Послание к Римскому епископу Виктору» (по вопросу о времени празднования Пасхи), «О единоначалии, или о том, что Бог не есть виновник зла», «Об осмерице» (то есть эонов; — имеется в виду опровержение гностического учения об эонах, как источниках жизни). Собрано еще около пятидесяти небольших отрывков, надписанных именем святого Иринея, но подлинность их еще не доказана.

[3] *Влахерна* — местность в Константинополе, находившаяся в западном углу города; славилась своими святынями. Здесь находилась упоминаемая в житии церковь, выстроенная во имя Пресвятой Богородицы императором Львом Великим (с 457 по 474 год), при котором была положена в эту церковь честная риза Пречистой Девы Богородицы, принесенная из Палестины; память этого события празднуется святой Церковью 2 июля (под этим числом можно читать и повествование о сказанном событии). — Впоследствии эта церковь сгорела; ныне виднеются только малые остатки ее.

[4] *Император Юстиниан II* царствовал с 685 по 695 год; потом вторично с 705 по 711 год.



гося по приказанию императора Юстиниана, нужно было вести мимо упомянутого храма, то император задумал разрушить его, дабы храм не был помехой воздвигаемому дворцу, тем более, что именно на том самом месте должны были быть построены ступени и крыльцо перед входом во дворец. Император приказал патриарху преподать молитву благословения для разборки упомянутого храма. Но патриарх воспротивился царю, сказав:

— Я не имею молитвы на разорение храма; напротив того, у меня есть молитвы на основание и созидание храма, ибо Бог сотворил мир для бытия, а не для разрушения.

Тогда посланники царя начали с силою упрашивать патриарха и даже принуждать его исполнить повеление императора. Он же, прослезившись, воскликнул:

— Слава Тебе, Христе, терпящему все!

И тотчас храм разрушился.

Спустя непродолжительное время, по праведному суду Божию, и самого царя постигло разорение: ибо он был с бесчестием изгнан из своего царства, а выстроенный им дворец стал жилищем других. Совершилось все это таким образом.

Когда император узнал, что жители Константинополя ропщут на него, так как не любили его за частые притеснения и за беззаконную жизнь его, и услышал, что в городе все дурно отзываются о нем, то преисполнился гнева и ярости на весь город; потом приказал патрицию[1] и воеводе Стефану, мужу жестокому, без милосердия проливавшему кровь человеческую, родом персу, скрытно от

---

[1] *Патрициями* в древности назывались люди благородного происхождения; им обычно поручались важнейшие государственные должности.

всех приготовить вооруженных воинов и в ближайшую ночь неожиданно напасть на благороднейших граждан и умертвить их всех без пощады.

В то время в Константинополе проживал воевода Леонтий, подвизавшийся на Востоке. Этот воевода не один раз выказывал большую храбрость на войне и победил много полков неприятельских; но вместо почести и похвалы был заключен царем на три года в темницу. В это время он только что был освобожден от темничного заключения.

Этот Леонтий, узнав о жестоком и неправедном умысле и приказании императора, рассказал тайно обо всем некоторым из своих верных друзей. Они передали то же самое и таким же путем другим своим друзьям, и таким образом к позднему вечеру все они собрались вместе в значительном числе. Дабы предупредить имевшее начаться ночью неправедное избиение граждан, все они, вооружившись, отправились в царский дворец. Увидя, что царь спит, воины взяли его и связали. Тотчас же Леонтий открыл все темницы, вывел оттуда всех заключенных, вооружил их и послал их по всему городу. Они ходили по городу и восклицали:

— Христиане! Соберитесь все ко храму святой Софии, так как царь Юстиниан побежден и связан.

Услыхав об этом, все отправились в храм с великою радостью, говоря:

— *Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!* (Пс. 117, 24).

Когда наступил день, Леонтий вывел царя, связанного, на то место, где обычно бывало конское ристание[1]; в присутствии всего народа, собравшегося к тому месту, он отрезал нос царю и отправил его в Херсонес[2] в заточение; с тех пор Юстиниан и был прозван «Корконосым»[3]. Жители же Константинополя тотчас провозгласили царем Леонтия; на царство венчал его святейший патриарх Каллиник.

Леонтий пробыл на царстве три года; потом он был изгнан с царства воеводою Апсимаром, коего воины избрали в императоры и на-

[1] Конский бег.

[2] *Херсонес*, или *Херсон* (древнерус. *Корсунь*), — древнее название теперешнего полуострова Крыма.

[3] По переводу с греческого — «с отрезанным носом».

звали Тиверием III[1]. Апсимар, взяв Леонтия, отправил его на заточение в монастырь далматский; Апсимар царствовал семь лет.

В это время Юстиниан Корконос бежал из Херсонеса от заточения и направился сначала к хазарам, а потом к болгарам; собрав у болгар большую воинскую силу, Юстиниан направился к Константинополю и остановился у Золотых ворот[2]. Численность его войска была столь велика, что оно доходило до Влахерны. Юстиниан стоял здесь три дня и предлагал жителям Константинополя снова принять его к себе на царство; но жители Константинополя порицали и бранили его.

Между тем Апсимар, испугавшись Юстиниана, пришедшего на него с великим войском, убежал в Аполлонию[3]. Тогда Юстиниан отправил послов к святейшему патриарху Каллинику и ко всему синклиту[4], умоляя принять его и клятвенно обещая никому не причинить никакой обиды.

Патриарх и синклит, после совещания, предложили Юстиниану облобызать честны́й Крест Господень, святое Евангелие и Пречистые тайны Тела и Крови Христовых, дабы лобзанием этим он подтвердил свою клятву, — именно, чтобы не мстить никому за свое прежнее изгнание. Юстиниан подтвердил таким образом клятву свою.

Тогда жители Константинополя открыли для него городские ворота и приняли его с честью. Царь же, войдя с воинами в город и получив царство, тотчас же нарушил свою клятву, окаянный, и начал умерщвлять многих из лиц, состоявших в синклите, а также и прочих именитых граждан. Потом приказал привести из обители далматской Леонтия, изгнавшего его; также его воины взяли и Апсимара в Аполлонии и привели к нему; он приказал обоих, связанных, провести с бесчестием среди города. Потом повелел привести их к себе на место конского ристалища; когда они были приведены и брошены у его ног, он наступил ногами на шеи их и попирал главы их, воины же его громогласно взывали:

---

[1] *Император Тиверий III Апсимар* царствовал с 698 по 705 год.

[2] Местность в Константинополе.

[3] С именем *Аполлонии* известно несколько древнегреческих городов. В данном случае разумеется, вероятно, Аполлония, находившаяся в Иллирии.

[4] *Синклит* — совет, составлявшийся из старейших, почетнейших граждан (и представителей высшей духовной власти).

— *На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (Пс. 90, 13).

Осмеяв и поругавшись над ними, Юстиниан приказал обезглавить их.

Но этого мало: Юстиниан наполнил кровью весь город, не пощадив и народа. Потом, взяв святейшего патриарха Каллиника, выколол ему глаза, отрезал нос и язык и послал на заточение в Рим, приказав его здесь замуровать в стене каменной.

Повеление царское было исполнено, и святого Каллиника замуровали в стене. Но через сорок дней заграждение отпало, и святой Каллиник оказался еще жив, хотя едва дышал. Через четыре дня святой отошел ко Господу[1].

В это время папе Римскому Иоанну VI[2] в сонном видении явились святые верховные апостолы Петр и Павел[3] и повелели похоронить с честью тело святого патриарха Каллиника в их апостольской церкви. Папа исполнил приказание святых апостолов.

Клятвопреступник же и мучитель, император Юстиниан Корконос не избежал праведного суда Божия. Не вынося его бесчеловечных притеснений, граждане и военачальники составили против него заговор и, выбрав удобное время, напали на него и отсекли ему голову.

Так погиб нечестивый злою смертью; святитель же Христов Каллиник сподобился венца мученического во Царствии Господа нашего Иисуса Христа.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЛУППА

Святой мученик Лупп жил в царствование императора Аврелиана[4] и был рабом некоего господина, свободен же во Христе Гос-

[1] Кончина святого Каллиника последовала в 705 году.

[2] *Иоанн VI* занимал папский престол с 701 по 705 год.

[3] Память святых первоверховных апостолов Петра и Павла празднуется святой Церковью 29 июня.

[4] *Император Аврелиан* царствовал с 270 по 275 год.

поде (ср.: 1 Кор. 7, 22), в Коего он уверовал; преисполнившись благочестивой ревности, святой Лупп разбил бездушных еллинских идолов, а иных потопил в глубине морской. Увидав это, нечестивые идолопоклонники, преисполнившись ярости, устремились на святого с обнаженными мечами, намереваясь рассечь его на части, но пришли в безумие и посекали друг друга; святой же, пребывая невредимым посреди язычников, проповедовал им слово Божие, будучи преисполнен веры, премудрости и благодати Божией. Несмотря на все усилия, нечестивые не могли взять святого, ибо им препятствовала в сем сила Христова, не допускавшая их даже приблизиться к мученику Христову; поэтому, нечестивые, стоя вдали, натянули луки свои и начали пускать в святого стрелы, но вместо мученика поражали стрелами друг друга; святой же Лупп, стоя как мишень для стрельбы посреди всех, не только не был умерщвлен стрелою, но даже не был и ранен. А так как мученик Христов еще не был крещен и весьма желал святого крещения, дабы не умереть от рук мучителей не христианином, то помолился об этом Господу; и тотчас с неба пролилась на него вода. Таким образом святой мученик Христов восприял свыше Божественное крещение, в присутствии всех еллинов, смотревших на него и весьма удивлявшихся всему происходившему.

После этого святой Лупп добровольно предал себя, как агнец непорочный, на заклание в руки нечестивых; эти же, взяв святого, повели его к игемону. Игемон пытался сначала ласками убедить раба Христова отступить от Господа своего и поклониться идолам; однако не возмог прельстить святого; тогда игемон приказал бить святого палками без милосердия; после этого игемон предал святого иным мучениям, но так как не мог преодолеть непобедимого раба Христова, то осудил его на усечение мечом.

Таким образом святой мученик Лупп, преклонив под меч главу свою, положил душу свою за Христа, Господа своего[1], и был похоро-

[1] Кончина святого мученика Луппа последовала около 275 года.

нен верующими с приличными почестями; от гроба же его подавались врачевания всех недугов и болезней, ради святых молитв его и по благодати Господа нашего Иисуса Христа.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ ЕВТИХИЯ и ФЛОРЕНТИЯ

В пределах Нурсийской страны проживали вместе во святом иноческом образе два мужа, проводившие отшельническую пустынную жизнь; одного из них звали Евтихием, а другого — Флорентием. Евтихий, возгреваемый теплотою духовной ревности, заботился не только о своем спасении, но и о спасении других и всячески старался привести ко Господу всех своими душеспасительными поучениями и наставлениями; Флорентий же, по простоте своей, помышлял лишь о себе одном, проводя в молитвах всю жизнь свою.

Невдалеке от места обитания этих святых Евтихия и Флорентия находился монастырь; случилось, что в этом монастыре умер авва[1]; монахи, собравшись вместе, пришли к Евтихию и начали просить его быть аввою в их монастыре. Внимая их просьбе, Евтихий пошел к ним и принял начальство над монастырем, друга же своего Флорентия оставил одного подвизаться на том отшельническом месте, дабы не опустела церковь, которую они там имели (церковь та была весьма невеликой).

Оставшись один, Флорентий начал молиться со усердием к Богу, прося Его помочь ему одному беспрепятственно подвизаться в том уединенном месте.

Вслед за тем, как-то раз совершив обычные молитвы и выйдя из храма, Флорентий увидал медведя, стоявшего у дверей храма, преклонившего голову свою к земле и не обнаруживавшего ни в чем своего зверского нрава, напротив — показывавшего кротостью своей, что он был послан к святому Флорентию от Бога для услуг и для работы. Поняв это, святой раб Божий Флорентий возблагодарил Бога, пославшего ему такого сожителя. Флорентий имел при своей келии

[1] *Авва* — отец, учитель, начальник, настоятель монастыря.

пять овец; не зная, кто бы мог пасти и охранять их, Флорентий приказал медведю, сказав:

— Иди выгони овец этих на пастбище и паси их; около же шестого часа возвратись вместе с ними.

И всегда зверь поступал так, приняв на себя порученное ему попечение об овцах; таким образом тот, кто привык всегда вкушать добычу, растерзав ее, пас овец, томясь голодом и препобеждая свой естественный нрав.

Когда человек Божий хотел поститься до часа девятого, то приказывал медведю прийти с овцами к девятому часу; и поступал так зверь. Когда же не намеревался поститься до часа девятого, но изъявлял желание вкушать пищу в шестом часу, в тот час возвращался и медведь; одним словом, зверь повиновался всякому приказанию человека Божия и никогда не ошибался — не приходил никогда к девятому часу, когда ему было повелено прийти к шестому, и наоборот, ни разу не приходил к шестому часу, когда было приказано прийти к девятому. Ибо Сам Бог вразумил того зверя, коего отдал в подчинение угоднику Своему, и научил его понимать приказание старца и исполнять его волю.

После того, как зверь служил старцу долгое время, по всей стране той начала распространяться молва о человеке Божием Флорентии, ибо все удивлялись тому дивному делу, видя, что зверь пас овец и служил старцу.

Между тем древний враг диавол возбудил некоторых к зависти; ибо диавол, видя добродетельных людей, сияющих своей славой, уловляет завистью тех, кои развращены нравом и житием, и увлекает их в погибель. И вот, по наущению диавола, четыре монаха, — ученики святого Евтихия, — весьма позавидовали Флорентию, так как их учитель не творил знамений; а между тем один лишь Флорентий (рассуждали завистники), оставленный их учителем в пустынной келии, так прославился. Питая такие мысли, те четыре ученика пришли к Флорентию и, притаившись в том месте, на которое медведь выгонял овец для пастьбы, убили медведя. Так как медведь не возвратился к старцу в тот час, в который ему повелено было возвратиться, то старец был в смущении; подождав до вечера, но не дождавшись ни зверя, ни овец, старец начал печалиться о том, что медведь, которого он по простоте своей привык называть братом, не возвратился к нему.

На другой день утром Флорентий отправился на поле, дабы искать зверя, а также и овец; увидя медведя убитым, старец весьма опечалился. Рассмотрев внимательно и поняв, кем был убит зверь, старец начал плакать; плакал он, впрочем, не столько о смерти медведя, сколько о погибельной злобе тех четырех братий, и горько рыдал.

Когда авва Евтихий узнал о печали и скорби Флорентиевой, позвал его к себе и начал его утешать. Человек же Божий в присутствии аввы, с глубоко опечаленным лицом, сказал:

— Я надеюсь на Всемогущего Бога, что те, кои убили медведя, не причинившего никому никакого зла, получат еще в настоящей жизни пред глазами всех наказание от Господа.

Лишь только угодник Божий успел сказать эти слова, как за ними последовало и самое дело; ибо внезапно те четыре монаха были поражены от Господа страшною проказою, так что сгнили все члены их, и они умерли в той болезни.

После того, как случилось все это, человек Божий Флорентий пришел в великий страх, что проклял братий тех, и никогда в продолжение всей жизни своей не переставал рыдать о братиях тех, себя же называл их жестоким убийцею.

Все это сотворил всемогущий Бог для того, чтобы тот простой и добродетельный муж будучи обижен, никогда более не проклинал никого устами своими.

Этот богоугодный муж сотворил и еще другое дивное дело. Когда о нем всюду пронеслась молва, к нему пришел издалека некоторый диакон, дабы сподобиться его молитв и благословения. Увидав кругом келии его весьма много змей и разного рода гадов, диакон весьма испугался и воскликнул, сказав:

— Раб Божий! Помолись обо мне!

В то время воздух был очень чист и ясен, так как освещался сиянием солнца. Флорентий, выйдя из келии и став на земле, устремил очи свои на небо и поднял руки свои вверх, молясь, дабы Господь изгнал оттуда тех гадов средствами, какими Ему Самому было ведомо. И тотчас послышался гром, явилась молния и побил тот гром вместе с молнией всех змей, обитавших на месте том. Увидав все это, человек Божий Флорентий, снова подняв очи на небо, сказал:

— Вот, Ты, Господи, побил змей этих: но кто же возьмет их отсюда?

И тотчас после слов его прилетело великое множество птиц, числом столько, сколько было избиенных гадов; и каждая птица взяла по одной змее, отнесла далеко и бросила там; таким образом было очищено от гадов то место, на котором жил преподобный.

Пожив в течение всех дней своих в великом богоугождении, святой Флорентий отошел к жизни нескончаемой[1].

Подобно этому преподобный Евтихий пас вверенную ему паству в течение многих лет; наставив многих на путь к небесному Царствию и руководив многих ко спасению, святой преставился ко Господу[2]. И тот, кто при жизни своей не творил чудес, явился чудотворцем по преставлении своем; ибо от одежды, оставшейся после смерти святого, подавались исцеления больным, страдавшим различными недугами. Так прославил Господь раба Своего.

Когда случалось бездождие и земля страдала от засухи, то жители страны той, собравшись вместе, брали одежду преподобного Евтихия, приносили ее в церковь и, совершив молитву Господу, проходили с нею через селения, нивы и сады; и тотчас ниспосылался от Господа дождь, увлажнявший и насыщавший землю[3]. Этим ясно всем показывалось, насколько велика была при жизни внутренняя сила душевной добродетели того, кого одно внешнее одеяние, приносимое пред Господа, уже отвращало гнев Господень.

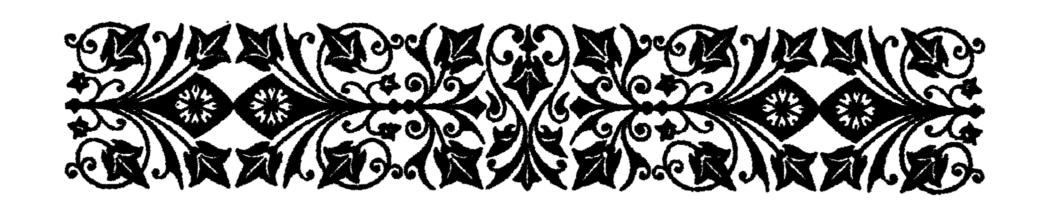
Так прославлялся Бог обоими угодниками Своими тогда, и ныне ради них же прославляется от нас рабов Своих, — и будет прославляем в бесконечные веки. Аминь.

---

[1] Кончина святого Флорентия последовала в 547 году.

[2] Святой Евтихий скончался около 540 года.

[3] Описываемое событие случилось в 1492 году.



День двадцать четвертый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
СИРЫ

При царе персидском Хозрое Старшем[1], в двадцать восьмой год царствования его, в Персии явилась, как некий чистейший жемчуг в море, святая девица Сира, просиявшая красотою веры христианской и прославившаяся великими страдальческими подвигами за имя Христово.

Святая Сира родилась в городе, называвшемся Керх-Селевкия, и происходила из нечестивого рода. Отцом ее был жрец идольский, весьма уважаемый (язычниками) волхв; он был долгое время судиею и начальником сонма волхвов и жрецов персидских; он хорошо знал учение древнейшего архиволхва Зороастра[2], первого знатока астрологии (звездочетной науки) в Персии. Этот волхв, отец святой девицы Сиры, весьма ненавидел христиан и весьма опасался того, как бы его дочь не узнала о христианстве и не познакомилась бы с христианскими девицами. Ибо тогда в Персии было весьма много христиан (как и вообще их было весьма много по всей Азии под

---

[1] *Хозрой* (или, точнее, *Хосров*) с персидского значит вообще царь. Это наименование обычно прибавлялось к собственному имени того или другого персидского царя. *Хозрой Старший*, то есть Хозрой I Ануширван, царствовал с 531 по 579 год.

[2] *Зороастр* — персидский мудрец (маг); жил за 1000 лет до Рождества Христова; основал очень сложное религиозное учение, построенное на дуалистическом принципе (то есть на принципе строгого разделения добра и зла как двух, непримиримых между собою, но в то же время самостоятельных начал).

властью агарян), несмотря на то, что их весьма притесняли и преследовали. По этой причине (желая предохранить Сиру от христианского влияния), отец и отдал ее по смерти матери в другой город, называвшийся Фарсом (в этом городе весьма сильно распространено было волшебство), к некоей родственнице своей женщине-волшебнице, дабы она воспитала ее в нечестивых обычаях языческих.

Когда отроковица начала приходить в разумение, то была обучена волшебству и посвящена мерзкому идольскому служению, именно: ей поручено было совершать бесам некие тайные жертвы, называвшиеся язычниками «Иасф» и считавшиеся ими за чистые жертвоприношения.

Все это говорится о святой девице Сире для того, чтобы было известно, в каком помрачении и обольщении бесовском находилась она и от сколь великой тьмы она перешла к свету познания веры истинной, избежав сетей диавольских.

Когда Сира пришла уже в совершенный возраст и основательно изучила все волшебное искусство, — ибо уже служила мерзким богам персидским в сане жрицы, — путь спасения устроился так.

По промышлению и изволению Божию, она познакомилась с некоторыми бедными христианскими женщинами и от них услышала впервые о Христе Господе, Боге истинном; потом она начала подробнее расспрашивать их о христианской вере, о ее догматах и о всем учении христианском, а также и о жизни христиан; и все то, что слышала от них, взвешивала в уме своем, сравнивая веру христианскую с персидскою и находя между той и другой великое различие. Ибо все то, что относилось до персидской веры, она начала считать ложным и мерзким, все же, касавшееся веры христианской, — праведным и чистым; тогда у нее явилось твердое намерение оставить нечестие персидское и присоединиться к христианам. Желая еще более основательно ознакомиться с христианским благочестием, она начала тайно приходить в храмы христианские, слушала там чтение и пение церковное и поучения от слова Божия и внимательно присматривалась к благочинному и благоговейному совершению служб церковных. Мало-помалу она весьма полюбила веру христианскую, и ей понравился образ жизни христиан. Тогда она начала осторожно подражать христианам пощением и умерщвлением тела своего. Ей было уже восемнадцать

лет от роду, и она более всего опасалась того, как бы ее не отдали в замужество и не обременили бы ум ее житейскими попечениями. Поэтому она не показывалась на глаза людей (язычников), не водила знакомства с славными и богатыми девицами и женщинами персидскими, но избегала их, сторонясь беседы и дружбы с ними; к христианским же девицам и женам часто приходила и беседовала с ними о рождении Христа от Пречистой Девы, о всех чудесах Его, о Его вольном страдании и смерти, о Его воскресении и вознесении с плотью на небеса, о будущем страшном суде, о воздаянии праведным и о муках грешников. Всему, что слышала от христианских девиц, она веровала без сомнения, запечатлевая все, сказанное ими, в сердце своем, умиляясь душою и возгораясь все более и более любовью ко Господу. Она запиралась в своей комнате, читала христианские книги, привыкала к молитве и псалмопению и молилась Единому истинному христианскому Богу, посыпая пеплом главу свою. Так долгое время подвизалась она, храня втайне веру христианскую. Ибо она боялась отца своего и прочих волхвов и, кроме того, думала, что для спасения достаточно и втайне веровать во Христа: еще не уразумела она апостольского слова: *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10).

Спустя довольно продолжительное время Сира впала в некую болезнь; однако не искала врачевства в волшебстве, как это было в обычае у тех нечестивых, но обратилась сердцем своим ко Господу. Страдая телом, она пришла к храму христианскому и начала упрашивать пресвитера дать ей хотя немного праха церковного, надеясь получить от того праха исцеление. Но пресвитер отвергнул ее, как нечестивую, сказав:

— Какое общение может быть между тобою, неверующей, и верующими? Что общего между тобой, идолослужительницей, и храмом христианским?

Она не прогневалась на это, зная сама о своем недостоинстве, но умолчала и прикоснулась с верою к одежде иерея, как некогда кровоточивая женщина прикоснулась к одежде Христовой (см.: Мф. 9, 20–22), — и тотчас получила исцеление от недуга своего; потом возвратилась здоровой домой, так что все удивлялись столь скорому выздоровлению ее.

После этого святая девица Сира подумала про себя так: если такова сила служителей Христовых, то во сколько раз всесильнее Сам Христос, — и весьма пожелала познать совершеннее веру христианскую, думая, каким бы образом сподобиться святого крещения.

Диавол, завидующий всему доброму, заметив в блаженной девице Сире начатки святой веры, вознамерился воспрепятствовать ей; поэтому он явился ей ночью в гневном виде и начал обличать ее за то, что она, оставив родные обычаи, обратилась в болезни к помощи христиан и прикоснулась к одежде христианского священника.

Блаженная же девица, поняв, что то было бесовское обольщение, осенила себя знамением креста, как была научена христианами, и, преклонив колена, начала читать девятидесятый псалом Давидов: *живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится* (Пс. 90, 1), весь до конца.

Диавол после этого исчез на непродолжительное время, но после прочтения псалма явился снова и сказал девице то же самое с гневом.

И снова девица преклонила колена свои к Богу и начала читать тот же псалом.

Снова диавол исчез на непродолжительное время, но потом опять возвратился и дерзнул сказать девице:

— Я — бог, обитающий в вышних, под защитою коего все пребывают; и тебе (продолжал он) следует прибегнуть ко мне, а не к христианам, обольщающим тебя.

Святая девица, трижды поклонившись с молитвой, начала с усердием просить Христа Бога открыть ей истину и отогнать от нее всякое обольщение.

И тотчас силою Божиею искуситель был отогнан от святой; но в уме ее, как след от обольщения бесовского, осталось сомнение. Уразумев, что это сомнение было от бесовского наваждения, Сира с теплым сердцем обратилась к Богу, каясь со слезами и исповедуя Ему свою немощь.

В следующую ночь святая утешена была Богом в видении сонном, предзнаменовавшем ее мученичество.

Ей казалось, что она стоит на некоем высоком месте, выше священников, и держит в руках своих святой потир, наполненный кро-

вью Христовою; этот потир она показывала народу, причем два диакона кадили, стоя по ту и другую сторону от нее. Это видение знаменовало собою то, что святой предстояло испить чашу страдания за имя Христово в присутствии народа, который будет смотреть на зрелище; высокое же место, на коем она стояла, знаменовало собою высокую честь мученичества, превосходящую все чины святых, а каждение было знаком того, что страдание ее было благоприятно Богу, как жертва и фимиам, и что страданием тем облагоухается вся Церковь Христова.

После того видения, святая начала проводить строго подвижническое житие о Боге. Вскоре же ее братья и родственники узнали, что она сочувствовала вере христианской: ибо видели, что она и телом изменилась, и лицом была бледна от воздержания и поста, почти ни с кем не разговаривала, но запиралась в комнате своей и пребывала в молчании, перестала приносить жертвы богам и оставила службы, обычно совершавшиеся у язычников. Видя это, они опечалились и начали просить мачеху уговорить девицу оставить такую жизнь и не отступать от служения отеческим богам, дабы не опорочить род их и не навлечь гнева царского на весь дом их. Мачеха же, будучи научаема тем, кто прельстил в древности, приняв подобие змеи, Еву в раю[1], — приступила наедине к той блаженной девице, с радостным и веселым лицом, и начала говорить ей о себе, что и она исповедует ту же веру христианскую, но втайне хранит ее и служит Христу. Мачеха советовала ей втайне не отступать от Христа, но явно для всех совершать обычное жреческое служение идолам, дабы все, видя, что она служит богам, перестали подозревать ее в принадлежности к христианству.

— Поступая так, — говорила обольстительница, — ты и Христа не прогневаешь (ибо Он довольствуется и тем, если кто служит Ему втайне), и отца и братий твоих не раздражишь, и избежишь лютых мук, которые неминуемо постигнут тебя, если ты не послушаешь совета моего. Подумай, как ты, юная девица, немощная телом, вытерпишь побои, раны, терзание плоти, жжение на огне и прочие муки? Неужели ты не опасаешься того, что, не вынеся страданий, ты против воли своей отречешься от Христа? Тогда ты сделаешь большой и непростительный грех. Гораздо лучше для тебя служить Христу

[1] То есть диаволом.

втайне, а явно показывать притворно, что ты будто бы служишь богам. Это не будет вменено тебе в грех.

Это и многое другое, подобное этому, говорила ежедневно мачеха девице Сире и склонила сердце ее к своему совету: *тлят* (растлевают) *обычаи бла́ги беседы злы* (слав. 1 Кор. 15, 33), — говорит Писание.

Однако Господь не попустил рабе Своей погрязнуть в обольщении том, как в некоей бездне, но снова подкрепил ее новыми откровениями.

Прошло после того четыре месяца; наступил Великий пост — святая Четыредесятница, и святая девица пожелала подвизаться тайно в пощении и молитве. Когда святая начала поститься, то увидала (в сонном видении) своих братьев погруженными в гной и тину, также увидала и отца лежавшим на некоем грязном одре; посмотрев же на другую сторону, увидела чертог и одр высокий и красивый, блистающий дивным светом; видела также и много светлых лиц, призывавших ее в тот чертог.

После того видения, она пробудилась от сна и рано утром отправилась в храм христианский; придя к епископу Иоанну, она рассказала ему все подробно о себе, как она исцелилась от болезни своей прикосновением к одежде иерея, какие видения были ей от Господа, и начала просить епископа сподобить ее святого крещения.

Епископ, услыхав обо всем, рассказанном ему, возрадовался духом о девице, поняв, что она была призываема Богом к спасению. Однако, приняв во внимание тогдашнее суровое время, не сподобил ее крещения, так как знал, что она происходила из весьма знатного рода и имела очень уважаемого (язычниками) отца; знал также и о непримиримой ненависти, которую питали все волхвы к верным; он боялся раздражить язычников, дабы они не пришли в ярость от крещения той девицы, не уговорили бы царя поднять гонение на Церковь Христову и не разогнали бы духовных овец Христовых своею яростью, будучи жестоки, как волки. Кроме того, епископ опасался и за девицу, боясь, как бы она, испугавшись гнева родителей и устрашась мучений, не отверглась бы от Христа и дабы через то не была поругана благодать святого крещения. Поэтому епископ советовал блаженной девице первоначально исповедать Христа пред отцом своим, братьями и родственниками и всеми домашними своими.

Если бы оказалось, что она в состоянии вытерпеть страдания, которые могли причинить святой ее родственники, то она могла бы быть непоколебимою до конца в исповедании имени Христова; и тогда она будет сподоблена святого крещения. Дав такой совет девице, епископ отпустил ее с миром.

Девица отошла от епископа весьма опечаленною, так как ее желание не было исполнено; она смущалась в мыслях, ибо находилась между любовью и страхом, — горела любовью ко Христу, но в то же время боялась мучений; поэтому она умолчала из страха.

Спустя некоторое время святая девица снова имела сонное видение, именно, она увидела Ангела Божия, державшего в руках железную палку и ударившего ее этой палкой; при этом Ангел вопросил ее:

— Где твое обещание? Ведь ты обещалась верно служить истинному Богу и крепко стоять за святое имя Его против нечестивых.

Пробудившись от сна и видения этого, девица пришла в великий ужас.

Когда наступило утро, она была позвана к мачехе своей. Мачеха приказала ей совершить утреннее жертвенное служение богам, по обычаю. Уже горя ревностью по Христе Боге, Сира намеревалась явно исповедать имя Христово и отречься от волшебства и идолослужения пред всеми; однако притворно показала в тот час послушание мачехе своей и, взяв орудия жреческого служения по чину диавольского предания Зороастра, подошла к жертвеннику; но в это время увидела себя осиянною как бы неким светом божественным. Укрепившись в сердце своем и изгнав страх из души своей, святая разбила пред глазами всех те жреческие орудия, плюнула на огонь (который персы почитали божеством), затушила его, разрушила алтарь и громогласно воскликнула:

— Я — христианка! Я отвергаю служение идолам, порицаю все скверные волшебные дела бесовские, попираю ложных богов и алтари нечестивые, верую же во Единого истинного Бога христианского и иду к храму христианскому.

Братья с мачехою, а также и все, бывшие в доме и слышавшие все, сказанное девицею, взяли ее, удержали и заключили в комнате, дабы она не вышла оттуда; потом поставили стражей охранять де-

вицу (отца тогда дома не случилось). Блаженная же начала просить их призвать отца ее, дабы исповедать имя Христово и пред ним, хотя бы и была предана им на мучения; ибо она не желала более таить веру свою во Христа, но желала явно показать ее всем, не страшась никаких мучений.

Между тем в это время к девице пришли ее родственники и знакомые и начали со слезами увещевать ее оставить такое дело и не печалить отца и братий, не бесчестить рода своего и не отдавать себя самовольно на лютые мучения; но святая даже и слышать не хотела этих лукавых увещаний.

Когда пришел отец и увидел, что его волшебный огонь, который он почитал за бога, был потушен, алтарь опрокинут, орудия жреческого служения были сокрушены, когда услыхал также, что дочь его Сира громогласно прославляла имя Христово, то исполнился великой ярости и, схватив ее, начал бить ее своими руками без милости, и бил ее до тех пор, пока не изнемог сам. Потом начал со слезами увещевать ее и ласкать, говоря с ней милостиво и дружелюбно; однако не имел никакого успеха. Несмотря на то, что отец предавал ее многим мучениям, заключал ее в узы, запирал в темном месте и морил голодом и жаждою, и причинял много побоев; иногда же или сам, или через родственников своих ласково упрашивал ее обратиться к отеческим богам и жреческому служению, — истинная раба Христова пребывала твердою, как адамант, и была непоколебима, как столп, в исповедании пресвятого имени Господа нашего Иисуса Христа.

Когда отец убедился в непоколебимом сочувствии Сиры к вере христианской, а также и в том, что девицу невозможно было отвратить от христианства никоим способом, он пошел и рассказал обо всем Мавиптису, который считался у персов начальником волхвов. Мавиптис же, собрав всех жрецов и волхвов из соседних городов, воссел вместе с ними у храма бога их — огня, и приказал представить пред судилище свое девицу Христову. Собралось туда много народу; среди народа немало было и христиан, пришедших видеть подвиг девицы Сиры; ибо всем уже было известно об ее обращении и о страданиях, причиненных ей отцом.

Мавиптис начал допытываться от девицы, почему она отвергла отеческих богов и отеческие предания и приняла иную веру. Девица отвечала на это так:

— Ни один человек, имеющий здравый разум, не будет уподобляться неразумным животным, идущим во след рождших их, — неведомо куда, но пойдет тем путем, который он найдет лучшим; ни один рассудительный человек не пойдет за отцами и праотцами своими, увлекающими его в заблуждении своем в погибель. Подобно этому и я, увидя, что вера христианская была несравненно лучше отеческого нечестия, избрала лучшее и отвергла худшее.

Мавиптис с гневом сказал:

— Многие мучения ожидают тебя, девица, если ты не послушаешь нас.

Сира, положив руку себе на шею, с великим дерзновением сказала:

— Отсеки сию; это в твоей власти, — говорю тебе раз навсегда.

Мавиптис после этого много раз спрашивал ее, но она ничего не отвечала ему, а читала про себя псалмы Давидовы, которых язычники не разумели.

Мавиптис наконец спросил окружающих:

— Что она говорит?

Но никто не знал того, что говорила она. И лишь только один из бывших там (язычников) сказал:

— Она читает христианские молитвы.

Мавиптис тотчас приказал позвать епископа христианского, дабы узнать, христианские ли слова говорила девица.

Епископ пришел в великом страхе, боясь власти волхвов. Мученица посмотрела на него. Заметив, что он в страхе, девица громко сказала ему:

— Не бойся, отче, но вспомни слова Писания: *буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь* (Пс. 118, 46). И еще: *и не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28).

Когда епископ был спрошен о словах, сказанных девицею, то удостоверил, что действительно то были слова христиан.

Мавиптис, разгневавшись на девицу, приказал бить ее по устам. После этого он то говорил ей с лестью, то угрожал мучениями, но не успел ни в чем, и был посрамлен пред христианами, которые присутствовали здесь и смотрели на все происходившее.

Потом Мавиптис приказал некоторое время содержать девицу в доме отца ее, не желая теперь же возвещать о девице царю, дабы не

обесчестить знатный род ее; при этом Мавиптис дал совет отцу девицы, скорее ласками, чем угрозами убедить девицу отступить от христианства. И возвратилась мученица домой, радуясь и славя Бога за то, что сподобилась пострадать за имя Христово пред князем, судьями и всем народом.

В то время, когда девица была в доме отца ее, Господь утешал и укреплял рабу Свою новыми откровениями; ибо она часто видела Ангелов, которые учили ее, как отвечать нечестивым судьям. Иногда ей являлись Моисей[1], Илия[2], Петр[3] апостол и другие святые, как об этом повествуется в более пространном сказании о страдании святой девицы Сиры[4].

Между тем отец девицы всячески старался отвратить ее от Христа, но не мог победить ее твердости, и поэтому опять возвестил об упорстве девицы Мавиптису и всему сонмищу волхвов.

В то время случайно прибыл в тот город некий вельможа, состоявший в верховном совете при царе, по имени Дар; оба эти вельможи, Дар и Мавиптис, находились вместе в то время, кода им пришлось выслушать отца девицы, жаловавшегося на дочь свою, а также и оговорившего христиан в том, что они будто бы возмутились против него и хотели побить его камнями.

Вельможа Дар послал к девице нескольких именитых мужей, приказав им спросить святую, почему она оставила волшебную мудрость и жреческое служение и уклонилась к христианской вере? При этом Дар приказал посланным увещевать девицу ласковыми словами, обещая ей царские дары; а если бы она не послушала их, приказал им сказать девице, что ее ожидают лютые мучения.

Когда посланные пришли к девице и начали расспрашивать ее обо всем, говоря с ней ласково и любезно, девица отвечала:

— Я хотела сама идти к тому, кто вас послал, дабы сказать ему о моей вере во Христа: но так как ко мне пришли вы, то слушайте: я приняла христианскую веру потому, что я уразумела ее истинность и правоту, так как эта вера признает Творцом всего единого Бога,

[1] *Моисей* — верховный вождь и законодатель народа еврейского. Память его празднуется святой Церковью 4 сентября.

[2] Память святого славного пророка Илии празднуется 20 июля.

[3] Память святого первоверховного апостола Петра празднуется 29 июня.

[4] Это более пространное сказание не дошло до нас.

всесильного и бессмертного; волшебство же ваше и служение идолам я возненавидела потому, что вы признаете многих богов, но боги эти бездушны и ничтожны. Скажите же тому, кто вас послал: смотри, не измени своему обещанию, но на самом деле предай меня на мучения согласно тому, как ты обещал, ибо я готова пострадать и даже умереть за Христа, Бога моего.

Услыхав такой ответ девицы, вельможа Дар преисполнился гнева и приказал взять девицу из дома отца и перевести в темницу; затем, связав железными цепями по рукам и ногам, заключили ее в тесном и мрачном помещении и не давали ей ни хлеба, ни воды.

И пребыла святая в заключении темничном три дня и три ночи, не будучи в состоянии двинуться, как по причине тяжелых железных цепей, коими она была связана, так и по причине тесноты помещения.

Спустя три дня девица была выведена из заключения. Тогда язычники спросили ее: довольно ли для нее этого наказания и не желает ли она обратиться к исповедания богов отеческих и к признанию отеческих законов.

Девица оставалась непреклонной в вере Христовой.

Тогда язычники снова произвели суд над нею и постановили бросить ее в некий глубокий ров — темный, смрадный и мерзкий, связав при этом святую очень тяжелыми железными узами. Когда возлагали на девицу узы, хотели сковать вериги гвоздями, но гвозди не входили в приготовленные для них места; были призваны многие кузнецы, но не успели ни в чем. Мученица сотворила крестное знамение на гвоздях и веригах, и тотчас гвозди сами собою расположились на своих местах. Однако враги Христовы, ослепленные злобою, не уразумели чудесной силы креста святого и без милосердия сковали святую, нагнув голову ее к ногам, а потом бросили в ров.

Христос Господь, не оставляющий любящих Его, тотчас послал рабе Своей, находившейся в том рву, утешение; ибо ее озарил там свет небесный, оковы железные разрешились сами собою и спали со святой, смрад превратился в благоухание; мученица пребывала во рву, как в чертоге, радуясь и прославляя Бога.

Между тем, христиане, бывшие в том городе, собравшись вместе с епископом своим в храме, начали со слезами молиться к Богу

о мученице Сире, дабы Он помог ей доблестно совершить подвиг свой.

И пребывала мученица в том рву пятнадцать дней, так что никто не думал, чтобы она могла остаться живой по причине великого смрада и голода, а также и по причине тяжести оков, на нее возложенных.

Между тем в то время случилась засуха, от продолжительного бездождия, и народ говорил, что это гнев Божий покарал всех засухою и голодом за невинные страдания девицы Сиры.

Спустя пятнадцать дней нечестивые судьи узнали, что девица Сира оставалась жива во рву и что она освободилась от оков. Все пришли в великое изумление. Святую перевели из рва опять в народную темницу.

Лишь только мученица была выведена из рва, тотчас пролил с неба на землю обильный дождь, который и оросил землю в избытке; и говорили в народе, что Бог послал этот дождь ради девицы Сиры, выведенной из рва.

Господь дал рабе Своей и дар чудотворения, так что она могла исцелять болезни и изгонять бесов; ко святой, находившейся в темнице, приходили весьма многие, желая получить от нее исцеление; и все те, кои прикасались к ее одежде, или только к ее оковам, получали исцеление от недугов своих; бесы же не терпели приближения к ней.

Спустя некоторое время наступил праздник, учрежденный в честь святых мучеников, ранее пострадавших в Персии; этот праздник совершался лишь один раз в году в храме, находившемся вне города; мученица пожелала быть на том всенародном праздновании и на том всенощном пении; ибо некий боголюбивый христианин дал сторожам золото и поручился им сам за мученицу, дабы ее отпустили из темницы, обещаясь обратно возвратить ее в темницу утром следующего дня.

Святая была отпущена из темницы; при этом она переменила одежду свою, дабы язычники не узнали ее; придя к храму, она встала в углу притвора и слушала пение церковное.

Случайно оказалась в том праздничном собрании некоторая бесноватая женщина; лишь только женщина та подошла к святой девице Сире, тотчас бес, находившийся в женщине той, громко воз-

звал, говоря, что мученица Сира пришла в храм и может изгнать его. И когда все, бывшие там, начали искать святую мученицу по храму, она тотчас ушла оттуда и пришла в темницу.

Так боялись ее бесы, что даже не могли приближаться к ней.

В одну из следующих ночей святая девица Сира снова была отпущена на поруки из темницы, за вознаграждение стражи; тогда она пошла к епископу и приняла от него святое крещение в храме, находившемся в городе.

После всего этого Мавиптис и прочие, бывшие с ним судьи и волхвы, решили послать мученицу к царю, так как не могли никоим способом отвратить ее от исповедания веры христианской. Отправляя девицу к царю, судьи те положили на шее мученицы печать, согласно обычаю своему, дабы не представлена была какая другая женщина вместо девицы Сиры; печать же та была такого рода, что ее нельзя было никоим способом снять с шеи святой мученицы, разве только вместе с головой.

Взяв святую, воины повели ее в город, называвшийся Алиаком, ибо царь находился в то время там; воины передали мученицу начальнику города вместе с письменным сообщением о вине мученицы и о том, коего она рода и какие мучения она претерпела.

Начальник города (епарх) сначала приступил к увещанию святой ласковыми словами, затем начал угрожать муками, уговаривая девицу обратиться к прежней вере и делам (то есть к вере и жизни языческой); но увидав, что она его не слушалась, приказал снять с нее одежды, одеть ее в некое жалкое рубище и отдал ее под наблюдение иудеев, зная, что иудеи были врагами христиан.

Иудеи, взяв святую, связанную железными оковами, заключили ее в тесном помещении, в пищу же ей давали очень небольшой кусок ячменного хлеба, дабы она не умерла от голода; при этом каждый день укоряли ее бранными словами, хулили также и Христа, говоря:

— Где же рассказанная о тебе басня, что сами узы спадают с тебя, с твоей шеи, рук и ног? Посмотрим ныне, как спадут узы!

Однажды, когда иудеи в таких словах посмеивались над святой, она, подняв к небу очи свои, вздохнула и в глубине сердца своего помолилась ко Господу; и тотчас перед глазами иудеев узы ее спали и с шеи, и с рук, и с ног ее, так что иудеи весьма дивились.

Святая пребывала у иудеев одиннадцать дней, потом епарх снова приказал привести ее к начальнику волхвов, бывшему при царе, пересказав ему о девице все то, что ему было известно.

Начальник волхвов, приказав представить себе девицу, спросил ее:

— Ради чего ты отвергла веру нашу? Ведь нашу веру хранят с честью и цари, и князи, наша вера распространилась повсюду и владеет всеми и обогащает тех, кто хранит ее; и ради чего ты присоединилась к христианам, — людям бесчестным, бедным и всеми презираемым и ненавидимым?

Девица отвечала с дерзновением:

— Где ныне венцы ваших умерших царей? Где слава князей? Все это погибло; цари и князи, подобно траве, расцвели на непродолжительное время, но потом увяли и унаследовали смерть вечную, так как не познали Бога истинного, Творца всего и не почтили Владыку жизни и смерти, но поклонялись творению как божеству, почитая огонь, воду, солнце, луну и звезды. Христиане же за те страдания, которые они претерпевают от вас в настоящей жизни, получат жизнь вечную; а за временное бесчестие они наследуют славу небесную.

Начальник волхвов пришел в ярость от таких слов девицы; потом начал подробно расспрашивать ее, где она была ранее. Узнав, сколь великие мучения она вынесла, а также узнав и о ее тяжком темничном заключении, услышав также и о том, что святая находилась под наблюдением иудеев, он приказал отдать ее опять иудеям, и велел им наблюдать тщательно, чтобы никто из христиан не приходил к девице.

Взяв святую, иудеи без милосердия начали мучить ее, терзая ее различными муками в продолжение трех дней.

Когда один сановник царский, коему было поручено наблюдать за всеми темницами и за всеми узниками, услышал о мученице, то взял ее от иудеев и поместил в свою темницу. Поступил же так этот муж ради прибытка, так как у христиан был обычай покупать себе золотом и серебром у темничных стражей право входа в темницу, к узникам, страдавшим за имя Христово.

В то время, когда мученица находилась в темнице, некоторые христиане, получив за деньги право входа в темницу, пришли к свя-

той девице Сире, дабы навестить ее. Увидав, что она была крепко связана оковами железными и лежала на голой земле, они принесли ей и устроили постель, дабы хотя сколько-нибудь облегчить ее великие муки. Но один из темничных стражей, придя к мученице, сбросил ее с постели и причинил ей сильную боль, по причине тяжеловесности возложенных на мученицу оков. И тотчас те узы железные разрешились сами собою и спали с мученицы, так что все, бывшие там, весьма изумлялись всему происшедшему.

В те дни царь пожелал идти из того города в другой город, называвшийся Ресанкусадон; с ним пошли и все вельможи персидские, а также и начальник волхвов. Следом за ними поведена была и святая мученица Сира (будучи связанной), а также и все прочие узники; в продолжение всего пути святая мученица молилась ко Господу, воспевая псалмы Давидовы. Воины, ведшие святую, много раз требовали от нее, чтобы она умолкла; по этой причине возлагали на нее еще более тяжелые оковы; но она не переставала воспевать и благодарить Бога.

Когда пришли на место, называвшееся Карс, начальник волхвов вместе с прочими судьями приказал представить святую на допрос и спросил ее:

— Ты имела вполне достаточно времени для размышления; скажи же нам, что ты избираешь: согласна ли ты возвратиться к первоначальному служению богам и остаться в живых, или ты желаешь умереть в христианстве?

Святая отвечала:

— Что я могу еще избирать, кроме того, что я уже избрала раз навсегда? Ведь я говорила много раз, что я — христианка, раба Господа моего Иисуса Христа: Его я люблю, Ему я служу и за Него я желаю умереть.

Начальник волхвов сказал:

— Скажи нам слова мудрости волшебной, коим ты первоначально была обучена.

Святая же начала громогласно вещать слова молитвы к Богу из псалмов Давидовых.

Начальник волхвов весьма разгневался и приказал разорвать одежды ее и представить к себе на допрос обнаженною; потом спросил:

— Неужели ты не чувствуешь сейчас никакого стыда?

Святая отвечала:

— Ради чего мне стыдиться? Я не грабительница, не блудница; я не сделала никому никакого зла; хотя вы и лишили меня одежды внешней, но я имею одеяние пресветлое, нетленное, вечное на небеси, которое уготовал для меня Господь мой, ради Коего я и обнажена ныне.

В то время, когда святая говорила эти слова, князь страны хузаинской, восседавший вместе с волхвом, сказал:

— Она беснуется.

Но святая отвечала:

— Не я бесноватая, а ты бесноват, ибо ты служишь бесам; если желаешь, я положу знамение креста на челе твоем, тогда из тебя выйдет бес, и просветятся душевные очи твои, так что ты познаешь истину.

Тогда все, бывшие там, громогласно воззвали:

— Она повинна смерти, ибо хулит богов наших, унижает царя и говорит дерзости князьям.

Тогда судьи присудили ее к смерти и снова наложили печать на ее выю, дабы по чьему-либо ухищрению не была умерщвлена другая женщина вместо нее. Уже намеревались в тот же день отвести ее на убиение. Но некоторые из судей советовали отсрочить смерть ее на непродолжительное время, говоря, что не следовало бы ее умерщвлять на том месте, так как там было много христиан и поэтому мог подняться мятеж и ропот ради ее смерти. По этой причине умерщвление мученицы Христовой было отложено, и судьи отдали святую опять старшему блюстителю над темницами; приняв мученицу, этот блюститель над темницами повелел связать ее и заключить в одном помещении с прочими темничными узниками.

После этого царь направился оттуда в город, называвшийся Вефармаис, и здесь остановился на некоторое время. Сюда же была приведена и святая мученица и заключена в темницу. В темнице мученица заболела весьма сильно, так что уже ожидала смерти; тогда мученица Христова начала молиться ко Господу со слезами, прося не дать ей умереть здесь, но сподобить ее венца мученического и кончины посреди страданий. Бог услышал молитву рабы Своей и даровал ей здравие.

Тогда один из стражей темничных, возбуждаемый диаволом к плотскому греху, стал просить своего начальника разрешить ему совершить блудодейственное поругание над узницею (святою девицею Сирою).

Получив разрешение от начальника стражей, язычник приступил к невесте Христовой, горя нечистою похотью. Но Господь, охраняющий рабу Свою, невидимо поразил у того стража очи, уши и язык, так что он стал слепым, глухим и немым, и, пав ниц на землю, начал издавать неистовый вопль.

Начальник стражей, увидя все это, вместо того, чтобы прийти в ужас, познать силу Божию и наказать стража того за дерзость, сам замыслил совершить беззаконие, горя страстью к святой девице.

Святая сказала ему:

— Я обручена Царю небесному, и Он не попустит осквернить девственницу и невесту Свою.

Но начальник стражей не слушал ее. Однако, когда он хотел бесстыдно приблизиться к девице, тотчас Ангел Божий поразил его, и он упал на землю как мертвый. Пришли слуги и унесли его оттуда; он не скоро пришел в себя, но и после такового наказания Божия, раб сатаны остался неисправимым. Преисполнившись ярости, он замыслил тотчас же погубить мученицу, ибо ему было приказано предать мученицу какому-либо роду смерти. Этот нечестивец не пожелал умертвить святую мечом, но замыслил удавить ее веревкой. Призвав кузнеца, он приказал ему снять с мученицы оковы железные.

Святая же девица сказала начальнику над стражами:

— Кузнец здесь не нужен.

Сказав эти слова, она сама сняла оковы с выи, рук и ног своих. И удивлялись все, смотревшие на это, однако не познали силы Божией.

Тогда начальник стражей темничных приказал опять связать руки мученицы Христовой, дабы она не оказала сопротивления во время казни. Но мученица снова сказала ему:

— Оставь суетные советы твои, ибо я сама по своей собственной воле отдам себя на смерть за Бога моего, так что даже не пошевелю рукою.

Тогда нечестивые обвязали шею мученицы веревкой и начали затягивать петлю. Когда святая была уже при смерти, они несколько ослабили веревку и сказали ей:

— Если отречешься от христианской веры, оставим тебя в живых.

Но мученица отвечала им:

— Делайте то, что вам приказано.

Они снова начали душить, но опять ослабили петлю и спросили:

— Хочешь ли отречься от Христа, дабы остаться в живых?

Но святая мученица, желая умереть за Христа, снова повелела им делать то, что приказано. Тогда мучители с силою потянули вервие с обеих сторон, пока не умертвили святую мученицу.

Так скончалась святая мученица девица Сира, пострадав за Христа, Господа своего[1].

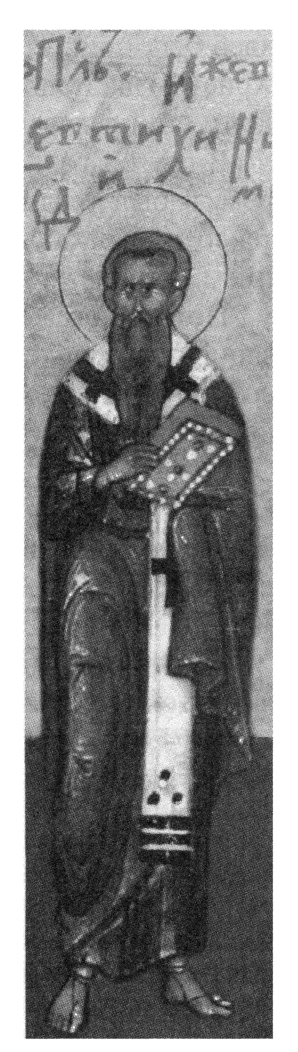
Честнóе тело ее мучители решили не предавать погребению, но отдать на съедение псам. Поэтому они взяли из темницы тело мученицы, отнесли его в дом, собрали сюда множество псов и, заперев ворота, бросили псам на съедение тело мученицы. Но псы не прикоснулись к нему, и ночью язычники выбросили из того дома тело мученицы. Христиане города того, узнав о страдальческой кончине мученицы Христовой, внимательно наблюдали за тем, что будут делать мучители. Когда тело мученицы Христовой было выброшено, христиане взяли его и похоронили с честью, славя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Коему воссылается и от нас честь и слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

---

[1] Кончина святой мученицы Сиры последовала в 558 году. Вскоре же после кончины святой мученицы Сиры начала страдальческий подвиг за исповедание имени Христова ее родственница, святая Мария (по-персидски Голиндуха); страдания ее начались при том же царе Хозрое I, но продолжались и при другом царе с именем Хозроя, — внуке первого, — именно, — при Хозрое II Парвезе (590–628 гг.). — Память святой Марии Голиндухи — 12 июля.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЕВТИХИЯ

Святой Евтихий происходил из города Севастополя[1]. Услыхав о благовестии имени Христова, он оставил своих родителей и друзей и пришел к возлюбленному ученику и апостолу Иоанну Богослову[2]; всюду следуя за ним и подражая его житию, святой Евтихий поучался от него премудрости Божественной и почерпал от него, как от источника, благодать Божию. Преисполнившись ревности апостольской, святой Евтихий мужественно искоренял обольщение бесовское. Встретив святого апостола Павла[3], Евтихий стал его спутником и много потрудился вместе с ним, проповедуя Евангелие и мужественно перенося все злоключения; поэтому этот святой Евтихий и считается учеником того и другого, — и евангелиста Иоанна Богослова и святого апостола Павла.



Этот Евтихий сопричислен также к числу меньших апостолов и именуется апостолом, хотя и не обретается в числе семидесяти апостолов; почтен же он наименованием апостола потому, что потрудился со старейшими апостолами, благовествуя имя Господа нашего Иисуса Христа, а также и потому, что этими старейшими апостолами был поставлен в епископа для служения слову (проповеди) и приношения жертвы, и, наконец, потому, что с проповедью имени Христова прошел многие страны, и притом не только вместе с прочими апостолами, но и один. Впрочем, он проповедовал Евангелие не один, так как всегда имел своим

[1] С именем *Севастополя* (или Севастии) известно в древности несколько городов; какой именно Севастополь разумеется в данном случае, — неизвестно.

[2] Память и житие его см. 26 сентября и 8 мая.

[3] Память его — 29 июня.

спутником Ангела Божия, который укреплял его и предсказывал ему обо всем, имевшем с ним случиться. Этот апостол Христов всюду переносил с терпением и заключение темничное, и побои, страдая мужественно за Господа своего.

Однажды, когда святой Евтихий был заключен в темницу и томим голодом долгое время, ему был послан с неба хлеб от Бога; этот хлеб был принесен невидимою рукою; вкусив этого хлеба, апостол Христов настолько укрепился, что вменял ни во что все мучения, коим его предавали.

В другой раз, когда он был повешен нагим на мучилищном дереве и был терзаем железными орудиями, от чистого тела его истекло с кровью благовонное миро и наполнило воздух благоуханием.

Потом, когда святой апостол был брошен в горящий костер, внезапно послышался гром с неба, затем нисшел большой дождь вместе со снегом (градом) и погасил огонь, а святой остался живым и невредимым и прославил Господа.

Святой отдан был также на съедение зверям, но они при виде сделались кроткими. Но что всего замечательнее: лев, выпущенный на него, говоря человеческим голосом, прославил во всеуслышание величие Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и весьма изумил и даже привел в ужас всех, смотревших на зрелище.

Но что удивительного? Тот, Кто мог в древности открыть уста Валаамовой ослице[1] (см.: Чис. 22, 28–31), так что она изрекла почеловечески, разве не мог открыть уста льва, чтобы он проглаголал человеческим языком, на обличение и постыжение нечестивых

---

[1] *Валаам*, сын Веоров, или Восоров, — пророк из города Пефора, при реке Евфрате, близ Харрана, в Месопотамии. О нем была такая молва, что кого он благословит, тот будет благословен, и кого проклянет, тот будет проклят (Чис. 22, 6). Когда израильтяне, после побед над царями амморейскими, отправившись далее, остановились на равнинах Моава, при Иордане, против Иерихона, тогда Валак, царь моавитский, и старейшины мадиамские, устрашенные победами израильтян, решили призвать к себе Валаама, чтобы он проклял израильтян. Трижды Валак назначал место для этого на разных высотах (языческих капищах), и трижды вразумленный Богом Валаам вместо проклятия произносил благословения, которые заключил славным пророчеством о Мессии. Ослица Валаамова препятствовала ему идти на дурное дело — проклятие израильтян, а когда он начал ее бить, понукая идти, она провещала ему человеческим голосом. Это событие и имеется в виду в житии (ср.: Чис. 22 и 23).

и на прославление всемогущей силы Своей? Один и Тот же Господь присутствовал и чудодействовал и здесь, и там.

Что касается того, как святой апостол Евтихий окончил свой подвиг, то известно, что он был приведен связанным из Ефеса в свое отечество Севастополь и здесь скончался. Служба же, положенная ему в Минее, упоминает о роде смерти его, именно: он был усечен мечом во святую главу, которую Боги и увенчал благолепным венцом победы[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ТАТИОНА

Этот святой мученик был родом из Мантинея, находившегося в Клавдиопольской митрополии и Гонориадской епархии[2]. Схваченный язычниками за то, что веровал во Христа, он приведен был в город Клавдиополь[3] к правителю города Урбану и на допросе объявил себя христианином, за что и заключен был в темницу. После этого он был подвергнут вторичному допросу, и так как неизменно пребывал в Христовой вере, то его сперва избили палками, а потом стали строгать по телу железными орудиями, после чего снова избили и стали влачить по городу. Достигши городских ворот, святой мученик оградил себя знамением креста и в это время услышал свыше голос, который благовествовал ему будущие блага, после чего предал дух свой Господу[4].

---

[1] Кончина святого апостола Евтихия последовала в конце I века или в начале II века.

[2] *Мантиней* и *Клавдиополь* находились в Гонориадской области северо-западной малоазийской римской провинции Вифинии. Митрополиями у греков назывались главные города провинций, а епархиями — города провинциальных областей. Мантиней в административном отношении находился под властью Клавдиопольского игемона и Гонориадского епарха.

[3] *Город Клавдиополь*, носивший раньше название Вифиния, находился в малоазийской провинции Вифинии близ верховьев реки Биллея.

[4] Так как мучителем святого Татиона был префект Урбан, то мученическую кончину его относят ко времени Диоклетиана, именно к 305 году. Император Василий в своем месяцеслове называет его Татианом.

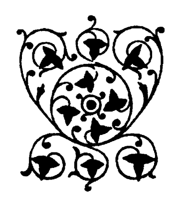
В тот же день **память святого Георгия Лимнеота**, исповедника, подвизавшегося при императоре иконоборце Льве III Исавре (717–741 гг.).

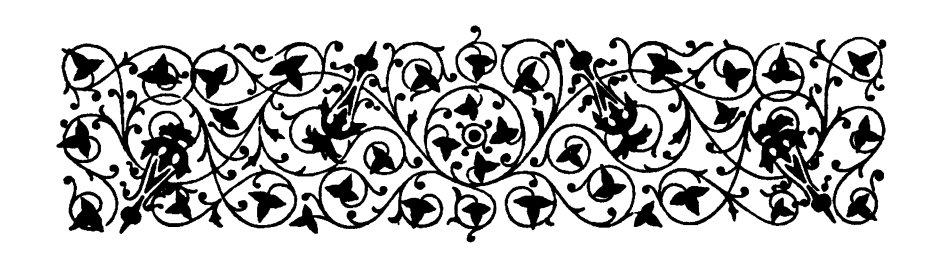
ꙮ·ꙮ·ꙮ

В тот же день **память преподобного Арсения Комельского**, вологодского чудотворца, скончавшегося в 1550 году.

ꙮ·ꙮ·ꙮ

В тот же день **перенесение мощей святого Петра митрополита**, всея России чудотворца (в 1479 г.).





День двадцать пятый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ТИТА

Святой апостол Тит был родом из Крита и происходил от родителей, хотя и благородных (ибо они вели свое родство от Мироя, царя Критского), но не правоверных — язычников, придерживавшихся идолопоклоннического нечестия. Тит и сам первоначально служил тому же нечестию и выказал в юных годах большую ревность в изучении наук еллинских: он с усердием изучал сочинения древних философов и стихотворцев, как, например, Гомера и прочих. Несмотря на это, Тит проводил жизнь незлобивую и целомудренную; хотя он и не знал Бога истинного, однако соблюдал в непорочности девственную чистоту тела своего, как впоследствии свидетельствовал о нем святой Игнатий Богоносец[1] в своем послании к филадельфийцам, называя Тита девственником; Того Самого Бога, Коего Тит не знал верою, он чтил добрыми делами своими, и был Ему угоден.

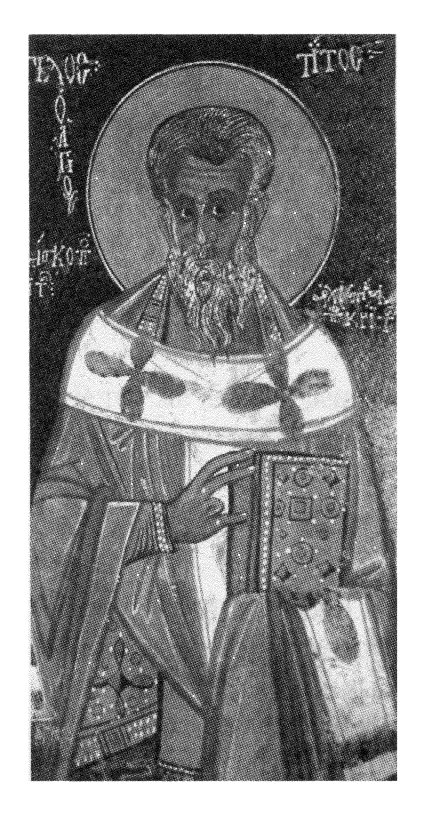
Когда Титу исполнилось двадцать лет от рождения, он услышал голос, нисходивший к нему с неба и говоривший:

— Тит! Тебе следует уйти отсюда и спасти твою душу, ибо учение еллинское не ведет ко спасению.

После того, как Тит услышал этот голос, он восхотел слышать его и во второй раз; ибо он знал, что иногда бывают гласы и внушения от идолов. Теперь Тит уже не хотел веровать в идолов, так как начал познавать обольщение бесовское (коему поддаются все, поклоняю-

---

[1] Память его — 29 января и 20 декабря.



щиеся идолам); и прожил там еще один год.

Потом было ему во сне повеление от Бога — прочесть еврейские книги; и после того сонного видения Тит начал искать книги еврейские. Найдя книгу святого пророка Исаии[1], Тит раскрыл ее и остановился на главе сорок первой, которая начинается так: *обновляйтеся ко Мне, острови* (слав. Ис. 41, 1). Читая главу эту, Тит встретил в ней некоторые слова, которые, как ему казалось, Сам Бог изрекал сердцу его, именно: *ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя: не бойся, ибо Я с тобою*; не прельщайся, *ибо Я Бог твой* (Ис. 41, 9–10). И еще: *Я Господь, Бог твой; держу тебя за правую руку твою, говорю Тебе: «не бойся, Я помогаю Тебе»* (Ис. 41, 13). В конце же главы прочитал об идольском обольщении, — именно: *от кумир их несть возвещáяй, и аще вопрошý их: откýду естé? не отвечают Ми. Суть бо творящии вас и всуе прельщающии вас* (слав. Ис. 41, 28–29).

Эти и другие слова книги пророческой были для Тита как бы ключом, открывшим двери ума его к познанию единого истинного Бога и вместе с тем к уразумению идольского обольщения и заблуждения языческого; и того времени Тит воспламенился сердцем к Богу, Коего почитали евреи.

В это время на острове Крите (где проживал Тит) распространился слух о Христе — Боге, явившемся во плоти, проживавшем среди людей в Иерусалиме и совершавшем дивные и несказанные чудеса; ибо слава о Нем проходила по всем концам земли. Ан-

[1] *Исаия* — величайший из ветхозаветных пророков; происходил из царского рода, жил и пророчествовал в Иерусалиме, во времена царей Иудейских: Озии, Иоафама, Ахаза и Езекии. Пророчества Исаии, относящиеся к Иисусу Христу, настолько ясны и определенны, что пророка Исаию называют «ветхозаветным евангелистом». — Память его — 9 мая.

фипат[1] Крита, приходившийся Титу дядей по матери, посоветовавшись с именитыми мужами, послал в Иерусалим своего племянника, этого благоразумного и любознательного Тита с тем, чтобы он хорошенько выслушал и уразумел то, что говорилось из уст Христовых, и побеседовал с Ним; таким образом, Тит мог возвестить самым подробным образом своим соотечественникам все то, что сам узнал бы о Христе.

Тит отправился в Иерусалим; увидав Владыку Христа, он поклонился Ему и следовал за Ним и учениками Его, смешиваясь с народом, во множестве ходившем за Господом; таким образом Тит был самовидцем многих чудес, совершенных Христом, и видел спасительное страдание Господа, уверился также и в воскресении Его. После же Вознесения Господня, когда Дух Святой сошел на апостолов в виде языков огненных, так что апостолы начали говорить на разных языках, Тит слышал беседу апостолов, говоривших и по-критски, и весьма изумлялся, как об этом написано и в книге Деяний апостольских: *пришельцы критяне* (среди них был и Тит) *и аравитяне,* удивляясь, друг другу говорили: *слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих* (Деян. 2, 10–11). Впоследствии Тит пересказал обо всем этом в отечестве своем Крите.

Блаженный Тит принял участие и в служении апостольском; когда дверь веры была открыта и для язычников (см.: Деян. 14, 27) и были крещены сотник Корнилий, а потом и прочие еллины, тогда и Тит, происходя от язычников необрезанных, принял крещение от святого апостола Павла, ранее называвшегося Савлом. Хотя Тит и уверовал во Христа, но, пока не крестился, апостолы не принимали его в первенствующую церковь, так как вообще не принимали необрезанных; Тит же не хотел исполнять ветхозаветного обряда обрезания; однако иудеи, уверовавшие во Христа, требовали первоначально от всех язычников исполнения этого обряда, говоря, что без обрезания никто не может получить спасения, как об этом написано и в книге Деяний апостольских: некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: *если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись* (см.: Деян. 15, 1). Таковые роптали и на святого первоверховного апостола Петра за крещение сотника Корнилия и вступили в спор с ним (апостолом Петром), говоря ему, что он пошел в дом му-

---

[1] То есть правитель.

жей необрезанных и ел с ними. Когда же святые апостолы на соборе рассмотрели этот вопрос, то постановили не принуждать язычников обрезываться; тогда и Тит блаженный пришел ко крещению, так как никто не принуждал его к обрезанию, о чем упоминает и апостол Павел в послании к Галатам, говоря: *но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться* (Гал. 2, 3).

После крещения Тит был уполномочен прочими главными апостолами к служению апостольскому и сопричтен к числу семидесяти меньших апостолов; Тит послан был вместе с апостолом Павлом на проповедь слова Божия к язычникам; и Тит постоянно следовал за Павлом святым, и не только как ученик за учителем, но и как сын, следующий за возлюбленным отцом. Ибо Павел называет его своим сыном, как это можно видеть из послания его к Титу: *Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость* (Тит. 1, 4). Ходил же святой Тит иногда вместе с апостолом Павлом, иногда же был посылаем им проповедовать самостоятельно; так, например, он был послан Павлом в Далмацию, о чем упоминает Павел в послании к Тимофею, говоря: *Тит в Далматию* (2 Тим. 4, 10), то есть был послан мною на проповедь Евангелия в города далматские. Иногда святой апостол Павел посылал Тита со своими апостольскими посланиями, как, например, к Коринфянам, коим он говорит: *я упросил Тита и послал с ним одного из братьев* (2 Кор. 12, 18). Говорит еще: *мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил* (2 Кор. 8, 6). И еще: *благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам* (2 Кор. 8, 16). Несомненно, Павел питал к Титу великую любовь духовную о Христе, так как он называет его то сыном, то братом своим, а когда он замедлил где-то в удалении от Павла, то этот последний скорбел о нем, говоря о себе: *придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита* (2 Кор. 2, 12–13). И насколько великий апостол скорбел без Тита, настолько утешался его присутствием, ибо говорит: *Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита* (2 Кор. 7, 6). И еще говорит: *обрадованы мы радостью Тита* (2 Кор. 7, 13).

Проходя по многим странам с благовестием имени Христова, святые апостолы пришли в Крит, отечество Тита. Анфипатом же тогда в Крите был Рустил, муж сестры Тита; услыхав проповедь апо-

стольскую о Христе Боге, он первоначально посмеялся ей; но когда умерший его сын воскрешен был апостолом Павлом, то Рустил уверовал во Христа и принял святое крещение со всем домом своим; вместе с тем приняли святую веру и крещение и многие из числа прочих неверных, обитавших на острове том. Святой же Павел поставил блаженного Тита епископом острова Крита и прочих близлежащих островов и, поручив ему новопросвещенных христиан, оставил его там; сам же отравился в другие страны проповедовать имя Христово язычникам. Придя в Никополь, святой Павел написал послание Титу, в коем поучал его благому управлению (паствой): *для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал* (Тит. 1, 5). Объясняя эти слова апостольские, святой Златоуст говорит:

— Тит был более искусным из числа всех, бывших с Павлом; ибо, если бы он не был искусным, Павел не поручил бы ему всего острова, не повелел бы окончить недоконченное, не подчинил бы суду его епископов, если бы не надеялся на этого мужа (Тита).

Когда Павел задержался в Никополе, то снова призывал к себе Тита, говоря в своем послании к нему: *когда пришлю к тебе Артему или Тихика, поспеши придти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму* (Тит. 3, 12). И пришел к нему святой Тит в Никополь; побыв вместе с ним непродолжительное время, Тит снова был послан им в Крит.

После этого святой Павел был взят в Иерусалиме, заключен в оковы и послан в Рим. Тит, услыхав обо всем этом, пошел в Рим, дабы видеть страдальческий подвиг своего учителя. Тит пробыл в Риме до кончины святого апостола Павла; по усечении честнóй главы апостола (что было сделано по приказанию Нерона[1]) Тит предал погребению честное тело апостола и снова возвратился к своей пастве, в Крит; престол святительства своего Тит имел в одном из лучших критских городов, называвшемся Гортиной; Тит трудился непрестанно, обращая ко Христу еллинов от заблуждения их, поучая их и утверждая веру их чудесами.

Следует заметить, что на острове том был идол почитаемой язычниками богини Дианы[2]; на поклонение этому идолу приходило

---

[1] *Император Нерон* царствовал с 54 по 68 год.

[2] *Диана* считалась у древних греков богинею охоты и вообще покровительницею природы.

много еллинов, которые приносили также и жертвы. Однажды святой Тит пришел на то место собрания нечестивых и начал говорить им слово Божие, увещевая их обратиться к истинному Богу, познав обольщение идольское. Но так как народ не слушал слов его, то святой Тит помолился Богу, и тотчас идол тот упал и рассыпался в прах. Тогда все, бывшие там, пришли в ужас, и уверовало во Христа в день тот пятьсот человек. Точно так же, когда, по приказанию императора римского, на острове Крите строился большой храм идольский в честь мерзкого бога Зевса[1], — и уже заканчивался постройкой, — апостол Христов Тит, проходя мимо того места, помолился Богу истинному, и внезапно храм тот упал и разрушился до основания. Видя такое чудо, многие еллины обратились ко Христу и построили прекрасную церковь во имя Господа Иисуса Христа, Бога истинного.

Просветив остров Крит и окрестные страны светом веры святой, апостол Тит достиг глубокой старости; он преставился ко Господу, имея от роду девяносто четыре года. При кончине его пришли с неба Ангелы, дабы взять душу его; и просветилось лицо его, как солнце. Ибо чья жизнь была светом миру, того и смерть была почтена осиянием света от Господа нашего Иисуса Христа[2].

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЧЕСТНЫ́Х МОЩЕЙ СВЯТОГО АПОСТОЛА

ВАРФОЛОМЕЯ

После страдальческой кончины святого апостола Варфоломея[3], которую он восприял за Христа от нечестивых в армянском го-

[1] *Зевс* считался у греков главным божеством — родоначальником всех прочих людей и богов.

[2] Честны́е мощи святого апостола Тита почивали в кафедральной церкви в Гортине. После опустошения острова сарацинами в 823 году от мощей его осталась здесь одна глава, которая и была принесена в Венецию в храм святого Марка. Но, по другим известиям, глава апостола хранится в самом острове Крите, в храме его имени.

[3] Память святого апостола Варфоломея празднуется 11 июня (под этим числом читайте и житие).

роде Албане[1], верные приняли честное тело святого апостола и положили его в том же городе в оловянном ковчеге; и начали совершаться чудеса от мощей апостола, ибо болящим подавалось от них исцеление; по этой причине многие из неверных обращались ко Христу. Слуги же диавола, жрецы нечестивые и жестокие, услыхав о тех чудесах и даже видя их очами своими, не только не познавали силы Божией, но ожесточались в сердцах своих и возненавидели честны́е мощи апостола. Дойдя до крайней степени вражды и ярости, эти слуги диавола взяли упомянутый оловянный ковчег с мощами и бросили его в море, намереваясь потопить его во глубине морской[2]. Кроме того, эти нечестивцы бросили в море и еще четыре ковчега с мощами других святых мучеников, и именно, как полагают: Папиана, Лукиана, Григория и Акакия. Но вместо того, чтобы потонуть в пучине морской, эти ковчеги плавали наподобие лодок по поверхности моря, нося в себе бесценные сокровища. Ковчег апостола Варфоломея, хотя и был оловянным, но не потонул в воде; напротив, сверх природы оказался чрезвычайно легким и носился по морю посреди прочих ковчегов мученических, как корабль, управляемый Богом Всесильным; ибо два ковчега находились по правую сторону его и два по левую, ради чести апостольской.

Плавая чудесным образом по морю, упомянутые ковчеги приплыли к Босфору Фракийскому в Пропонтиде, затем проплыли через Геллеспонтский пролив, переплыли через моря Эгейское и Ионийское и достигли до Сицилии; оставив Сиракузы по левую сторону, направились к западу и приплыли к острову Липаре. Здесь ковчег апостолов пристал к берегу; ковчеги же прочих святых мучеников, проводив апостола до Липары, оставили его здесь и разделились, направившись каждый, по Божественному изволению, в свою сторону. Папианов ковчег поплыл в Сицилию, Лукианов — в Мессинию, Григориев — в Калабрию, Акакиев — в город Аскалус; обо всем этом было откровение от Бога епископу острова Липары Агафону.

Этот епископ пришел с клиром и народом на берег морской и, найдя здесь ковчег с мощами апостола, преисполнился радости вместе с прочими и сказал:

---

[1] Ныне *Баку*.

[2] Означенное событие произошло в конце VI века.

— Откуда пришло к тебе, о Липара, такое бесценное богатство; поистине ты ныне возвеличился и прославился; ликуй и радуйся, принимая руками своими посетившего тебя этого великого твоего заступника и ходатая к Богу и воскликни к нему: благо пришел ты к нам, апостол Господень!

Все удивлялись тому, каким образом оловянный ковчег с мощами святого апостола не только не потонул в воде, но оказался легче ладьи и переплыл столь далекий путь морской, руководимый, очевидно, не силою человеческою, но силою Божиею. И прославляли все величие Божие.

Затем, взяв святой ковчег с мощами апостола, понесли его с пением псалмов тожественно в церковь; и истекло миро от святых мощей апостола; этим миром подавалось врачевание болезням неисцельным.

Эти честны́е мощи апостола Христова находились на том острове долгое время, даже до времен царствования Феофила иконоборца[1]. В царствование же этого Феофила, по попущению Божию за грехи людские, агаряне взяли в плен остров Липару. Правитель города Беневента князь Сикард, давно уже слышавший о чудесах апостола Христова, воспламенился горячею верою к святому; поэтому, позвав из города Амалфии моряков и обещав вознаградить их в достаточной степени, он уговорил их отплыть на корабле на остров Липару и оттуда привезти к нему мощи святого апостола Варфоломея, как некое драгоценное сокровище. Эти мужи отплыли на корабле, приплыли к острову Липаре, взяли оттуда столь желанное сокровище духовное и возвратились к своим. И лишь только князь Сикард услышал о приближающихся к нему мощах святого, вышел с епископом и многими людьми на кораблях в море для встречи; честны́е мощи апостола Христова были приняты с радостью; потом их внесли с честью в город Беневент и положили в Великой церкви, торжественно отпраздновав это событие. С того времени было установлено празднество в честь перенесения честны́х мощей святого апостола Варфоломея 25 августа. От этих честны́х мощей подавались одержимым различными болезнями исцеления, по молитвам апостола Варфоломея и по благодати Господа нашего Иисуса Христа[2].

---

[1] *Император Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

[2] Честны́е мощи святого апостола Варфоломея были перенесены из Липары в город Беневент около 839 года.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ ИСПОВЕДНИКОВ ХРИСТОВЫХ,

пострадавших в Едессе от ариан

После многих гонений на христиан, поднятых нечестивыми идолопоклонническими царями и мучителями, Церковь Христова получила свободу во дни великого царя Константина[1] и начала процветать в мире и тишине; однако на нее было воздвигнуто новое гонение по действу диавола, но уже не от идолопоклонников, а от христиан зловерных, уклонившихся в еретичество. По кончине императора Константина богохульная ересь Ариева[2] весьма усилилась, сначала в царствование Констанция[3], сына Константинова, а потом в царствование Валента[4]; ибо тот и другой придерживались ереси Ариевой и каждый, в свое царствование, весьма притеснял Церковь Христову.

В царствование Валента, когда правоверные архиереи изгонялись с престолов своих, а на их места поставлялись еретики, в городе Едессе был епископом Варсис — муж правоверный и святой, имевший дар исцелять всякие болезни в людях; Варсис с усердием противостал ереси Ариевой. Злочестивый царь Валент, не терпя этого святого мужа, изгнал его с престола и послал в заточение, первоначально на остров Арад; но услыхав, что там ко святому епископу Варсису приходят многие из народа и слушают его правоверное учение, Валент переслал его оттуда в Оксиринф, город египетский. Но когда святой прославился и здесь чудесами и учительством своим, то Валент снова переслал его в еще более отдаленный город, по имени Фенон, находившийся близ обитания варваров; здесь и скончался святитель и исповедник Христов блаженною кончиною; оставшийся же после него одр (постель) на острове Араде подавал исце-

---

[1] *Император Константин* управлял восточной половиной Римской империи с 324 по 337 год, западной — с 306 по 337 год.

[2] Родоначальником арианской ереси был пресвитер Александрийский Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Богом Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним божественных совершенств — всемогущества, всеведения и прочее. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на I (325 г.) и II (381 г.) Вселенских соборах.

[3] *Император Констанций* царствовал с 337 по 361 год.

[4] *Император Валентин* царствовал с 364 по 378 год.

ление недугам; все, страдавшие какими бы то ни было болезнями, возлегая на тот одр, становились здоровыми и освобождались от духов нечистых.

Изгнав этого святого архиерея с престола Церкви Едесской, нечестивый царь возвел вместе него волка, — именем и нравом; ибо того суетного архиерея звали Лупусом, что значит «волк»[1]. И таким образом вместо истинного пастыря в стадо Христово вошел волк хищный в овчей одежде архиерейства.

Правоверный же народ едесский не хотел вступать в общение с тем лжепастырем, еретиком, как *мерзость запустения* (Мф. 24, 15) настоятельствовавшем на месте святом, — в церкви; поэтому правоверные граждане города того выходили из города в поле, собирались на открытом месте и совершали здесь служение Богу, как в храме; ибо ни один храм не был отдан в распоряжение правоверных, но все храмы были затворены для них и всеми славнейшими храмами завладели ариане, согласно приказанию царскому.

Случилось однажды, что сам царь, направляясь из Антиохии, пришел в Едессу; узнав, что правоверные (христиане) гнушаются нечестия Арианского и не хотят иметь общения с упомянутым епископом, но бегут от него и собираются вне города для молитвы, — царь разгневался на епарха Едесского, по имени Модеста, за то, что он позволял народу поступать так, и ударил по ланите епарха; потом приказал ему приготовить вооруженных воинов; затем повелел епарху, выведя этих воинов на место молитвенного собрания народного, посечь и предать смерти христиан и разогнать их.

Епарх, хотя и получил внушение от царя, но, щадя неповинный народ, известил тайно правоверных, чтобы они на другой день не выходили из города и не собирались на обычную молитву и служение, так как царь, по гневу своему, приказал вывести на христиан вооруженных воинов, чтобы их умертвить. Правоверные же, услыхав об этом, вместо того, чтобы убояться, преисполнились еще большей ревности и, встав рано утром, вышли за город вместе с женами и детьми своими; христиане направились к обычному месту собрания своего, намереваясь положить там за Христа души свои. Епарх же, исполняя приказание царское, утром следующего дня отправился с вооруженными воинами к тому месту, выступив как бы на

[1] Лат. *lupus — волк.*

войну. И когда он был у ворот городских, то увидал некую женщину, вышедшую из дома своего, не затворившую за собою дверей, одевшуюся наскоро (не принарядившуюся), несшую с собою малого отрока; женщина та плакала и старалась обогнать его воинов, направляясь за город. Епарх приказал взять ее и привести к себе. Остановившись на дороге, епарх начал допрос, сказав:

— Несчастная женщина! Куда ты спешишь в столь ранний час и почему ты так торопишься?

Женщина отвечала:

— Я спешу на поле, где собираются христиане.

Епарх отвечал:

— Разве ты не слыхала, что епарх намеревается прийти туда с воинами и побить всех, кого он найдет там?

Женщина отвечала:

— Да, я слышала об этом; потому-то я и тороплюсь, дабы вместе с ними (христианами) умереть ради имени Христова.

Епарх снова спросил:

— Для чего же ты взяла с собой этого отрока?

Женщина отвечала на это:

— Я хочу, чтобы и отрок этот вместе со мною сподобился венца мученического.

Услыхав об этом, епарх изумился такой ревности христиан и готовности их умереть за веру и приказал воинам возвратиться обратно; затем пошел к царю и сказал ему:

— Если прикажешь мне умереть, — я готов; но я не могу исполнить приказания, данного тобою мне.

Потом епарх рассказал царю о женщине с ребенком, сказав о том, с каким усердием она спешила за город в поле, дабы сподобиться смерти мученической, чего желала она и для себя, и для ребенка; затем епарх возвестил царю и о готовности всего народа принять смерть, ибо все христиане с женами и детьми были готовы умереть за исповедание веры своей во Христа.

— И невозможно, — прибавил епарх, — принудить народ едесский к общению в вере с епископом, если бы даже и всех граждан предать смерти; но какая может быть польза от этого? Ибо они за свой мужественный страдальческий подвиг прославятся среди всех христиан, на нашу же долю останется стыд и вечное посмеяние.

Говоря так, епарх отклонил царя от избиения народа: царь приказал не притеснять народ, повелев брать на истязание лишь иереев, диаконов и прочих клириков, не желавших иметь общения с епископом арианским.

После этого епарх позвал к себе весь духовный чин едесский, содержавший правоверие, начал с кротостью увещевать всех повиноваться приказанию царскому и предлагал войти в общение с епископом, именуемым Лупусом. Епарх сказал при этом:

— Верхом безумия является то, что вы, представляя из себя небольшое число людей, не слушаете приказания царского и противитесь ему, в то время как он владеет многими странами.

Когда епарх говорил это, все молчали. Потом епарх, обратившись к старейшему пресвитеру, по имени Евлогию, находившемуся уже в летах преклонных, спросил его:

— Почему ты не отвечаешь мне?

Евлогий ответил:

— Я не отвечаю тебе потому, что ты говоришь всем сообща; по этой причине я не хочу предварять ответом своим всех прочих. Но если ты спросишь только меня одного о чем-либо, тогда я тебе отвечу.

Епарх спросил:

— Почему ты не причащаешься с царем?

Блаженный же Евлогий, осмеивая вопрос еретика, ответил:

— Разве царь принял сан пресвитерства, чтобы мне причащаться вместе с ним?

Епарх, преисполнившись гнева, укорил святого старца и сказал:

— О безумный! Почему ты чуждаешься веры царевой и не входишь в общение с теми, кто входит в общение с царем?

Тогда все, вместе со святым старцем Евлогием, исповедали свою веру православную во Христа, Бога истинного, соестественного и соприсносущного Отцу, и выразили готовность положить души свои за это исповедание.

После этого епарх по повелению царскому взял восемьдесят мужей духовного чина; заключил их в оковы и послал на заточение во Фракию.

И когда эти исповедники Христовы были отводимы во изгнание, отовсюду из городов и селений навстречу им выходил народ, оказы-

вал им почести и снабжал их всем необходимым. Узнав об этом, еретики послали в скором времени сообщить царю, сказав, что вместо бесчестия изгоняемым оказывается великая честь.

Тогда царь приказал разделить упомянутых христиан по двое и велел послать всех в разные страны: кого во Фракию, кого в Аравию, кого в Египет, и в прочие страны. Блаженный же старец Евлогий, а вместе с ним и другой честный пресвитер, по имени Протоген, были отведены в фиваидский город Антиной, где христиан было немного, еллинов же, поклонявшихся идолам, было бесчисленное множество. Здесь святые пребыли немалое время, исцеляли различные болезни в людях призыванием имени Иисуса Христа и обратили к вере христианской многих язычников, сподобив их святого крещения.

Когда нечестивый царь Валент погиб и скипетр Восточного царства принял благочестивый Феодосий, ересь арианская была посрамлена и стихла, и сила и власть еретиков, преследовавших Церковь Христову, изнемогла; исповедники Христовы, бывшие в изгнании (те из них, кто еще не отошел ко Господу, но оказался в живых), получили свободу и возвратились каждый в отечество свое: архиереи православные снова получили свои престолы. Тогда и упомянутые два святых пресвитера — Евлогий и Протоген возвратились из заточения в Едессу; а христиане правоверные отняли у ариан свои церкви; так как святой Варсис уже отошел ко Господу во изгнании, то Евлогий был поставлен епископом городу Едессе; Протоген же был поставлен епископом в месопотамский город Каррию. Эти святые Евлогий и Протоген украшали оба Церковь Христову словом и житием до дня кончины своей[1]. Мы же о всех тех славим Христа Бога, Спасителя нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

[1] Кончина святых исповедников Христовых Евлогия и Протогена последовала во второй половине IV века.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
МИНЫ,
патриарха Константинопольского

В царствование Юстиниана[1] святой Мина был пресвитером и питателем странников в страноприимнице святого Сампсона[2]. После того как патриарх Анфим[3] был низложен с престола за еретическое мудрствование, святой Мина, как муж правоверный, проводивший святую жизнь и достойный поэтому высокого сана был возведен на патриаршество святым Агапитом[4], папой Римским, пришедшим в то время в Константинополь.

Во время патриаршества святого Мины в городе Константинополе случилось такое чудо.

Некий отрок еврейский вошел вместе с детьми христианскими в храм, во время причащения пречистых Таин Тела и Крови Христовых; этот отрок, приступив к Тайнам вместе с прочими детьми, принял причащение. Когда отрок пришел домой, отец спросил его, где он был и почему запоздал? Он же, как дитя, рассказал ему всю правду, сказал, что был в храме христианском и принял причащение христианское. Услышав об этом, отец еврей весьма разгневался и, бросил его в разожженную печь, при помощи которой выделывал стекло (так как был делателем стекла); но жене своей не сказал ничего.

Между тем мать с плачем искала всюду своего сына и звала его по имени; на третий день поисков она подошла к разожженной печи, и ребенок откликнулся на зов ее; тогда она с большим трудом извлекла его оттуда и спросила:

— Каким образом и почему ты, находясь в таком огне, не сгорел и все еще жив?

Отрок же рассказал ей следующее:

— Ко мне часто приходила некая Жена пресветлая, охлаждала огонь и давала мне воду; Она и пищу приносила мне, когда я был голоден.

---

[1] Имеется в виду император *Юстиниан I*, царствовавший с 527 по 565 год.

[2] Память его празднуется святой Церковью 27 июня.

[3] *Анфим I* царствовал с 535 по 536 год.

[4] *Агапит I* занимал папский престол с 535 по 536 год.

В скором времени весть об этом чуде прошла по всему городу; об этом чуде уведал царь Юстиниан и святой патриарх Мина. После этого, упомянутого отрока крестили вместе с матерью, отца же того отрока, пришедшего в ожесточение и не пожелавшего креститься, царь предал суду, как детоубийцу, и приказал казнить.

Святой Мина пас Церковь Христову шестнадцать лет и потом преставился ко Господу[1].

[1] Святой Мина патриаршествовал с 536 по 552 год.

Д е н ь   д в а д ц а т ь   ш е с т о й

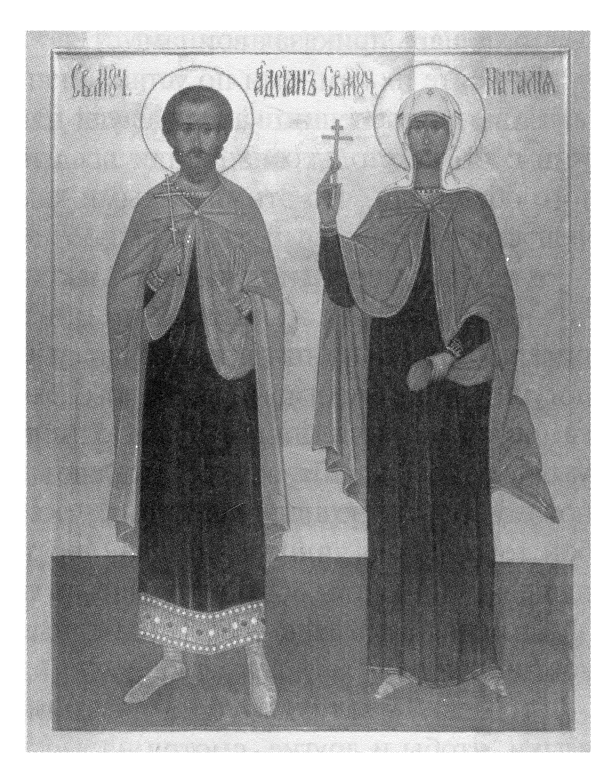
СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АДРИАНА и НАТАЛИИ

Великий гонитель Церкви Христовой нечестивый царь Максимиан, преследуя и умерщвляя повсюду множество христиан, прибыл в город Никомидию. Войдя в идольское капище, царь совершил поклонение скверным своим богам, пав ниц пред идолами на землю, и, при участии всех жителей города, принес мерзостные жертвы. Вслед за тем он приказал отыскивать христиан и предавать их на мучения. Особенными наказаниями угрожал царь тем, кто вздумал бы скрывать христиан. Напротив, тем, кто, узнав, где скрывается христианин, донесет о нем, или же, найдя такового, сам представит на суд, царь обещал награды и почести. Поэтому стали выдавать друг друга на смерть: сосед — соседа, ближний — ближнего своего; кто из-за боязни грозного повеления царя, кто из-за наград.

Некоторые из нечестивых донесли военачальнику своему о том, что в одной пещере скрываются христиане и поют в ней всю ночь и молятся Богу своему. Немедленно были отправлены воины, которые пришли в пещеру и захватили всех бывших в ней христиан, числом двадцать три человека. Сковав железными цепями, отправили их в город для представления царю.

В то время царь проезжал на колеснице в идольское капище для принесения жертв. Встретив его на пути, воины, ведшие связанных христиан, закричали ему:

— Царь! Вот — противники твоему повелению и хулители наших великих богов.



Повелев остановить колесницу и подозвав к себе поближе тех узников, царь спросил их, откуда они.

— Мы родились в этой стране, а по вере мы — христиане, — ответили они.

— Разве вы не слыхали, — продолжал царь, — какие мучения ожидают тех, кто именует себя христианами?

— Слышали мы, — отвечали святые, — и смеялись над безумием твоим и над самим сатаною, действующим в сынах, не верующих в Бога, над коими ты — начальник!

Разгневанный царь воскликнул:

— О окаянные! Как осмеливаетесь вы называть меня безумцем и смеяться надо мною? Клянусь великими богами, что я в лютейших мучениях сотру ваши тела!

— Растяните их и бейте палками без всякой пощады, — приказал он воинам, — и мы посмотрим тогда, придет ли их Бог к ним на помощь и освободит ли их из рук моих?

И мученики жестоко были биты воинами. Когда били мучеников, они говорили царю:

— Враг Божий! Поставь над нами еще хоть троих мучителей; сколько бы ты их ни звал и каких бы мук ни выдумывал, знай, что этим ты только приумножишь нам венцы.

— О несчастнейшие из людей! — воскликнул царь. — Я сниму с вас ваши головы, и вы ли ожидаете венцов на них? Отвергните суетную веру свою и не губите себя в безумии.

Мученики отвечали:

— Тебя погубит Бог за то, что ты неповинно мучаешь Его рабов, не сотворивших никакого зла!

Тогда царь приказал воинам:

— Бейте их камнями по устам!

Схватив поспешно камни, слуги начали ими бить мучеников по устам, но не столько наносили вред им, сколько себе, так как до того обезумели, что этими самыми камнями сокрушали друг другу челюсти.

А святые говорили мучителю Максимиану:

— Беззаконник и богоненавистник! Ты без милости бьешь нас, ни в чем не повинных пред тобою, убьет же и тебя Ангел Божий и погубит весь нечестивый твой дом. Ты не можешь насытиться муками, коими мучаешь нас в продолжение стольких часов и с такою жестокостью, а тебя самого ожидают несравненно бóльшие муки; потому что ты не подумал о том, что мы имеем одинаковое с тобой тело, с тою лишь разницею, что твое — скверно и нечисто, а наше — очищено и освящено святым крещением.

Разгневанный еще более такими словами, мучитель Максимиан воскликнул:

— Клянусь великими богами, что я повелю отрезать у вас ваши языки, чтобы и другие, смотря на вас, научились не противоречить господам своим!

Мученики Христовы отвечали:

— Послушай, нечестивый мучитель! Если ты ненавидишь и мучаешь тех рабов, которые противятся своим земным господам, то зачем же ты принуждаешь нас противиться Господу Богу нашему? Или ты хочешь, чтобы и нас постигли те же муки, которые уготованы тебе?

— И какие, — спросил мучитель, — говорите вы, муки уготованы мне?

— Те, что уготовал Бог диаволу и ангелам его, — отвечали святые, — уготовал Он и вам, сосудам диавола. А это — неугасимый огонь, червь неусыпающий, непрестанное мучение, вечная казнь, адская погибель, тьма кромешная, ледяной тартар, где плач и скрежет зубов, и многие другие неисчислимые муки.

— Клянусь, отрежу у вас языки! — воскликнул мучитель.

— Безумец! — отвечали святые, — если ты отрежешь у нас те органы, коими прославляем мы Бога, то наши воздыхания еще легче дойдут до Него и наши сердца еще сильнее возопиют к Нему, а из-

ливаемая тобою наша кровь, как труба, возвысит свой голос к Владыке о том, что мы страдаем неповинно.

Услыхав такой ответ святых, нечестивый царь повелел заковать их в железные цепи и посадить в темницу, а имена и речи их записать в судебные книги.

Когда святых ввели в судебную палату, чтобы записать имена их, один из начальников оной, муж знатный, по имени Адриан, державшийся еллинского нечестия, будучи свидетелем терпеливого и мужественного страдания оных мучеников, приступив к ним, спросил их:

— Заклинаю вас Богом вашим, Коего ради вы так страдаете, — скажите мне по совести, какую награду ожидаете вы от Бога вашего за такие мучения? Думаю я, что вы надеетесь получить от Него нечто великое и чудное.

Святые мученики отвечали ему:

— Мы своими устами не можем выразить тебе, и ты слухом своим не можешь вместить, ни умом постигнуть тех радостей и преславных почестей, которые мы ожидаем получить от Владыки нашего, праведного Воздаятеля.

— А из законодательных, пророческих и других книг вам не известно ли что об этом? — спросил Адриан.

— И сами пророки, — отвечали святые, — не могли в совершенстве постигнуть умом тех вечных благ, так как они были такие же люди, как и мы; хотя они угождали Богу благою верою и добрыми делами и говорили то, что внушал им Дух Святой, но об оной славе и воздаяниях, которые мы ожидаем получить, в Писании говорится: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Услыхав такие слова, Адриан вышел на средину и сказал писцам, записывавшим имена мучеников:

— Запишите и мое имя с этими святыми, так как и я — христианин и вместе с ними умру за Христа Бога!

Писцы тотчас же отправились к царю и возвестили ему о том, что Адриан объявил себя христианином и просит их записать и его имя в число осужденных.

Услыхав об этом, царь удивился и разгневался и, призвав тотчас же к себе Адриана, спросил его:

— Ты лишился разумения, Адриан? Или и ты также хочешь злой погибели?

— Нет, — овтечал он, — я не лишился разума, а, напротив, от великого безумия пришел в здравый разум.

— Не рассуждай, — воскликнул царь, — а лучше проси прощения, сознайся пред всеми, что ты согрешил, и вычеркни свое имя из списка осужденных.

— С этих пор, — отвечал Адриан, — я начну умолять истинного Бога о том, чтобы Он простил мне мои грехи, которые я совершил, будучи язычником.

Разгневанный такими словами Адриана, царь Максимиан повелел тогда и его заковать в железные цепи и заключить в темницу вместе с теми мучениками, назначив день, когда предаст всех их на мучение.

Один из слуг Адриана, прибежав поспешно в его дом, возвестил госпоже своей Наталии, жене Адриановой, о том, что господина его заковали в цепи и отправили в темницу.

Услыхав об этом, Наталия пришла в великий ужас, горько-горько заплакала и, разорвав на себе одежды, спросила слугу:

— За какую же вину господина моего посадили в темницу?

— Будучи свидетелем того, — ответил слуга, — как некоторых людей мучили за имя какого-то Христа и за то, что не послушались царского повеления, не отреклись от своей веры и не принесли жертвы богам, господин наш просил писцов, чтобы и его имя они записали в число осужденных на смерть, так как хочет умереть вместе с ними.

— А ты не знаешь ли точнее, за что мучили тех мужей? — опять спросила слугу Наталия.

— Я же сказал тебе, — отвечал слуга, — что их мучили за некоего Христа и за то, что они не послушались царского повеления поклониться богам.

Тогда Наталия весьма возрадовалась духом, перестала плакать, сбросила с себя разорванные одежды и, надев самые лучшие, отправилась в темницу.

Дочь верующих в Бога и святых родителей, Наталия боялась ранее открыть кому-либо свою веру во Христа, которую хранила тайно, так как видела, какому лютому гонению и мучению подвергаются

христиане со стороны нечестивых; теперь же, услыхав о том, что муж ее верует во Христа и записан в число осужденных на мучение, и она твердо решила объявить себя христианкой.

Войдя в темницу, блаженная Наталия припала к ногам мужа своего и, облобызав его оковы, сказала:

— Блажен ты, господин мой Адриан, так как нашел такое сокровище, которого не наследовал от своих родителей: *тако бо благословится человек бояйся Бога* (слав. Пс. 126, 5). Поистине, господин мой, ты теперь в таких юных летах своею верою во Христа собрал такое богатство, какого не приобрел бы даже и на старости лет, оставаясь в еллинском заблуждении. Теперь без печали пойдешь ты в будущую жизнь и найдешь такое сокровище, которого не получат там те, которые собирают себе большое богатство и приобретают имения. Там уже не будет им времени на то, чтобы приобретать что-либо, или давать взаймы, или самим от кого занять, когда никто не может избавить от вечной смерти во аде и от мук гееннских; там никто не поможет друг другу — ни отец сыну, ни мать дочери, ни великое земное богатство — собравшему его, ни рабы — господину своему, но каждый понесет свое наказание. Твои же все добродетели, господин мой, пойдут с тобою ко Христу, чтобы воспринять тебе от Него блаженство, уготованное любящим Его. Иди же к Нему с дерзновением, не боясь будущего наказания; ведь ты уже теперь победил и огонь неугасимый и прочие муки. Молю же тебя, господин мой, твердо пребыть в том звании, в которое ты призван Божиим милосердием. Да не возвратит тебя с оного доброго пути ни сожаление о юной красоте, ни любовь к родным, ни друзья, ни богатство, ни рабы, ни рабыни, ничто земное: всё это придет в ветхость и истлеет; но имей пред очами своими только то одно, что — вечно, и не взирай на тленные и временные блага мира сего. Не увлекайся льстивыми словами сродников и друзей твоих, чтобы не отвлекли они тебя от веры своим лукавым советом. Возненавидь их ласки, отвергни их советы и не слушай обманчивых слов их; взирай только на одних находящихся с тобою святых мучеников, их словам внимай, их терпению подражай без всякого колебания. Не бойся ярости мучителя и различных его мук, все это скоро окончится, а от Христа на небе Его рабам, страждущим за Него, будет вечная награда.

Сказав это, Наталия умолкла. Был уже вечер.

Адриан сказал ей:

— Теперь ступай домой, сестра моя, и спи спокойно, а когда я узнаю о времени, в какое нас выведут на мучение, я извещу тебя, чтобы тебе прийти и видеть нашу кончину.

Встав от ног Адриана, Наталия подходила к каждому из двадцати трех узников и, припадая к ним, лобызала оковы их, говоря:

— Рабы Христовы! Молю вас, утверждайте эту Христову овцу; советуйте ему претерпеть до конца, указуя ему на будущее воздаяние, уготованное верным, приносящим кровь свою Христу Богу, подобно вам, принесшим Ему кровь свою, за каковое страдание ваше вы получите в награду вечное спасение. Присоедините и его душу к душам своим и будьте ему отцами вместо плотских родителей, которые были нечестивыми; укрепите его вашим святым советом в том, чтобы он, веруя несомненно, совершил страдальческий свой подвиг.

Сказав это, Наталия снова обратилась к Адриану, находившемуся в самой глубине темницы:

— Смотри, господин мой, — сказала она, — не щади своей молодости и красоты телесной: бренное тело будет пищею червей. Не помышляй ты об имении своем, о золоте и серебре, так как все это не принесет пользы на страшном суде. Там никто никакими дарами не может искупить души своей от вечной погибели, и никто не примет даров; только одни с верой добрые дела святых душ примет Бог вместо даров.

Сказав это, Наталия ушла домой.

По прошествии нескольких дней Адриан, услыхав, что царь хочет уже вывести его вместе с прочими узниками на суд и мучение, обратился к святым мученикам с такою просьбою:

— Господа мои! — сказал он, — с вашего благословения мне нужно сходить в свой дом и позвать рабу вашу, а мою сестру Наталию затем, чтобы видеть ей наше страдание, так как я обещался позвать ее в час, назначенный для оного.

Святые дали ему свое благословение и поручились за него; Адриан, заплатив темничным стражам, отправился.

Один из горожан, увидев его идущим домой, поспешно прибежал к Наталии и возвестил ей, что муж ее освобожден от оков и подходит к дому.

Услыхав об этом, Наталия не поверила и сказала:

— Кто же мог освободить его? Не может быть, чтобы муж мой разлучился со святыми мучениками.

Во время разговора пришел также один из слуг и сказал:

— Знаешь ли, госпожа, что господин наш освобожден и подходит близко к дому?

Думая, что он отвергся Христа и за то освобожден, Наталия пришла в великую скорбь и горько зарыдала, а увидав в окно, что он уже близко подходит к дому, бросив из рук свою работу, поспешно встала и, затворив двери, громко сказала:

— Отойди от меня, отступник от Бога, обманувший Господа своего! Не могу я беседовать с отвергшимся от Бога и не стану слушать лживых слов. О безбожник и окаяннейший человек! Кто побудил тебя взяться за дело, которого не мог довести до конца? Кто разлучил тебя со святыми? Кто соблазнил тебя удалится от содружества с оными? Что обратило тебя в бегство еще до выхода на брань? Ты не увидел еще врага, а бросил уже свое оружие; на тебя не выпущена еще стрела, а ты уже уязвлен! Удивилась я, думая, может ли быть что доброго от безбожного рода и нечестивого города? Может ли быть принесена чистая жертва Богу от потомка мучителя? Будет ли благоуханным для Вышнего кадило со стороны тех, кои проливают кровь неповинную? И что делать мне, окаянной, вышедшей замуж за этого нечестивца? Не удостоилась я звания супруги мученика, напротив, — сделалась я женой отступника; кратковременна была моя радость и перешла она в вечное поношение; была мне на некоторое время похвала среди жен, а теперь я буду иметь пред ними непрестанный стыд!

Блаженный Адриан, стоя за дверями и слушая слова Наталии, радовался душою и укреплялся на подвиг, горя еще большим желанием исполнить то, что обещал Христу Богу. Он удивлялся таковым словам молодой жены, недавно вступившей с ним в брак, так как прошло всего лишь тринадцать месяцев со дня их бракосочетания.

Видя великую скорбь жены своей, Адриан, стуча в двери, начал просить ее, говоря:

— Отвори же мне, госпожа моя Наталия! Не убежал я от мучений, как ты думаешь; нет, не мог я так поступить. Я пришел взять тебя с собою, как обещал, чтобы тебе видеть нашу кончину.

Не веря его словам, Наталия с упреком продолжала говорить ему:

— Вот как обманывает меня преступник, вот как лжет второй Иуда! Отойди от меня, чтобы не убить мне себя!

И не отпирала дверей.

— Отвори же скорее, — просил Адриан, — а то я уйду, не увидев тебя, и ты будешь скорбеть о том, так как мне нужно скорее возвратиться. За меня поручились святые мученики, и, если я не приду в назначенный срок и о мне спросят начальники, а меня не будет, то святые мученики, кроме своих мук, должны будут понести таковые и за меня; но могут ли они понести мучения и за меня, когда они и так уже едва живы?

Услыхав это, Наталия тотчас с радостью отворила двери, и оба они припали друг к другу.

— Блаженна ты в женах! — сказал Адриан. — Ты одна познала Бога, чтобы спасти мужа своего! Поистине, ты супруга, любящая мужа! Венцом за то будет тебе блаженство, так как ты, хотя и не терпишь сама мук, но соболезнуешь страданию мучеников своим участием.

Взяв жену свою, Адриан отправился вместе с нею.

Дорогою он спросил ее:

— А как же мы поступим с своим имением?

Наталия отвечала:

— Оставь, господин мой, попечение о земном, чтобы не совратило оно ума твоего; заботься и помышляй единственно о том, чтобы совершить тебе подвиг, на который ты призван. Забудь о всём мирском, тленном и душевредном, позаботься лучше о том, чтобы видеть и получить вечные блага, уготованные тебе и тем святым, с коими идешь путем Господним.

Войдя в темницу, раба Божия Наталия припала к святым мученикам и, лобызая оковы их, видела при этом, что раны их уже загноились и из них падали черви, а от тяжести железных оков, коими они были связаны, телесные составы их отпадали друг от друга. Наклонившись, она отирала гной от ран их. Потом немедленно послала она своих служанок принести из дома хорошего полотна и перевязок. Когда все это было принесено, Наталия своими руками перевязывала раны страдальцев и, насколько могла, облегчала их нестер-

пимые страдания, прислуживая в темнице семь дней до самого изведения их на суд.

Когда настал день суда, царь Максимиан воссел на судилище и повелел привести к себе узников. Слуги тотчас же отправились в темницу объявить им царское повеление. Увидев, что они так изнемогли телом от тяжких ран, что и ходить даже не могут, слуги повлекли всех мучеников, как трупы скотов, связанных одною цепью; Адриана же вели позади всех, связав ему руки назад.

Когда они подходили к судилищу, было возвещено царю, что узники приведены.

— Ведите, — приказал царь, — сюда всех вместе, чтобы они видели мучение друг друга; ведите же их нагими, приготовленными к мучению.

Начальник темницы доложил царю:

— Царь! Те, кои были мучены раньше, не могут быть приведены сюда на испытание. Повели привести одного Адриана, так как он еще бодр и здрав телом и может понести различные мучения; тела же других загноились, сквозь раны их виднеются кости и, если начать их мучить снова, они, пожалуй, тотчас же умрут, не перенеся многих мук, им уготованных. Мы же не хотим того, чтобы умерли они от кратковременного мучения, как мало виновные, но дай им некоторое время на то, чтобы они выздоровели и поокрепли, чтобы понести им потом множайшие мучения за свои беззакония.

Тогда царь приказал ввести одного Адриана.

Раздев Адриана донага, слуги дали ему при этом и орудия казни, чтобы он нес их сам своими руками.

Святые мученики сказали ему:

— Блажен ты, Адриан, что сподобился понести крест свой и последовать Христу! Смотри же, не страшись, не возвращайся вспять и не теряй своей награды; остерегайся того, чтобы не украл сокровища твоего диавол; не бойся видимых мук, но взирай на будущее воздаяние: смело приступи и посрами мучителя! Знай: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18), которую мы надеемся получить по милости Господней.

Блаженная Наталия также сказала ему:

— Обратись, господин мой, умом своим к одному только Богу, и пусть сердце твое не страшится ничего! Мал труд, но покой бесконечен, кратковременно страдание, но слава мученическая вечна; недолго потерпишь болезни и вскоре будешь радоваться с Ангелами. Если ты, служа земному царю в воинском чине за малую награду, не щадил своего здоровья и готов был умереть на войне, то не с большим ли мужеством теперь надлежит тебе понести всякие муки и умереть за Царя небесного, с Коим и сам ты воцаришься!

Когда привели Адриана к нечестивому царю Максимиану, он, взглянув на него, спросил:

— Ужели ты пребываешь еще в своем безумии и хочешь мучением окончить жизнь свою?

— Я уже прежде говорил тебе, — отвечал Адриан, — что я не обезумел, но образумился и готов умереть в этой жизни!

Царь спросил:

— Принесешь ли ты жертвы и поклонишься ли богам, подобно тому, как я и все, которые со мною, кланяемся им и приносим жертвы?

— Безумец, — отвечал Адриан, — заблуждаясь сам, зачем же ты и других вводишь в то же заблуждение? Ты ведь не только себя самого подвергаешь погибели, но и весь народ, который слушает тебя, увлекаешь в ту же погибель, советуя и принуждая поклоняться бездушным истуканам, оставив истинного Бога, Творца неба и земли!

— Так ты считаешь наших великих богов малыми? — спросил царь.

— Я, — отвечал Адриан, — не называю их ни малыми, ни великими, ибо они — ничто.

Разгневанный мучитель приказал тогда жестоко бить его палками.

Блаженная Наталия, услыхав, что ее мужа начали бить, известила о том святых мучеников, сказав:

— Господин мой начал страдать!

Святые тотчас же начали молиться за него Богу, чтобы Он укрепил его в муках.

Царь же повелел мучителям приговаривать: «Не хули богов!»

Когда мученика били, он говорил царю:

— Если я мучаюсь за то, что хулю богов, которые не суть боги, то какое же мучение ожидает тебя за хулу Бога живого и истинного?

— Ты научился таким словам от этих обманщиков? — спросил царь.

Мученик отвечал:

— Зачем ты называешь обманщиками наставников на спасение и вождей к вечной жизни? Вы, а не они обманщики, увлекающие людей в погибель!

Разгневанный Максимиан повелел четверым сильным слугам жестоко бить мученика толстыми кольями.

И когда били Адриана, он говорил:

— Чем более ты, мучитель, изобретешь мне мучений, тем больше исходатайствуешь мне за них венцов!

А блаженная Наталия о всем, что спрашивал царь и что отвечал ему Адриан, передавала святым мученикам.

— Пощади хоть теперь юность свою, — продолжал увещевать мучитель, — и призови богов! Зачем тебе напрасно и добровольно погибать? Мои боги — велики, и я весьма сожалею о тебе, видя, как тяжко ты мучаешься и как гибнет твоя красота.

— Я щажу себя, — отвечал мученик, — чтобы не погибнуть мне до конца!

— Призови же богов, — говорил мучитель, — они помилуют тебя, а я возвращу тебе прежний твой чин. Не должно сравнивать тебя с теми, которые находились с тобою в узах, так как ты — человек благородный, сын знатных родителей и хотя молод, но — достоин великих почестей; те же узники — бедняки, низкого происхождения и глупые невежды.

— Я знаю, — отвечал мученик, — что тебе известен мой род и происхождение; но если бы ты знал род тех святых и богатое наследие, которого ожидают они, ты бы один из первых припал к их ногам и просил их помолиться о себе и собственными руками уничтожил бы своих бездушных богов!

Разгневавшись еще сильнее, мучитель приказал четверым сильным слугам бить мученика по чреву.

И они били святого до тех пор, пока не прорвалось чрево и из него начали выпадать внутренности. Видя это, мучитель повелел перестать бить.

Блаженный Адриан был молод и нежен телом: ему было лишь двадцать восемь лет от роду.

— Видишь ли, — сказал ему царь, — как я щажу тебя? Ты хоть одним словом призови богов, и тотчас же они будут милостивы к тебе; а я приглашу врачей, чтобы они залечили твои раны, и сегодня же ты будешь со мной в царском дворце.

— Если ты обещаешь мне уход за мною врачей, — отвечал мученик, — и почет в твоем дворце и говоришь, что твои боги будут милостивы ко мне, то пусть они своими устами скажут мне, что они хотят дать мне, пусть скажут, какое благодеяние обещают они мне. И когда я услышу их слова, то принесу им жертвы и поклонюсь, как ты того желаешь.

— Не могут говорить они, — отвечал царь.

— А если они не могут говорить, — сказал мученик, — то зачем же и поклоняться им, немым и бездушным?

Во гневе и ярости мучитель повелел опять связать святого мученика с прочими узниками и заключить их в темницу, назначив день, когда снова выведет их на суд.

Тогда воины, взяв святых мучеников, одних повлекли, других, изнемогших от телесных страданий и не могущих ходить, несли на руках, а святого Адриана вели и снова заключили в темницу.

Блаженная Наталия ободряла его и утешала и, обняв, говорила:

— Блажен ты, господин мой, что сподобился участи святых мучеников! Блажен ты, свет очей моих, так как страдаешь ради Пострадавшего за тебя! Вот, ты теперь идешь видеть славу Его и быть общником оной, ибо общник Его страданий будет причастником и славы Его.

Во время этого разговора Наталия отирала кровь его и помазывала ею свое тело.

Святые мученики весьма радовались мужественному терпению Адриана и, приступив к нему, лобызали его, говоря: «Мир тебе, брат». А те, которые не могли ходить от тяжести ран, лежали на полу и ползком приближались к нему, чтобы лобызать его, и все говорили ему:

— Радуйся о Господе, возлюбленный брат, так как имя твое написано с прославленными рабами Божиими!

— Радуйтесь и вы, рабы Христовы, — отвечал Адриан, — вы получите венцы за ваш труд ради меня! Молитесь же за меня ко Господу, чтобы Он укрепил меня, весьма изнемогшего телом, и чтобы восстающий на меня враг — диавол — ничего не мог сделать со мною.

— Уповай на Бога, — сказали святые. — Сатана не одолеет тебя: ты далеко отогнал его своим страданием. Мы сначала боялись за тебя, думая, что ты, как человек, будешь немощен, а теперь, видя твое крепкое терпение, мы более уже не сомневаемся в тебе и веруем, что при Божией помощи враг ничего не сможет сделать с тобою; поэтому не бойся: с тобою — Христос, победитель диавола!

Вместе со святою Наталиею были и другие благочестивые жены, которые прислуживали святым, прикладывая к их ранам целебные лекарства и делая им перевязки, разделив при этом между собою мучеников так, чтобы каждая могла послужить своему всяким за ним уходом.

Узнав о том, что многие благочестивые женщины приходят в темницу и прислуживают узникам, прикладывая к их ранам лекарства, нечестивый царь запретил их допускать туда.

Видя, что женщинам нельзя было более приходить к мученикам, святая Наталия остригла на голове своей волосы, переоделась в мужское платье и, войдя в темницу в образе мужчины, одна прислуживала не только мужу своему, святому Адриану, но и всем прочим святым мученикам.

Перевязав раны мучеников, она села у ног Адриана и говорила:

— Молю тебя, господин мой, помнить наш союз и мое присутствие при тебе во время твоего страдания и желание тебе венцов; помолись ко Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он взял и меня с собою, чтобы, как жили мы с тобою вместе в этой многоскорбной и исполненной грехов жизни, так неразлучно пребыли и в оной блаженной жизни. Молю тебя, господин, когда предстанешь ты Христу Господу, принеси Ему первую о мне молитву; верю я, что все, о чем ни попросишь ты, даст тебе Господь, ибо молитва твоя любезна Ему и приятно прошение твое. Но ты знаешь нечестие граждан этих и безбожие царя, и я боюсь того, как бы не принудили меня выйти замуж за другого, нечестивца и язычника; тогда осквернится ложе твое

и расторгнется союз наш. Молю тебя, соблюди супругу свою, как учит апостол, дай мне в награду за мое целомудрие умереть с тобою!

Сказав это, она встала и снова служила святым, подавая им пищу и питие, омывая и перевязывая их раны.

Благочестивые женщины, узнав, что Наталия в мужском одеянии служит святым, по ее примеру также остригли волосы на головах своих и, одевшись в мужские одежды, по-прежнему входили в темницу и служили святым.

Когда нечестивому царю стало известно о том, что сделали женщины, а также и о том, что узники весьма изнемогли от гниющих ран и едва живы, он повелел принести к ним в темницу наковальню и железный молот, чтобы перебить мученикам голени и руки, сказав при этом:

— Пусть умрут они необычною для людей насильственною смертью!

И когда мучители и убийцы-слуги принесли в темницу железную наковальню и молот, Наталия, увидав это и узнав причину их прихода, встретила их с мольбою о том, чтобы они начали с Адриана, так как она боялась, чтобы муж ее, видя лютое мучение и кончину других мучеников, не устрашился.

Мучители послушали Наталию и приступили сначала к Адриану.

А Наталия, подняв ноги мужа своего, положила их на наковальню; мучители сильным ударом молота по ногам мученика перебили ему голени и отбили ноги.

— Умоляю тебя, господин мой, раб Христов, — сказала Наталия, — пока ты еще жив, протяни руку свою, чтобы отбили ее, и ты тогда сравняешься с прочими святыми мучениками, которые более пострадали, нежели ты!

Святой Адриан протянул к ней свою руку, а она, взяв ее, положила на наковальню. Мучитель, ударив сильно по руке молотом, отсек ее, и тотчас святой Адриан предал душу свою в руце Божии от великих страданий.

Умертвив святого Адриана, мучители пошли с молотом и наковальнею к прочим мученикам, но они сами клали свои ноги и руки на наковальню и говорили:

— Господи, приими души наши!

После этого нечестивый царь повелел сжечь тела мучеников, чтобы христиане не могли взять их.

Услыхав об этом повелении царя, блаженная Наталия тайно взяла руку мужа своего и скрыла ее у себя, чтобы она не была сожжена.

Когда слуги мучителя разожгли печь и выносили тела святых мучеников из темницы на сожжение, святая Наталия и прочие благочестивые жены следовали за ними и собирали мученическую кровь в свои дорогие одежды и повязки и, храня у себя, мазали ею свои тела. Кроме того, они скупили за деньги у слуг даже и их одежды, обагренные кровью мучеников.

Когда тела святых были брошены в печь, женщины со слезами воскликнули:

— Помяните нас, господа наши, в вечном покое вашем!

А святая Наталия подбежала уже к печи, чтобы броситься в огонь, желая принести себя вместе с мужем в жертву Богу, но была удержана от этого.

Вдруг загремел страшный гром, засверкали молнии и пошел сильный дождь, который затопил все места водою и погасил самую печь. Объятые страхом, нечестивые мучители бежали, а многие из них на дороге падали мертвыми, поражаемые молниею.

Когда слуги мучителя разбежались, находившиеся там верные мужи вместе со святою Наталиею и прочими женами вынули из печи тела святых мучеников целыми, нисколько не поврежденными от огня, так что даже и волосы их не обгорели.

Один благочестивый муж с своею женою, припадая к Наталии, начал просить ее и прочую братию, говоря так:

— Мы живем на краю города в уединенном месте; мы гнушаемся безбожия и не можем больше смотреть на то жестокое кровопролитие, которое творит нечестивый царь, и поэтому не хотим более пребывать здесь и переселяемся в Византию. Дайте нам тела святых мучеников, мы перенесем их на корабль, увезем их отсюда с собою и там сохраним их до смерти нечестивого царя Максимиана; по смерти же его, если будем живы, мы возвратимся и привезем тела святых опять сюда, чтобы они были почитаемы всеми. Если же они ныне останутся здесь, то царь опять велит их сжечь, и вы будете предателями тел, которые сохранил Бог от сожжения посредством дождя.

Все согласились и перенесли тела мучеников на корабль, чтобы отправить их в Византию; а ветер к отплытию корабля был благоприятен.

Между тем святая Наталия жила в своем доме, имея у себя руку любезного своего супруга, святого Адриана, которую она, помазав драгоценным миром и обвив порфирою, положила в изголовье своей постели, чего никто не знал из ее домашних.

Спустя некоторое время один знатный муж, саном тысяченачальник, пожелал жениться на Наталии, так как она была молода, красива собой и богата. Он просил царя, чтобы тот позволил ему взять за себя замуж жену Адрианову, и царь согласился на этот брак. Жених немедленно же послал к Наталии знатных женщин с предложением своей руки. Но Наталия сказала им:

— Я рада вести, что такой муж хочет взять меня замуж; но прошу вас подождать до трех дней, чтобы приготовиться мне, так как я никак не ожидала, чтобы кто захотел так скоро сочетаться со мною браком.

Говоря это, блаженная Наталия замыслила бежать туда, куда были увезены тела мучеников.

Отпустив к тысяченачальнику присланных к ней женщин и обнадежив их, сама она, войдя в спальню свою, где хранилась рука святого Адриана, и пав на землю, с плачем взывала ко Господу:

— Господи Боже наш, Боже скорбящих и сокрушенных сердцем, призри на меня, рабу Твою, и не допусти, чтобы осквернилось ложе мученика твоего Адриана. Не забудь, Владыка, страданий раба Твоего, которые он претерпел ради святого Твоего имени! Милостивый Господи! Помяни преломление голений и отсечение рук его и прочих рабов Твоих, претерпевших ради Тебя, и да не напрасны будут их страдания. Помилуй ради их и меня и не допусти до сожительства с Твоими врагами. Ты, избавивший от огня святых оных, избавь и меня от намерения скверного человека!

Во время этой молитвы Наталия от изнурения и печали задремала и уснула тонким сном, и вот в сонном видении, ей явился один из святых мучеников и сказал:

— Мир тебе, раба Христова Наталия! Верь, что Бог не презрел тебя, и мы также не забыли твоих трудов, которые ты понесла, служа нам во время заключения нашего в темнице; представ пред лицо

Христа, мы молим Его о том, чтобы Он повелел и тебе поскорее прийти к нам.

Блаженная же Наталия спросила его:

— А скажи мне, святой мученик, предстал ли с вами Христу Господу господин мой Адриан?

Мученик отвечал:

— Он прежде нас предстал пред Владыкою! А ты ступай и немедленно сядь на корабль и плыви туда, где находятся наши тела; там явится тебе Господь и приведет тебя к нам.

Пробудившись от сна, святая Наталия тотчас же покинула все и, взяв одну только руку святого Адриана, вышла из дома и, подойдя к берегу морскому, увидала корабль, как бы нарочито ее ожидающий и готовый отплыть в Византию. Войдя в оный, она увидала на нем людей обоего пола, которые были все христиане, бежавшие от мучения нечестивого царя Максимиана, и воздала славу Богу.

Тысяченачальник же, узнав об отъезде Наталии, выпросил у царя на помощь воинов и, сев на другой корабль, погнался за нею. Когда корабль его отплыл от берега на тысячу стадий, подул на море противный ветер, который погнал корабль назад, и прибил к берегу в том месте, откуда он отплыл, сильно разбив его, так что многие из плывших на нем потонули. А христианский корабль, на котором была святая Наталия, плыл без всякой опасности. В полночь явился им диавол, как бы плывущий на корабле с востока, имея при себе людей наподобие моряков; диавол спросил христианских корабельщиков как бы голосом кормчего:

— Вы откуда и куда держите путь?

Те отвечали:

— Мы из Никомидии, плывем в Византию.

Враг сказал им:

— Вы сбились с прямого пути, поверните корабль налево.

Говоря так, диавол хотел их обмануть и утопить. Христиане, поверив лживому совету и думая, что встретившиеся им действительно плывут с востока, начали направлять паруса и корабль налево; но вдруг явился им святой мученик Адриан, сиявший светом, и закричал громким голосом:

— Плывите прежним путем и не слушайте слов врага, коварно приготовляющего вам погибель.

Сказав так, мученик, казалось, пошел вперед по водам, а диавол исчез вместе с своим кораблем.

Блаженная Наталия, встав, увидела святого Адриана, идущего впереди корабля, и воскликнула:

— Вот мой господин!

И тотчас святой стал невидим.

Подул благоприятный ветер. Путешественники прибыли в Византию до рассвета и пристали к берегу, на котором вблизи находился храм, где были положены тела святых мучеников, и с радостью высадились.

Придя в храм к телам святых мучеников, святая Наталия с несказанною радостью припала к ним, лобызая их и проливая от радости слезы; приложив руку святого Адриана к его телу, она преклонила колена и долго молилась. Потом, после продолжительной молитвы, она встала и облобызала находящихся на оном месте братьев и сестер, так как там собралось много верных христиан, которые приняли ее с радостью, ввели в дом и стали просить ее немного отдохнуть, так как видели, что она очень изнемогла от морского плавания. Когда она крепко заснула, ей явился во сне святой Адриан и сказал:

— Хорошо, что ты пришла сюда, раба Христова и дочь мученическая: приди в покой свой, уготованный тебе от Господа, приди и восприми должную награду!

Встав от сна, святая Наталия рассказала свой сон находившимся при ней христианам и просила их помолиться о ней. После этого на нее напала дремота, и она уснула снова. Братия через некоторое время пришли разбудить ее, но нашли ее уже скончавшейся, ибо ее святая душа отошла в вечный покой ко Господу. Так, вскоре после страданий святых мучеников, и святая Наталия окончила свой путь — мученица, хотя и без пролития крови. Много она сострадала святым мученикам, служа им в темнице и глядя на их страдания, а также покинув ради целомудрия и дом свой, и отечество; и в лике мучеников предстала она пред Христом, Спасителем нашим, Которому со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРАЗДНЕСТВО В ЧЕСТЬ СРЕТЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ иконы БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В княжение благоверного великого князя Василия Дмитриевича[1], при святейшем митрополите Киприане[2], случилось нашествие на землю Российскую агарянского царя (завоевателя монгольского) Тамерлана; Тамерлан, поднявшись с востока с великим воинством, покорил много стран и, наконец, приблизился к пределам страны Российской. Подойдя к границам области Рязанской, Тамерлан взял город Елец, пленил князя Елецкого и умертвил многих христиан; ибо был ненавистником и грозным преследователем христиан. Тамерлан похвалялся опустошить всю землю Российскую и искоренить веру христианскую; этот опустошитель направил путь свой к городу Москве, намереваясь его разрушить.

Когда великий князь Василий Дмитриевич услышал об этом, то собрал своих воинов и направился к городу Коломне. Отправившись отсюда, он остановился на берегу реки Оки и ополчился здесь против неприятеля; Тамерлан же простоял на одном месте пятнадцать дней. Когда великий князь (и все воины христианские) узнал о великой силе нечестивого царя, пришедшего в Россию с многочисленным войском, услышал также и о его злом намерении, то вместе с воинами поднял к небу руки свои и помолился со слезами к Господу и к Пречистой Матери Божией, прося об избавлении от того безбожного агарянина: великий князь призывал на помощь угодников Божиих, святых иерархов Петра и Алексия, преподобного Сергия и прочих российских чудотворцев.

Одновременно с тем великий князь попросил отца своего духовного, преосвященного митрополита Киприана, объявить народу пост с молитвою; великий князь просил также митрополита взять из города Владимира чудотворную икону Матери Божией и принести эту икону в Москву для защиты престольного города российского. Святитель Божий Киприан и ранее помышлял принести в Москву

---

[1] *Василий (II) Дмитриевич* княжил с 1389-го по 1425 год.

[2] *Киприан* управлял Московской митрополией с 1380-го по 1385 год; затем вторично с 1390-го по 1406 год.

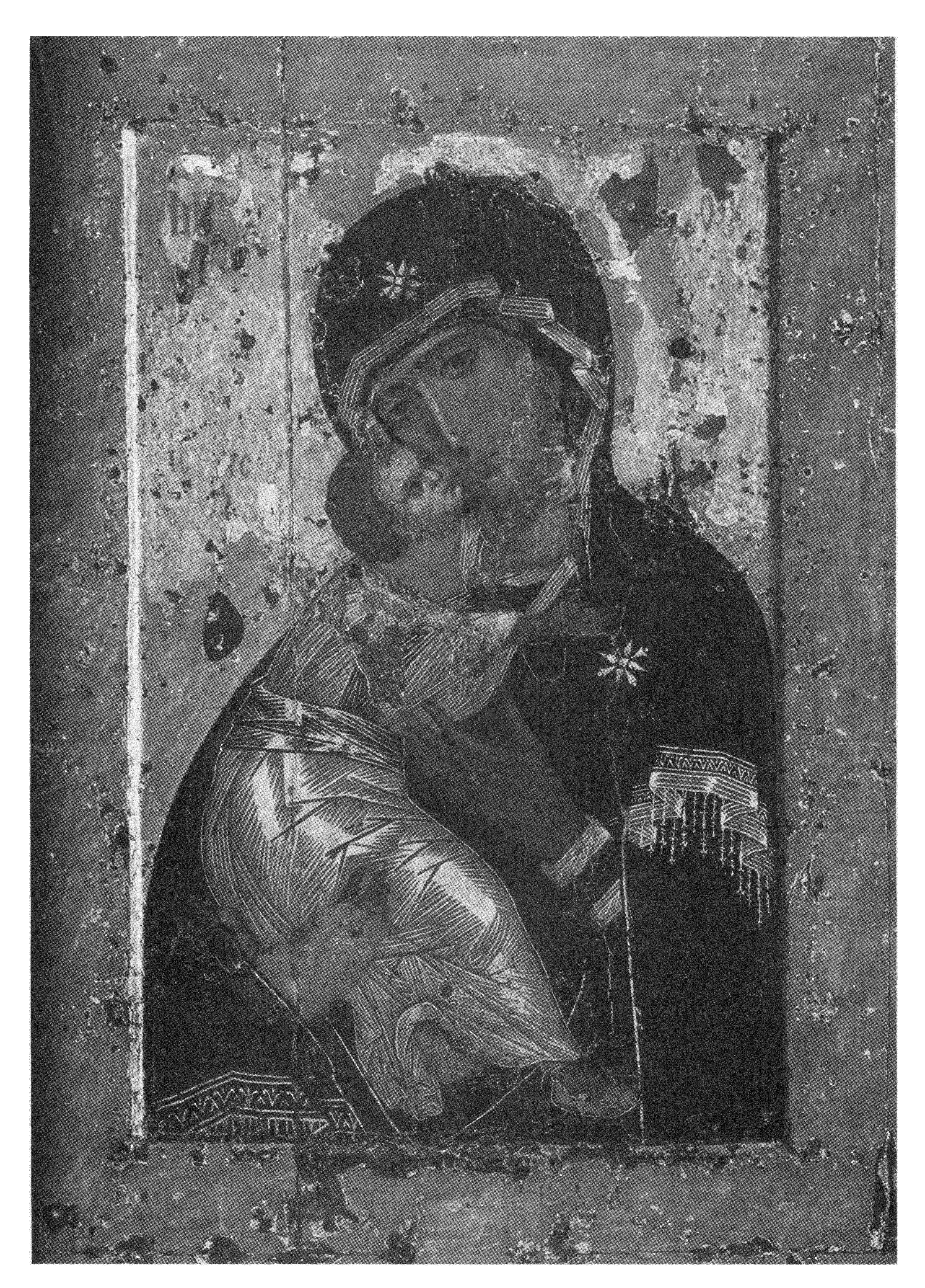
упомянутую честну́ю икону Матери Божией; когда же получил повеление от князя, тогда со усердием возблагодарил Бога за то, что Он вложил в сердце великого князя ту же мысль; единомыслие с великим князем святейший митрополит принял за знамение Божия благоволения и соизволения на то, чтобы чудотворная икона Богоматери была принесена в Москву.

В скором времени после этого митрополит послал во Владимир нарочитых мужей чина духовного, дабы взять там честную икону Богоматери; собрав весь чин духовный и множество народа, святейший митрополит соборно принес молебствие о победе над врагами и заповедал всем пост с молитвою, сам же не отходил от церкви, совершая службы днем и ночью и молясь со слезами о великом князе, о воинах его и о всех православных христианах.

Когда честна́я икона, взятая в городе Владимире, приближалась к городу Москве, 15 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, навстречу ей вышел преосвященный митрополит с прочим чином духовным и со множеством народа. Увидав ту святую икону, все пали на землю и поклонились ей как Самой Пречистой Матери Божией, пришедшей к ним, и с великой радостью приняли ее; взирая на эту икону, все проливали слезы со умилением и молились Богоматери об избавлении от нашествия агарян.

Общая усердная молитва не была напрасною: в тот же день, в который честная икона Пресвятой Богородицы была принесена в Москву, нечестивый царь агарянский Тамерлан пришел в ужас, быв испуган страшным видением во сне, и побежал обратно со всем войском своим, хотя никто его не преследовал.

Видение же было ему такое: он увидал пред собою высокую гору, с верха которой шли святители на него, неся в руках золотые жезлы и угрожая ему; над святителями Тамерлан видел в воздухе необычайный свет; видел он также и Царицу некую, стоявшую среди тех святителей в несказанной славе, облеченную в ризу багряную и сиявшую молниеносными лучами ярче солнца. Кругом этой Царицы находилось бесчисленное множество вооруженных воинов, служивших Ей и как бы приготовившихся на войну. Руки Царицы были простерты к небу, как будто Она молилась. Тамерлану казалось, что Царица угрожала ему, повелевая отойти от пределов земли Россий-



Владимирская икона Божией Матери

ской и как бы приказывая воинству Своему устремиться на него.

От этого страшного видения Тамерлан пришел в ужас; встав с постели своей, он в страхе закричал:

— Горе мне, ибо я видел страшное зрелище!

И трепетал несчастный, сотрясаясь и стеная, и находился как бы в исступлении.

Спустя некоторое время Тамерлан пришел в себя, позвал князей и военачальников своих и рассказал им все, что видел, трясясь от страха.

Они же, выслушав рассказ Тамерлана и увидав, что он трясся от страха, пришли также в ужас и, недоумевая, спрашивали друг друга:

— Что же будет теперь?

Некоторые же говорили:

— Виденная Царица — есть Матерь Бога христианского, Господа Иисуса Христа; несомненно, Она намерена защитить христиан, ибо Она их Помощница и Заступница.

Тамерлан сказал:

— Если христиане имеют такую Помощницу, то мы понапрасну вооружились на них; мы трудимся суетно; ибо если Она пошлет только одного из числа предстоящих Ей, то Она победит нас всех, так что мы не найдем и места, куда мы могли бы убежать.

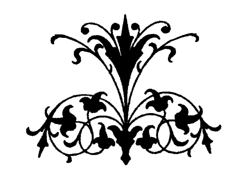
Таким образом тот нечестивый царь со всем своим воинством агарянским возвратился обратно, убежав со стыдом, ибо агарянам казалось, что многие полки воинов из земли Российской преследовали их; придя от этого в страх и трепет, агаряне давили друг друга, бросали оружие свое и оставляли свою добычу, а также и все, взятое в плен.

Так дарована была православным христианам победа над врагами без боя и поражение без пролития крови, по молитвам Пресвятой Девы Богородицы.

Это нашествие Тамерлана вместе с агарянами и чудесное изгнание его из пределов земли Российской совершилось в 6903 году от сотворения мира[1]; с того времени в царствующем городе Москве был установлен праздник в честь сретения иконы Пресвятой Девы

[1] В 1395 году от Рождества Христова.

Богородицы, именуемой Владимирской[1], в незабвенное и благодарственное воспоминание чудесного избавления от агарян, дарованного по заступлению Матери Божией. Да будет и от нас воссылаться всегда Матери Божией вместе с родившимся от Нее Христом Богом честь, слава и поклонение ныне и в бесконечные веки. Аминь.



[1] Через восемьдесят пять лет после описанного события было установлено второе празднование Владимирской иконе, 23 июня, в благодарность за избавление от нашествия ордынского хана Ахмата в 1480 году. «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия, — говорили в объяснение этого чуда русские летописцы. — Нет, не оружие, не мудрость человеческая, но Сам Господь спас ныне Россию». В 1521 году. опять двинулись на Россию монголы под предводительством Махмет-Гирея. Заступлением Богоматери и на этот раз Москва была спасена от врагов. Память этого события совершается святой Церковью 21 мая. В 1812 году, во время нашествия французов, чудотворная Владимирская икона вместе с иконами Иверскою и Смоленскою была увезена в Муром 1 сентября преосвященным архиепископом Августином и по освобождению Москвы от врагов была возвращена опять в столицу 20 октября. Чудотворная Владимирская икона Богоматери находится ныне в Московском Успенском соборе (более подробное повествование об этой иконе можно читать в изданной Московской Синодальной Типографией книге *«Слава Богоматери»*, М., 1907 г., с. 380–385).

День двадцать седьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПИМЕНА ВЕЛИКОГО

Преподобный Пимен был родом египтянин[1]; вместе с своими двумя младшими братьями он ушел в один из общежительных монастырей египетских; здесь вместе с братьями он принял образ иноческий[2].

Спустя несколько лет после этого мать братьев, по чувству естественной любви матери к детям, отправилась к ним, желая видеть их; однако не могла их видеть и потому встала около храма, в ожидании их прихода в храм на молитву. Когда они направлялись к храму, мать подошла к ним, но они побежали от нее назад и, войдя в келию, закрыли от нее двери; подойдя к дверям, она начала стучать и призывать сыновей своих, стоя вне келии и плача со умилением. Но иноки не только не открывали дверей келии, но даже ничего не отвечали. Между тем в то время, когда та женщина плакала долгое время, стоя у дверей келии, авва Анувий, услышав обо всем, вошел иными дверями к инокам и сказал Пимену:

— Что же мы сделаем с этою старицею? Вот, она уже долгое время горько плачет, не отходя отсюда.

Тогда Пимен, встав, подошел к дверям и спросил:

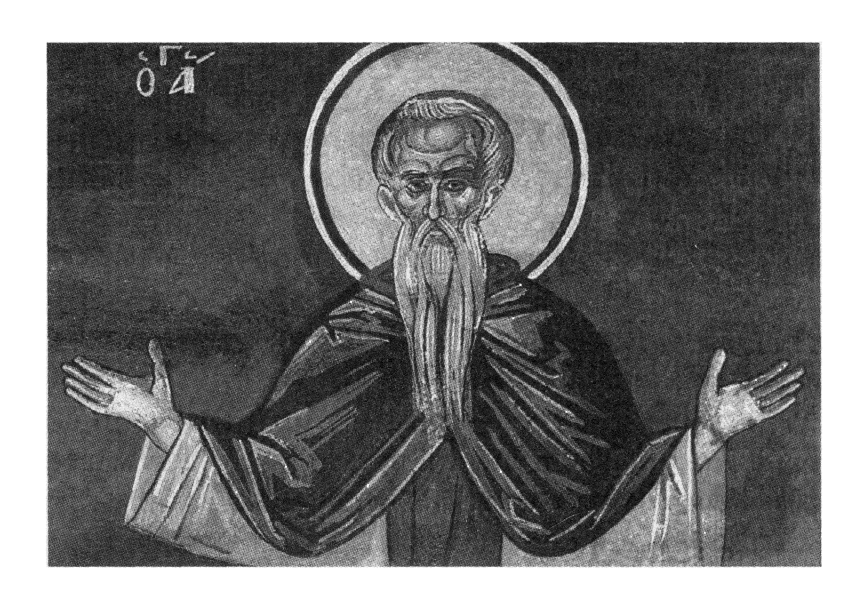
— О чем ты плачешь, старица?

Она же, услышав его голос, но не видя его самого, так как двери были затворены, сказала:

---

[1] *Преподобный Пимен* родился около 340 года.

[2] Иночество Пимен принял около 355 года.



— Я хочу видеть вас, дети мои! Не моими ли сосцами я питала вас? Не я ли вырастила вас? И вот, ныне я нахожусь уже в преклонных летах; я весьма страдаю сердцем, слыша голос детей своих, но не видя их. Я весьма хочу видеть вас, дети мои, прежде, нежели умру.

Пимен сказал:

— Где желаешь ты видеть нас: здесь, или в той, будущей жизни?

Она отвечала:

— Увижу ли я вас там, чада мои, если не буду видеть здесь?

Пимен отвечал:

— Если ты благодушно потерпишь и не увидишь нас здесь, то мы надеемся, что, по человеколюбию Божию, ты непременно увидишь нас там.

Внимая тому, что было сказано, она ответила:

— Действительно, я предпочитаю видеть вас там, нежели здесь.

Потом отошла с великою надеждою, весьма радуясь, ибо желала видеть детей своих лучше в будущей жизни, нежели в жизни временной.

Блаженный Пимен, проводя дни и годы в трудах постнических и непрестанно пребывая в молитвах, преуспевал в добродетелях иноческих и, при помощи Божией, мужественно ополчился на невиди-

мого супостата; он умерщвлял свою плоть, воевавшую на дух, истощал ее, как некоего пленника, великими трудами и покорял ее на служение духу; таким образом, он восшел на вершину бесстрастия и стал славнейшим из всех пустынных отцов, как наиболее совершенный в добродетелях.

Спустя некоторое время правитель страны той пожелал видеть преподобного отца нашего Пимена и послал к нему вестника с просьбою дозволить ему прийти к преподобному. Старец же весьма опечалился, размышляя в себе так:

— Если вельможи будут приходить ко мне, дабы оказать мне честь, то и из народа многие будут приходить ко мне и беспокоить меня; они помешают моему безмолвию, и я лишусь благодати смирения, которую я при помощи Божией стяжал с юности великими трудами; тогда я легко могу впасть в гордость.

Рассудив в себе так, преподобный отказался видеть князя и просил его через того же вестника не приходить к нему, — так как, — сказал преподобный, — он не увидит его; напротив, отгонит его с места того.

Услыхав такой ответ, князь весьма опечалился и сказал:

— Это за грехи мои я не удостоился видеть человека Божия.

Однако весьма желая видеть как-нибудь святого старца, придумал такую хитрость: взял, как бы за некоторый проступок, сына сестры старца и заключил его в темницу, надеясь, что старец будет ходатайствовать пред ним за своего племянника; таким путем думал он увидать святого. Поэтому князь сказал своим слугам:

— Если придет авва Пимен, то тотчас же выпущу юношу на свободу; а если не придет, — то не оставлю без наказания провинившегося: ибо проступок его весьма велик.

Когда мать юноши (сестра Пимена) услышала об этом, то тотчас же отправилась в пустыню к брату; придя к его отшельнической келии, она начала стучать в дверь, слезно моля его пойти к князю и походатайствовать за ее сына, дабы он был освобожден.

Старец же не только не открыл ей двери, но ничего не ответил.

Однако сестра долгое время продолжала со слезами упрашивать старца, стуча в дверь; но так как она не получила ответа, то начала с укоризнами и гневом говорить старцу:

— Немилосердный, бесчувственный, жестокий, безбожный и зверонравный! Неужели тебя не трогают слезы мои? Ведь сын мой, который у меня только один, находится в смертной опасности!

Старец же послал ученика сказать ей:

— Отойди отсюда: Пимен не имеет детей, и потому он не печалится.

Сестра возвратилась с горьким плачем, укоряя брата.

Когда князь услышал обо всем происшедшем, то сказал своим друзьям:

— Скажите старцу, — пусть напишет ко мне письмо с ходатайством об освобождении, и тогда я отпущу из темницы племянника его.

И многие советовали старцу написать письмо князю. Старец написал так:

— Прикажи властию своею хорошенько исследовать преступление провинившегося юноши, и если будет найдено что-либо достойное смерти, то пусть он умрет, дабы временною казнию избегнуть мук вечных; если же провинившийся не окажется достойным смерти, то, наказав его, как требует закон, отпусти.

Когда князь прочитал такое послание старца, то удивился уму и добродетели мужа, поняв, что то был истинный угодник Божий; князь отпустил юношу; преподобный же Пимен, избегая суетной славы и почестей людских, ушел в другое место и скитался по разным странам долгое время. Потом поселился снова в египетской пустыне и пребывал в ней до старости, угождая Богу трудами постническими; и многих иноков отцом был святой Пимен.

Поучая учеников своих смиренномудрию, так как и сам был смиренномудр, преподобный приводил ученикам в образец сказание о некоем старце (быть может, о себе самом), говоря так:

— Еще не так давно один монах-египтянин жил близ Царьграда на некоем пустынном месте, имея небольшую келию. Случилось один раз проходить местом тем благочестивому царю Феодосию (Младшему[1]); услышав об иноке, жившем там, царь оставил всех своих спутников и, приняв вид одного из простых воинов, направился к дверям келии старца. Когда царь постучал в двери, инок от-

---

[1] Впрочем, некоторые разумеют здесь императора Феодосия Великого, царствовавшего с 379 по 395 год.

крыл келию, но не узнал в пришедшем царя, а принял его за простого воина. Сотворив молитву, оба сели. Потом царь спросил:

— Как подвизаются отцы, обитающие в Египте?

— Все молят Бога о спасении нашем.

Осмотрев кругом всю келию старца, царь не нашел в ней ничего, кроме корзины, висевшей на стене, а в ней немного сухого хлеба; потом сказал старцу:

— Отче! Благослови меня вкусить немного.

И тотчас старец налил воду в сосуд, насыпал соли и положил куски сухого хлеба; и ели оба вместе; затем старец принес кувшин с водою и дал пить царю. После трапезы царь спросил старца:

— Знаешь ли ты, кто я?

Он отвечал:

— Не знаю, господин, Бог знает тебя.

Тогда старец сказал ему:

— Я — царь Феодосий.

И тотчас старец поклонился ему.

Потом царь сказал:

— Блаженны вы, иноки, так как вы свободны от забот суетного мира этого и проводите жизнь безмолвную, заботясь лишь о том, как получить жизнь небесную, вечную и блага небесные. Воистину говорю тебе, что я, рожденный царем и сейчас пребывающий царем, никогда не вкушал с такою сладостью хлеба и не пил воды, как ныне вкусил и пил с большим удовольствием.

Старец же отвечал:

— Это потому, что мы, монахи, вкушаем пищу с молитвою и благословением; по этой причине и самая простая пища бывает вкусною. В ваших же домах приготовление кушаний совершается без молитвы, но со многими ссорами и разговорами праздными; по этой причине ваша пища не получает благословения, которое могло бы усладить ее.

Воздав целование старцу, царь отошел оттуда и с тех пор весьма почитал того монаха.

Между тем старец, боясь погибельного самопревозношения и гордости, дабы не потерять дара смирения своего из-за почитания людского и дабы не лишиться благодати Божией, встав, бежал оттуда и потом опять пришел в Египет.

Такое сказание поведал ученикам своим святой Пимен, желая научить их смирению; этим сказанием святой Пимен хотел научить учеников своих уклоняться от суетных похвал и почестей, которые приносят инокам не пользу, а вред.

Святой Пимен поучал учеников своих и прочим добродетелям; наставления его были всегда действительными, ибо он мог всякого научить пути спасительному; подобно тому, как жизнью своею он являл равноангельский образец добродетели, так и слово его было всем на пользу. И приходили к нему не только новоначальные, но и состарившиеся в подвигах иноческих и спрашивали его о том, что полезно для спасения души; все, приходившие к преподобному, получали от него богомудрые и богодухновенные ответы в назидание душ своих; ответы те записывались некими в Отеческие книги[1]. Некоторые из этих ответов припомним здесь.

Некто спросил авву Пимена, говоря так:

— Если я увижу брата моего, согрешившего, должен ли я скрыть грех его?

Пимен отвечал:

— Если мы покроем грехи братьев наших, то и Бог покроет грехи наши.

Некоторый брат сказал авве Пимену:

— Отче! Я нахожусь в смущении и думаю уйти отсюда.

Старец сказал:

— По какой причине ты хочешь уйти отсюда?

Брат отвечал:

— Я слышу дурные речи об одном из числа здесь живущих братий и соблазняюсь.

Старец сказал:

— То, что ты слышал, неправда.

Брат ответил:

— Воистину, отче, то было правдой, потому что передавший мне о том заслуживает всякого вероятия.

Но старец сказал:

— Нет, передавший тебе не заслуживает веры, ибо, если бы он заслуживал веры, то не передал бы тебе то. Но ты никогда не верь тому, что говорят тебе, если сам не видел того; ибо и Бог, услышав

[1] То есть Отечники, Патерики.

вопль содомский, не удостоверился, пока не сошел Сам, дабы видеть все очами Своими[1]: *и сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю* (Быт. 18, 20–21).

Брат сказал на это:

— И я, отче, своими собственными глазами видел, как брат тот творил грех.

Услышав это, старец посмотрел на землю; потом, взяв с земли небольшой сучок, сказал брату:

— Что это?

Брат отвечал:

— Это — сучок.

Потом старец посмотрел на верх постройки и, указав на бревно, на котором покоилась крыша здания, спросил:

— А это что?

Брат отвечал:

— Это — бревно.

И сказал старец брату:

— Положи в сердце своем, что грехи твои подобны бревну, грех же брата, о котором ты говоришь, подобен сучку; тогда ты никогда не будешь приходить в смущение и соблазн.

Эти слова святого Пимена слышал авва Сисой, бывший тогда у него: весьма удивившись слышанному, он сказал святому Пимену:

— Как восхвалить тебя, авва Пимен! Поистине слова твои преисполнены благодати и славы, как некий камень драгоценный!

Тогда авва Пимен сказал:

— Сказано: свидетельствуй лишь о том, что видели очи твои. Но я говорю вам, что если вы увидите чтó и очами своими, не давайте тому веры.

И потом рассказал такой случай.

Некий брат был осмеян бесом таковым призраком: он видел иного брата, творившего грех с женщиною; брат смутился в мыслях и был обуреваем похотью. Подойдя, он толкнул их ногою своею, сказав:

---

[1] Выражение образное.

— Оставьте; для чего вы согрешаете?

Но оказалось, что то были снопы пшеницы, а не люди.

— Поэтому, — заключил Пимен, — говорю вам: не давайте веры и тому, чтó видите очами своими.

Авва Анувий сказал святому Пимену:

— Но какой ответ ты дал бы Богу, если бы ты видел грешника и не обличил бы его?

Пимен сказал на это:

— Я сказал бы Богу так: Господи! Ты повелел: *вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7, 5). Я исполнил повеление Твое.

Потом некий брат спросил авву Пимена, сказав так:

— Отче! Я совершил тяжкий грех. Я хочу провести в покаянии три года. Но достаточно ли трех лет для покаяния?

Старец отвечал:

— Этого много.

Тогда брат сказал:

— Итак, ты приказываешь каяться только один год?

На это старец отвечал:

— И этого много.

Когда об этом услышали другие братья, то сказали:

— Следовательно, каяться следует не более сорока дней?

Но старец на это сказал:

— И этого много.

И потом прибавил:

— Я думаю, что, если человек покается от всего сердца своего и положит твердое намерение более не возвращаться ко греху, то Бог примет и трехдневное покаяние его.

Иной брат спросил авву Пимена, сказав так:

— Как дóлжно жить человеку?

Старец отвечал:

— Из примера Даниила[1] мы видим, что его не могли оклеветать ни в чем, кроме того, что он служил Господу Богу своему.[1]

---

[1] *Даниил* — четвертый из числа «великих» пророков (Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил); происходил из царского рода и еще юношею был отведен в Вавилон вместе с прочими пленными иудеями. Одаренный прекрасными душевными и теле-

Этими словами святой дал понять, что человеку должно жить так, чтобы вся жизнь его была не чем иным, как только служением Господу Богу.

Другой инок спросил:

— Каким образом уберечься мне от козней врага?

Отвечал отец:

— Когда котел, разжигаемый снизу, кипит, то ни муха, ни какое другое насекомое не может коснуться его; когда же он остынет, то на него садятся и мухи, и насекомые. Подобно этому и к иноку, со усердием подвизающемуся в делах добродетели, враг не смеет приступить и увлечь его в свои сети; к человеку же, проводящему жизнь в беспечности и лености, враг приступает с легкостью и увлекает ко греху, как хочет.

Некто спросил старца о том, как можно избавиться от навязывающихся уму злых помыслов. Старец отвечал на это:

— Случай этот подобен человеку, имеющему по левую сторону от себя огонь, а по правую — сосуд с водой; если человек загорится от огня, то возьмет воду из сосуда и загасит огонь. Огонь — это помыслы злые, которые враг нашего спасения влагает в сердце человеку, как искру в некую храмину, дабы человек распалился пожеланием греховным; вода же — это молитвенное устремление человеком себя к Богу.

Опять спросил старца Пимена авва Аммон о помыслах злых, исходящих от сердца, и о суетных пожеланиях. И отвечал старец от святого Писания, сказав так:

— Какую славу может получить топор, без секущего им? И может ли хвалиться пила, не имея работника? Так и ты не посылай на помощь злым помыслам своего соизволения, и все эти помыслы рассеются.

сными качествами, он научился здесь языку и мудрости халдейской и вместе с тремя своими товарищами — Ананиею, Азариею и Мисаилом — был взят на службу при царском дворе. Даниил истолковал царю Вавилонскому Навуходоносору его замечательные сны и сам удостоился неоднократных видений, в которых были ему открыты важнейшие священные события. При восшествии на престол Дария он был назначен одним из трех правителей империи и был чудесным образом спасен от львов, в ров к которым он был брошен за свою привязанность к отеческой вере (Дан. 6, 10–24). История его жизни и деятельности описана им самим в священной книге его имени. Память его празднуется святой Церковью 17 декабря.

Авва Иосиф спросил авву Пимена о посте, сказав так:

— Как подобает поститься?

Старец отвечал:

— Я каждодневно вкушаю немного пищи, не насыщаясь вполне.

Авва Иосиф спросил:

— А когда ты был юношей, то не постился ли ты по два дня?

Отвечал Пимен:

— Поистине постился — и не только по два дня, но и по три, и по целой неделе; но святые отцы, испытавшие то и другое, нашли, что лучше вкушать каждодневно, но понемногу; ибо это царский путь (ко спасению), более легкий и удобный, дабы не превозносился ум.

Игумен монастыря Великого спросил авву Пимена, сказав так:

— Каким образом я могу стяжать умиление?

Старец отвечал:

— Разве может быть умиление в том сердце, которое помышляет о сырах, сосудах с маслом и иных житейских делах?

Иной спросил старца:

— Что лучше: говорить или молчать?

Старец отвечал:

— Кто говорит Бога ради, тот хорошо делает; также и тот, кто молчит Бога ради, хорошо поступает.

Такие мудрые ответы давал старец на вопросы; кроме того, в Отечниках находятся многие мудрые изречения святого Пимена. Вот некоторые из них.

Авва Пимен говорил:

— Когда человек намеревается строить дом, то собирает многие предметы, из которых можно построить дом; подобно этому и мы легко созиждем в себе дом духовный, если возьмем по небольшой частице от каждой добродетели.

Сказал еще:

— Человеку необходимо соблюдать три главных правила: бояться Бога, часто молиться и творить добро ближнему.

Говорил также авва Пимен:

— Нестяжание, терпение и рассудительность — вот три основы иноческого жития; ибо написано: *аще будут сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, — тии в правде своей спасутся* (слав. Иез. 14, 14). Ной — образец нестяжательности, Иов — терпения, Даниил же рассуди-

тельности; если в иноке окажутся эти три добродетели, то Бог, спасающий Его, возобитает в нем.

Говорил еще старец:

— Если инок возненавидит два предмета, то может быть свободным от соблазнов мира сего.

Брат спросил старца:

— Какие же это предметы?

На это старец ответил:

— Покой плоти и тщеславие.

Потом старец сказал:

— В Евангелии написано: *имеющий одежду, пусть продаст ее и купит меч* (Лк. 22, 36); это значит: имеющий покой плоти своей пусть оставит его и начнет проводить жизнь суровую, вступив на путь тесный.

Потом еще сказал:

— Когда Давид боролся со львом или медведем, то умерщвлял зверя, взяв его за гортань (см.: 1 Цар. 17, 34–35); подобно этому и мы с Божиею помощью победим льва — диавола и медведя — плоть нашу, если наложим узду воздержания на гортань и чрево наше.

Еще старец сказал:

— Если бы Навузардан, — начальник над поварами царя вавилонского, не пришел в Иерусалим, храм Господень не был бы сожжен; подобно этому и в нас не воспалится огонь вожделения греховного, а также и ум наш, борющийся со врагом, никогда не потерпит поражения, — если мы не будем преданы объедению и неге.

Говорил еще старец:

— Подобно тому, как пчелы бегут от дыма, позволяя людям пользоваться сладкими плодами их работы, так покоем тела отгоняется от души нашей страх Господень и она (душа) лишается всякого доброго дела.

Затем еще сказал:

— Подобно тому, как всякий оруженосец царский стоит близ царя, будучи всегда готовым к защите его, так и душе нашей до́лжно быть всегда готовой на борьбу с бесом блудодеяния.

Однажды авва Пимен услышал о брате некоем, постившемся по шести дней и вкушавшему немного пищи только на седьмой день,

но вместе с тем гневавшемся на брата своего, Авва Пимен сказал о таковом:

— Научился поститься шесть дней, а от гнева не может воздержаться и один день.

Пресвитер одного монастыря, услыхав о неких братиях, ходивших часто в город, мывшихся в бане, не прилежавших к спасению своему, — разгневался на них и, придя в монастырь, снял с них одеяние монашеское; но потом раскаялся, пошел к авве Пимену и рассказал ему о всем, что он сделал с теми братьями. Старец же сказал ему:

— Не имеешь ли и ты в себе чего-либо от ветхого человека; или, быть может, ты окончательно совлекся его[1]?

Пресвитер, услышав от старца такие слова, умилился, призвал тех братий, которых огорчил, раскаялся им и снова облек их в одеяние монашеское.

Однажды пришел к авве Пимену авва Исаак и, увидав, что он возливал на ноги свои небольшое количество воды, сказал ему:

— Как жестоко иные удручают тело свое!

Старец же сказал ему:

— Мы не научены быть телоубийцами.

И потом сказал:

— Бывает иногда, что человек кажется молчащим: но если сердце его осуждает других, то он говорит всегда. И есть такие, которые с утра до вечера говорят языком, но в то же время соблюдают молчание (ибо не осуждающий ближнего — то же, что молчащий).

Авва Иосиф рассказал, повествуя так:

— Когда однажды мы сидели у аввы Пимена, среди нас был юный брат Агафон; желая что-то сказать Агафону, старец (Пимен) назвал его аввою, сказав так:

— Авва Агафон.

Но мы сказали старцу:

— Этот брат еще юн; почему ты называешь его аввою?

Старец же отвечал:

— Уста его молчаливые заставляют меня называть его аввою.

---

[1] *Ветхий человек* — человек, преданный греху, не знающий пути спасения. Такое наименование святой апостол Павел усвояет людям, еще не получившим новозаветной благодати (ср.: Еф. 4, 22; Кол. 3, 9).

Потом говорил еще авва Пимен:

— Брат, находящийся вместе с ближним своим, должен уподобиться истукану каменному; будучи обижаем, он не должен гневаться; будучи хвалим, он не должен превозноситься.

Еще сказал:

— Злом никогда не победить зла; если кто-либо причиняет тебе зло, то окажи таковому добро; тогда твоя добродетель препобедит его злобу.

Этой добродетели (как и другим добродетелям) преподобный Пимен поучал и самым делом; ибо до его прибытия из скита в Египет, в Египте жил некий старец, почитаемый всеми. Когда на то место пришел авва Пимен, то многие, оставив того старца, начали приходить к Пимену; по этой причине тот старец начал гневаться на пришедшего авву (Пимена), стал завидовать ему и говорить о нем дурное. Когда авва Пимен услыхал об этом, то опечалился и сказал своим братиям:

— Что теперь делать нам, ибо люди эти повергли нас в скорбь, оставив столь святого и добродетельного старца и придя к нам, незначащим ничего? Каким образом мы устраним гнев великого отца того? Приготовим немного пищи, возьмем немного вина, пойдем к старцу, вкусим с ним; быть может, таким образом мы умилостивим сердце его.

Взяв немного пищи и вина, они отправились к тому старцу и постучали в двери келии его. Ученик того старца, услышав стук, спросил:

— Кто это?

Ему ответили:

— Скажи авве твоему, что Пимен с братиею своею пришел, дабы принять от твоего аввы благословение.

Ученик пошел и рассказал об этом старцу. Старец же, выслушав, сказал:

— Пойди и скажи им: идите отсюда, ибо у меня нет времени видеть вас.

Когда ученик сказал так пришедшим, то эти последние ответили ему:

— Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не сподобимся поклониться старцу.

И стояли на зное солнечном при дверях келии.

Видя смирение и терпение пришедших, старец умилился, открыл им двери и принял их с лобзанием; севши, все беседовали с любовью и вкусили принесенного. Потом старец тот сказал:

— Поистине, не только справедливо то, что я слышал о вас, но я вижу в вас добрые дела во сто крат большие.

С того времени старец стал миролюбиво относиться к авве Пимену.

Так умел преподобный Пимен устранять злобу враждующего на него и давал пример этого другим.

Преподобный Пимен умел врачевать иных и молчанием своим, как словом.

Однажды пресвитеры страны той посетили монастырь, в котором пребывал преподобный; авва Анувий, желая хотя несколько угостить их, вошел к преподобному Пимену и сказал ему об этом. Однако Пимен не дал ответа, но пребывал в молчании долгое время; и отошел от него авва Анувий с печалью.

Потом братия, бывшие у него, спросили его (авву Пимена):

— Почему ты не дал ответа авве Анувию?

Старец же отвечал им:

— Я не имел для этого орудия (то есть языка); ибо я мертв; мертвый же не говорит; поэтому не считайте меня пребывающим с вами.

Так поступил старец для того, чтобы его не звали к тем новопришедшим братиям на трапезу; ибо о нем повествуют, что, когда братия призывали его вкусить вместе с ними пищу, он шел с плачем, как бы нехотя; ибо не желал насыщать чрева своего, но вместе с тем не хотел ослушаться братий, дабы не огорчить их.

Некий инок, услышав о добродетельном житии преподобного Пимена, пришел к нему из далекой страны, дабы видеть его и поучиться от него; старец принял инока с честью; облобызав друг друга, сели; инок начал беседовать со старцем от Божественного Писания, о вещах трудноуразумеваемых, о которых говорится в Писании, и о предметах небесных. Отец же Пимен, отвернув лицо свое, молчал и не давал никакого ответа пришельцу. Инок тот долгое время говорил от Писания, но не получал ответа от старца, ибо он молчал; потом инок вышел из келии с печалью и сказал ученику старца:

— Понапрасну я предпринял столь великий и трудный путь: я пришел сюда ради него (аввы Пимена), но он не сказал мне ни одного слова.

Потом, войдя к старцу, тот ученик сказал ему:

— Отче! Ради тебя пришел этот честный муж, славный среди иноков страны своей: почему же ты не сказал ему ничего?

Старец отвечал:

— Он от вышних — и говорит о предметах небесных, а я от нижних, — и могу говорить только о земном. Если бы брат, пришедший к нам, говорил о душевных страстях, о плотских немощах, то я отвечал бы ему; а так как он говорит о предметах небесных, то о них я ничего не могу сказать.

Ученик, выйдя от старца, пошел к тому иноку и сказал ему:

— Знай, отче, что старец неохотно беседует от Божественного Писания, но если кто-либо начинает говорить с ним о страстях душевных, тогда старец отвечает.

Умилившись, инок тот вошел к старцу и спросил его:

— Авво! Что делать мне, ибо я во власти страстей?

Тогда, посмотрев на него с радостным лицом, старец сказал:

— Хорошо сделал ты, что пришел; теперь я открою уста свои и наполню их благими речами.

И беседовал с ним достаточное время о том, как побеждать восстающие на нас похоти. Весьма насладившись богодухновенными словами старца, инок тот возблагодарил Бога за то, что Он сподобил его видеть такового старца и слышать его беседу; и возвратился к своим, радуясь, что получил великую пользу для души.

Потом иной инок, авва Исаак, пришел к отцу Пимену и нашел его сидящим молча и как бы находящимся в исступлении. Подождав достаточное время, но не видя, чтобы старец пришел в себя, инок тот сделал земной поклон старцу, сказав:

— Скажи мне, отче, где был ты умом своим?

Он же, быв вынужден на ответ усиленной просьбой, ответил:

— Мой ум был там, где плакала Пречистая Дева Мария Богородица, стоя при кресте; и я хотел бы так всегда плакать.

Таковой великий в отцах, преподобный Пимен, изучивший всякую добродетель, приносивший пользу всем как житием, так и сло-

вом своим, имел столь великое смирение во уме своем, что часто со вздохом говорил:

— Я буду брошен на то место, куда будет брошен сатана!

Однако Господь вознес смиренного раба Своего в места, где пребывают святые Ангелы, в селения праведных и преподобных; Господь вселил его, после земной, исполненной многих лет жизни, в обители небесные, где лета не кончаются[1]; там все святые, предстоя престолу славы Божией, всегда славят Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого Бога в Троице, Которому и от нас, грешных, воссылается слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ:

КУКШИ священномученика и ПИМЕНА постника

Не место многим словам там, где дела представляют ясное свидетельство, как это можно сказать об этих блаженных; ибо блаженный священномученик Кукша — один из отцов святого Киево-Печерского монастыря — был всем известен, так как крестил вятичей, — помраченных ранее неверием, и просветил многих верою. Этот святой Кукша сотворил много преславных чудес — изгонял бесов, низвел дождь с неба, осушил озеро, сотворил много и других удивительных чудес. Наконец, после многих мучений был обезглавлен неверными вместе с учеником своим.

В то же время в Киево-Печерском монастыре подвизался блаженный Пимен постник, угождая Богу; за свое великое пощение и труды он получил от Бога столь великий дар, что прославился не только исцелением больных, но и предвидением будущего и совершающегося в отдаленных и неизвестных местах. Этот святой Пимен исцелял многих болящих, пророчествовал многое и предузнал о своем отшествии ко Господу за два года до кончины. Святой Пимен,

[1] Преподобный Пимен скончался ста десяти лет от рождения. Кончина его последовала около 450 года.

прозрев усечение блаженного Кукши, находившегося вдали от него, громогласно возгласил среди церкви Киево-Печерской:

— Брат наш Кукша в нынешний день умерщвлен!

Сказав это, Пимен преставился в один день с святым Кукшею и учеником его[1].

Таким образом эти трое вместе получили тройственную радость, которую око не видело, ухо не слышало и которая не восходила на сердце человеку (ср.: 1 Кор. 2, 9); эту радость приготовил Бог, Единый в Троице, для всех, любящих Его: Ему воссылается слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ЛИВЕРИЯ ИСПОВЕДНИКА,
папы Римского

Святой Ливерий[2] вступил на престол епископский после папы Иулия[3]. С самого начала своего правления он был ревностным поборником православия и постоянным защитником святого Афанасия Александрийского, боровшегося против ариан. Император Констанций (склонившийся на сторону ариан) ни угрозами, ни ласками, ни через своих приближенных, ни сам лично не мог принудить святого Ливерия к осуждению святого Афанасия, следовательно, и православия; за такую твердость в Православии Ливерий был отправлен в ссылку в Берию — во Фракию. Но когда император Констанций был в Риме[4], народ, уважавший и любивший своего архипастыря, испросил у императора возвращение папы Ливерия в Рим. Однако прежде возвращения в Рим Ливерий был вызван на III Сирмийский собор (полуарианский), где принужден был под-

---

[1] Кончина святого Кукши священномученика и Пимена постника последовала около 1113 года.

[2] *Ливерий* вступил на престол Римский 22 мая 352 года.

[3] *Иулий* занимал папский престол с 337 по 352 год.

[4] *Император Констанций* царствовал с 337 по 361 год. — В Риме он был в 357 году, когда народ и приступил к нему с просьбою о возвращении Ливерия из ссылки.

писаться под определением этого собора. После этого только, получив позволение возвратиться в Рим, Ливерий возвратился туда[1] после двухлетней ссылки. Но потом Ливерий принес глубокое раскаяние в своем поступке (выразившемся в подписании определения III Сирмийского полуарианского собора), по примеру святого апостола Петра, который искренним раскаянием загладил свое отречение от Господа. В Риме Ливерий много потрудился на пользу Православия и, наконец, преставился ко Господу[2].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ОСИИ ИСПОВЕДНИКА,
епископа Кордубского

Этот преподобный, удалившись от мирских удовольствий и, украсив себя всякими добродетелями, поставлен был на кафедру епископа города Кордубы[3]. Ревнуя о православной вере, он отправился на I Вселенский собор, чтобы обличить безумие Ария и уничтожить его душевредную ересь. И когда все собрались на этот собор, то он своими обличениями досаждал Арию и многим другим. После того, как православные епископы были удалены императором Константином[4] со своих кафедр за то, что не принимали участия в изгнании Афанасия Великого[5] и не стали причастными лжеучению Ария, то и он был сослан в ссылку, где, перенесши множество страданий, скончался[6].

---

[1] Ливерий возвратился в Рим в 358 году.

[2] Кончина святого Ливерия последовала в 366 году.

[3] *Город Кордуба*, ныне *Кордова*, находился в южной части Испании на правом берегу реки Бета, носящей в настоящее время название Гвадалквивир.

[4] В Прологе здесь допущена ошибка или опечатка. Православные епископы были удалены со своих кафедр не императором Константином, а сыном его, арианином Констанцием.

[5] Имеется в виду *святой Афанасий Великий*, архиепископ Александрийский, славный защитник православного учения о Сыне Божием против лжеучения Ария. — Память его празднуется 2 мая и 18 января.

[6] *Преподобный Осия* в 355 году был сослан императором Констанцием за защиту святого Афанасия в Сирмий. Угрозами, темницею и насилиями он принуж-

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПИМЕНА (палестинского)

Святые отцы Софроний и Иоанн записали об этом святом Пимене в своей книге[1] так:

Авва Агафоник, игумен лавры преподобного отца нашего Саввы[2], поведал нам, — повествуют они, — следующее:

— Я шел, — рассказывал авва Агафоник, — однажды в пустыню Руву к авве Пимену, жившему в пещере и питавшемуся кореньями. Найдя его, я поведал ему о мыслях своих, и, так как был уже вечер, то он оставил меня одного на ночь в пещере, а сам ушел в другую пещеру. В эту ночь было очень холодно, и я очень страдал от стужи. Утром следующего дня старец пришел ко мне и спросил меня:

— Как провел эту ночь ты, сын мой?

Я, — повествует авва Агафоник, — отвечал ему:

— Прости меня, отче! Всю эту ночь я очень страдал от холода.

Он же сказал мне:

— Говорю тебе правду, сын мой, — я нисколько не пострадал от холода.

Услышав это (рассказывает Агафоник), я весьма удивился, так как старец был нагим; потом спросил его, сказав так:

— Яви любовь мне, отче, — расскажи, почему ты не пострадал от холода, будучи нагим?

И отвечал мне старец:

— Пришел лев, лег около меня и согрел тело мое; однако знай, сын мой, что я буду съеден зверями.

Тогда я спросил его:

— По какой причине ты, отче, будешь съеден зверями?

ден был подписать арианское исповедание II Сирмийского собора 357 года и, возвращенный затем в Кордову, скончался в 359 году, а по Штадлеру — в 358 году, но перед смертью снова предал арианство снова анафеме.

[1] Имеется в виду *Лимонарь* (или *Луг духовный*), то есть собрание назидательных рассказов о подвигах отшельников (гл. 167).

[2] *Обитель святого Саввы* основана преподобным Саввою Освященным в VI веке. Обитель эта замечательна как колыбель Иерусалимского устава, принятого потом всеми палестинскими монастырями. Иерусалимский устав был также принят потом почти повсеместно и у нас на Руси, с XIV века.

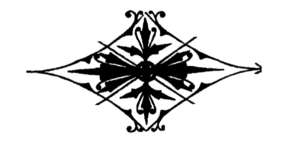
На это старец ответил мне:

— Когда я жил в мире на родине моей (оба они происходили из Галатии[1]), то я был пастухом овец; однажды, когда я пас овец, мимо моего стада проходил некоторый муж; мои псы напали на него и растерзали. Я мог спасти его от псов, но не сделал этого. И узнал я, по откровению Божию, что и я должен умереть такой же смертью, — именно буду растерзан зверями.

Об этом рассказал преподобный Пимен авве Агафонику; и действительно, случилось так, как сказал он; ибо спустя три года стало известно, что пустынножитель Пимен был съеден зверями[2]. Душа же его святая сопричтена к лику отцов преподобных по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, Коему воссылается слава вечно.

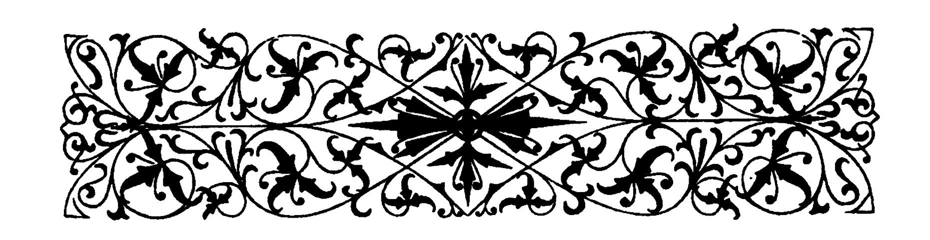
В тот же день **память преподобного Саввы**, в Венефалех (местность эта и время жизни преподобного Саввы неизвестны).

В тот же день **память святой мученицы Анфисы**, за исповедание имени Христова брошенной в колодезь (время ее подвигов и место ее кончины неизвестны).



[1] *Галатия* — малоазийская область.

[2] Кончина святого Пимена последовала в конце VI века.



День двадцать восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МОИСЕЯ МУРИНА

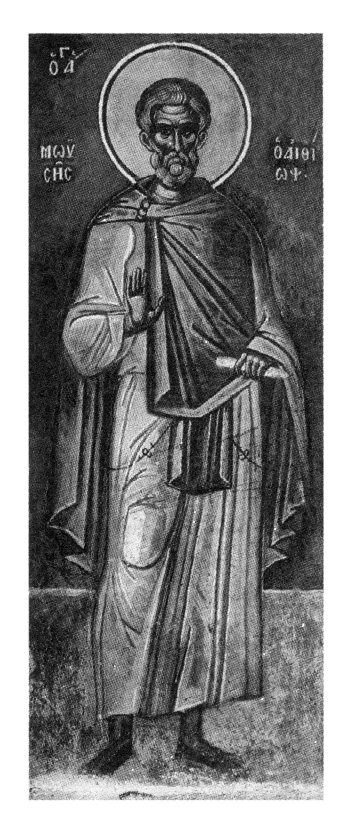
В странах египетских проживал некий разбойник, по имени Моисей, родом мурин[1], лицом черный; первоначально он был рабом некоего славного господина, но по причине убийства, совершенного им, был прогнан тем господином и присоединился к разбойникам. Эти же последние, видя, что Моисей был силен и обладал твердым характером, избрали его своим атаманом (вождем). Сие повествуется о святом Моисее ради того, чтобы было видно его исправление и чтобы было известно, каким образом Моисей от такой дурной жизни пришел к раскаянию и богоугождению; ибо грехи святых (ранее бывшие) не утаиваются, ради прославления милосердия Божия, которое отделяет честное от недостойного и из грешников творит праведников.

Совершая разбой, Моисей вместе с товарищами производил много хищений, кровопролитий, творил много иных мерзких беззаконий и преступлений; своею жестокостью Моисей прославился среди всех, ибо все боялись его. Из числа дел его разбойнических следует упомянуть об этом.

Моисей питал злобу на одного пастуха, пасшего овец, за то, что этот пастух со своими псами (охранявшими стадо) воспрепятствовал некогда Моисею совершить злодеяние; увидав однажды, что тот пастух пасет овец по ту сторону реки Нила, Моисей замыслил его убить.

---

[1] То есть эфиоплянин.



Река Нил была переполнена водой (по случаю разлива); Моисей, связав свою одежду, привязал ее к голове, взял в уста меч и отправился в плавание по этой великой реке. Упомянутый пастух, увидав Моисея еще издали, когда он переплывал реку, оставил овец и убежал с того места. Моисей же, переплыв реку, но не найдя пастуха, умертвил четырех крупнейших ягнят, связал их веревкой, а затем обратно переплыл реку, взяв с собой ягнят; сняв с этих ягнят шкуру, Моисей съел их мясо (бывшее очень вкусным), а шкуру продал и на вырученные деньги выпил вина.

Долгое время Моисей проводил жизнь в таких греховных делах; но однажды случайно он пришел в сознание, ибо Бог умилосердился над ним и призвал его к покаянию, так как Преблагий и Человеколюбивый Владыка не ищет погибели грешников, но ожидает их обращения ко спасению. Этот грешник умилился сердцем, раскаялся в своих злодеяниях, оставил разбой и своих товарищей, пошел в пустынный монастырь и предал себя в повиновение и послушание игумену и братиям, более же всего Самому Богу; Моисей пролил много слез, и днем и ночью каясь о содеянных ранее грехах своих; все, поручаемые ему, работы и послушания, он исполнял неленостно и был славным иноком.

Спустя некоторое время Моисей ушел в отшельническую келию; здесь он жил один, помышляя о Боге и очищая теплым покаянием свои беззакония, совершенные прежде.

Когда Моисей проводил такую покаянную жизнь, на него, находившегося в келии, напали четыре разбойника, не знавшие, что то был Моисей. Он же, будучи только один, поборол их, связал и, взяв их на плечи как связки снопов, принес в монастырь к церкви, сказав братиям:

— Что посоветуете вы сделать мне с ними? Мне не подобает никого обижать, но они пришли ко мне, и я взял их.

Отцы приказали ему развязать тех разбойников и отпустить их на свободу, сказав:

— Мы никого не должны убивать.

Разбойники же, узнав, что то был Моисей, ранее бывший их начальником, удивились такой перемене жизни его и прославили Бога, сами же умилились, пришли в страх Божий и, покаявшись, стали славными иноками.

И не только эти четыре, но и другие разбойники, услышав о своем вожде Моисее, — что он покаялся и стал иноком, — также оставили разбой и все греховные дела и стали добродетельными иноками.

И так Моисей пребывал в трудах покаяния. Первоначально его обуревали греховными помышлениями бесы блудодеяния, разжигая похоть его и увлекая его к прежней блудодейственной жизни, как он сам потом рассказывал братиям, говоря так:

— Я претерпел столь великую беду, борясь с вожделениями плотскими, что едва не нарушил обета иноческого.

Отправившись к авве Исидору пресвитеру, в скит, он поведал ему о своих страданиях от похоти плотской. И сказал ему святой Исидор:

— Не смущайся, брат! Ты еще новоначален (то есть только лишь начал подвизаться), и потому бесы с ожесточением нападают на тебя, думая найти в тебе прежний нрав; для отогнания их советую тебе соблюдать повседневный пост и воздержание и не насыщать вполне чрева своего. Подобно тому, как пес, привыкший грызть кости, выбрасываемые мясоторговцем, — не уходить до тех пор, пока место торговли не закроется; но когда торговля прекращена и нет уже никого, кто мог бы бросить псу что-либо для съедения, тогда он, истомившись голодом, отходит от места того; так и бес блудодеяния находится вблизи человека, питающегося до пресыщения. Но если ты будешь постоянно соблюдать пост и воздержание, умерщвляя члены свои земные и заграждая дверь пресыщения пощением, не допуская войти в себя пресыщению, разжигающему греховные вожделения, тогда бес, как бы истомившись от голода, отойдет от тебя с печалию.

Раб Божий Моисей, отправившись в келию свою, затворился в ней и пробыл в повседневном пощении, вкушая очень немного

хлеба вечером после захода солнца; весьма много Моисей трудился в рукоделании, пятьдесят раз в течение дня вставал на молитву, совершая ее с коленопреклонением.

Однако несмотря на то, что Моисей томил тело свое трудами и пощением, плотское вожделение, влекущее ко греху, не исчезало в нем. Тогда он опять пошел к авве Исидору и сказал ему:

— Отче! Я не могу быть в келии моей, ибо меня обуревают страсти плотские.

Блаженный же Исидор, взяв его, повел в верхнее отделение своей келии и сказал ему:

— Посмотри на запад!

Моисей посмотрел и увидал множество страшных демонов, суетившихся и приготовлявшихся к борьбе.

Потом авва Исидор сказал:

— Теперь обратись к востоку и посмотри.

Посмотрев на восток, Моисей увидел бесчисленное множество святых светоносных Ангелов, также приготовлявшихся к борьбе.

И сказал святой Исидор Моисею:

— Те, кто на западе, поднимают брань на святых Божиих, а те, кто на востоке, посылаются от Господа на помощь благим подвижникам. Знай же, что помогающих нам больше, нежели тех, кто восстает на нас.

Моисей, будучи укреплен таким видением и словами старца, возвратился в келию свою и снова начал упражняться в обычном пощении и трудах молитвенных.

Однако и после этого брань не оставляла его; напротив, Моисей начал страдать еще более от врага, будучи разжигаем мечтаниями сонными. Поэтому, встав, он пошел к иному святому старцу, весьма опытному, и сказал ему:

— Что делать мне, авво? Сонные видения помрачают ум мой, разжигая мою плоть, услаждая страсть и возбуждая меня к первоначальному греховному образу жизни, смущая меня привидениями.

Старец отвечал ему:

— Ты потому страдаешь, перенося то мерзкое наваждение, что не соблюдаешь ума своего от сладострастных мечтаний. Сделай же так, как я говорю тебе: посвяти себя бдению, мало-помалу привыкни к нему и молись с бодростью; тогда ты освободишься от той брани.

Моисей принял такой добрый совет от опытного святого наставника, возвратился в келию и начал обучаться всенощному бдению (то есть бодрствованию молитвенному в течение всей ночи); он стоял посреди келии всю ночь и не преклонял колен в молитве, дабы не предаться сну, но стоял прямо, не смыкая очей своих.

Святой пробыл в таком подвиге шесть лет; но и таким способом он не мог избавиться от плотского вожделения, воюющего на дух; ибо Бог попустил так для того, чтобы преподобный, быв искушен как золото в горниле, получил бы славный венец с прочими страдальцами.

Спустя некоторое время мужественный инок измыслил новый тяжелый подвиг: выходя ночью из келии своей, он обходил отшельнические келии старцев пустынных и, взяв водоносы, оказывавшиеся свободными при келиях, приносил воду, причем старцы не знали об этом (вода находилась в отдалении от места того). Некоторые из старцев имели свои келии за два поприща[1] от воды, другие за три, четыре и даже более; были и такие, которые совершенно не могли сами приносить себе воду за глубокою старостью; таковым Моисей каждую ночь наполнял водою сосуды. Таковой подвиг святого Моисея был ненавистен диаволу. По попущению Божию, диавол причинил святому Моисею такую неприятность.

Однажды ночью блаженный тот трудолюбец наклонился в колодезь с сосудом некоего старца, намереваясь почерпнуть воду; в это время диавол ударил его с большою силою некоторым древом по спине; старец упал без чувств и лежал как мертвый.

Утром следующего дня к тому колодцу пришли монахи, дабы взять здесь воды, и увидели Моисея, лежавшего полумертвым. Монахи пошли к великому скитскому авве Исидору и рассказали ему обо всем; он же, придя с братиею, взял Моисея и принес к храму. И был недужен Моисей, как расслабленный, и страдал так, что едва выздоровел через год.

Потом сказал ему авва Исидор:

— Брат Моисей! Не увеличивай своей брани с бесами сверх сил, ибо и в дерзновении необходимо хранить меру.

Непобедимый воин Христов Моисей отвечал на это:

---

[1] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

— Я не перестану бороться до тех пор, пока мерзкие мечтания сонные не оставят меня.

Тогда авва Исидор сказал ему:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, вот уже ныне оставляют тебя эти вожделения плотские; теперь ты будешь в мире; приступи же с дерзновением и причастись Божественных Таин Тела и Крови Христовых. Знай, что такая тяжелая брань плотская была попущена тебе ради того, чтобы ты не возгордился в уме своем, будто бы ты своими пощениями и подвигами преодолел страсти, и дабы ты, возгордившись, не погиб.

Услышав эти слова, Моисей причастился Таин Божественных, ушел в келию свою и подвизался уже в миру, будучи свободен от ранее бывших обуреваний и проводя строгое постническое безмолвное житие.

Спустя некоторое время Моисей был спрошен о том: беспокоят ли его страсти? Моисей отвечал:

— С того времени как служитель Христов Исидор помолился обо мне, я уже не страдаю от плотского вожделения.

После столь великих искушений блаженный Моисей получил мир (душевный), по милосердию Божию, и проводил с того времени уже без искушений плотских жизнь свою; вместе с тем он получил от Бога великую власть над бесами, так что презирал их, как насекомых; и исполнился святой благодати Духа Святого, и был славен среди подвижников.

Так как святой Моисей прославился своим добродетельным житием, то о нем узнал и князь (правитель) страны той; этот последний отправился в скит, желая видеть авву Моисея. Старец был извещен о том, что князь намеревался прийти к нему, дабы видеть его (Моисея); но Моисей, выйдя из келии, замыслил убежать в болото и тростник; слуги же, бывшие вместе с князем, встретили его и спросили:

— Где находится келия аввы Моисея?

Он сказал им:

— Что вам нужно от него? Старец тот неразумен, весьма лжив и проводит жизнь греховную.

Они же, услышав эти слова, изумились и прошли мимо. И когда пришли к храму, то князь сказал клирикам:

— Я слышал об авве Моисее и пришел принять благословение от него; но нас встретил некий монах, шедший в Египет, и когда мы спросили его о том, где живет авва Моисей, то он охулил Моисея, назвав его старцем неразумным, лживым и проводящим греховную жизнь.

Услышав это, клирики весьма опечалились и спросили:

— Каков из себя был тот старец, который произнес эти хуления на святого мужа?

Они ответили:

— Это был старец высокий, черный лицом, в худой одежде.

Клирики сказали:

— Поистине тот и был аввою Моисеем; но так как он не пожелал показать вам себя, не пожелал также и принимать почестей от вас, то сказал вам о себе дурное, как бы о ком другом.

Получив многую пользу (душевную), князь ушел, прославив Бога.

Так избегал преподобный Моисей славы и почестей людских и чуждался беседы с приходившими к нему мирянами, хотя был гостеприимен, ибо принимал с любовью всех, приходивших к нему, странствующих братий, как о страннолюбии его записано в Отечнике.

Однажды всем отцам пустынножительным было дано в скиту такое повеление:

— Поститесь всю неделю эту и сотворите Пасху.

Случайно некоторые странствующие братья пришли к Моисею из Египта; старец приготовил для них немного вареной пищи; но когда его соседи увидали дым, то сказали клирикам:

— Моисей нарушил повеление и варит себе пищу.

Но клирики сказали:

— Обличим его тогда, когда он придет в собрание (ибо все знали о постнических подвигах Моисея).

Когда наступила суббота, Моисей пришел в храм к пению соборному; и сказали ему в присутствии всех клириков:

— Отче Моисей! Ты нарушил заповедь человеческую, но исполнил заповедь Божию.

Повествуется также в житии преподобного Арсения[1].

Некоторый брат пришел издалека в скит для того, чтобы видеть преподобного Арсения; будучи приведен к Арсению, брат тот видел

---

[1] Память преподобного Арсения 8 мая.

его, но не сподобился слышать слов его; ибо старец (Арсений) сидел молча, глядя на землю.

После того странствующий инок начал упрашивать брата привести его к Моисею, бывшему разбойником до пострижения в иночество. Брат согласился исполнить его просьбу и повел его к преподобному Моисею.

Когда они пришли к Моисею, то последний принял их с радостью, предложил им отдохнуть и подкрепиться пищею и, оказав им большую любовь, отпустил их от себя.

Дорогою скитский брат сказал пришельцу:

— Вот, ты видал и отца Арсения, и отца Моисея. Кто из них лучше, по твоему мнению?

Брат отвечал на это:

— Лучший из них тот, кто принял нас с любовью.

Один инок, узнав об этом, стал молиться к Богу, говоря так:

— Господи! Скажи мне, кто из них более совершен и заслуживает большей благодати Твоей: тот ли, кто скрывается от людей, ради Тебя, или тот, кто принимает всех, также ради Тебя?

Этот инок в ответ на молитву свою имел следующее видение: ему представились два корабля, плывшие по какой-то очень большой реке; в одном корабле находился преподобный Арсений, и Дух Божий управлял кораблем его, соблюдая его в великой тишине; в другом был преподобный Моисей; кораблем же его управляли Ангелы Божии, влагавшие мед в уста Моисея.

Проведя долгое время в трудах постнических, преподобный Моисей был сподоблен сана пресвитерского, по некоему откровению Божию; и когда был произведен в первую степень священническую, то был облечен в стихарь; при этом епископ сказал ему:

— Вот, авва Моисей ныне весь бел.

Моисей же сказал епископу:

— Владыко! Что делает священником: внешнее или внутреннее? (То есть как бы сказал так: «Одежда ли, покрывающая извне человека, делает его достойным священства или внутренние добродетели?»)

Епископ же, желая испытать Моисея, дабы увериться в том, действительно ли он — раб Христов, имеющий добродетели внутри души своей, сказал клирикам:

— Когда Моисей войдет в алтарь, изгоните его; потом идите за ним и слушайте, что он будет говорить.

Клирики так и сделали: изгнали Моисея из алтаря, сказав:

— Выйди вон, мурин!

Он же, выйдя и став в отдельном месте, начал укорять себя:

— Хорошо поступили с тобою, пес, хорошо поступили с тобою, мракообразный эфиоп; ибо ты недостоин, и как ты осмеливаешься войти в святое место; ты не человек: как же осмеливаешься ты подходить к людям и служителям Божиим?

Услышав эти слова святого, клирики возвестили о них епископу; тогда епископ приказал снова позвать Моисея в алтарь и хиротонисал его в сан пресвитера. Потом спросил его, сказав:

— Что думал ты, отче, тогда, когда, быв изгнан, ты был возвращен снова?

Моисей отвечал:

— Я сравнивал себя со псом, который, будучи изгнан, бежит, будучи же призываем обратно, возвращается быстро.

И сказал епископ:

— Поистине этот человек достоин Божественной благодати; ибо Бог дает благодать смиренным.

Подобное же испытание было с этим отцом и ранее, когда он был еще новоначальным; ибо когда братия были все в сборе в скиту, отцы пожелали искусить смирение Моисея и начали уничижать его, говоря:

— Для чего этот эфиоп ходит посреди нас?

Он же, слышав это, молчал.

Когда братия думали расходиться, то спросили его, сказав:

— Отец Моисей! Смутился ты или нет?

Он отвечал им словом псалма: *смято́хся и не глаго́лах* (слав. Пс. 76, 5) (то есть я переношу уничижение молча).

Приняв на себя сан пресвитера, преподобный Моисей подвизался еще пятнадцать лет, имея от рождения семьдесят пять лет; собрав кругом себя семьдесят пять учеников, он скончался мученически[1] таким образом:

Однажды, находясь среди братий, он сказал:

— Вот варвары придут в скит, дабы посечь монахов; встаньте и бегите отсюда.

---

[1] Кончина святого Моисея Мурина последовала около 400 года.

Братия же сказали ему:

— Поэтому же ты, отче, не бежишь отсюда?

Но он сказал им:

— Я уже много лет ожидаю того времени, когда на мне исполнится слово Владыки моего, Господа Иисуса Христа, сказавшего: *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52).

На это братия сказали ему:

— И мы не побежим, но умрем с тобою!

Но он ответил им:

— Я в этом не нуждаюсь; пусть каждый поступает так, как находит лучшим.

Тогда братия убежали с места того, и только семь иноков остались при преподобном. Спустя некоторое время старец сказал им:

— Варвары уже близко!

Один из упомянутых семи иноков, испугавшись, убежал из келии и скрылся в некоем месте. Варвары, войдя в келию, умертвили святого Моисея и находившихся с ним шесть иноков. Спасшийся же от смерти инок, находясь в потаенном месте, видел небо отверстым и семь пресветлых венцов, нисходивших с неба.

После того, как варвары ушли, инок этот возвратился в келию и нашел Моисея и прочих иноков умерщвленными; тела их оказались лежавшими в крови; увидав это, инок тот начал плакать; потом пришли остальные братия и с плачем похоронили умерщвленных иноков.

Так окончилась жизнь преподобного отца нашего Моисея Мурина, из разбойников сделавшегося иноком и искренним раскаянием угодившего Богу, так что ему, как мученику, отверзен был не только рай, но и самое небо, и он был украшен венцом славы. По молитвам его да наставит и нас на истинный путь покаяния и да сподобит и нас Царствия небесного человеколюбный Владыка Христос, Бог наш, Коему со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
САВВЫ КРЫПЕЦКОГО,
Псковского чудотворца

Преподобный отец наш Савва родился, получил воспитание и принял иночество в чужих странах. Неизвестно, из какой он был страны[1], известно только, что родился он не в русской земле, а, как иностранец, пришел в город Псков, в монастырь Пресвятой Богородицы, называемый Снятогорским[2]. Принятый игуменом, он доблестно подвизался в иноческих подвигах и за свою добродетельную жизнь заслужил у всех похвалу и славу. Но не желая славы от людей, он перешел на реку Толву в монастырь великого Евфросина[3]. Преподобный Евфросин принял его и поручил ему исполнять обязанности монастырского слуги. Инок Савва исполнял эти обязанности ревностно и со смирением. Спустя немного времени, испросив благословение у великого Евфросина, он ушел в пустыню, находившуюся на расстоянии пятнадцать поприщ[4] от Евфросинова монастыря, к озеру, называемому Крыпец, и поселился тут на совершенно безлюдном месте. Немало искушений от бесов вынес здесь преподобный Савва. Вскоре он построил на месте своих подвигов церковь во имя святого

---

[1] По месяцеслову Вершинского, преподобный Савва по происхождению был серб.

[2] *Снятогорский Богородичный монастырь* — один из древнейших монастырей Псковского края (упоминается в 1265 году); находился в местности, называемой Снятной горой, на берегу реки Великой в расстоянии четырех верст от Пскова.

[3] Это был *Спасо-Великопустынский монастырь* на реке Толве в Псковской губернии, в тридцати верстах от Пскова, основанный преподобным Евфросином около 1450 года. Память преподобного Евфросина празднуется 15 мая. Под этим же числом смотри и житие его.

[4] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

Иоанна Богослова, устроил келии и основал монастырь, после чего к нему собралось немалое число братии. Слава о его добродетельной жизни быстро распространилась повсюду, и о нем узнал Псковский князь Ярослав Васильевич[1]. Князь питал к преподобному великое уважение. Он делал большие пожертвования на устроение монастыря, подарил земли[2] и озера на пропитание братии и часто сам посещал монастырь, чтобы принять благословение у преподобного. В одно время он пришел в монастырь с княгинею, своею супругою. Преподобный Савва с великим почетом встретил его, но княгине войти в монастырь не разрешил, а благословил ее за воротами монастыря и там подал ей исцеление, так как она была больна.

Преподобный Савва прожил много лет, и в 1495 году, 30 августа[3] отошел ко Господу. Мощи его были обретены в 1554 году вследствие явления преподобного священноиноку устроенного им монастыря Исаии и до этого дня подают многие исцеления с верою приходящим к ним во славу Христа Бога, Которому да будет слава ныне, всегда и вечно.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ ПРАВЕДНОЙ
АННЫ

Святая и праведная Анна происходила из колена Асирова и была дочерью Фануиловою. По имени своему (Анна с еврейского значит «милостивая»), она была женщиною добродетельною. За свою благочестивую жизнь Анна была наделена даром пророческим. Достигши глубокой старости, она, по слову Евангелия, не отходила от храма, постом и молитвой служа Богу день и ночь (см.: Лк. 2, 37).

Святая Анна принадлежала к числу тех благочестивых иудеянок, которые с нетерпением ожидали пришествия Мессии, Спасителя на

[1] Это был управлявший Псковом князь Ярослав Васильевич Оболенский.

[2] В 1487 году князь Ярослав Васильевич выдал грамоту на землю для обители и приказал построить чрез мхи и болота мост к монастырю преподобного Саввы в тысячу четыреста саженей длины. Этот мост и доныне называется Ярославовым.

[3] Здесь в Прологе надо предполагать опечатку, так как во всех сказаниях о преподобном Савве днем кончины его указан 28-й день августа.

землю. Она удостоилась быть в храме тогда, когда сюда был принесен Младенец Христос Иосифом и Мариею, дабы совершить над Ним законный обряд. В это время Симеон Богоприимец взял Младенца Иисуса на руки и произнес свое дивное пророчество о Нем, сказав так:

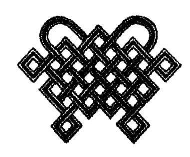
— *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, Которое Ты уготовал пред лицем всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля* (Лк. 2, 29–32).

Затем Симеон, обратившись к Матери Господа, изрек Ей это пророчество:

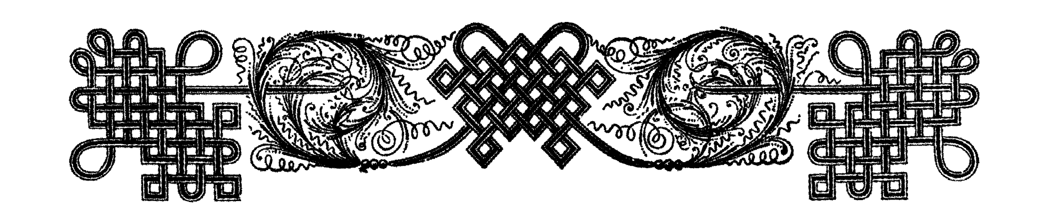
— *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, и Тебе Самой оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец* (Лк. 2, 34–35).

В эти святые торжественные минуты была в храме святая праведная пророчица Анна. Ей в это время было уже восемьдесят четыре года. Таким образом на закате жизни своей она имела счастье видеть Младенца Иисуса. Теперь уже она могла умереть спокойно.

Выслушав пророчество Симеоново о Христе, она вместе с Симеоном славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме[1].



[1] Память святой Анны совершается еще 3 февраля (вместе с памятью святого Симеона Богоприимца).



День двадцать девятый

СКАЗАНИЕ
ОБ УСЕКНОВЕНИИ ГЛАВЫ
СВЯТОГО ПРОРОКА, ПРЕДТЕЧИ и КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ
ИОАННА

Святому Иоанну, Предтече Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, подобало предварить смертью своей как рождение Господа, так и смерть Его; и, подобно тому, как на земле он проповедал о пришествии Господа, сказав: *идет за мною Сильнейший меня* (Мк. 1, 7), так и находившимся в аду душам праотцов святых он должен был проповедать пришествие Господа; ибо Предтеча Иоанн должен был сказать здесь, что уже явился ожидаемый в мир Мессия. И подобно тому, как Господь наш Иисус Христос пострадал за грехи людские, так и Предтеча Его предполучил страдальческую смерть по причине беззакония Иродова. Случилось же это так.

Ирод, называемый Антипой, сын старейшего Ирода, избившего младенцев вифлеемских, — злая отрасль от злого корня, имевший в своей власти Галилею, первоначально женился на дочери Арефы, царя Аравийского; он прожил с нею немало времени. Но потом, будучи пленен красотою Иродиады, жены Филиппа, брата своего, сблизился с нею, ибо она соизволяла похоти его. По требованию этой любодеицы, он прогнал от себя первую законную жену свою и женился на жене брата своего, противно закону; ибо если бы и умер брат его, он не мог бы взять его жены, так как оставалась бы в живых дочь брата, рожденная от той жены; закон же повелевал брать жену умершего брата (вдову) только тогда, когда умерший брат не

оставлял после себя детей[1]. Достоверно сообщают, что Ирод отнял жену у Филиппа, брата своего, еще тогда, когда он был жив; таким образом он сотворил великое беззаконие, как хищник, прелюбодей и кровосмеситель.

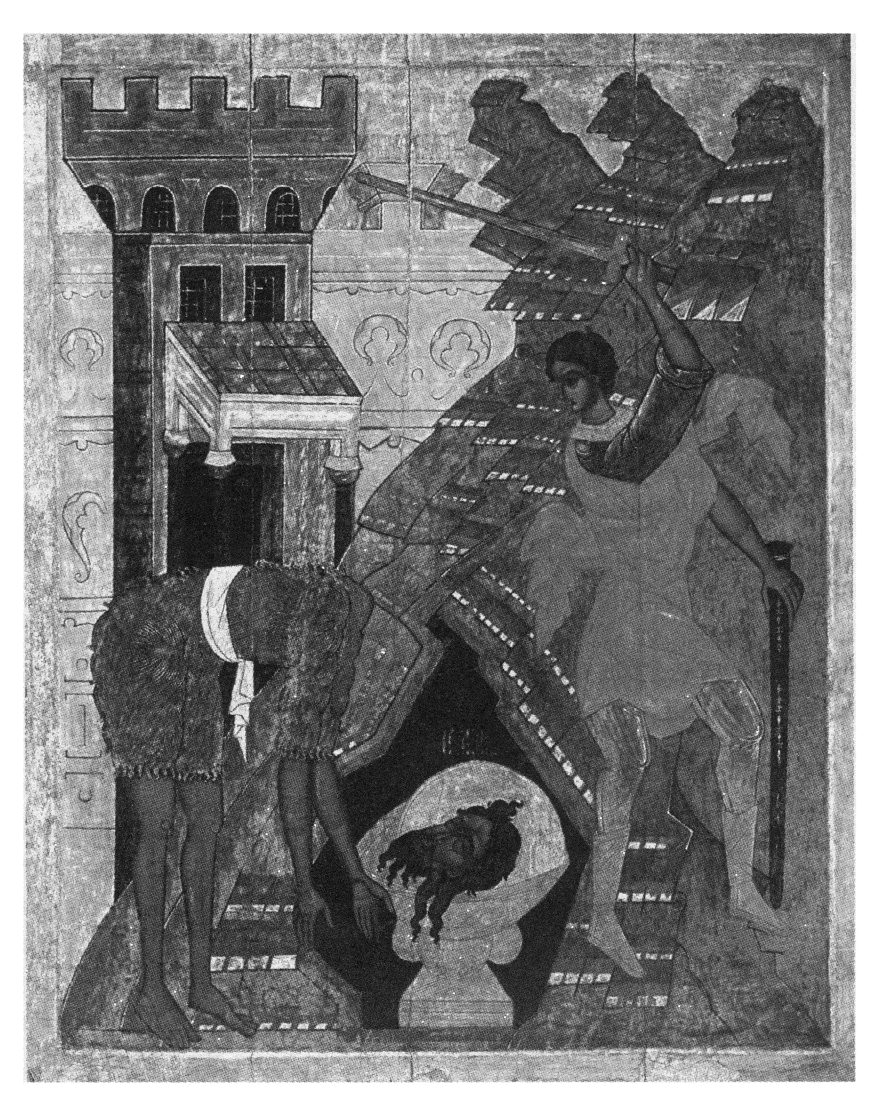
Видя такое беззаконие, учиненное Иродом, ревнитель закона Божия, обличитель грехов человеческих и проповедник покаяния, — святой Иоанн Креститель не умолчал, но пред лицом всех обличал Ирода, как прелюбодея и грабителя, отнявшего жену у брата своего, и говорил ему:

— Не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего.

Ирод же, не вынося обличения, приказал заключить Иоанна в темницу, обложив его оковами; особенно гневалась на святого жена Ирода — Иродиада и весьма желала смерти его, но не могла его умертвить, ибо сам Ирод оберегал узника от убийственного намерения жены своей. Ирод считал Иоанна мужем праведным и святым; ранее он со сладостью слушал его и, внимая словам его, творил много добра; поэтому Ирод боялся отдать Иоанна на смерть. Однако он боялся не столько Бога, сколько людей, как говорит евангелист Матфей: *и хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка* (Мф. 14, 5); Ирод боялся, как бы народ не восстал на него и не поднял мятежа; по этой-то причине он не осмели-

---

[1] Древний, унаследованный от предков, *обычай ужичества* у евреев состоял в следующем, по описанию книги Второзакония: *Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, — и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле. Если же он не захочет взять невестку свою, то невестка его пойдет к воротам, к старейшинам, и скажет: «деверь мой отказывается восставить имя брата своего в Израиле, не хочет жениться на мне»; тогда старейшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если он станет и скажет: «не хочу взять ее», тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лице его, и скажет: «так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему [у Израиля]»; и нарекут ему имя в Израиле: дом разутого* (Втор. 25, 5–10). Обычай ужичества, получивший у евреев начало ранее времени патриарха Иакова, существовал и у моавитян; он был известен также и другим восточным народам, как, например, персам и др. Происхождение его объясняют различно; но скорее всего объяснения его следует искать в сильном желании восточных народов иметь детей с целью увековечения своего рода и своего имени в потомстве.



Усекновение честной главы святого Иоанна Предтечи

вался предать явно на смерть Пророка и Крестителя Господня, всеми любимого и почитаемого, но только томил его в темничном заключении, желая заградить неумолкавшие уста своего обличителя.

Святой Иоанн в темнице пробыл долгое время; его ученики собирались к нему; Иоанн часто поучал их добродетельной жизни, согласно закону Божию, и возвещал им об уже пришедшем в мир Мессии, к Коему он и посылал их, как об этом сказано и в Евангелии: ***Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?*** (Ин. 11, 2–3). Он посылал вопросить не потому, что сам не знал; ибо как он мог не знать Того, Кого сам крестил и над Кем он видел Духа Святого, сошедшего с небес, относительно Которого слышал и голос Отца, свидетельствовавшего, и на Которого, наконец, сам указывал перстом, говоря:

— *Вот Агнец Божий* (Ин. 1, 36).

Иоанн посылал учеников своих вопросить Господа для того, чтобы ученики его своими очами увидели славные чудеса, которые творил Господь, и дабы окончательно убедились в том, что Он (Иисус Христос) пришел спасти род человеческий.

Спустя некоторое время наступил день, в который Ирод имел обыкновение совершать празднование своего рождения. Собрав всех князей своих, воевод, старейшин и тетрархов[1] Галилеи, Ирод устроил для них великое пиршество (см.: Мк. 6, 21). Во время этого пиршества дочь Иродиады плясала и своею пляскою весьма угодила Ироду и возлежавшим вместе с ним; по научению своей жестокой матери она попросила у Ирода главу святого Иоанна Крестителя и получила просимое, ибо Ирод поклялся ей дать все, что бы она ни попросила, хотя бы даже полцарства его. Окаянный не пожелал нарушить клятву свою, не пожелал огорчить мерзкую мать плясуньи, но забыл о том страхе, в силу которого он не решался до сих пор умертвить Иоанна, забыл также и о святой жизни его и, как упившийся вином, распалился намерением пролить кровь неповинную. И тотчас он послал палача в темницу, приказав отсечь главу Иоанна и принести ее на блюде.

Таким образом Предтеча Христов, за обличение беззаконного сожительства Ирода и Иродиадою, был усечен в темнице, уже поздно ночью; ибо то мерзостное пиршество святым евангелистом Марком

---

[1] Правителей областей.

названо вечерей: *вечерю* (говорит евангелист) *творяше князем своим* (слав. Мк. 6, 21); эта вечеря затянулась далеко за полночь, и когда все уже сильно упились вином и достаточное время утешались пляскою упомянутой бесстыдной девицы, тогда-то и было учинено то неправедное убийство. И принесена была глава святого Иоанна на блюде посреди пиршества, причем кровь еще капала и (как сообщают некоторые) глава изрекала те же обличительные слова и после усечения, сказав Ироду:

— Не до́лжно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего.

О, сколь великий страх объял тогда всех, возлежавших и предстоявших на вечери той, когда все увидели человеческую голову, как пищу, носимою на блюде, источавшую кровь и, кроме того, движущею устами и изрекавшею слова; и эту главу плясавица взяла дерзкими руками своими и отнесла к матери своей. Иродиада же, взяв ее, проколола игло́ю язык, обличавший беззакония ее; посмеявшись достаточное время, Иродиада не позволила похоронить главу Иоанна вместе с телом, ибо боялась, как бы Иоанн не воскрес, если глава его будет присоединена к телу, и тогда не начал бы снова обличать ее и Ирода. Тело святого Предтечи ученики его в ту же ночь взяли из темницы и похоронили в Севастии; главу же Крестителя Иродиада закопала в земле, у себя во дворце, на некоем бесчестном и потаенном месте. Относительно того, каким образом оттуда была взята глава Крестителя, написано 24 февраля, когда празднуется Обретение этой честной главы.

После умерщвления святого славного Предтечи и Крестителя Господня Иоанна окаянный Ирод совершил и другое, не меньшее злодеяние; ибо он посмеялся над Господом нашим Иисусом Христом во время вольного Его страдания за нас, как о том повествует святой евангелист Лука: *Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату* (Лк. 23, 11).

Однако мщение Божие не замедлило совершиться над пророкоубийцей и поругателем Христа; ибо, с одной стороны, кровь Иоаннова вопияла на Ирода к Богу, как некогда кровь Авелева на Каина (см.: Быт. 4, 1–16); с другой стороны, иные беззакония Ирода (особенно поругательство над Господом нашим Иисусом Христом) навлекали на него праведную казнь Божию. И действительно, спустя

непродолжительное время Ирод лишился царства и жизни вместе с Иродиадой и плясуньей. Ибо Арефа, царь аравийский, мстя за бесчестие и поругание над его дочерью, собрал воинов и пошел с ними на Ирода; точно так же и Ирод, собрав своих воинов, вышел на борьбу с Арефой. Произошла жаркая схватка воинов с той и другой стороны; воины Арефы победили воинов Иродовых; Ирод понес сильное поражение; почти все воины его были побиты, и сам он спасся с большим трудом. После этого Ирод лишен был своей власти и всех своих богатств кесарем римским и был послан на заточение с прелюбодейцею и дочерью ее первоначально в Лион, город галльский, потом был переслан оттуда в Илерду, город испанский, и здесь окончил жизнь свою в лишениях и бедствиях; но ранее своей смерти он видел смерть плясавицы, своей дочери, которая погибла таким образом.

Как-то раз зимой она пожелала перейти ради какой-то потребности реку по имени Сикорис; когда она шла, лед подломился под нею и она упала в воду, погрузившись до шеи. По правосудию Божию, лед сдавил шею ее, так что она висела телом в воде, имея голову над льдом; и подобно тому, как некогда она плясала ногами по земле, так и на этот раз она не доставала ногами до земли, но только производила в воде беспомощные движения, как пляшущая, причем быстрое течение реки колебало ее; однако никто не мог оказать ей помощи; и до того времени висела окаянная в воде в таком положении, пока острый лед не перерезал шеи ее. Мерзкий труп ее, занесенный водою под лед, не был найден, глава же ее была принесена к Ироду и Иродиаде как некогда глава Предтечева, но только была отсечена не мечом, а льдом. Так наказало правосудие Божие плясавицу (плясунью), которая повинна была в усечении честнóй главы святого Иоанна.

После этого погиб «с шумом» и беззаконный убийца Ирод с мерзкою Иродиадою; ибо повествуют, что они были пожраны живыми землею.

Святой же Иоанн, как при жизни своей, так и после кончины, был Предтечею Христу Господу. Ибо предварив сошествие Господа в ад, он благовествовал находившимся в аду Бога, явившегося во плоти, и порадовал святых праотцов; с ними он был изведен из ада, после разрушения его по воскресении Христовом, и сподобился многих венцов в Царствии небесном, как девственник, как пустынножитель, как учитель и проповедник покаяния, как Пророк, как

Предтеча и Креститель и как мученик. По молитвам его да наставит и нас на путь истинного покаяния и да сподобит нас Царствия небесного Христос, милосердый Господь и Бог наш, Коему воссылается слава со Отцом и Святым Духом вечно. Аминь.

СЛОВО СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА на день усекновения главы **святого Предтечи ГОСПОДНЯ ИОАННА**[1]

Снова Иродиада беснуется, снова смущается, снова пляшет, снова требует у Ирода беззаконного усечения главы Иоанна Крестителя. Опять Иезавель[2] умышляет восхитить виноградник Навуфеев[3] и умышляет изгнать в горы святого Илию (см.: 3 Цар. 21, 7)[4]. И не только я один прихожу от этого в ужас, но думаю, что и вы

---

[1] В этом слове святой Иоанн Златоуст строго обличает так называемых «злых женщин», то есть женщин, дошедших в жизни до крайней степени зла и преступления. Особенно горячо восстает святой Иоанн Златоуст против тех женщин, по вине которых пострадали праведные и благочестивые люди. Но, как замечает и сам Иоанн Златоуст (в сем слове), кроме «злых», порочных женщин, есть и добродетельные женщины; которых можно только восхвалять (что он и делает в конце слова). Таким образом, святой Иоанн Златоуст восстает не против природы женской вообще, а против дурных проявлений в жизни этой природы.

[2] *Иезавель* — жена израильского царя Ахава, отличавшаяся крайним нечестием и распутною жизнью. Слепо подчиняясь ее влиянию, Ахав превзошел нечестием всех своих предшественников и предался самому постыдному идолопоклонству. Он построил в Самарии храм Ваалу, насадил священные рощи, позволил Иезавели воздвигнуть алтари божествам Тирским и Сидонским (3 Цар. 16, 31–33). Иезавель содержала четыреста ложных пророков, которые питались от ее стола (3 Цар. 18, 19).

[3] *Навуфей* — благочестивый израильтянин из Изрееля; он не захотел продать Ахаву своего виноградника, примыкавшего к двору царя; за это Навуфей, по наущению Иезавели, был публично оклеветан в богохульстве и измене и побит камнями (более подробно см. 3 кн. Царств, 21-я глава).

[4] *Илия* — славнейший из ветхозаветных пророков, грозный обличитель нечестия и идолопоклонства во времена нечестивого царя Израильского Ахава и его жены Иезавели. Память его празднуется 20 июля (под этим числом и повествование о житии его).

все[1], слышавшие голос Евангелия, изумитесь вместе со мною дерзновению Иоаннову, неразумию Иродову и звероподобному неистовствованию безбожных женщин. Ибо что мы слышали? *Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу* (Мк. 6, 17). За что? *За Иродиаду, жену Филиппа, брата своего.*

Кто в достаточной мере обличит безумие Иродово, проявившееся по причине его чрезмерной женоугодливости? Или кто опишет неслыханную дерзость злых женщин? Кажется мне, что в поднебесной нет такого зверя, который был бы подобен злой жене (ныне я говорю лишь о злой женщине, а не о доброй и целомудренной, ибо знаю, что есть много женщин кротких и благонравных, о добродетельной жизни которых будет упомянуто впоследствии, к пользе и для подражания добродетельным, дабы мы возлюбили то, что добро и честно). Ни один зверь в мире не похож на злую женщину. Что может быть яростнее льва, среди четвероногих? Ничто. Что может быть опаснее змеи из числа пресмыкающихся? Также ничто; однако лев и змий питают менее злобы, нежели женщина (злая), как подтверждает мои слова и мудрейший Соломон, говоря: *лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою* (Притч. 21, 19; ср.: Сир. 25, 18). Пусть не подумает никто, что пророк изрекал сие, посмеяваясь (над женщиною): — самые дела удостоверяют с точностью то же самое: Даниила во рву львы устыдились; праведного же Навуфея умертвила Иезавель. Кит сохранил невредимым Иону во чреве, Далида же, остригши и связав Сампсона, предала его иноплеменникам. Змии, аспиды и гадюки убоялись Иоанна в пустыне, Иродиада же усекла его на вечери. Вороны питали Илию на горе, Иезавель же устремлялась убить его после того, как он благодействовал, низведя дождь. Вот что она говорила ему:

— Если ты Илия, то я — Иезавель; пусть сотворят со мною боги (что хотят), и пусть увеличат возмездие мне, если завтра в этот же час твоя душа не будет умерщвлена (ср.: 3 Цар. 19, 2).

И убоялся Илия, и ушел ради спасения души своей, и скрылся в пустыне, идя сорок дней, и начал искать смерти себе, сказав:

— Господи Боже! Достаточно для меня (страданий): возьми от меня мою душу, ибо я нисколько не лучше отцов моих!

---

[1] Проповедник обращается к слушателям (слово говорилось в храме).

О горе! Пророк Илия испугался женщины; убоялся женщины тот, кто носил как бы на своем языке дождь вселенной, кто свел с неба огонь, кто молитвою воздвиг мертвого. Да, действительно, убоялся. Ибо никакая злоба не может быть сравнена со злобою злой женщины. Мои слова подтверждает и книга Премудрости, говоря: *нет головы ядовитее головы змеиной* (Сир. 25, 17) и нет злобы более злобы женской (ср.: Сир. 25, 21)!

О зло диавольское и острейшее оружие!

Издревле в раю диавол уязвил Адама женщиной, женщиной кротчайшего Давида склонил к обманному убийству Урии, женщиною склонил к преступлению мудрейшего Соломона, женщиною мужественнейшего Сампсона ослепил, по вине женщины умертвил сыновей священника Илии, по вине женщины заключил в оковах в темницу благороднейшего Иосифа, по вине женщины предал на усечение Иоанна — светильника всего мира.

Да что говорю я о людях (вообще)? По вине женщины диавол и святых отвлекал от добродетелей; он (диавол) женщиною всех посекает, всех убивает, всех порочит, всех уничижает; ибо женщина бесстыдная никого не щадит, священников не чтит, левита не стыдится, пророка не стесняется. О зло, злейшее всякого зла, женщина злая! Если она бедна, богатеет злобою; если же имеет богатство, способствующее ее лукавству, то это вдвойне пагубно. Женщина — нетерпеливое животное, неисцельный недуг, неукротимый зверь. Я видел и аспидов неукротимых укрощенными, и львов, и единорогов, и медведей прирученными; женщина же злая и будучи обличаема гневается, и будучи усовещеваема с ласкою, превозносится. Если муж ее облечен властью начальственною, то она и днем, и ночью развращает его речами, побуждая к злодейству, как Иродиада Ирода; если же она имеет бедного мужа, то побуждает его к гневу и брани. Если она вдова, то самолично бесчестит всех; ибо не обуздывает языка своего страхом Господним, не взирает на будущий суд, не уповает на Бога, не хранит законов любви. Злой женщине ничего не стоит предать смерти своего мужа. Ибо жена праведного Иова советовала ему отдать себя на смерть через хуление (Бога), говоря:

— Скажи некое слово ко Господу и умри (Иов. 2, 9).

О нрав лукавый! О намерение неблагочестное! Жена Иова не явила милосердия, видя своего мужа, горящего утробою по причине

тяжелой болезни, подобно углю, распространяющему искры, — видя все тело его покрытым язвами и снедаемым червями; не склонилась к милосердию, видя его скорченным, весьма болезненным и крайне страдавшим, испускавшим сквозь болезненно отверстые уста учащенные дыхания. Не смягчилась сердцем, видя ходившего некогда в царской порфире, ныне лежащим на гноище, обнаженного телом. Не вспомнила прежнего обычного нежного супружеского отношения, не вспомнила о том, сколь много славы и добра получила она от него ранее. Но что говорит она?

— Скажи некое слово ко Господу и умри.

О милость женщины! О средство к врачеванию скорбей! О узаконение любви супружеской! Разве он (то есть муж) когда-либо говорил тебе, бывшей в болезни, такие слова? Не молитвами ли своими и делами благими он излечивал тебя от болезней? Разве не достаточно было для него и этого временного наказания, что ты испрашиваешь для него вечное мучение через хуление (Господа)? Или ты не знаешь, что всякий грех отпустится людям, хуление же, — грех против Духа Святого, — не отпустится им ни в этой жизни, ни в будущей? (см.: Мф. 12, 31).

Желаешь видеть иную (женщину), подобную этой своим лукавством? Посмотри на Далиду, которая, связав сильного Сампсона, предала его иноплеменникам (см.: Суд. 16, 6); она предала иноплеменникам своего супруга, которого любила, ласкала, которому говорила, что любила его больше, чем себя. Того, кого вчера любила, ныне обольщает, кого вчера согревала лобзанием, ныне, обольщая, предает смерти. Разве он был не красив? Кто был красивее его тогда, когда, нося на голове семь кос (см.: Суд. 16, 13–14), он являл образ седмосветлой благодати? Разве он не был мужествен? Но кто был мужественнее его тогда, когда он один поборол в пути страшного льва и одною лишь челюстью ослиною побил тысячу иноплеменников? Но, может быть, он не был добродетелен? Нет, он был добродетелен настолько, что, ощутив некогда жажду, он помолился о воде (о ниспослании ему от Бога воды), и из держимой им в руках мертвой челюсти истекла вода, которою он утолил жажду. И вот такого прекрасного, такого мужественного, такого добродетельного мужа, собственная жена как врага связала и отдала в руки неприятелей. Но каким образом женщина возмогла победить такого сильного? По

причине свойственной мужу доброты: ибо, лишив его ночью тайны его силы, она связала его нагого крепким вервием. Поэтому мудрость (Божественная) повелевает тебе: *от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих* (Мих. 7, 5).

Какое животное, скажи мне, могло помыслить таковое на сродный себе мужеский пол? Какая змея намеревается погубить своего сожителя? Какая львица отдаст на заколение своего льва? Ты видишь, что справедливо изрекает Книга премудрости, говоря, что *нет головы ядовитее головы змеиной* (Сир. 25, 17), и нет злобы более злобы женской (ср.: Сир. 25, 21)!

Скажу прямо: тот, кто имеет злую жену, пусть знает, что он имеет возмездие своим беззакониям. Дабы слово это было не бездоказательным, слушай Премудрость, изрекающую, что злая жена посылается беззаконному мужу за его дурные дела (см.: Сир. 25, 22–29).

Доселе мы говорили о злой женщине и здесь окончим эту речь. Подобает теперь воспомянуть и добрых женщин, в особенности ради тех, кто присутствует здесь.

Почему же эти женщины называются добрыми? Потому, что когда видят добродетели, угодные Богу, творимые иными, то радуются о них, как о своих, и труды тех усвояют себе, как награду за добродетель.

Добродетельною и нищелюбивою женщиною была соманитянка, которая, испросив согласие мужа, устроила для Елисея место обитания, дабы он мог иметь у нее отдых (см.: 4 Цар. 4, 9–10); она устроила для него постель, светильник и трапезу; постель не была лишена одеяния, но была снабжена приличным пророка убранством; светильник был не без света, но с елеем, горящим и светящим; трапеза была не без хлеба, но преисполнена пищи.

Точно так же кто скажет что о той убогой вдовице, которая принимала пророка Илию (см.: 3 Цар. 7, 9)? Она не имела многих пенязей, но явила богатство благорасположения. У нее не было ни пшеницы, ни вина, ни иного чего из числа предметов земных; у нее не было поля, засеянного пшеницею, которое приносило бы ей хлебные злаки; виноградник не родил для нее сладостного гроздия; растения не рождали для нее сладких овощей. Каким же образом она могла принимать и питать пророка? Хотя она не имела даже и пяди земли для обработки, не имела также виноградника и на локоть (то есть

площадью, или объемом), но всегда во время жатвы ходила по меже и, наклонившись к земле, собирала колосья, падавшие из-под серпов жнущих; таким образом она на каждый год запасала для себя необходимое количество пищи. К этой-то вдовице пришел Илия во время голода, когда вся земля истаявала от бездождия, когда небо разгоралось, воздух раскалился, облака заключились; когда не было ни злака, ни цветка, ни отпрыска растения, ни дыхания влажного ветра, орошавшего и поднимавшего рост молодых колосьев; когда реки иссохли, источники, питавшие реки, исчезли от зноя, а море стало весьма соленым, ибо пресные воды не попадали в него по причине того, что дождь и потоки иссякли. Тогда-то пришел Илия к убогой вдовице. Но вы знаете, как страдает вдовица и во время хорошего урожая. Однако пророк оставил богатых, имевших обильные запасы хлеба, и, сойдя с горы, пришел к вдовице. Но почему Илия, низведший с неба огонь своим словом, не низвел себе хлебов? Может быть потому, что не мог? Нет, мог, но не сделал так. Почему же? Дабы не лишить плодов нищелюбия вдовицу и дабы увеличить благословением сосуд с мукою и небольшой запас масла. Ибо пророк пришел не столько с целью напитаться, сколько с целью напитать убогую и сделать явным скрытую в сердце ее добродетель и благорасположение. Так творит Бог: ибо, будучи в состоянии питать всех рабов Своих, бывших вместе с Ним в мире, Он требует подаяния, дабы обнаружить благорасположенные сердца делами их нищелюбия. И когда уже не бывает никого, кто мог бы напитать их (рабов Своих), тогда Он питает их или птицами, как Илию на горе, или чужестранным пророком, как Даниила во рву, или зверем морским, как Иону китом, или Сам от Себя посылает пищу, как отцам нашим в пустыне; ибо, когда у них не было ничего, что бы они могли взять (себе для питания), тогда Он ниспослал им с неба манну и источил из камня воду. Но когда святые Его живут в миру с прочими людьми, то Бог удерживает десницу Свою, хотя и видит их скорбными; оставляет их, дабы вознаградить благодатию тех, кто пожелает благотворить им; ибо через это могли бы получить спасение многие.

Итак, Илия пришел к вдовице, у которой не было ничего, кроме горсти муки, которой ей могло хватить разве только на один обед для нее и для детей ее. Что же говорит ей пророк?

— Принеси мне немного воды в сосуде, дабы я мог напиться.

Когда она пошла за водой, то он сказал вслед ее:

— Принеси мне также в руке твоей и хлеба печеного.

Она сказала о том, чего не имела, но то, что имела, не утаила, а объявила, сказав:

— Бог свидетель, что нет у меня хлеба в потаенном месте, только горсть муки и небольшое количества масла в сосуде.

Замечательно уже то, что, несмотря на такую скудость, она не утаила бывшего у ней небольшого остатка пищи. Как много ныне таковых, которые, имея много золота и серебра, не делятся с друзьями своими, когда те просят у них! Даже и тогда, когда их упрашивают с любовью, они говорят, что не имеют ничего, не желая давать; но если, после долгих просьб, склонятся к тому, чтобы дать кому-либо взаймы, тогда берут с тех, кому дают, расписку, более прочную, чем железо, связывают подписью руку принимающую, в присутствии свидетелей и поручителей. Но та вдовица по одному слову не отреклась от горсти муки.

Что́ же сказал ей пророк?

— Поспеши и приготовь опресноки, прежде всего для меня, потом же для тебя и для детей твоих.

Сие слово пророческое было испытанием, — было испытанием сердца, было испытанием благорасположения. Сердце блаженной вдовицы находилось как бы в тисках, будучи в недоумении, что предпочесть: любовь ли к своим детям или нищелюбие к пророку? И предпочла вдовица лучше обидеть себя и детей своих, пророка же принять, ибо знала, что *кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка* (Мф. 10, 41); и напоивший чашею студеной воды во имя ученика, не потеряет награды своей (см.: Мф. 10, 42).

Но почему же пророк сказал: «Поспеши!» Разве он был настолько голоден, что нуждался в особенном усердии вдовицы? Нет, ни в каком случае, но он таинственно знаменовал этим, что благое дело до́лжно творить с усердием и радостью, а не с печалью и тоскою: *ибо доброхотно дающего любит Бог* (2 Кор. 9, 7).

— Поспеши и приготовь, прежде всего для меня, потом же для тебя и для детей твоих.

«Поспеши», — подобно тому, как Авраам, когда к нему пришли Ангелы, поспешил к волам и заколол тельца, дабы принять Агнца

(см.: Быт. 18, 6); также подобно тому, как Сарра поспешила к опреснокам, дабы получить хлеб, сокрытый в небесах.

Поспеши и поступи так, как Авраам с жертвами Богу; не тебе первой и потом мне, как поступили Каин, Офни и Финеес, сыновья священника Илия, которые уничижали Бога, взимая в свою пользу начатки даров, приносимых Богу.

Вдовица исполнила приказание пророка с усердием.

Пророк же, приняв хлеб, хотя малый, но поданный с великим усердием, вкусил от него и наполнил благами дом ее, ибо он сказал:

— Не оскудеет горсть муки в водоносе и масло в сосуде, до тех пор, пока Господь не пошлет дождя на землю.

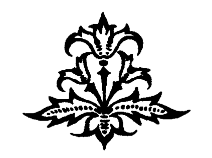
Но почему — до того времени (когда будет ниспослан дождь)?

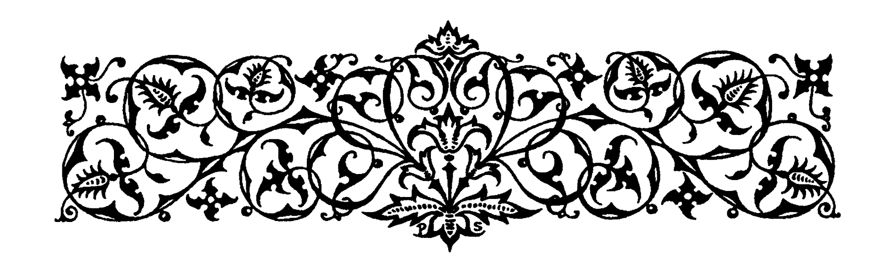
Дабы таинственно показать, что Ветхий Закон оканчивается тогда, когда явилась новая благодать, как дождь с неба.

И действительно, случилось так, как сказал пророк.

Видишь ли, как добрые женщины получили плоды нищелюбия? Ибо благие труды дают благие плоды и неистлевающий корень целомудрия.

Вы, женщины, слышали о делах злых женщин и о добродетели благих; одни возлюбите, других же сторонитесь; тем подражайте, другие же возненавидьте, дабы, следуя пути благих (женщин), вы были бы сопричислены к лику святых, о Христе Иисусе, Господе нашем, Коему подобает слава и держава вечно. Аминь.





День тридцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТЫХ ОТЦОВ НАШИХ:
АЛЕКСАНДРА, ИОАННА и ПАВЛА,
патриархов Константинопольских

Святой Александр был архиереем (хорепископом[1]) при святейшем Митрофане, первом патриархе Константинопольском[2]; Александр был преукрашен всякими добродетелями. Когда был созван I Вселенский собор в Никее, то на собор послан был как ревностный поборник благочестия Александр, ибо патриарх Митрофан не мог быть на соборе по причине своей старости, а также и по причине недугов телесных. Занимая место патриарха на этом соборе (то есть будучи его представителем и заместителем), Александр ревностно защищал веру православную против злочестивого Ария. Когда заседания собора окончились и Александр уже возвращался в Константинополь, блаженному Митрофану явился Ангел Господень и возвестил Митрофану о близости его кончины и повелел назначить после себя патриархом Александра. Ангел сказал Митрофану:

— Через десять дней ты примешь венец от Богу; престол же патриаршеский пусть примет после тебя твой сослужитель Александр.

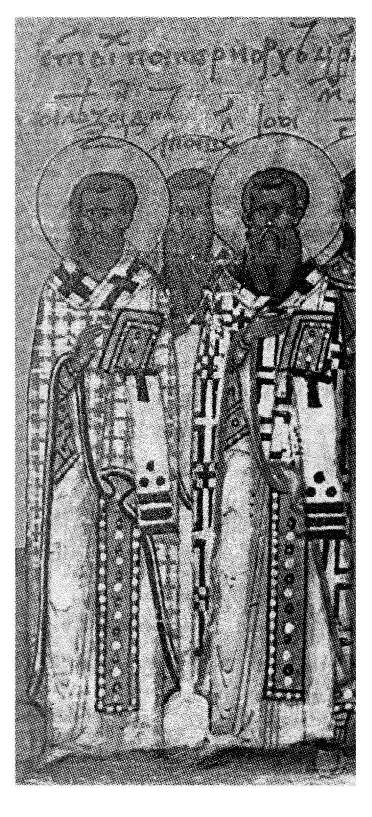
Благочестивый царь Константин[3] вместе со многими отцами пришел к святейшему патриарху Митрофану, лежавшему уже на од-

---

[1] *Хорепископ* — сельский епископ, — епископ селений, прилежащих городу.

[2] *Митрофан* патриаршествовал с 315 по 325 год.

[3] *Император Константин Великий* управлял Востоком с 324 по 337 год, Западом — с 306 по 337 год.



ре смерти. Когда Константин спросил его, кому бы он благословил передать престол патриаршеский после его смерти, то святой Митрофан ответил на это:

— Господь открыл мне, что после меня престол примет сослужитель мой Александр, поистине достойный избрания и дара Духа Святого.

Так и совершилось.

После того как святейший патриарх Митрофан отошел ко Господу, патриархом Константинопольским был поставлен Александр, который с усердием пас словесное стадо Христово[1], отгоняя волков, — еретиков и еллинов, ибо не только с арианами, но и с философами еллинскими (Александру) пришлось вести великую борьбу.

Так, однажды некоторые из числа еллинских философов осмелились, подойдя к царю, обличить его в том, что он, отвергнув древнюю веру отцов, а также и законы римские и греческие, принял некую новую веру и новые законы, что вело, как говорили эти философы, не к укреплению, а к разрушению царства. Философы просили царя разрешить им вступить в прение о вере с епископом Александром. Царь разрешил это прение. Святитель Божий Александр, хотя и не был обучен еллинской философии, однако, преисполненный Духа Святого, не отказался от прений.

Когда философы собрались в большом числе и изъявили желание все одновременно вступить в прение с христианским епископом, то святитель предложил им избрать из своей среды одного, более мудрого и красноречивого философа, и поручить ему вести прение; остальные же философы могли слушать прение.

— Невозможно, — рассуждал святой Александр, — одному человеку переговорить вас всех, кричащих и возглашающих.

[1] *Александр* патриаршествовал с 325 по 340 год.

Философы выбрали из своей среды одного, коего считали более мудрым, и представили его святителю, а сами приготовились слушать со вниманием. Начиная прение, святейший патриарх Александр сказал тому философу:

— Именем Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе умолкнуть!

И тотчас у философа отнялся язык и он стал немым, так что не мог сказать ни одного слова.

Тогда все собрание философов пришло в страх и стыд, так что одни из них бежали с позором, а другие уверовали во Христа. Философ же, лишившийся дара слова, дал знаками понять, что он признает как свое заблуждение, так и правоту веры христианской; потом он припал к ногам святителя; и тотчас освободился язык его от немоты: он начал во всеуслышание прославлять Господа нашего Иисуса Христа, после чего был крещен вместе с прочими друзьями своими.

По этому случаю царь и все верующие возрадовались, и прославляли все Бога, даровавшего столь чудесную силу угоднику Своему.

Святой Александр потом умертвил своей молитвой и злочестивого Ария.

Еретик Арий, спустя несколько лет после I Вселенского собора, был призван в Константинополь; здесь он обольстил, по своему лукавству, благочестивого царя Константина так. Константин спросил его: так ли он верует, как заповедали веровать святые отцы на соборе Никейском? Арий же, держа на груди у себя хартию с написанием своего зловерия, ударил себя рукою в грудь и сказал:

— Я так верую!

Таким образом этот еретик, по видимому, выражал согласие с верованием, утвержденным в Никее, но в уме своем говорил, что веровал так, как написал своею рукою, каковая запись и находилась у него на груди. И клялся нечестивый пред царем, говоря, что «веровал так».

Не подозревая о таком лукавстве, царь поверил словам Ария и послал его к святейшему патриарху Александру, повелев ему принять в общение церковное имя Ария, как православного; при этом назначен был и воскресный день, в который Ария дóлжно было ввести в храм для общения с верными.

Однако святой Александр отказывался принять в общение Ария, как основателя ереси.

Между тем суббота проходила и наступало воскресенье. В ночь на воскресенье архиерей Божий повергся на молитву в алтаре пред престолом. Со слезами молил он Бога взять душу его из тела, лишь бы не видеть ему того дня, в который Арий притупит к общению церковному и к причащению святых Таин; или же, по милосердию к Церкви Своей, истребит Ария из среды живых.

Святой Александр молился так всю ночь; наступило утро, и приближалось время Литургии. Из палат царских Арий вышел с великою гордостию, направившись к храму; он был окружен царскими сановниками, сочувствовавшими его ереси, и множеством оруженосцев.

Когда Арий подошел к тому месту, которое называлось «Торжищем Константиновым» (здесь стоял мраморный столп, имевший на себе изваяние царя), то его охватил великий страх от угрызавшей его совести; по причине страха Арий почувствовал необходимость в удовлетворении потребности телесной и начал искать некоего скрытого места. Неподалеку оттуда находилось общее народное место; войдя туда, Арий был неожиданно поражен лютой болезнью внутренностей, и разверзлась утроба у нечестивого, как у Иуды (см.: Мф. 27, 1), так что все внутренности вышли из него.

Так ужасно погиб еретик.

Стоявшие поблизости и ожидавшие выхода Ария, видя, что он долго не выходит, сами вошли к нему, и нашли его мертвым, лежавшим в гное и в крови. И тотчас по городу прошло известие о страшной неожиданной смерти еретика Ария; еретики были посрамлены, православные же весьма радовались, что Христос, Бог истинный, явил мщение Своему врагу и хулителю; наипаче же воздавал благодарение Христу Богу святейший патриарх Александр, благодаря Бога за то, что Он явил милосердие Церкви Своей и спас ее от того лютого волка.

Благочестивый царь Константин Великий, узнав о такой смерти Ариевой, еще более укрепился в благочестивой вере и уже до самой кончины своей защищал догматы собора Никейского.

Такую силу пред Богом имела праведная молитва великого архи-

ерея Божия Александра. Подобно острому оружию, она умертвила врага Божия и доставила торжество Церкви Православной; об этом впоследствии упоминал святой Григорий Богослов[1] в своем слове к цареградцам, отзываясь с одобрением и похвалою об Александре, говоря так:

— Поистине скажу вам: вы — ученики славного Александра, ревностного поборника и проповедника Святой Троицы, который и словом и делом вооружился против еретического заблуждения. Вы помните о его равноапостольной молитве, которою он уничтожил начальника и руководителя еретиков на месте, которого был достоин нечестивейший язык, дабы позором воздать за позор и дабы бесчестною смертью, посланною по заслугам, было бы обличено навеки смертоносное зло еретичества, погубившего много душ.

Это слово говорил святой Григорий на похвалу святого Александра и на посрамление нечестивого Ария, почему и упомянул о смерти Ариевой, случившейся в бесчестном месте, по молитвам Александра; ибо, подобно тому как Арий оскорблял Сына Божия, хуля Его Божество, равносильное и соприсносущное Богу Отцу, так и сам принял смерть бесчестную; таким образом за оскорбление было отомщено оскорблением.

Святой Александр пас Церковь Христову достаточное число лет, пока не достиг глубокой старости. Когда он уже был при смерти, его словесные овцы обступили одр пастыря своего и спросили его:

— На кого оставляешь ты нас, своих детей, отче? Кого ты поставишь вместо себя нашим пастырем; кто бы мог, идя по стопам твоим, твердо управлять Церковью?

Александр, указав на двух честны́х мужей — именно на Павла пресвитера и на Македония диакона, сказал в ответ:

— Если вы желаете иметь пастыря разумного и украшенного добродетелями, то выберите себе Павла; если же хотите иметь пастыря только благовидного, сияющего внешнею красотою, то изберите Македония.

---

[1] *Святой Григорий Богослов* (Назианзин) был недолго (менее года) патриархом Константинопольским; он известен своими возвышенными творениями, за которые и получил название «Богослова». Память его совершается 25 января.

Сказав это, святейший патриарх Александр преставился ко Господу, имея от рождения своего девяносто восемь лет. После него престол восприял святой Павел, первый патриарх Константинопольский с этим именем[1] (память его — 6 ноября).

Святой Иоанн, прозванный Каппадоксом, ибо он был родом из Каппадокии, воспринял престол Константинопольского патриаршества после неправоверного Тимофея[2], в конец царствования еретика Анастасия[3]. Избран он был против своего желания (ибо не хотел принимать этот высокий сан), и был возведен на престол патриаршеский скорее народом правоверным, нежели властью царскою. Иоанн не имел покоя от нечестивого царя (Анастасия) до дня смерти его, будучи ненавидим им и преследуем; ибо этот царь защищал ересь Севера, псевдопатриарха Антиохийского[4], противника собора святых отцов, бывшего в Халкидоне (IV Вселенского)[5]. Этот еретик Север, следуя учению Диоскора и Евтихия, отлученных на том соборе и преданных анафеме, признавал лишь одно естество в Лице Господа нашего Иисуса Христа: он утверждал, что Слово и плоть в воплощении слились в одно естество, и не признавал в едином Лице Христовом двух естеств, как научили веровать святые отцы и как и ныне, богословствуя, Церковь воспевает: «естеством Бог сый, и естеством быв человек нас ради: не во двою́ лицу́ разделяемый, но во двою естеству неслитно познаваемый»[6]. Упомянутый суемудренный противник Православия ошибочно утверждал, что Божество Святой Троицы страдало на кресте вместе с человечеством Христовым; по этой причине он прибавлял к пению Трисвятого такие слова: «распныйся за ны, помилуй нас».

От этого окаянного Севера возникла ересь акефалов, то есть безглавых, названных так потому, что они не признавали власти епископов православных над подчиненными им Церквами, подобно тому как глава начальствует над прочими членами; но каждый из них счи-

---

[1] *Павел I* патриаршествовал с 340 года; в скором времени был изгнан и снова возвращен в 347 году; управлял патриаршим престолом до 350 года.

[2] *Тимофей I* патриаршествовал с 511 по 518 год.

[3] *Император Анастасий (Дикор)* царствовал с 491 по 518 год.

[4] *Север* патриаршествовал с 512 по 519 год.

[5] В 451 году.

[6] Догматик 6-го гласа.

тал себя начальником и учителем, согласно собственному умствованию. После того, как неправоверные епископы и пресвитеры, защищавшие это лжеучение, умерли, среди тех еретиков не совершалось по обычному церковному чину ни крещения, ни Божественной литургии; причащались же они приготовленным заранее и долго сохраняемым агнцем, собираясь во дни святой Пасхи и раздробляя агнец на маленькие частицы. Тогда каждый из этих еретиков избирал для себя веру, какую хотел; самовольно приняв власть учительства, они учили и других, проповедуя им свое лжеучение. Поэтому от этих еретиков расплодилось весьма много ересей, противоречивших одна другой; об этих еретиках упоминает греческий церковный историк Никифор Каллист, в восемнадцатой книге, в главе сорок пятой, замечая так:

— К числу таковых еретиков принадлежал злочестивый царь Анастасий, который много повредил Церкви Божией, изгоняя православных архиереев с их престолов; этот царь пожелал изгнать и святого Иоанна, патриарха Константинопольского, но суд Божий постиг еретика, и жизнь его была пресечена смертью.

Не излишне было бы упомянуть здесь и о смерти этого нечестивого царя, случившейся при таких обстоятельствах.

За несколько дней до своей кончины, царь видел во сне некоего страшного мужа, подобно судии восседавшего со славою на высоком престоле, причем ему предстояли многие. Судия держал в руке Своей книгу; раскрыв эту книгу, он нашел в ней имя Анастасия и, показав это Анастасию царю, сказал:

— Я хотел дозволить тебе пожить большее время, но по причине твоего нечестия Я изглажу из жизни твоей четырнадцать лет.

Сказав так, Судия изгладил написанное в книге; царь же, будучи объят страхом и трепетом, встал с тревогою от сна, позвал одного из ближайших советников своих, по имени Аманта, во всем согласного с ним (а также согласного и этого еретическим мудрствованием), и пересказал ему с печалью о том сонном видении. Амант, выслушав царя и придя в ужас от его рассказа, сказал:

— В эту ночь и я имел страшное видение: мне представилось, что я стоял близ твоего лица царского, как бы слуга, но подошла большая свинья, схватила меня за верхнюю одежду и, бросив меня на землю, съела.

Пересказывая друг другу о таких страшных снах и приходя от этого в ужас, они позвали некоего волхва, по имени Прокла, и рассказали ему сны свои, дабы он истолковал их. Он сказал им, что они оба скоро умрут.

И действительно, в скором времени во дворец царский ударила молния и убила царя. Так погиб нечестивый злою смертью.

По кончине царя Анастасия на престол царский был избран Иустин[1], муж благочестивый и праведный. Амант же и прочие нечестивцы, споспешествовавшие злым делам Анастасия и притеснявшие верных, были преданы, по суду праведному, смерти. Таким образом сбылись на Анастасии и на Аменте их сонные видения.

После погибели этих врагов наступили мир и спокойствие в Церкви Христовой и среди ее пастырей. Святейший патриарх Иоанн вместе с новоизбранным благочестивым царем Иустином и со всем правоверным народом возрадовались освобождению Церкви святой от ига мучителей и воспели в храме благодарственные пения. В скором же времени после этого они (царь и патриарх) созвали ближайших епископов (числом сорок) на Поместный собор и предали анафеме Севера, лжепатриарха Антиохийского, и всех единомышленников его, а вместе с тем утвердили и восхвалили IV Вселенский собор, бывший в Халкидоне.

Остальные дни жизни своей святой Иоанн прожил в мире церковном, со усердием пася вверенное ему стадо и угождая Богу; пробыв на престоле три года, Иоанн с миром отошел ко Господу[2].

Святой Павел, почитаемый ныне, — четвертый Константинопольский патриарх того же имени, был родом из Кипра; престол патриаршеский он воспринял после Никиты[3], еретика иконоборца[4], в царствование Льва[5], сына Копронимова. О святом Павле упоминается в жизнеописании святого Тарасия[6].

---

[1] *Иустин I* царствовал с 518 по 527 год.

[2] *Иоанн* патриаршествовал с 518 по 520 год.

[3] *Никита I* патриаршествовал с 766 по 780 год.

[4] Иконоборческая ересь появилась в VIII веке. Иконоборцы неразумно смешивали иконопочитание с идолопоклонством. Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры: Лев III Исаврянин (717–741 гг.) и Константин V Копроним (741–775 гг.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, происходившем в 787 году в городе Никее.

[5] *Лев IV (Хазар)* царствовал с 775 по 780 год.

[6] Память святого Тарасия празднуется святой Церковью 25 февраля.

Павел был муж добродетельный и благочестивый, но слишком слабовольный и боязливый, ибо, видя великие мучения за святые иконы, которые принимали многие правоверные от нечестивого царя, он утаивал благочестие свое и вступал в общение с еретиками, хотя и не хотел того. По смерти того нечестивого царя он хотел восстановить благочестивый обычай поклонения святым иконам, но не мог этого сделать, ибо не имел себе помощника; между тем иконоборчество сильно укрепилось во всем городе, а также и в окрестных странах. По этой причине Павел был весьма опечален; видя, что на успех надеяться трудно, он решил оставить престол патриаршества своего, на коем он пробыл не более четырех лет; заболев, он тайно ушел из дома патриаршеского в монастырь святого Флора, где принял на себя святую схиму.

Скоро всюду знали об этом, и все были в великом удивлении.

Царица Ирина[1] весьма опечалилась по этому случаю, узнав, что патриарх поступил так, никому ничего не сказав. Ирина пришла к нему с сыном, царем Константином, и спросила его:

— Отче? Что ты сделал и по какой причине ты поступил так?

Павел же отвечал на это:

— Этот святой образ схимнический побудила принять меня болезнь и ожидание близкой смерти, но более всего побудили меня оставить престол патриаршеский церковные смуты и раздоры; ибо Церковь страдает, будучи возмущаема ересью иконоборческою; по причине долгого нечестивого мудрствования еретиков, Церковь получила сильную рану, и я, окаянный, трижды уже одобрял ту ересь рукою моею и моею подписью; я не только не избежал сетей зловерия, но я погряз в них и языком и рукою моею, о чем ныне весьма скорблю; но всего более уязвляет и отягощает мою душу то, что я вижу, как все страны, подчиненные вашей власти, храня твердо православное исповедание веры, пребывая в православном учении и веселясь, чуждаются Церкви нашей и гонят нас, как чуждых овец, от себя, как стада Христова. По этой причине я не желаю быть пастырем еретическому собранию и предпочитаю лучше быть во гробе, нежели подлежать анафеме от святой четверицы престолов апостольских[2]. Но так как Бог дал в руки ваши власть скипетра, дабы

[1] *Императрица Ирина* царствовала с 797 по 802 год.

[2] Разумеются патриаршеские престолы: Константинопольский, Римский, Антиохийский и Александрийский.

вы имели царское попечение о христианском стаде, рассеянном по поднебесной, то обратите свое внимание на скорбь Матери вашей — Церкви, и не допустите ей пребывать более в неутешной печали, но всячески позаботьтесь о том, чтобы она опять приняла прежнее свое благолепие. Не дозволяйте более мерзкой ереси, подобно некоей свинье, вышедшей с поля, опустошать и разорять виноград Христов в ваше благоверное царствование; не дозволяйте ереси осквернять виноград Христов нечестивым мудрствованием. Вы имеете искусного делателя, который может возделать гроздь истинного исповедания, выработав его в божественном точиле единой Церкви. Этот делатель наполнит чашу премудрости и приготовит для народа благочестивого питие православного мудрования.

Спросили его:

— Отче? О ком ты говоришь это?

Он отвечал:

— Я говорю о Тарасии[1], первом советнике вашем царском; я знаю, что он достоин быть управителем Церкви, так как он может жезлом разума своего отогнать еретическое суесловие и упасти разумно словесное стадо Христово, собрав его за единой оградой правоверия.

Услыхав такие слова от патриарха Павла, благочестивая царица Ирина и сын ее, царь Константин, отошли со скорбью. Павел же, обратившись к некоторым вельможам, оставшимся у него, сказал им:

— О, как бы хотел я не быть на том престоле в то время, когда Церковь была в смятении от еретиков, осужденных вселенскими престолами. Если не будет созван VII Вселенский собор и если не будет осуждена ересь иконоборческая, вы не будете спасены.

Вельможи сказали ему:

— Для чего же ты, при поставлении в патриархи, дал письменное одобрение иконоборчеству?

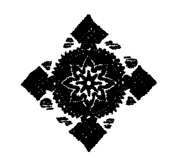
Отвечал Павел:

— Так как я дал тогда подпись, то теперь я каюсь в этом и боюсь наказания от Бога за то, что молчал тогда страха ради и не говорил вам истины. Ныне же я каюсь и говорю, что вы не можете надеяться на спасение, если пребудете в том еретическом мудрствовании.

[1] *Тарасий* был патриархом Константинопольским (после Павла IV) с 784 по 806 год.

Спустя несколько дней после этого патриарх почил с миром[1]. С того времени граждане в Константинополе начали свободно и безбоязненно беседовать и препираться с еретиками о святых иконах, в защиту которых никто не дерзал со времени Льва Исавра[2] открыть уст своих.

Уведав все это о воспоминаемых ныне трех святителях: Александре, Иоанне и Павле, прославим Единого в Троице Бога, Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.



---

[1] Павел IV патриаршествовал с 780 по 784 год.

[2] *Лев III (Исавр)*, царствовавший с 717 по 741 год, был яростным иконоборцем.

ЖИТИЕ
СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО[1]

Святой благоверный великий князь Александр Ярославич родился в 1219 году, 30 мая, в городе Переяславле[2].

Отец Александра Ярославича, великий князь Ярослав Всеволодович, по отзывам его современников, был кроткий, милостивый, благочестивый, всеми любимый князь. Мать благоверного Александра, благоверная княгиня Феодосия, своим благочестием и подвижничеством еще при жизни своей приобрела и от современников имя святой княгини[3]. Под надзором благочестивых, нежно любивших его родителей и проходили детские годы жизни благоверного князя Александра.

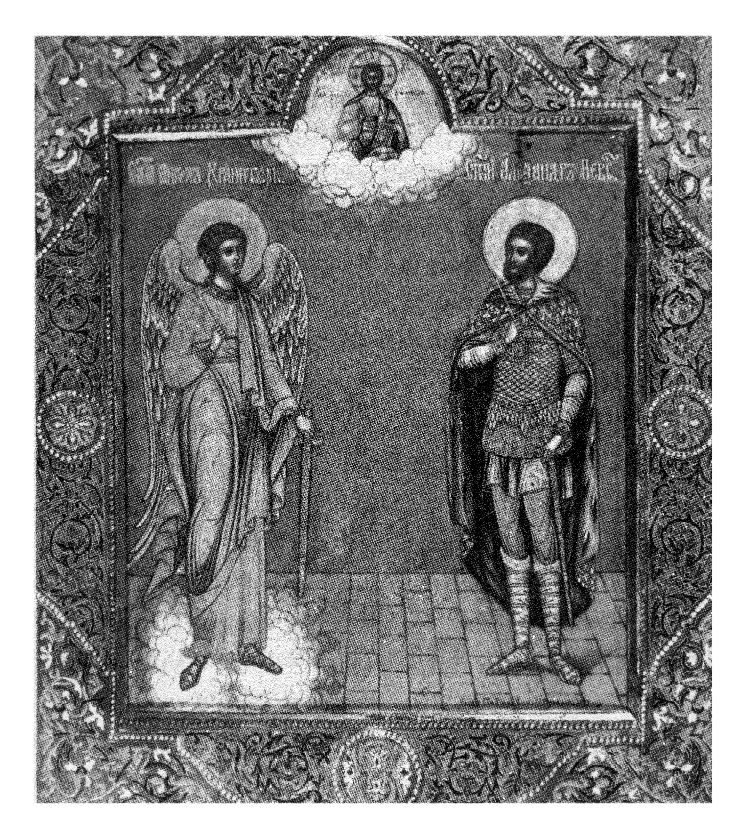
По тогдашнему обычаю его рано начали учить, и так как при воспитании больше всего заботились тогда о развитии в душе ребенка страха Божия и благочестия, то и учили благоверного князя прежде всего священным книгам — Евангелию, Псалтири, любимой в святой Руси священной книге, в мудрых словах которой наши благочестивые князья искали и находили себе утешение в самые тяжелые

---

[1] Сведения о жизни благоверного князя Александра Ярославича находятся в древних житиях его и в летописях. В Древней Руси составлено было пять житий благоверного князя, из которых первое, краткое, написано было современником Александра Ярославича, а последнее, самое подробное, — уже в XVII веке, на основании древнейших житий, последовательно пополнявших одно другое.

[2] Теперь это маленький городок Владимирской губернии (на реке Трубеже, при впадении ее в Переяславское озеро), но в то время он был главным городом удельного княжества Переяславль-Залесского.

[3] *Благоверная княгиня Феодосия*, дочь знаменитого русского князя Мстислава Мстиславича Удалого, скончалась в 1244 году.



Святые Ангел хранитель и благоверный князь Александр Невский

минуты своей жизни, когда ни от кого, кроме Господа, нельзя было ожидать ни помощи, ни утешения.

Господь с детских дней готовил в благоверном князе Александре светильник, горящий верою добродетелями. По свидетельству древнего описателя жизни благоверного князя, никогда он не предавался детским забавам и развлечениям. Любимым его занятием было чтение священных книг, любимым отдыхом — пламенная молитва к Господу, пример которой он постоянно наблюдал в лице своей благочестивой матери. Пением церковных песнопений услаждал он свою душу, постом и воздержанием укреплял и развивал свои телесные силы.

Наряду с книжным обучением в княжеской древнерусской семье много внимания обращалось и на воспитание физическое: на развитие силы и ловкости, уменья владеть мечом и копьем, ездить на

коне и тому подобное, так как князь должен был быть опытным не только в подвигах духовных, но и в подвигах ратных, должен быть не только воином Христовым, но и воином земным, уметь защитить святую Церковь и силою слова, и, когда это требовалось, силою меча. И благоверный князь Александр, непобедимый витязь, как называли его современники, в совершенстве усвоил эту сторону княжеского воспитания и для своих соратников был не только руководителем, но и образцом ратной доблести.

Рано начинали подготовлять юных князей и к предстоявшей им правительственной деятельности. И здесь для благоверного Александра высоким примером и образцом для подражания мог служить его знаменитый отец, этот, — по отзыву современников, — страдалец за Русскую землю, положивший душу свою за вверенную ему Богом в управление страну.

Но недолго благоверному князю Александру пришлось жить под родительским кровом и попечением; очень рано пришлось ему вступить на самостоятельный жизненный путь.

Богатый в то время Великий Новгород, владевший почти всем теперешним севером Руси, «вольный» город, сам предписывавший себе законы и порядки, сам выбиравший себе князей и удалявший их, — предложил княжеский стол отцу благоверного князя Александра Ярославу. Ярослав Всеволодович принял это предложение; но он не мог примириться с тем подчиненным положением, в каком находился князь у новгородцев. По примеру некоторых из своих предшественников, он стремился усилить значение княжеской власти в Новгороде, устранить беспорядки в жизни этого вольного города и этим скоро вызвал против себя недовольство новгородцев. В 1228 году, разгневавшись на новгородцев за их непокорность, Ярослав Всеволодович удалился в свой Переяславль, оставив в Новгороде, на попечении доверенных своих бояр, двух малолетних своих сыновей — Феодора и Александра. 5 июня 1233 года совершенно неожиданно скончался старший из княжичей, в то время как шли приготовления к его свадьбе, и благоверный князь Александр остался одиноким в чужом для него городе.

Нелегко было его положение здесь. С одной стороны, свободолюбивые новгородцы хотели, чтобы молодой князь не выходил из-

под их воли, послушно исполнял их желания, считался с их вольностями и обычаями. С другой стороны, твердый в своих стремлениях, Ярослав Всеволодович требовал от сына идти тою же дорогою, какою шел он, заботиться о возвышении в Новгороде княжеской власти, не считаясь с вспышками недовольства этим новгородцев. Сколько от юного князя требовалось твердости воли, осторожности и в то же время уменья обращаться с людьми, снисходительно относиться к их взглядам и привычкам, чтобы, выполняя план отца, привлечь к себе доверие и любовь новгородцев, не хотевших поступиться чем-либо из своих вольностей. Он жил здесь как бы между двух огней, всегда настороже, успешно обходя все трудности. Им доволен был отец; его полюбили новгородцы, называли его «наш князь» и гордились тем, что у них княжит Александр, которого каждая русская область хотела бы видеть своим князем.

И не одним умом и мудрым управлением привлекал к себе умы и сердца новгородцев благоверный князь Александр. Привлекали их к святому князю и его редкие душевные качества, а также наряду с духовною красотою, необычайная красота телесная, которая поражала всех, кто хоть раз видел благоверного князя. О том неотразимом впечатлении, которое производил благоверный князь Александр своею внешностью, в древнем его житии сохранилось следующее известие.

В Новгород прибыл один из немецких рыцарей, по имени Андриаш. Пораженный дивною красотою благоверного князя Александра он, по возвращении на родину, в следующих словах передавал своим соотечественникам свои впечатления: «Я прошел многие страны, видел много людей, но ни среди царей, ни среди князей я не встретил ни одного, который мог бы сравняться с князем Александром».

Такое же впечатление произвел величественный образ благоверного князя Александра и на страшного завоевателя Руси — Батыя. Что же касается русских людей, современников святого Александра, то они, описывая внешний вид своего князя, подобно немецкому рыцарю, не могли подыскать сравнений из современной жизни. По красоте они сравнивали благоверного князя с патриархом Иосифом, которого фараон поставил начальником над всею Египетскою стра-

ною, по силе — с ветхозаветным судиею Сампсоном, по уму — с царем Соломоном, по мужеству и военным доблестям — с древним Римским императором Веспасианом[1].

Когда благоверный князь говорил с народом или отдавал приказания своим воинам, то, замечает современник — описатель жития князя, его голос звучал как труба.

Но еще больше привлекал к себе благоверный князь своею духовною красотою, которая современникам его казалась такою же необычайною, как и красота телесная. «Он был милостив паче меры», — заметил летописец.

Милосердие представляло собою отличительную, наследственную черту в княжеской семье благоверного князя Александра. Ею отличались его родители, Ярослав и Феодосия, ею стяжал себе общую любовь дядя благоверного Александра, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, ее заповедал предок святого Александра, великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах, великий древнерусский милостивец, привлекавший к себе всех своею щедростью и готовностью помочь каждому нуждавшемуся.

События новгородские, при которых проходила юность благоверного князя Александра, особенно должны были содействовать развитию в святом князе этой унаследованной им от предков черты. Богатый торговый Новгород, вследствие не вполне благоприятных почвенных условий для земледелия, нередко страдал от недорода и бесхлебья. В такое время цена на хлеб страшно поднималась, и бедному люду иной раз угрожала голодная смерть. Подобное несчастие и произошло в первые годы жизни благоверного князя Александра в Новгороде.

В 1230 году, вследствие раннего мороза, в Новгородской области погибли все озимые посевы. Подвоза хлеба не было, так как и в других местах Руси был недород хлеба. Незначительную помощь новгородцы могли получить от западных своих соседей, немецких купцов, с которыми Новгород вел широкую торговлю. Но того, что могли доставить иностранные купцы, было слишком мало. За недостатком хлеба начали есть мох, липовую и сосновую кору, желуди, потом принялись за конину, собак и кошек, но и этой пищи не хватало. Множество непогребенных трупов людей, умерших от голода, валя-

[1] *Император Веспасиан* царствовал с 70 по 79 год.

лось по улицам; некому было позаботиться о их погребении, каждый жил под страхом такой же ужасной смерти. Голод, казалось, заглушал в сердцах людей все человеческие чувства. Брат брату, отец сыну, мать дочери отказывали в куске хлеба. Родители продавали детей в рабство, только бы добыть себе этот несчастный кусок. Наконец, обезумев от голода и отчаяния, начали есть человеческие трупы, а некоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живых людей, убивали их и поедали. Дороги и улицы опустели, каждый боялся выходить или выезжать из дома. Никакие казни не останавливали пойманных и уличенных; голод пересиливал страх наказания и смерти. Всякий гражданский порядок приходил в разрушение: начались грабежи, поджоги жилищ, с целью отыскать какие-нибудь запасы хлеба, началась братоубийственная резня. Благоверный князь Александр, тогда почти еще ребенок, переживал вместе с новгородцами все эти ужасы, и нужно представить, как они повлияли на его впечатлительную детскую душу. Но это несчастие не было единственным. Не один раз повторялись, в меньшей лишь степени, такие же бедствия и позднее; напоминая собою пережитое, они вселяли страх и за будущее.

В благоверном князе эти несчастия бедного люда вызывали к нему особую жалость. По свидетельству древнего жизнеописания, Александр Ярославич был истинным другом всех нуждающихся и обездоленных, отцом вдовицам и сиротам, питателем нищих и убогих. Памятуя заповедь Спасителя не собирать себе сокровищ на земле, он щедро оделял нуждающихся, и из княжеского дома никто не уходил неудовлетворенным в своей просьбе.

Наряду с страшными бедствиями Божиего наказания благоверному князю Александру, живя в Новгороде, приходилось много наблюдать и бедствий, происходивших от человеческого произвола и несправедливости.

Свободный город, так дороживший своею вольностью, не всегда и не ко всем был одинаково справедлив и заботлив. В народных собраниях, на которых решались все государственные дела, нередко под влиянием богатых людей проходили такие постановления, которые тяжело отзывались на судьбе людей бедных и справедливо вызывали с их стороны ропот и недовольство. Обиженные не всегда могли найти защиту у людей, стоявших у власти, так как обычно эта

власть, приводившая в исполнение постановления народных собраний, принадлежала тем же богатым людям. И нередко недовольство переходило в открытое возмущение; враждующие стороны жестоко расправлялись с теми, кто казался им главным виновником. На Волховском мосту[1] происходили ужасные зрелища: живых людей сбрасывали в реку, и только голос новгородского святителя, призывавший забыть вражду и злобу, очистить себя молитвою от братской крови, останавливал эту братоубийственную вражду. Новгородский князь не мог в таких случаях предпринять что-либо для успокоения города, он вынужден был оставаться сторонним зрителем происходивших ужасов, так как его вмешательство вместо успокоения могло бы вызвать еще большее раздражение. По новгородским взглядам, не дело князя — вмешиваться во внутренние новгородские дела.

Бывали затем случаи, когда повод к народным волнениям подавали и сами князья и особенно их бояре и дружинники, не всегда справедливо относившиеся к местному населению. Много заботился благоверный князь Александр о том, чтобы его подчиненные в своих отношениях к населению не подавали никаких поводов к недовольству или жалобам. Мудрые советы давал он своим дружинникам о том, как нужно им пользоваться своею властью.

«От Бога, — говорил он, — получили мы власть над людьми Божиими и в страшный день суда Божия должны будем отдать отчет в пользовании этою властью. Оградив себя страхом Божиим, помня этот день всеобщего воздаяния каждому по делам его, со всею справедливостью производите суды; не смотрите на лица и положения тяжущихся, будьте одинаково внимательны как к богатому, так и к бедному. Наказывая виновных, не будьте жестоки, соразмеряйте милостью наказание. Ничего не делайте под влиянием гнева, раздражения и зависти. Не забывайте нуждающихся, помогайте всем, творите «нещадную» милостыню, чтобы и себе заслужить милость Божию».

Несомненно, что благоверный князь Александр не ограничивался лишь подобными наставлениями, но, помня завет мудрого своего предка, Владимира Мономаха, советовавшего князю во все

---

[1] Новгород рекой Волховом разделяется на две части: Софийскую, где находится главная святыня — храм Софии, Премудрости Божией, и Торговую, где был так называемый Ярославов двор.

вникать самому, не поручать делать другим того, что сам можешь и должен сделать, внимательно следил за действиями своих приближенных. И благодаря этому почти никогда не нарушались мир и согласие между князем и новгородцами, ни разу не высказано было со стороны последних упрека князю или его дружинникам. «Князь наш без греха» — вот отзыв новгородцев о святом Александре. Этот отзыв они повторяли и в такие минуты, когда, под влиянием недоброжелателей, обычное согласие готово было по-видимому рушиться, когда, забывая о заслугах князя, виновники раздора готовы были сказать обычные в таких случаях слова: «Ты, князь, сам по себе, а мы сами по себе», то есть больше нам не нужен, иди, куда хочешь.

Но не с одними трудными условиями новгородской жизни приходилось иметь дело благоверному князю Александру. В годы его юности Господь ниспослал великое испытание и всей Русской земле. Еще в 1223 году на юге России появился страшный завоеватель, никому до того времени не известный, — татары. Южно-русские князья потерпели от татар страшное поражение на берегах речки Калки[1], от которого, по словам современников, на целые двести лет печальна стала Русская земля. Но победитель, как бы удовольствовавшись этою победою, не продолжал своего наступательного движения, оставил на время Русь в покое. На северо-востоке Руси не обратили должного внимания на грядущую беду, не думали о том, что страшный враг может появиться опять. Среди князей шли раздоры, которые еще более ослабляли Русь. И вот, когда через четырнадцать лет после Калкского погрома снова в пределах Руси появились татары, они не встретили на своем опустошительном пути почти никакого отпора. Предводитель татар Батый, переправившись с своими ордами через Каму и Волгу, опустошал одно за другим русские княжества. Рязань, Москва и стольный град тогдашней северо-восточной Руси Владимир представляли собою одни развалины. Великий князь Юрий Всеволодович попытался было остановить татар, дал им битву на реке Сити[2], но потерпел поражение и сам погиб в этой несчастной битве.

---

[1] *Река Калка* — река на юге России, впадает в Азовское море.

[2] *Река Сить* — приток реки Мологи, протекает в Тверской и Ярославской губерниях.

Разорив другие встретившиеся на их пути города, татары подвигались к Новгороду. Но, замечает современник этих страшных событий, молитвами новгородских святителей, князей и преподобных Господь защитил Великий Новгород и новгородского князя: не дойдя ста верст до Новгорода, татары поворотили на юг, пошли разрушать матерь русских городов — стольный град Киев.

Со времени этого нашествия начался в русской истории тяжелый период, известный под именем татарского ига. Великокняжеский престол занял отец благоверного князя Александра Ярослав Всеволодович. Приехав во Владимир, столицу тогдашней Руси, он нашел здесь лишь развалины и трупы. Началась неутомимая деятельность князя: очищен был город от трупов, возвращено и успокоено разбежавшееся население, восстановлен порядок. Но полного спокойствия не было, так как никто не знал, что предпримет грозный завоеватель, чем закончит он свой разрушительный набег. Боялись всюду нового нападения хана на Русь и повторения прежних ужасов. Население было так напугано, что, по словам современника, заслышав лишь одно слово «татары», каждый бежал, куда придется, не зная, куда бежит.

Ярослав Всеволодович для успокоения народа и для того, чтобы выяснить, какие отношения будут у хана к России, поехал в Орду просить милости у Батыя. Много трудов, огорчений и унижений пришлось пережить и испытать благоверному князю за это путешествие, чтобы склонить на милость грозного хана. Но Ярослав Всеволодович сумел расположить к себе Батыя. Современник летописец сообщает даже, что в Татарской Орде с честью приняли русского князя и, отпуская его на Русь, передали ему верховную власть над всеми русскими князьями.

Русские люди могли теперь несколько успокоиться от пережитых ужасов и от тревожных мыслей о будущем. Правда, татары потребовали от русских поголовной, очень тяжелой дани и беспрекословного исполнения всех их требований, но они не беспокоили их своими набегами, жили вдали от них[1], оставили неприкосновенными порядок русской государственной жизни и, что особенно

---

[1] После завоевания Руси татары заняли степи по реке Волге и Дону и здесь образовали свое татарское царство, известное под именем *Золотой Орды*. Столицею Орды был Сарай, на нижнем течении реки Волги.

было важно, православную веру, эту основу гражданского порядка древней Руси и залога ее будущего возрождения — освобождения от тяжелого ига.

Проживая в Новгороде, вдали от татар, благоверный князь Александр Ярославич не принимал ближайшего участия в деятельности своего отца по восстановлению порядка в северо-восточной Руси. Да об этом и некогда было ему подумать. Одновременно с тем, как северо-восточной Руси грозила гибель от татар, северо-западным русским городам — Великому Новгороду и Пскову угрожал не менее опасный враг — шведы, немцы и литовцы.

Пользуясь разгромом Руси татарами, невозможностью со стороны великого князя подать помощь новгородцам и псковичам, они усилили свой натиск на пограничные русские города и надеялись без особых усилий подчинить их своей власти.

Страшная опасность угрожала русскому северо-западу. Дело шло здесь не только о возможности утратить свою политическую самостоятельность, оказаться оторванными от Русской земли, но утратить и веру православную. Западный враг делал дерзкое покушение на эту вековую русскую святыню, которой не тронул даже языческий завоеватель. Уже давно со стороны пап раздавался призыв о необходимости бороться против «схизматиков»[1] силою меча, потоками крови привести их в подчинение папе и Католической Церкви. Татарский погром представлялся для этого, по-видимому, очень благоприятным временем, и неудивительно, если призыв к борьбе против православия стал настойчивее раздаваться со стороны высшего представителя Католической Церкви и внимательнее выслушивался некоторыми из его духовных чад. Но в лице благоверного князя Александра Ярославича Господь воздвиг такого могущественного, непобедимого защитника православной веры, против которого ничего не могли сделать католики.

Благоверный князь Александр предвидел неизбежность борьбы и подготовлялся к ней. В 1239 году он женился на дочери Полоцкого князя Брячислава, одного из окраинных русских князей, которому еще больше, чем Новгороду, угрожали католики. В лице своего тестя

---

[1] То есть раскольников. — Так называли православных латиняне за то, что русские не признавали власти папы и нововведенных Римской Церковью догматов.

Александр Ярославич приобрел таким образом надежного, хотя и не сильного, союзника. Венчание князя происходило в Торопце[1], брачные пиры — в Торжке и Новгороде. И как только окончились брачные торжества, благоверный князь Александр тотчас принялся за важное дело — устройство укреплений на границах новгородско-псковских земель, откуда можно было прежде всего ожидать нападений. На реке Шелони был построен ряд крепостей. Но неприятель не дал закончить эти подготовительные работы по укреплению новгородско-псковских границ. Через четыре года после Батыева нашествия началась упорная борьба с западным врагом, не прекращавшаяся в продолжение почти всей жизни благоверного князя Александра Ярославича. Первыми начали борьбу шведы.

В то время на Шведском престоле был королем Эрих. Ближайший родственник короля — Биргер, отважный рыцарь и полководец, прославившийся уже своими смелыми набегами на теперешнюю Финляндию и пограничные с нею новгородские владения, рассчитывал после бездетного Эриха занять шведский престол. Новыми победами он хотел снискать себе народную любовь и, подстрекаемый папою, начал войну против Руси. С большим отрядом войска, в состав которого входили, кроме шведов, норвежцы и финны, сопровождаемый католическими епископами, Биргер в 1240 году неожиданно для русских появился на устье реки Ижоры[2] и послал в Новгород дерзкий вызов благоверному князю Александру: «Я уже в твоей земле, опустошаю ее и хочу взять в плен и тебя. Если можешь мне сопротивляться — сопротивляйся». Биргер был убежден в невозможности сопротивления со стороны благоверного князя Александра и заранее уже торжествовал победу. И действительно, его на-

---

[1] Супруга благоверного князя Александра Ярославича *Александра Брячиславовна* получила в благословение чудотворную икону Божией Матери. Эта икона, написанная, по преданию, святым евангелистом Лукою, была прислана в дар греческим императором Мануилом благоверной полоцкой княжне преподобной Евфросинии († 23 мая 1173 года). В память своего венчания в Торопце Александра Брячиславовна оставила здесь эту святыню, которая и поныне хранится в Торопецкой соборной церкви и известна под именем Корсунской иконы Божией Матери. Деревянная церковь Святой Троицы, в которой венчался благоверный князь Александр, не сохранилась до настоящего времени. На месте ее находится теперь древняя каменная церковь во имя Святой Троицы.

[2] *Река Ижора* — приток реки Невы.

падение было неожиданным для новгородцев, застало их неподготовленными к отпору. Жалостно было видеть, замечает современник, что великий князь Ярослав не мог узнать о беде, угрожавшей его сыну, и вовремя помочь ему, и что Александр Ярославич не мог предупредить об опасности отца. Новгородское войско не было собрано. У Александра Ярославича была лишь небольшая дружина, которую он наскоро пополнил новгородцами. Но он не испугался дерзкого вызова врага. Против него он искал защиты и помощи прежде всего у Бога. В новгородском храме святой Софии, Премудрости Божией, с пламенною, слезною молитвою о помощи обратился благоверный князь к Господу, прося Его рассудить его спор с гордым врагом, не предать достояния Своего в руки нечестивых.

— Боже праведный, великий, превечный и всемогущий, — молитвенно взывал благоверный князь Александр. — Ты сотворил небо и землю, установил пределы владений народам и повелел жить, не переступая в чужие владения. Малому стаду верных Твоих Ты дал надежду, чтобы не бояться нападающих на них. Призри и ныне, прещедрый Владыка, услышь гордые слова врага этого, похваляющегося разорить святую Церковь Твою, истребить веру православную, пролить неповинную кровь христианскую. Рассуди мой спор с ним. Восстань на помощь и защити нас, чтобы не смели сказать враги наши: «Где их Бог?» На Тебя, Господи, уповаем и Тебе воссылаем славу ныне и присно и во веки веков.

С такою же пламенною молитвою обратился затем благоверный князь к Заступнице рода христианского, Победительной Воеводе, Божией Матери, и к святым покровителям веры православной и небесным предстателям и молитвенникам за святую Русь — благоверным князьям Владимиру, Борису и Глебу, а также новгородским святителям и преподобным.

По окончании молитвы благоверный князь принял благословение от новгородского владыки Серапиона, велел своим приближенным одарить нищих и попросить у них молитв, а сам вышел к своей дружине, смущавшейся своею малочисленностью, чтобы подкрепить ее на предстоящий подвиг. «Не в силе Бог, а в правде», — такими словами ободрил благоверный вождь своих сподвижников. Затем с этою горстью храбрецов он быстро направился навстречу врагу, и здесь, на берегу реки Невы, в знаменательный для Руси день

блаженной памяти ее просветителя, благоверного князя Владимира (15 июля) произошла знаменитая битва, за которую Александр Ярославич получил название Невского.

Чтобы подкрепить защитников православной веры на предстоявший им подвиг, Господь даровал им чудесное предзнаменование.

В войске благоверного Александра был один ижорянин Пелгусий, во святом крещении Филипп, которому Александр Ярославич вручил ночную стражу, как опытному воину, хорошо знавшему местность. Среди своих соплеменников, державшихся язычества, христианин Пелгусий отличался благочестивою жизнью: он проводил время в молитве, трудах и постных подвигах; и Господь удостоил этого благочестивого воина следующего чудесного видения.

При восходе солнца Пелгусий услышал со стороны реки шум от приближающегося судна и, думая, что это враг, удвоил свою бдительность. Гребцы покрыты были как бы мглою, скрывавшею их лица. Видны были только два витязя, стоявшие в лодке. Светлые лица их и одежды показались как бы знакомыми Пелгусию; и вдруг он услышал голос, подтвердивший его предположение, рассеявший все его сомнения, радостью наполнившими его душу. Старший из витязей, обращаясь к младшему, сказал: «Брат Глеб, прикажи грести быстрее, поспешим на помощь сроднику нашему Александру Ярославичу». Это были преподобные страстотерпцы, благоверные князья Борис и Глеб, которых молитвенно призывал на помощь благоверный князь Александр.

Пелгусий поспешил рассказать виденное князю. Ободренный этим чудесным предзнаменованием, Александр Ярославич в тот же день напал на врага. Шведы не ожидали нападения, не думали, что противник так близко, не знали его числа и силы. Упорная битва продолжалась с утра до вечера.

Одушевляемая своим вождем, дружина благоверного князя оказала чудеса храбрости, приводила в изумление врагов. Сам Александр Ярославич был все время во главе сражающихся; он нанес рану в лицо предводителю шведов. Один из дружинников подрубил шатер Биргера; другой, увлеченный битвою, взбежал на шведский корабль, продолжая наносить своим мечом страшные удары растерявшимся от неожиданности и страха врагам. Разбитые на всех пунктах, потеряв храбрейших из своих товарищей, шведы, несмотря на

численный свой перевес над русским войском, не посмели возобновить сражение, остаться до утра на поле битвы. Наполнив две ямы трупами павших в сражении, захватив с собою на суда более знатных из убитых, они в ту же ночь поспешили удалиться от негостеприимных для них берегов Невы. Урон со стороны русских был незначительный: убито было всего двадцать человек, в том числе один из шести наиболее отличившихся в битве воинов — Ратмир.

Но не одною храбростью дружины и ее вождя была приобретена эта славная Невская победа. Господь, ободривший русских воинов чудесным видением до начала битвы, ниспослал Свою помощь и во время ее. На другой день участники битвы с удивлением увидели множество неприятельских трупов по другую сторону реки Ижоры, почти в непроходимом месте, куда не заходил ни один из русских воинов во время сражения. Ангелы Божии невидимо помогали горсти защитников святой веры против врагов, хуливших ее.

Принеся благодарение Господу за Его чудесную помощь и за одержанную победу, с великою славою возвратился благоверный князь Александр в Новгород, восторженно приветствуемый новгородцами.

Никогда не забывала святая Русь этого славного подвига святого князя и его дружины, молитвенно вспоминала имена павших в битве воинов и навсегда сохранила за благоверным князем Александром наименование Невского. Долго помнили о своем поражении и враги. Но новгородцы, которые особенно должны бы были дорожить этим подвигом своего князя, по-видимому, скоро о нем забыли. Прошла опасность, и вскоре они рассорились с князем. Александр Ярославич оставил Новгород и ушел в Переяславль. Скоро новгородцам пришлось раскаяться в своем неблагодарном поступке.

Услышав о неладах в Новгороде и об отъезде из города святого Александра, ливонские немцы решили воспользоваться этим и напали на Псков[1]. Взяв пограничную псковскую крепость Изборск,

[1] В Ливонии (теперешний Прибалтийский край) немцы появились во второй половине XII века. В 1201 году они построили здесь город Ригу — столицу Ливонии, а в следующем году был основан особый духовно-рыцарский (полумонашеский, полувоенный) Орден, поставивший себе целью не только завоевывать Ливонский край, но и силою оружия обращать местное население в католичество. В 1237 году Орден Меченосцев соединился с другим таким же Орденом — Тевтонским, который перед этим утвердил свое господство по нижнему течению реки Вислы.

немцы подступили затем к Пскову. Псковичи не могли выдержать осады, тем более, что среди них нашелся один изменник, который тайно впустил немцев в город. Священный град святой Ольги сделался теперь немецким владением. Были поставлены немцами наместники в городе; вслед за установлением немецких порядков нужно было ожидать и перемены веры: немцы решили открыть в Пскове католическую епископию.

Но опасность грозила не одному Пскову: немцы шли и на Новгород. Захватив зимою новгородскую Водскую пятину[1], они построили здесь крепость Копорье, взяли Тесов, в тридцати верстах от Новгорода производили грабежи и убийства, забирали в плен и отправляли пленников в Ливонию. В Новгороде на всех напал страх, прекратилась торговля, ждали осады города, но отсутствие руководителя и вождя делало то, что к защите города готовились очень плохо. Тогда новгородцы и вспомнили о своем знаменитом князе, раскаялись в нанесенной ими святому Александру обиде и решили во что бы то ни стало упросить его вернуться в Новгород. С этою целью во Владимир было отправлено новгородцами к великому князю Ярославу Всеволодовичу посольство, чтобы он отпустил в Новгород благоверного князя Александра.

Ярослав отправил в Новгород войско с сыном своим Андреем. Но новгородцам нужен был не Андрей, а Александр; они видели, что только он может избавить их от постигшей беды, и потому поспешили отправить к великому князю новое посольство, во главе с архиепископом, вторично просить на княжение Александра Ярославича. Милостивый князь не вспомнил нанесенной ему новгородцами обиды, поспешил туда, где так нуждались в нем. С его приездом в Новгороде все изменилось: быстро и успешно подготовлялись к борьбе с подступавшим к городу врагом, ко всем вернулась вера в успех и воодушевление на новые подвиги с своим героем — князем. Закончив приготовления к войне, Александр Ярославич с новгородскими и низовскими полками направился освобождать Псков. Немцы были изгнаны из Пскова, и псковичи радостно встретили своего избавителя.

---

[1] Новгородские земли разделены были на пять частей, или пятин. Водскую пятину составляли земли, расположенные около Ладожского озера.

Но благоверный князь не ограничился лишь изгнанием немцев из Пскова. Нужно было упрочить покой на северо-западе Руси, проучить врага и предупредить возможность с его стороны новых нападений. Благоверный князь решил наказать немцев за их нападения и грабежи наступательным движением на их же владения.

Подкрепив себя молитвою в храме Святой Троицы, перед ракою мощей благоверного своего сродника Псковского князя Всеволода Мстиславича, напутствуемый молитвами и благопожеланиями псковичей, Александр Ярославич направился с своими полками в Ливонию. Немцы не ожидали такого быстрого нападения и не могли оказать сопротивления: Ливония была опустошена русскими войсками. На обратном пути из Ливонии в Псков благоверный князь остановился на берегу Чудского озера и здесь 5 апреля 1242 года произошла знаменитая битва с немецкими рыцарями, известная в истории под именем Ледового побоища[1].

Многочисленное войско рыцарей уверено было в победе. «Пойдем, возьмем в плен русского князя Александра; славяне должны быть нашими рабами», — хвастливо говорили рыцари. Но, надеясь на помощь Божию и веря в святость и правоту защищаемого им дела, благоверный князь не убоялся этих хвастливых слов. Не смутила его и первая неудача в столкновении с рыцарями. Легкие передовые отряды, посланные благоверным князем следить за движением неприятеля, наткнулись на главные немецкие силы и были разбиты. Часть их попала в плен, другая прибежала к князю с печальным известием о постигшей неудаче. Тогда благоверный князь остановил свои войска на льду Чудского озера возле урочища Вороньего камня на Узмени[2] и здесь начал готовиться к решительной битве.

Число его воинов пополнилось свежими силами из новгородцев, но и теперь, по сравнению с рыцарским войском, оно было слишком мало. Зато эта малочисленность возмещалась воодушевлением

---

[1] *Чудское озеро* находится недалеко от Пскова. Другое название его — Пейпус. Проливом, который называется Теплым озером, оно соединяется с Псковским озером. Длина Чудского озера — девяносто верст, а ширина — сорок семь верст; длина Псковского озера — пятьдесят верст, а ширина — двадцать верст.

[2] Урочище это расположено при повороте из Чудского озера в Псковское. Свое название оно и получило от множества круживших там ворон.

воинов, их безбоязненною готовностью положить свои головы за правое дело и за любимого князя. Вождю не нужно было подкреплять ратный дух воинов; все сознавали важность предстоящего события и самоотверженно шли на битву с гордым врагом. «О дорогой и честны́й наш княже! Пришло время, мы все положим за тебя свои головы», — такие воодушевленные возгласы неслись из рядов русских воинов.

Рыцари первые начали сражение. Закованные с головы до ног в железные латы, двинулись они на русское войско, чтобы раздавить его своею многочисленностью. Но здесь они встретили такой мужественный отпор, что были поражены. Вместо ожидаемого расстройства или даже бегства врага, они с ужасом увидели, как ряды русских плотнее смыкались, образуя собою как бы живую стену. Рыцари были смущены и остановились. Тогда благоверный князь Александр, заметив смущение врага, искусно совершил с частью своих полков обходное движение и напал с той стороны, откуда рыцари совершенно не ожидали нападение. Произошла ужасная сеча. Страшный шум от ударов мечей по щитам и шлемам, от треска ломавшихся копий, стоны сраженных и утопавших не давали возможности вождям руководить сражением, отдавать приказания войску. Правильного боя не было. Чувствуя свое поражение, рыцари напрягали все свои силы, чтобы только пробиться через окружавшие их кольцом русские полки и избежать плена. Но и это не удалось. Лед на озере покрылся кровью и во многих местах не выдерживал, проваливался, увлекая за собою и бойцов, и их оружие. До позднего вечера продолжалась битва. Потери рыцарей были громадны. Оставшиеся в живых искали спасения в бегстве, но русские настигали их и убивали. На протяжении семи верст озеро покрылось трупами. Много рыцарей было взято в плен, еще более погибло, и от недавно столь грозного и многочисленного ополчения не осталось почти ничего.

Торжественно возвращались в Псков победители во главе со своим вождем. Близ коня благоверного князя шло пятьдесят знатнейших рыцарей, позади русского войска — множество простых пленных. Радостно встретили псковичи своего избавителя.

«Господь, пособивший кроткому Давиду победить иноплеменников, помог и благоверному князю нашему освободить град Псков от

иноязычников и иноплеменников», — всюду раздавался этот радостный возглас.

Всюду были общая радость и ликование; все сознавали, как важна была эта победа, какую услугу оказал благоверный князь окраинному русскому городу, для которого не по силам было защищать свою самостоятельность от нападений многочисленных врагов. Никогда псковичи не должны были забыть этого подвига святого князя Александра Ярославича. «О невегласы псковичи! Если забудете великого князя Александра Ярославича или отступите от него или от детей его и от рода его, то уподобитесь евреям, которых Господь освободил из рабства Египетского, питал в пустыне крастелями, а они Его забыли», — говорит современник-летописец, заканчивая описание этой славной победы. Этими словами он как бы хочет предостеречь псковичей от поступка их старших братьев — новгородцев, которые так скоро забыли о Невской победе и обнаружили не только свою неблагодарность, но и неумение понять и оценить подвиг своего знаменитого князя.

Торжественно отпраздновав освобождение Пскова, благоверный князь Александр Ярославич со своими полками поспешил в Новгород, где его встретили с неменьшим восторгом и радостию, как и в Пскове.

Долго помнили в обоих русских окраинных городах о славной победе на Чудском озере и еще в конце XVI века не переставали молитвенно вспоминать имена воинов, павших в этой битве. Далеко разнеслась слава победителя. На берегах Варяжского[1], Черного и Каспийского морей, в Риме и в далекой Азии, замечает современник-биограф благоверного князя, передавали о славных победах Александра Ярославича.

В то время, как на Руси торжественно праздновали победу, в Ливонии весть о разгроме рыцарского ополчения быстро разнеслась и навела на всех ужас. Немцы со дня на день ожидали, что благоверный князь Александр не замедлит с своими полками явиться к столице Ливонии — Риге, и не надеялись своими силами отразить нападение Русского князя, защитить свою новую столицу. Магистр (начальник) немецкого Ордена поспешил отправить посольство к датскому королю и просил у него помощи против новгородского князя.

---

[1] В древности так называлось Балтийское море.

Но благоверный князь Александр вовсе не думал и не хотел завоеваний. Окончив свое славное дело, освободив Новгород и Псков от угрожавшей им беды, он уехал в свой Переяславль. Тогда немцы, услыхав об отъезде из Новгорода князя, поспешили прислать туда своих послов и просили о заключении мира и о размене пленниками. Они отказывались от всех своих завоеваний, готовы были уступить новгородцам часть своих пограничных к Новгородской земле владений, только бы склонить новгородцев к миру; и мир был заключен «на всей новгородской воле», то есть на тех условиях, которые предложили сами новгородцы.

Так закончилась борьба со шведами и немцами.

Для русских Невская и Чудская победы имели огромное значение. Теперь не страшна была угроза иноземцев завладеть окраинными русскими городами, подчинить их своей власти и принудить русских людей переменить на католичество святую православную веру. Сам Бог рассудил вековой спор, оградил наше отечество от козней латинян, указал предел распространению немецкого владычества, мощною рукою Своего угодника, благоверного князя Александра, грозно предостерег не вторгаться в чужие пределы и не посягать на русскую святыню — православную веру. Великую услугу оказал святой Руси ее защитник, благоверный, «непобедимый» — как назвали его современники — князь Александр Ярославич, и никогда святая Русь не забывала и не забудет этого великого земного подвига его.

Два сильных западных врага были побеждены и не казались уже столь грозными, как это было раньше. Но появился новый, правда не столь опасный, зато более свирепый враг — литовцы, от опустошительных набегов которых страдали юго-западные границы Новгородских и Псковских владений.

По восточному побережью Балтийского моря, на равнине между устьями рек Вислы и Западной Двины, уже несколько веков жило близкое нам и по происхождению, и по языку литовское племя. Бедное и неразвитое умственно, оно на первых порах столкновений своих с славянами должно было признать их превосходство, подчинилось окраинным русским князьям и платило им дань. Литовцы в это время были разделены на отдельные племена, враждовавшие нередко одно с другим и не имевшие государственного устройства и

порядка. Но в начале XIII века под влиянием постоянных нападений рыцарей Немецкого Ордена разрозненные дотоле литовские племена начали объединяться. Среди литовцев появились воинственные князья, приобретавшие все большую власть и влияние в стране. Литовские князья сначала боролись в союзе с русскими князьями против общего их врага — немцев, но затем стали нападать и на своих союзников. Небольшими отрядами на своих выносливых и быстрых конях они делали набеги на русские пограничные волости, производили опустошения и убийства. Население окраинных новгородских и псковских городов и сел жило под постоянным страхом неожиданных литовских нападений, а так как новгородцы и псковичи, занятые, преимущественно, борьбою с немцами и шведами, держали у себя главным образом тяжеловооруженное войско и очень мало легкого, подвижного войска — стрелков, то и не могли оборонять пограничные с Литвою владения. Защитником и здесь явился благоверный князь Александр.

Летом в достопамятный год Ледового побоища получены были в Новгороде известия о хищнических набегах литовцев, и тогда же благоверный князь начал с ними борьбу. За один поход ему удалось рассеять до семи неприятельских отрядов, действовавших отдельно друг от друга в разных местностях. Много предводителей литовских отрядов было избито полками благоверного князя или взято в плен. Теперь литовцы начали, как говорит современник этих событий — летописец, бояться имени князя Александра, но не хотели прекратить своих хищнических набегов.

В 1245 году они опустошили окрестности Торжка и Бежецка и с захваченною добычею и пленниками собирались уже возвратиться на родину. Но под стенами Торопца были настигнуты соединенными силами новоторжцев, тверичей и дмитровцев и, потерпев поражение в открытом поле, засели в Торопце. Тогда на защиту древнего Торопца, удела князя Мстислава Мстиславича Удалого, поспешил благоверный князь Александр с своею небольшою дружиною и новгородцами. В первый же день осады Торопец был взят войсками благоверного князя. Литовцы бросились бежать из города, но были настигнуты дружиною Александра Ярославича и дорого расплатились за свои набеги. Восемь предводителей их пало в битве; оставшиеся в живых, побросав награбленную добычу, спаслись бегством.

Но благоверный князь Александр не ограничился этою победою. Чтобы проучить дерзкого врага и обезопасить русские границы от дальнейших литовских набегов и опустошений, он, несмотря на нежелание новгородцев сопровождать его в дальнейший поход, с одною своею маленькою дружиною погнался за врагами. Возле озера Живца он настиг беглецов и истребил их всех до последнего человека. Затем направился в Витебск, где княжил тесть его Брячислав, и после непродолжительного отдыха снова двинулся на литовцев, уже в их владения, разбил новое их ополчение близ Усвята и навел такой страх на врагов, что они долгое время не осмеливались нападать на русские владения.

Так доблестно охранял свой северо-западный удел благоверный князь Александр Ярославич. Своею необыкновенною храбростью и воинскими дарованиями он сумел даже в такое тяжелое для древней Руси время, как первые годы татарского ига[1], не только защитить древнерусские северо-западные области, но и совершенно обезопасить их и в то же время доказать западному врагу, что и сраженная татарами Русь в состоянии защитить свою самостоятельность и свою веру.

Не в одной только Новгородско-Псковской земле радовались победам благоверного князя. Весть о них разносилась по всей тогдашней Руси, ободряла русских людей в годину тяжелых испытаний, взоры всех останавливались на князе-герое, вселявшем надежду на лучшее будущее. Северо-восточная Русь, томившаяся под властью татар, не менее Новгорода хотела видеть у себя на великокняжеском престоле благоверного князя Александра и способна была лучше новгородцев оценить его деятельность.

События 1246 года прекратили на время деятельность благоверного князя Александра на северо-западе Руси, отозвав его на северо-восток. В этом году мученически скончался в Орде отец благоверного князя Александра — великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович[2]. По древнерусскому порядку право на великокняже-

---

[1] В это время северо-восточная Русь почти не могла оказать поддержки и помощи в борьбе Александра Ярославича с такими сильными врагами, как шведы, немцы и литовцы.

[2] Ярослав Всеволодович был оклеветан перед ханом какими-то недоброжелателями князя. Татары его отравили.

ский престол принадлежало брату покойного князя — Святославу Всеволодовичу. Но теперь верховная власть и право раздавать княжеские столы принадлежали уже татарам, и, чтобы получить утверждение хана, Святослав должен был лично побывать в Орде. В том же году направились в Орду на поклон хану и племянники Святослава — Андрей и Александр Ярославичи.

Слух о храбром новгородском князе и о его знаменитых победах достиг и до хана. Батый хотел видеть благоверного князя, о котором так много говорили, и потребовал от него немедленно явиться в Орду.

«Мне Бог покорил многие народы, ужели ты один не хочешь покориться? Если хочешь сберечь свою землю, приходи ко мне на поклон», — велел передать Александру Ярославичу Батый.

Нельзя было ослушаться этого приказания грозного властелина, и благоверный князь поспешил отправиться в далекий путь.

Неизвестно было, что его там ждало. Его отца приняли там с честью, но этот почетный прием был куплен ценою целого ряда унижений и оскорблений. Князей заставляли проходить через очистительные огни, кланяться кусту, теням умерших ханов и тому подобное. Не все из русских князей соглашались исполнить эти унизительные для христианина требования и за свою непокорность платились жизнью. Пример русского князя-мученика Михаила Ярославича Черниговского, несомненно, хорошо был известен благоверному князю Александру. Но в то же время пример его отца показывал, что и послушание, исполнение всех ханских требований не всегда спасали. Ярослава Всеволодовича, с почетом принятого в первый приезд его в Орду, татары отравили, когда он приехал во второй раз. И благоверный князь Александр решил отказаться исполнить языческие обряды, хотя бы этот отказ стоил ему жизни. Мужественный защитник православной веры, из млада избранный Господом сосуд благочестия, мог ли он поступить иначе!

Напутствованный святыми дарами и благословением архиепископа направился он из Новгорода в Орду.

Когда благоверный князь прибыл в Орду и когда, перед представлением хану, ему велели исполнить обычные у татар обряды, он отказался исполнить это приказание. «Я христианин, — сказал он, — и мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу, и

Сыну, и Святому Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо, землю и все, что в них». Спокойный, твердый ответ святого князя поразил придворных хана; но еще более они были удивлены, когда Батый, услышав о нежелании Александра Ярославича исполнить татарские обряды, вместо обычного в таких случаях распоряжения «Смерть ослушнику», приказал не принуждать более святого и поскорее привести его к нему.

«Царь, — обратился к хану благоверный князь, преклоняясь перед ним, — я кланяюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством, но твари я не стану кланяться. Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь».

Батый долго любовался прекрасным, мужественным лицом Александра Ярославича и, наконец, обратившись к окружавшим его придворным, сказал: «Правду мне говорили о нем: нет князя ему равного». Также почетно был принят благоверный князь и ханшею.

Батый не был самостоятельным властелином, он считался лишь наместником великого хана, жившего в Кара-Коруме, в горной окраине азиатской пустыни Гоби, расположенной за Байкалом. Поклонившись ближайшему своему властелину — Ордынскому хану, русские князья должны были отправиться и на поклон к верховному владыке монголов, в отдаленную его столицу. Этот далекий, крайне трудный путь должен был, по приказанию Батыя, совершить и благоверный князь Александр Ярославич[1].

Он был милостиво принят повелителем Азии и некоторое время прожил в столице монголов, внимательно изучая характер этих властителей Руси. Только уже в 1250 году Александр Ярославич и его брат Андрей вернулись на Русь. Хан дал Андрею великокняжеский престол, а за Александром Ярославичем оставил Киев и Новгород.

[1] О трудности этого путешествия можно судить по описаниям среднеазиатских пустынь у современных путешественников. «Мрачное, тяжелое впечатление наводят на душу путника необозримые пространства степей, лишенные всякой растительности. Животные бегут из этих страшных пустынь. Даже ящерицы и насекомые встречаются редко. Под ногами то и дело попадаются кости погибших лошадей, мулов и верблюдов. Почва раскаляется от невыносимой жары, солнце немилосердно жжет от восхода до заката. Ветерок не колышет воздуха, не дает хотя бы минутной прохлады. Лишь изредка промчится горячий вихрь, который гонит перед собой крутящиеся столбы соляной пыли. Во время бури эта соляная пыль засыпает путников и слепит им глаза».

Но Киев, матерь русских городов, древнейшая столица Руси, после татарского разгрома представлял собою одни развалины. Население Киевской области разбежалось от татар частью на юго-запад, в теперешнюю Галицию, частью — на северо-восток, во Владимирскую Русь. Александру Ярославичу здесь нечего было делать, и потому, пробыв несколько времени во Владимире, он вернулся в Великий Новгород.

С радостью встретили его новгородцы; но радость эта вскоре омрачена была печалью и тревогою: благоверный князь, утомленный тяжелым путешествием и тем, что пришлось ему пережить в Орде, опасно занемог. С тревожным участием следили новгородцы за ходом болезни своего князя, с утра до вечера храмы были переполнены народом, горячо молившимся о выздоровлении благоверного князя. И Господь не отверг народной молитвы: благоверный князь оправился от тяжелого недуга.

Новгородцы наслаждались теперь миром. Их западные соседи, помня знаменитые победы Александра Ярославича, не смели повторять своих нападений и только норвежцы изредка делали набеги на пограничные новгородские владения. Благоверный князь хотел обезопасить свой удел и от норвежских нападений, он хотел привлечь норвежцев к союзу с новгородцами. С этою целью к норвежскому королю Гакону было отправлено посольство, которому одновременно с этим было поручено предложить королю вступить в родственные связи с Александром Ярославичем — отдать свою дочь Христину замуж за сына Александра — Василия.

Предположенный брак не состоялся, но главная цель посольства была достигнута: норвежский король в свою очередь прислал в Новгород послов для заключения договора с новгородцами, и с этого времени норвежские набеги прекратились. Вскоре после заключения этого договора Александр Ярославич навсегда уже оставил новгородский княжеский стол.

Андрей Ярославич, получивший великое княжение, не имел ни той осторожности, ни правительственной мудрости, которыми отличался его старший брат. Он мало занимался управлением, бóльшую часть времени проводил в разного рода развлечениях, окружил себя неопытными советниками и не сумел ужиться с татарами. В Орде смотрели на него, как на непокорного князя, и преемник

Батыя Сартак решил наказать русского князя. Он отправил против него свои полчища под начальством Неврюя. Андрей Ярославич, как только заслышал о приближении татар, бежал из Владимира сначала в Новгород, а затем, когда новгородцы отказались его принять, в Швецию[1]. За неосторожные действия великого князя приходилось расплачиваться населению. На защиту его и явился благоверный князь Александр.

Чтобы избавить родину от татарского опустошения, Александр Ярославич направился в Орду и не только успел укротить гнев хана и таким образом остановить начавшееся на Руси кровопролитие, но и получил от хана ярлык на великое княжение. С этого времени и начинается подвижническое служение благоверного князя родине, все свои силы посвятившего на то, чтобы облегчить тяжесть татарского ига.

Александр Ярославич не щадил средств своей княжеской казны на выкуп пленных, которых массами уводили татары в Орду. Заботился он и о том, чтобы остававшиеся в плену не лишены были главного утешения в своем горе — молитвы и богослужения. Вместе с митрополитом Кириллом он выхлопотал у хана разрешение на устройство в столице Орды — Сарае — русской епархии.

Но не одни пленники нуждались в заботах благоверного князя. После Неврюева нашествия северо-восточная Русь снова была опустошена, и благоверный князь Александр спешил восстановить разрушенные храмы, собрать разбежавшихся людей, помочь им устроиться на разоренных пепелищах. Как отец, замечает современник святого князя, заботился он о народе; и благодаря этим заботам в великом княжестве мало-помалу устанавливались спокойствие и порядок. Благоверный князь хотел не только успокоить население, но и облегчить его тяжелое положение, ослабить, сколько возможно, самое иго татарское.

Не изменив русского государственного строя, сохранив неприкосновенными святую веру и церковное устройство, татары обложили за это Русь тяжелою данью. Они брали все лучшее и ценное и в своих требованиях не сообразжались с тем, в состоянии ли их дан-

[1] Впоследствии благоверный князь Александр примирил князя Андрея с ханом. Андрей возвратился на родину и получил в управление Суздаль.

ники платить налоги в том размере, в каком от них требовали. Татары брали поголовную дань, не различая богатых и бедных; несостоятельных данников они без всякой жалости забирали в Орду и обращали в рабство.

В 1257 году, с целью точнее определить доходы, какие можно получать с Руси, татары прислали своих чиновников исчислить всех русских людей. Великий князь хорошо понимал, что как бы ни была тяжела эта мера, необходимо подчиниться, чтобы не вызвать сопротивлением еще худшего со стороны татар. Но не все так думали.

По настоянию князя во Владимиро-Суздальской Руси исчисление произошло спокойно, и Александр поспешил в Орду, чтобы склонить на милость хана, довольного послушанием русских людей и их князя. Но в Орде решено было подвести под число и Великий Новгород, где особенно сильно была развита ненависть к поработителям Руси. Зная о таком возбуждении новгородцев, великий князь с тяжелою, озабоченною думою возвращался на родину. И его опасения оправдались.

Как только в Новгороде услышали о готовящейся переписи, в народе началось брожение, начали устраивать вечевые собрания и постановили скорее умереть, чем подчиниться ханскому требованию. Новгородцы не хотели согласиться на перечисление и потому, что Новгород не был завоеван татарами, и многим казалось, что уже поэтому татары не имеют права распоряжаться над областью святой Софии так, как хотят. «Умрем за святую Софию и за домы ангельские (святой обители)», — раздавались клики на улицах города, и горожане готовились к восстанию.

Александр Ярославич, чтобы предотвратить от Новгорода страшную татарскую месть, поспешил сюда. Он надеялся, что новгородцы послушают его благоразумного совета. Но еще до приезда князя в городе начались несогласия: в то время, как чернь хотела бороться против татар, богатые люди предпочитали уплатить требуемую дань, чтобы не раздражать и татар, и великого князя. Александр Ярославич воспользовался этим и своею твердостью успел склонить новгородцев на перепись. Однако появление татарских чиновников и злоупотребления, которые происходили во время переписи не только от татар, но и от зажиточных новгородцев, снова возбудили движе-

ние в Новгороде. Сторону волновавшихся принял на этот раз и новгородский князь Василий Александрович, но, боясь отца, он убежал в Псков.

Благоверный князь Александр приказал схватить непокорного сына и, лишив его новгородского княжения, отправил в Суздальскую Русь. Были строго наказаны и зачинщики мятежа, а так как и после этих строгих мер новгородцы не хотели успокоиться и согласиться на ханские требования, то благоверный князь Александр вместе с татарами немедленно оставил Новгород, предоставляя самим новгородцам считаться с гневом хана. Отъезд великого князя подействовал сильнее всяких убеждений: новгородцы смирились, приняли ханских чиновников, и таким образом разгром Новгорода татарами был предупрежден.

Но прошло с небольшим два года, и снова на Руси начались волнения против татарских сборщиков дани, угрожавшие перейти в открытый мятеж и охватить почти все города северо-восточной Руси. Поводом к этим волнениям послужили следующие обстоятельства.

Новый хан — Берке — ввиду злоупотреблений, какие допускались сборщиками дани, утайки собранной ими суммы, передал ее сбор на откуп хивинским купцам, или бессерменам. Последние, естественно, в целях наживы собирали гораздо больше той суммы, какую они уплатили хану, и допускали по сравнению с прежними татарскими сборщиками еще бóльшие притеснения населения. Народ не вынес этих притеснений, и в различных местностях началось возмущение. Но возмущение это дошло до крайности, когда среди сборщиков появился один монах-отступник от православной веры, по имени Зосима, который не только притеснял своих соплеменников, но и дерзко оскорблял православную веру. Народ не мог перенести этих оскорблений, и в Ярославле убили ненавистного отступника, а вслед за этим начался мятеж и в других русских городах Ростовского и Суздальского княжеств; прогоняли татарских сборщиков, избивали особенно ненавистных из них. Распространились слухи, что сам великий князь Александр разослал по городам грамоты «бить татар» и готовится стать во главе народного движения.

Расправа с ханскими сборщиками должна была вызвать страшное возмездие со стороны татар. Снова нужно было великому князю поспешить в Орду, предотвратить от Руси грядущую беду. Тяжелый

подвиг предстоял благоверному князю. Но в эту минуту ужасных настроений в северо-восточной Руси неблагополучно было и на северо-западе, в Новгородско-Псковских пределах.

После Невской битвы и Ледового побоища западные враги не осмеливались нападать на Русь. Убедившись в невозможности победить невского героя, они решили испробовать другое средство, чтобы подчинить его себе.

В 1248 году папа Иннокентий IV отправил к Александру Ярославичу посольство, во главе с двумя учеными кардиналами — Галдом и Гемонтом. В грамоте, которую должны были передать русскому князю послы, папа писал: «Мы слышали о тебе, как о князе дивном и честном, и что земля твоя велика, и мы послали к тебе двух наших кардиналов, чтобы ты послушал их учения». Выражая притворную скорбь, что великая земля русского князя не находится в подчинении Римской Церкви, папа убеждал Александра Ярославича подчиниться его власти и позаботиться о приведении к латинской вере своего народа. Убеждая, что только в латинской церкви можно найти спасение и истинную веру, папа указывал и на те земные выгоды, которые доставит князю его подчинение папской власти. В то же время он старался предупредить, что это подчинение нисколько не унизит русского князя, тем более, добавлял папа, что «мы будем считать тебя наилучшим между католическими государями и всегда с особенным усердием будем стараться об увеличении твоей славы». Наконец, зная, как дорога для благоверного князя память о его отце, папа заведомо ложно сообщал в своей грамоте, будто бы еще Ярослав Всеволодович выражал искреннее желание подчинить Русскую Церковь папе и что только преждевременная смерть Ярослава помешала ему исполнить это намерение.

Но все эти ухищрения папы не имели никакого успеха. На длинное послание Иннокентия Александр Ярославич дал очень краткий и в то же время сильный по своей убедительности ответ: «То, что совершилось от создания мира до потопа, и от потопа до разделения языков и до Авраама, от Авраама до исхода израильтян из Египта и до перехода Чермного моря и до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона и до Римского императора Августа, при котором родился Спаситель мира Христос, и до страсти, воскресения и вознесения Господа и до I Вселенского собора и прочих семи Все-

ленских соборов — все это мы хорошо знаем, а в вашем учении не нуждаемся и не примем его».

Папы не остались в долгу: они стали поднимать против непокорного русского князя шведов и рыцарей; но и эти новые походы были безуспешны.

В 1256 году шведы сделали попытку снова завладеть финским побережьем, и в союзе с датчанами и емью[1] начали строить крепость на реке Нарове. Тогда новгородцы отправили к великому князю послов с просьбою о помощи, разослали и по своей волости собирать войско, и неприятель, испугавшись этих приготовлений, поспешил уйти за море. Зимою приехал в Новгород благоверный князь и вместе с новгородцами и своими полками пошел на емь, в Финляндию, чтобы устрашить финнов и предупредить возможность дальнейших нападений на новгородские окраины. Путь по незнакомой стране был чрезвычайно трудный: за метелями войско не видело ни дня, ни ночи; но, несмотря на трудности, поход был очень удачный: русские опустошили землю еми, и неприятель не смел и подумать о сопротивлении.

В 1262 году начались враждебные столкновения с немцами. Великий князь готовился к походу на немцев, но мятеж против татар побудил его поспешить в Орду. Русское войско под начальством брата великого князя, Ярослава, и сына его, князя Димитрия Александровича, и на этот раз одержало ряд блестящих побед: был взят город Юрьев, древний русский город, строение великого князя Ярослава Мудрого, и с большою добычею и множеством пленников войско вернулось в Новгород.

Между тем благоверный великий князь Александр благополучно доехал до Орды, и Господь помог ему умилостивить раздраженного хана. Последний не только простил русских за избиение татарских сборщиков, но, по ходатайству святого князя Александра, дал им и новую милость — освободил от тяжелой обязанности нести военную службу в татарских полках[2].

Благоверный князь спешил возвратиться на родину с радостною вестью. Но этой радостной вести не удалось услышать русским лю-

---

[1] *Емь* — финское племя.

[2] В это время готовился поход в глубь Азии, в котором должны были принять участие все подчиненные хану народы.

дям из уст самого князя. Это был уже последний подвиг благоверного князя. Утомленный трудностью пути и тревогами, какие пришлось ему испытать, благоверный князь Александр Ярославич на обратном пути из Орды в Городце[1] опасно занемог. Предчувствуя блаженную свою кончину, он созвал своих спутников и обратился к ним с последнею прощальною беседою, которая у всех вызвала горькие слезы при мысли о предстоящей утрате. Затем благоверный князь призвал к себе игумена и принял иноческое пострижение, заменив свое княжеское имя иноческим — Алексий. Приняв Святые Тайны и простившись с окружавшими его иноками, благоверный князь-инок тихо отошел в вечные обители, предал свою чистую душу Господу, Которому так пламенно послужил в земной своей жизни. Это было 14 ноября 1263 года. Он скончался во цвете лет, не имея еще сорока пяти лет от роду. Неодолимый в битвах, изнемог он под бременем великокняжеского венца, который в то тяжелое для Руси время был поистине венцом терновым, требовал постоянного напряжения сил и взамен этого доставлял великому князю лишь огорчения и тревоги.

Во Владимире скоро узнали о блаженной кончине великого князя — раньше, чем пришли из Городца нарочитые вестники. Господь чудесно открыл это тогдашнему Владимирскому святителю, митрополиту всея России Кириллу.

Когда владыка, окруженный духовенством, возносил пламенные молитвы о святой Руси и о ее великом князе, он удостоился следующего чудесного видения: он видел, как Ангелы Божии возносили на небо блаженную душу благоверного князя Александра. Пораженный этим видением святитель безмолвствовал, а затем, выйдя на амвон, сообщил молящимся горестную весть: «Братия, знайте, что уже зашло солнце земли Русской». Когда народ в недоумении выслушал эти слова, святитель, помолчав немного, разъяснил смысл произнесенных им слов: «Ныне преставился благоверный великий князь Александр Ярославич». Ужас охватил всех от этой скорбной вести. Храм огласился воплями скорби и отчаяния; «погибаем», — в один голос повторяли молившиеся. Какую глубокую скорбь вызвала кончина благоверного князя, можно судить по тем словам современника святого князя, которыми он начинает описание его кончины.

---

[1] *Городец на Волге* — село Нижегородской губернии.

«Горе тебе, бедный человек! Как ты можешь описать кончину своего господина! Как зеницы твои не выпадут из глаз вместе со слезами! Как сердце не разорвется от горькой печали! Отца человек может забыть, но доброго господина не может; если бы можно было, с ним лег бы и в гроб».

Такое же чувство испытывали и все очевидцы этого горестного события. Как только во Владимире услышали о приближении к городу тела благоверного князя, все устремились навстречу. Митрополит Кирилл вместе с духовенством встретил тело почившего князя в Боголюбове. Бесчисленное множество народа — богатые и бедные, взрослые и дети заняли все окрестности. И как только показался гроб, все неудержимо ринулись навстречу, каждый стремился облобызать раку, в которой находилось тело благоверного князя. Плач народа покрывал все: не слышно было голоса духовенства и певчих; по словам современника, казалось, что от стонов и крика могла потрястись земля.

23 ноября в соборном храме Владимирском митрополитом и священным чином торжественно, в присутствии массы народа, был совершен чин погребения. Господь ниспослал утешение оплакивавшим кончину благоверного князя. Во время совершения погребального чина произошло следующее чудо.

Когда эконом митрополита Кирилла Севастиан приблизился ко гробу и хотел разнять руку усопшего, чтобы митрополит мог вложить в нее «прощальную грамоту» (разрешительную молитву), то благоверный князь, как бы живой, сам простер свою руку, принял свиток и затем снова сложил свои руки крестообразно на груди. Благоговейный ужас объял всех присутствовавших. Все удивлялись и прославляли Господа, показавшего такое чудесное знамение. Благоговейно взяв раку с телом благоверного князя, погребли его в монастырском храме Рождества Пресвятой Богородицы.

О происшедшем при погребении чуде, по распоряжению митрополита Кирилла, было сообщено всем, и таким образом по всей благочестивой Руси, оплакивавшей своего князя-хранителя, положившего жизнь за святую Русь, вместе с горестною вестью о его преждевременной кончине распространилась и утешительная весть, что в лице благоверного князя Александра Русь приобрела нового молитвенника и заступника пред престолом Всевышнего. Сколько утеше-

ния внесла эта весть в скорбные души русских людей, тревожно взиравших на ближайшее будущее!

Вся жизнь благоверного князя Александра Ярославича была посвящена служению своему отечеству. Своею беспримерною храбростью и воинскими доблестями он сохранил свой северо-западный удел от постоянных притязаний на него западных католических народов; силою меча и мудростью охранил он Православную Церковь и от нападений латинян, и от происков Римских пап; осторожностью и мудрою правительственною деятельностью облегчил он татарское тяжелое иго, дал возможность русским людям спокойнее его переносить, поддержал в них веру в могущество Руси, вселил надежду на лучшие времена; самих поработителей заставил с уважением относиться к покоренной стране и ее князю. Это великое служение благоверного князя прекрасно определил его современник-биограф следующими словами: «Он много потрудился за землю Русскую, и за Новгород, и за Псков, и за все великое княжение живот (жизнь) свой отдавая, и за православную веру».

Но и после своей кончины благоверный князь Александр Ярославич не прекратил своего великого служения Русской земле; всегда он являлся предстателем и скорым помощником в самые трудные минуты в жизни нашего отечества.

Двести с лишком лет после кончины благоверного князя сносила наша родина тяжелое татарское иго. Много она испытала от татар бед и угроз, пока под мудрым правлением потомков благоверного князя Александра, князей московских[1], окрепла, вступила в борьбу со своими поработителями и не только свергла их иго, но и подчинила своей власти когда-то грозные татарские царства. Через сто двадцать лет после кончины благоверного князя Александра при Московском великом князе Димитрии Ивановиче Донском в первый раз русские одержали победу над татарами на берегах реки Дона[2]. Очень дорого русским стоила эта победа, но она была и драгоценна для них, так как подняла народный дух и вселила уверен-

---

[1] Родоначальником князей Московских был младший сын святого Александра Невского Даниил Александрович.

[2] *Великий князь Московский Димитрий Иванович Донской* княжил с 1363-го по 1389 год. Знаменитая Донская битва с татарами, за которую великий князь и получил название Донского, произошла в 1380 году, 8 сентября.

ность, что время господства татар проходит. И в эту важную историческую минуту на помощь святой Руси явился ее небесный покровитель, благоверный князь Александр Ярославич. Вот что передается в древнем житии благоверного князя о чудесной помощи, оказанной им своему сроднику, великому князю Димитрию Ивановичу.

В обители Пресвятой Богородицы во Владимире, где почивали мощи благоверного князя, один богобоязненный инок, проводивший благочестивую подвижническую жизнь, ночью в притворе церковном со слезами молился Господу об избавлении Руси от полчищ предводителя татар Мамая. Он призывал в своей молитве на помощь великому князю Димитрию благоверного князя Александра. И во время своей молитвы он увидел, что перед гробом благоверного князя сами собою загорелись свечи, затем из алтаря вышли два благолепных старца и, приблизившись к гробнице святого, сказали: «Встань, поспеши на помощь сроднику своему, благоверному князю Димитрию Иоанновичу». И святой князь Александр тотчас встал и сделался невидим. Пораженный этим чудом, инок безмолвствовал, и только после того, как было узнано, что как раз в это время произошла славная Донская победа, он сообщил о своем видении Владимирскому святителю. По распоряжению владыки тогда же были освидетельствованы мощи благоверного князя, которые и были найдены нетленными. Масса недужных обращалась с молитвою к нововявленному угоднику Божию, и при раке его святых мощей происходило множество исцелений.

Знаменитая Донская победа, эта одна из самых радостных минут в жизни наших предков в тяжелую эпоху татарского ига, не освободила еще Руси от чужеземной власти. Орда была ослаблена, но и Русь была еще не настолько сильна, чтобы отстоять свою независимость. Татарское владычество продолжалось, только оно уже утратило свой прежний характер. И сами татары увидели, что Московские князья создали из разрозненных прежде русских княжеств сильное единое государство, которое не преминет воспользоваться своею силою, а также и теми раздорами и разделениями, которые происходили тогда среди татар и ослабили их прежнее могущество. Прошло сто лет после Донской победы, и правнук Димитрия Ивановича Донского, великий князь Иоанн III, без битвы сумел уничтожить татарское иго, освободить Русь от двухвековой власти азиа-

тов. Теперь окончательно уже изменились прежние отношения между русскими и татарами. Русь, в княжение благоверного князя Александра Невского послушная данница татарского хана, теперь начинает свое наступательное движение против татар и постепенно подчиняет их своей власти. Когда-то грозные татарские царства одно за другим входят в состав нашего государства, и лишь в народной памяти сохраняются обрывки воспоминаний о господстве покоренных инородцев над Русью. В этой продолжительной и упорной борьбе с татарами наше отечество по-прежнему не было оставлено помощью и покровом его небесного защитника, благоверного князя Александра Невского.

В 1552 году, отправляясь в поход на завоевание Казанского царства, царь Иоанн Васильевич молился во Владимире перед ракой мощей благоверного князя Александра, призывая его на помощь. Как бы в залог своей помощи благоверный князь проявил следующее чудо.

Вместе с царем молились и его бояре, а в том числе и будущий описатель чудес благоверного князя. Когда он вместе с другими прикладывался к мощам святого, то вложил в скважину (отверстие) раки три перста своей больной руки. Ему показалось, что он омочил их в какую-то благовонную мастику, и когда он вынул руку, то от прежней болезни не осталось и следа. Все присутствовавшие при этом чудесном исцелении благоговейно прославили благоверного князя Александра, сподобившегося от Господа дара исцелений, и с надеждою на его помощь направились в дальнейший путь.

Благополучно окончился Казанский поход. Татарское царство, расположенное вблизи Москвы и целое столетие беспокоившее своими набегами пограничные русские области, покорилось московскому царю. На месте и рядом с татарскими мечетями появились святые церкви, началась проповедь святого Евангелия в этом магометанском крае, и предки наши спокойно могли уже смотреть вперед. Вслед за Казанью было присоединено и другое татарское царство — Астрахань, и царица русских рек — Волга, с ее богатствами, на всем ее протяжении сделалась теперь русской рекой. Успешно начали распространять русские свою власть на Далеком Востоке, в Сибири, постепенно подвигаясь к берегам Великого океана. Но на юге, в Крыму, остался еще сильный враг — крымские татары, с ко-

торыми долго пришлось вести борьбу Русскому государству[1]. Союзник московского государя до присоединения к Москве Казани и Астрахани, крымский хан теперь, видя усиление Руси, начал с нею борьбу, тем более для нас опасную, что его поддерживал верховный защитник ислама — султан турецкий. И во время этой борьбы не переставал изливать свою помощь небесный покровитель Руси благоверный князь Александр Ярославич.

В 1571 году, во время нападения на Москву крымского хана Девлет Гирея, во Владимире старец Рождественского монастыря Антоний, молитвенник и постник, во время своей молитвы пред иконою Богоматери об отвращении от родины страшного ханского нашествия удостоился следующего чудесного видения. В то время, как он скорбел о постигших родину бедствиях, он вдруг увидел двух юношей в светлых одеждах, с быстротою молнии на белых конях приближавшихся к обители. Сойдя с коней, они оставили их у монастырских врат, а сами вошли в церковь (это были благоверные князья Борис и Глеб). Старец Антоний последовал за ними. Как только благоверные князья вошли в храм, открылись царские двери и зажглись свечи. Подойдя к раке благоверного князя Александра, святые Борис и Глеб обратились к нему со следующими словами: «Встань, брат наш, великий князь Александр, поспешим на помощь сроднику нашему, благоверному царю Иоанну Васильевичу». Благоверный Александр тотчас встал и вместе с ними вышел из храма к монастырским воротам. Здесь стояли приготовленные к брани три белых коня, на которых и сели благоверные князья. Отправляясь в путь, они сказали: «Пойдем в соборный храм Пречистой Богородицы и позовем с собою сродников наших, благоверных князей Андрея[2], Всеволода[3], Георгия[4] и Ярослава»[5].

Старец последовал за ними. И здесь, как и в монастырском храме, при входе святых князей открылись царские врата, благоверные князья встали из своих гробниц и через стену градскую чудесно по

---

[1] Крымское царство было завоевано при императрице Екатерине II в 1783 году.

[2] *Андрей Юрьевич*, великий князь Владимирский (1169–1174 гг.).

[3] *Всеволод III*, великий князь Владимирский (1176–1212 гг.).

[4] *Георгий*, или *Юрий Всеволодович*, дядя благоверного князя Александра, великий князь Владимирский (1219–1238 гг.).

[5] *Ярослав Всеволодович*, отец благоверного князя Александра, великий князь Владимирский с 1238-го по 1246 год.

воздуху направились к Ростову с следующими словами: «Пойдем в Ростов к царевичу Петру[1], пусть и он поможет нам». С помощью этих небесных воинов и была одержана победа над Крымским ханом.

Так хранил свое отечество от татар благоверный князь Александр Ярославич, вся земная жизнь которого была посвящена той же заботе — охранению святой Руси от грозного завоевателя.

Небесный заступник Русского государства, отличавшийся при жизни своей великим милосердием, помогавший каждому обездоленному и страждущему, благоверный князь Александр и после своей кончины не преставал изливать свои милости всем нуждавшимся и молитвенно обращавшимся к нему за помощью. При раке святых его мощей болящие получали исцеление, скорбящие и озлобленные — благодатное утешение и помощь. Не все эти чудотворения были записаны, но и та незначительная их часть, которая была описана древними биографами святого князя, ясно показывает, какой обильный источник исцелений и чудес истекал от святых мощей благоверного князя Александра, какой драгоценный сосуд милости Божией приобрела святая Русь в своем небесном покровителе и вожде. Неоднократно еще до установления празднования святому Александру иноки Рождественской обители сподоблялись видеть небесные знамения, предуказывавшие святость, богоугодность благоверного князя; не один раз и они, и обитель, и город Владимир получали небесную помощь от святого князя.

В 1491 году во Владимире произошел страшный пожар, во время которого сгорел и храм, где покоились мощи благоверного князя Александра. Во время этого пожара молящиеся увидели благоверного князя, как бы на коне поднимающимся на воздух к небу. И после пожара оказалось, что, несмотря на то, что вся внутренность храма обгорела, мощи благоверного князя остались не поврежденными огнем.

В 1541 году после праздника Успения Пресвятой Богородицы, после окончания вечерни, перед ракою мощей благоверного князя

---

[1] *Святой Петр*, царевич Ордынский, племянник хана Берке, тронутый речами Ростовского епископа Кирилла, бывшего в Орде, тайно от родных уехал в Ростов и крестился. Он скончался в 1290 году, приняв перед кончиною иноческое пострижение. Память его празднуется 29 июня.

Александра загорелись сами собою свечи, и многие из братии и из молящихся с удивлением наблюдали это. Пономарь монастырский по простоте своей не усмотрел здесь чего-либо необычного, подошел и затушил свечи. Затем доложили о случившемся настоятелю, архимандриту Евфросину, и когда он подошел к гробнице и ощупал одну из свечей, то заметил, что от нее распространяется особая какая-то теплота. Это чудо все поняли, как особенное знамение святости благоверного князя Александра.

Монах Рождественского монастыря, старец Давид, сильно и долго болел. Лежа на своей постели и проливая слезы, он молился благоверному князю Александру об исцелении. Вскоре он почувствовал облегчение и усугубил свою молитву. По окончании молитвы он получил полное исцеление от своей болезни.

Монах того же монастыря, по фамилии Красовцев, долгое время был в расслаблении. Его поднесли к раке мощей благоверного князя Александра, и когда он с умилением смотрел на нее, испуская теплые слезы и припоминая свои грехи, он почувствовал, что в его расслабленные члены вернулась сила, и вскоре совершенно выздоровел.

Монастырский человек Терентий был подвержен беснованию. Когда его подвели к раке мощей благоверного князя и помолились о нем, он тотчас сделался кротким и начал молитвенно благодарить Бога и Его угодника за исцеление.

Еще больше записано древними биографами исцелений, которые совершились над мирскими людьми различных состояний и возрастов.

Один сын боярский, Семен Забелин, проживавший в Пскове, был настолько болен, что не владел ни руками, ни ногами и совершенно не мог ни есть, ни пить. Имея глубокую веру к благоверному князю Александру, о котором в древнем Пскове всегда сохранялось благоговейное воспоминание — он стал просить домашних свезти его во Владимир помолиться перед ракою мощей благоверного князя, и здесь, во время молитвы, получил исцеление от своей болезни.

Другой сын боярский, Головкин, был поражен такою же болезнью, не надеялся на выздоровление и только и думал о смерти. Почти все свое имущество он роздал врачам, но от лечения не получил никакой помощи и пользы. И вот по предстательству благо-

верного князя Александра при раке его святых мощей он получил от Господа то, чего не могло ему дать врачебное искусство: полное исцеление от своей неизлечимой болезни.

Из одного села Владимирского уезда принесена была расслабленная женщина и положена на ступенях близ святых мощей благоверного князя. Во время горячей молитвы к угоднику Божиему об исцелении, она вдруг почувствовала, как святой князь, чудесно явившись к ней, взял ее за руку и воздвигнул от одра болезни.

У Владимирского дворянина Максима Никитина был сын, отрок Иоанн, — немой и расслабленный. Родители с верою к благоверному князю принесли своего несчастного сына в Рождественскую обитель, и здесь он получил исцеление.

Многие по предстательству благоверного князя Александра получили исцеление от слепоты. Так, один слепец из города Владимира, Давид Иосифов, в храме во время чтения Евангелия вдруг увидел свет. Взволнованный до глубины души блеснувшею надеждою на исцеление, он усугубил свою молитву к угоднику Божиему и попросил подвести себя к раке святых его мощей. Когда здесь, у святых мощей, его окропили святою водою, он совершенно прозрел.

Из села Красного Владимирской губернии привезена была женщина, утратившая зрение, и у раки святых мощей благоверного князя получила полное исцеление, как будто никогда и не болела.

Неоднократно изливалась милость от чудотворных мощей благоверного князя и на страдавших ужасною болезнью беснования. Вот некоторые случаи из числа записанных древними биографами.

Из села Старого был привезен в монастырь бесноватый, который своим страшным видом наводил на всех ужас: произносил ужасные слова, как зверь бросался на людей. Его привезли в монастырь связанного, и во время молебна он получил исцеление.

Другой бесноватый не узнавал даже и близких родных, рвал на себе волосы, кусал себе язык; его тело было покрыто язвами от побоев, которые сам же он наносил себе. И по предстательству благоверного князя Александра он сподобился получить полное исцеление от своей ужасной болезни.

В монастырской деревне Угрюмовой, Владимирского уезда, крестьянин Афанасий Никитин подвергся припадкам умоисступления, так что не узнавал окружающих, отказывался принимать пищу, со-

вершенно лишился сна. Внезапно в минуту просветления он начал просить домашних, чтобы они отвели его в Рождественскую обитель к мощам благоверного князя Александра. Родные исполнили его желание, и вот на пути в обитель больной почувствовал себя здоровым и, придя в обитель, в сердечном умилении рассказывал всем, как явился ему святой князь Александр и как сам он указал ему искать исцеления у раки святых его мощей.

Столько милостей удостоились получить по вере к благоверному князю болящие и озлобленные душою! И никогда не угасала в наших предках память о благодеяниях угодника Божия и его земных подвигах на славу отечества нашего. Жизнь благоверного князя Александра Ярославича тотчас же после его кончины сделалась предметом назидательных описаний. Вслед за житием, написанным современником благоверного князя, появились другие, более подробные жития, которые составлялись в разных местах Русской земли и особенно там, где жил и благодетельствовал святой князь: во Владимире и в Новгородско-Псковской области. Старались сохранить в назидание потомкам все черты из жизни и деятельности страдальца за Русскую землю, этой светлой звезды, озарившей путь жизни наших предков в самую мрачную, тяжелую пору татарского ига. Одновременно с биографами и древнерусские летописцы вносили в свои труды рассказы о жизни благоверного князя, и благодаря этому ни об одном из князей северо-восточной Руси не дошло до нас столько сведений и рассказов, как о благоверном князе Александре.

Тотчас же почти после блаженной кончины святого князя началось и церковное его прославление. Уже самое чудо, происшедшее при его погребении, ясно свидетельствовало всем о его святости, богоугодности; об этом же свидетельствовали и другие чудеса, изливавшиеся непрестанно, как из неиссякаемого источника, от раки святых его мощей. В 1547 году по желанию царя Иоанна Васильевича в Москве происходил церковный собор, под председательством знаменитого митрополита Всероссийского Макария, на котором установлено было всероссийское празднование русским святым, почитавшимся до того времени местно. На этом соборе был установлен и всероссийский праздник в честь благоверного князя Александра Невского и, по распоряжению митрополита, составлена была

служба (на 23 ноября, на день преставления благоверного князя) и новое, более пространное житие. В начале XVII веке в Москве имелся и храм в честь благоверного князя Александра.

В 1724 году был установлен и новый праздник — 30 августа, по случаю перенесения мощей благоверного князя из Владимира в Санкт-Петербург.

На берегах Невы спустя около пятисот лет после кончины святого Александра императором Петром I были одержаны новые блестящие победы над старым врагом России — шведами. Здесь в 1703 году было положено начало новой столице Русского государства, а в 1717 году и новой русской святыне — Александро-Невской лавре. Император Петр I желал, чтобы из Владимира перенесены были в Санкт-Петербург мощи благоверного князя, и как только Россия почувствовала себя прочною в новозавоеванном крае, было сделано распоряжение о перенесении мощей. Император сам составил подробный указ о том, как совершить это перенесение, и сам внимательно следил за устройством новой обители и храма, где должны были быть положены святые мощи благоверного князя Александра. Но войны со шведами и турками замедлили исполнение этого распоряжения и только уже в 1723 году приступлено было к его исполнению.

Торжественно проводил Владимир свою достопамятную святыню, около пяти веков составлявшую драгоценное украшение этого древнего града. С 10 на 11 августа во всех храмах было совершено всенощное бдение, а наутро — Божественная литургия. Духовенство города и окрестных монастырей, при многочисленном стечении народа, отправилось в Рождественский монастырь, и после молебствия рака со святыми мощами на руках священнослужителей была вынесена из храма и проведена за город. 17 августа мощи благоверного князя были с еще большею торжественностью встречены в Москве, а затем церковная процессия направилась через Тверь и Новгород в С.-Петербург. Перенесение мощей благоверного князя Александра представляло собою общерусское торжество. Во всех городах и селениях совершались богослужения, толпы народа на всем пути сопровождали святыню. В С.-Петербург предполагалось внести святые мощи 30 августа, в день, в который праздновался недавно перед этим заключенный со шведами Ништадтский мир. Но дальность пути не

дала возможности осуществить точно этот план, и только уже 1 октября святые мощи прибыли в Шлиссельбург. По распоряжению императора они были поставлены в тамошней соборной церкви Благовещения и перенесение их в Санкт-Петербург было отложено на 30 августа следующего (1724) года.

Встреча святыни в Санкт-Петербурге отличалась особенною торжественностью. Император со свитою прибыл на галере к устью реки Ижоры. Благоговейно поставив святые мощи на галеру, Государь приказал своим вельможам взяться за весла, а сам, стоя у кормы, управлял рулем. В Петербурге была устроена особая пристань, где и остановилась галера со святыми мощами. В сопровождении духовенства и народа знатнейшие вельможи несли раку святых мощей. Колокольный звон и пушечная пальба увеличивали торжественность. Мощи были поставлены в церкви, посвященной благоверному князю. На другой день в Александро-Невской обители продолжалось торжество: Государь раздавал присутствовавшим план предположенных в монастыре построек и тогда же было установлено навсегда праздновать перенесение мощей 30 августа.

Так исполнилось заветное желание царя. Ему не удалось закончить начертанный им план устройства новой обители: через полгода после этого торжества Петр скончался. Но преемники Петра докончили начатое им. Его дочь, императрица Елизавета Петровна, устроила великолепную серебряную раку, в которой почивают и ныне святые мощи. Императрица Екатерина II на месте старого собора повелела построить новый, и 30 августа 1790 года произошло освящение нового храма и перенесение в него мощей благоверного князя.

И ныне благоверный князь Александр Ярославич хранит Богом врученный ему удел — отечество наше. И ныне близок и скорепослушлив он всем, с верою призывающим святое его имя, изливает свою милость и предстательствует пред престолом Вседержителя Бога — Ему же, прославляющему святые Своя, честь и слава вовеки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО

Блаженный Александр родился[1] во владениях Великого Новгорода[2], в Обонежской области[3], которая была расположена по реке Ояти[4], в селе, называвшемся Мандера и находившемся против Островского монастыря Пресвятой Богородицы, честного Ее Введения[5]. Он родился от отца, по имени Стефана, и матери, именем Василиссы, по некоему явлению Божественной Силы[6] и был освящен святым крещением. Когда наступило время обучать его грамоте, то он отдан был родителями для изучения Божественных Писаний. Но в то время, когда товарищи его по учению успешно проходили науку, он медленно усвоял ее. Это было по особому усмотрению Божию, чтобы он получил разумение от Бога, а не от людей, что потом и случилось. Однажды он пришел в церковь и, пав пред образом Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, со слезами стал молиться о том, чтобы дано было ему разумение к изучению Божественных Писаний. И на его молитву немедленно же последо-

---

[1] *Преподобный Александр* родился в 1448 году, 15 мая.

[2] Территория Великого Новгорода занимала обширный угол северо-западной Руси, доходя на севере до Белого моря и переходя на востоке за Уральский хребет. Она охватывала нынешние губернии: Новгородскую, С.-Петербургскую, часть Олонецкой, Архангельскую, Пермскую, часть Вятской, Вологодскую, часть Ярославской, часть Тверской и Псковскую и до начала XVIII века делилась на пять частей, или пятин.

[3] Здесь разумеется *Обонежье*, или *Обонежская пятина*, самая обширная из всех новгородских пятин. Она тянулась на север и северо-восток от Новгорода с одной стороны между рекою Волховом и Ладожским озером, а с другой — между озером Ильменем и реками Мстою и Мдою. Так как она обнимала Онежское озеро со всех сторон, то отсюда и получила свое название.

[4] *Река Оять* составляет левый приток реки Свири и находится в нынешней Олонецкой губернии.

[5] *Введенский Богородичный монастырь* находился на реке Ояти. В 1581 году его совершенно выжгли «немецкие люди», так что шесть человек братии жили за монастырем в пустоши, на острове.

[6] У родителей преподобного Александра преждевременно прекратилось рождение детей, и они молились Богу о возвращении им способности чадорождения, после чего и родился у них сын Амос, впоследствии преподобный Александр.

вал ответ — он услышал голос, который сказал ему: «Встань, не бойся. Ты получишь то, о чем просил».

Обрадованный отрок встал и пришел к отцу своему. Отец и мать заметили его душевную радость и предугадали, что она происходила от проявления к нему милости Божией, и, думая так, благодарили за это Бога. Блаженный же отрок с этого времени стал оказывать быстрые успехи в учении, причем внимательно слушал чтение Божественных книг и во всем повиновался своим родителям. В то же время он соблюдал такой строгий пост, что только раз в день употреблял в пищу один хлеб и то в меру, по ночам же спал очень мало. Родители отрока приходили от этого в изумление, и мать, увещевая его, однажды сказала ему:

— Сын мой! Зачем ты так изнуряешь себя? Принимай пищу вместе с нами и спи, как и мы.

Но отрок ответил на это матери:

— Для чего ты, мать моя, говоришь мне это, отклоняя меня от приятного мне воздержания? Ведь в Писании сказано, что пища и питие не приблизят нас к Богу (см.: 1 Кор. 8, 8). Оставь меня поступать так, как я начал.

Удивляясь такому мудрому ответу сына, и особенно видя, что к такому подвигу у него есть искреннее желание, мать сказала ему:

— Как хочешь поступать, сын мой, так и поступай.

Но дивный отрок чувствовал более влечения к подвигам, нежели к видимым благам; обилие имущества считал тенью и на все, что есть человеческого на земле, смотрел, как на суетное и ничтожное.

Когда он достиг совершенного возраста, то родители хотели было сочетать его законным браком, но боголюбивый юноша уклонялся от этого. Он всегда желал и думал о том, чтобы уйти из мира и достичь того, чего желал. Взяв благословение у отца своего как бы для того, чтобы идти в находившееся неподалеку селение, он ушел из родного дома и, наставляемый Богом или, лучше сказать, имея своим спутником Ангела, пришел в монастырь святого Спаса, Боголепного Его Преображения, что на Валааме[1]. Он упросил настоятеля этого монастыря постричь его в иночество. В это время ему было от роду двадцать шесть лет. Поступив в монастырь, он с таким усер-

[1] *Валаам* — остров на Ладожском озере вблизи северных берегов его, известный ныне знаменитым на севере России по благоустройству монастырем своим.

дием предавался подвигам добродетельной жизни, что все стали говорить о нем. Тяготясь такою известностью, он испросил у тамошнего настоятеля благословение и, не взяв с собою ничего, кроме необходимой одежды, ночью ушел из монастыря. Он пришел на то место, где сперва хотел было поселиться на жительство, когда ушел от своих родителей. Место это находилось на берегу озера[1], на расстоянии четырех поприщ от реки Свири. Здесь преподобный построил себе небольшую келию, которою и пользовался для кратковременного отдыха от своих подвигов.

Однажды он обходил окрестные местности, ища такой, где бы он мог устроить себе жилище, и увидел красивое место, освещенное неким Божественным светом, на котором и доныне стоит монастырь. Когда он находился здесь и случилось ему однажды выйти из своей келии к озеру, чтобы почерпнуть воды, то послышался с неба голос, который назвал его по имени и сказал ему: «Так как ты был исполнителем Моих заповедей, то за это Я соберу к тебе бесчисленное множество людей, ты же не отвергай их, но приими с простертыми руками и будь им наставником ко спасению».

Услышав эти слова, преподобный пал ниц на землю и вознес Богу благодарственное моление, после чего, почерпнув воды, возвратился в свою келию.

Спустя некоторое время после этого к преподобному пришел родной брат его, по имени Иоанн, который разыскивал его. Увидев брата, преподобный обрадовался ему, и они оба стали трудиться, чтобы сделать себе более просторное жилище, так как хотели жить вместе. Но вскоре брат преподобного скончался, и Александр, воспев над ним погребальные песнопения, похоронил его. После этого преподобный снова отдался строгому постничеству, и число братии умножалось. Они, пребывая в безмолвии, жили отдельно один от другого и подражали преподобному каждый по мере сил своих.

Так проводил жизнь свою преподобный и достиг того, что молитвою своею прогонял бесов и имел своими собеседниками Ангелов. Однажды он удостоился видеть Самого Бога, явившегося ему в трех Лицах, и беседовать с Ним о том, как создать церковь, построить монастырь и собрать братию. Когда затем он молился о том, где поставить церковь, то Ангел Господень указал ему место для нее.

---

[1] Это озеро носило название *Рощнеского*.

Братия принудили его принять священство, и спустя некоторое время он построил церковь во имя Святой Троицы и освятил ее, после чего число братии стало еще более увеличиваться.

Хотя преподобный и принял игуменство над братией, но не изменил своего правила и, будучи игуменом, подавал всем пример смирения, помня слова Господа, сказавшего: *кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою* (Мк. 9, 35; см.: 10, 43). Поэтому преподобный и смирял себя, стараясь быть меньше всех и всем служил. Он всем давал собою пример и трудился, раньше всех выходя на работу. Всегда он делал все сам своими руками: ходил в поварню, месил тесто и пек хлебы, иногда носил из озера и воду, рубил дрова и носил их в монастырь. Иногда он приходил в мельницу, где иноки мололи рожь, и в то время, когда они еще спали, брал приготовленную для размола рожь и, измолов назначенную для каждого инока часть, ставил измолотое на своем месте, а потом уходил в свою келию. В церковь он приходил прежде всех и после всех выходил. Никто никогда не видел его лежащим даже на рогоже или возливающим на тело свое воду. Одеждою ему служил сделанный из грубой ткани подрясник, настолько сильно истертый, что на нем нашито было множество заплат. Многие неразумные люди издевались над ним и поносили его, но он такие поношения принимал от них с радостью.

По прошествии некоторого времени по изволению Божию преподобный построил каменную церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы[1], расширил монастырь, по четырем сторонам велел построить келии, а посередине выстроил большую церковь с трапезою и устроил все прочее, что было полезно для нужд братии.

Так богоугодно провел жизнь свою преподобный и до конца дней своих продолжал свои подвиги, за что и получил от Бога дар чудотворения еще при жизни своей. Наконец, чувствуя, что наступает время его отшествия к Богу, он призвал к себе братию и сказал им:

— Братия! Вот уже приближается конец жития моего, и я ухожу из этой жизни. Вручаю вас Богу. Да сохранит Он вас и утвердит в любви Своей.

Сказав эти слова, преподобный поучал братию хранить между собою любовь, быть снисходительными друг к другу и упражняться

[1] Храм этот был освящен в 1526 году по благословению архиепископа Макария.

в других добродетелях. В заключение он завещал им, чтобы и после его смерти никто из них не держал у себя никаких опьяняющих напитков. Когда же наступил час, в который душа преподобного должна была отойти к Богу, он воздел к небу руки свои и сотворил молитву, закончив ее словами:

— Господи! В руце Твои предаю дух мой.

Так, с молитвою на устах, преподобный предал честну́ю душу свою Господу. Это произошло в 1533 году 30 августа. Всех лет жизни его было восемьдесят пять. Честно́е тело его с почестями было погребено у церкви Боголепного Преображения с правой стороны у алтаря. Оно подает многие исцеления приходящим с верой к святому гробу преподобного[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ХРИСТОФОРА

О преподобном Христофоре Иоанн и Софроний, написатели книги, именуемой Лимонарь, повествуют так.

Когда мы были в Александрии, то пришли к авве Феодулу, находящемуся в обители святой Софии, что в Фаране; старец поведал нам, сказав:

— Я постригся в иночество в киновии преподобного отца нашего Феодосия; эта киновия находится в пустыни святого Христова города Иерусалима; там встретил я большого ростом старца, по имени Христофора, родом римлянина. Однажды я поклонился ему, сказав: «Яви мне любовь, отче, расскажи мне, каковы были подвиги твои от дней юности?»

После того как я много упрашивал его, старец понял, что я просил его о том ради пользы (душевной); тогда он поведал мне о себе, сказав так:

[1] Преподобного Александра чтили как святого с 1547 года и тогда же ему составлена была служба, а в 1559 году в Москве был устроен придел в честь его. Мощи его были открыты 17 апреля 1641 года, и в 1643 году царь Михаил Феодорович устроил для них серебряную раку, в которой они покоятся и теперь.

— Когда я отрекся от мира, чадо, то питал великую любовь и усердие к подвигу иноческому: днем я упражнялся в служении Богу, вечером же, уже поздно, я уходил в пещеру, в которой ранее имели обыкновение молиться преподобный Феодосий и прочие святые отцы. Входя в пещеру, я творил сто поклонов и на каждой ступени падал ниц пред Богом: всех же ступеней восемнадцать. Войдя внутрь пещеры, я проводил время в молитве до тех пор, пока не ударяли в било, созывая на утреннее пение; только тогда я выходил из пещеры и направлялся к церкви.

В таком подвиге я пробыл одиннадцать лет, никогда не изменяя этого правила, подвизаясь с великим пощением и хранением помыслов, трудясь телом во всех, поручаемых мне, службах и испытывая большое лишение, по причине нестяжательности моей.

Однажды ночью, когда я пришел к пещере, я начал творить обычные мои коленопреклоненные моления на ступенях; дойдя до последней ступени, я остановился — неожиданно я оказался в восторженном состоянии: я увидел, что вся пещера была наполнена лампадами, из которых одни горели, другие же не горели. Видел я также двух мужей светообразных, ходивших в белых ризах и возжигавших лампады, и спросил их:

— Для чего вы поставили здесь эти лампады, так что я не могу войти сюда и помолиться?

Они отвечали мне:

— Это лампады отцов, служащих Богу.

Тогда я снова спросил их:

— Почему же одни из лампад горят, а другие нет?

Они ответили мне:

— Служащие Господу со усердием зажгли лампады свои, а ленивые не зажгли лампад.

Потом сказал им:

— Окажите мне любовь, скажите мне: моя лампада горит или нет?

Они ответили мне:

— Трудись и молись, и тогда мы зажжем ее.

Но я сказал:

— Я всегда молюсь и не делаю ничего иного до этого времени.

После этих слов я пришел в себя и не видел уже никого больше. Потом я сказал себе:

— О Христофор! Ты должен понести еще бóльшие труды, дабы зажечь лампаду свою!

Утром следующего дня я вышел из монастыря и отправился на Синайскую гору, ничего не взяв с собою, кроме одежды, в которую я был облечен. После того как я пробыл на горе Синайской пятьдесят лет, потрудившись во многих подвигах, низшел ко мне голос, говоривший:

— Христофор! Иди в монастырь твой, в котором ты подвизался ранее, дабы почить там вместе с отцами твоими.

Поведав это о себе, преподобный Христофор после этого пожил немного времени и предал святую душу свою в руки Божии.

Потом тот же авва Феодул поведал нам (повествуют Иоанн и Софроний) о том же отце Христофоре, что в другое время, прежде кончины своей, преподобный Христофор поведал:

«Однажды днем я вышел (поведал он) из монастыря моего и пошел во святой город Иерусалим, дабы поклониться и облобызать животворящий Крест Господень. И когда я был там, поклонился и уже выходил, то увидел некоего брата, стоявшего при вратах, среди двора церковного, — ни входящего, ни выходящего. Я видел также и двух вóронов, бесстрашно летавших пред лицом его и не позволявших ему войти. Я понял, что те вóроны были демонами. Тогда я сказал стоявшему:

— Скажи мне, брат, по какой причине ты стоишь посреди ворот и не входишь?

Он отвечал мне:

— Прости меня, отче, я одержим помыслами; один помысл говорит мне: иди и поклонись честнóму Кресту и облобызай его; другой же помысл говорит: нет, не ходи, но иди сначала и исполни свое дело; в другое время ты придешь и поклонишься.

Я же, слышав это (говорит святой Христофор), взял брата за руку и ввел в храм, и тотчас исчезли те вóроны; я предложил ему поклониться честнóму Кресту и святому Гробу Господню и потом отпустил его с миром.

Это поведал мне (говорит Феодул) преподобный Христофор, так как видел, что я много упражнялся в делах монастырских, но мало прилежал к молитве, — дабы я знал, что прежде всего следует исполнять служение духовное, а потом уже работу, необходимую для телесных потребностей».

Уведав об этом, блаженные отцы Иоанн и Софроний написали это на пользу читающим и слушающим, во славу Христа, Бога нашего[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФАНТИНА

Этот преподобный родился в Калабрии[2] и был сыном Георгия и Вриены. С юных лет своих он посвятил себя на служение Богу. Отданный в один монастырь[3] и приняв иноческое пострижение, он упражнял себя во всякого рода добродетелях и стал настолько искусным исполнителем заповедей Божиих, что удостоился великих Божественных откровений. Скитаясь по пустыням и горам, он по двадцати дней пребывал без пищи и четыре года провел в совершенной наготе. Угнетаемый многими бедствиями от сарацин[4], он терпеливо переносил их в течение шестидесяти лет, а потом, взяв учеников своих Виталия и Никифора, отправился с ними в Пело-

---

[1] Преподобный Христофор подвизался в V веке.

[2] *Калабрия*, древняя римская область, находилась в южной части Апеннинского полуострова.

[3] В одном Прологе сказано, что преподобный Фантин поступил в монастырь восьми лет.

[4] *Сарацины* — собственно жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее в Аравии разбойническое племя, а потом христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще, Африканские сарацины напали на Сицилию и Калабрию около 828 года.

поннес[1]. Часто он приходил в Коринф[2] и для многих был помощником в деле спасения. Ходил он и в Афины[3], где помолился в храме Богородицы, после чего отправился в Солун[4] и был там свидетелем чудес от мощей великомученика Димитрия[5]. Он прожил здесь восемь лет в обычном воздержании, соблюдая принятое правило, и в глубокой старости окончил жизнь свою[6].

В тот же день **обретение мощей святого благоверного князя Даниила Александровича Московского**, в 1652 году. Мощи его почивают в Московском Даниловом монастыре (память преставления святого благоверного князя Даниила совершается 4 марта).

[1] *Пелопоннесом* в древности называлась южная часть Балканского полуострова. По месяцеслову императора Василия, преподобный Фантин отправился из Калабрии в Фессалию и, посетив Афины (и, вероятно, Коринф), довольно продолжительное время проживал в главном городе ее Ларисе у гроба святого Ахиллия, память которого празднуется 15 мая.

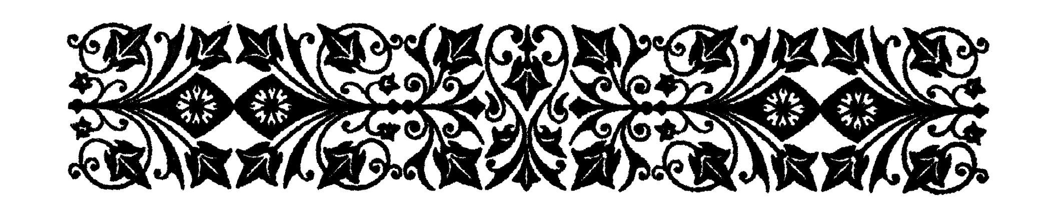
[2] *Коринф* — знаменитый город в древней Греции. Он находился в древней Арголиде близ берегов Коринфского залива.

[3] *Город Афины* — столица древней Греции находился в Аттике, близ берегов Средиземного моря.

[4] *Солунь* — город в Македонии. Он был расположен на самом берегу Эгейского моря.

[5] Память святого великомученика Димитрия Солунского празднуется 26 октября.

[6] Преподобный Фантин скончался в конце IX или в начале X века.



День тридцать первый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
КИПРИАНА,
епископа Карфагенского

Святой Киприан, епископ Карфагенский, принадлежит к числу замечательнейших отцов и учителей Церкви III века. Ему пришлось жить и действовать в такую годину, когда Церковь Христова обуревалась как гонениями извне — от язычников — так и смутами внутренними — от еретиков и расколоучителей. Святой Киприан явил собой образец как мужественного архипастыря, пострадавшего за имя Христово, положившего душу свою за своих пасомых, так и разумного устроителя внутренней жизни Церкви. Он оставил многочисленные сочинения, в которых касается разнообразных богословских вопросов и в которых решает почти все недоумения, возникавшие в его время, относительно внутреннего благоустроения жизни Церкви. Поэтому жизнь его и история его страдания представляются особенно поучительными.

Киприан родился в начале III века[1]. Родители его были язычниками и принадлежали к числу знатных и благородных граждан города Карфагена. Первоначальное имя его было Фасций Киприан. В юности Киприан получил хорошее светское образование. Весьма большие успехи оказал Киприан в красноречии, почему был избран учителем риторики в карфагенском училище; по этой же причине многие избирали его своим ходатаем по ведению судебных дел (ад-

---

[1] Киприан родился, как полагают, около 200 года.

вокатом). Можно предполагать, что Киприан по наследству получил значительное состояние; кроме того, выгоды адвокатской должности доставляли ему обильные средства к широкой жизни, почему вначале, будучи язычником, Киприан проводил жизнь греховную. Следствием этого было то, что Киприан, как сам замечает, «покорствуя страстям (своим), невольно благоприятствовал своему собственному несчастию, как будто оно от природы было его уделом»[1].

Такую греховную жизнь проводил Киприан до тех пор, пока благодати Божией не благоугодно было осенить его душу и призвать его ко спасению. Полагают, что Киприан оставался язычником до своей полной возмужалости, по всей вероятности, до сорокашестилетнего возраста[2].

В начале III века в Карфагене было уже много христиан. Киприан знал об этом; он не мог не заинтересоваться возвышенным учением христианским, ибо от природы был наделен любознательным и благородным умом. Еще до обращения своего в христианство Киприан познакомился с некоторыми сочинениями Тертуллиана[3] и это привело его на путь истины.

Еще будучи язычником, Киприан начал чувствовать отвращение от языческой жизни. Он сознавал пагубность и греховность гладиаторских зрелищ, где убийство одних доставляло удовольствие другим; Киприан питал отвращение и к языческим трагедиям и комедиям, которые предавали памяти людей минувшие злодеяния и развращали людей. Еще будучи язычником, он с прискорбием смотрел на несправедливости и притеснения со стороны судей, на обманы и ссоры между частными лицами; еще будучи язычником, он сознавал, что знатность, честь и богатство, которые кажутся многим так заманчивыми и обольстительными, на самом деле наполняют душу только пустыми и мучительными опасениями и тревогами. Все это привело Киприана к убеждению, что в язычестве спастись нельзя, что языческая религия не может дать человеку мира душевного и не может заслуживать ни малейшего внимания сравнительно с религиею христианскою.

---

[1] «Письмо к Донату», гл. 4.

[2] Временем обращения Киприана в христианство считают обыкновенно 246 год.

[3] Киприан был знаком с «Апологией» Тертуллиана.

Но сознание глубины и повсеместности нравственного развращения останавливало на время обращение Киприана в христианство. Он часто задумывался о своем нравственном падении, о необходимости исправиться и начать новую жизнь в христианстве, но в то же время страшился первоначально высоких требований христианства; он почитал весьма трудным то духовное возрождение, какое даруется в христианстве, ибо уже много лет он провел в язычестве. Свои сомнения и недоумения по этому поводу он красноречиво выражает в «Письме к Донату». Киприан говорит здесь: «Возможно ли отложить все то, чем был кто-либо ранее, и при том же сложении тела сделаться другим человеком по уму и по сердцу?.. Возможно ли совлечься того, что, родившись от глубокой материи, вместе с нею отвердело, или от долговременной привычки укоренилось вместе с летами... Научится ли когда бережливости тот, кто привык к великолепным пиршествам и изысканными снедям? Наденет ли когда-нибудь обыкновенное и простое платье тот, на ком всегда были драгоценные, украшенные золотом, одеяния? Нет, — рассуждал Киприан, — сын роскоши, привыкший к почестям, никогда не решится быть частным и незнатным человеком. Всегда сопровождаемый своими слугами, окружаемый в знак почести многочисленною толпою раболепствующего пред ним народа, он считает наказанием, когда бывает один. Быв пленником беспрестанных забав, он обыкновенно предается винопитию, надмевается гордостью, воспламеняется гневом, помышляет о хищении, поддается жестокости, увлекается похотением. Так часто рассуждал я сам с собою, — пишет Киприан, — ибо и сам был подвержен многим заблуждениям»[1].

В состоянии такой нравственной борьбы и нерешительности Киприан не мог не почувствовать необходимости в посторонней помощи и совете; и Киприан обратился для разрешения своих сомнений к одному карфагенскому пресвитеру, по имени Цецилию. Цецилий успел убедить Киприана в крайней нелепости языческого многобожия и в том, что самые злые наклонности человека могут измениться по действию всесильной благодати Божией. Таким образом Киприан принял твердое намерение стать христианином.

По существовавшему в древней Церкви обычаю Киприан до крещения должен был некоторое время провести в состоянии так на-

[1] «Письмо к Донату», гл. 3 и 4.

зываемого оглашения[1]. Неизвестно, сколько времени Киприан провел в состоянии оглашения; можно предполагать, что оно было непродолжительно.

Решив стать христианином, Киприан на самом деле доказал искренность своего решения переменою в самом образе своей жизни. Еще в состоянии оглашения Киприан продал все имения свои и вырученные деньги роздал нищим, не оставив ничего для себя. После этого пресвитеру Цецилию, наблюдавшему за духовною жизнью Киприана, уже нельзя было сомневаться в искренности обращения своего ученика. Вскоре за этим, конечно, должно было последовать и крещение Киприана.

Живое чувство духовного преобразования, дарованного в таинстве крещения, сильно подействовало на Киприана. Вот как описывает он в письме к другу своему Донату спасительные действия таинства крещения:

«Когда животворные воды крещения омыли пятна прежней моей жизни, и в очищенное и в оправданное сердце пролился небесный свет; когда, приняв Духа небесного, соделался я новым человеком, тогда чудесным образом я совершенно уверился в том, о чем ранее сомневался; тайны начали открываться, мрак — исчезать; то, что прежде казалось трудным, сделалось удобным, невозможное стало возможным... В принятии небесных даров нет меры. Лишь бы только жаждало и было отверсто сердце наше, мы столько имеем веры, способной к принятию благодати. Она дарует способность уничтожать ядотворную силу греха трезвенною чистотою, непорочную мыслью, чистым словом, непритворною добродетелью: она очищает скверны развращенных сердец, возвращая им здравие; она дает силу примирять врагов, успокаивать беспокойных и грозными заклинаниями понуждать к признанию нечистых духов, вселяющихся в человека. Образ благодатного действия над теми, в которых живут злые духи, невидим, — неприметны удары, коими она поражает последних, но казнь видима и разительна. Так вселившийся в нас дух благодати начинает являть свою могущественную силу, и хотя мы тела своего с членами еще не переменили на другое, наше око не затмевается уже мраком века сего. Какое могущество, какая сила Духа! Кто очистился и пребывает чистым, тот не только сам себя сохраняет от

[1] *Оглашение* — изустное наставление в истинах веры христианской.

мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетью нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует как повелитель»[1].

Так благодать Божия вскоре после крещения Киприана ознаменовалась в нем внутренним духовным возрождением. Хотя он изменил уже, как это было упомянуто выше, образ жизни своей еще до крещения, находясь в состоянии оглашения, но, по собственному признанию его, вера его получила полную твердость, и воля совершенную свою силу и крепость уже в крещении. Он крестился, вероятно, в праздник Пасхи или Пятидесятницы[2].

После крещения Киприан начал проводить жизнь строго добродетельную. Он являл собою всем пример нестяжательности, ибо, сострадая нищим и бедным, он благотворил им, раздавая все, что имел. Главнейшими занятиями святого Киприана после крещения были молитва и чтение Священного Писания.

Оказывая дела милости и благотворя всем нуждающимся, Киприан не мог не питать особенной любви и благодарности к наставнику своему, пресвитеру Цецилию, открывшему ему тайны веры христианской и способствовавшему обращению его в христианство. И пресвитер Цецилий, видя в Киприане столько преданности и расположения к себе, пред смертью своею, кроме него, не нашел никого иного, кому мог бы с большею уверенностью и надеждою поручить попечение и заботы над оставшимся семейством своим.

По обращении в христианство Киприан жил в одном доме с Цецилием, ибо отдал все имения свои бедным; при этом и тот и другой, и Киприан и Цецилий, проводили жизнь строго добродетельную.

Спустя год или немного более по крещении Киприан рукоположен был в сан пресвитера Церкви Карфагенской.

В сане пресвитера святой Киприан еще с бо́льшим усердием начал подвизаться во благочестии. По свидетельству диакона Понтия[3], Киприан в сане пресвитера сделал многое по подражанию древним праведникам и сам стал достойным подражания.

---

[1] «Письмо к Донату», гл. 4 и 5.

[2] Эти дни в древней Церкви, по своей торжественности, считались особенно удобными для крещения обращающихся язычников.

[3] Диакон Понтий оставил жизнеописание святого Киприана.

В скором времени после этого умер епископ Карфагенский Донат. На освободившуюся епископскую кафедру всем народом единогласно был избран святой Киприан. Таким образом, в сане пресвитера Киприан пробыл не более года.

Киприан первоначально отказывался от такой чести, считая себя недостойным принять столь высокое служение. Он говорил, что были пресвитеры, старейшие его возрастом и более достойные его. Но народ, любивший своего доброго пастыря, настоятельно требовал поставления в сан епископа святого Киприана. Когда наступило время, назначенное для рукоположения, христиане окружили дом, в котором был Киприан, и не хотели оставлять занятых ими входов и выходов до тех пор, пока Киприан не согласился идти с христианами в храм. При всем своем высоком смирении, Киприан должен был уступить любви братии, пришел в храм и, к радости всех, был рукоположен во епископа.

Таким образом святой Киприан был поставлен, подобно светильнику, на свещник, дабы светить миру своими добродетелями[1].

В сане епископа Киприан обратил свое внимание прежде всего на благоустроение церковное. Следует заметить, что в то время было немало христиан, которые только именовали себя христианами, а в действительности проводили жизнь, недостойную истинного христианина. Так как гонения от язычников на христиан прекратились уже давно и Церковь наслаждалась почти сорокалетним миром, то некоторые христиане легкомысленно дозволяли себе отступления от строгих христианских обычаев. Вот как сам Киприан описывает нравственные недостатки его времени:

«Каждый заботился об умножении собственности. В иереях не было ожидаемого по их обету благочестия, в служителях (клириках) не было чистой веры, в делах — милосердия, в нравах — благоустройства[2]. Многие христиане не хранили твердо истин веры Христовой и отступали от Христа. Допускались часто безрассудные клятвы, презрение и непослушание предстоятелям, злословие и взаимная вражда»[3].

---

[1] В сан епископа Киприан был рукоположен, вероятно, в конце 248 года.

[2] «Книга о падших», гл. 6.

[3] Там же, гл. 6.

Ввиду всего этого святому Киприану в сане епископа пришлось весьма много потрудиться на пользу внутреннего благоустроения Церкви.

В скором же времени по поставлении в сан епископа святой Киприан приступил к искоренению вкравшихся в жизнь христиан беспорядков.

Киприан обратил свое внимание прежде всего на клир, на самих пастырей Церкви, которые являлись руководителями народа. Киприан не допускал никого даже к низшим степеням служения в клире без предварительного тщательного исследования о способностях и поведении каждого; он требовал известной подготовки от лиц, желавших выступить на служение Церкви; самое испытание в знании христианского учения Киприан производил в присутствии пресвитеров, как это известно относительно Оптана, коего Киприан в начале своего епископства назначил учителем оглашенных.

Вместе с тем Киприан заботился и об исправлении нравов и среди христиан. Диакон Понтий в таких словах говорит о епископском служении святого Киприана: «Какое у него было благочестие! Какая бдительность! Какое милосердие! Какая строгость! Столько святости и благодати изливалось из уст его, что он приводил в изумление всех, видевших его».

Наружным видом своим святой Киприан был честен, лицом благообразен, ибо таившаяся внутри души его святыня отображалась и на лице его. Как мудрость, по слову Екклесиаста, так и святость украшает лик человека (см.: Еккл 8, 1); в этом же человеке Божием — святом Киприане — было и то, и другое: он был и мудр, и свят. Одежды носил он ни слишком богатые, ни слишком убогие, ибо святой избегал гордости и превозношения, но не желал подвергать бесчестию и сан архиерейский. Характер его был весьма сдержан: он был ни слишком суров, ни слишком мягок и кроток сверх меры; где нужно было наказать, там он, хотя и милостиво, являл гнев свой, почему был всеми уважаем и почитаем. Кроме этого, святой Киприан являл великое милосердие и сострадание ко всем обиженным и бедствующим: он был помощником сиротам, странникам, нищим и больным.

В своих архипастырских распоряжениях и действиях святой Киприан проявил столько рассудительности и мудрости, что его совета искали и предстоятели других Церквей.

Так, например, Рогациан, епископ Новский, просил совета у святого Киприана по поводу оскорбления, причиненного ему неким диаконом. Киприан отвечал:

— Если диакон и впредь будет ослушиваться тебя и оскорблять тебя, ты можешь, по праву своей власти, или лишить его сана, или отлучить от общения; однако, — прибавлял он, — мы более желаем, чтобы ты прикрывал обиды и оскорбления кротким терпением, нежели наказывал священною властью.

Другой епископ, Евкратий, спрашивал Киприана:

— Должно ли допускать до общения церковного лицедея, который и после того, как сделался христианином, обучал молодых людей тому искусству, каким занимался в язычестве?

Киприан отвечал на это:

— Бедность не может извинить этого лицедея (ныне христианина); он может содержаться церковными приношениями, если только пожелает довольствоваться содержанием более умеренным, но без греха. Поэтому убеди его довольствоваться церковным содержанием: если же у вас церковные приношения недостаточны для пропитания трудящихся, то пусть он придет к нам, и от нас получит необходимое для питания и одеяния.

Много и других советов давал святой Киприан всем, вопрошавшим его, ибо не желал утаивать своей мудрости и разумения, но старался быть полезным всем.

По изволению Божию, святой Киприан провел немного лет в мирном управлении своей епархией. В скором времени по занятии Киприаном епископского престола над Церковью, подобно буре, разразилось гонение Декия[1]. Вскоре же после вступления на престол нечестивый император издал указ, по которому все христиане принуждались к принятию языческой религии и к принесению жертв богам.

Задолго еще до начала гонения Киприан был извещен от Господа видением об этом бедствии, именно: Киприан видел старца, по правую сторону коего сидел юноша, исполненный некоторого смущения, негодования и печали, а по левую кто-то держал сеть и угрожал захватить ею стоящий кругом народ. Киприан удивился этому видению. Оно было объяснено ему в том смысле, что сидящий по пра-

[1] *Император Декий* царствовал с 249 по 251 год.

вую сторону печалится и скорбит о том, что христиане не соблюдают Его заповедей, а находившийся по левую сторону радуется тому, что открывается случай и дается дозволение излить на народ ярость свою. Святой Киприан понял, что лицами, представившимися ему в видении, были: Бог Отец, Господь наш Иисус Христос и исконный враг мира — диавол.

Этим гонением христиане были подвергнуты испытанию, как золото в огне, дабы тем ярче и сильнее был явлен всюду блеск добродетелей христианских.

Когда в Карфаген прибыл указ императора, язычники хотели подвергнуть мучению прежде всего Киприана. Его, как более известного своими добродетелями и своим влиянием на христиан, язычники намеревались ранее всего предать мучениям, дабы тем устрашить остальных христиан. Но так как время подвигов святого Киприана еще не наступило, то он решил удалиться на время из Карфагена, дабы своими увещаниями и наставлениями из неизвестного язычникам места поддерживать веру христиан и побуждать их твердо исповедовать имя Христово. Решив удалиться на время из Карфагена, Киприан написал своим пресвитерам и диаконам, а также и предстоятелям Церкви Римской, послание. В этом послании Киприан сообщал, что он удаляется из Карфагена для того, чтобы его присутствие не усилило еще более ярости гонения, что, хотя и отсутствуя от своей паствы телесно, он присутствует с нею в Господе, что он написал тринадцать посланий для утешения сильных, ободрения слабых, для устранения разного рода нестроений в церковной внутренней жизни и для успокоения душ колеблющихся.

Киприан так объяснял свой поступок: «Первая степень победы состоит в том, чтобы исповедовать Господа после взятия руками язычников. Вторая степень славы состоит в том, чтобы благоразумным удалением спасти себя для Господа. Одна есть — всенародное исповедание, другая — частное. Одна побеждает гражданского судию, другая — благоприятнее Богу как Судии, ибо поддерживает чистую совесть в непорочности сердца. В одном случае обнаруживается более живая твердость, в другом — более уверенная осторожность. Один, когда приближается час его, оказывается уже созревшим для смерти, для другого, быть может, она отсрочена, — для того, например, который, оставив свое наследие, удалился по той именно

причине, чтобы ему не отпасть, но несомненно исповедовал бы себя христианином, если бы и он был также взят (язычниками)».

Без сомнения, своим временным удалением Киприан оказал Церкви более высокую услугу, чем мог бы оказать ее сразу же принятым мученичеством.

Пред удалением своим святой Киприан разделил церковные деньги, бывшие доселе в его заведовании, между всеми клириками, оставшимися в Карфагене, для более удобного вспомоществования неимущим и бедным. Клир, с своей стороны, охотно сообщал своему епископу все сведения о состоянии его паствы и повиновался ему так же, как и в его личном присутствии. По справедливости можно сказать, что он один только и был способен управлять Карфагенскою Церковью в такое тяжелое время.

Его жизнеописатель, диакон Понтий, замечает: «Представим себе, что он (Киприан) тогда (то есть тогда, когда бы не скрылся из Карфагена) удостоился мученической кончины... Кто бы научил падших покаянию, еретиков — истине, расколоучителей — единству, чад Божиих — сохранению мира и молитве?»

Святой Киприан находился, таким образом, в постоянном сношении с своею паствою и посылал неоднократные письма и сообщения пресвитерам, диаконам, мученикам и исповедникам. Первым он говорил, что прибудет к ним, как только Бог покажет ему, что такова Его воля. Он просил их иметь попечение о вдовах, больных, странниках и о всех неимущих. Хотя он и оставил для этой цели некоторую сумму денег, но, опасаясь, что, быть может, она уже вся истрачена, он отправил своего слугу Нарика с новым денежным приношением. Более всего заботился Киприан о том, чтобы христиане не пали духом среди бури огорчений. Писал святой Киприан также исповедникам и мученикам. Он укреплял их мужество, превозносил их верность; увещевал всех христиан смотреть за тем, чтобы должные почести оказывались телам мучеников после их смерти и чтобы им доставлялось всевозможное облегчение во время их страданий.

О святых исповедниках Киприан отзывался с великой похвалой. Он побуждал своих клириков заботиться о том, чтобы, как нет ни в чем недостатка в славе исповедников, так не было бы ни в чем недостатка и в помощи им, и просил, чтобы его извещали о днях их

смерти, дабы он мог приносить в их воспоминание возношения и жертвы.

В первое время после удаления святого Киприана из Карфагена ярость язычников, преследовавших христиан, несколько ослабела. Но спустя некоторое время она усилилась еще более. Для принуждения христиан к отречению от исповедуемой ими веры, были придуманы язычниками различные жестокие пытки и мучения. Исповедников имени Христова и поражали бичами, и били прутьями, и раздирали железными орудиями, и жгли на огне. Темницы переполнились христианами; одни из заключенных в скором же времени получали венцы победные, другие были близки к тому, чтобы получить эти венцы, ибо были воодушевлены тем же мужеством и с тою же ревностью стремились на подвиг брани. Но были и такие христиане, которые не выносили мучений и приносили жертвы, или курили ладан идолам, или за деньги покупали у градоначальников записки, в которых означалось, что они приносили жертвы идолам и отреклись от Христа, хотя этого не было на самом деле. Некоторые даже добровольно без всякого требования приносили жертвы богам языческим. Других языческие судии, с наступлением ночи, отпускали домой и не понуждали к жертвоприношению, но они сами просили дозволения принести жертвы в вечернее время, не отлагая их до другого дня. Много было и таких, которые склоняли друзей своих к отречению от веры христианской, какое совершали сами.

Горько и тяжело было святому Киприану слышать о падении слабых членов своей паствы! Падение их он называл отторжением части собственного сердца. Впоследствии писал он по этому поводу: «Скорблю, скорблю, братия, с вами, и болезнь моя не облегчается моею сохранностью и моим собственным здравием; как пастырь, я уязвлен ударом, нанесенным моему стаду. С каждым из вас соединено мое сердце, с каждым я болею и умираю! Ударами жестокого врага поражено и мое тело! И мою душу прошло оружие! Мое сердце, удаленное и свободное от гонения, не осталось в покое; любовь поразила меня, когда поражены мои братья»[1].

Около этого времени случилось еще одно обстоятельство, причинившее немало огорчений святому Киприану.

---

[1] «Книга о падших», гл. 4.

Необходимо заметить, что в древности в Церкви Карфагенской, как и в других Церквах, среди исповедников было в обычае давать отпавшим особого рода ходатайственные записки, или «письма мира», по которым согрешившие были скорее допускаемы в общение с верными. И теперь многие из отпавших от Христа возлагали большую надежду на ходатайство исповедников и мучеников. Но при этом многие исповедники, по излишней снисходительности к падшим, не обращали внимания на свойство их покаяния и давали эти ходатайственные записки («письма мира») без надлежащего рассмотрения и осторожности. Только немногие исповедники просили епископа даровать мир некоторым падшим по окончании гонения, по возвращении самого епископа и по тщательном исследовании нравственного состояния падших. Такая снисходительность к падшим оказывалась в то время, когда гонение еще свирепствовало в Карфагене; следовательно, эта снисходительность могла ослабить твердость в вере и прочих христиан, еще не подвергшихся гонению.

Когда святой Киприан узнал обо всем этом, то отправил в Карфаген три письма — к клиру, исповедникам и народу; и так как главными нарушителями древнего церковного благочиния оказались пресвитеры, то Киприан во всех этих письмах обличал их более всего; всех вообще — и клир, и народ — Киприан убеждал ожидать соборного рассуждения о принятии падших в Церковь, а самый собор обещал созвать по окончании гонения и по возвращении своем в Карфаген. Исповедников Киприан просил обращать особенное внимание на дела и заслуги, на род и качества грехопадения каждого, из числа тех, за кого они будут предлагать свое ходатайство.

Но все эти письма святого Киприана не имели полного успеха. Правда, пресвитеры, послушные своему пастырю, перестали допускать падших к общению в Церкви наравне с верными и увещевали их прежде всего загладить свой грех искренним покаянием; но некоторые из падших и после этого не пожелали принести покаяния, не хотели ожидать решения своего дела до окончания гонения, а требовали себе немедленно разрешения грехов.

Однако святой Киприан не ослабил своих требований и после известия о таковом непослушании со стороны некоторых падших христиан.

Охраняя с такою твердостью благочиние церковное, святой Киприан из места своего удаления открыл еще переписку с соседственными епископами для того, чтобы их согласием еще более подтвердить свое требование покаяния от падших. В ответ на его письма епископы сообщали, что они вполне одобряли его требования и писали ему, что ни в каком случае не следует ему отступать от своего постановления до собора, имеющего быть по окончании гонения.

В то время как соседние епископы открыто подтвердили и одобрили требования святого Киприана относительно падших, исповедники объявили свое несогласие с ним. Один из них, Лукиан, от имени всех, написал к Киприану письмо, в котором он уведомлял Киприана, что все исповедники даровали мир падшим; этот же Лукиан написал подобное письмо и римскому исповеднику Целерину.

Ободренные таким покровительством исповедников, падшие в нескольких городах Африканской провинции произвели возмущение против предстоятелей и с угрозами требовали у них себе мира, уже дарованного, как уверяли они, исповедниками и мучениками. В самом Карфагене беспокойные миряне после этого с большою дерзостью начали требовать себе примирения с Церковью.

Между тем, святой Киприан увещевал клир и народ поступать так, как ему было предписано ранее.

Ввиду этого более благонамеренные из падших совершенно смирились и обещали полное послушание епископу. В скором времени после этого некоторые из них уже писали святому Киприану, что они сознают свое грехопадение, совершают предписанное церковными правилами покаяние, не желают поспешного и неблаговременного примирения с верными, но ожидают возвращения своего епископа, говоря, что самое примирение в его присутствии будет для них приятнее.

В скором времени после этого Киприану было открыто в видении, что скоро восстановится мир в Церкви, что только для некоторых еще, на непродолжительное время, продлится гонение и что по мере усердия в молитве может последовать ускорение мира.

И действительно, видение святого Киприана стало оправдываться самыми событиями. Гонение на христиан в Карфагене хотя еще продолжалось, но ослабевало; язычники начали дозволять ис-

поведникам имени Христова пользоваться все большею и большею свободою. Заключенные в темницах выходили на свободу, а сосланные на заточение возвращались в отечество.

Однако гонение еще не окончилось. Еще много забот и беспокойств предстояло славному архипастырю, святому Киприану.

За время отсутствия Киприана в Карфагене явилась потребность в пресвитерах и клириках. Киприан избрал себе как бы четырех наместников, которым и поручил тщательно распознавать лета, состояние и заслуги тех лиц, которые имели быть произведены Киприаном в ту или другую иерархическую степень. Наместниками этими были избраны два епископа ближайших к Карфагену епархий — Калдоний и Геркулан, затем Рогациан, карфагенский пресвитер и исповедник, и клирик Нумидик.

Упомянутые лица тотчас же приступили к исполнению требований своего епископа. Но исполняя порученное им дело, они встретили сильное противодействие со стороны тех лиц, которым не нравилась столь законная и необходимая попечительность Киприана о выборе достойных служителей Церкви. Таким человеком явился некто Фелициссим, мирянин, и пресвитер Новат; к ним присоединились еще четыре пресвитера, опасавшиеся справедливого суда Киприана над собою. Они, и особенно пресвитер Новат, побудили Фелициссима открыть восстание против своего епископа.

Когда все это стало известно Киприану, он произнес отлучение на Фелициссима и угрожал подвергнуть такому же наказанию и всех его сообщников, а самое письмо, которое Киприан писал по этому случаю, он повелел прочитать народу и переслать в Карфаген к клиру. Пока оказалось только шесть ярых приверженцев Фелициссима, которые тогда же были отлучены от Церкви; но так как нашлись новые сторонники Фелициссима, то возмущение, произведенное им, еще не было устранено.

Киприан намеревался возвратиться в Карфаген к празднику Пасхи, но ввиду того, что возмущение Фелициссима и его сторонников еще не окончилось, он, не желая увеличивать смятения своим появлением, решил провести праздник Пасхи на месте своего удаления; а чтобы в отсутствие его враги не приобрели еще большего успеха, он письменно увещевал свою паству не доверять пагубным словам возмутителей.

Глубоко страдал святой Киприан в это время за свою паству. Его скорбь выразилась в письме, написанном по этому случаю:

«Как я мучусь теперь, — писал он карфагенским христианам, — что не могу сам прийти к вам и лично увещевать каждого из вас, по учению Господа и Его Евангелия. Мало было для меня уже двухгодичного изгнания и горького разлучения с вами; мало было скорби и печали, которая постоянно мучила меня без вас; мало было слез, днем и ночью проливаемых о том, что пастырю, которого вы избрали с такою любовью и горячностью, нельзя лично приветствовать вас, ни быть в ваших объятиях. Для истаивающего от печали сердца нашего наступила еще большая скорбь. При таком беспокойстве и нужде я сам не могу в скорости прийти к вам... Но зато отсюда убеждаю и прошу вас, любезные братия: не доверяйте пагубным речам, не внимайте легковерно обманчивым словам, не избирайте вместо света — тьму, вместо дня — ночь, вместо пищи — глад, вместо пития — жажду, вместо лекарства — яд, вместо здоровья — смерть... Не принесут нам мира те, которые сами не имеют мира... Никто да не отклонит вас от путей Господних. Пусть погибают одни те, которые захотели своей погибели; пусть остаются вне Церкви одни те, которые отделились от Церкви; пусть одни те не будут с епископами, которые возмутились против епископов... Прошу вас: отделитесь от таковых, послушайтесь моих советов. Я каждодневно изливаю за вас постоянные молитвы пред Господом; я желаю воссоединить вас с Церковью; я только прошу у Бога прежде мира Матери (Церкви), а потом уже ее чадам. Соедините с моими молитвами и молениями ваши молитвы, с моим плачем ваши слезы»[1].

Увещевая так трогательно тех, которые могли понять в его словах голос отеческой любви, святой Киприан угрожал наказанием — отлучением от Церкви — тем, которые не захотели бы повиноваться ему.

Письмо это, конечно, удержало благонамеренных на стороне епископа.

Вскоре после этого, когда Новат при посредстве своих сообщников без согласия и ведома святого Киприана произвел Фелициссима в диакона, Киприан написал еще два письма к клиру и народу об этом незаконном посвящении. Это были последние письма из места

[1] Письмо 40.

его удаления. Возмущению Фелициссима был положен конец уже на соборе, происходившем, по возвращении Киприана, в Карфагене[1].

Вскоре же после возвращения в Карфаген Киприан председательствовал на сем соборе, который подверг рассмотрению два вопроса: о расколе Фелициссима и о допущении падших к общению с верными.

Отцы собора после многих и долгих рассуждений единодушно постановили, что падшим не до́лжно отказывать в общении с Церковью, чтобы они не отчаялись в милосердии Божием и не стали жить по-язычески, но что и не должно преждевременно допускать их к общению — что соединению их с Церковью должны предшествовать продолжительное покаяние, молитва Богу, соединенная со слезами, и исследование нравственного состояния каждого из них. При этом по различию падших были назначены и различные степени покаяния. Фелициссим же и его единомышленники, как возмутившиеся против власти епископа, были отлучены от Церкви.

Однако враги Киприана не успокоились. Пресвитер Новат вскоре отправился в Рим и здесь, изменив Филициссиму, присоединился к партии Новациана[2], вследствие чего произвел многие смуты как в Римской, так и в Карфагенской Церквах. Фелициссим же вместе со своими единомышленниками через год произвел новое возмущение против святителя Божия Киприана.

Новациан начал распространять в Риме лжеучение, утверждая, что падших ни в каком случае не следует принимать в общение, хотя бы они и приносили покаяние; вместе с тем, Новациан сделал попытку предвосхитить честь епископства у законно избранного в епископы пресвитера Римского Корнилия. Благодаря содействию Новата, прибывшего в Рим, Новациану удалось побудить трех италийских епископов к совершению над ним рукоположения во епископа.

Святой Киприан с истинно христианскою мудростью старался пресечь в самом корне все церковные раздоры и волнения. Киприан известил окружным посланием африканских епископов о законном поставлении во епископы Корнилия и о незаконных действиях Но-

[1] Собор этот происходил в 251 году.

[2] *Новациан* — пресвитер римский, он писал ранее Киприану от имени всего римского клира по делу о принятии в Церковь падших.

вациана. Святитель Божий не переставал внушать всем ту истину, что там, где законно избран и рукоположен один епископ, нельзя поставлять другого епископа, и убеждал возмутителей мира церковного оставить гибельный раздор и споры и возвратиться в лоно единой истинной Церкви Вселенской. Для предохранения же верующих от соблазна расколоучителей Новациана и Фелициссима, святой Киприан написал книгу «О единстве Церкви».

Испытания Киприана этим еще не окончились. Нашлись люди, которые продолжали сеять в Церкви плевелы раздора и возмущения. Так, некий еретик Приват, присоединившись к партии Фелициссима, добился незаконного поставления во епископа Карфагенского Фортуната. Однако после увещаний Киприана сторонники Фортуната начали оставлять его и возвратились к миру церковному.

Дабы окончательно устранить все раздоры и несогласия, порождаемые врагами мира церковного, святитель Божий Киприан решил созвать Поместный собор в Карфагене. Таких соборов в Карфагене было несколько. На этом соборе были решены многие вопросы, касавшиеся внутренней церковной жизни, как, например, о принятии падших, о крещении еретиков и тому подобное. Мало-помалу возмущение, произведенное в жизни церковной непокорными членами Церкви, утихало, и в Церкви водворялись мир и тишина.

Господу благоугодно было посетить святого Киприана еще новым испытанием: на смену бедствий от гонения со стороны язычников появилось бедствие стихийное — моровая язва.

Неожиданно разразившееся бедствие было одинаково тяжело как для христиан, так и для язычников. Моровая язва без перерыва значительное время свирепствовала в каждой провинции, в каждом городе и почти в каждом семействе.

Общее бедствие вызвало Киприана на самую самоотверженную и благородную деятельность. В то время как язычники только еще более укреплялись в своем себялюбии, в то время как они, по-видимому, всецело предались страху, который заставлял их покидать самых дорогих своих родственников и оставлять мертвых непохороненными на улицах, христиане, руководимые Киприаном, оставались непоколебимыми. Сам Киприан не ограничился увещаниями, а своим личным примером подавал образец для подражания всем христианам.

Язва сопровождалась своими обычными страшными спутниками — засухой и голодом; кроме того, по границам Римской империи бродили орды варваров-нумидийцев и делали нашествия, во время которых они уводили много пленных; христиане карфагенские, руководимые святым Киприаном, жертвовали деньги на выкуп хотя бы некоторых из числа этих пленников.

Таким образом во время страшного бедствия общественного Киприан принял все меры к тому, чтобы всячески облегчить участь страждущих.

Несмотря на это, среди язычников находились люди, которые осмеливались утверждать, что язва, как и прочие бедствия общественные, была послана богами языческими за непоклонение им христиан. Такие слухи распространял особенно некто Димитриан, один из судей карфагенских. Вслед за ним и другие язычники повторяли эту клевету на христиан.

Святой Киприан опроверг это заблуждение, написав особое сочинение по этому поводу. «Бедствия мира, — писал он Димитриану и всем тем, кто разделял его мысли, — имеют свою причину в развращении людей; эти бедствия предсказаны пророками, как наказания за пороки, которые особенно распространены среди язычников и которые сами по себе всегда разрушают благосостояние народов, как и отдельных лиц. Языческие боги, — рассуждал Киприан, — не могут сами защищать себя, и тем явно доказывают свою зависимость от христиан, когда изгоняются из людей христианами[1]; мы, христиане, — рассуждал святой Киприан, — хотя также подвергаемся внешним бедствиям, но при безропотном перенесении их и надежде на будущую жизнь, мы не страдаем от несчастий».

Между тем приближалось время страданий святого Киприана. На престол вступил император Валериан[2], который воздвиг жестокое гонение на христиан.

Весть о новом гонении на христиан скоро достигла и до Церкви Африканской и, как обыкновенно, сколько устрашала малодушных, столько же воспламеняла к мужественному терпению твердых в вере. «О чем лучше и более нам должно заботиться, как не о том, чтобы непрестанными увещаниями приготовить вверенный нам народ

[1] Имеется в виду изгнание бесов, поселявшихся в людей.

[2] *Император Валериан* царствовал с 253 по 259 год.

против стрел диавола», — писал тогда святой Киприан Фортунату, епископу Туккаборскому. Но, кроме устных и письменных увещаний, святой Киприан и самым делом подал пример небоязненного исповедания своей веры пред язычниками.

После того как было объявлено гонение на христиан, проконсул карфагенский Аспазий Патерн получил указ императора, который предписывал принуждать христиан к поклонению идолам; при этом епископы христианские подлежали изгнанию, а христианские собрания запрещались. Проконсул намеревался прежде всего принудить к отречению от веры христианской святого Киприана, а поэтому прежде всего призвал его к допросу.

Когда Киприан пришел, проконсул спросил его:

— Император приказал мне принудить всех христиан поклониться идолам: ты что скажешь относительно этого?

Святой Киприан отвечал:

— Я — христианин и епископ христианский; я не знаю иных богов, кроме Единого истинного Бога, сотворившего небо, и землю, и море, и все, что находится в них; этому Богу мы, христиане, служим днем и нощию.

Проконсул сказал:

— Так ты будешь упорствовать в своем решении?

Киприан ответил на это:

— Благое решение, ведомое Господу, должно оставаться неизменным.

Проконсул сказал:

— В таком случае ты, согласно приказанию императора, должен отправиться на заточение.

Киприан ответил проконсулу:

— Я охотно пойду на заточение.

После этого проконсул спросил еще Киприана:

— Я имею приказание от императора не только относительно епископов, но и относительно иереев; поэтому, скажи мне, какие иереи находятся в этом городе?

На это Киприан отвечал:

— Вашими законами запрещены доношения (доносы); поэтому я не могу открыть и объявить тебе иереев, но если будешь искать их, то, конечно, найдешь в городе.

Проконсул сказал еще:

— Мне поручено еще смотреть, чтобы у христиан нигде не было своих собраний и чтобы они нигде не отправляли своих служений.

Святой Киприан ответил проконсулу:

— Поступай, как тебе приказано.

В скором времени после этого святой Киприан был отправлен в ссылку в Курубис[1]. Диакон Понтий, описавший жизнь святого Киприана, добровольно сопровождал его к месту заточения.

В первый же день по прибытии сюда святой Киприан имел ночью видение, предзнаменовавшее его мученическую кончину. Об этом видении Киприан рассказал диакону Понтию, поведав следующее: «Едва лишь я слегка задремал, я увидел некоего юношу, некрасивого и неблагообразного, который ввел меня в преторию на суд; мне казалось, что я должен был предстать суду игемонову. Игемон, посмотрев на меня, ничего мне не сказал, но тотчас написал что-то. Я не знал, что он написал; но я увидел иного юношу, благообразного лицом, стоявшего сзади игемона; юноша смотрел, как писал игемон, и читал про себя написанное игемоном. Прочитав написанное, юноша тот знаком руки дал мне понять, что там был написан относительно меня суд смертный, ибо мне надлежало быть усеченным мечом. С своей стороны и я знаком руки дал понять юноше, что я понял то, что он объяснял мне; при этом я начал со усердием просить судию того дать мне еще один день жизни, чтобы я мог устроить все свои дела. В то время как я просил об этом судию, последний, ничего не отвечая мне, но как бы в ответ на мою просьбу начал что-то писать. Юноша, стоявший сзади судии, следя за тем, что писал судия, знаком руки объяснил мне, что моя жизнь будет продолжена еще на один день. Я очень обрадовался этому; однако находился в великом страхе и смущении».

Это видение святой Киприан истолковывал относительно себя в том смысле, что ему было предопределено Богом умереть от усечения мечом за исповедание имени Христова. Один день жизни, дарованный ему, согласно этому видению, Киприан истолковал как один год. И действительно, он скончался мученически за исповедание имени Христова, будучи усечен мечом, спустя год после того видения.

---

[1] *Курубис* отстоял в нескольких днях пути от Карфагена.

Находясь в изгнании, святой Киприан все время проводил в богомыслии, приуготовляясь к смерти. В заточении Киприан написал много богомудрых творений; всех, кто приходил к нему для душеспасительной беседы, он поучал, прося всех быть твердыми в вере, не страшиться угроз мучителей и страданий за исповедание имени Христова; он увещевал христиан не привязываться к временным и скоропреходящим утехам жизни сей, но искать жизни вечной.

Пребывая в изгнании, святой Киприан терпеливо переносил все лишения ради имени Христова, вменяя заточение в родное отечество свое. Ибо для христианина, возложившего все упование свое на Бога, отечество и родной дом является странствованием, согласно сказанному: *странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои* (Пс. 38, 13); с другой стороны, для такого христианина отечеством является и место изгнания и странствования, ибо на всяком месте он видит присутствующего близ себя Бога, согласно сказанному: *всегда видел я пред собою Господа* (Пс. 15, 8).

Прошел еще год, и на место упомянутого выше Аспазия Патерна проконсулом назначен был Галерий Максим. В это время император Валериан издал еще более жестокий указ о преследовании христиан, именно: Валериан требовал, чтобы все христианские епископы, пресвитеры и вообще все руководители христиан были лишены своих должностей и имущества, а в случае дальнейшего пребывания в христианстве должны быть преданы смерти.

Повеление императора стало известным в Африке тогда, когда проконсул Галерий Максим отлучился в местечко Утику, куда было сослано из разных мест множество христиан. Проконсул хотел здесь же начать преследование христиан и сюда приказал своим воинам привести святого Киприана.

Всегда готовый с полным спокойствием и бесстрашием принять мученическую кончину, святой Киприан считал, однако, приличным и полезным совершить подвиг мученичества среди своей паствы. Рассуждая так и вместе следуя совету друзей своих, которые уведомили его об отправлении за ним стражи, Киприан скрылся на время в одно неизвестное место, но только до возвращения проконсула в Карфаген. А дабы это временное уклонение не подвергалось нареканию, Киприан написал к клиру и народу письмо, в котором

объяснял причину своего удаления; в этом же письме Киприан в последний раз преподал наставления клиру и пастве.

Едва лишь проконсул Галерий Максим прибыл в Карфаген, сейчас же Киприан вышел из места своего уединения. Вскоре после этого проконсул послал двух честны́х мужей, приказав им взять Киприана. Киприан мужественно исшел на мученический подвиг и отправился вместе с упомянутыми двумя мужами в колеснице к проконсулу. Но так как, по приказанию проконсула, суд над святителем Божиим был отложен до следующего дня, то Киприан отведен был на ночь в дом одного из тех мужей, которые были посланы проконсулом для взятия Киприана. Здесь святитель провел последнюю ночь, причем, по состраданию и доверию к нему, он был оставлен почти без стражи.

Между тем по городу распространился слух, что епископ Киприан возвращен из заточения для того, чтобы восприять смерть мученическую; и тотчас устремились христиане к тому дому, в котором пребывал Киприан, желая видеть в последний раз своего пастыря и учителя. При этом христиане явили по отношению к святому Киприану еще более любви и преданности, нежели как это было при избрании его в епископы. Они не хотели расстаться со своим любимым архипастырем до самой кончины его, и потому всю ночь провели без сна пред дверями его дома. Поступили же так христиане не потому, чтобы хотели освободить святого Киприана из рук и власти язычников, но для того, чтобы сподобиться от него, как отца своего духовного, последнего благословения.

Утром следующего дня Киприан был выведен из того дома и представлен проконсулу для допроса.

Проконсул спросил Киприана:

— Ты ли Киприан?

Киприан ответил:

— Да, это я.

Проконсул сказал затем:

— Это ты в качестве епископа стоишь во главе тех безумных людей, которые именуют себя христианами?

Киприан ответил:

— Да, я епископ людей Христовых.

Проконсул продолжил допрос, сказав:

— Благочестивейшие и славные императоры повелевают тебе принести жертву богам.

На это Киприан ответил:

— Ни в каком случае я не сделаю этого.

Проконсул сказал:

— Поразмысли хорошенько и избери то, что ты находишь более полезным для себя.

На это святитель Божий ответил:

— Поступай так, как тебе предписано. Что же касается меня, то в столь ясном для меня деле я не вижу необходимости в размышлении.

После этого проконсул посоветовался с прочими судьями, бывшими при допросе, и, упрекнув Киприана за непочитание идолов, произнес решительный приговор об усекновении его мечом, сказав так:

— Киприан, епископ христианский, должен быть усечен мечом.

Святитель же Христов, услышав такой приговор себе, возрадовался и сказал во всеуслышание:

— Благодарение Господу!

Народ, видевший все происходившее, обратившись к проконсулу, начал взывать:

— И мы хотим умереть с ним!

И было великое смятение в народе.

Между тем Киприан был отведен на место казни. Сюда же последовали за святителем Божиим и христиане, проливавшие слезы при виде пастыря, ведомого на смерть.

Придя к назначенному месту, святитель Божий снял с себя верхнюю одежду, преклонил колена и начал молиться Богу. Помолившись достаточное время, священномученик Христов преподал всем мир и благословение и приказал своим друзьям дать палачу двадцать пять златниц, совершая и при смерти благодеяние; затем завязал себе убрусом (полотенцем) глаза, а руки отдал связать стоявшим подле него пресвитеру и иподиакону. Между тем некоторые из христиан постилали пред святителем платки и убрусы, дабы воспринять на них кровь священномученика Христова, как некое драгоценное сокровище. Наконец, святитель Божий преклонил главу свою и был усечен мечом.

Так окончил жизнь свою святитель Божий, пострадав во славу Христа, Бога нашего[1].

Честное тело святителя Христова было перенесено ночью со свечами и приличным пением на частное кладбище некоего прокуратора Макровия Кандидиана, и здесь предано погребению. Впоследствии, при короле Карле Великом, мощи священномученика Киприана были перенесены во Францию в город Арль, а при короле Карле Лысом — в город Компьень, в монастырь святого Корнелия.

Нечестивые же мучители не остались без наказания; в скором времени их постиг справедливый суд Божий.

Спустя несколько дней после мученической кончины святого Киприана, по суду Божию, изъят был из числа живых проконсул Галерий Максим. Император же Валерий, преследовавший с жестокостью христиан, потерпел жестокое поражение в войне с персами и погиб в темнице, будучи захвачен врагами.

Святой Киприан оставил после себя весьма много сочинений, в которых он раскрывал как вероучительные, так и нравоучительные истины. Большая часть их состоит из писем (всего Киприаном написано около восьмидесяти писем); кроме того, Киприан написал много отдельных трактатов или сочинений. Предметами сочинений его были: пастырь Церкви и девственники, страждущие и падшие, язычники и иудеи, еретики и расколоучители. Для пастырей Церкви Киприаном написана «Книга о ревности и зависти» — плод истинно-апостольского духа — с постановлениями о том, как надобно поступать для мира и пользы Церкви. Для девственников — «Книга о поведении девственниц». Любовь к страждущим побудила святого Киприана написать три замечательные сочинения: «О высоте терпения», «О милосердии» и «О смертности». «Книга о падших» содержит в себе назидательные рассуждения о покаянии. К числу защитительных сочинений святого Киприана, в которых он отстаивал христианство против нападков язычников, принадлежат «Книга к Димитриану» и «О тщете идолов». «Три книги свидетельств против иудеев» заключают в себе род краткого начертания веры и деятельности христианской и обличение упорствовавших иудеев. В обличение ересей и расколов Киприаном написана «Книга о единстве Церкви» и «Книга к Донату о крещении». В сочинении «К Фортунату: об уве-

[1] Кончина святого Киприана последовала в 258 году.

щании к мученичеству» Киприан призывает всех вообще христиан к твердости духа при перенесении гонений. Святой Киприан оставил много и иных славных писаний. По замечанию блаженного Иеронима, писания Киприана были известнее самого солнца; из его творений отцы Ефесского и Халкидонского Вселенских соборов[1] приводили свидетельства для защищения веры христианской от нападков еретиков и для обличения их неправомыслия.

Более обстоятельно и подробно в творениях святого Киприана выражено учение о Церкви. В кратких словах рассуждения святого Киприана по этому вопросу состояли в следующем.

Церковь есть Господом Иисусом Христом основанное и апостолами устроенное и утвержденное общество людей, представляющее как по своей внутренней, так и внешней стороне — единое целое, возглавленное Единою главою — Господом нашим Иисусом Христом. Как внутреннее единство Церкви обусловливается единством веры и любви, так внешнее ее единство обусловливается иерархиею (и в ней преимущественно властью епископа) и таинствами церковными. Вне этой единой истинной и спасительной Церкви, по рассуждению святого Киприана, нет и не может быть спасения; только эта единая Церковь и есть Церковь истинно Апостольская, и, следовательно, непогрешимая. «Мы следуем, — рассуждает святой Киприан, — тому, что приняли от апостолов, а они предали нам Церковь только одну. Одна только Церковь, получившая благодать жизни, и живет вовеки и животворит народ Божий»[2]. В этой именно единой истинной Церкви, получившей благодать жизни, сосредоточены все божественные блага, и в ней только одной возможно спасение. «Что Церковь единственна, — рассуждает святой Киприан, — это возвещает и Дух Святой в Песни песней, говоря от Лица Иисуса Христа: *единственная — она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отмеченная у родительницы своей* (Песн. 8); и о ней же опять говорит: *вертоград заключен — сестра моя, невеста; источник запечатлен, кладезь воды жи́вы* (слав. Песн. 4, 12, 15). А если невеста Христова, которая есть Церковь, есть *вертоград заключенный*, то заключенного нельзя открывать чужим и сторонним. Если она *источник запечатлен*, то ни пить из него, ни запечатле-

[1] В Ефесе происходил III Вселенский собор; в Халкидоне — IV.

[2] Письма 71 и 73.

ваться им не может тот, кто, находясь вне, не имеет доступа к источнику. Если Церковь есть единственный кладезь воды живой, то находящийся вне Церкви не может освящаться и оживляться тою водою, употребление и питие которой даруется находящимся внутри Церкви. Господь громко зовет, чтобы всякий жаждущий шел и пил от источника воды живой, истекшего от Него. Куда же должен идти жаждущий? К еретикам ли, у которых вовсе нет ни источника, ни реки животворящей воды, или же к Церкви, которая одна и по слову Господа основана на одном, приявшем и ключи ее? Она одна хранит и обладает всею властью своего Жениха и Господа. Истинная, спасительная и святая вода Церкви не может ни испортиться, ни оскверниться, так как и сама Церковь нерастленна, чиста и целомудренна»[1].

В Церкви Христовой заключена вся полнота жизни и спасения. Как во время потопа спасение было возможно только в ковчеге Ноя, или, при разрушении Иерихона, только в доме Раави (см.: Нав. 2), так равно и Церковь есть единственное место спасения людей. «Дом Божий один, — рассуждает святой Киприан, — и никто не может где-либо спастись, как только в Церкви. Пусть и не воображают, что можно наследовать жизнь и спасение, не повинуясь епископам и священникам»[2].

Находящиеся вне Церкви, отделяющиеся от ее единства и общения с нею, не имеют истинной жизни. «Явно, — замечает святой Киприан, — что между мертвецами считаются те, кои не суть в Церкви Христовой, и что не может оживотворить другого тот, кто сам не живет»[3].

Но одна вера, без любви, не может быть вполне крепким и прочным связующим звеном всех членов Церкви. «Мало того, — рассуждает святой Киприан, — чтобы получить что-нибудь; больше значит — уметь сохранить полученное. Самая вера и спасительное возрождение животворны не потому, что мы их получили, а, главным образом, потому, что мы их сохранили»[4]. Только искренняя живая и деятельная вера, соединенная с любовью, дает человеку право всту-

[1] Письмо 73.
[2] Письмо 62.
[3] Письмо 71.
[4] Письмо 6.

пить в живой союз как со Христом, так и со всем христианским братством: где нет той или другой, там нет и жизни со Христом, там нет, следовательно, и спасения.

Любовь составляет, по рассуждению святого Киприана, основу всех добродетелей. «Любовь, — рассуждает святой Киприан, — есть союз братства, основание мира, крепость и утверждение единства; ...она предшествует благотворению и мученичеству, она вечно пребудет вместе с нами у Бога в Царстве небесном»[1].

Много и других душеспасительных истин раскрывает святой Киприан в своих сочинениях, во славу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ГЕННАДИЯ**, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Святой Геннадий воспринял престол Константинопольского патриаршества после святого Анатолия[2] в царствование императора Льва Великого[3]. О богоугодной жизни его свидетельствуется в книге, называемой «Лимонарь»; в этой книге преподобные отцы Софроний и Иоанн повествуют так.

«Пришли мы, — говорят они, — в киновию[4], называвшуюся Салама, отстоявшую от Александрии на девять поприщ, и нашли там двух старцев, бывших прежде пресвитерами церкви Константинопольской. Эти пресвитеры поведали нам о блаженном Геннадии, патриархе Константинопольском, что он был весьма кроток, соблюдал чистоту телесную и отличался воздержанием. Говорили о нем и то, что многие причиняли ему великие неприятности из-за

---

[1] «О добродетели терпения», гл. 15.

[2] *Анатолий* патриаршествовал с 449 по 458 год.

[3] *Лев Великий* царствовал с 457 по 474 год.

[4] *Киновиями* (от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия содержатся за счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

одного клирика, весьма много согрешавшего, по имени Харисима. Этот клирик служил при храме святого мученика Елевферия, и о нем говорили, что он не только проводит жизнь в лености, нерадении и нечистоте греховной, но ходит на разбой и занимается волшебством. Призвав этого клирика, патриарх начал увещевать его, отечески исправляя его духом кротости, но видя, что он оставался неисправимым, повелел слегка наказать его. Когда же тот продолжал быть неисправимым и наказание не действовало на него, патриарх послал одного из слуг своих в храм мученика, при коем находился Харисим, — умолять мученика, чтобы он сам исправил бы или отсек от Церкви преданного грехам клирика своего храма. Посланный, придя в храм, стал пред алтарем и, простерши руку ко гробу мученика, сказал:

— Святой мученик Елевферий! Патриарх Геннадий возвещает тебе через меня, грешного, что клирик Харисим, служащий в твоем храме, совершает многие беззакония и творит соблазны; поэтому ты или исправь его, или отсеки его от Церкви.

После этого на другое утро Харисим был найден мертвым.

Отсюда можно видеть, сколь угоден был Богу и святым Его блаженный Геннадий, ибо слово его, обращенное к святому мученику через посланного, было в скором же времени услышано и исполнено на деле.

При этом святом Геннадии был построен в Константинополе храм в честь святого Иоанна, Предтечи Господня, некоторым сенатором, по имени Студием, пришедшим из древнего Рима; был устроен также и монастырь, названный Студийским (по имени сенатора Студия); в этом монастыре был учрежден чин неусыпающих.

При патриархе Геннадии экономом церковным был преподобный Маркиан. Этот Маркиан, сняв с себя последнюю одежду, отдал ее нищему; и видели этого преподобного Маркиана имеющим царскую порфиру под фелонью, как о том повествуется в житии его[1]. При этом же патриархе подвизался и святой столпник Даниил[2], коего он рукоположил во пресвитера.

Во дни святого патриарха Геннадия в Константинополе соверши-

---

[1] Память его совершается святой Церковью 10 января.

[2] Память его совершается 11 декабря.

лось такое чудо.

Один иконописец осмелился написать образ Христа Спасителя — по подобию языческого бога Зевса[1]; и тотчас иконописца постигло наказание Божие, ибо рука его, осмелившаяся изобразить в таком виде Господа, иссохла. Он же, ощутив на себе столь скорое мщение Божие, поспешил к Святейшему патриарху Геннадию и принес ему покаяние, исповедуя пред всеми с плачем грех свой. Святейший патриарх помолился о нем ко Господу и исцелил руку его, так что она стала здоровою, как и прежде.

Святой патриарх Геннадий имел обыкновение не поставлять в пресвитеры (желающего) до тех пор, пока он не выучит наизусть всю Псалтирь; ибо великий архиерей Божий ревностно заботился о строгом соблюдении чина церковного; он сознавал, что этот чин только тогда мог быть исполнен тщательно, когда все священники и клирики будут научены книжному разумению и возмогут понимать разумно Писание Божественное. Ибо пресвитер, не обученный книгам, не мог бы учить иных; не мог исправлять и наставлять на путь спасения, не зная сам спасительного пути. На таковом сбываются слова Христовы: *может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут ли в яму?* (Лк. 6, 39).

Святой Геннадий созвал в Константинополе Поместный собор, отчасти для искоренения ереси Евтихиевой, отчасти для благоустроения церковного; на этом соборе была запрещена симония (мздоимство), распространившаяся среди архиереев.

Святой Геннадий охранял вверенное ему словесное стадо тринадцать лет; он преставился ко Господу в царствование того же Льва Великого[2].

Незадолго до дня кончины своей, когда святой Геннадий молился ночью в храме, ему явилось некое страшилище демонское; святой

---

[1] *Зевс* считался у древних греков верховным богом и родоначальником прочих богов (и людей).

[2] *Святой Геннадий* патриаршествовал с 458 по 471 год. Святому Геннадию приписывается несколько богословских сочинений. Геннадий Мессалийский замечает о святом Геннадии: «Муж красноречивый, острого ума, так был обогащен чтением древних, что до слова объяснил пророка Даниила, сочинил и много бесед». Все эти сочинения ныне неизвестны; до нас дошло только окружное послание его против симонии, утвержденное на соборе 459 года.

Геннадий отогнал это страшилище знамением честного креста; диавол, убоявшись знамения креста, бежал, причем сказал: «Я ухожу отсюда совершенно и не буду причинять здесь никому зла до тех пор, пока ты жив; но после смерти твоей приду опять и буду всяческими способами смущать Церковь, увлекая в погибель многих».

Святой Геннадий, проливая непрестанные слезы до дня смерти своей, молился ко Господу, дабы Он сохранил Церковь Свою так, чтобы она была неодолена вратами адовыми. И подобно тому, как при жизни своей он был усердным ходатаем ко Господу о святой Церкви, так и по преставлении своем воссылает о Церкви свои непрестанные моления, предстоя вместе с прочими святыми иерархами Главе Церкви — Христу, Владыке нашему, Коему вместе со Отцом и Святым Духом воссылается слава вечно.

ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕСТНÓГО ПОЯСА **ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**

Честнóй пояс Пречистой Матери Божией, по принесении в Константинополь, был положен в золотом ковчеге за царскою печатью в храме, построенном благочестивым царем Феодосием Младшим; этот храм был создан во имя Пресвятой Богородицы на месте, называвшемся Халкопратией, что значит «Медный торг».

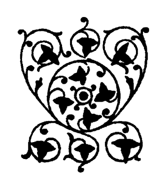
Спустя много лет после этого, в царствование Льва Мудрого, случилось, что супруга его Зоя была мучима духом нечистым; по этой причине царь и его родственники были весьма опечалены; и начали все воссылать ко Господу усердные моления о страдавшей царице.

После этого царице Зое было видение Божественное, знаменовавшее, что она получит исцеление, если на нее будет возложен пояс Пресвятой Богородицы.

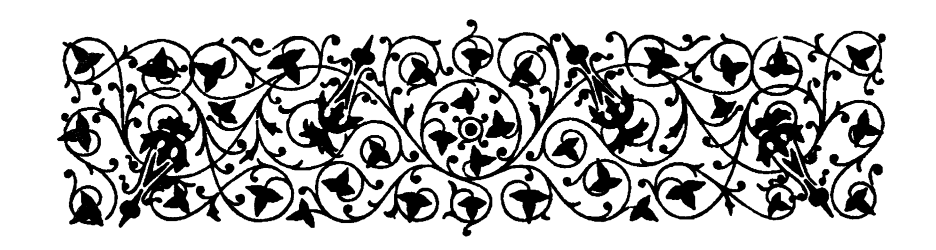
Об этом видении царица рассказала своему мужу, царю Льву. Тотчас царь упросил патриарха открыть пояс Пресвятой Богородицы: была снята печать и открыт ковчег; и оказался честнóй пояс Пресвятой Богоматери целостным, нисколько не поврежденным от вре-

мени; все облобызали его с благоговением. И как только патриарх распростер его над царицей, тотчас она освободилась от мучения демонского и получила совершенное исцеление от недуга своего.

Тогда все с радостью прославили Христа Бога и Пречистую Матерь Его и, воспев благодарственные хвалебные пения, опять положили честнóй пояс в тот же золотой ковчег, запечатали его царскою печатью и установили празднование в честь Преблагословенной Девы Богородицы, в воспоминание чуда, бывшего от Ее честнóго пояса, по благодати, милосердию и человеколюбию родившегося от Нее Христа, Бога нашего.



ПРИЛОЖЕНИЯ



ВОСПОМИНАНИЕ
III ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

(совершается Православной Церковью 9 сентября)

Арианские волнения[1] привели Церковь к волнениям несторианским — к спорам о лице Богочеловека, разрешенным Церковью на III Вселенском соборе.

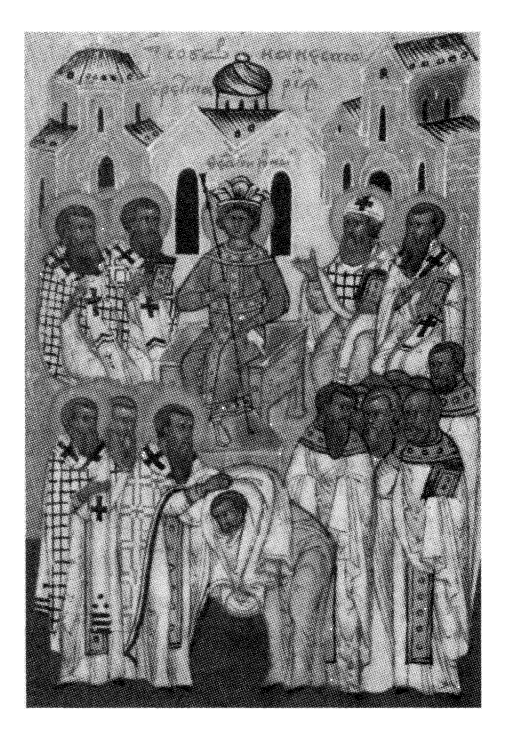
Ариане в подтверждение своих еретических воззрений ссылались на те изречения Священного Писания Нового Завета, которые указывают на уничижительное состояние Господа нашего Иисуса Христа во дни Его спасительного мессианского служения роду человеческому: в этих изречениях ариане видели доказательство справедливости своего богохульного утверждения, что Сын Божий ниже Отца, подчинен Ему. Защитники православного учения указывали еретикам, что изречения Священного Писания об уничижительном состоянии Господа Иисуса нужно относить не к Божественной, а исключительно к человеческой природе Христа Спасителя. Однако этот, справедливый по существу, ответ не исключал возможности такого недоуменного вопроса: «Если Христос одно говорил и совершал как Бог, а другое как человек, то не должно ли отсюда заключать, что естества во Христе были разделены, — что в едином Лице Его действовали две сущности и две раздельные воли?» Разъяснение, что Божеская и человеческая природы во Христе Спасителе не разъединены, но находятся в соединении, вызывало новое недоумение: если Христос есть Богочеловек, то есть полный Бог и полный

[1] См. «Жития святых» на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского, книга 9, месяц май. Воспоминание I и II Вселенских соборов.

человек, то как же понимать те места святого Евангелия, в которых Сам Господь говорил о Себе уничижительно? Блаженный Феодорит, приводя изречение Спасителя, что Он не знает о дне и часе Своего второго пришествия: *О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец мой один* (Мф 24, 36), сопровождает это изречение следующим вопросом, показывающим необходимость полного выяснения учения об отношениях двух естеств во Христе, которое бы устраняло всякие возражения и недоумения: «Почему Слово носит имя премудрости, как скоро подвержено немощи неведения?» — спрашивает блаженный отец.

Так арианство привело к новым недоумениям о лице Иисуса Христа, которые и вызвали несторианские споры. Правда, для решения их многое заключалось в писаниях святых отцов Церкви IV века, и ими бы можно вполне удовлетвориться. Но кичливый ум не хотел смириться пред великой тайной воплощения Сына Божия: не без основания утверждают, что едва ли бы в Церкви возникли новые волнения, если бы на поприще церковно-исторической жизни не появился Несторий.

Родина Нестория — сирийский город Кесария Германикийская на реке Евфрате; год рождения и родители его неизвестны. Святой Кирилл Александрийский свидетельствует только, что Несторий «вышел из грязи, и происхождение его было постыдно». Несколько лет своей молодости он провел в одном монастыре близ Антиохии и затем, уже по принятии священства, выдвинулся как хороший проповедник. Историки Церкви, Сократ и Маркелл, современники Нестория, отмечают красноречие последнего, причем первый говорит о нем как человеке талантливом, но малообразованном. Жизнь Несторий вел строго монашескую и в то же время, как свидетельствует Сократ, был «тщеславен, вспыльчив и легкомыслен». Без сомнения, Несторий был человек гордый и самолюбивый, не желавший ни пред чем и ни пред кем преклоняться; эта гордость и стремление к известности, по обвинению некоторых, и заставляли Нестория прибегать к показной святости в жизни и высокопарному слогу в проповеди. В 428 году, как человек с выдающимся ораторским талантом, Несторий был избран императором Феодосием II (408–450 гг.) в Константинопольские патриархи. Несторий, при вступлении на кафедру, проявил крайнюю нетерпимость, говоря во всенародном



обращении к императору: «Дай мне, о царь, вселенную, очищенную от ересей, а я дам тебе небесное Царствие; поборай мне против еретиков, а я буду поборать тебе против персов»[1]. В начальные годы патриаршества Нестория благодаря именно ему поднято было жестокое гонение на различных сектантов, доселе пользовавшихся в Константинополе некоторой терпимостью: их заключали в тюрьмы, подвергали изгнанию, отнятию имуществ, закрывали и разрушали их молитвенные дома. Из Константинополя это преследование всяких ересей и расколов распространилось и по другим частям империи, приводя, по местам, к кровавым столкновениям. Но ревностный гонитель ересей неожиданно для своей паствы сам оказался еретиком.

Впрочем, не нужно думать, что Несторий был в полном смысле слова родоначальником еретического учения, связанного с его именем. Семена ереси встречаются на несколько десятков лет раньше времени Нестория — в сочинениях его учителя Феодора Мопсуестского и учителя самого Феодора Диодора Тарсийского. Несторию, таким образом, принадлежит лишь дальнейшее развитие учения и, благодаря высоте его положения, смелость и решительность в распространении и защите еретического мудрования. Первое выступление Нестория, как проповедника и защитника несторианской ереси, историк Сократ описывает следующим образом: «При Нестории был пресвитер Анастасий, приехавший вместе с ним из Антиохии; Несторий весьма уважал его и в делах пользовался его советами.

Однажды, уча в церкви, этот Анастасий сказал: никто не должен называть Марию Богородицею, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно. В церкви произошло смятение. Не-

[1] С персами тогда была война у Византии.

сторий начал защищать Анастасия: ему не хотелось, чтобы человек, им уважаемый, был обличен в нечестивом учении; отчасти для защиты Анастасия, отчасти (и несомненно, главным образом) для распространения своих мыслей, Несторий стал часто проповедовать в церкви о том же предмете», открыто заявляя, что «Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицей, так как Она родила не Бога, а только человека, с которым, помимо Нее, соединилось Слово Божие, превечно рожденное от Отца; человек Иисус, рожденный от Марии, был только обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек, чрез наитие Святого Духа, стал Христом, то есть помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом нравственном или относительном соединении» — точнее «в соприкосновении» только, а не в соединении по естеству, как учит Православная Церковь. Обращаясь к разъяснению страданий и смерти Богочеловека, — как страдал Христос Спаситель и как Он умер, — Несторий пояснял: «Можно сказать, умер Сын Божий в несобственном смысле, ибо только человек Иисус умер и восстал; страдания Богочеловека возможны были только потому, что во Христе Божество было в разделении с человечеством». Что касается евангельских и апостольских изречений, где о Христе говорится «то в смысле уничижительном, то в смысле неизреченного превосходства», то Несторий, утверждая раздельность естеств во Христе, учил, что одни из этих изречений нужно относить ко Христу, как исключительно к человеку, другие как исключительно к Богу.

Заявление патриарха, что Пресвятую Деву до́лжно называть не *Богородицею*, а *человекородицею*, вызвало в Константинополе всеобщее негодование, потому что употребление слова Богородица освящено было богослужебным и отеческим преданием[1], и, кроме того, Богоматерь была признаваема за особую покровительницу города. Видя это, Несторий предложил новое наименование Девы Марии — *Христородица*, а потом соглашался на принятие и церковного наименования с оговорками в смысле своего еретического заблужде-

[1] Свидетельства об употреблении наименования Богородица с ранних пор встречаются в Церкви Александрийской (у Оригена, епископа Александра и святого Афанасия Великого), в Кесарии Каппадокийской (у святого Василия Великого), в Кесарии Палестинской (у Евсевия Кесарийского) и в самом Константинополе (у святого Григория Богослова).

ния. Но уже понято было, что в данном случае дело шло не о словах, а о неизмеримо более важном: об основном догмате христианства — догмате воплощения Сына Божия. Против еретичествующего патриарха выступили с открытыми обличениями Прокл, пресвитер Константинопольский, впоследствии епископ Кизический, а затем патриарх Константинополя, и адвокат Евсевий, впоследствии епископ Дорилейский. Несторий назначил Проклу проповедь в день Благовещения. Прокл, воспользовавшись этим, начал проповедовать, имея, конечно, в виду Нестория, хотя и не называя его по имени, что Пресвятую Деву до́лжно именовать Богородицею. Самое заглавие проповеди говорило об этом, как видно из следующего: «О вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа, о том, что святая Дева Мария есть Богородица, что Родившийся от Нее есть Еммануил, Который есть вместе Бог и человек неслитно и непреложно». Евсевий же прервал однажды проповедь еретичествующего Нестория в кафедральном соборе таким громким восклицанием: «Ложь и богохульство! Воистину одно и то же Слово Божие и рождено Отцом в вечности и воплотилось во времени от Девы для нашего спасения». Затем на воротах Константинополя усмотрен был прибитый к ним свиток, — предполагают, что автор его тот же Евсевий, — где Несторий обвинялся в возобновлении уже осужденной в III веке ереси Павла Самосатского; свиток заключал обвинение словами: «Анафема отделяющему Сына Божия от Сына Марии!»

Пользуясь покровительством императора, Несторий начал жестоко преследовать тех противников его еретического учения, каких он находил среди константинопольского клира и монастырей. Но дело Нестория, привлекшее к себе столь сильное внимание и возбудившее в столице столько горячих толков, естественно, получило огласку и за стенами Константинополя. «Из какого бы города, — пишет святой Кирилл Александрийский, — из какой бы веси не приходил кто, каждый спрашивает: что это за говор всеобщий, что за новое учение распространяется по церквам?» С подобным вопросом пришли к самому Александрийскому патриарху святому Кириллу (412–444 гг.) некоторые монахи из египетских скитов: «Правду ли говорят, — спрашивали они святителя, — что нашлись где-то учители, которые проповедуют, что Пресвятую Деву нельзя называть Богородицей?» Узнав, таким образом, от иноков, что в монастырях

его епархии обращаются еретические проповеди Нестория, святой Кирилл выступил на защиту православного учения. Как выдающийся богослов своего времени, как человек решительный и твердый и, наконец, как епископ одной из важнейших кафедр Восточной Церкви, святой Кирилл занимал первенствующее положение в борьбе православных с несторианством. Свою борьбу с Несторием святой Кирилл открыл посланием «К отшельникам», то есть египетским монахам. В этом послании, не называя Нестория по имени, святой Кирилл осуждает учение последнего, доказывая путем богословских умозрений, основанных на учении Священного Писания, предания апостольского и святоотеческого и учения Никейского символа, что Иисус Христос был истинный Бог и истинный человек: «Из двух естеств, Божества и человечества, един Еммануил, един Господь Иисус Христос, един истинный Сын Бог и вместе человек, не человек, обоготворенный, подобный тем, кои благодатью соделываются причастниками Божественного естества, но истинный Бог, Который ради нашего спасения явился в человеческом образе». Если же Господь Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек, то Пресвятая Дева Мария, как родившая Богочеловека, есть воистину Богородица. Вместе с этим святой Кирилл обратился с особым рассуждением о православной вере к императору Феодосию и с подобным же, но более обширным, рассуждением к императрице Евдокии и сестре императора Пульхерии.

Узнав о действиях святого Кирилла и будучи осведомлен, что послание «К отшельникам» получило значительное распространение вне египетских скитов и дошло даже до Константинополя, Несторий пришел в беспокойство и стал негодовать на святого Кирилла Александрийского. Тогда сторонники Нестория написали два послания: одно против послания «К отшельникам», а другое под заглавием «Против тех, кои в учении о соединении естеств во Христе или уничижают Божество Единородного, или обоготворяют человечество». Об этом сделалось известно святому Кириллу чрез «достопочтенных» и заслуживающих доверия мужей. Чтобы выяснить дело и не основываться на одних недоразумениях, святой Кирилл решил обратиться с посланием к Несторию. Здесь он указывает причины появления его послания «К отшельникам». Оно было делом необходимости: смущение в вере от поучений Нестория, недовольство ими,

выражаемое приходившими к Кириллу от всех Церквей Восточных и, наконец, запрос папы Целестина с епископами из Рима, куда проникли слухи о новом учении, — все это заставило Кирилла прервать молчание. «Вместо того чтобы поносить меня, — советует в заключение святой Кирилл Несторию, — лучше бы тебе исправить свои слова, дабы прекратить соблазн во Вселенской Церкви. Поверь, что лучшим средством в этом случае будет сказать соблазнившимся слово, назвать святую Деву Богородицею, дабы мы и все другие могли в мире и единении совершать общественное богослужение». В ответ на это послание святого Кирилла Несторий для объяснения между ним и патриархом Александрийским избирает пресвитера Лампона; последнего он отправил с письмом от своего лица; заключительные строки письма гласили: «Опыт покажет, какой будет плод для нас от настойчивости благоговейнейшего пресвитера Лампона». Таким «плодом» было второе послание[1] святого Кирилла Несторию, представляющее собою возвышенное богословствование о догмате воплощения Слова Божия. Трогательно заключение послания: «Пишу к тебе эти слова, — говорит святой Кирилл Несторию, — побуждаемый любовью во Христе, и как брату советую тебе и умоляю пред Богом и святыми Ангелами Его одинаково с нами мыслить и учить, дабы сохранился мир церковный и чтобы союз единомыслия и любви пребыл неразрывным между священниками Божиими. Приветствуй братию, находящуюся при тебе; тебя приветствует братия, находящаяся со мною». Несторий ответил и на второе послание святого Кирилла особым посланием, в котором, вместо сознания своих заблуждений и готовности исправить их, наоборот, отстаивает свое лжеучение и даже в словах, полных гордости и насмешки, укоряет и призывает к исправлению самого святого Кирилла.

Видя всю бесполезность сношений с Несторием, святой Кирилл решает обратиться за содействием в Рим к папе Целестину (422–432 гг.); хотя он раньше и находился в разрыве с Римским епископом[2], но теперь, ввиду надвигавшегося общецерковного бедствия,

[1] Так называемый «том» святого Кирилла.

[2] Из-за своего дяди и предшественника по кафедре Феофила, отлученного папой Иннокентием I — несправедливо, по мнению святого Кирилла, — от Церкви.

примиряется. В послании к папе Целестину святой Кирилл обрисовывает истинное положение дел в Восточной Церкви, созданное Несторием, и отсюда объясняет и свое обращение к папе, и свои действия по отношению к Несторию. «Признаюсь, — пишет святой Кирилл, — я соборною грамотою хотел довести до его (Нестория) сведения, что мы не можем входить в общение с тем, кто так говорит и мыслит; но прежде чем решиться на такой разрыв сношений, я заблагорассудил наперед сделать сношение с твоим благочестием: благоволи письменно изложить свое мнение о том, должно ли нам еще иметь общение с ним». В подтверждение своих слов об еретичестве Нестория святой Кирилл посылает папе беседы, говоренные Несторием в церкви, сделав предварительно их перевод.

Папа Целестин осудил Нестория на Поместном Римском соборе 430 года, и ответ его святому Кириллу был в высшей степени благоприятен для последнего. Папа огорчился «нечистым» учением Нестория и находит для себя утешение в благочестии Кирилла. Становясь на почву христианского терпения, папа по отношению к Несторию считает за лучшее такое решение: сначала должно подать Несторию голос предостережения и только после этого, в случае его упорства, «нужно отсечь больной член, от которого страдает не он один, а поедается все тело Церкви». Папа уполномочивает святого Кирилла объявить Несторию от своего имени и от имени его, папы, чтобы Несторий, под страхом низложения и отлучения, в десятидневный срок отрекся от своего заблуждения и обратился к вере, содержимой Римом, Александрией и всей Вселенской Церковью.

Между тем Несторий, воспользовавшись одним недоуменным случаем канонического характера, обратился к папе Целестину тоже с посланием. Объяснив повод, вынудивший его обратиться к Римскому епископу, Несторий переходит к объяснению догматических волнений, возникших в Восточной Церкви; здесь он недобросовестным образом излагает учение святого Кирилла о воплощении Слова Божия, приписывая Александрийскому епископу чуждые ему мысли; опровергая Кирилла, Несторий излагает свое учение. Не получая ответа от папы, Несторий обращается к нему со вторым, подобным первому, посланием. Наконец пришел ответ от папы, в котором последний, призывая Нестория к исправлению в его нечестии, объявляет ему, что доказательством такого исправления до́лжно служить

воссоединение с Церковью всех, отлученных Несторием за несогласие с ним.

Для изъявления раскаяния Несторию, как и ранее в послании святому Кириллу, папа назначает десятидневный срок. В то же время Целестин обратился с обширным посланием к клиру и народу константинопольскому и с менее обширными посланиями к Ювеналию, епископу Иерусалимскому, Флавиану Филиппийскому, Руфу Фессалоникийскому и Иоанну Антиохийскому, воспитывавшемуся с Несторием в одном монастыре близ Антиохии; в этих посланиях папа обличал заблуждение Нестория, сообщая о том осуждении, какое предстоит последнему в случае его упорства. И святой Кирилл также писал некоторым восточным епископам, излагая сущность спора между ним и Несторием. От престарелого Акакия Берийского, Иоанна Антиохийского и других он получил ответы: в них не одобрялось развиваемое Несторием учение, но вместе с тем находилась просьба не доводить дело до открытого разрыва.

После соглашения с Римом святой Кирилл препроводил полученное от папы послание к Несторию с посланием от имени Александрийского собора, в котором от Нестория требовалось письменное с клятвою отречение от его заблуждения. Послание это заканчивалось знаменитыми в истории несторианства анафематизмами, числом двенадцать, излагающими спорные пункты между святым Кириллом и Несторием по вопросу о воплощении Сына Божия[1].

---

[1] *Анафематизмы* эти следующие: 1) «Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и поэтому Святую Деву Богородицею, так как Она по плоти родила Слово, сущее от Бога, ставшее плотью, да будет анафема. 2) Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца, соединилось с плотью ипостасно, и что поэтому Христос един с Своею плотью, то есть один и тот же есть Бог и вместе человек, анафема. 3) Кто во едином Христе, после соединения естеств, разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть в воле или силе, а не союзом, состоящим в единении естеств, анафема. 4) Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребляемые святыми о Христе или Им Самим о Себе, относит раздельно к двум лицам (ипостасям) и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как Богоприличные, — к одному только Слову Бога Отца, анафема. 5) Кто дерзает называть Христа человеком богоносным, а не Богом истинным, как Сына единого со Отцом по естеству, так как Слово стало плотью и приблизилось к нам, восприняв нашу плоть и кровь (Евр. 2, 14), анафема. 6) Кто дерзает говорить, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует Его же Самого Богом и вместе человеком, так как,

Патриарх Антиохийский Иоанн, друг Нестория, советовал последнему подчиниться и принять слово *Богородица*. Несторий торжественно заявил, что он готов признать наименование Богородица, поскольку рожденный от Девы человек Иисус соединен был с Богом Словом. Но против анафематизмов святого Кирилла он восстал со всею решительностью; в особом сочинении Несторий по пунктам, тоже в числе двенадцати, представил свои опровержения анафематизмов; здесь, по недостатку богословских познаний, Несторий высказал явно еретические мнения, что оттолкнуло от него и некоторых из его сторонников.

Во время этого обмена посланиями святого Кирилла Александрийского, Нестория и папы Целестина между собой, несторианские волнения глубоко взволновали верующих, которые разделились на две стороны: одна держалась учения, признанного затем на III Вселенском соборе православным, другая же стояла за несторианскую ересь. К первым принадлежали те поместные Церкви, члены которых в IV веке являлись поборниками Никейского символа. Во

по писаниям (Ин. 1, 14), Слово стало плотью, анафема. 7) Кто говорит, что Иисус, как человек, был орудием действий Бога Слова и окружен славою Единородного, как существующий отдельно от Него, анафема. 8) Кто дерзает говорить, что воспринятому Богом человеку до́лжно поклоняться с Богом Словом, должно Его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом, а не чтит Еммануила единым поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотью, анафема. 9) Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает Его собственным Его Духом, чрез Которого Он совершил чудеса, анафема. 10) Кто говорит, что первосвященником и ходатаем нашим был не Сам Бог Слово, когда стал плотью и подобным нам человеком, а как бы другой некто, отличный от Него, человек, происшедший от жены, или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за Самого Себя, а не за нас только одних, так как, не зная греха, Он не имел нужды в приношении за Себя, анафема. 11) Кто не исповедует плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею Самому Слову Бога Отца, но принадлежащею как бы другому кому, отличному от Него и соединенному с Ним по достоинству, то есть приобретшему только Божественное в себе обитание, и не исповедует плоть Его животворящею, так как Она стала собственною Слову, могущему все оживотворить, анафема. 12) Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотью, распятым плотью, принявшим смерть плотью и, наконец, ставшим перворордным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящий, как Бог, анафема».

дни ожесточенных арианских волнений главным противником этой ереси была Александрийская Церковь, руководимая своим архиепископом святым Афанасием. И теперь, при несторианских спорах, главным защитником православия, как видим, был святой Кирилл, патриарх Александрийский. Отцы Египетской Церкви заявляли на III Вселенском соборе: «От епископов Египетских требовать отчета в православной вере излишнее дело. Ибо всякому очевидно, что мы следуем вере святейшего Кирилла». Таких отцов, примыкавших к святому Кириллу, было на III Вселенском соборе пятьдесят. Церковь Римская и теперь, как ранее во времена арианских волнений, присоединяется к Церкви Александрийской. То же самое должно сказать о Фессалонике, Македонии, Иллирике и Иерусалиме. Наконец, во дни арианства ревностными защитниками Православия были монахи, и во время несторианских движений монахи, начиная с Константинополя, повсюду, держась православия, относятся к несторианству, как к ненавистному и богохульному учению. Относительно же сторонников Нестория замечается подобное же явление: за него боролись те же страны и церкви, которые боролись за арианство. Антиохия Сирийская, гнездо арианства, была тем же самым и по отношению к несторианству. Все вожди несторианского движения вышли отсюда, Иоанн, архиепископ Антиохийский, объявляя себя другом Нестория и поименовывая при этом наиболее видных епископов своего округа, замечает о них, что они тоже относятся к Несторию «с любовью» и считают его дело «своим собственным делом». Ранее из Константинополя «раскидывались тенета для уловления приверженцев (арианскому) нечестию». Несторий из Константинополя тоже с успехом приобретал себе сторонников, и здесь он пользовался со стороны некоторых такою любовью, что даже после его изгнания, последовавшего за соборным осуждением, народ, по кончине его преемника по кафедре Константинопольской Максимиана, восклицал: «Да будет Несторий снова епископом в столице!» Сторону Нестория держат епископы Ираклийский, многие Сирийские, Азийские и Понтийские; вообще, можно сказать, что Азия склонилась к несторианской ереси, как ранее склонилась к арианской.

Отмеченное различие православных и несториан в воззрениях на догмат воплощения или, точнее, на соединение естеств во Христе Иисусе коренилось в различном решении ими основного вопроса об

отношении веры к знанию. Защитники православного учения против несториан примыкают здесь к воззрениям святого Афанасия Александрийского, святого Василия Великого и святого Григория Богослова — в исследовании вопросов веры разуму должен быть положен предел, ибо вера выше разума.

«Зачем, — спрашивает святой Кирилл, — мне заботливо исследовать Писание, а не мудрствовать в простоте сердца согласно с ним?»

Касаясь святейшей и величайшей тайны нашего спасения — тайны воплощения Слова Божия, — тот же святой отец замечает: «Прими благоволение Отца, даровавшего нам собственного Сына. Не исследуй, прошу, этого дела. Оно не поддается разуму языческой мудрости и обыкновенному пониманию — чуждо того и другого». «Какая необходимость предлагать всем эти вопросы (о воплощении), столь утонченные и сокровенные? Не больше ли бы пользы принесли мы людям изъяснением нравственного учения, когда мы еще неспособны с надлежащею верностью проникать в догматическое учение?» Подобных мыслей держался и папа Целестин. В изысканиях о вере папа призывает к чрезвычайной осторожности: «Надобно более бояться и не высокомудрствовать, углубляясь в изыскания; не до́лжно, как сказано, исследовать предметов высших себя». Относительно же истины воплощения Слова Божия папа запрещает какие бы то ни было исследования разума: «Пусть, — говорит он, — устранится вопрос о рождении (Христа), который всякий истинно верующий должен решить в простоте сердца, ибо кто осмелится испытать Бога?» Другой видный защитник Православия и приверженец святого Кирилла Феодот, епископ Анкирский, призывает разум к молчанию при виде истины воплощения Христова: «Не спрашивай меня, — поучает он, — об образе чудес Божиих, ибо скажу тебе: чудеса показывают только, что совершилось, а знать образ совершения я предоставляю Богу». Не задавай вопроса: «Каким образом Бог пребывает Богом и делается человеком? Верь чуду и не испытывай умом совершившегося». Не таких воззрений, но совершенно обратных, держались несториане: они усиливались постигнуть величие Божие способом человеческого исследования.

Видя себя осужденным Римом и Александрией, Несторий единственным выходом из своего затруднительного положения считал созвание Вселенского собора для рассмотрения спорного вопроса.

Того же желали и некоторые из защитников Православия. Поэтому в ноябре 430 года император Феодосий II от себя и от имени западного императора издал повеление о созыве собора в Ефесе, как городе, где Божия Матерь в последние годы Своей жизни имела местопребывание. Временем открытия собора назначалась ближайшая Пятидесятница. Каждый из митрополитов должен был взять с собою на предстоящий собор такое число епископов, какое находил необходимым, сообразуясь с нуждами митрополии, чтобы на месте оставалось необходимое число епископов для исполнения архипастырских обязанностей. Наблюдение за «благоприличием» или ходом дел на соборе, без права вмешательства в исследования членов собора о догматах, указом императорским поручено было придворному сановнику Кандидиану.

С совершенно противоположными воззрениями и намерениями съехались в Ефес епископы еретичествующие и епископы православные. Несторий и его единомышленники созыв собора поняли, как позволение произвести «новый пересмотр церковного учения»; святой же Кирилл и его сторонники, напротив, понимали, что вопрос о воплощении Сына Божия — дело веры, а не разума. Несторий прибыл в Ефес вскоре после Пасхи (19 апреля) с шестнадцатью епископами и со своим другом вельможею Иринеем. Святой Кирилл Александрийский явился на собор с пятьюдесятью епископами, множеством мирян и монахов, имея, при этом, полномочия от папы Целестина. Около сорока епископов было у Мемнона, митрополита Ефесского. От Африканской Церкви не было ни одного представителя вследствие нашествия вандалов; лишь Каприол, епископ Карфагенский, написал послание, прося отцов собора не вводить никакого новшества. Папа Целестин в качестве представителей и своих и «всего собора западного» отправил на собор в Ефес двух епископов и одного пресвитера с наказом им руководиться суждением Кирилла Александрийского. Представители папы, однако, не поспели к началу собора. Тем не менее собралось около двухсот епископов. Кандидиан, следуя данной ему императором инструкции, распорядился, чтобы все монахи и пришлые миряне оставили Ефес и чтобы ни один епископ не покидал города ни в коем случае, пока не окончатся заседания собора. Между тем друг Нестория Иоанн Антиохийский с епископами своего округа все еще не являлся, вследствие за-

труднения созвать епископов, не могших выехать раньше окончания пасхальной недели, отчасти вследствие смятения в его городе, вызванного недостатком провизии и, главным образом, вследствие плохого состояния дорог по причине дождей. Так прошло шестнадцать дней после срока, назначенного императорским указом для открытия собора. Святой Кирилл, принявший председательство на соборе, решил открыть последний, не дожидаясь Иоанна Антиохийского. Святой Кирилл так действовал из ревности о славе Богоматери, в исполнение точного требования императорского указа рассмотреть дело без всякого промедления и после извещения двух сирийских епископов, посланных вперед Иоанном: «Господин епископ Иоанн, — доложили они, — повелел сказать вашему благочестию: делайте свое дело». Нестория и единомышленных с ним епископов три раза чрез особую депутацию, состоявшую из епископов, приглашали на собор: первый раз пред самым открытием собора, а второй и третий — после открытия. Первая депутация получила от Нестория двусмысленный ответ: «Посмотрю и, если мне нужно будет прийти, приду»; вторая и третья депутации не были даже допущены до Нестория.

22 июня 431 года под председательством Александрийского патриарха Кирилла в главном храме Ефеса открылся собор не менее ста шестидесяти епископов, главным образом из Александрии, Египта, Иерусалима, Палестины и Иллирика; шестьдесят восемь епископов, сторонников Нестория, заявили протест против открытия собора до прибытия Иоанна Антиохийского; этот протест поддерживал и чиновник императора Кандидиан. Но когда он явился на собор, то отцы попросили его, по прочтении им царского указа о правах и обязанностях собора, удалиться. При разрешении вопросов, поднятых несторианством, отцы собора за руководственное начало взяли учение символа Никейского, который не раз прочитывался на соборе, причем отцы собора нарочито постановили хранить Никейский символ в совершенной целости: «Святой собор определил, — читаем в деяниях III Вселенского собора, — не позволять никому произносить, писать или слагать иную веру, кроме определенной святыми отцами, сошедшимися в Никее».

С прочтения Никейского символа и открылось первое заседание отцов III Вселенского собора; за ним следовало чтение второго по-

слания святого Кирилла к Несторию, встреченное отцами собора высокими знаками одобрения за его согласие с Никейским символом. Прочитано было письмо Нестория в ответ святому Кириллу, причем отцы произнесли анафему как автору письма, так и его учению. Среди других, читанных на первом заседании собора, документов оглашено было и третье послание святого Кирилла Несторию, содержащее так называемые «анафематизмы»; оно тоже с одобрением было принято собором. Затем, по предложению святого Кирилла, постановлено было расспросить некоторых епископов и об устных беседах Нестория; сообщения епископов, которым пришлось иметь разговор с Несторием в Ефесе, не оставляли сомнения, что Несторий богохульно мыслил о Божественном достоинстве Искупителя. Для более тщательного выяснения православного учения о соединении естеств во Христе Спасителе читан был особый свод изречений из сочинений, чтимых всею Церковью отцов: святого Петра, епископа Александрийского, святого Афанасия Великого, Юлия, папы Римского, святого Феликса, папы Римского, Феофила, епископа Александрийского, святого Киприана Карфагенского, Амвросия, епископа Медиоланского, Григория Богослова, Василия Великого, Григория Нисского, Аттика, епископа Константинопольского, Амфилохия, епископа Иконийского.

Потом отцы собора нашли нужным с этими извлечениями из сочинений отцов сопоставить извлечения из сочинений Нестория; последние вызвали всеобщее неодобрение.

Решив спорный вопрос о соединении естеств во Христе в том смысле, что «два естества — Божеское и человеческое — соединены во Христе нераздельно и неслиянно», отцы III Вселенского собора в том же первом заседании решили и вопрос о низложении Нестория. Отцы собора составили следующий приговор: «Так как нечестивейший Несторий сверх прочего не захотел повиноваться нашему приглашению и не принял посланных от нас святейших и благочестивейших епископов, то мы вынужденными нашлись исследовать нечестивое его учение. Открыв же частью из его писем, частью из других сочинений, частью из бесед, которые он недавно имел в этой митрополии (то есть Ефесе) и которые подтверждены свидетелями, что он и мыслит и проповедует нечестиво, мы вынуждены были, на основании канонов и послания святейшего отца и сослужителя на-

шего Целестина, епископа Римского, произнести против него, хотя не без горьких слез, следующее определение: Господь наш Иисус Христос, на Которого он изрыгает хулы, устами этого святейшего собора определяет: лишить его епископского сана и отлучить от общения церковного». Приговор соборный на другой день объявлен был Несторию в такой форме: «Святой собор, собранный благодатью Божьею, по повелению благочестивейших и христолюбивейших наших императоров, в митрополии Ефесе, Несторию, новому Иуде. Знай, что ты, за нечестивые твои проповеди и противление канонам, 22-й день текущего месяца июня, на основании церковных правил, низложен святым собором и лишен церковной степени». Этот приговор подписали более двухсот епископов[1].

По осуждении Нестория собор уведомил об этом Константинополь особым посланием, адресованным Константинопольским клирикам и экономам Константинопольской церкви; составлено и послано было от лица собора и донесение императору, где, с изложением хода соборных занятий, находилась просьба, чтобы император повелел истребить в церкви все учение Несториево, книги его — где они найдутся — сжечь, и всем, кто осмелился бы последовать учению Нестория, пригрозить гневом императорского величия. Вслед за этим посланием к императору поступило донесение от Нестория, где содержатся обвинения на собор святого Кирилла и где Несторий оправдывает свое отношение к порицаемому им собору. Между тем 27 июня прибыл в Ефес Иоанн Антиохийский с четырнадцатью восточными епископами. От православных епископов Иоанну была послана навстречу особая депутация для склонения его на сторону уже состоявшегося решения собора, но Иоанн депутации не принял. На другой день по прибытии Иоанн составил свой собор, на котором присутствовало не более сорока трех епископов. Собор этот, известный под печальным наименованием «Отступнического», низложил Кирилла Александрийского и Мемнона, епископа Ефесского, как «зараженных неизлечимою болезнью»; прочих же епископов, единомысленных Кириллу, отлучил лишь от общения, пока они в знак раскаяния не произнесут осуждения на «еретические»

---

[1] Хотя число епископов собора простиралось только до 160, но дело в том, что многие из присутствовавших на соборе имели полномочие подписываться за других отсутствующих.

анафематизмы Кирилла Александрийского. Об определении своего собора Иоанн и его сочлены отправили донесения императору, императрицам, клиру, народу и сенату Константинопольскому. Во всех этих посланиях Иоанн доказывает правоту своих действий и обвиняет Кирилла. Узнав о деяниях Иоанна, Кирилл и Мемнон снова приглашают собратий епископов на собор для обвинения Иоанна в незаконных действиях, так как Иоанн не пригласил на свой собор обвиненных последним епископов. На собор прибыли 10 июля и замедлившие в пути легаты Римского папы. Ознакомившись с деятельностью собора под председательством святого Кирилла, они встали на сторону православных. Собор трижды приглашал Иоанна Антиохийского на свои заседания, чтобы он доказал справедливость его обвинений на Кирилла, но Иоанн отказался, почему собор Вселенский решил отсечь Иоанна и его сторонников от церковного общения и дать знать об этом императорам. Так в Ефесе образовались две враждебных стороны епископов, угрожавшие одна другой и отлучавшая друг друга. Чтобы выяснить истинное положение дела пред императором, которому оно было представлено в неблагоприятном свете для православных Кандидианом, державшим сторону еретичествующих, православные епископы послали императору просьбу: отозвать Кандидиана и позволить пятерым из них лично явиться ко двору. К этому письму присоединены были деяния собора, просмотренные святым Кириллом. Но Кандидиан закрыл все пути к Константинополю, чтобы послание не дошло по назначению. Тогда отцы собора вручили нищему послание епископам и монахам Константинополя с изображением хода соборных дел и стеснений, претерпеваемых православными в Ефесе. Нищий пронес письмо в Константинополь в палке. По получении послания в столице началось сильное возбуждение, главным образом в монастырях: обитатели последних, с пением антифонов, отправились ко дворцу императора. Среди иноков самым выдающимся был преподобный Далмат. В течение сорока восьми лет он пребывал безвыходно в затворе, не покидая его даже тогда, когда сам император просил его участвовать в торжественных крестных ходах по случаю землетрясения. Божественный голос свыше повелел теперь преподобному покинуть затвор. Преподобный Далмат и другие были допущены к императору. Великий подвижник показал ему послание из

Ефеса, изложил жалобы православных и спросил: лучше ли присоединяться к одному нечестивцу, чем в множеству епископов, рассеянных по вселенной и представленных своими собратьями в Ефес? «Соучастники Нестория, — говорил преподобный, — во множестве приходят (в Константинополь) и уходят невозбранно, а православные епископы в стеснении». Тронутый, Феодосий дал обещание вызвать в Константинополь доверенных от собора. Император действительно вскоре сдержал свое обещание, и епископы, посланные от православной стороны, выяснили императору и вообще в Константинополе создавшееся в Ефесе положение, так что дело приближалось к окончательному решению в пользу Православия и святого Кирилла. Но в это время прибыл в Константинополь сильный связями при дворе сторонник и друг Нестория и Иоанна вельможа Ириней. Он добился пересмотра дела. И в результате святой Кирилл и его собратья епископы были обвинены, как делавшие все «самовластно и противозаконно, и потому (они) подлежат отлучению от Церкви и другим наказаниям». Уже приготовлена была бумага для подписи императору, и лишь прибытие домашнего секретаря Кирилла Иоанна, сумевшего восстановить поруганную правду, разрушило козни Иринея настолько, что мнения сановников, пересматривавших дело, разделились.

Император, очевидно потерявшийся среди этих взаимных обвинений и донесений, решил для умиротворения спорящих низложить Нестория, святого Кирилла и Мемнона. С таким указом он и посылает в Ефес комита Иоанна, назначенного на место Кандидиана, с поручением, кроме того, сделать то, что он признает полезным относительно веры. Иоанн ничего не мог сделать в Ефесе по причине царившего там величайшего смятения; взаимное ожесточение сторон было так сильно, что Иоанн не добился примирения. Он заключил под стражу святого Кирилла, Мемнона и Нестория и донес императору о безуспешности своей миссии. Наконец император, склоняясь к общим просьбам, устроил в Халкидоне совещание из шестнадцати епископов, прибывших сюда из Ефеса (по восемь от соперничавших сторон). На совещании этом, веденном в присутствии императора, открылась возможность отцам православного собора доказать истинность постановлений последнего и свою правоту. Благодаря этому, еще до роспуска совещания, в Ефесе было полу-

чено предписание освободить с восстановлением в прежних правах святого Кирилла и Мемнона; Несторий же «увольнялся в место своего прежнего пребывания, то есть в Антиохию, откуда прибыл на престол Константинопольский». По прошествии некоторого времени епископы, заседавшие в Халкидоне, переведены были в Константинополь; православным епископам, затем, повелено было избрать преемника Несторию; был избран и рукоположен Максимиан, инок отшельнического и нечестолюбивого характера. Относительно же Нестория был издан следующий декрет к Исидору Преторианиту, префекту и консулу:

«Хотя известно, что мы занимаемся делами общественными, однако же к не меньшей заботливости с нашей стороны относится утверждение кафолической веры; охранением веры мы надеемся служить благу общественному. Поэтому, когда Несторий, бывший пастырь Кафолической Церкви, а теперь изменник вере, вдался в такое страшное злочестие, необходимо, чтобы он подвергся и суду нашей светлости и получил наказание, достойное его поведения, за то, что отвержением законов досточтимой Церкви сделался виновником ужасной ереси; и как он повредил веру тех, которых склонил к участию в измене, то и должен принять на себя вину чужой измены. Поэтому ты, по своей власти и с свойственным тебе правом, да повелишь упомянутого Нестория, за оказанное им нечестие, подвергнуть всегдашнему изгнанию в Петру[1], а все имение его передать Константинопольской Церкви для умножения сокровищ того священнейшего места, таинства которого он нарушил. Ибо таким образом в душах людей сохранится благолепие к святейшей вере и, при утверждении благочестия, процветет благоденствие нашей империи».

Прочим епископам повелено было возвратиться в свои страны и города. Святой Кирилл возвратился в Александрию 30 октября и принят был паствою с величайшим восторгом и честью. Несторий же из Петры через некоторое время перемещен был в отдаленный Египетский оазис Ибис; здесь он был взят в плен кочевниками; отпущенный ими, он вскоре умер в совершенной безвестности от старости и изнурения. На последователей Нестория было воздвигнуто

[1] Город в Аравии.

жестокое гонение; уцелевшие от него бежали в Персию, где в течение долгого времени пользовались особым покровительством государства.

Так разрешились к торжеству Православия бурные прения, поднятые Несторием и взволновавшие весь христианский мир. Но, к великому сожалению, это торжество не было внутренним примирением враждующих сторон. Епископы, с Иоанном Антиохийским во главе, отбыв из Ефеса, составили на пути, в Тарсе, а потом и в Антиохии, собор, на котором решено было протестовать против низложения Нестория; причем было подтверждено состоявшееся в Ефесе определение о низложении святого Кирилла. Только непременная воля императора, чтобы «споры были прекращены и водворился мир Господень», остановила раздоры; конец же вражде положила впоследствии деятельность того же святого Кирилла[1], этого великого борца за правую веру и мудрого ревнителя церковного мира.

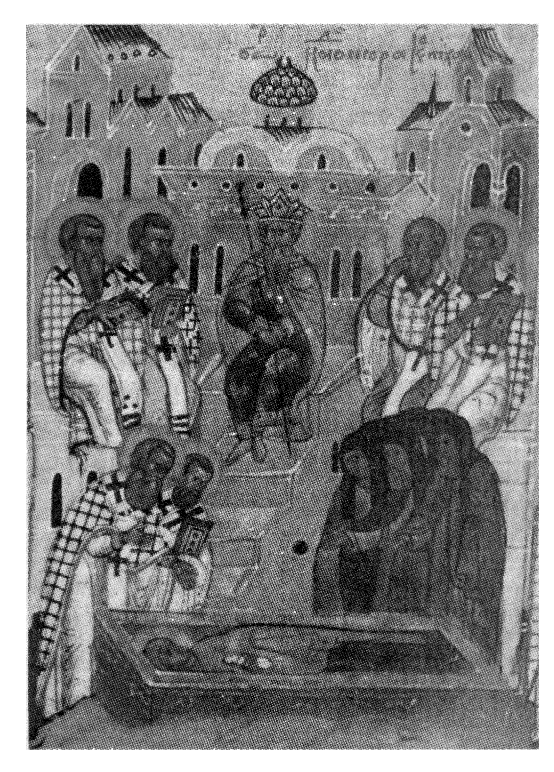
[1] Об этой деятельности святого Кирилла см. в следующем очерке, посвященном воспоминанию IV Вселенского Собора.

ВОСПОМИНАНИЕ
IV ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

(совершается Православной Церковью 16 июля)

Вселенский собор Ефесский не положил конца распрям о Лице Богочеловека, не примирил несторианствующих и православных. Но вскоре, однако же, в тридцатых годах V века, это примирение достигается посредством *унии*, то есть единения, почти прекратившего, было, разделение церковное.

Император Феодосий Младший, видя, что собор Ефесский не достиг умиротворения церковного, тотчас после собора обратился к Иоанну Антиохийскому с требованием войти в общение со святым Кириллом Александрийским. Вначале Иоанн и его приверженцы хотели восстановить этот мир несправедливою ценою — ценою требования, чтобы святой Кирилл отказался от всех своих сочинений, где им раскрывалось учение о Лице Богочеловека: такой отказ был бы равносилен отрицанию догматической деятельности только что закончившегося Ефесского Вселенского собора. Святой Кирилл, конечно, не согласился на это и, наоборот, обратился к Антиохийским епископам с кротким и справедливым предложением отказаться от еретических (несторианских) мыслей, присоединиться к решению Ефесского Вселенского собора о низложении Нестория и признать законным пастырем архиепископа Константинопольского Максимиана, избранного на место низложенного Нестория Ефесским собором из лиц, единомысленных святому Кириллу. В ответ на это святому Кириллу, по его собственным словам, «вручено было письмо от Иоанна, заключающее в себе не то, что следовало, написанное не как должно было — в тоне насмешки, а



не соглашения. Ибо, — говорит святой Кирилл, — вместо того, чтобы успокоить меня в печали, причиненной событиями предшествующими и их (то есть Антиохийских епископов) собственными поступками в Ефесе, они сочли благовременным излить на меня свой гнев, порожденный как бы ревностью их к святым догматам». Но стремясь к миру церковному, святой Кирилл не переставал прилагать усилий к его достижению. И Господь благословил труды великого архипастыря; плодом их было то, что Иоанн Антиохийский от всех епископов Антиохийского округа прислал святому Кириллу исповедание веры, сущность которого заключалась в следующем: «Мы, — писали Антиохийские епископы, — исповедуем, что Господь наш Иисус Христос единородный Сын Божий есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и тела, что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы по человечеству, что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству, ибо в Нем совершенное соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслиянного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый. Известно, что богословы одни из евангельских и апостольских изречений о Господе признают общими, как принадлежащие одному лицу, другие же, по причине различия двух естеств, принимают раздельно, и те из них, которые приличны Богу, относят к Божественности Христа, уничижительные же к Его

человечеству»[1]. В конце послания находилось анафематствование Нестория и его учения с заявлением о принятии в общение Максимиана. Это исповедание Иоанна и единомысленных с ним епископов святой Кирилл Александрийский принял как дар с неба и признал его вполне православным. Мир церковный начал водворяться, и стали затихать распри, как видно из следующих выражений послания Иоанна Антиохийского в 437 году: «Все епископы Востока (то есть Антиохийского округа), как и епископы всего прочего мира, осудили Нестория и согласились на его низложение. Мы сделали и объявили, что надлежало, вот уже четыре года. Все епископы приморские согласились и подписались. Епископы второй Финикии, киликийцы сделали это прошлым годом; арабы чрез своего епископа Антиоха; страны Месопотамские, Озраены, Евфрата и вторая Сирия одобрили все то, что мы сделали. Мы уже давно получили (благоприятный) ответ со стороны исаврийцев; все епископы первой Сирии подписались с нами».

Однако, при крайнем напряжении церковной жизни около вопросов, поднятых несторианством, уния не могла не встретить осуждения со стороны некоторых, недовольных ею, и в Александрии, и в Антиохии. Особенно опасны были для церковного мира те противники соглашения церковного между Александрией и Антиохией, которые вышли из рядов почитателей святого Кирилла. Это были предтечи вскоре появившейся монофизитской ереси. Они почитали изменой Православию общение святого Кирилла с Иоанном Антиохийским и видели ересь в учении святого Кирилла о двух естествах во Христе. Святой Кирилл все сделал с своей стороны, чтобы «заставить замолкнуть врагов из числа своих прежних друзей». Он, применяясь к их воззрениям, не уставал изъяснять, что учением о двух естествах во Христе не исключается учение о их соединении. Но упорные в своем заблуждении, бывшие друзья святого Кирилла не внимали его разъяснениям и увещаниям, и великий иерарх сошел в могилу, не имея уверенности, что состоявшаяся, к его великой радости, уния будет прочна.

---

[1] Объясняя последние слова послания Антиохийских епископов, святой Кирилл замечает: этим они «утверждают не то, что одни наименования приличествуют Слову Бога Отца, как Сыну Самому по Себе взятому отдельно, а другие — Ему рожденному от жены так, как другому Сыну опять отличному, но то, что одни приличны Его Божеству, другие человечеству».

Чем далее шло время, тем более возрастало число сторонников и защитников унии, что еще сильнее озлобляло врагов ее, вышедших из рядов бывших почитателей святого Кирилла. Несмотря на свою многочисленность, они вели себя сдержанно, пока был жив святой Кирилл, пользовавшийся высоким уважением в Церкви. Но с его смертью положение дел изменилось. Враги унии из александрийцев начали открыто и усиленно действовать против нее во имя Православия, а в действительности во имя своего еретического учения, известного в истории Церкви под именем монофизитства[1]. Главным представителем монофизитской ереси был Евтихий — архимандрит одного монастыря в Константинополе. Во дни III Вселенского собора Евтихий показал себя ревностным сторонником святого Кирилла Александрийского в его борьбе с ересью Нестория: «Когда Несторий противился истине, Евтихий стал за истину». Такая деятельность Евтихия заслужила ему уважение святого Кирилла: после III Вселенского собора святой Кирилл прислал Евтихию экземпляр описания деятельности только что закончившегося собора. Но Евтихий, как и все александрийцы, противившиеся унии, почитал святого Кирилла только как борца за Православие против Нестория; деятельность же святого отца во время и после унии он считал ошибкой, если не изменой православию. Евтихий, поэтому, не признавал сочинений, написанных знаменитым Александрийским архиепископом в целях подготовления унии и для защиты ее. В этих сочинениях развивалась и усиленно утверждалась мысль о двух естествах в Лице Господа Иисуса Христа, что совершенно противоречило еретическим монофизитским воззрениям Евтихия, который учил: «После воплощения Бога Слова я поклоняюсь одному естеству — естеству Бога воплотившегося и вочеловечившегося»; «Исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество».

Нужно заметить, что эти изречения встречаются у святого Кирилла Александрийского, который сам заимствовал их из писаний святого Афанасия Александрийского; таким образом, они не явля-

[1] *Еретики монофизиты*, или, в переводе с греческого, *единоестественники*, назывались так потому, что учили об одной Божественной природе во Христе Иисусе — о полном слиянии в Нем Божественной и человеческой природы с поглощением последней первою.

ются изобретением Евтихия, но взяты им из сочинений святого Кирилла без связи с его прочими воззрениями и потому носят еретический характер, какого не имеют на своем месте. Однако, то обстоятельство, что приведенные изречения встречались в сочинениях святого Кирилла, придавало вид истинности еретическому учению монофизитов и привлекало к нему многих последователей из числа недальновидных христиан.

Дело об Евтихии поднял известный борьбою с Несторием Евсевий, епископ Дорилейский[1]. На одном из соборов епископских, столь частых в древнее время, и на этот раз собравшемся в Константинополе в 448 году, Евсевий сделал заявление, что Евтихий, архимандрит известнейшего монастыря в Константинополе, еретически, несогласно с преданием апостольским и учением Никейского символа, мыслит об Искупителе и таинстве искупления. В особой записке, поданной с этим заявлением Флавиану, архиепископу Константинопольскому, и собору епископов, Евсевий писал между прочим: «Я просил Евтихия, пресвитера и архимандрита, чтобы он не предавался такому поражению чувств, опьянению мышления и исступлению ума, что даже забывает страх Божий, дерзает называть еретиками тех отцов, которые считаются в числе святых; но он, имея невоздержные уста и необузданный язык, не перестает отрицать благочестивые догматы православия. Умоляю и прошу вашу святость: не оставьте без внимания моей просьбы, но прикажите Евтихию, пресвитеру и архимандриту явиться на Святой ваш собор и защищаться в том, в чем я обвиняю его. Я готов обличить его, что он притворно носит имя православного и совершенно чужд православной веры». Не желая придавать огласки делу и не считая в то же время возможным оставить заявление Евсевия без внимания, Флавиан, председатель собора, предложил Евсевию объясниться с Евтихием келейно. Но оказывается, Евсевий не раз и не два ходил к Евтихию для увещания и бесполезно; теперь же, решительно заявил Евсевий, «невозможно, чтобы я после того, как часто ходил и не мог убедить его, опять отправился к нему и услышал хульные слова». Видя непреклонность Евсевия, собор нашел себя вынужденным отправить к Евтихию депутацию из пресвитера Иоанна и диакона Андрея; депутация обязана была представить Евтихию записку Ев-

[1] *Дорилея* – город Фригии.

севия Дорилейского и пригласить архимандрита на собор для объяснения. Возвратившись от Евтихия, депутация заявила собору следующее: «Ходили мы к нему в монастырь, прочли ему обвинительную записку, вручили ему копию с нее. Объявили ему обвинителя и возвестили, что его вызывают оправдываться перед вашею святостью. Он идти и оправдываться совершенно отказался, говоря, что у него определено и как бы законом положено от начала никогда и никуда не отлучаться от своего братства, а жить в монастыре, некоторым образом как во гробе. Он просил нас известить вашей святости, что будто бы боголюбезнейший епископ Евсевий, бывший издавна врагом ему, по ненависти и неприязни возвел на него это обвинение. Он утверждал, что готов согласиться с изложением святых отцов, составлявших собор в Никее и Ефесе, и обещал подписать их толкования. После воплощения Бога Слова, то есть рождения Господа нашего Иисуса Христа, он поклоняется одному естеству, естеству Бога воплотившегося и вочеловечившегося. Что Господь наш Иисус Христос состоит из двух естеств, соединившихся ипостасно, этого он не встречал в изложениях святых отцов, и ежели случится ему у кого-либо вычитать что-нибудь подобное, он не примет этого, потому что Божественное Писание превосходнее учения отцов. Он исповедал, что Родившийся от Девы Марии есть совершенный Бог и совершенный человек, не имеющий плоти, единосущной нам». «Выслушанных показаний, — сказал Евсевий после доклада депутации, — достаточно для уяснения того, какое нечестивое мнение, противное изложениям святых отцов, имеет Евтихий. Я прошу вызвать Евтихия сюда снова». Решено было отправить к Евтихию вторую депутацию, в которую вошли два пресвитера — Мамма и Феофил; депутатам вручена была вызывная грамота, призывавшая Евтихия явиться на собор «без всякого отлагательства». Из доклада собору этой второй депутации видно, что Евтихий два раза отказывал депутатам в приеме под предлогом болезни, и лишь благодаря своей настойчивости депутация добилась нужного свидания. «Войдя (к Евтихию), — говорили депутаты, — мы подали ему писанную бумагу; он велел читать ее при нас и после того, как она была прочитана, сказал: „Я положил за правило — не выходить из монастыря, кроме смертной нужды; святой собор и боголюбезнейший епископ видят, что я стар и хил; пусть архиепископ и собор делают со мною,

что хотят; я прошу только одного — никого не беспокоить здесь в другой раз, потому что у меня постановлено не выходить из монастыря“». Выслушав это заявление, собор определил: «Нужно в третий раз убеждать Евтихия, чтобы он пришел на этот святой собор; если он не исполнит этого, то сам себя обвинит».

Третья депутация состояла из пресвитеров и хранителей сосудов, Мемнона и Епифания, и диакона Германа. С этими лицами Евтихию снова отправлена была вызывная грамота, в которой говорилось: «Ты знаешь, что определено святыми канонами против непослушных и не хотящих явиться для оправдания, когда бывает к ним уже третий вызов. Поспеши прийти в следующий день утром, то есть в четвертый день недели, в семнадцатый день месяца ноября».

Накануне этого дня к отцам собора явилась депутация от Евтихия в лице архимандрита Авраамия и трех диаконов. Архимандрит доложил собору о нездоровьи Евтихия и вызывался, было, дать некоторые объяснения за болящего. Архиепископ Флавиан обещал ожидать выздоровления Евтихия, а предложение архимандрита отклонил. 17 ноября третья депутация, возвратившаяся от Евтихия, передала отцам собора такую просьбу последнего: «Прошу умолить господина архиепископа и святой собор, чтобы они дали мне отсрочку на эту неделю, а на следующей неделе, если будет угодно Богу, я приду и буду оправдываться пред господином и святым собором». Просьба была принята во внимание — архиепископ Флавиан от лица собора решил: «Мы даруем (Евтихию) испрашиваемую им отсрочку. Если же, вопреки собственному обещанию, Евтихий не явится во второй день следующей недели (22 ноября), то окончательно будет лишен и пресвитерского сана и начальства над монастырем».

Наступило 22 ноября. Члены собора собрались в судебной палате епископии. Евтихий явился на собор с множеством воинов, монахов и служителей префекта претории; кроме того, Евтихия сопровождал силенциарий[1] Магнус, посланный императором для представления собору такого определения: «Мы заботимся о мире святых Церквей и православной веры и желаем охранять веру, истинно и по вдохновению Божию изложенную нашими святыми отцами в числе трехсот восемнадцати в Никее и бывшими в Ефесе при осуждении Несто-

[1] Придворный чин.

рия. Мы желаем этого, дабы не вторгся соблазн в упомянутое Православие. А так как знатнейшего патриция Флоренция мы знаем за верного и испытанного в Православии, то мы желаем, чтобы он присутствовал в заседании собора, так как речь идет о вере». «Господина Флоренция, — сказал архиепископ Флавиан по прочтении императорского декрета, — мы все знаем за верного и испытанного в Православии и желаем, чтобы он присутствовал». По прибытии Флоренция на собор, открылось разбирательство дела Евтихия.

В заседании, посвященном Евтихию, Константинопольский собор 448 года свое решение по вопросу о соединении во Христе Иисусе двух естеств основывает, главным образом, на послании святого Кирилла Александрийского «к восточным», где излагается ход унии, утверждается исповедание веры Иоанна Антиохийского и — что особенно важно было для собора — решительно опровергается лжеумствование монофизитов: «Да заградятся, — говорит послание, — уста тем, кто проповедует или тождество или слияние или смешение Сына Божия с плотью». Из других сочинений святого Кирилла собор руководствовался еще одним посланием его к Несторию, в котором с полной ясностью исповедовалось учение о двух естествах во Христе.

Обращаясь к суду над Евтихием, собор старался главным образом выяснить, согласен ли Евтихий с отмеченным выше посланием святого Кирилла и с содержащимися в нем словами исповедания Иоанна Антиохийского. Диакон, читавший на соборе послание святого Кирилла «к восточным», беспрепятственно дошел до следующих слов: «Мы исповедуем, что Господь Иисус Христос единородный Сын Божий есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время ради нас и ради нашего спасения от Девы Марии по человечеству; что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству; ибо в Нем совершилось единение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа; на основании такого не слитного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый». На этом месте чтение послания прервано было возгласом Евсевия Дорилейского: «Евти-

хий не исповедует этого и никогда не был согласен с этим, но вопреки этому мудрствовал и учил». Это восклицание вызвало на рассуждение с Евтихием сначала префекта Флоренция, а потом архиепископа Флавиана и Евсевия Дорилейского. Рассуждения привели в конце концов к такому заявлению Евтихия: «Исповедую, что Господь наш состоял из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество». Не оставалось никакого сомнения в еретичестве Евтихия. Чтобы предотвратить тяжкие последствия еретичества Евтихия для Церкви, отцы собора предложили ему анафематствовать все, противное читанным на соборе догматам. Но Евтихий с тоном ожесточения отверг это предложение. Тогда отцы собора, встав, возгласили: «Анафема Евтихию».

Затем, после совещания, сделано было такое заявление относительно Евтихия, подписанное архиепископом Флавианом, тридцать одним епископом и двадцатью тремя архимандритами: «Из всего — и из бывших уже деяний, и из теперешнего собственного сознания Евтихиева — открывается, что он страждет заблуждением Валентина и Аполлинария[1]. Не устыдившись нашего убеждения, он не захотел согласиться с истинными догматами; поэтому, воздыхая и оплакивая совершенную его погибель, мы о Господе Иисусе Христе, Которого он злословит, определили отчуждить его от всякой священнической службы, общения с нами и начальства над монастырем. Пусть все те, которые после этого будут разговаривать или сходиться с ним, знают, что и сами они будут повинны епитимьи отлучения, как не уклонившиеся от бесед с ним».

Собор Константинопольский 448 года не положил, однако, конца раздорам: его не признала Церковь Александрийская, или Египетская, бывшая средоточием врагов унии, и Церковь Иерусалимская, издавна, со дней I Вселенского собора шедшая рука об руку с Церковью Александрийской в решении спорных вопросов догматики; Церковь Римская в лице папы Льва Великого отнеслась вначале не совсем одобрительно к Константинопольскому собору по малой осведомленности в подробностях прений, происходивших на отда-

---

[1] Валентин учил, что тело Христа создано было Творцом из эфирной материи неба. Аполлинарий учил, что Господь Иисус Христос не был полный, всецелый человек, так как Он не обладал разумною душою, которую в Нем заменяло Божество.

ленном Востоке. Собор Константинопольский приняла Церковь Константинопольская и те церкви Малой Азии и Сирии, которые ранее сочувственно относились к унии. Неудивительно, поэтому, что когда собор Константинопольский не встретил нужного сочувствия в высшей светской власти, для Церкви Православной наступили тяжкие времена: друзья унии, защитники правой веры, почитаются врагами православия, и монофизиты усиливаются настолько же, насколько ариане в печальные дни императора Констанция.

При таком положении дела, естественно, постановления Константинопольского собора не сломили ожесточенного упорства Евтихия — он решил, опираясь на сочувственное отношение к нему двора, вступить в борьбу с собором и своим архиепископом: он подал императору Феодосию прошение, в котором просил пересмотра его дела на новом соборе. В то же время Евтихий отправил в Рим к святому папе Льву Великому (440—461 гг.) жалобу, что у них на Востоке, то есть в Константинополе, «старанием некоторых людей несторианская ересь вновь воскресает»; этим Евтихий хотел сказать папе, что на соборе Константинопольском его, Евтихия, осудили, будто бы, как защитника и почитателя святого Кирилла, посвятившего себя, как видели, борьбе с несторианством. В ответном послании Евтихию папа Лев одобряет его благочестивую ревность, ссылаясь при этом на малую осведомленность в деле: «Как только разузнаем полнее, — пишет святой папа, — о тех, нечестием которых это сделалось, сочтем за необходимое, при помощи Божией, позаботиться о том, как бы исторгнуть с корнем нечестивую заразу, давно уже осужденную».

С просьбой о выяснении дела святой Лев обратился к Флавиану, архиепископу Константинопольскому: «Пусть твое братство, — предлагает в письме папа Флавиану, — известит нас подробнейшим донесением о том, какая возникла у вас новизна против древней веры». Флавиан не замедлил с ответом. Он выяснил папе сущность лжеучения Евтихия, сообщил о происках последнего после осуждения его Константинопольским собором и просил папу укрепить веру «благочестивейшего императора». Вскоре Флавиан отправил папе второе послание с более подробным изложением еретического учения Евтихия.

Ответом на него и было знаменитое в истории Церкви «Окружное, или соборное послание святейшего Льва, архиепископа города

Рима, писанное к Флавиану, архиепископу Константинопольскому (против ереси Евтихия)»:

«Возлюбленному брату Флавиану Лев епископ.

Прочитав послание твоей любви, так запоздавшее к нашему удивлению, и рассмотрев порядок епископских деяний, наконец, мы узнали, какой случился у вас соблазн и восстание против чистоты веры, и то, что прежде казалось тайною, ныне сделалось для нас явным. Таким образом, Евтихий, удостоенный, было, имени архимандрита и сана пресвитерского, оказался весьма безрассудным и столь великим невеждою, что и к нему могут быть отнесены слова пророка: *не хочет он вразумиться, чтобы делать добро; на ложе своем замышляет беззаконие* (Пс 35, 4–5). А что беззаконнее, как нечестиво умствовать о вере и не следовать мудрейшим и опытнейшим? Но этому-то безумию подвергаются те, которые, встретив в чем-либо неясном затруднение к познанию истины, прибегают не к пророческим изречениям, не к писаниям апостольским и не евангельскому авторитету, а к самим себе, и, таким образом, не захотев быть учениками истины, становятся учителями заблуждения. Ибо какие мог приобрести успехи в знании Священных книг Ветхого и Нового Завета тот, кто не уразумел первых слов самого ствола и что по всей вселенной исповедуется устами всех возрожденных, того еще не понимает сердцем этот старик. Поэтому, не зная того, что должно думать о воплощении Бога Слова и не желая потрудиться на широком поприще Священных Писаний, чтобы сподобиться света ведения, он должен бы был принять внимательным слухом по крайней мере то всеобщее и единогласное исповедание, которое исповедуют все верующие: „Веруем в Бога Отца Вседержителя и в Иисуса Христа, единородного Сына Его, Господа нашего, родившегося от Духа Святого и Марии Девы“.

Этими тремя изречениями ниспровергаются ухищрения всех почти еретиков. Ибо когда веруем, что Бог есть и Вседержитель, и вечный Отец, то этим уже доказывается, что Сын совечен Ему и ничем не разнствует от Отца, потому что рожден от Бога Бог, от Вседержителя Вседержитель, от Вечного Совечный, а не позднейший по времени, не низший по власти, не разнственный по славе, не отдельный по существу. Он же вечного Отца вечный Единородный родился от Святого Духа и Марии Девы. Это временное рождение ни-

чего не убавило у того божественного и вечного рождения и ничего к нему не прибавило, но всецело предало себя на спасение заблудшего человека, чтобы и смерть победить, и силою своею сокрушить диавола, имущего державу смерти (см.: Евр. 2, 14). Ибо мы не могли бы победить виновника греха и смерти, если бы нашего естества не воспринял и не усвоил Тот, Которого ни грех не мог уязвить, ни смерть удержать в своей власти. Он зачался от Духа Святого во чреве Матери Девы, Которая как зачала Его, пребыв Девою, так и родила, сохранив девство.

Но если он не мог почерпнуть точного понятия из этого чистейшего источника христианской веры (то есть из символа), потому что он собственным ослеплением затемнил для себя блеск очевидной истины, то обратился бы к учению евангельскому, где Матфей говорит: *родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Аврамова* (Мф. 1, 1); поискал бы наставления также в проповеди апостольской и, читая в послании к Римлянам: *Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божию, которое Бог прежде обещал чрез пророков Своих в писаниях святых о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти* (Рим. 1, 1–3), с благочестивою любознательностью приступил бы к книгам пророческим и нашел бы обетование Божие, данное Аврааму: *и благословятся в семени твоем все народы* (Быт. 22, 17). А чтобы не недоумевать о свойстве этого семени, пусть последовал бы апостолу, который сказал: *но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано: „и потомкам“, как бы о многих, но как об одном: „и семени твоему“, которое есть Христос* (Гал. 3, 16). Пусть также внял бы внутренним слухом своим пророчеству Исаии, который говорил: *се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог* (Ис. 7, 14; Мф. 1, 23); прочитал бы с верой и эти слова того же пророка: *Младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира* (Ис. 9, 6). Тогда не стал бы говорить пустословия, будто Слово стало плотью так, что Христос, рожденный из девической утробы, имел образ человека, а не имел истинного тела (такого же, как и тело) Матери. Не потому ли, может быть, он признает Господа нашего Иисуса Христа не имеющим нашего естества, что ангел, посланный к благословенной Марии, говорил: *Дух Святой найдет на*

Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое (от Тебя) Святое наречется Сын Божий (Лк. 1, 35), то есть так как зачатие Девы было действие Божественное, то и плоть Зачатого не была от естества Зачавшей? Но это рождение исключительно удивительное и удивительно исключительное должно быть понимаемо не так, чтобы необыкновенностью рождения уничтожилось свойство рода.

Плодотворность Деве дарована Духом Святым, а истинное тело заимствовано от Ее тела. И когда, таким образом, Премудрость созидала Себе дом, *Слово стало плотью и обитало с нами* (Ин. 1, 14), то есть в той плоти, которую Оно заимствовало от человека и которую одушевило духом жизни разумной.

Таким образом, при сохранении свойств того и другого естества и при сочетании их в одно лицо, воспринято величием уничижение, могуществом немощь, вечностью смертность. Для уплаты долга естества нашего бесстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы один и тот же *посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5) и мог умереть по одному (естеству), и не мог умереть по другому, как того и требовало свойство нашего врачевания. Поэтому истинный Бог родился в подлинном и совершенном естестве истинного человека: всецел в Своем, всецел в нашем. Нашим же называем то, что Творец положил в нас в начале и что Он восхотел возвратить нам.

Ибо в Спасителе не было и следа того, что принес в человека искуситель и что прельщенный человек допустил (в себя).

И хотя Он сделался причастным человеческих немощей, но отсюда не следует, что сделался участником и наших грехов. Он восприял образ раба без скверны греха, возвеличивая человеческое и не уменьшая Божественного, потому что то истощание, по которому невидимый соделался видимым и по которому Творец и Владыка всех тварей восхотел быть одним из человеков, было снисхождением Его милосердия, а не недостатком могущества. Поэтому Тот, Который, пребывая в образе Божием, сотворил человека, Он же самый соделался человеком, приняв образ раба. Оба естества сохраняют свои свойства без всякого ущерба. Как образ Божий не уничтожает образа раба, так и образ раба не умаляет образа Божия. А так как диавол хвалился тем, что прельщенный его коварством человек лишился Божественных даров и, обнажившись от блага бессмертия,

подпал строгому приговору смерти, а он (диавол) в своем бедственном положении нашел некоторое утешение в том, что имел участника своей измены, что будто и Бог, по требованию Своего правосудия, переменил Свое определение о человеке, которого сотворил для такой чести, — то открылась нужда в домостроительстве тайного совета для того, чтобы и неизменяемый Бог, Которого воля не может лишиться свойственной ей благости, исполнил, посредством сокровеннейшего таинства, первое о нас определение Своей любви, и человек, впавший в грех по коварству злобы диавольской, не погиб вопреки Божественному намерению. Итак, Сын Божий, низойдя с небесного престола, приходит в эти дольние (страны) мира и, не разлучаясь от славы Отца, рождается новым способом, новым рождением. Новым способом, потому что Невидимый в собственном (естестве) стал видимым в нашем, Непостижимый благоволил сделаться постижимым, Предвечный начал быть во времени, Господь вселенной восприял образ раба, сокрыв безмерность Своего величия, бесстрастный Бог не возгнушался сделаться человеком, могущим страдать, и бессмертный — подвергнуться закону смерти. Новым же рождением рожден Он, потому что непорочное девство не познало похоти, и между тем доставило вещество плоти. Итак, Господь принял от Матери естество, но не грех.

А из того, что рождение это чудно, не следует, что естество Господа нашего Иисуса Христа, рожденного из утробы Девы отлично (от нашего). Ибо Тот, Который есть истинный Бог, есть вместе и истинный человек. И если уничижение человека и величие Божества взаимно соединились, то в этом единстве нет никакого превращения. Ибо как Бог не изменяется чрез милосердие, так человек не уничтожается чрез прославление. Каждое из двух естеств в соединении с другим действует так, как ему свойственно: Слово делает свойственное Слову, а плоть исполняет свойственное плоти. Одно из них сияет чудесами, другое подлежит страданию. И как Слово не отпало от равенства в славе с Отцом, так и плоть не утратила естества нашего рода. Ибо один и тот же (об этом часто нужно говорить) есть истинно Сын Божий и истинно Сын Человеческий: есть Бог, потому что *в начале было Слово, и Слово было у Бога, и было Слово Бог* (Ин. 1, 1); есть человек, потому что *Слово стало плотию и обитало с нами* (Ин. 1, 14); Бог, потому что *все через Него нáчало быть, и без*

Него ничто не начало быть (Ин. 1, 3); человек, потому что рожден от жены, был под законом (см.: Гал. 4, 4). Рождение плоти есть обнаружение человеческого естества; а что Дева рождает, это есть знамение Божественной силы. Младенчество Отрочати свидетельствуется бедными пеленами; величие же Всевышнего возвещается пением ангелов. Новорожденному человеческому (сыну) подобен Тот, Которого Ирод нечестивый хочет умертвить; но Господь вселенной есть Тот, Которому раболепно поклониться с радостью идут волхвы. Когда Он пришел принять крещение от Предтечи Своего Иоанна, тогда, дабы не утаилось, что под покровом плоти скрывается Божество, с неба возгремел глас Отца: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение* (Мф. 3, 17). Далее, Его, как человека, искушает диавольское коварство, и Ему же, как Богу, служат чины ангельские. Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человеку, но пять тысяч человек насытить пятью хлебами, но жене самарянской дать воду живую, от которой пьющий не будет уже более жаждать, но немокрыми ногами ходить по поверхности моря и утешением бури укрощать возмущение волн, без сомнения, есть дело Божественное. Как не одного и того же естества дело — и плакать из сострадания по умершем друге, и его же, по удалении камня от четверодневной могилы, воскрешать к жизни силою одного слова; или висеть на древе и в то же время превратить день в ночь и поколебать все стихии; или быть пригвожденным (ко кресту) и в то же время отверзать вере разбойника двери рая (о многом умалчиваем); так не одному и тому же естеству свойственно говорить: *Я и Отец — одно* (Ин. 10, 30) и — *Отец Мой более Меня* (Ин. 14, 28). Ибо хотя в Господе Иисусе одно лицо Бога и человека, однако, иное то, откуда происходит общее того и другого уничижение, и иное то, откуда проистекает общее их прославление.

От нашего (в Нем естества) у Него есть меньшее Отца человечество, а от Отца у Него есть равное с Отцом Божество. По причине этого-то единства лица, которое должно разуметь по отношению к тому и другому естеству, и о Сыне Человеческом читаем, что Он сошел с неба, тогда как Сын Божий восприял плоть от Девы, от Которой родился; и обратно о Сыне Божием говорится, что Он распят и погребен, тогда как Он потерпел это не Божеством, по которому Единородный совечен и единосущен Отцу, а немощным человече-

ским естеством. Отсюда все мы и в Символе (веры) исповедуем Единородного Сына Божия распятым и погребенным, сообразно с этими словами апостола: *ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы* (1 Кор. 2, 8). А когда Сам Господь наш и Спаситель, научая Своих учеников вере посредством вопросов, спросил: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? и когда на их ответ, что различные различно об этом думают, Он сказал: а вы за кого почитаете Меня? Меня, то есть Сына Человеческого, Которого вы видите в образе раба и в истинном теле, за кого вы Меня считаете? — Тогда блаженный Петр, по вдохновению свыше и на пользу от своего исповедания всем народам отвечал: *Ты — Христос, Сын Бога Живого* (Мф. 16, 13–16). И достойно назван блаженным от Господа и от этого первообразного Камня стяжал твердость и силы и имени своего тот, который по откровению Отца исповедал одного и того же и Сыном Божиим и Христом; потому что одно из этих (наименований), взятое отдельно от другого, не служило во спасение, напротив, одинаково было опасно исповедать Господа Иисуса Христа только Богом, а не вместе и человеком, или признавать Его простым человеком, а не вместе и Богом!

По воскресении же Господа, которое, конечно, есть воскресение истинного тела, так как не иной кто воскрес, а Тот же, Кто был распят и умер, что иное делалось в продолжение сорокадневного Его пребывания (на земле), как не то, чтобы чистота веры нашей была свободна от всякого мрака? Так, Он то беседовал с учениками Своими, общался и ел с ними, а тех из них, которых беспокоило сомнение, допустил осязать Себя тщательным и нарочитым осязанием, то входил к ученикам Своим, тогда как двери были заперты, давал им Духа Святого дуновением Своим и, даровав им свет разумения, открывал тайны Священных Писаний, то опять показывал рану в боку Своем, язвы от гвоздей, и все знаки недавнего страдания, говоря: *посмотрите на руки Мои и на ноги Мои, это Я — Сам: осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня* (Лк. 24, 39). И все это для того, чтобы убедить, что в Нем свойства божественного и человеческого естества пребывают нераздельно, и чтобы, таким образом, мы знали, что (в Нем) Слово не то же, что плоть, и исповедывали единого Сына Божия и Словом, и плотью (вместе). Этого-то таинства веры должно считать вовсе чуж-

дым этого Евтихия, который в Единородном Сыне Божием не признает нашего естества ни в уничижении смерти, ни в славе воскресения.

И не ужаснулся он суда блаженного апостола и евангелиста Иоанна, который сказал: *всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога, и всякий дух, который* разделяет Иисуса, *не есть от Бога, но это дух антихриста* (ср.: 1 Ин 4, 2–3). А что значит разделять Иисуса, как не отделять от Него человеческое естество и бесстыдными вымыслами упразднять таинство веры, которым одним мы спасены? Слепотствуя же в отношении к природе тела Христова, он по необходимости с такою же слепотою будет безумствовать о ней в состоянии страдания Его. Ибо если он не считает креста Господня за призрак и не сомневается, что страдание, воспринятое за спасение мира, было истинное (страдание), то он должен признать и плоть Того, смерти Которого он верует. Пусть не говорит он, что не нашего тела был Тот человек, Которого сам признает страдавшим, ибо отрицание истинной плоти есть отрицание и страдания плоти. Итак, если он приемлет христианскую веру и не отвращает своего слуха от проповеди евангельской, то пусть рассудит, какое естество, пронзенное гвоздями, висело на древе крестном; пусть размыслит, когда воин копьем отверз бок Распятого, откуда тогда истекла кровь и вода для омовения Церкви Божией банею и напоения чашею.

Пусть послушает и блаженного Петра, который проповедует, что освящение Духом бывает чрез окропление кровью Христовою (см.: 1 Пет. 1, 2). Пусть не мимоходом прочтет слова того же апостола: *зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровью Христа, как непорочного и чистого агнца* (1 Пет. 1, 18–19). Пусть не противится и свидетельству блаженного апостола Иоанна, который говорит: *и кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1, 7), и в другом месте: *сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровью... не водою только, но водою и кровью. И Дух свидетельствует о Нем (о Христе)... И три свидетельствуют... дух, вода и кровь; и сии три об одном* (1 Ин. 5, 4–6, 8), то есть дух освящения, кровь искупления и вода крещения. Эти три

составляют одно и пребывают нераздельными; ни одно из них не отделяется от своего единства, так как Кафолическая Церковь живет и преуспевает тою именно верою, чтобы во Христе Иисусе не исповедовать ни человечества без истинного Божества, ни Божества без истинного человечества.

Евтихий, отвечая на пункты вашего допроса, говорил: „Исповедую, что Господь наш прежде соединения был из двух естеств, по соединении же исповедую одно естество“. Удивляюсь, что столь безрассудное и столь нечестивое исповедание его не было порицаемо никакою укоризною со стороны судивших (его), и что эти слишком безумные и слишком хульные слова оставлены без внимания, как бы не было выслушано ничего оскорбительного! Тогда как столько же нечестиво говорить, что Единородный Сын Божий был двух естеств до воплощения, сколько нелепо утверждать, что в Нем одно естество после того, как Слово плоть бысть. Чтобы Евтихий не стал считать мнения своего или верным, или сносным на том основании, что оно не было опровергнуто ни одним вашим голосом, то убеждаем тщание любви твоей, возлюбленный брат, очистить невежественного человека и от этого пятна на его сознании, если, по действию милосердия Божия, дело его примет добрый оборот, ибо он хорошо начал было отступать от своего убеждения (как видно из хода соборных деяний), когда по вашему требованию обещался признавать то, чего прежде не признавал, и успокоиться на той вере, которой прежде был чужд. Но когда он не захотел изъявить согласия предать анафеме (свой) нечестивый догмат, то ваше братство из этого заключило, что он остается в своем нечестии и заслуживает приговора осуждения. Впрочем, если он искренно и нелицемерно кается и сознает, хотя бы и поздно, как справедливо подвиглась против него власть епископская, или если он, для полного оправдания, осудит все свои худые мысли и устно, и собственноручною подписью, то милосердие к исправившемуся, как бы оно ни было велико, не будет предосудительно. Ибо Господь наш, истинный и добрый Пастырь, душу Свою положивший за Своих овец и пришедший спасти души человеческие, а не погубить, хочет, чтобы мы были подражателями Его человеколюбия, то есть чтобы согрешающих обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердие.

Тогда, собственно, с полным успехом защищается истинная вера, когда ложное мнение осуждается самыми последователями своими.

Уповаем на содействие помощи Божией, что заблудивший, осудив неправоту своего образа мыслей, спасется.

Бог да сохранит тебя в здравии, возлюбленный брат!»

Послание заканчивалось заявлением папы: «Для верного и беспристрастного исследования всего дела мы отправили (на предстоящий собор) вместо себя братий наших — епископа Юлиана и пресвитера Рената и еще сына моего, диакона Илария. К ним присоединили мы нотария нашего Дульцития, которого вера много раз испытана нами». Из этого заявления папы видно, что ходатайство Евтихия пред императорской властью о созвании нового собора было уважено. Действительно, пользуясь покровительством недруга архиепископа Флавиана, всемогущего министра Хрисафия, руководившего волею слабого и бесхарактерного императора Феодосия, Евтихий добился, что через четыре месяца после его осуждения императором объявлено было созвание нового общецерковного собора для исследования неодинаковых догматических воззрений на Лицо Богочеловека и образ соединения в Нем двух естеств и для пересмотра определений Константинопольского собора по делу Евтихия. Предполагалось, что вновь созываемый собор будет Вселенским, как и собор 431 года, — на него созывались представители-иерархи от всех главнейших церквей времени. Но не таков был суд промысла Божия: в истории этот собор приобрел наименование не IV Вселенского, а «разбойничьего» собора[1] за его деятельность, направленную к торжеству не Православия, но еретического мудрования. Уже одно то обстоятельство, что собор созывался по желанию Евтихия и его приверженцев, мало предвещало хорошего для Православия и его защитников. Поэтому-то видные поборники истины православной, как, например, Флавиан, архиепископ Константинопольский, и папа Лев, несочувственно относились к созыву нового собора, предугадывая, какие смуты и беспорядки он внесет в Церковь. Основание для подобных опасений находилось в распоряжениях высшей светской

---

[1] Так в первый раз собор назван был современным ему папой Львом Великим, явившимся истинным оплотом Православия в это трудное и тяжелое для Восточной Церкви время. Папа Лев скончался 10 ноября 461 года. Память его Православною Церковью совершается 18 февраля/3 марта.

власти, предшествовавших открытию собора. Так, указом императора устранялся от присутствия на предстоящем соборе проницательный враг монофизитства блаженный Феодорит, имевший горькие недоразумения и пререкания со святым Кириллом, — и устранялся, конечно, не как противник святого Кирилла, а как возможный и сильный противник Евтихия[1]; наоборот, на собор нарочитым указом с правом голоса призывался архимандрит Варсума из Сирии, хотя по канонам членами собора могли быть только епископы. Такое исключение для Варсумы делалось потому, что он, как говорил указ, «ведет борьбу против некоторых восточных епископов, зараженных нечестием Нестория», то есть, вернее, против православных епископов, которых монофизиты называли несторианами за то, что, вопреки Евтихию, они учили о двух естествах во Христе и по воплощении. Указом же императора председательство на соборе поручено было Диоскору, архиепископу Александрийскому, примкнувшему к сторонникам Евтихия и находившемуся в связях с Хрисафием[2]. Елпидию, члену императорского совета, и Евлогию, трибуну и нотарию претории, особой инструкцией повелено было императором, чтобы

---

[1] В высочайшем послании, адресованном Диоскору, архиепископу Александрийскому, читаем: «Феодориту Кирскому мы повелеваем не прежде прийти на собор, как когда угодно будет всему собору, чтобы и он присутствовал на нем. Если же возникнет какое-либо разногласие касательно его, то мы повелеваем собраться собору без него и решить то, что повелено». По-видимому, это устранение Феодорита с собора было условным, но, в сущности, ввиду преобладания на соборе сторонников Евтихия, оно было окончательным.

[2] История ничего не знает о воспитании и образовании Диоскора: ей известна только его деятельность как человека, проникнутого враждою к истине, ревностью к заблуждению и ненавистью к имени святого Кирилла за его деятельность в создании и защите унии. По своим догматическим воззрениям Диоскор был чистым монофизитом и еще до Константинопольского собора находился в сношениях с монофизитами всех стран, которые и действовали под его руководством во главе с Евтихием. Когда поднялось дело Евтихия после Константинопольского собора, Диоскор, естественно, встал на его сторону. К этому его побуждала и борьба за иерархическое первенство. Епископы Константинополя, вследствие близости к императору, приобрели первенство чести между всеми епископами Востока и исключительное влияние на дела церковные. Александрийская Церковь, как более древняя и притом апостольского происхождения, могла почитать себя имеющею больше прав на это первенство. Дело Евтихия открывало Диоскору удобный случай явиться судьею Константинопольского патриарха и, следовательно, первенствовать над ним.

они следили, «что будет сделано святым собором в Ефесе, и не допускали ни в каком случае никакого беспорядка. Если же усмотрите, что кто-нибудь начинает возмущение или беспорядки (на соборе) в оскорбление святой веры, такового отдавать под стражу... Те, кто прежде судил архимандрита Евтихия, должны присутствовать и молчать на соборе, не имея звания судей, но ожидать общего мнения всех прочих отцов, потому что ныне осуждается то, что определено было прежде самими ими». То есть у архиепископа Флавиана с его сторонниками отнималось даже право говорить в свою защиту под страхом за нарушение императорской воли попасть под стражу. Инструкция заканчивалась указанием на то, что Елпидию с Евлогием давалась в распоряжение воинская сила, а через них она поступала на служение монофизитствующим, преобладавшим на соборе.

Эти предсоборные распоряжения императора заключились его посланием к самому собору. Послание так объясняло причины созыва собора и указывало такую общую цель его деятельности: «Так как боголюбезный епископ Флавиан захотел возбудить какой-то вопрос о святой вере против почтеннейшего архимандрита Евтихия и, созвав совет, начал что-то делать, то мы, относясь несколько раз к этому боголюбезнейшему епископу, желали воспрепятствовать возбужденному беспорядку, будучи достаточно убеждены в православной вере, преданной нам святыми отцами, бывшими в Никее, и утвержденной святым собором, бывшим в Ефесе. Но хотя мы и многократно убеждали этого благочестивейшего епископа оставить такое исследование, чтобы это не сделалось причиною беспорядков во всей вселенной, однако же он не успокоился. Рассудив, что небезопасно без вашего святого собора и без предстоятелей святых церквей произвести такое исследование о вере, мы сочли необходимым собраться вашей святости, чтобы вы исторгли весь диавольский корень из святых церквей и извергли ревнующих о богохульстве нечестивого Нестория или благоприятствующих ему, и неприкосновенность православной веры сделали бы прочною и непоколебимою, потому что вся наша надежда и крепость нашей империи зависят от православной веры в Бога и от ваших святых молитв».

При столь неблагоприятных условиях для защитников православной истины собор открылся в Ефесе 8 августа 449 года; заседания его происходили в храме Пресвятой Девы Марии, как и заседа-

ния III Вселенского собора. Число отцов собора колеблется между ста двадцатью двумя и ста тридцатью. Из деяний собора, предшествовавших появлению на нем Евтихия, нельзя не отметить, что на соборе не было допущено прочтение послания Льва Великого, очевидно, как неблагоприятного для Евтихия и Диоскора — как направленного против их еретического учения.

Когда, по предложению Елпидия, на собор был позван Евтихий, то ему предложили изложить пред собором «полезные для него оправдания». Свое объяснение Евтихий начал словами, показывавшими, что в отцах собора он видел своих единомышленников: «Я поручил себя, — сказал Евтихий, — Отцу, Сыну и Святому Духу, и вас имею свидетелями своей веры, за которую я подвизался вместе с вами». Затем он подал отцам собора две письменные статьи, содержащие его исповедание веры. Здесь Евтихий, прежде всего, жаловался на «наветы» против него Константинопольского собора за то, что он «не согласился мудрствовать против той веры, которая изложена святыми отцами в Никее». Далее, не высказывая прямо своего учения о соединении двух естеств во Христе, Евтихий приводит полностью Никейский символ и добавляет, что он твердо держит постановления Никейского и Ефесского соборов и проклинает всех еретиков, начиная с Симона-волхва. За таким исповеданием следовал ряд жалоб Евтихия на архиепископа Флавиана и Константинопольский собор: что (будто бы) Евсевий Дорилейский, обвиняя его на соборе в ереси, не указал последней прямо и определенно; что собор, знавший об обещании Евтихия не выходить из монастыря и тем не менее вызывавший его для судебного разбирательства, хотел только осудить его как человека непослушного Церкви, в расчете, что он не придет на собор; что на самом соборе, когда он, вопреки ожиданию, явился, ему не дали возможности говорить в свое оправдание, но «вдруг, — клеветал Евтихий, — прочитано было осуждение против меня, составленное заранее»; что самые деяния Константинопольского собора (будто бы) впоследствии были переделаны ко вреду для него, Евтихия. «Итак, прошу теперь, — заканчивает Евтихий свое исповедание или, вернее, клеветнические обвинения собора Константинопольского и его председателя, — обсудить возведенную на меня клевету и неправду и происшедшее от этой причины беспокойство во всех Церквах и возникший отсюда для многих

соблазн, предать виновников всего этого церковным наказаниям и вырвать всякий корень хуления и нечестия».

Архиепископ Флавиан, обвиняемый Евтихием, потребовал было, чтобы на собор вызван был Евсевий Дорилейский для представления обвинительных пунктов на Евтихия. Но Елпидий, чиновник императора, не дозволил этого, заявив о повелении императора, чтобы судьи Евтихия (на Константинопольском соборе) стали в ряду подсудимых и не имели права голоса. Вместо исполнения просьбы Флавиана он повелел, чтобы прочтены были и подвергнуты обсуждению деяния собора Константинопольского 448 года.

При чтении этих деяний с полною очевидностью обнаружилось еретичество (монофизитство) председателя сборища Диоскора и большей части составлявших его епископов. Когда чтение привело к вопросу, заданному Евсевием Евтихию на Константинопольском соборе: «Исповедуешь ли ты два естества после воплощения?», то многие из членов сборища закричали: «Возьмите, зажгите Евсевия (Дорилейского), пусть он живой горит, пусть он обратится в двух; как разделил он Христа, пусть он сам разделится». Видя благоприятный для себя оборот дела, Диоскор обратился к епископам с вопросом: «Терпимо ли для вас это выражение, где говорится о двух естествах после воплощения?» «Анафема тому, кто говорит это!» — воскликнул собор. Так провозглашена была за истину ересь монофизитская на незаконном соборище, а Православие было попрано. Конечно, Евтихий, как главный поборник монофизитской ереси, был затем объявлен православным и восстановлен в достоинстве архимандрита и сане пресвитера.

Теперь пришел черед суда над Флавианом, архиепископом Константинопольским. По заранее составленному плану как раз в это время на собор явилось несколько монахов из монастыря Евтихия с челобитной, содержавшей самые несправедливые жалобы на архиепископа. «Флавиан, — говорила челобитная, прочитанная по приказанию Диоскора на соборе, — осыпал клеветами и хулами нашего пастыря Евтихия и под видом благочестия нашел несправедливый предлог к его осуждению, нам же приказал избегать своего пастыря и не говорить с ним, а монастырское имущество под предлогом помощи бедным велел беречь для самого себя, ибо он торговал им; Святой алтарь, который водрузил Евтихий за шесть месяцев до

умышленного извета на него, стоит без божественного жертвоприношения... Мы же сами были связаны несправедливым его осуждением. Поэтому, — заканчивалась челобитная, — умоляем ваш Святой собор сжалиться над нами, потерпевшими такое несправедливое наказание, возвратить нам церковное общение, несправедливо отнятое, и ему, совершившему это (то есть Флавиану), воздать возмездие за то, что он несправедливо судил». Из трехсот монахов Евтихиева монастыря челобитную подписало только тридцать пять, так что дело здесь, без сомнения, не совсем чисто. Монахи были приняты собором в церковное общение, а челобитная их создала Диоскору удобную почву для дальнейших козней против неповинного Константинопольского архиепископа. Диоскор приказал прочесть определения III Вселенского собора и затем спросил: «Думаю, всем нравится Никейское определение веры, которое собор Ефесский утвердил и определил содержать его одно? Мы знаем, что отцы этого собора постановили: если кто вопреки этому будет говорить или мудрствовать, или вводить новое, тот подвергается осуждению. Что вы думаете об этом? Можем ли мы исследовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо исследовал свыше того, что сказано, определено и одобрено, не будет ли он по всей справедливости подлежать осуждению отцов? Пусть каждый скажет, того ли он мнения?»[1] Собор дал утвердительный ответ большинством голосов. Тогда Диоскор, поднявшись со своего места, в следующих словах внес предложение о применении Ефесского правила к Флавиану и Евсевию Дорилейскому: «Флавиан, бывший епископ Церкви Константинопольской, и Евсевий Дорилейский, как ясно видит это Святой и Вселенский собор, оказываются почти все отвращающими и перестраивающими, и подали повод к соблазну и смятению святым церквам и всем православным народам. Ясно, что они сами себя подвергли наказаниям, некогда соборно определенным нашими святыми отцами; поэтому и мы, утверждаясь на определениях отцов, присуждаем упомянутых Флавиана и Евсевия к лишению всякого священнического и епископского достоинства». Мнение Диоскора было единодушно принято монофизитами и подписано всеми чле-

[1] Нельзя не отметить, что Правило III Вселенского собора, запрещающее изменение символа, Диоскор, в целях применения его к Флавиану, неправильно истолковывает, как запрещение всякого богословствования.

нами собора. Флавиан с Евсевием были лишены церковного достоинства. Впоследствии Флавиан был изгнан и в изгнании окончил свою жизнь. Евсевий Дорилейский после собора претерпел столько бед, что позднее называл Диоскора своим убийцей. Диакон Иларий, легат папы, «едва убежал» с собора и лишь окольными путями добрался до Рима. Блаженный Феодорит, не присутствовавший на соборе, был лишен сана и заточен в монастырь. Ива, митрополит Эдессы, был анафематствован.

Так монофизитская ересь восторжествовала над истиною Православия и восторжествовала, как открылось позднее на истинном соборе Вселенском — Четвертом, путем неправды и насилия. Мрачная туча еретичества нависла почти над всем Востоком. Но Господь не замедлил прийти на помощь Своей Церкви чрез Своего достойного служителя святого Льва Великого. Получив известия от диакона Илария и от архиепископа Флавиана о деяниях «разбойничьего» собора, Лев Великий обратился с посланием к императору Феодосию и к сестре его Пульхерии, где, отмечая незаконные действия только что закончившегося собора, указывал на необходимость созвания нового Вселенского собора, «который бы все возникшие несправедливости так порешил или укротил, чтобы более не оставалось какого-нибудь сомнения в вере или разделения в любви». Святой Лев обратился также с двумя посланиями, одно за другим, к клиру и народу константинопольскому. «Кто мыслит по-монофизитски, — внушал в своих посланиях ревностный ратоборец Православия, — того увлекает в сообщество с собою Арий, развращению которого много благоприятствует это нечестие, отрицающее естество человеческое в Боге Слове... Кто не признает человеческого естества, воспринятого Единородным Сыном Божиим во чреве Дщери Давидовой, тот отлучает себя от всякого таинства веры христианской и, не зная Жениха (Христа), не разумея и Невесты (Церкви), не может быть участником в братском пиршестве (спасении). Плоть Христа есть покров Слова, которым облекается всякий, кто исповедует это Слово. А кто стыдится Его и отвергает как бы недостойное (плоть Его), тот не может получить от Него никакого украшения, и хотя бы такой приступил к царскому торжеству и присоединился нагло к священной вечери, впрочем, как бесчестный собеседник, (он) не может утаиться от разборчивости Царя, но, как засвидетельствовал Сам Господь, бу-

дет взят и, связанный по рукам и ногам, отошлется в кромешную тьму, где будет плач и скрежет зубов (см.: Мф. 22, 13). Поэтому, кто не исповедует во Христе человеческого тела, тот сам признал себя недостойным таинства воплощения и не может иметь участия в этом таинстве». «Не думайте, возлюбленные, — обращался святой папа со словами ободрения к Восточным Церквам, — будто над святою Церковью или теперь не достает, или не будет впредь Божественного промысла. Чистота веры тогда-то и сияет, когда отделяется от нее примесь заблуждений. Провидение всегда являет своим необходимую помощь», и всемогущий Глава Церкви не замедлил явить оправдание такой веры в Его промыслительную деятельность: покровитель монофизитов император Феодосий вскоре скончался; его место занял в августе 450 года, по избранию войска и сената, глубоко преданный Православию[1] полководец Маркиан, вступивший, затем, вскоре в супружество с известною своею ревностью к Православию сестрою Феодосия Пульхериею[2]. Дела церковные приняли новый благоприятный для православных оборот. Мысль Льва Великого о созвании нового собора Вселенского пришла в осуществление. Собор был назначен в Никее[3], а затем, для удобства наблюдения за ходом его дел для императора, он перенесен был в Халкидон, отделяв-

---

[1] Свое православие Маркиан выразил главным образом созванием IV Вселенского собора; он заявил его и тотчас по своем вступлении на престол, когда распорядился, чтобы останки умершего в изгнании архиепископа Флавиана были перенесены и торжественно положены в Константинопольском храме святых апостолов, где погребались епископы Царьграда. Затем Маркиан приказал возвратить из ссылки на их кафедры епископов, изгнанных вследствие осуждения на «разбойничьем» соборе.

[2] Отцы IV Вселенского собора свидетельствуют о Пульхерии, что она «всю жизнь проводит в молитве» и что у нее «беседа в псалмах». Память святой благоверной царицы Пульхерии совершается Православной Церковью 10/23 сентября.

[3] Указ об этом был издан 1 сентября 451 года и гласил: «Всем занятиям должны быть предпочитаемы божественные дела. А так как возбуждены некоторые недоумения касательно нашей православной веры, то нам благоугодно, чтобы составился святой собор в Никее, дабы при общем согласии всех, по точном исследовании истины и по устранении всякого пристрастия, которым уже злоупотребляли некоторые и возмущали православное благочестие, яснее открылась истинная вера и уже не могло быть никакого сомнения и разногласия. Если не воспрепятствуют военные походы, мы сами лично будем присутствовать на досточтимом соборе».

шийся от Константинополя только проливом Босфорским. Здесь собор открылся 8 октября в великолепном и обширном храме святой мученицы Евфимии. Число отцов собора было очень велико — от шестисот до шестьсот тридцати, столько не бывало ни на одном из бывших до него соборов. Наиболее видными членами его были: Анатолий, архиепископ Константинопольский, Максим, архиепископ Антиохийский, Ювеналий Архиепископ Иерусалимский, Фалласий, епископ Каппадокийский, и легаты папы — епископы Пасхазин и Луценций и пресвитер Бонифаций; присутствовало также множество сановников военных и гражданских, не принимавших, впрочем, участия в деяниях собора при рассмотрении дел чисто церковных, например в случае суда над епископом.

Деятельность IV Вселенского собора в Халкидоне состояла 1) в суде над «разбойничьим» собором 449 года и главою этого собора Диоскором Александрийским и 2) в раскрытии истинного вероучения о соединении двух естеств в лице Богочеловека.

1. На первом же заседании собора, происходившем 8 октября, по настоянию папских легатов Диоскор Александрийский, занимавший место наряду с прочими отцами, должен был выйти из ряда епископов и сесть посредине, как подсудимый, лишившийся права подавать голос. Тогда выступил на средину в качестве истца Евсевий Дорилейский, много претерпевший на соборе «разбойничьем». «Я оскорблен Диоскором, — заявил Евсевий, — оскорблена вера, он умертвил епископа Флавиана и несправедливо осудил его вместе со мною; повелите принять мое прошение». В этом прошении Диоскор обвинялся главным образом в том, что «собрав буйную толпу народа и приобретши себе могущество деньгами, оскорбил веру православных, сколько мог, и утвердил нечестие монаха Евтихия». «Так как, — писал Евсевий, — посягательство его (то есть Диоскора) на веру и на нас (то есть самого Евсевия и Флавиана) велико, то просим, чтобы повелено было Диоскору защищаться против того, в чем мы его обвиняем». Начался пересмотр деяний Константинопольского собора 448 года и Ефесского «разбойничьего» собора. Чтение деяний последнего собора было прервано, когда оглашался уже известный нам императорский указ, разрешавший Феодориту Кирскому присутствие на соборе условно, если того пожелает самый собор. При этом упоминании о Феодорите Кирском потребовали, чтобы

этот ревностный защитник Православия против монофизитства был допущен на соборные заседания. Появление Феодорита вызвало целую бурю среди отцов: одни, сторонники Диоскора, кричали, чтобы удалили Феодорита; другие, защитники православия, требовали удаления Диоскора. Восклицания, которыми обменивались обе стороны между собою, произвели немалый шум и смятение, которые удалось утишить лишь сановникам и сенаторам, обратившимся с такой просьбой к виновникам смуты: «Ради Бога! Лучше не препятствуйте слушать, позвольте прочитать все по порядку». Когда дошли до указа императора, назначавшего Диоскора председателем собора, и когда последний пытался было сложить с себя часть ответственности за незаконные действия на епископов Ювеналия, Фалласия, на весь собор и императора, то епископы Антиохийского округа заявили: «На осуждение епископа Флавиана и епископа Евсевия на соборе Ефесском никто из православных епископов не был согласен: сделано было насилие — с побоями мы подписали нужную бумагу, на которой после и написано осуждение упомянутых епископов. Нам угрожало осуждение, нам угрожала ссылка; воины стояли с палками и мечами, и мы были приведены ими в страх: где палки и мечи, какой тут собор. Воины низложили Флавиана и Евсевия более чем мы, а что мы сделали, то сделали из страха». Это общее заявление о насилиях и устрашениях, производимых Диоскором, подтвердили с уяснением более частных и поистине вопиющих по нарушению справедливости подробностей: Стефан, епископ Ефесский, Феодор, епископ Клавдиопольский, Василий, епископ Селевкии Исаврийской. По заявлению многих обнаружилось также, что знаменитое послание папы Льва «умышленно было удержано (от чтения) Диоскором», хотя он «семь раз клялся пред всеми, что велит его прочитать». К концу чтения деяний собора Ефесского, раскрывавшего все новые и новые злоупотребления Диоскора, осветившего всю преступность его действий, епископы, принимавшие участие в Ефесском соборе и в той или иной степени повинные в его незаконных деяниях, глубоко раскаялись в своем грехе и много раз восклицали пред лицом собора: «Все мы просим прощения». Лишь Диоскор с несколькими египетскими епископами продолжал упорствовать в еретичестве и даже открыто, пред лицом собора, заявил свои еретические монофизитские воззрения.

Убедившись в злоупотреблениях «разбойничьего» собора, отцы IV Вселенского собора произнесли свой приговор над ним, но так, что большинство составлявших его лиц, ввиду их искреннего раскаяния, не было лишено епископского сана. Приговор был встречен отцами собора с восторженными кликами.

Вопрос о Диоскоре, по причине ожесточенного пребывания последнего в ереси, рассматривался особо на заседании 13 октября. На этом заседании Евсевий Дорилейский вошел в собор с просьбой подвергнуть Диоскора наказаниям за его нарушавшее справедливость отношение к нему, Евсевию, к архиепископу Флавиану и «к благочестию и священным канонам», чтобы в продолжение остальной жизни (Диоскор) «служил примером для вразумления тех, которые бы вздумали поступать подобно ему». Вместе с этим на Диоскора подано было множество жалоб клириками и одним мирянином Александрийской церкви — жалоб, обвинявших ее предстоятеля Диоскора в гонениях на родственников и близких святого Кирилла и в присвоении церковного имущества. Все эти прошения были приняты собором, который и решил пригласить Диоскора для личных объяснений. Но, несмотря на троекратное приглашение, Диоскор под разными предлогами отказывался явиться на собор; последний, поэтому, постановил свой приговор об нем заочно. «Собор узнал, — обратился легат папы Пасхазий к отцам собора, — что епископ Диоскор, вызванный три раза к ответу своим обвинителем, сознавая себя виновным, презрел приказание собора прийти сюда. Пусть святые отцы объявят своими устами, чего достоин презирающий таким образом волю собора!» Собор ответствовал: «Осуждения, положенного канонами против непокорливых». Диоскор был низложен, и приговор собора утвержден императором; затем Диоскор был сослан на жительство в город Гангры[1].

2. Обсуждение отцами собора вопроса о соединении во Христе Иисусе двух естеств открылось заявлением собору предложения о составлении нового вероопределения, устраняющего лжеучение монофизитов и примиряющего всех: «До́лжно исследовать, рассуждать и стараться о том, — говорило предложение, — чтобы утвердить ис-

---

[1] В Пафлагонии. Здесь Диоскор умер в 454 году. Вопрос о еретике Евтихии отцами собора не рассматривался; известно, однако, что Евтихий по окончании собора был подвергнут ссылке.

тинную веру, ради которой по преимуществу и составился собор; желательно было бы, чтобы учение о предметах веры было правильное и всякое сомнение было устранено согласным изложением и учением всех святых отцов (собора); потщитесь без страха, без угодливости и вражды изложить веру в чистоте, так, чтобы и те, кои мудрствуют неодинаково со всеми, снова приведены были познанием истины к единомыслию».

При обмене мнений по поводу этого предложения, после некоторых, довольно продолжительных разногласий, собор пришел к единодушному решению прочесть некоторые творения соборов и отцов Церкви, где с особенною ясностью выражалась истина Православия. Прежде всего прочитан был символ Никейский, законченный при кликах отцов собора: «Это вера православных! Ею все веруем, в ней мы крестились, в ней крестим. Все так веруем!» Нашел единодушное признание, по его прочтении, и символ Константинопольский 381 года, церковный авторитет которого до сих пор еще не был прочно установлен. Все епископы собора, выслушав Константинопольский символ, восклицали: «Это вера всех! Это вера православных!» Вслед за чтением символов собор приступил к чтению святоотеческих писаний, в которых находилось ясное и определенное учение о целости и полноте во Христе Иисусе двух естеств, причем указание на единение их отмечалось не с такою силою, как указание на различие. Сначала прочитаны были сочинения святого Кирилла Александрийского, читанные ранее на Константинопольском соборе 448 года: послание святого Кирилла к Несторию и знаменитое послание святого отца, написанное по совершении унии. Чтение этих произведений святого Кирилла было покрыто радостными кликами: «Так веруем! Как Кирилл, так веруем!» За этими сочинениями святого Кирилла Александрийского прочитано было окружное послание святого Льва Великого; чтение последнего послания сопровождалось пререканиями, так как некоторые епископы, бывшие ранее на стороне Диоскора, находили послание по местам сомнительным относительно Православия; поэтому собор был вынужден разъяснять истинный смысл подозрительных мест послания чрез сличение их с авторитетными для сомневающихся сочинениями святого Кирилла. Сомневающиеся, однако, не удовлетворились этим и потребовали, чтобы отцы, принимающие послание святого

Льва Великого, анафематствовали разделяющих во Христе два естества в смысле несторианском, и только после этого они приняли послание. Затем следовали отрывки из отеческих творений, в которых, как и в послании Льва Великого, с особенною выразительностью отмечалось учение о полноте двух естеств во Христе. Так, читались: из сочинений Илария Пуатьерского († 366 г.): «Видишь ли, что Христос Богом и человеком исповедуется так, что смерть приписывается человеку, Богу воскрешение плоти. Естество Бога познай в силе воскресения, домостроительство человека уразумей в смерти. Однако помни, что единый Христос Иисус есть то и другое»; из сочинений святого Григория Богослова: «Произошел от Девы Бог с восприятием (естества человеческого), един из двух между собою противоположных — плоти и Духа, из которых одно возведено в Божеское достоинство, а другое дало благодать обожения»; «Правда, Он послан, но как человек, ибо в Нем было сугубое естество: почему Он утомлялся и алкал, и жаждал, и подвизался, и плакал по закону человеческого тела». Среди отрывков из сочинений святого Амвросия Медиоланского, между прочими, читано было: «Удержим различие Божества и плоти. В том и другом говорит Сын Божий, потому что в Нем то и другое естество. Хотя говорит один и тот же, но не всегда одинаковым образом. Примечай в Нем то славу Бога, то страдания человека. Как Бог, Он говорит о Божественном, потому что Он есть Слово (Божие); как человек, говорит о человеческом, потому что говорит в этом (человеческом) естестве». Из сочинений святого Иоанна Златоуста избрано было для чтения следующее место: «Итак, Он принес начатки нашего естества Отцу: Отец столь был ущедрен даром, как по великому достоинству Принесшего, так и по чистоте Принесенного, что принял его (дар) собственными руками, соделал участником Своего престола, и даже более того — положил его одесную Себя». В заключение собором читаны были отрывки из сочинений святого Кирилла «О вочеловечении» и между ними такие изречения святого отца: «Он (то есть Христос) явился на земле, не оставляя того, чем был, но восприяв наше человечество, совершенное в своем смысле»; «Обитающее понимается обыкновенно, как иной в ином, то есть Божеское естество в человечестве, не потерпевшее смешения или слияния какого и превращения в то, чем прежде не было. Ибо то, о чем говорится как

обитающем в другом, не стало тем же, в чем обитает, напротив, считается иным в ином».

Наконец собор приступил к составлению вероопределения, чтобы провозгласить православное учение о Богочеловеке. При этом «было много споров, прений, высказано много недовольства, недоверия; но все это не помешало собору иметь самый вожделенный конец: провозгласить чистейшее учение о Богочеловеке. Споры и раздоры были как бы горнилом, в котором испытывалось достоинство истины. После этого испытания истина должна была воссиять во всем своем блеске, стать истиною непререкаемою во все времена. Кратковременная распря положила конец столетнему спору, который имел место в Церкви до этого времени, и предотвратила споры в Церкви на будущее время». Как только открылось пятое заседание, так в слух отцов собора прочитано было вероопределение, очевидно, составленное не в присутствии всего собора и не на его официальных заседаниях. Чтение этого вероопределения вызвало горячие и продолжительные прения между отцами собора; Иоанн, епископ Германикийский, первый возвысил голос протеста, сказав по прочтении вероопределения: «Нехорошо составлено вероопределение и должно быть исправлено». Тогда патриарх Анатолий предложил вопрос отцам собора: «Нравится ли вам определение?» Большинство епископов воскликнуло: «Определение нравится всем. Это вера отцов. Мудрствующий противно этому — еретик. Если кто мудрствует иначе, да будет анафема. Несториан — вон». Но римские и некоторые восточные епископы не были довольны вероопределением, так как оно не с тою осязательною ясностью, какая была желательна им, излагало учение о полноте двух естеств во Христе Иисусе. Видя разногласие и желая его уничтожить, патриарх Анатолий заметил, что накануне «всем нравилось определение веры». Епископы, принимавшие определение, опять воскликнули: «Определение всем нравится, иначе не веруем. Анафема верующему иначе. Вера пусть не терпит обмана. Святая Дева пусть пишется Богородицею; так в Символ прибавить». Этим требованием прибавления слова *Богородица* епископы, очевидно, хотели указать на нераздельное единение естеств во Христе. Легаты с своей стороны опять заявили: «Если не соглашаются с посланием папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим собор окончится». Очевидно, легаты

находили мало соответствия между составленным вероопределением и посланием папы Льва, которое решительно и определенно выражало мысль о двух совершенных природах во Христе. Видя, что прения между епископами затягивались и не замечалось благоприятного исхода, в них вступают императорские сановники, присутствовавшие на заседаниях. Став на сторону протестующих, сановники предложили пересмотреть вероопределение чрез особо на то уполномоченных от собора епископов по шести и по три от важнейших округов под председательством Анатолия, в присутствии легатов и в особом урочном месте. Но это предложение было с криками отвергнуто теми епископами, которые принимали вероопределение. Тогда императорские чиновники обратились с увещанием к епископам, не желавшим пересмотра; убеждая отцов собора изъять из вероопределения выражение «из двух естеств», как употребляемое осужденным еретиком Диоскором, а вместо него внести изречение «два естества», за которое пострадал муж Православия Флавиан и которое, за его точность, употреблялось и Львом, и Халкидонским собором. «Ведь, — говорили они, — вы все приняли послание Льва?» и после утвердительного ответа на этот вопрос, заметили: «Итак, заключающееся в нем внести в определение». Но и убеждения сановников не могли заставить отцов, желавших оставить вероопределение без изменения, отказаться от этого желания. Об этом доложено было императору Маркиану. Последний обратился к собору с таким именным указом: пусть вероопределение будет пересмотрено или тем путем, какой указывали сановники, или же чрез первенствующих митрополитов на самом соборе. В случае же несогласия на это предложение собор объявлялся закрытым. Но и строгое решение императора осталось без воздействия на епископов, не хотевших пересмотра; они говорили: «Или пусть имеет силу определение, или мы уйдем». Таким образом дело еще более осложнялось. Но что казалось едва достижимым для человеческих сил, то, по благодати Святого Духа, осуществилось самым простым образом.

Императорские чиновники снова повторили свои слова, уже сказанные, было, собору, «и единодушие самое полное, вожделенное, самое священное водворилось на соборе». «Диоскор, — сказали сановники, — говорил: „из двух“ естеств (то есть Христос слагается) принимаю, но „два“ естества (то есть неслиянные) не принимаю.

А святой Лев говорит, что во Христе два естества соединены неслитно, неизменно и нераздельно в одном Единородном Сыне, Спасителе нашем. Итак: кому следуете, Льву или Диоскору?» «Как Лев веруем! Противоречащие евтихианисты! Лев изложил православно!» — единодушно воскликнули отцы собора. Воспользовавшись этим единодушием, сановники предложили внести в вероопределение мысль Льва Великого, что во Христе два естества соединены неслитно, неизменно и неразлучно. Это предложение было принято без возражений. Тотчас, по прошению всех, избрана была комиссия из епископов — предстоятелей важнейших округов, которые на короткое время и удаляются с собора для произведения изменений в вероопределении. По возвращении членов комиссии было прочитано вероопределение Халкидонского собора, покрытое единодушными кликами восторга.

Этот замечательный в истории христианства документ состоит из обширного введения и краткого вероопределения. Во введении указываются те догматические произведения христианской Церкви, которые необходимо признавать каждому верующему, желающему по истине, а не по имени только, носить имя православного. Здесь отмечен был символ Никейский, а за ним Константинопольский II Вселенского собора, причем о последнем символе вероопределение говорит с особенною похвалою и уважением. Так «символ Константинопольский после продолжительного бурного плавания среди споров и разногласий о нем, наконец, благодаря Халкидонскому собору, вступает в тихую пристань». Вероопределением утверждались постановления III Вселенского собора, о котором все еще ходили споры, вселенский он или нет. Вероопределение отличает следующие святоотеческие писания, имевшие важное значение для решения вопроса о лице Богочеловека: послание святого Кирилла Александрийского к Несторию, читанное на Константинопольском соборе 448 года, и его же послание «к восточным», писанное по совершению унии. Таким образом, святые мужи, стоявшие за унию, «недаром пострадали от собора „разбойничьего“ — их кровь вопияла к небу, и Дух Святой устами отцов Халкидонского собора благословил их дело, увенчал их труды». После сочинений святого Кирилла вероопределение с самою высокою похвалою относится к окружному посланию святого Льва Великого.

За этим введением идет следующее определение о вере IV Вселенского собора в Халкидоне:

«Последуя святым отцам, все согласно научаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве, совершенного в человечестве, истинно Бога, истинно человека, того же из разумной души и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа единородного в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо, в одну ипостась — не в два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына, Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем и как Сам Господь Иисус Христос научил нас и как предал нам символ отцов».

Отцы собора свое единодушное согласие с символом выражали кликами: «Это вера отцов! Архиепископы пусть подпишут тотчас; хорошо определенное пусть не подвергается отсрочке. С этою верою все мы согласны. Все так мудрствуем!»

Об установлении вероопределения отцы собора довели до сведения императора особым донесением, имевшим такой вид:

«Послание Халки́донского собора к императорам — Валентиниану и Маркиану.

Благочестивейшим, благовернейшим и христианнейшим императорам, победителям и триумфаторам, Валентиниану и Маркиану святой и великий собор, по благодати Божией и по повелению вашего благочестия собравшийся в городе Халкидоне (для сильных болезней нужны и сильное лекарство, и мудрый врач). Поэтому-то Господь всех приставил ваше благочестие к страданиям вселенной, как наилучшего врача, чтобы вы исцелили их приличными лекарствами. И вы, христианнейшие, приняв Божественное определение, пред всеми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникам врачевство согласия. Ибо, собрав нас отовсюду, вы употребили все средства, чтобы уничтожить слу-

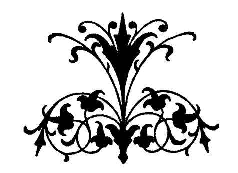
чившееся разногласие и укрепить учение отеческой веры. А мы, размышляя и отыскивая причину бури, поднявшейся во вселенной, нашли, что виновник этого дела Диоскор, бывший епископ Александрийский. Во-первых, потому, что он запретил прочитать почтеннейшим епископам, собравшимся в Ефесе, послание святейшего архиепископа древнего Рима Льва, отправленное к святой памяти Флавиану, бывшему епископу города Константинополя, и это после своих обещаний и многих клятв, как мы узнали, присутствуя (там). Во-вторых, потому, что он Евтихию, страждущему нечестием Манихея и законно низверженному, возвратил как священство, так и начальство над монахами незаконно, прежде соборного определения, и притом тогда, как святейший и блаженнейший архиепископ великого Рима Лев в том же послании определил должное (ему) и осудил преступное нечестие Евтихия, который говорил: „Исповедую Господа нашего Иисуса Христа прежде соединения двух естеств, а после соединения одно естество“. Далее потому, что он причинил оскорбления боголюбезнейшему епископу Евсевию. Еще и потому, что он собственною властию принял в общение некоторых, осужденных различными соборами, тогда как святые правила предписывают, что лишенных общения одними не должны принимать в общение другие, и между тем он мог бы получить прощение в таких и стольких проступках, если бы чрез надлежащее раскаяние искал врачевства у этого Вселенского собора. Но так как он, сверх других своих непотребств, ратовал против самого апостольского престола и старался составить грамоту отлучения против святейшего и блаженнейшего папы Льва, высокомерно упорствовал в прежних проступках и оказался дерзким против настоящего святого Вселенского собора, потому что не захотел ответить на сделанные против него обвинения, совершенно презирая их, а также, будучи вызван в первый, второй и третий раз согласно святым правилам, презрел это и не явился, то справедливо Вселенским собором лишен священства и приговорен к отчуждению от епископского достоинства, чтобы для других, покушающихся делать подобное, явить пример порядка и строгости, ибо и божественные законы повелевают, говоря: *извергните развращенного из среды вас* (1 Кор. 5, 13). Что может быть хуже погрешающего в таких делах, так попирающего Божественные каноны, наполняющего волнением и бурею всю вселенную, расточа-

ющего членов Церкви и вооружающего их взаимно друг против друга? Подлинно, всякий, видя, что член тела подвергся неизлечимой болезни и может заразить все тело, найдет врача, который бы употребил железо и отсек больную часть, чтобы сохранить здоровыми другие части тела. О чем истинно доносим вашей благочестивой власти, чтобы вы рассмотрели и его преступность, и чистоту справедливого приговора, произнесенного над ним как бы пред лицом Божиим. Мы уверены, что и вы, благочестивейшие и христианнейшие императоры, согласитесь с нами; мы знаем, какой страх внушает злым ваша почтенная власть и какую заботливость вы оказываете о церковном мире, будучи научены опытом. А чтобы ваша христианнейшая власть знала яснее, что определено верно и согласно со святыми правилами и волею Божьею, мы присовокупили к этому донесению и самые состоявшиеся документы деяний с подписью всех нас».

Вероопределение установлено и прочитано было на соборе в воскресенье, 22 октября 451 года. На следующем, шестом заседании, 25 октября, происходило торжественное утверждение вероопределения, совершенное в присутствии императора Маркиана, императрицы Пульхерии и многочисленного собрания придворных чинов. Император открыл это радостное заседание речью к отцам собора, в которой, между прочим, говорил: «В недавнее время открылись некоторые, одни по жадности к деньгам, а другие по худым пристрастиям, мудрствующие разное и излагавшие пред толпою учения, полные вредных заблуждений. Желая уврачевать зло, мы собрали святой ваш собор в уверенности, что от ваших трудов по путешествию будет величайший успех в деле утверждения Богопочитания, так что отнимется тьма, лежащая на умах заблуждающихся людей. Итак, пусть обнаружится истина, заключающаяся в ваших изложениях. Мы же, чтобы придать твердость деяниям соборным, а не для показания силы, решились присутствовать на соборе, взяв во образец блаженной памяти Константина». За речью императора, покрытой радостными кликами отцов собора, последовало чтение вероопределения, за которым государь спросил отцов: «Пусть скажет святой собор, по согласию ли всех епископов провозглашено прочитанное теперь определение?». «Все так веруем, — послышалось в ответ, — все так мудрствуем. Маркиану, новому Константину, ново-

му Павлу, новому Давиду многая лета; вы — мир вселенной; вы — светила Православия; Господи, сохрани светила вселенной; Пульхерия — новая Елена, ты явила ревность Елены; Несторию, Евтихию и Диоскору анафема, Троица извергла троих!»

После такого торжественного утверждения вероопределения IV Вселенского собора император Маркиан издает ряд указов, направленных к пресечению ереси и упрочению православного учения[1]. Но подобные указы бессильны были прекратить волнения в Церкви, продолжавшиеся в разных местах ее и после Халкидонского собора. Задачу окончательного умирения Церкви, взволнованной спорами о двух естествах во Христе, берет на себя следующий V Вселенский собор.

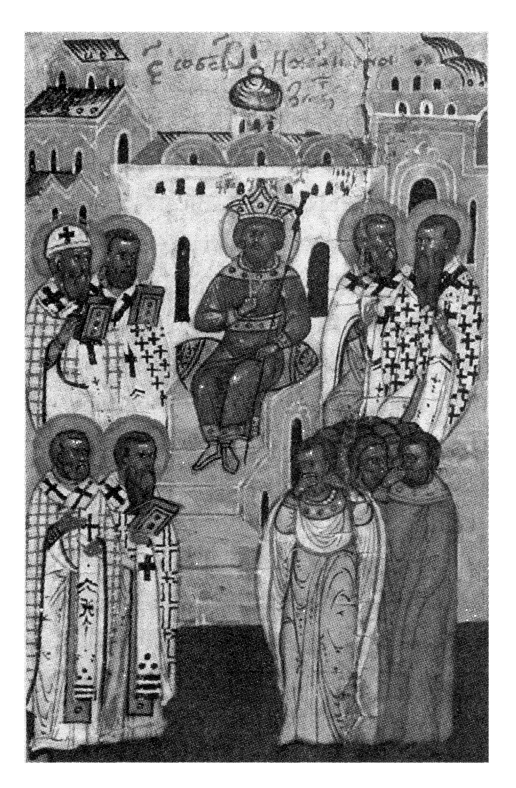


[1] Первый такой указ издан императором 7 февраля 452 года. «Тот нечестив, — говорится в указе, — кто после того, как истина утверждена, чрез споры и рассуждения отыскивает новую истину. На будущее пусть никакой клирик или человек какого-либо другого звания не осмеливается публично собирать толпы народа и рассуждать о вере. Подобный поступок есть оскорбление для собора: обсуждать снова, что уже определено собором, — значит не доверять ему. Не минует наказание презирающих этот закон: если клирик осмелится всенародно препираться о вере, да исключится из списка клириков; если военный — да лишится достоинства, а люди простого сословия да изгонятся из столицы». В последующих указах императором отменяются все узаконения Феодосия Младшего, направленные против Православия и его защитников: Флавиана Константинопольского, Евсевия Дорилейского и Феодорита Кирского. Замечателен указ 28 июня 452 года, которым евтихианам, или монофизитам, запрещалось: 1) иметь особых духовных лиц; 2) делать отдельные церковные собрания и строить монастыри; 3) евтихианам делать духовные завещания и получать по таковым; 4) находиться на военной службе.

ВОСПОМИНАНИЕ
V ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

(совершается Православной Церковью 25 июля)

Торжество Православия над монофизитскою ересью на Халкидонском IV Вселенском соборе не было окончательным: еретики-монофизиты продолжали существовать в Восточной Церкви. В некоторых местах ее вероопределения Халкидонского собора были встречены беспорядками и открытыми возмущениями; главное ядро возмущавшихся составляли монахи-простецы, верившие искренне нелепым внушениям сторонников ереси, что Халкидонский собор изменил древней вере и ввел какую-то новую. Возмущения, поднятые подобными внушениями, доходили до низвержения и даже убийства еретиками православных епископов и священников, причем для подавления таких восстаний иногда требовалось вмешательство вооруженной силы. Такими местами была Палестина, Египет в особенности, Сирия со столичным городом Антиохией во главе и даже Константинополь. В целях умиротворения Церкви некоторые императоры, преемники Маркиана, издавали указы, которыми, однако, достигали обратных результатов, еще более разжигая недовольство. Император Василиск (476–477 гг.) издал окружную грамоту (энциклион), где анафематствовался IV Вселенский собор и его деяния: «Что, — читаем здесь, — нарушило единение святых Божиих Церквей и мир всего мира, как то сочинение Льва (папы) и все постановленное в Халкидоне для определения веры, в каждой церкви, где будет найдено, повелевается всюду находящимся епископам предавать анафеме и огню». Император Зенон (477–491 гг.) издает грамоту единения (энотикон), где говорит двусмысленно о



Халкидонском соборе; император Анастасий (491–518 гг.) хотел ввести в Константинополе монофизитское добавление к Трисвятому «распныйся за ны»[1]. Подобные указы императоров содействовали все бóльшему и бóльшему распространению на Востоке монофизитства.

Эти монофизитские волнения, раздиравшие Церковь и после Халкидонского собора, осложняло и усиливало еще следующее обстоятельство.

В истории появления и развития ереси Нестория значительное участие принадлежало трем лицам, скончавшимся в V веке: Феодору, епископу Мопсуестскому, Феодориту, епископу Кирскому, и Иве, епископу Едесскому. Феодор Мопсуестский был одним из учителей Нестория; Феодорит писал резкие анафематизмы против учения святого Кирилла Александрийского; под именем же Ивы ходило послание к некоему Марию Персу, в котором содержались непочтительные отзывы о III Вселенском соборе, будто бы несправедливо осудившем Нестория, и находились выражения, оскорбительные для святого Кирилла. Несмотря на участие помянутых лиц в борьбе с Православием за ересь Нестория, они не были осуждены ни на III Вселенском соборе, осудившем Нестория, ни на Халкидонском IV Вселенском, хотя последний собор имел случай касаться деятельности Феодорита и Ивы, которым на этом соборе возвращены были епископские кафедры, а о Феодоре Мопсуест-

[1] Добавление это введено было в Антиохии монофизитом Петром Фуллоном, самовольно провозгласившим себя архиепископом Антиохийским: он учил, что Сын Божий страдал за нас по Божеству, а не по человечеству, а поэтому, вследствие единосущия лиц Святой Троицы, с Сыном страдали Бог Отец и Дух Святой. Это именно и означало отмеченное добавление к Трисвятому в виде слов: «распныйся за ны».

ском собор даже имел повод выразить до некоторой степени и свое суждение, коснувшись его сочинений. Такое отношение со стороны православных к Феодору Мопсуестскому, Феодориту Кирскому и Иве Едесскому открывало возможность монофизитам укорять Церковь в скрытой приверженности к несторианству. По свидетельству одного современника «еретики (монофизиты) поносили священников Церкви как последователей Нестория». С другой стороны, и несториане, которых все еще было не мало на Востоке, извлекали выгоды из того обстоятельства, что помянутые сторонники несторианства не были осуждены Православной Церковью. Дело в том, что сочинения Нестория были изъяты из публичного обращения императорскими указами; тогда для распространения своей ереси несториане и прибегли к распространению тех сочинений Феодора, Феодорита и Ивы, в которых проводились несторианские воззрения. На восьмом заседании V Вселенского собора прямо засвидетельствовано: «Последователи Нестория старались навязать Церкви Божией свое нечестие чрез нечестивого Феодора, который был епископом Мопсуеста, чрез его нечестивые сочинения, и кроме этого, посредством того, что написал нечестиво Феодорит, и посредством злостного послания, которое, говорят, написал Ива Марию Персу».

Для Церкви, таким образом, было необходимо произвести осуждение на Феодора, Феодорита и Иву, поскольку они являлись писателями и деятелями, враждебными Православию и дружественными Несторию. Через это у монофизитов отнимался повод для нападок на Православную Церковь, а у несториан — возможность к распространенно еретических (несторианских) воззрений. Император Юстиниан, принимавший самое близкое участие в делах Церкви и горевший желанием примирить многочисленных монофизитов империи с православными и тем достигнуть на единении религиозном единения государственного, и принял на себя заботу устранить церковное разделение. По совету имевшего на него влияние Феодора Аскиды, архиепископа Кесарии Каппадокийской, император около 544 года издал указ, в котором подвергались анафеме Феодор Мопсуестский со всеми его сочинениями и учением, Феодорит Кирский за сочинения, направленные против святого Кирилла Александрийского и III Вселенского собора, и Ива Едесский — за послание к Марию Персу, в котором усматривалось тяготение к несторы-

анству. Указ императора не дошел до нас; сохранились только отрывки из него у писателей, современных его изданию. Император надеялся, что указ будет принят всеми представителями церковной власти и, таким образом, получит общецерковное значение. Но случилось обратное. Указ вызвал новые великие смятения в Церкви, известные под именем «спора о трех главах»[1]. Спорящие стороны, та и другая, имели под собою почву, так как в жизни и деятельности Феодора, Феодорита и Ивы в отношении к Церкви находились основания и для их защиты, и для их осуждения. Естественно, что с первым требованием о подписании указа император обратился к Мине, патриарху Константинопольскому. Мина пришел в раздумье, как бы своею подписью указа, призывающего к осуждению того, чего не осуждал Халкидонский IV Вселенский собор, не нанести укоризну последнему. Впрочем, после некоторого колебания патриарх Константинопольский подписал указ, но с оговоркой, что если папа Римский откажется это сделать, то и его подпись должна считаться недействительной. Остальные восточные патриархи: Зоил Александрийский, Ефрем Антиохийский и Петр Иерусалимский — тоже не без колебаний подписали указ, понуждаемые к этому отчасти чувством приличия и отчасти страхом наказания за сопротивление. За патриархами подписали и прочие восточные епископы.

Совершенно иное отношение указ встретил на Западе, епископы которого менее боялись императора и потому в своих суждениях и действиях были более независимы. Западные епископы поднялись на открытую борьбу с указом императора. Прежде всего императору пришлось натолкнуться на это сопротивление Западной Церкви в самом Константинополе. Поверенный (апокрисиарий) папы в Константинополе Стефан, узнав о подписи патриархом Миною указа, прервал с ним общение и других призывал к тому же. Декий, епископ Медиоланский, находившийся в Константинополе при обнародовании указа, тоже заявил открытый протест. С особенною решительностью и как один человек восстали епископы африканские, выразившие свое неодобрение указу даже особым посланием к им-

[1] Вначале под главами разумелись те главы или параграфы, на которые делился указ Юстиниана: соответственно числу анафематствуемых лиц и глав в нем было три. Но вскоре первоначальный смысл выражения «три главы» потерялся и главами стали звать самые лица Феодора, Феодорита и Ивы.

ператору, составленном от лица их епископом Понтианом. «Все те сочинения, о которых началась речь, — писали Юстиниану африканские епископы чрез Понтиана, — нам мало известны. Когда они дойдут до нас и когда, прочтя их, мы усмотрим, что они противны правой вере, то мы осудим их, но не самих авторов, уже умерших. Ежели бы они живы были доселе и не захотели осудить своих погрешностей, то только в таком случае они сами могли бы подлежать справедливому осуждению. К чему послужит осуждение наше, ежели они не могут исправиться в своих заблуждениях? Мы боимся, чтобы осуждение их не послужило в пользу монофизитов. Зачем нам беспокоить умерших? Они теперь пред лицом Судии истинного, выше Которого нет другого судии». Когда указ дошел до Рима, то папа Вигилий через двух своих диаконов, Пелагия и Анатолия, пожелал прежде всего навести справку, как судят об указе африканские епископы. На запрос Римской Церкви отвечал ученый карфагенский диакон Фульгенций Ферранд особым посланием в Рим, которое послужило для Рима руководством в его отношении к указу Юстиниана.

В своем послании Фульгенций Ферранд развивает следующие основные положения: 1) согласие с указом Юстиниана равносильно с пренебрежением к значению Халкидонского IV Вселенского собора[1]; 2) умерших осуждать не следует[2]; 3) своим указом император

---

[1] «Не должно отметать суд, применять суждения древних отцов, которые собирались в Халкидон. Не должен собор, относительно которого не было никакого сомнения столь много лет, вдруг терять свое уважение; определения его не могут оставаться твердыми, если затронут хоть одну часть его и почтут достойною порицания. Все, что утверждено на этом соборе, должно иметь постоянно твердость. Если кто захочет поколебать одно в соборе, тот колеблет все его определения. Если в определениях веры этого собора как бы некая вода сладкая истекла из уст прежних епископов, то каким образом возможно, чтобы из тех же самых уст по делу Ивы епископа истекла не вода сладкая, а горчайшая желчи? Напрасно нам стали бы говорить: отцы Халкидонские в вере были хороши, но худо сделали, что приняли послание Ивы. Если одна часть соборной деятельности не одобряется кем-либо, грозит опасность, что будут не одобрять и весь собор. Апостол сказал: *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. 5, 6). Поэтому, если в целой массе определений святоотеческих откроется хотя небольшая доля кислой смеси, всю массу нужно будет признать вредною».

[2] «Что пользы вести борьбу уже с умершими или производить смуты в Церкви из-за таковых. Если человек, будучи еще в живых, обвинен и осужден и прежде чем успел заслужить разрешение, взят от мира этого, то относительно такого че-

насилует совесть членов Церкви[1]. Папа отклонил от себя подписание указа. Враждебно встречен был указ и в других местах Запада, и в Элладе и Иллирике.

Видя противодействие Запада, император решил склонить на свою сторону папу Римского, как патриарха Запада. В целях более успешного воздействия на тогдашнего папу Вигилия император вызвал его в 547 году в Константинополь; Вигилию был повод отправиться в Византию и по делам политическим — по причине нашествия на Рим готов. Но, и по прибытии в Константинополь, папа вначале не изменял своего отношения к указу; он даже отлучил патриарха Мину от церковного общения на четыре месяца за его согласие на осуждение «трех глав». Мина ответил тем же Вигилию. Однако затем, частью вследствие твердого отпора со стороны Константинопольского патриарха, частью вследствие большего ознакомления с делом на месте его возникновения, частью по слабохарактерности, уступая влиянию двора и имея в виду согласие всех восточных епископов на осуждение «трех глав», папа Вигилий изменил свое решение: он согласился с осуждением «трех глав» и обнародовал в этом смысле особый документ, известный под названием Iudicatum, где выражал свое согласие с решением императора и

ловека не может быть сделано разрешение никем. Если же кто обвинялся в чем-либо и потом получил разрешение и в мире с Церковью отошел к Богу, такого суд человеческий не может уже осуждать».

[1] «Никто не может навязывать своего мнения другим, иначе мыслящим. Конечно, каждый может в видах утверждения веры излагать письменно, что он думает, но, однако же, не с тем, чтобы написанное им заставлять принимать других. Сколь много святые и достославные учители трудились в проповедовании слова, которых Сам Господь чрез Духа мудрости и ведения призвал к научению верующих и к борьбе с еретиками, — но и они никогда не требовали подписи под своими книгами. Апостол говорил: *пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают* (1 Кор. 14, 29). Но он нигде не говорит: пусть подписываются или пусть вынуждаются к подписи. Он повелевает прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковерию не впасть в заблуждение. Никто не принуждается сказанное кем-либо принимать наравне с изречениями Священного Писания, но предоставляется рассуждению каждого, что он примет, что отвержет. Уже по тому одному нет необходимости в подписке сказанного кем-либо, что этим отнимается возможность впоследствии мыслить иначе, хотя бы после истина и открылась во всем свете. Благочестивый исследователь отыскивает истину, но не спешит, чтобы отысканное им тотчас было принято другими, а еще сам готов согласиться с теми, кто лучше мыслит по данному вопросу».

церкви Восточной, осуждая Феодора за его учение и сочинения, Феодорита — за некоторые сочинения, написанные против Православия, и Иву — за послание к Марию Персу. Но согласие папы Вигилия, как показало дальнейшее, вовсе не означало согласия на осуждение «трех глав» Западного духовенства. Оно вступило в борьбу со своим патриархом, как отступником от веры. Эту борьбу с папою начали два диакона из его же свиты в Константинополе: родной племянник папы Рустик и Севастиан. Осуждая святого Кирилла Александрийского, вероятно за его стремление подвергнуть анафеме сочинения Феодора Мопсуестского, Рустик и Севастиан, напротив, горячо защищали последние, объявляя, при этом, что папа сделался противником Халкидонского собора; они рассылали письма, в которых доказывалась неправильность осуждения «трех глав»; эти письма в иных местах вызывали столь сильные разногласия, что спорящие доходили до кровопролития. Рустик и Севастиан обратились с прошением даже к самому императору, где доказывали, что папа Лев, современник Халкидонского собора, был защитником сочинений Феодора Мопсуестского. За свою деятельность Рустик и Севастиан, вместе с другими участниками их «заговора и скопа», лишены были принадлежащего им церковного достоинства. Но это не остановило сопротивления папе. Вместе с распространением на Западе слухов о поведении Вигилия все более и более возрастала церковная смута. Иллирийские епископы собрали в 549 году собор, который обратился с посланием к Юстиниану, доказывая несправедливость осуждения «трех глав»; этот же собор осудил епископа Бенената, который порицал «три главы». Африканские епископы на соборе 550 года отлучили папу Вигилия от церковного общения, пока он не принесет покаяния за свое согласие осудить «три главы»; собор обращался к императору с посланием с защитою последних. Не говоря уже о других местах Запада, даже в отдаленной Галлии началось возмущение против Вигилия. Среди многочисленных борцов с указом императора бесспорно выдающееся место принадлежит епископу Гермианскому (в Африке) Факунду. Он издал обширное сочинение под заглавием «В защиту трех глав», где на основании исторических данных, приведения из сочинений осуждаемых мест, говорящих за их Православие, на основании установления понятия еретик и доказательств невозможности применять суд к умершим строит свою апо-

логию. В защиту Феодора Мопсуестского Факунд писал: «Феодор умер в мире с Церковью; он был хвалим мужами достоуважаемыми; целый собор епископов Антиохийских писал в его защиту. О нем не произнес осуждения собор Халкидонский, когда читалось на том соборе послание Ивы, где Феодор украшается похвалами. Изыскивая основания к порицанию Феодора, ссылаются на Кирилла, который порицал Феодора; но ежели руководиться такими образцами, то мы встретимся со многими примерами, где одни из отцов неуважительно отзываются о других; но главное, как мы будем следовать Кириллу в осуждении Феодора, когда это будет нападением на собор Халкидонский, на котором не осужден Феодор? Напрасно хотят осудить Феодора, как еретика, принимая во внимание его заблуждения: еретик не тот, кто заблуждается, а тот, кто, будучи уличен в не православии, остается упорным; как осуждать Феодора как еретика, когда он умер! Кто явится обвинителем против Феодора? Может ли обвинитель доказать, что все приписываемое Феодору действительно принадлежит ему? На суде людском каждый может отрекаться, что он не делал того, в чем его обвиняют, или как-нибудь объяснить дело к своей выгоде, или, наконец, отказаться от заблуждений, в каких обвиняется; но Феодор не может воспользоваться всеми этими выгодами для подсудимого, находящегося в живых. Христос Спаситель заповедал: *что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф. 18, 18); этим дается знать, что как не дóлжно по смерти разрешать тех, которые связаны были на земли, так не дóлжно и связывать по смерти тех, кои не были связаны на земли. Наконец, у Феодора есть в сочинениях много мыслей правильных, общих с знаменитыми отцами Церкви, поэтому осуждать Феодора — значит осуждать и святых отцов, писавших в том же духе, как Феодор». В защиту Ивы Факунд писал: «Осуждать письмо Ивы — значит нападать на Халкидонский собор; авторитет этого собора защищает сам император Юстиниан; но каким образом письмо Ивы может быть осуждено, как нечестивое и несторианское, когда этого не сделал этот собор? Письмо Ивы не все нечестиво и безбожно; в нем содержится исповедание двух естеств в Иисусе Христе, а этого нельзя назвать ни нечестием, ни безбожием. Ива худо отзывается о святом Кирилле, писал против Кирилловых анафематизмов? Но ежели мы станем обращать внима-

ние на подобные стороны дела, то придем к необходимости осудить и некоторых других досточтимых мужей, кои также неодобрительно отзывались о святом Кирилле». В защиту Феодорита Факунд говорит очень немного: оправдание его он основывает на деяниях Халкидонского собора и на отношении отцов этого собора к Феодориту. В противовес стремлениям Западной Церкви, находившей все новые и новые основания к оправданию «трех глав», император Юстиниан отыскивает факты в доказательство совершенной законности осуждения «трех глав». В Мопсуесте, где находилась кафедра Феодора, в мае 550 года император созывает Поместный собор для исследования и решения вопроса: было ли имя Феодора здесь занесено в церковные диптихи?[1]

Собор, под председательством Иоанна, митрополита из города Аназарва, состоял из восьми епископов с участием пресвитеров, диаконов, иподиаконов, чтецов Мопсуестской Церкви и представителей светской власти. Множество свидетелей, из пожилых людей, светских и духовных, призвано было для ответа на вопрос: помнят ли они, чтобы имя Феодора читалось в церковных диптихах, и не известно ли им, когда оно исключено оттуда? Показания свидетелей, из которых некоторым было от семидесяти до восьмидесяти лет, сводились к следующему: «Не знаем и не слыхали, чтобы Феодор, бывший некогда епископом этого города, был провозглашен в

[1] *Диптихи* — помянники, или поминанья. Наименование их заимствовано из дохристианской древности и указывает вообще на те предметы, которые складываются вдвое; собственно диптихами назывались две соединенные вместе дощечки, покрытые с внутренней стороны воском, на котором и делались записи заостренным прутом — стилем; с наружной стороны дощечки покрывались различного рода рисунками. Церковь, приняв диптихи в богослужение, заменила наружные украшения светского характера священными изображениями. Полагают, что диптихи появились при богослужении в Церкви уже во времена апостолов; в IV веке они уже находятся во всеобщем употреблении. Диптихи имели несколько видов: 1) крещальные, в кои заносились сподобившиеся святого крещения; 2) диптихи живых, в которых записывались имена принадлежащих к известной церкви; 3) диптихи святых и 4) диптихи умерших. В последнего рода диптихи записывались, прежде всего, местные епископы и епископы иных епархий, отличавшиеся святостью жизни; затем вносились священники и миряне. Поминовение по диптихам при совершении Евхаристии почиталось особою честью; поэтому из диптиха всегда исключались имена тех лиц, относительно которых обнаруживались грехи или заблуждения, доселе бывшие неизвестными.

церковных диптихах. Но слышали, что святой Кирилл, бывший епископ великого города Александрии, помещен вместо Феодора в диптихах и даже доселе он провозглашается с другими епископами. Не знаем и не слыхали, чтобы в нашем городе был епископ по имени Кирилл; а тот епископ Феодор, который читался в диптихах, умер три года тому назад».

Принесены были на собор древнейшие диптихи, писанные на пергамене и уже не употреблявшиеся за богослужением; оказалось, что в них на том месте, где по порядку следования во времени должно быть имя Феодора, помещено имя Кирилла. Результат изысканий собора был изложен председателем его в следующих словах:

«Ясно показано, что прежний Феодор, который был епископом в этом городе, в древние времена не был провозглашаем при Божественном таинстве и исключен был из священных диптихов и вместо его имени вписан был святой памяти Кирилл», о чем и сообщено было императору и папе.

С тою же целью — обнаружить неосновательность защиты «трех глав» — император, вероятно в 551 году, издал указ, где с большою тщательностью опровергаются возражения, какие делались против осуждения «трех глав». Этот указ разделяется на три части. *Первая* содержит богословствование о Святой Троице и соединении во Христе Иисусе двух естеств с опровержением тех доказательств, какие приводили в защиту монофизитства сами еретики. *Вторая* часть содержит анафематства на различные заблуждения и еретиков Церкви древней и современной: произносит анафему на Феодора Мопсуестского, на некоторые сочинения Феодорита и на письмо Ивы к Марию Персу. *Третья* часть опровергает возражения, приводимые защитниками трех глав против их осуждения указом императора. Так, в защиту Феодора Мопсуетского противники указа говорили: а) если в сочинении Феодора и замечаются заблуждения, то отсюда только тот правильный вывод, что их и нужно анафематствовать, а никак не лицо сочинителя. Юстиниан в ответ на это возражение приводит текст Священного Писания, что *равноненавистны Богу и нечестивец и нечестие его* (Прем. 14, 9); б) В устранение возражения, что нельзя анафематствовать Феодора, как уже умершего, Юстиниан указывает, что подобное анафематствование совершалось в Церкви как в древности, так и в более близкое время. Это видно из деяний святых со-

боров, например Никейского, безыменно анафематствовавшего всех последователей Ария; видно из слов блаженного Августина, который говорит о себе, что он, в случае нужды, «подверг бы» одного епископа (Цецилиана), если было доказано его еретичество, «анафеме и после его смерти». Затем, если нельзя осуждать еретиков по смерти, то, с другой стороны, нельзя и оправдывать после смерти невинно осужденных, тогда как церковь после смерти именно оправдала Иоанна Златоуста и Флавиана, архиепископов Константинопольских, в) Что же касается указания, что не следует анафематствовать Феодора, как умершего в общении с Церковью, то по мысли указа, в общении с Церковью находятся лишь лица, до конца своей жизни соблюдающие содержимое ею учение благочестия; Феодор же постоянно пребывал в нечестии, поэтому и умер вне общения с Церковью. При этом приводится, как доказательство, уже известное решение Поместного собора в Мопсуестсе. г) Указание защитников Феодора на добрые отзывы о нем чтимых Церковью лиц, например святого Кирилла Александрийского, Иоанна Антиохийского с собором, в доказательство невозможности осуждения Мопсуестского епископа не оставлено Юстинианом тоже без рассмотрения. Соглашаясь, что святой Кирилл говорил нечто за Феодора, Юстиниан замечает, что гораздо более святым отцом сказано против Феодора. Похвала же Иоанна Антиохийского и собора Антиохийских епископов произнесена ими во дни вражды с Кириллом, когда они были сторонниками Нестория. Притом Церковь знает примеры, что похвала даже святых отцов некоторым еретикам не освободила последних от осуждения и анафемы после того, как обнаружено было их нечестие.

Обращаясь к рассмотрению доказательств незаконности осуждения послания Ивы, император останавливается прежде всего на указании, 1) что послание Ивы принято святым Халкидонским собором. Но это указание отвергается на следующем основании: по прочтении послания собор прямо и решительно потребовал от Ивы анафематствования Нестория и его учения, на защиту которых и направлено было послание, то есть принятие собором послания и осуждение Нестория — две вещи, исключающие друг друга взаимно. 2) Не избавляет послание от осуждения и нахождение в нем православных выражений: в Христе два естества, одна сила (власть), одно лицо. Но ведь, указывает император, и Несторий учил о двух есте-

ствах и при этом осужден: нужно не только исповедовать во Христе два естества, но и признавать их ипостасное соединение, чего и не делает Ива в своем послании, полном несторианских мыслей. Наконец, защитники «трех глав» говорили, что порицать послания Ивы нельзя и потому еще, что оно внесено в соборные записи. Но, замечает император, из сочинений Нестория и Евтихия многое приведено в соборных деяниях; значит, и их нужно оправдать. Кто же не знает, что многое из еретического лжеучения приводится в соборных записях, но, конечно, не для того, чтобы показать правильность учения еретиков, а как раз для обратной цели — обличить их мудрствования, противные Православию.

Однако несмотря на все усилия императора Западная Церковь не переставала противиться осуждению «трех глав». Эта стойкость отразилась и на папе Вигилии, который начал колебаться в своем решении анафематствовать «три главы». Видя такое положение вещей, император для окончательного решения вопроса созывает V Вселенский собор.

V Вселенский собор открылся в Константинополе и имел восемь заседаний. Он начался 5 мая 553 года. На первых заседаниях собора было сто пятьдесят епископов, а при закрытии его число их доходило до ста шестидесяти четырех. На соборе председательствовал Евтихий, патриарх Константинопольский. Среди членов собора более выдающимися были Аполлинарий, патриарх Александрийский, Домн, патриарх Антиохийский; за патриарха Иерусалимского представительствовали три палестинских епископа. В числе отцов собора западных епископов было очень немного (от шести до восьми) и все они были из Африки. Папа Вигилий все еще жил в Константинополе, и император желал видеть его на соборе. Собор отправил к папе посольство с предложением явиться на собор. Приглашать папу отправились три патриарха (Константинопольский, Александрийский, Антиохийский) и семнадцать епископов. Возвратившись от папы, депутация поведала членам собора, собравшимся в епископии: «Прибыв к святейшему папе, мы стали просить, чтобы, согласно переписке, бывшей между нами и им, его блаженство пожаловал на собор и вместе с нами рассудил о „трех главах“, объявив при этом его блаженству, что благочестивейший наш император прислал нам грамоту и просит дать ответ относительно „трех глав“.

Хотя он сказал, что по слабости телесной не может выполнить этого требования, однако же обещал на следующий день объявить, какого он мнения о таком соборе». Собрание епископов разошлось по домам. Вторичное посольство к папе из нескольких епископов и светских чиновников, как депутатов от лица императора, тоже получило отказ, но на этот раз свое нежелание идти на собор папа не оправдывал болезнью, а прямо заявил, что на соборе очень мало западных епископов по сравнению с числом восточных. Папа обещал, впрочем, письменно высказаться по вопросу об осуждении «трех глав». Третье посольство, по обычаю отправленное к папе, тоже ничего не достигло: папа отказался присутствовать на соборе, и посланные объявили ему, что собор вынужден будет открыться без него. Некоторые из западных епископов, прилучившихся в Константинополе, ссылаясь на отказ папы, тоже отказались идти на собор. Истинная же причина подобных отказов заключалась в том, что папа опять возвратился к мысли, что не следует производить осуждения «трех глав»[1]; зная же, что восточные епископы держатся противоположного взгляда, папа счел за лучшее вовсе не являться на собор.

Император обратился к отцам собора с указом, прочитанным при открытии соборных заседаний. В этом указе намечался порядок рассмотрения спорного вопроса о «трех главах»: «Просим вас, — писал император, — рассмотреть то, что написано как в других сочинениях *(Феодора Мопсуестского)*, так и в его символе; просим также рассмотреть и то, что о нем и его хулениях написали святые отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о нем писатели церковной истории. Просим вас порассудить и о мнении тех, которые утверждают, будто не следует анафематствовать еретиков по смерти, и просим держаться в этом случае учения святых отцов, которые и по смерти анафематствовали умерших в своем нечестии. Просим вас обратить внимание на то, что нечестиво написано *Феодоритом* против правой веры и против Ефесского собора, против памяти Кирилла и против его двенадцать глав, и что тот же Феодорит написал в защиту Феодора и Нестория и их хулений против памяти Кирилла. Просим также сделать исследование и о нечестивом послании, которое написал *Ива* к Марию Персу. И так как не-

---

[1] Во дни собора папа обратился к императору с особым сочинением Constitutum, где он высказывается против осуждения «трех глав».

которые дерзают утверждать, что послание это, содержащее нечестие, принято и святым Халкидонским собором, то просим вас сличить то, что сказано этим святым собором в определениях его, изложенных в защиту веры, и то, что содержится в нечестивом послании, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить».

Взяв в руководство распорядка своей деятельности указ императора, отцы собора прежде всего занялись вопросом о Феодоре Мопсуестском. Из сочинений последнего на соборе извлечено и прочитано было очень много мест, причем обнаружилось, что Феодор в сущности повторял учение Нестория, осужденное III Вселенским собором. Неправославные мнения Феодора, открытые и изобличенные собором и названные им «сокровищами нечестия», сосредоточивались, главным образом, на учении о двух естествах во Христе и образе их соединения и заключались в следующем: 1) от Пресвятой Девы Марии родился не Бог, а человек[1]; 2) Бог-Слово не рождался от Девы Марии, а лишь присутствовал в человеке Иисусе при Его рождении и во время остальной Его жизни[2]; 3) из такого воззрения Феодор, естественно, приходил к составлявшему сущность несторианства учению о разделении естеств в Богочеловеке: по его утверждению во Христе Иисусе существовали как бы два лица — Божеское и человеческое, не соединяясь одно с другим[3]; 4) при этом Феодор, вопреки учению Православной Церкви, не полагал никакого разли-

---

[1] «Мы не должны думать, — говорил Феодор, — что от Девы родился Бог. Не Бог-Слово родился от Девы Марии, родился же от Марии тот, кто от семени Давидова» (то есть человек).

[2] «Тотчас при самом зачатии в Человеке Иисусе начал быть Бог-Слово, ибо присутствовал в нем не только во время вознесения на небо, но и при воскресении из мертвых, именно как воскрешающий Его. И не при воскресении только, но и при пригвождении ко кресту и при крещении и после крещения, а равно и до крещения при выполнении им постановлений закона и при обвитии пеленами во время рождения; находился в нем Бог-Слово также, когда он (человек Иисус) находился во чреве Матери с первого момента его зачатия».

[3] «Нужно полагать различие между храмом (Человеком-Христом) и тем, кто вселился в храм (Богом-Словом); между тем, кто освобожден от уз смерти, и тем, кто освободил; между тем, кто в страданиях стал совершенным, и тем, кто сделал совершенным; между тем, кто *малым чим умален от ангел*, и тем, кто умалил; между тем, кто увенчан славой и честью, и тем, кто увенчал; между тем, кому дела рук Божиих покорены, и тем, кто покорил» (Пс. 8, 5–8).

чия между человеком-Христом и всяким другим человеком; он считал свойственной человеку Иисусу борьбу со страстями и похотями, так что, по мысли Феодора, «только чрез свое воскресение Христос, как человек, сделался неизменяемым, то есть неудобопреклонным ко злу. Почему до воскресения мертвых он укорял Петра за то, что тот соблазняет Его своими словами (см.: Мф. 16, 23). Чрез воскресение же Христос сделался совершенно непорочным». Если же Христос, как человек, не обладал нравственным совершенством, то, учил Феодор, 5) он нуждался в руководстве Духа Святого и в содействии Бога-Слова в достижении непорочности[1]. Признавая, что от Пресвятой Девы Марии родился не Богочеловек, а человек Христос, Феодор почитал возможным только в относительном, а не буквальном смысле именовать Деву Марию Богородицею: «Когда спросят, — рассуждал Феодор, — мать человека или матерь Бога Мария, мы должны отвечать: и то и другое, первое по естеству, второе относительно. Она матерь человека, потому что человек был во чреве Ее; но Она матерь Бога, потому что Бог был в рожденном человеке, но Он был в нем по благоизволению».

Кроме того, собором в сочинениях Феодора Мопсуестского были открыты хотя и не столь важные, но все же значительные заблуждения, из которых некоторые граничили с ересью, а именно: его хульные отзывы о включенных в священный канон книги Иова и книги Песнь песней, его отрицание за многими ветхозаветными пророчествами, относящимися к Мессии, мессианского значения, и, наконец, его мнение, что наименование «христиане» однородно с наименованием других людей следующих, по его выражению, какой-либо секте.

Это чтение отрывков из сочинений Феодора собор по временам прерывал такими или подобными восклицаниями: «Это мы уже осудили, это уже предали анафеме, анафема Феодору Мопсуестскому и его сочинениям; они чужды Церкви, они чужды православным, они чужды отцам, они полные нечестия, они восстают на Священное

---

[1] «Выражение, — говорит Феодор, — *возведен бысть Духом* (Мф. 4, 1) обозначает, что Христос, как Человек, был руководим Духом, Им был направляем к должному; Им был научаем тому, чему следовало». «Бог-Слово много возлюбил его (Человека Иисуса); пребывая в нем, Бог-Слово, даровав ему бессмертную жизнь и сделав его невредимым, бессмертным и неизменным, возвел на небо».

Писание, анафема Феодору: он опозорил Евангелие, он поругался над домостроительством нашего спасения».

Затем на соборе были читаны, с тою же целью суждения о виновности Феодора в еретических заблуждениях, послания и сочинения святого Кирилла Александрийского против Феодора, сочинения Прокла Константинопольского, Равулы Едесского и другие, служившие выражением голоса Церкви о Феодоре. Когда, на основании этих документальных данных, выяснился еретический образ мыслей Феодора, собор все еще не спешил с его осуждением: отцы собора, прежде чем изнести свой окончательный приговор, считают себя обязанными разобрать те возражения, какие делались в защиту Феодора противниками осуждения «трех глав». Так, защитники Феодора отрицали возможность его осуждения на том основании, что в одном из посланий святой Кирилл Александрийский называет Феодора «добрым Феодором». Но чтение послания показало отцам собора, что святой Кирилл, называя Феодора «добрым» за его борьбу с арианством и труды по истолкованию Священного Писания, в том же послании порицает того же Феодора за неправильные мысли о соединении двух естеств во Христе. Притом отцы собора пояснили, что хороший отзыв уважаемого Церковью лица о другом, оказавшемся еретиком, не избавляет последнего от осуждения: одобрительный отзыв святого Василия Великого об Аполлинарии не избавил Аполлинария от осуждения за еретичество. Папа Лев, одобрявший в своем послании Евтихия, впоследствии анафематствовал его как еретика. Кроме того, снисходительный отзыв о заблуждающемся лице делается иногда в целях достижения церковного мира. Святой Кирилл отзывался кротко о Феодоре единственно в тех видах, чтобы не усилить вражду несториан к Церкви. Далее, защитники Феодора говорили, что его нельзя осуждать, так как он уже умер. Собор доказывает неосновательность подобного суждения, ссылаясь в подтверждение своего взгляда на примеры, показывавшие, что не безвременно осуждение еретика и после его смерти. Здесь собор останавливается главным образом на свидетельствах святого Кирилла Александрийского и блаженного Августина. Святой Кирилл писал: «И так до́лжно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых ли они находятся или нет». «Если когда-либо это было доказано нам, — говорит блаженный Августин об

епископе Цецилиане Карфагенском, которого выставляли перед ним как нарушителя церковного мира, — мы сами анафематствовали бы его после смерти». Третье возражение защитников Феодора, указывавших на то, что последний умер в мире с Церковью и потому не может быть осужден, отцы собора устранили, считая умершими в мире с Церковью лишь христиан, соблюдших догматы веры до конца жизни. При этом перечитаны были на соборе деяния Мопсуестского Поместного собора, обнаружившего, что в Мопсуесте имя Феодора с давних лет было вычеркнуто из церковных диптихов.

Окончив суждение о Феодоре Мопсуестском и отложив осуждение его до времени рассмотрения дела всех «трех глав», собор, согласно пожеланию императорского указа, приступил к рассмотрению сочинений Феодорита Кирского, написанных для содействия несторианству в борьбе с православием. Собор признал заслуживающими особого порицания следующие сочинения Феодорита: 1) разбор двенадцати анафематизмов Кирилла, в котором несторианские воззрения Феодорита нашли открытое выражение, как видно, например, из следующего места: «Бог-Слово не родился от Девы естеством, зачавшись и образовавшись и с того времени получив начало существования, но образовавший себе храм в девической утробе был вместе с образованным и рожденным. Поэтому и святую Деву называем Богородицей не потому, что Она родила Бога по естеству, но потому, что Она родила человека, соединенного с Богом, Который образовал его»; 2) некоторые послания, где Феодорит поносил незаслуженными укоризнами защитника правой веры святого Кирилла Александрийского. В числе их прочитано было на соборе и то послание Феодорита, которое им написано было вслед за смертью святого Кирилла: послание это полно насмешек и издевательств над почившим великим святителем[1]; 3) послание Феодорита к Анд-

[1] «Наконец поздно и насилу умер злой человек, — говорилось в послании. — Ибо добрые и благодетельные люди переселяются туда прежде времени, а злые живут долго. А его, несчастного (Кирилла), Правитель наших душ не оставил, подобно другим, более наслаждаться тем, что кажется увеселительным, но зная злобу этого мужа, ежедневно возраставшую и вредившую телу Церкви, отрезал как бы какую-нибудь язву и отъял поношение от сынов Израиля. Отшествие его обрадовало оставшихся в живых, но опечалило, быть может, умерших. Надобно позаботиться приказать обществу носильщиков умерших положить какой-нибудь величайший и тяжелейший камень на гробницу, чтобы он опять сюда не

рею, епископу Самосатскому, полное ужасных хулений на III Вселенский собор, — православные епископы собора представляются в нем злодеями, державшиеся же несторианской ереси — как невинные страдальцы за веру[1]; 4) Послание Феодорита к Несторию после III Вселенского собора, из которого видно, что Феодорит оставался другом и преданным учеником Нестория и после анафематствования его Вселенскою Церковью, как обнаруживается это из самого заглавия послания: «Господину моему, достопочтеннейшему и благочестивейшему и святейшему отцу, епископу Несторию». Выслушаны были собором и писания Феодорита в защиту Феодора Мопсуестского. Свое суждение о Феодорите, как авторе неправославных сочинений, и об отношении к нему IV Вселенского собора в Халкидоне отцы V собора Вселенского кратко выразили так: «Имея в виду то, что нечестиво написал Феодорит, дóлжно удивляться проницательности святого Халкидонского собора, ибо, зная его богохульства, он прежде довольно часто употреблял против него многие возззвания, а после иначе не принял бы его, ежели бы он наперед не анафематствовал Нестория и его богохульства, в защиту которых прежде писал».

По рассмотрении сочинений Феодорита, несогласных с учением правой веры, собор начал рассмотрение дела «третьей главы» — Ивы Едесского с его посланием к Марию Персу. Здесь отцам собора, собственно, предстояло решить вопрос: можно ли признавать справедливым утверждение некоторых, что послание Ивы принято IV Вселенским собором в Халкидоне? Чтобы ответить на этот вопрос, отцы прежде всего выясняют, как поступлено было на Халкидонском соборе с самим Ивою? При этом некоторые епископы в своих речах

пришел и снова не стал доказывать нетвердые мнения. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденным от такого рода заразы. Бог видит и не презрел: Он положил узду на его уста и удила на его губы и возвратил в землю, из которой он взят».

[1] «Опять, — пишет, между прочим, Феодорит из Ефеса, где в то время заседал III Вселенский собор, — безумствует Египет (то есть святой Кирилл) против Бога, воюет с Моисеем и Аароном и слугами его (то есть с Несторием и его сторонниками), и весьма большая часть Израиля соглашается с противниками. Здравомыслящих же (то есть разделяющих еретичество Нестория), которые подъемлют добровольно труд за благочестие, чрезвычайно мало. Поругано достопочтенное благочестие».

развивали ту мысль, что оправдание Ивы на Халкидонском соборе не простиралось на его послание: на соборе Ива заявлял, что он неповинен в том, в чем его обвиняют, и этим самым отказывался от своего послания — сам не признавал его мыслей истиною. Правда, некоторые отцы Халкидонского собора — как поставляли это на вид противники осуждения «трех глав» — говорили, что Ива невиновен и послание его православно. На это отцы V Вселенского собора возражали в том смысле, что так смотрело меньшинство из отцов IV Вселенского собора, большинство же видело в Иве раскаявшегося человека, а на соборе и должно руководиться мнением не отдельных лиц, а всех или, по крайней мере, большинства. Для совершенного и окончательного удостоверения, что послание Ивы не было принято Халкидонским собором, отцы сличили послание к Марию Персу с его вероопределением; из этого сличения с непререкаемою ясностью открылось, что мнения послания отвергались отцами Халкидонского собора. Тогда единодушно послание Ивы было объявлено еретическим:

«Все мы, — воскликнули отцы V Вселенского собора, — осуждаем послание; все мы анафематствуем оное; послание чуждо собору, послание противно определениям, все послание еретическое, все богохульное. Кто его не анафематствует, тот еретик. Кто принимает послание, тот отвергает святых Халкидонских отцов.

Осуждаем и анафематствуем вместе со всеми другими еретиками и Феодора, который был епископом в Мопсуесте и его нечестивые сочинения, и то, что нечестиво написал Феодорит против правой веры, против двенадцати глав святого Кирилла и против Ефесского собора, и что написано им в защиту Нестория. Кроме того, анафематствуем и нечестивое послание, которое написал Ива к Марию, отвергающее, что Бог-Слово, воплотившись от святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался Человеком, и порицающее святую память Кирилла, учившего православно, — как еретика и как писавшего подобно Аполлинарию, и обвиняющее Ефесский собор в том, что им низложен Несторий без суда и следствия, и защищающее Феодора и Нестория и их нечестивые учения и сочинения. Итак, анафематствуем вышеупомянутые «три главы», то есть нечестивого Феодора с его непотребными *сочинениями* и то, что нечестиво написал Феодорит, и нечестивое *Послание*, которое приписывается Иве,

и их защитников, и тех, которые писали или пишут в защиту их, или дерзают называть их православными, или вообще, защищая их, стараются защитить их нечестие именем святых отцов и святого Халкидонского собора».

Таким образом собор осудил лицо и сочинения Феодора Мопсуестского, Феодорита же и Иву не осудил, а анафематствовал только некоторые сочинения первого и послание второго.

Затем, «возжигая свет знания из Божественного Писания и учения святых отцов», отцы собора, кроме помянутого вероопределения, сочли необходимым изложить вкратце по пунктам проповедание истины и осуждение еретиков с их учением. Всех таких пунктов четырнадцать. В первых 11 излагается сущность вероучения, направленного против ересей, осужденных на предшествовавших Вселенских соборах; остальные пункты (— 12, 13 и 14 следующим образом излагают более подробные постановления относительно Феодора Мопсуестского, Феодорита и Ивы: 12) «Если кто защищает нечестивого Феодора Мопсуестского, говорившего, что иной есть Бог-Слово и иной Христос, Который был обуреваем страстями душевными и вожделениями плотскими и отдалялся от более дурного мало-помалу и, таким образом, преуспевая в делах, улучшился и путем жизни стал непорочен, Который крестился как простой человек, во имя Отца и Сына и Святого Духа и чрез крещение получил благодать Святого Духа и удостоился усыновления и по подобию царского изображения принимает поклонение в лицо Бога-Слова и после воскресения сделался неизменяемым в помышлениях и совершенно безгрешным, и еще говорившего, что соединение Бога-Слова со Христом совершилось такое же, о каком говорит апостол относительно мужа и жены: *и будут двое одна плоть* (Еф. 5, 31), и сверх других бесчисленных богохульств дерзнувшего сказать, что когда Господь по воскресении дунул на учеников и сказал: *примите Духа Святого* (Ин. 20, 22), то не дал им Святого Духа, а дунул только образно; говорившего также, что и исповедание Фомы по осязании рук и ребр Господа после воскресения: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20, 28), сказано Фомой не о Христе, но что, пораженный необычайностью воскресения, Фома прославил Бога, возбудившего Христа, и что еще хуже — в своем будто бы толковании на „Деяния апостольские“, сопоставлявшего Христа с Платоном, Манихеем, Епикуром и Маркионом и

говорившего, что как каждый из них, изобретши собственное учение, дал ученикам своим названия платоников, манихеев, епикурейцев и маркионитов, подобным же образом, когда Христос изобрел учение, от Него стали называться христиане, — итак, если кто защищает вышесказанного нечестивого Феодора и нечестивые его сочинения, в которых он излил как вышесказанные, так и другие неисчислимые богохульства против великого Бога и Спасителя Иисуса Христа, а не анафематствует его и нечестивые его сочинения, и всех, которые поддерживают или защищают его и говорят, что он изложил православно, и которые писали в защиту его и мудрствуют, или когда-нибудь мудрствовали подобно ему и до смерти остались в таком нечестии, тот да будет анафема». 13) «Если кто защищает нечестивые сочинения Феодорита, которые он написал против истинной веры и против первого Ефесского святого собора и святого Кирилла и двенадцати его глав, и все, что написал он в защиту нечестивых Феодора и Нестория и в защиту других, которые мудрствовали одинаково с вышесказанными Феодором и Несторием, защищая их и их нечестие, и по причине этого называя нечестивыми учителей церкви, которые исповедуют ипостасное соединение Бога-Слова (с плотью), а не анафематствуют упомянутые нечестивые сочинения и тех, которые мудрствовали и мудрствуют подобно им, и всех, которые писали против правой веры и святого Кирилла и двенадцати его глав и умерли в таком нечестии, тот да будет анафема». 14) «Если кто защищает послание, которое, говорят, написал Ива к Марию Персу еретику, которое отвергает, что Бог-Слово, воплотившись от Святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, а говорит, что от Нее родился человек, которого называем храмом, так что иной есть Бог-Слово и иной человек, и клевещет на святого Кирилла, проповедавшего правую веру христианскую, будто он еретик и писал подобно нечестивому Аполлинарию, и кто обвиняет первый Ефесский святой собор, будто он без суда и следствия осудил Нестория, и кто двенадцать глав святого Кирилла называет (как тоже нечестивое послание) нечестивыми и противными правой вере, и кто защищает Феодора и Нестория и нечестивые их учения и сочинения, итак, если кто защищает упомянутое нечестивое послание, а не анафематствует его и защитников его и тех, которые говорят, что оно правое или часть его, и тех, ко-

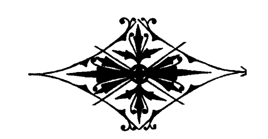
торые писали или пишут в защиту его или нечестия, в нем содержащегося, и дерзают защищать его или заключающееся в нем нечестие именем святых отцов или святого Халкидонского собора и в этом пребывают до смерти, тот да будет анафема».

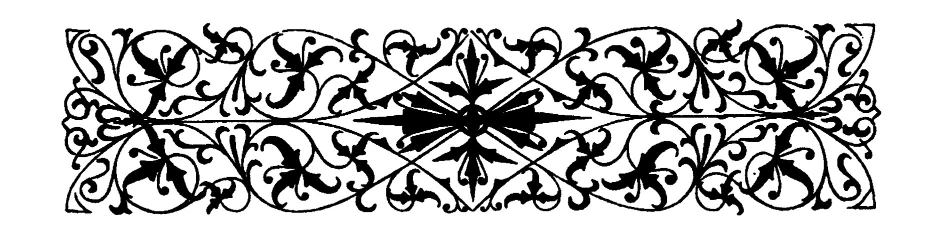
Вместе с делом о «трех главах» отцы собора рассматривали вопрос о заблуждениях Оригена, знаменитого по своим дарованиям церковного учителя III века. Это было сделано во исполнение желания императора, выраженного им в обширнейшем послании к Мине, патриарху Константинопольскому. В этом послании между прочим находится такой перечень еретических заблуждений Оригена, требовавших, по мнению императора, осуждения: 1) Кто говорит или думает, что души человеческие предсуществовали, что они были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою Божественного созерцания, а затем обратились к худшему и чрез это охладели в любви к Богу, отчего и называются душами и в наказание посланы в тела, тот да будет анафема. 2) Кто говорит или думает, что душа Господа прежде существовала и соединялась с Богом-Словом прежде воплощения и рождения Его от Девы, да будет анафема. 3) Кто говорит или думает, что сначала во чреве Святой Девы образовалось тело Господа нашего Иисуса Христа и затем с ним соединились Бог-Слово и душа существовавшего уже прежде, да будет анафема. 4) Кто говорит или думает, что Слово Божие уподоблялось всем небесным чинам, было для херувимов херувимом, для серафимов серафимом и уподоблялось всем вообще высшим силам, да будет анафема. 5) Кто говорит или думает, что тела человеческие в воскресении восстанут шарообразными, и не исповедует, что мы восстанем в правильном виде, да будет анафема. 6) Кто говорит, что небо, солнце, луна, звезды, воды, которые выше небес, суть существа одушевленные и некоторые разумно вещественные силы, да будет анафема. 7) Кто говорит или думает, что Господь Христос распнется в будущем веке за демонов, как и за людей, да будет анафема. 8) Кто говорит или думает, что могущество Бога ограничено или что Он создал столько, сколько мог обнять, да будет анафема. 9) Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец, или что будет после восстановление демонов и нечестивых людей, да будет анафема. 10) Анафема и Оригену, прозванному адамантовым, изложившему

это, вместе с его нечестивым, непотребным и преступным учением, и всякому, кто держится этих мыслей, или защищает их, или каким-нибудь образом когда-либо осмелится повторять их. Послание заключается следующим требованием: «Желая удалить всякий соблазн из святейшей Церкви, так, чтобы в ней не оставалось никакого порока, и последуя Божественному Писанию и писаниям святых отцов, отвергших как самого Оригена, так и его зловредное и нечестивое учение и праведно подвергших его и его учение анафеме, мы посылаем к твоему блаженству это наше послание, которым убедительно просим тебя собрать всех находящихся в этом царствующем городе святейших епископов и боголюбезнейших игуменов здешних честны́х монастырей и устроить так, чтобы все решительно анафематствовали упоминаемого выше нечестивого и богоборного Оригена, прозванного адамантовым, бывшего пресвитером святейшей Церкви Александрийской, и его зловредное и нечестивое учение и все приведенные ниже главы, а также просим тебя копии с того, что будет сделано твоим блаженством по этому поводу, послать ко всем святейшим епископам и игуменам честны́х монастырей с тем, чтобы и они собственною подписью анафематствовали Оригена и зловредное его учение со всеми, какие обнаружатся, еретиками».

Неизвестно, каким образом происходил на соборе разбор и суд над лжеучением Оригена. Знаем только из 1 правила VI Вселенского собора, что отцы V Вселенского собора «Феодора Мопсуестского и Оригена, и Дидима, и Евагрия, возобновивших эллинские басни, соборно предали проклятию и отринули».

В Восточной Церкви, еще до собора склонившейся на осуждение «трех глав», V Вселенский собор не встретил себе противодействия. Не то видим в Церкви Западной, которая и до и во время V Вселенского собора противилась осуждению «трех глав». Лишь спустя полстолетия, при деятельной поддержке самих Римских пап, собор 553 года в Константинополе был признан на Западе наравне с четырьмя предшествующими ему Вселенскими соборами.



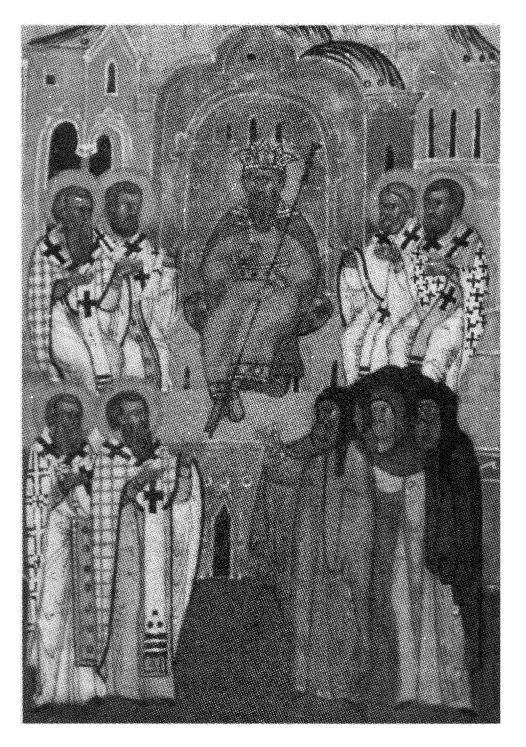


ВОСПОМИНАНИЕ
VI ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

(совершается Православной Церковью 23 января)

Монофизитство, осужденное Церковью на IV Вселенском соборе в Халкидоне в 451 году, продолжало, однако, существовать, имея многочисленных последователей, в VI и VII веках. В последнем веке ересь монофизитская порождает родственную ей ересь монофелитскую, состоявшую в утверждении, что во Христе одна воля и одно действие — Божеское; человеческая же воля и человеческое действие отрицались монофелитами в Богочеловеке. Такое утверждение со стороны монофизитов было вполне естественным делом: учение монофизитов об одной природе, Божественной, во Христе и отрицание в Нем природы человеческой с необходимостью приводило к признанию во Христе одной лишь воли Божественной с отвержением существования у Него и воли человеческой. Современник VI Вселенского собора папа Агафон прямо свидетельствует: «Те, кои сливают таинство святого воплощения, уже тем самым, что исповедуют единое естество (монофизитство) во Христе, составившееся из Божеского и человеческого, стремятся признать в Нем, как едином, единую волю и единое личное действие».

Кроме монофизитов к монофелитству склонились и те из православных, кои, основываясь на учении Церкви о единстве Лица Богочеловека и забывая учение же Церкви о двойстве природ во Христе, приходили к такому заключению: «Господь наш Иисус Христос и по воплощении пребывает в двух совершенных естествах неслитно и нераздельно в одном Лице и одной ипостаси; особенности того и другого естества стеклись в одно лицо, в одну ипостась; поэтому мы ис-



поведуем Христа в новом образе без телесных хотений и человеческих помыслов, исповедуем в Нем одно ипостасное хотение и действие». Но такое утверждение и было монофелитской ересью, а не православным учением, которое признает во Христе две природы — Божескую и человеческую, как природы полные и всецелые, следовательно, с волями Божественной и человеческой.

Монофелитство своим широким распространением обязано императору Ираклию. Видя, что миллионы его подданных исповедуют монофизитство и потому находятся во вражде с православными, император, желавший упрочить единство империи на единении религиозном, хотел примирить православных и монофизитов. Достигнуть этого он думал чрез монофелитское учение, которое, несомненно, должно было явиться приемлемым, как ему казалось, и для монофизитов, учивших об одной природе Божественной во Христе, и для православных; для последних потому именно, что дорогая Православию истина о двойстве природ во Христе, по-видимому, не устранялась монофелитским учением.

Находясь по военным делам с 622 года в Армении и Колхиде, гнезде монофизитства, император вел беседы с видными представителями этого еретического учения о том, не присоединятся ли монофизиты к Православной Церкви под условием провозглашения последнею сродного монофизитству учения об одной воле и одном действии во Христе.

Представители монофизитства, из которых император особенно близко сошелся с митрополитом Колхидским Киром, по-видимому, обнадежили Ираклия, одобрили его план. Император обратился с запросом к Константинопольскому патриарху Сергию, без сомне-

ния еще ранее посвященному императором в его намерения. Сергий отвечал Ираклию в том смысле, что учение об одной воле и одном действии во Христе более согласно с преданием Церкви, чем учение о двух волях и двух действиях.

Унию, или объединение, монофизитов с православными на почве признания теми и другими монофелитского учения решено было начать с Египта, где в то время на триста тысяч православных приходилось пять-шесть миллионов монофизитов. Главным деятелем здесь, при осуществлении целей императора, был Кир, возведенный теперь, конечно, стараниями Ираклия и Сергия, из митрополитов Колхиды в патриархи Александрии. Под надзором Ираклия и Сергия[1], Кир, как человек ловкий, повел дело очень умело. В Александрии к унии примкнули тысячи монофизитов: клирики, сановники и военачальники города вместе с народом в знак своего присоединения к Церкви приняли причастие из рук патриарха Кира. За Александрией почти весь Египет, Фиваида и Ливия «подали руку примирения православным». «Таким образом, — писал Кир Сергию, — составился праздник, как написано, праздник во учащающих до рог олтаревых (см.: слав. Пс. 117, 27), а если сказать правдивее, то не до рог олтаревых, но до самых облаков и за облаками до небесных чинов, радующихся о мире церквей и обращающихся к нему». Но эта «радость» воссоединения монофизитов с Православной Церковью достигалась ужасною ценою — ценою измены Православию. В исповедании веры, изданном Киром в Египте для привлечения монофизитов к Православию, прямо провозглашалось монофелитское

---

[1] Сергий отправил Киру послание с таким рассуждением, развивавшим монофелитское учение: «Следовать учению о двух волях значило бы предположить во Христе две противоположные одна другой воле: волю Бога-Слова, желающего совершить спасительное страдание, и волю естества человеческого, противящегося воле Божественной. И, таким образом, вводить двух желающих противоположного одно другому, что нечестиво. Невозможно, чтобы в одном лице находились вместе две противоположные одна другой воли. Учение святых отцов ясно внушает, что одушевленная плоть Господа никогда не делала своего естественного движения сама по себе и по собственному стремлению, вопреки мановению соединенного с нею Бога-Слова, но делала движение когда, какое и сколько хотел Сам Бог-Слово. Говоря яснее: как наше тело управляется разумною душою, так и во Христе человеческая Его природа руководилась всегда и во всем Божеством Слова, была богодвижима».

учение, продолжавшее собою монофизитскую ересь: «Один и тот же Христос и Сын, — читаем мы здесь, — производил, что прилично Богу и человеку, *одним* богомужным *действием*». Православные поняли это и назвали унию «водяною», как непрочную затею монофелитов. Стремление привить сознанию православных христиан учение об одной воле и об одном действии во Христе вызвало в Церкви, по словам патриарха Сергия, сильные «прения» и «любопрения». Чтобы прекратить эти споры, опасные для унии, патриарх Сергий писал Киру Александрийскому, что «не до́лжно никому позволять проповедовать об одном или двух действиях во Христе Боге». Подобный совет Сергий давал и императору Ираклию. В целях усиления монофелитов, Сергий вступил в сношения с папой Гонорием: Сергий представлял папе действия Кира в Египте делом необходимости, жаловался на поднимающих споры по вопросу о волях во Христе и прямо высказывал, что учение об одной воле и одном действии во Христе предпочтительнее учения о двух волях и двух действиях в Нем. Гонорий, не бывший искусным богословом, запутался в еретических сетях, расставленных ему Сергием. В ответном послании Сергию папа соглашается, что не должно мудрствовать о вопросе, еще не разъясненном соборами, и признает монофелитство за истинное учение: «Мы исповедуем, — говорит он, — в Господе Иисусе одну волю».

Однако несмотря на то, что монофелитство все более и более усиливалось, волнения, порожденные им, не только не угасали, а еще сильнее разгорались, грозя разрушить с таким трудом и искусством налаженную было унию. Чтобы утишить волнения, император Ираклий в 638 году издал следующий, известный под именем «изложения», указ (эктесис): «Мы совершенно не позволяем, чтобы кто-нибудь утверждал и учил об одном и двух действиях вочеловечившегося Господа. Ибо хотя выражение *одно действие* употребляется некоторыми отцами, однако же, для слуха *некоторых* лиц оно чуждо и беспокоит их: таковым кажется, что оно употребляется для того, чтобы подорвать учение о двух природах во Христе, которые соединены в Нем ипостасно. Что же касается до выражения: два действия, оно соблазняет *многих*, ни у кого из отцов не встречается; оно ведет к допущению учения о двух одна другой противодействующих волях во Христе, как будто бы Слово Божие, имея в виду наше спасение, хотело претерпеть страдание за нас, а Его человечество противодействовало этому намерению Его; но это нечестиво и

чуждо христианскому учению; сам нечестивый Несторий, хотя и вводил в учение о Христе учение о двух сынах, но он не дерзал утверждать двух воль в Нем. *Мы должны признавать одну волю Господа нашего Иисуса Христа*, истинного Бога; ни в какое время Его плоть не противодействовала Слову Божию, ипостасно соединенному с нею». Но этот указ Ираклия вместо примирения давал повод к новым раздорам: призывая к прекращению споров об одной и двух волях во Христе, указ в то же время признавал учение об одной воле за истинное. Поэтому все царствование Ираклия наполнено было распрями между монофелитами и православными, не хотевшими исполнять незаконную волю императора. Преемник Ираклия Констанс II тоже думал утишить бурю церковную изданием указа, известного под наименованием «Образца» (типоса): «Так как мы привыкли, — гласил указ, — употреблять всякое старание о том, что служит благосостоянию нашего христианского государства, и в особенности о том, что касается непреложного христианского учения, то мы, узнавши, что наш народ пришел в великое движение, что одни в вочеловечившемся Боге признают одну волю, другие две воли, объявляем: пусть никто с настоящего времени не позволяет себе вступать в споры с другими об одной воле и об одном действии и двух волях и двух действиях; никто не должен возбранять и обвинять тех, кои признают одну волю и одно действие, ни тех, кои признают две воли и два действия. Кто настоящие повеления преступит, тот прежде всего будет подлежать суду страшного Бога; но он также не избегнет наказаний, определенных для презрителей императорских законов. Если презрителем будет клирик или епископ, таковой будет отставлен от должности; если монах — отлучен от Церкви и изгнан из монастыря; если гражданский чиновник и офицер — будут лишены своего достоинства; если частный человек из привилегированного сословия — будет наказан отнятием имущества; если же из низших сословий, то, по телесном наказании, будет сослан в вечную ссылку». Много бедствий причинил указ православным членам Церкви, благодаря ему за исповедание правой веры поплатившимся даже жизнью.

При подобных обстоятельствах, столь благоприятствующих развитию монофелитства, последнее пустило глубокие корни на Востоке. В Церкви Константинопольской, руководительнице всех других церквей Востока, видим, начиная с Сергия, целый ряд других патриархов-монофелитов: Пирра, Павла, Петра. Так, по свидетель-

ству современника, «иерархи сделались ересиархами и вместо мира возвещали народу распрю, сеяли на церковной ниве вместо пшеницы плевелы; вино (истина) смешалось с водою (монофелитскою ересью), и поили ближнего мутною смесью; волк принимался за ягненка, ягненок — за волка, ложь считалась истиной и истина — ложью; нечестие пожирало благочестие. Перепутались все дела Церкви».

В эту тяжкую годину для Православной Церкви Господь воздвиг в ней святых мужей, пылавших ревностию по истине и громко, несмотря на прещения и мучения, вопиявших в защиту поруганной правды; то были святой Софроний, патриарх Иерусалимский, святой Максим исповедник и святой папа Мартин.

Святой Софроний первый выступил на защиту православия в борьбе с монофелитством. Он начал ее, еще будучи простым палестинским монахом. Святой Софроний находился в Египте в то самое время, когда Кир, патриарх Александрийский, обнародовал вышеупомянутую грамоту единения, где открыто провозглашалось монофелитское лжеучение. В святом Софронии Кир встретил ревностного противника своим начинаниям. Святой Софроний явился к Киру и пал пред ним на колена, умоляя не возвещать в церкви учения об одном действии во Христе. Напрасно Кир убеждал святого Софрония встать на сторону монофелитов, доказывая ему, главным образом, что при вопросе о спасении тысяч верующих не должно спорить из-за выражений. Святой Софроний остался непреклонным и, видя в то же время, что Кир твердо стоит на своем решении, он отправился в Константинополь, рассчитывая в патриархе Сергии найти союзника в борьбе с Киром, и, конечно, ошибся в своих расчетах. За свою ревность по вере правой святой Софроний был избран на патриаршую кафедру Иерусалима (ок. 634 года). Окружное послание, которое, по обычаю, святой Софроний разослал другим патриархам с извещением о своем вступлении на кафедру, он начал с указания на опасность, грозящую Церкви от монофелитства: «Отцы! Отцы всеблаженнейшие! Вижу поднявшуюся волну и за волною следующую опасность». Это обширное послание, направленное против монофелитов, написано в духе кротости, обличающей без указания лиц, и с замечательною силою и ясностью излагает православное учение о двух волях и двух действиях во Христе: «Называя Христа состоящим из Божества и человечества, мы пропо-

ведуем, что Он — и Бог и Человек — состоит из двух естеств и двойствен по отношению к естествам, и естественно совершает то, что свойственно тому и другому существу, в силу присущего тому и другому существенного качества и естественной особенности. Как Бог совершал Он Божественное, как Человек — человеческое». Захват Иерусалима магометанами нарушил связь Иерусалимской Церкви с Востоком и лишил святого Софрония возможности действовать на защиту православной истины. В таких стесненных обстоятельствах святой Софроний решил призвать к борьбе с монофелитством Рим. Он поручил исполнить это Дорийскому епископу Стефану. Отправляя Стефана со столь важным поручением для Церкви в Рим, святой Софроний привел его на Голгофу и здесь, на месте крестных страданий Христа Спасителя, заповедал Стефану следующее: «Помни, что ты дашь ответ Распятому на этом самом месте, когда Он придет во славе судить живых и мертвых, если вознерадишь и пренебрежешь опасностью, в которой находится Его святая вера. Соверши то, чего я не могу сделать сам по причине нашествия сарацин, обойди в случае нужды всю вселенную, потщись преодолеть все препятствия, чтобы достигнуть Рима; открой там пред мужами благочестивыми по сущей правде все, что делается в наших странах, и не переставай умолять, пока они не восстанут на поражение врагов веры и совершенно не отвергнут нововведенного учения». Стефан отправился в Рим, где призывал Римский собор к защите попираемой монофелитством истины. Святой Софроний почил около 640 года.

Великий подвиг служения Православию сосредоточился на Востоке, со смертью святого Софрония, в руках святого Максима Исповедника, претерпевшего мучение за исповедание двух воль во Христе Иисусе. Святой Максим занимал при дворе Ираклия высокопочетную должность государственного секретаря; император очень ценил таланты и познания святого Максима. Постригшись впоследствии, святой Максим сделался игуменом одного из константинопольских монастырей; с появлением монофелитства, святой Максим покинул Константинополь, где царь и патриарх покровительствовали лжеучению; он жил частию в Африке, частию в Риме, отдавая всего себя на борьбу с монофелитством. Особенно замечательна деятельность святого Максима на защиту Православия в Африке; здесь, по словам его жизнеописателя, «он утвержал в вере (самих епископов), наставлял и вразумлял, потому что, хотя они пре-

вышали его саном, но мудростью были гораздо ниже его». Здесь же в Африке произошло в 645 году знаменитое публичное прение святого Максима с Пирром, бывшим патриархом Константинопольским, защитником монофелитства; святой Максим одержал решительную и блистательную победу над монофелитством в лице Пирра, что сильно содействовало утверждению Православия в Африке.

Святой Максим подвизался за истину не один — одновременно и частью даже совместно с ним действовал святой папа Мартин. Будучи ранее папским поверенным в Константинополе, святой Мартин на месте зарождения монофелитства ознакомился подробно с сущностью ереси и с действиями монофелитов. Неудивительно, что, сделавшись папой, он явился деятельным борцом с ересью. В 648 году святой Мартин в Латеране, в Риме, созывает многочисленный собор, издавший двадцать правил против монофелитов, утвердивший учение о двух волях и двух действиях во Христе, осудивший патриархов Константинопольских — монофелитов, начиная с Сергия, и два императорских указа — «изложение» и «образец». В это время в Рим прибыл Олимпий, новый экзарх Равеннский, управлявший Италиею от имени восточного императора. Олимпий имел приказание императора побудить всех к принятию «образца», папу же, в случае сопротивления, велено было арестовать. Но Олимпий, сам поднявший в Италии возмущение на императора, конечно, не исполнил поручения последнего. В 653 году вступил в Рим с множеством войска новый экзарх — Феодор Каллиопа. Святой Мартин был болен и, предчувствуя недобрый конец, укрылся в Константиновском храме Спасителя. Узнав от клириков, встретивших экзарха при вступлении в город по приказанию папы, что последний болен, Каллиопа объявил о своем желании наутро в воскресенье приветствовать папу. Множество христиан собралось к воскресному богослужению в храм, где находился болящий папа; Каллиопа, рассчитывавший силою захватить папу, побоялся народа и потому отложил свое посещение под предлогом усталости с дороги. В понедельник Каллиопа с многочисленным войском вступил в храм, предварительно обыскав его и убедившись, что в нем нет оружия и камней, собранных папой, как, было, донесли экзарху. «Гром оружия раздался на месте молитвы». Каллиопа объявил папе приказ императора, по которому святой Мартин должен быть арестован и отправлен в Константинополь, и кафедра его становилась праздною. Из храма святого Мар-

тина перевели во дворец под стражу. Этот перевод папы в заключение совершался при громких безбоязненных возгласах клириков: «Анафема тому, кто думает, что папа изменил или намерен изменить вере; анафема тому, кто не пребудет в правой вере, даже если за это пришлось бы принять смерть». Смятение было столь сильно, что Каллиопа для его усмирения оказался вынужденным объявить, что на Востоке содержится та же самая вера, как и в Риме. Многие из клириков, привязанные любовью к святому Мартину, восклицали: «С ним мы пойдем, с ним мы умрем», выражая этим желание повсюду сопровождать папу. Каллиопа сначала обещал, что с папою будет дозволено отправиться каждому желающему. А затем он тайно вывел святого Мартина из Рима и посадил на корабль, на котором больной папа вынужден был терпеть большую нужду; с ним находилось всего лишь несколько служителей. К тому же путешествие до Константинополя было крайне продолжительно и связано с большими стеснениями для папы. Целый год он прожил в одной гостинице на острове Наксосе, и за все это время, да и то в виде особенной милости, ему дозволили только три раза совершить омовение. Римские клирики, приезжавшие к папе сюда и привозившие необходимое для страдальца, со стыдом и бесчестьем отгонялись стражею, которая себе забирала приносимое святому Мартину. В сентябре 654 года папа был привезен в Константинополь. С насмешками и оскорблениями он был переправлен в городскую тюрьму, где находился в заключении среди самых тяжелых условий девяносто три дня: его болезнь для излечения требовала частых омовений, а ему в первые сорок семь дней заключения не давали даже и холодной воды, не говоря уже о теплой. На девяносто третий день заключения святого Мартина потребовали на суд, куда и принесли его, ввиду крайней телесной слабости, на носилках; однако судьи потребовали, чтобы он давал показания стоя, и открыли допрос вопросом: «Жалкий человек, какое зло тебе сделал император?» Папа молчал. Тогда приведены были лжесвидетели, несправедливо обвинявшие неповинного папу в участии в заговоре экзарха Олимпия против императора. Когда святой Мартин, не желая губить души лжесвидетелей, которых намеревались привести к присяге, начал свое объяснение словами: «В то время как составлен был „Образец“ и послан от императора в Рим», то судьи прервали его: «Ничего не говори о вере, мы сами христиане и православные». На это папа заявил: «Делайте

со мною, что хотите, и чем скорее, тем лучше; знает Бог, что не можете более облагодетельствовать меня, как если отсечете мою голову мечом». О происходившем на суде было доложено императору, который повелел: совлечь со святого Мартина первосвященнические одежды и предать его казни. С папы публично сняли принадлежности первосвященнического достоинства и при этом разодрали ему даже нижнюю одежду, так что он оказался полуобнаженным; затем на шею ему надели железные кандалы и в таком виде в предшествии воина с обнаженным мечом его провели по улицам Константинополя в тюрьму. Здесь от сильной стужи святой Мартин едва не умирал. Господь не судил ему скончаться от мечного посечения. Во дни суда над святым Мартином патриарх Константинопольский Пирр лежал на смертном одре; император Констан пришел его навестить и передал, что папу решено казнить. Умирающий Пирр просил даровать жизнь святому Мартину, хотя для последнего смерть, по его собственному сознанию, была несравненно желательнее. После восьмидесятипятидневного пребывания во второй тюрьме папу отправили в ссылку в Херсонес в Крыму, куда он прибыл в мае месяце. Здесь, среди варваров, святой Мартин терпел ужасную нужду, не имея даже хлеба. К этим физическим страданиям присоединялись душевные, вследствие оставленности друзьями и родственниками из Рима, очевидно опасавшимися сношений с ссыльным папою из рабского страха пред императором. «Я удивлялся и удивляюсь, — пишет папа в одном письме своим друзьям в Константинополь, — безучастию моих друзей и родственников: они совершенно забыли о моем несчастии; кажется, не хотят даже знать, существую еще я на свете или нет. Хотя Церковь Римская и не имеет денег, но она богата, по благости Божией, хлебом, вином и всем, нужным для жизни». «Я надеюсь, — писал также папа в одном письме, — на милосердие Божие, что жизненный путь мой скоро достигнет цели, от Бога предназначенной». Надежда святого Мартина исполнилась: в сентябре 655 года он почил в Господе.

С папою Мартином взят был в Риме и святой Максим Исповедник, подвергшийся, как и святой Мартин, страданиям за веру. Как только корабль, на котором находился святой Максим вошел (в сентябре 654 года) в пристань Константинопольскую, тотчас явился отряд воинов с оружием; с грубым издевательством повлекли воины святого Максима, босого и полуодетого, в мрачную темницу. Отсюда

его не раз вызывали на суд, но судьи, несмотря на все свои хитросплетенные ухищрения, не могли склонить к монофелитству святого Максима: «Делайте со мной, что хотите, — заявил он, — кто как я почитает Бога, тот не боится обид и неправды от людей». Тогда решено было достигнуть хотя только внешнего видимого соглашения монофелитов со святым Максимом. Ему предложено было подписать следующее исповедание веры, которое вместе с монофелитским учением содержало в себе и учение православное: «Исповедуем во Христе две воли и два действия по причине различия естеств, и одну волю и одно действие по причине соединения их». Святой Максим отверг это исповедание, за что и был сослан вглубь Фракии. Отсюда, через некоторое время, его снова приводят в Константинополь и помещают в одном монастыре. На другой день к нему являются два патриция, Епифаний и Троил, и епископ Феодосий. Троил заявил святому Максиму, что они пришли к нему для передачи воли императора: «Скажи нам прежде, исполнишь ли ты волю императора или нет?» — спросил Троил. Святой Максим обещал под клятвою исполнить все, что «государь повелит касательно дел мира сего». Тогда патриций Епифаний сказал: «Вот что государь приказал объявить тебе: так как весь Запад и на Востоке те, которые увлечены в соблазн, взирая на тебя, производят смуты и смятения и не хотят в делах веры иметь с нами общения, то да вразумит тебя Господь принять изданный нами „Образец“ и вступить с нами в общение. Тогда мы лично пойдем к тебе навстречу, открыто пред всеми будем приветствовать тебя, подадим тебе нашу руку, с честью и славою введем тебя в великую церковь (Софийскую), поставим на нашем императорском месте, вместе выслушаем литургию и приобщимся Тела и Крови Христовой, потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только в этом городе, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение с нами, то присоединятся к нам все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения». Святой Максим отвечал: «Поистине, меня все силы небесные не убедят сделать то, что вы предлагаете, ибо какой ответ дам, я не говорю Богу, но моей совести, если из пустой славы и мнения людского отвергну спасительную веру?» После этого ответа святого Максима патриции в ярости набросились на него: они бросили мужественного исповедника на пол, терзали его руками, топтали ногами и оплевали всего. Остановленные в своем бесчело-

вечии епископом Феодосием, патриции перешли к ругательствам и злословию святого Максима, хвалясь при этом своим православием. Так ничем кончились их переговоры со святым Максимом, который опять был отправлен в прежнюю ссылку. Долго томился здесь исповедник в заключении. Но этого мало было для ненасытной злобы мучителей: святой Максим был снова привезен в Константинополь и отвезен в преторию; здесь его били воловьими жилами, отрезали ему до корня язык, отсекли правую руку и изувеченного таким образом провели по всем кварталам Константинополя. После этого святой Максим был сослан в Колхиду, где и окончил свою страдальческую жизнь.

В продолжение почти полувека происходила в Церкви борьба монофелитства с православием, но единения церковного не достигалось; лишь, по отзыву современника, «все дела Церкви перепутались». Оставалось для умиротворения Церкви, покинув несвойственный ей путь насилия и мучительства от светской власти, обратиться к самой Церкви, что и сделал преемник Константа император Константин Погонат, решивший призвать «глаза Церкви — иереев к рассмотрению истины».

Мысль о необходимости созвания Вселенского собора для решения вопроса о монофелитстве созрела у императора Константина Погоната главным образом под влиянием внушений со стороны патриарха Константинопольского Феодора. Старанием императора собор открылся в 680 году. Среди отцов собора наиболее видными по занимаемому ими положению в Церкви или представительству на соборе были Георгий, патриарх Константинопольский, Макарий, патриарх Антиохийский, пресвитер Петр, представитель патриарха Александрийского, и пресвитер Феодор, представитель патриарха Иерусалимского. Император, по обычаю, обратился и к папе Римскому Домну с требованием прислать на предстоящий собор представителей папского престола: «Просим, — писал император, — прислать благопотребных и способных мужей, имеющих познание во всяком богодухновенном писании и обладающих безупречным знанием догматов, мужей, которые бы принесли с собою нужные книги». Послание императора не застало Домна в живых: его получил преемник последнего — папа Агафон. Отправляя своих представителей на собор, папа писал в Константинополь, что он не может прислать, как желал того император, людей ученых, так как по обстоятельствам

времени наука не могла процветать в Риме[1]; в своих представителях, коими были пресвитеры Феодор и Георгий и диакон Иоанн, папа отмечает главным образом глубокую веру. Всех епископов и их заместителей, присутствовавших на соборе, к концу его насчитывалось до ста пятидесяти трех[2]; на первых заседаниях и десяти последующих присутствовал сам император с тринадцатью сановниками — патрициями и консулами. Собор продолжался почти год[3].

Деятельность собора сосредоточивалась, в сущности, на двух главных вопросах: 1) на тщательном исследовании лжеучения монофелитов и 2) на изложении православного учения, направленного против ереси монофелитской.

Заседания собора открылись заявлением легатов папы: «Около сорока шести лет тому назад бывшие в различное время предстоятелями этого царствующего града Сергий, Павел, Пирр и Петр, также Кир, бывший некогда предстоятелем Александрийским, и Феодор, бывший епископом города Фаран, и некоторые другие, последовавшие им, ввели некоторые новые выражения, противные православной вере, и произвели смуты во Вселенской Церкви, исповедуя и уча, что в домостроительстве воплощения единого от Святой Троицы Господа нашего Иисуса Христа одна воля, одно действие, и много раз верноподданный вам наш апостольский престол отвергал это учение, потом умолял и доселе нисколько не успел отвратить их от такого злославного мнения; потому мы просим боговенчанное

---

[1] «Можно ли у людей, — спрашивает папа, — живущих среди народа (бедного) и трудами рук своих с большими усилиями снискивающих себе насущный хлеб, искать полного знания Писаний? Мы сохраняем законно составленные определения святых наших предшественников и святых соборов — сохраняем в простоте сердца и без всякой двусмысленности. Что же касается светского красноречия, то не думаем, чтобы в наше время можно было найти кого-либо, могущего похвалиться высокими познаниями, потому что в наших странах постоянно свирепствует восстание различных народов, которые то борются между собою, то бегут врозь и грабят. Мирского красноречия нет у людей неученых».

[2] Здесь следует заметить, что при определении числа членов собора принято считать сверх бывших самолично в Константинополе еще сто двадцать пять имен епископов, подписавшихся под соборным посланием в Константинополь папы Агафона и занимавших кафедры вблизи Римской Церкви.

[3] Заседания собора в 680 году происходили: 7, 10, 13,15 ноября; 7 декабря; в 681 году: 12—13 февраля; 7, 8, 18, 20, 22, 28 марта; 5 и 26 апреля; 9 августа; 11 и 16 сентября.

ваше могущество: пусть представители святейшей Константинопольской Церкви скажут, откуда явилось это нововведение?» Ответ легатам папы император поручил Макарию, патриарху Антиохийскому, который выступает на соборе как горячий приверженец монофелитства; Макарию, по крайней мере в начале собора, бесспорно сочувствует патриарх Константинопольский Георгий. Исполняя повеление императора, Макарий отвечал легатам папы не только от своего лица, но и от лица Церкви Антиохийской и Константинопольской: «Мы не делали никаких нововведений в учении, но как приняли от Вселенских соборов и святых уважаемых отцов, также от предстоятелей этого святого города Сергия, Павла, Пирра и Петра, также от Гонория, бывшего папы древнего Рима, и Кира, бывшего папы Александрийского, то есть о воле и действии, так и уверовали, веруем и проповедуем и готовы отстаивать это». Император потребовал от Макария доказательства истинности разделяемого Макарием монофелитского учения «из святых Вселенских соборов и святых уважаемых отцов». Поэтому на соборе начато было чтение деяний III и IV Вселенских соборов, решавших вопрос о двух естествах в лице Богочеловека. Когда пресвитер Стефан, ученик патриарха Макария, стал читать из деяний Ефесского собора увещательное слово святого Кирилла Александрийского к императору Феодосию и дошел до слов: «Непоколебимое утверждение нашего царства есть Сам Господь наш Иисус Христос; чрез Него цари царствуют и сильные творят правду, — ибо Его воля всемогуща», то Макарий, оттеняя последнее выражение, воскликнул: «Вот, государь, я доказал, что во Христе одна воля». Собор чрез папских легатов и некоторых епископов отверг такое неправильное истолкование выражения святого Кирилла: «Макарий преувеличенно и неосновательно полагает на основании прочитанного сейчас текста, что в двух естествах Иисуса Христа, в Божестве и человечестве, одна воля. Святой Кирилл, писав эти слова, имел в виду лишь Божественное естество Христа, которое у него общее со Отцом и Святым Духом, а потому всемогущее. Говоря о Божественном естестве Иисуса Христа, Кирилл назвал и волю, принадлежащую этому естеству, всемогущею. Здесь нет речи о том, одна или две воли во Христе». Затем беспрепятственно дочитаны были деяния собора Ефесского и этим закончилось первое заседание. На втором заседании, происходившем, как и первое, в присутствии императора, были читаны деяния IV Все-

ленского собора, причем снова возникают прения между отцами собора и Макарием, патриархом Антиохийским. Когда среди деяний Халкидонского собора читалось послание папы Льва Великого, легаты папы остановили внимание отцов на следующих словах послания: «То и другое естество во взаимном общем и обнаруживает действия, свойственные их природе. Слово действует так, как свойственно Слову, плоть так, как свойственно плоти; одно из них блистает чудесами, другое подвергается уничижениям». «Святой четвертый собор, — заметили легаты по поводу приведенных слов послания, — внес это послание, как утверждение православия и осуждение всякой ереси. Что благоволят сказать на это почтеннейший Макарий и единомысленные с ним боголюбезные мужи?» «Я, — отвечал Макарий, не скрывая своего еретичества, — не исповедую двух действий и не думаю, чтобы святой Лев в этих словах говорил о двух действиях». «Ты полагаешь, — задал вопрос император, — что он исповедовал одно действие?» «Я не говорю о числе, — возразил Макарий, — последуя святому Дионисию, называю Его (то есть Христа) действия богомужным». «Как же ты понимаешь богомужное действие?» — допытывался император. «Я не считаю нужным отвечать», — уклонился от разъяснения Макарий.

На следующем заседании читаны были деяния V Вселенского собора. Здесь отцами собора была установлена подложность документов, которыми, как документами первостепенной важности, монофелиты пользовались в качестве доказательства правоты своего учения. Такими документами, заключавшими в себе монофелитские мысли, были: послание патриарха Константинопольского Мины к папе Вигилию под заглавием: «Слово Мины к Вигилию о том, что во Христе *одна воля*» и две статьи папы Вигилия, адресованные императору Юстиниану и его супруге Феодоре. В этих статьях, между прочим, говорилось: «Анафемствуем и Феодора, бывшего епископа Мопсуестского, как всегда чуждого Церкви, за то, что он не исповедует, что воплотившийся Бог Слово, то есть Христос, имеет одно естество, одно лицо и одно действие». Подложность послания патриарха Мины была раскрыта отцами собора на следующих основаниях: 1) патриарх Мина умер за шесть лет до V Вселенского собора, во дни которого Константинопольским патриархом был Евтихий; 2) послание Мины помещалось на первых трех листах соборных деяний, а эти листы по почерку не были похожи на остальные листы

рукописи, и при том на них отсутствовала нумерация, которая начинается с четвертого листа, коим и полагалось начало подлинным актам V Вселенского собора; отсюда вполне справедливо заключение, что первые, ненумерованные и отличные по почерку, три листа внесены в деяния позднее, а не одновременно с перепискою подлинных актов; 3) в библиотеке патриарха Константинопольского находился реестр посланий Мины, в котором не значилось послания Мины к Вигилию. Подобное же замечено было отцами собора и по отношению к посланиям папы Вигилия Юстиниану и Феодоре. Статьи Вигилия находились в 7-м деянии V Вселенского собора, представлявшем собою особый том с особым счетом страниц. Пятнадцатый лист этого тома был вырван, как открыл осмотр, и заменен новым со статьей Вигилия; лист этот не имел и должной нумерации. Каким же путем произошел подлог?

Отцы собора путем тщательного исследования открыли ту печальную истину, что подложная вставка в подлинные деяния V Вселенского собора обязана своим происхождением Макарию, патриарху Антиохийскому. Член собора епископ Селевкийский заявил, что ранее им был получен от одного военачальника Филиппа экземпляр деяний V Вселенского собора, в котором оказались поддельные статьи папы Вигилия. Из объяснения по этому поводу с военачальником Филиппом епископ узнал, что полученный им от Филиппа экземпляр деяний находился в руках пресвитера Стефана, ученика Макария. В почерке же, которым были сделаны подделки, епископ узнал хорошо известный ему почерк монаха Георгия, тоже ученика Макария. В подтверждение своего заявления епископ представил собору и самый экземпляр деяний с подделками. Указанный епископом Селевкийским монах Георгий был призван на собор; здесь, по требованию отцов, он открыл, что поддельные вставки в деяния V Вселенского собора обязаны своим происхождением, насколько ему, Георгию, известно, Макарию и Стефану: когда между Константинопольским патриархом Феодором и Макарием возник спор о волях во Христе, то Макарий начал переписку статей Вигилия, будто бы найденных им в патриаршей библиотеке; эти статьи Макарий и Стефан и вставляли потом во все списки V Вселенского собора, если только копия им попадала в руки. Из их рук, между прочим, вышел и экземпляр деяний, через военачальника Филиппа перешедший к помянутому Селевкийскому епископу. Вместе с этим

Георгий признался, что и сам он, по приказанию патриарха Макария, занимался подделкой статей Вигилия. Один клирик показал еще, что помянутые подлоги были сделаны и в одном латинском экземпляре деяний V Вселенского собора. После этих показаний, уничтожающих всякое сомнение в виновности патриарха Макария с учениками, собор провозгласил анафему: 1) на подделывателей деяний и 2) на самые подделки.

Закончившееся чтение деяний III и IV Вселенских соборов выяснило, что в этих деяниях, как и следовало того ожидать, нет учения об *одной* воле и *одном* действии в Лице Господа нашего Иисуса Христа. Когда на это было указано патриарху Макарию и его единомышленникам, защищавшим монофелитскую ересь, то последние попросили у императора и собора отсрочки для представления свидетельств из писаний святых отцов, будто бы развивающих монофелитское учение. Император дал отсрочку до следующего заседания. В то же время Константинопольский патриарх Георгий и члены подчиненного ему Синода просили императора ознакомить собор с теми посланиями, которые были адресованы собору, «как от самого папы, так и от его собора». Император дал обещание исполнить и эту просьбу в следующем, четвертом заседании. Это заседание, действительно, и было посвящено всецело чтению послания папы Агафона и другого послания, присланного одновременно с первым от Римского собора, состоявшегося из ста двадцати пяти епископов, подчиненных папе.

Послание папы Агафона представляет собою замечательнейшее богословское произведение VII века. Он с особенною силою и ясностью развивает православное учение о двух волях и двух действиях во Христе; поэтому оно оказало преимущественное влияние на отцов VI Вселенского собора при составлении ими православного исповедания веры относительно спорного вопроса о двух волях и двух действиях во Христе Иисусе. В «деяниях» собора прямо говорится, что отцы его послание папы Агафона приняли «с распростертыми объятиями», как «объяснившие тайну богословия». Послание было написано на латинском языке; поэтому для отцов собора, не знакомых с этим языком, оно было переведено на греческий секретарем и советником императора Диогеном. Главные мысли этого выдающегося по своему значению творения заключались в следующем. За вступлением о поводах, побудивших папу составить Послание, и о

причинах, вызвавших замедление в прибытии на собор делегатов, папа после краткого изложения учения о Святой и Нераздельной Троице переходит к предмету, составлявшему главное содержание Послания, — к учению о Боге-Слове. «Следуя евангельскому преданию, — пишет папа, — мы утверждаем в едином и том же Господе Спасителе нашем Иисусе Христе все двоякое, то есть исповедуем в Нем два естества — Божеское и человеческое; исповедуем также, что каждое из Его естеств имеет естественные свойства: Божеское имеет все Божеские свойства, человеческое — все человеческие, кроме греха. Исповедуя два естества, два естественные хотения и два естественные действия в едином Господе нашем Иисусе Христе, мы не учим, что они противны и враждебны друг другу, не учим, что они разделены как бы на два лица или ипостаси, а говорим, что один и тот же Господь наш Иисус Христос имеет в Себе как два естества, так и два естественные хотения и действия, то есть Божеское и человеческое, что Божеское хотение и действие Он имеет от вечности общие с единосущным Ему Отцом, человеческое же принято от нас вместе с нашим естеством во времени». «Дабы смысл этого истинного исповедания, — продолжает папа, приводя основания, на которых оно зиждется, — открылся умам вашего благочестия из богодухновенного учения Ветхого и Нового Заветов, Сам же Господь в Своих святых Евангелиях открывает в Себе то человеческие, то Божественные свойства, то те и другие вместе, и тем учит верных своих веровать, что Он есть истинный Бог и истинный человек». Приведя затем слова Спасителя: *Отче, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия*, папа сопровождает их следующим толкованием из послания святого Амвросия к Грациану: «Воля, которую Он назвал Своею, есть моя, потому что Он восприял скорбь мою как человек и говорил как человек и потому сказал: *не яко же Аз хощу, но якоже Ты*. Та скорбь, которую Он принял моим способным к страданию естеством, есть моя скорбь». Далее папа приводит свидетельства из творений святого Афанасия Великого, блаженного Августина, святого Амвросия Медиоланского, святого Григория Богослова; из этих свидетельств видно, что, по учению помянутых отцов, каждое из естеств во Христе имеет свое собственное, свойственное ему хотение, то есть или Божеское, или человеческое. И по причине ипостасного соединения естеств и то и другое хотения должны быть признаваемы принадлежащими одному и тому же Господу нашему

Иисусу Христу. Для вящего подтверждения этой истины папа буквально приводит определение Халкидонского собора, а за ним и свидетельство из V Вселенского собора. Свидетельства этих Вселенских соборов, говоря строго, утверждали, собственно, ту лишь истину, что в соединении естеств во Христе Иисусе не уничтожалось их различие. Но, основываясь на этой истине, папа рассуждает таким образом: «Если никоим образом не уничтожилось различие естеств Господа нашего Иисуса Христа, то необходимо, чтобы мы сохраняли это различие во всех свойствах. Ибо тот, кто учил никоим образом не уничтожать различия, тем самым показал, что различие это до́лжно сохранять во всех отношениях. Но если еретики и их последователи признают одно хотение и одно действие, то какое же в них может быть признано различие? Когда утверждают, что в Нем одна воля, то утверждающие это должны признать ее или Божеской или человеческой, или составленной из той и другой, смешанной и слитной, или же признать, что Христос имеет одно хотение и одно действие, как проистекающие из одного составного естества. Во всяком случае, здесь уничтожается естественное различие, которое после чудного соединения святые соборы утвердили и повелели нам сохранять». За этим следуют новые свидетельства из писаний святых Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Илария, Афанасия Великого, Дионисия Ареопагита, Амвросия, папы Льва Великого. Обращаясь к разысканию источника, из которого берет начало лжеучение монофелитов, папа находит такой источник в сочинениях еретиков: Аполлинария[1], Севера[2], Нестория[3], Феодосия Александрийского[4]. Переходя к бли-

---

[1] Папа приводит следующие слова Аполлинария: «Единый Христос возбуждался в деятельности только Божественной волей, вследствие чего мы и признаем одно в нем действие, проистекающее и в чудесах, и в страданиях из одного Его составного естества. Ибо Он есть и исповедуется воплотившимся Богом».

[2] Север, между прочим, говорил: «Поелику один есть Действующий, то одно и действие Его и одно деятельное движение».

[3] В сочинении Нестория «Превосходное наставление» находилось такое место: «Мы сохраняем естества неслитными, соединенными только волею, а не по естеству, и действительно, мы видим, что по равенству достоинства они обнаружили одно хотение, действие и господство».

[4] Феодосий Александрийский в книге к Феодоре Августе пишет: «Осталось признать, что того и другого естества действие одно — обожествленное; одна и та же есть у одного Господа нашего Иисуса Христа свойственная Богу премудрость,

жайшему времени, папа пишет: «Посмотрим, по каким образцам составилось содержание нового учения и на чей авторитет оно опирается. Кир Александрийский в седьмой главе своих определений говорит: „Один и тот же Христос и один Сын совершает, по свидетельству святого Дионисия, одним богомужным действием и Божественные, и человеческие действия". Феодор, бывший епископ Фаранский, в послании к Сергию, епископу Арсинойскому, говорит: „Так как Спаситель есть един и тот же, то и действие у Него, как целого, есть единое". Сергий Константинопольский в послании к Киру Александрийскому говорит: „Вы сказали, что один и тот же Христос совершает Божеские и человеческие действия одним действием, и изложили это благочестиво". В Изложении своем и в других сочинениях он также утверждает, что Господь наш Иисус Христос имеет одно хотение и всякое Божественное и вместе человеческое действие. Пирр в догматической книге и в подписи „изложения" исповедует одно хотение во Христе. Павел, преемник Пирра, в послании к папе Феодору (предшественнику Агафона) исповедует, что Христос имеет одно хотение; преемник его Петр в послании к папе Виталиану исповедует, что он признает и одно и два хотения, и одно и два действия в домостроительстве воплощения». «Кто же, — восклицает папа по поводу этого еретичества Константинопольских патриархов, — не повергнется в печаль и не будет с трепетом взирать на такие угрожающие человеческой жизни сети и с внутренним воплем не обратится к источнику милосердия — Богу — с молитвою об избавлении от ков врага, всюду уготованных для совращения человеческого ума, при виде того, как люди, почитающие себя достойными славы за свои великие познания, впали в сети еретического заблуждения и притом являются непостоянными и колеблющимися в самом заблуждении (колебание разумеется то, что некоторые из лжеучителей выражались и так и иначе, то одну волю исповедуют, то две, то одно действие, то два). Итак, пусть ваше от Бога поставленное величество внимательно рассмотрит оком внутреннего рассуждения, кому из этих учителей должен следовать христианский народ, которого из них учение принять, когда они всех и друг друга взаимно предают осуждению». Послание папа заключает такими словами: «Мы уверены, что не осталось ничего темного и двусмыс-

---

всеведение и знание и по Божеству и по человечеству, потому что мы признаем одно, достойное Бога, действие».

ленного, что могло бы препятствовать вразумлению тех, которые последовали изобретателям нового учения. Ибо и поставлена пред очами сладость духовного разумения, какою дышат речения отцов, и выставляется на вид отвратительный смрад еретический, заслуживающий презрения всех верных. Так как изобретатели нового учения оказались последователями еретиков, а не святых отцов, то и это поставлено на вид. Так как по внушению Божию пред очами вашего благочестия воссияла истина и обнаружилась ложь, то остается, чтобы благочестивыми милостями вашего благовенчанного милосердия не была лишена света своего истина, получив победный венец, а новое заблуждение, его изобретатели и последователи подверглись достойному своей гордыни наказанию. Итак, если предстоятель Константинопольской церкви согласится вместе с нами содержать и проповедовать это неповрежденное апостольское правило веры, то великий будет мир для любящих имя Божие; если же (от чего да сохранит Бог) он лучше захочет охранить недавно введенную другими новизну, то пусть подумает, какой удовлетворительный ответ даст он за такое пренебрежение на Божественном суде Христа. Я умоляю, благочестивейший и милосерднейший Август, и вместе с моею малостью умоляет всякая христианская душа, чтобы вы даровали безнаказанное слово и свободное право всякому желающему говорить и защищать свою веру, дабы все единодушно во все продолжение своей жизни прославляли за такое неизреченное благо ваше императорское величество и единодушно изливали непрестанные мольбы Христу Господу о целости и возвеличении вашей мужественнейшей власти. Верховная благодать да сохранит власть благочестивейших государей и преклонит пред нею боги всех народов». За этим посланием папы Агафона было прочитано приложенное к нему послание собора епископов в Риме, в сущности повторявшее послание Римского первосвященника.

Вслед за этим чтением посланий из Рима император напомнил Макарию Антиохийскому, чтобы последний, согласно обещанию, представил собору свидетельства святых отцов о единой воле в лице Господа Иисуса Христа. Макарий и его единомышленники к следующему заседанию собора представили два свитка под заглавием: «Свидетельства святых отцов, учащие об *одной* воле Господа нашего Иисуса Христа, которая есть также воля Отца и Святого Духа». Два заседания посвящены были выслушиванию этих двух свитков. Третье,

следующее, заседание заключалось в ознакомлении отцов собора, путем чтения, с третьим свитком, еще представленным Макарием и носившим такое заглавие: «Дальнейшие свидетельства о воле». Когда было окончено чтение и этого третьего свитка, Макарию Антиохийскому предложили сказать еще что-либо в добавление. Но Макарий ответил: «Мы считаем, государь, достаточными уже представленные нами свидетельства святых и уважаемых отцов и не желаем представлять ничего другого».

Тогда легаты папы выступили с опровержением доказательств Макария Антиохийского и его сторонников. Легаты начали с такого заявления: «Боголюбезный Макарий и сторонники его: Стефан, ученик Макария, Петр, епископ Никомидийский, и Соломон, епископ Кланейский, — нисколько не доказали одного хотения и одного действия в домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа. Но они исказили и самые эти свидетельства, представленные вашему благочестию и святому собору. Они выдали за свидетельства об одном хотении в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа те, которые относятся к учению об одной воле Троицы, а те свидетельства, которые идут к делу и относятся действительно к домостроительству воплощения Господа нашего Иисуса Христа, они исказили в смысле и выражениях. Поэтому мы просим ваше благочестивейшее мужество, чтобы были принесены из почтенной патриархии этого царствующего града подлинные тексты представленных ими отеческих свидетельств и сличены с свитками, которые представлены ими, и мы покажем, какое в этих текстах сделано ими искажение. Имея же с собою свиток, содержащий многочисленные свидетельства святых и уважаемых отцов, ясно показывающие, что в домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа два естественные хотения и два естественные действия, неслиянно и нераздельно, (имея) также и еретические свидетельства, говорящие об одном хотении и одном действии и благоприятствующие учению Макария, боголюбезного архиепископа Антиохийского, и находящихся с ним, об одном хотении и одном действии, мы просим, чтобы все это прочтено было пред вашим благочестием».

На следующем заседании легаты и представили свидетельства (из писаний отцов Церкви), «которые яснее света показывают два есте-

ственные хотения и два естественные действия в домостроительстве спасения Господа нашего Иисуса Христа». После оглашения на соборе этих свидетельств легаты папы заявили: «Мы нашли бы и могли бы представить много и других свидетельств; но чтобы не утомить ваш богонаставляемый слух, мы почитаем достаточным для доказательства истины и приведенных свидетельств». «Просим, — обратились затем легаты к императору, — богоутвержденное могущество ваше спросить Георгия, архиепископа Константинопольского, и подчиненный ему собор, также и Макария, архиепископа Антиохийского, и подчиненных ему епископов, согласны ли они с содержанием двух прочитанных посланий, то есть с содержанием послания святейшего Агафона, папы апостольского престола древнего Рима, и с содержанием послания подчиненного ему собора?» В ответ на это Георгий и Макарий с единомышленниками просили о выдаче копий с посланий, чтобы сличить «находящиеся в них свидетельства святых и уважаемых отцов с книгами патриархии (Константинопольской), обещаясь в то же время дать ответ «в следующем заседании». В этом следующем заседании Георгий, патриарх Константинопольский, на вопрос отцов собора об отношении его к посланию папы Агафона и собора его епископов, отвечал таким образом: «Видя всю силу посланий, присланных как от святейшего Агафона, так и от его собора, и справившись с книгами святых и уважаемых отцов, находящимися в досточтимой моей патриархии, я нашел все свидетельства, находящиеся в упомянутых посланиях, согласными и ни в чем не разнящимися от книг святых и уважаемых отцов, поэтому соглашаюсь с этими посланиями, так исповедую и верую». Подобное же заявление было сделано и со стороны епископов, подведомых патриарху Георгию.

Но когда спросили патриарха Макария о его исповедании относительно хотений и действий в Христе, то Макарий, не обинуясь, заявил: «Я говорю, что не два хотения или два действия в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, но одно хотение и богомужское действие». Собор потребовал, чтобы Макарий свое еретическое учение подтвердил доказательствами. Макарий сослался на свой свиток, посланный ранее императору. Собор повелел прочесть этот довольно обширный свиток, заключавший в себе «исповедание» еретичествующего патриарха. Сущность этого исповеда-

ния видна из содержания находящейся под ним подписи: «Макарий, милостью Божьею епископ Феопольский[1], диктовавший всю вышеприведенную основу Православия согласно изложению пяти святых и Вселенских соборов и поименно упомянутых мною святых уважаемых отцов, изъяснявших по мере сил своих, что в Господе нашем Иисусе Христе Боге нашем одно хотение и что Он являл нам свое богомужное действие, убежденный внутренно и исповедавший, что нечестиво говорит, будто в одном и том же Христе Боге нашем два хотения». Когда прочтено было «исповедание», то император и собор предложили: «Пусть боголюбезнейший Макарий объяснит, исповедует ли он два естественные хотения и два естественные действия в домостроительстве воплощения Христа Бога нашего».

«Я не скажу, — отвечал Макарий, — что два естественные хотения или два естественные действия в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, хоть бы меня разрубили на мелкие части и бросили в море».

Собор приступил к тщательной проверке свидетельств, заключающихся в представленных Макарием собору сочинениях, причем открылось, что свидетельства из писаний отцов Макарий, в целях хотя бы и недобросовестной защиты своего ересеучения, приводил или в неполном, или искаженном виде. В видах сохранения полного беспристрастия при суждении о еретичестве патриарха Макария собором были подвергнуты рассмотрению и другие его сочинения, которые также оказались исполненными лжеучения. Поэтому сочинения были осуждены. Во все время обсуждения сочинений патриарха Макария и содержащихся в них еретических мнений отцы собора неоднократно обращались к нему с увещаниями исповедовать во Христе Иисусе два естественные хотения и действия, но патриарх Макарий, по выражению «деяний» собора, «шею натянул, как железный нерв, лицо сделал медным, уши заградил от слушания, сердце сделал упорным в непослушании закону». Видя такое упорство еретичествующего патриарха, собор сначала лишил его омофора, а потом произнес такое осуждение:

«Божественное правило отнюдь не дозволяет сидеть на учительском престоле Макарию, состарившемуся в догматах нечестия и не только наполнившему подпольным извращением весь христолюби-

---

[1] *Феополь* было синонимическим словом Антиохии.

вый народ и подделавшему свидетельства святых и славных отцов, но и возмутившему посредством своих писем и посланных людей всех от востока солнца до запада и справедливо и законно лишенному святительского облачения».

Низложенный патриарх предан был анафеме, причем отцы собора положили просить императора об изгнании его из Константинополя. На место Макария на патриарший престол Антиохии избран был Феофан, который затем, в качестве патриарха Антиохийского, принимал участие в дальнейших деяниях собора.

В лице патриарха Макария отцами собора был осужден главный защитник и опора монофелитской ереси.

Но к концу соборной деятельности отцам пришлось иметь дело и с менее видными сторонниками ереси, которые добровольно приходили на собор для защиты своего лжеучения. Из этих прений отцов собора с отдельными монофелитами заслуживает упоминания прение с монахом Полихронием.

В конце одного из последних заседаний собора епископ Прусиадский Дометий доложил собору, что какой-то монах-пресвитер Полихроний, разделяющий еретические воззрения патриарха Макария, с успехом рассевает семена пагубной ереси среди простых, малосведущих в вопросах веры людей. «Не угодно ли вашей святости, — предложил епископ, — чтобы Полихроний прибыл к вам и дал показание относительно своей веры». Собор определил отложить рассмотрение дела Полихрония до следующего заседания. Когда на этом следующем заседании Полихрония, допущенного в залу занятий собора, спросили, как он исповедует таинство воплощения Сына Божия, то получили такой странный ответ: «Я дам исповедание своей веры на гробе мертвеца с призыванием Сына Божия, чтобы Он воскресил его; если же мертвец не встанет, то вот собор и император, — пусть будет со мною, что им угодно». Собор выразил желание знать, какое именно исповедание веры намерен Полихроний положить на мертвеца, чтобы воскресить последнего. Полихроний на это ответил: «Я положу мое исповедание поверх мертвеца, и тогда вы прочтете». Но собор потребовал, чтобы хартия, содержавшая исповедание веры Полихрония, была распечатана и прочтена, а потом уже положена на мертвеца. В хартии оказалось написанным следующее: «Я, Полихроний, приветствую и поклоняюсь кротчайшему

и боговенчанному императору Константину так, как бы я был в его присутствии. И видел я множество мужей в белых одеждах и в середине мужа, о доблести которого я не могу рассказать, который говорил мне: поспешай, скажи императору Константину, чтобы он не выдумывал новой веры и не принимал. И когда я шел из Ираклии в Хризополь и остановился под палящим солнцем, видел я мужа страшного и очень блистающего. Он стал против меня, говоря: кто не исповедует одной воли и богомужного действия, тот не христианин. Я сказал: это определил и премудрый император Константин — одну волю и богомужное действие; он сказал: очень хорошо и богоугодно». Когда хартия была прочтена, отцы собора предложили Полихронию два вопроса: им ли написана эта хартия и ее ли именно желает Полихроний положить на мертвеца, чтобы его воскресить? И на тот, и на другой вопросы Полихроний отвечал в утвердительном смысле. Собор разрешил, после этого, Полихронию исполнить его намерение. И вот, на большой площади города, недалеко от дворца, в присутствии собора, сановников и множества народа, Полихроний положил на одного мертвеца, которого несли в могилу, свою хартию. Несколько часов лежала хартия на мертвеце, но последний не обнаруживал никаких признаков жизни, так что в конце концов Полихроний принужден был сознаться: «Я не могу воскресить мертвеца». Народ поднял крик: «Анафема новому Симону, анафема Полихронию, обольстителю народа». Когда волнение утихло, отцы собора и сановники снова собрались в зале заседания. Все предполагали, что неудача, постигшая Полихрония, расположит его к раскаянию. В надежде на последнее Полихронию снова повторили вопрос: исповедует ли он две естественные воли и два естественных действия в домостроительстве воплощения Сына Божия? К удивлению всех, от упрямого еретика послышался прежний ответ: «Как говорится в хартии, которую я подал и положил на мертвеца, так я верую в одну волю и богомужное действие и другого ничего не говорю». «Кто написал хартию, которую ты подал?» — снова спросил собор. «Я собственною рукою», — опять подтвердил Полихроний. Видя упорство нераскаянного еретика, собор постановил о нем следующее: «После того, как пресвитер и монах Полихроний дожил в своем зломыслии до старости, а ныне, несмотря на наши увещания относительно того, как он мудрствует о вочеловечении Господа на-

шего Иисуса Христа, дерзнул искушать Святого Духа и составил богохульную хартию, не устыдился сказать, что, положив эту хартию на мертвеца, он воскресит ею из мертвых, мы уже предали его в душе анафеме, о которой говорит святой апостол Павел. Но для удостоверения христолюбивых народов, из которых очень многих обольщали в прежнее время и он, и его единомышленники, мы дозволили, чтобы совершилась всенародно его несбыточная затея и безумное и дерзкое предположение. И вот, после того, как принесен был на средину найденный им мертвец, в присутствии нашем и славнейших сановников, и множества христолюбивого народа он положил на мертвеца свое нечестивое сочинение, как предполагал, и очень долгое время, сколько хотел, стоял у этого мертвеца и нашептывал про себя, что думал, пока не сказал, что он ничего не может сделать, постановляем, чтобы он, как соблазнитель и обольститель народа и явный еретик, лишен был всякого священного чина и священнослужения: еретику Полихронию и мудрствующим заодно с ним — анафема; Макарию, Стефану и Полихронию — анафема; Троица низложила этих трех».

В личных беседах с еретиками-монофелитами и разбором их сочинений собор опроверг все доводы, которыми монофелиты хотели защитить свое лжеучение. Теперь, после обличения монофелитской ереси, отцы собора провозглашают истину православия по столь долго волновавшему Церковь вопросу о соединении во Христе Иисусе двух естеств, Божеского и Человеческого.

Указав на повод, которым оно вызвано, определение веры VI Вселенского собора утверждает затем авторитет предшествовавших Вселенских соборов и приводит Символы веры соборов Никейского и Константинопольского. «Конечно, — говорит вслед за этим вероопределение VI Вселенского собора, — для совершенного познания и утверждения православной веры достаточно этого благочестивого и православного символа божественной благодати. Но как искони не бездействовал изобретатель зла, нашедший себе помощника во змие и чрез него привнесший в человеческую природу смертоносный яд, так и ныне, найдя пригодные для собственного своего желания органы, именно: Феодора, бывшего епископа Фаранского, Сергия, Пирра, Павла и Петра, бывших предстоятелей этого царствующего града, и еще Гонория, бывшего папу древнего мира, Кира,

епископствовавшего в Александрии, Макария, бывшего в недавнее время предстоятелем Антиохии, и Стефана, ученика этого последнего, он не замедлил возбудить чрез них соблазн заблуждения, в новых словах посеяв в православном народе ересь одной воли и одного действия в двух естествах единого от Святой Троицы Христа, истинного Бога нашего, (ересь) старающуюся посредством какой-то коварной выдумки уничтожить полноту вочеловечения того же Самого единого Господа Иисуса Христа Бога нашего, бесславно вводящую в нем плоть без воли и деятельности одушевленную духовно». Основываясь, далее, главным образом на послании папы Агафона, также на вероопределении V Вселенского собора, окружном послании Софрония, патриарха Иерусалимского, и послании папы Льва Великого, VI Вселенский собор так выражает православное учение о волях и действиях во Христе:

«Проповедуем согласно учению святых отцов, что в Нем (Христе) два естественных хотения или воли нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно и две естественные воли не противоположные, как говорили нечестивые еретики, да не будет, но человеческая Его воля уступает, не противоречит или противоборствует, а подчиняется Его Божественной и Всемогущей воле. Утверждаем, что в одном и том же Господе нашем, Иисусе Христе, истинном Боге нашем, два естественные действия нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно. Мы признаем две естественные воли и действия (во Христе), согласно сочетавшиеся между собою для спасения рода человеческого».

Провозглашение и утверждение этого соборного вероопределения совершилось 16 сентября 681 года в торжественном заседании собора. На этом заседании присутствовал и император Константин. Когда император предложил отцам собора: «Пусть святой и Вселенский собор скажет, по согласию ли всех епископов провозглашено вероопределение», то в ответ послышались единодушные восклицания отцов: «Все так веруем, все так думаем, все мы подписали по согласию и сочувствию, все веруем православно! Проповедовавшим, проповедующим и имеющим проповедовать одну волю и одно действие в воплотившемся Христе Боге, анафема!» Император обратился к отцам собора с приветственной речью, выражая, между прочим, свою уверенность, что вероопределение собора соответствует истине:

«Мы не избегнем, — говорил император, — с вами суда на страшном судилище Божием, когда Он будет судить живых и мертвых, если вы знаете, что есть какой-нибудь пропуск в вероизложении или если что-нибудь в нем недоговорено». Собор ответил императору речью, в которой выказывалась радость по поводу ниспровержения ереси и утверждения православной истины. «Рим-старец, — говорила речь, — простер тебе (императору) богоначертанное исповедание, хартия превратила в отношении догматов вечер в день, чернила издавали свет, чрез (папу) Агафона говорил Петр (апостол) и вместе с царствующим Вседержителем постановлял ты, самодержец, — ты, богопоставленный. Симоны (еретики), заметные по перью отступления, упали с высоты полета, и памятником этого служит низложение, и вера встает, и согласие народов восстановляется в собственную красоту. *Воздвижеся солнце и луна ста в чине своем* (Авв. 3, 11). Воздвижеся солнце к свету — это значит: ваш ум поднялся к солнцу правды, чисто узрел чистейшего и принес нам оттуда умиротворение. И луна ста в чине своем — это значит: Церковь и невеста Христова одевается в свое благолепие и украшается благочестием и, вполне восстановив чистоту Православия, блистают миру прочным спокойствием».

Копии с деяний собора, по его определению, были доставлены патриархам Римскому, Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому. Римскому папе, кроме того, от собора было препровождено особое послание, в котором Восток с радостью известил Западную Церковь о торжестве веры. «Где произведшие соблазн сокрушенной ереси?» — спрашивает, между прочим, послание и отвечает: «Сняты покровы с лиц, обличены подделки обольстителей. Волк (Макарий) снял с себя кожу и торжественно выступает нагим волком. Истина торжествует, ложь ниспровергнута. Сеятель плевельных догматов отлучен. Пшеница, христолюбивый народ, собрана в одну житницу Церкви Христовой. Свет Православия взошел, тьма скрылась из глаз. Кончилось время траура, печаль превратилась в веселие, скорбь, в радость. Поэтому и мы, сорадуясь церквам Божиим, принявшим благодать мира, взываем по-апостольски: радуйтеся, радуйтеся и паки реку, — радуйтеся (см.: слав. Флп. 4, 4).

Император Константин прилагал все усилия к тому, чтобы вероопределение VI Вселенского собора распространилось и утвердилось

в империи. Сохранился указ его, который был прибит в притворе Софийской церкви в Константинополе для обнародования. Указ этот содержит в себе историю собора и его постановлений и оканчивается таким определением: «Кто любит Бога и желает будущего спасения, тот пусть держится этой православной веры. Если же кто не окажет ревностной любви к Богу и презрит настоящее наше благочестивое объявление, тот, если он епископ или клирик или одет в монашеское одеяние, подвергается извержению; если же состоит в чине должностных людей, будет наказан конфискациею имущества и лишением пояса (знак воинского достоинства); если же находится в состоянии частного человека, будет осужден на изгнание из столицы и вообще из всякого города, и сверх всего этого не избежит наказания от страшного и праведного суда».

О том глубоком, благоговейном уважении, каким пользовались «Деяния» VI Вселенского собора на Востоке, можно судить по следующему событию из царствования преемника Константина Погоната — Юстиниана II.

Подлинный экземпляр актов VI Вселенского собора попал каким-то образом в руки каких-то сенаторов. Об этом узнал император. Находя, что столь великая драгоценность, как подлинные акты собора, должна храниться в царских руках, император созвал собор из патриархов, апокрисиария[1] Римского папы, из митрополитов и епископов, — вообще всех высших духовных лиц, находившихся в Константинополе; приглашены были также на собор: сенат, представители народа, почетная императорская стража и военачальники различных областей. В этом торжественном собрании «Деяния» собора были взяты у сенаторов и прочтены на соборе, а после этого запечатаны и переданы в руки императора во избежание порчи или подмены. При этом император говорил: «Эти бумаги мы всегда будем сохранять неприкосновенными и неизменными; доколе положено Богом пребывать в нас нашему духу».

К деятельности VI Вселенского собора самым тесным образом примыкает деятельность Пятошестого, или Трулльского собора. Определения его Восточною Церковью почитаются наравне с определениями Вселенских соборов. Собор этот носит название Пятошестого потому, что на нем были составлены правила относительно

---

[1] То есть уполномоченного.

положения Церкви и христианской жизни, каковых правил не было составлено на V и VI Вселенских соборах, и поэтому они являются дополнением к их догматической деятельности. Собор был созван в 691 или 692 году в царствование императора Юстиниана II. Заседания его происходили в императорском дворце в Константинополе — в зале, носившей имя Труллы, — отсюда и второе наименование собора Трулльским. Председательствовал на соборе патриарх Константинопольский Павел; кроме него, на соборе присутствовали патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский; представителем Римского папы был митрополит Гортинский (с острова Крита) Василий, имевший полномочие от всей Римской Церкви. Всех отцов, скрепивших деяния собора подписями, было двести тридцать. В «приветственном слове» императору отцы собора так выясняют причины его созвания: «Народ, раздираемый и истощаемый страданиями, происходящими от бесчиния, мало-помалу отторгся от божественного стада, блуждает в неведении и забвении успехов в добродетели, говоря по-апостольски: *Сына Божия попирают, не почитают за святыню кровь Завета и Духа благодати оскорбляют* (Евр. 10, 29); в зрелую пшеницу истины замешались кое-какие остатки языческой и иудейской незрелости». Поэтому собор должен был «обсудить все средства к обращению народа на путь спасения», чтобы «по подобию пастыря Христа разыскать заблудшую овцу по горам, возвратить в дом Его и убедить сохранять заповеди и божественные повеления». Чтобы «отвратить народ от худого и порочного поведения и обратить к лучшей жизни», собор составил целый ряд правил (числом сто два), упорядочивающих 1) отправление богослужения, 2) жизнь клира, 3) монахов и 4) мирян.

Правила Трулльского собора не признаются Западною Церковью, потому что некоторые определения этого собора направлены против обычаев и учения Римской Церкви. Например: собор принимает в руководство Церкви восемьдесят пять апостольских правил, а Западная Церковь принимала только пятьдесят (пр. 2); тринадцатое правило обличает римское учение об обязательном безбрачии священников; пятьдесят пятое правило осуждает посты в субботу, введенные Римской Церковью; восемьдесят второе правило запрещает употреблять в храмах изображение Христа в виде агнца, что было распространено на Западе.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.